Lappo

LIETUVOS STATUTAS

1
1

J. LAPPO

1588 metų LIETUVOS STATUTAS

I tomas

TYRINĖJIMAS

Pirmoji dalis

И. И. ЛАППО

ЛИТОВСКІЙ СТАТУТЪ 1588 года

Томъ I

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Часть первая

KAUNAS : 1934

Akc. „SPINDULIO“ B-vės spaustuvė

Prieš keturiasdešimt metų aš ėmiausi moksliško darbo Didžiosios Lietuvos Kunigaikštystės istorijos srity, rengdamasis mintiniams egzaminams moksliškam magistro laipsniui įgyti. Tuo metu mano mokslo mokytojai, profesoriai V. G. Vasiljevskis ir S. F. Platonovas, paremdami specijalius mano mokslo siekimus, be kitų magistro egzaminams reikalingų klausimų, uždavė man eilę temų ir iš Lietuvos istorijos. Tai istorijai nagrinėti vėliau buvo paaukotas visas tolimesnis mano, kaip mokslo darbininko, gyvenimas.

Mano paties gyvenimo aplinkybės paskutiniais metais buvo susidėjusios be galo nepalankios moksliškam darbui varyti. Mane jau buvo bepagaunanti mintis, kad tas darbas tampa man nebegalimas. Įgytoji per dešimtis metų atkakliu trūsu archyvuose ir bibliotekose medžiaga, o taip pat tyrinėtojo minties darbo rezultatai, man rodėsi, turės likti be naudos mokslui. O žmogui, atidavusiam savo gyvenimą mokslui, kažin ar begali kas nors būti skaudžiau. Bet nuo liovimosi varyti toliau mokslo darbą mane išgelbėjo Lietuva.

Man moralinė mano prievolė liepia sudėti gilios padėkos pareiškimus Ponui Lietuvos Respublikos Prezidentui Antanui Smetonai už jo taurų susirūpinimą suteikti man, kaip senam Lietuvos istorikui, galimumo varyti toliau mokslo darbą. Aš nuoširdžiai dėkingas Ponui Ministeriui Pirmininkui Juozui Tūbeliui už šviesuomenišką jo susidomėjimą mano darbais ir Ponui Švietimo Ministeriui Kastantinui Šakeniui už jo nuoširdžiai labišką nusiteikimą moksliškiems mano tyrinėjimams. Lietuvos Respu-

blikos Vyriausybė ne tik įgalino mane varyti toliau mokslo darbus, bet ir pasiėmė išleisti šį mano veikalą. Už visa tai aš giliai ir nuoširdžiai jai dėkoju.

Šie mano moksliški tyrinėjimai yra bandymas peržiūrėti eilę senų pažiūrų mokslo literatūroj ir tyrinėti klausimus, joj dar negvildentus. Mano darbas yra ne bendrai istorinio pobūdžio, bet specijaliai tyrinėjamo. Kaip tokis, jis visų pirmiausia ir visų daugiausia yra skiriamas mokslininkams specijalistams, kurie domisi Rytų Europos ir ypač Lietuvos istorija. Todėl ir jo išleidimas lietuvių kalba nebuvo tikslus, nes kolei kas lietuvių kalba nėra pakankamai pasklidusi Rytų Europos specijalistų istorikų tarpe. Todėl buvo reikalas išleisti mano tyrinėjimus kita kuria kalba, viena tų, kurios būtinai yra žinotinos kiekvienam tų istorikų. Prie tokių kalbų priklauso literatūrinė rusų kalba. Būtent ta kalba ir tėra labai paranki šiam veikalui išleisti. Patys Lietuvos Statutai, savo originaliniame tekste, buvo parašyti senąja rusų kalba, turėjusia valstybinę lietuviškai rusiškos D. Lietuvos Kunigaikštystės kalbos reikšmę toje gadynėje, kada jie buvo sukurti. Tąja pačia kalba surašyta ir didelė dalis tos gadynės Lietuvos istorijos šaltinių. Nuolatinis vartojimas ištraukų iš tų šaltinių veikalo tekste, jų originaliu pavidalu, o ne pakeista lotyniška grafika, atrodė autoriui būtinu reikalu. Be to, rusų literatūrinė kalba autoriui yra gimtoji kalba, ir būtent tik ja jis galėjo tikriausiai ir išsamiausiai išreikšti savo mintis, o tai itin pageidautina, turint galvoje visai skirtingą nuo viešpataujančių literatūroje pažiūrų išsprendimą šiame veikale visos eilės klausimų.

Nagrinėjimas mūsų dienomis D. Lietuvos Kunigaikštystės istorijos turi dvejopą tikslą ir dvejopą reikšmę — pirmiausia jai pačiai jos nūdieniame valstybiniame ir tautiniame gyvenime, o antra — istorijos mokslui, kaip tokiam, jo moksliškuose lietuvių tautos praeities tyrinėji-

muose. Visai naturalu, kad Lietuvos istorijos veikalai, turį tikslą skleisti istorinių žinių pačiuose lietuviuose, turi būti rašomi lietuviškai. Bet specijalūs tyrinėjamo pobūdžio veikalai stato sau už tikslą paskelbti moksliškų tyrinėjimų, kaip vieno visos žmonijos mokslo, vaisių rezultatus. Savo tikslui tarnauti, žinoma, jie gali tik tuo atveju, jei jų kalba prieinama tam tikros mokslo srities specijalistams mokslininkams, šiuo atveju — Rytų Europos istorikams. Istorinio lietuvių tautos gyvenimo sąlygos pagimdė visą eilę netikrų nuomonių apie jos istorijos rutuliojimąsi, kurie, be to, labai plačiai pasklido. Jų patikrinimas griežtu mokslo tyrinėjimu yra svarbu ne vien tik mokslui. Toks patikrinimas turi milžinišką reikšmę ir nacijonaliniam lietuvių tautos reikalui. Bet moksliško tyrinėjimo rezultatai tik tada bus pasisavinti Rytų Europos mokslininkų istorikų, jei jiems bus prieinama moksliško veikalo kalba. Tik per mokslą tikras lietuvių tautos istorijos supratimas gali įsiskverbti į bendrą visuomenės sąmonę. O to reikšmė Lietuvai ir jos reikalui visai aiški tam, kas tikrai myli lietuvių tautą.

Taigi, šis mano veikalas pirmiausia turi akyvaizdoje skaitytojus specijalistus, tiek lietuvius, tiek ir nelietuvius. Jei atsirastų reikalas jį perdirbti ir išleisti lietuvių kalba platesnei lietuvių visuomenei, aš su dideliu džiaugsmu atlikčiau tą perdirbimą.

Baigdamas šią savo pratarmę, aš negaliu susilaikyti nepareiškęs karštų linkėjimų, kad šis ilgametis mano trūsas suteiktų naudos Lietuvai ir tolimesnio jos istorinio mokslo rutuliojimosi reikalui.

J. Lappo

1934. V. 15
Kaune

Третій Литовскій Статутъ представляетъ собою завершеніе кодификаціонной работы, производившейся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XVI столѣтіи. Уже это одно достаточно опредѣляетъ его научное значеніе. Но въ то же время онъ является тѣмъ сводомъ законовъ, съ которымъ государство Литвы прожило время соединенія съ Польшею по договору Люблинской Уніи 1569 года. Статутовое право, съ исключеніемъ изъ него конституціонныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, пережило раздѣлы соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой и оставалось дѣйствующимъ на территоріи государства Литвы послѣ ея присоединенія къ Россійской Имперіи, вплоть до 1840 года. Оно было въ значительной мѣрѣ рецепировано и Россійскимъ законодательствомъ. Все это выдвигаетъ Третій Литовскій Статутъ на особенно видное мѣсто въ ряду источниковъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго. Но этотъ кодексъ имѣетъ и другое значеніе въ исторіи послѣдняго. Въ его конституціонныхъ законахъ и въ исторіи его составленія и утвержденія — ключъ къ уясненію дѣйствительнаго характера соединенія Литвы съ Польшею по Уніи 1569 года. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что изслѣдованіе, посвященное происхожденію Третьяго Литовскаго Статута, и научно-критическое изученіе его права уже давно стали настоятельно необходимыми. Давно существуетъ потребность и критическаго изданія текста это-

то памятника. Линде еще въ 1816 году настаивалъ на его надобности.

За все время научной работы авторъ изучалъ Литовскіе Статуты постоянно. Но ближайшимъ толчкомъ для того, чтобы онъ занялся спеціально Третьимъ Литовскимъ Статутомъ, явилось предложеніе, сдѣланное ему въ 1912 году академикомъ М. А. Дьяконовымъ, — приготовить критическое изданіе текста этого памятника, которое предполагалось напечатать въ изданіяхъ Академіи Наукъ Россіи. Съ 1912 года и началась работа автора надъ настоящимъ его трудомъ ближайшимъ образомъ. По мѣрѣ ея развитія выяснилось, что изданіе текста невозможно безъ изслѣдованія, посвященнаго изученію происхожденія Статута. Авторъ и сталъ тогда же работать надъ нимъ не менѣе, чѣмъ надъ текстомъ памятника. Вся работа его съ тѣхъ поръ велась въ этихъ двухъ направленіяхъ. Въ настоящее время оказалось возможнымъ приступить къ печатанію ея результатовъ.

Весь настоящій трудъ вылился въ два тома: I — изслѣдованіе о Третьемъ Литовскомъ Статутѣ, II — критическое изданіе его текста. Въ виду того, что томъ изслѣдованія разросся въ своихъ размѣрахъ, его пришлось раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ первая теперь и выходитъ въ свѣтъ. Это изслѣдованіе ставитъ своею задачею выясненіе происхожденія Третьяго Литовскаго Статута. Изученіе происхожденія Статута 1588 года имѣетъ значеніе самостоятельной научной задачи. Однако въ то же время оно должно облегчить и научно-критическую разработку права этого кодекса, которую возьмутъ на себя другіе изслѣдователи.

Въ виду того, что длинный рядъ вопросовъ, связанныхъ съ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ, автору пришлось разрѣшать совершенно несогласно съ существующею о нихъ литературою, онъ считалъ необходимымъ возможно болѣе облегчить читателю провѣрку тѣхъ положеній, которыя имъ высказывались въ его изслѣдованіи. Потому онъ старался не ограничиваться простыми ссылками на соотвѣтствующія страницы цитируемыхъ имъ трудовъ и изданныхъ источниковъ или простымъ указаніемъ листовъ источниковъ рукописныхъ, а въ большинствѣ случаевъ приводилъ и соотвѣтствующіе тексты. Авторъ сознаетъ, что это сдѣлало чтеніе его труда, быть можетъ, болѣе утомительнымъ для читателя не спеціалиста. Но естественное желаніе возможно полнѣе обосновать свои выводы и положенія заставило его на это рѣшиться. Указатели къ настоящему изслѣдованію будутъ даны въ приложеніи ко второй части тома.

Многіе изъ архивовъ и древлехранилищъ, въ которыхъ авторъ собиралъ матеріалы для своего изслѣдованія, въ настоящее время измѣнили свои именованія. Кромѣ того, часть архивныхъ фондовъ и рукописныхъ собраній была перенесена изъ однихъ древлехранилищъ въ другія и даже въ настоящее время составляетъ собственность не того государства, которому она принадлежала въ то время, когда авторъ работалъ надъ тѣми или другими рукописями. Это крайне затрудняетъ обозначеніе рукописей въ цитатахъ. Выяснить новое именованіе старыхъ древлехранилищъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не такъ легко. Еще труднѣе, не побывавъ въ нихъ вновь, безошибочно обозначить рукописи по новому мѣсту ихъ храненія. Въ виду

всего этого, авторъ считалъ наиболѣе удобнымъ обозначать цитируемые имъ рукописные матеріалы по тѣмъ древлехранилищамъ, въ которыхъ онъ надъ ними работалъ, и по тѣмъ сигнатурамъ, которыя они тогда имѣли. Найти соотвѣтствующую рукопись по этимъ указаніямъ, если только она не погибла, не представитъ слишкомъ большихъ затрудненій. Наоборотъ, неправильное указаніе ея храненія въ настоящее время эти затрудненія можетъ значительно увеличить.

Окончаніе многолѣтняго труда заставляетъ съ благодарностью вспомнить учрежденія и лицъ, которымъ авторъ считаетъ себя обязаннымъ ихъ содѣйствіемъ въ его работахъ. Во всѣхъ архивахъ и древлехранилищахъ, въ которыхъ авторъ собиралъ матеріалы для своего изслѣдованія, онъ неизмѣнно встрѣчалъ постоянное вниманіе къ его занятіямъ и любезную готовность имъ всемѣрно содѣйствовать. Съ особенно теплымъ чувствомъ авторъ вспоминаетъ отношеніе къ нему и его занятіямъ въ Библіотекѣ Національнаго Музея въ Прагѣ. Въ теченіе почти десяти лѣтъ онъ постоянно пользовался книжными собраніями этой Библіотеки, а рядъ лѣтъ работалъ въ ней изо дня въ день, неизмѣнно встрѣчая любезность и вниманіе ея администраціи. Въ лицѣ директоровъ Библіотеки Пражскаго Національнаго Музея, профессора Ч. Зибрта(†) и доктора І. Вольфа, авторъ приноситъ ей свою искреннюю благодарность.

Съ глубокою признательностью авторъ вспоминаетъ различнаго рода содѣйствіе, оказанное ему въ его работѣ надъ настоящимъ трудомъ и отдѣльными лицами, а именно И. А. Бычковымъ,

С. А. Бѣлокуровымъ(†), К. К. Висковатымъ, М. А. Дьяконовымъ(†), Тадеушемъ Корзономъ(†), В. І. Креве-Мицкевичемъ, П. В. Никитинымъ(†), Т. А. Сатурникомъ, И. Я. Спрогисомъ(†), В. И. Срезневскимъ, Ѳ. В. Тарановскимъ и А. А. Шахматовымъ(†).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Составленіе и утвержденіе Второго Литовскаго Статута.

Значеніе Второго Литовскаго Статута рядомъ съ Третьимъ. Просьба становъ Великаго Княжества Литовскаго объ исправленіи Перваго Статута и отвѣтъ на нее Сигизмунда Стараго на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года. Виленскій сеймъ 1547 года. Виленскій сеймъ 1551 года. Созданіе Коммиссіи для исправленія Перваго Литовскаго Статута. Виленскій сеймъ 1554 года. Законы о судебныхъ пошлинахъ и о вижахъ-возныхъ какъ образецъ законовъ, вводимыхъ въ дѣйствіе до окончанія составленія проекта Второго Статута. Виленскій сеймъ 1559 года. Виленскій сеймъ 1563 года. Привилей 8 іюня 1563 года объ уравненіи въ правахъ православныхъ съ католиками и его значеніе. Бѣльскій сеймъ 1564 года. Привилей 1 іюля 1564 года объ измѣненіи судебной компетенціи старыхъ урядовъ и его значеніе. Предположеніе о введеніи новаго Статута въ дѣйствіе съ 11 ноября 1564 года. Права сейма Великаго Княжества Литовскаго по утвержденію Литовскаго Статута, установленныя Бѣльскимъ привилеемъ. Минскій военный сеймъ и сеймъ въ Трабахъ. Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ и утвержденіе Второго Литовскаго Статута. Введеніе Статута 1566 года въ дѣйствіе. Итоги изученія составленія и утвержденія Второго Литовскаго Статута. Необходимость дальнѣйшей его „поправы“.

Третій Литовскій Статутъ, утвержденный въ 1588 году, представляетъ собою исправленіе и дополненіе Второго Статута Великаго Княжества Литовскаго. Въ ряду трехъ Литовскихъ Статутовъ Статутъ 1566 года занимаетъ центральное мѣсто. Оно ему принадлежитъ не только въ хронологическомъ порядкѣ ихъ составленія и утвержденія. Второй Литовскій Статутъ, переработавъ основные законы Статута 1529 года, передалъ ихъ въ Статутъ Третій, не внесшій въ нихъ никакихъ существенныхъ измѣненій. Идея шляхетскаго „народа“ и его сословнаго государства, получившая развитіе и утвержденіе въ основныхъ законахъ Литовскаго Статута 1566 года, сохранена бережно и прочно закрѣплена въ Третьемъ Статутѣ. Шляхетское движеніе среднихъ десятилѣтій XVI вѣка отдѣляетъ хронологически и раздѣляетъ идеологически Первый и Второй Литовскіе Статуты. Именно въ эти десятилѣтія боярство и зе-

мянство Великаго Княжества Литовскаго изъ класса военно-обязанныхъ землевладѣльцевъ превратилось въ привилегированное сословіе, въ „народъ-шляхту“, держащій въ своихъ рукахъ судьбы своего государства. Образуя шляхетскія корпораціи по новымъ повѣтовымъ округамъ, выдѣленнымъ изъ стараго областного дѣленія реформою середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, шляхта Великаго Княжества Литовскаго объединилась съ панскимъ классомъ въ общей подсудности шляхетскимъ судамъ и въ общемъ сеймикованьѣ на повѣтовыхъ сеймикахъ, не только обсуждавшихъ дѣла сеймовъ, но и дѣлавшихъ распоряженія въ своихъ повѣтахъ[1]). Права „пановъ“ въ ихъ имѣніяхъ и надъ населеніемъ послѣднихъ были правами и шляхты. Ограниченіе верховной власти монарха, по конституціи Перваго Литовскаго Статута принадлежавшее только радѣ, какъ государственному совѣту и органу панскаго класса, по Литовскому Статуту 1566 года перешло къ вальному двухпалатному сейму, на которомъ съ рѣшающимъ голосомъ стали обязательно участвовать представители повѣтовой шляхты. Третій Литовскій Статутъ получилъ отъ Второго въ готовомъ видѣ не только сословно-шляхетскую идею государства, но и ея реализацію въ учрежденіяхъ и урядахъ Великаго Княжества Литовскаго и въ артикулахъ его свода законовъ.

Этого мало. Правовыя идеи, господствовавшія въ Западной и Центральной Европѣ и выросшія изъ правового сознанія античной древности, были широко усвоены Вторымъ Литовскимъ Статутомъ въ общемъ ихъ содержаніи и въ приложеніи къ отдѣльнымъ явленіямъ жизни Великаго Княжества Литовскаго. Если Третій Литовскій Статутъ предписывалъ судьямъ, въ случаѣ неполноты закона, руководиться „прикладомъ иншихъ правъ хрестіяньскихъ“[2]), то составители Второго Статута къ нимъ постоянно обращались въ своей работѣ, разбирались въ ихъ приложимости къ реальнымъ явленіямъ жизни своего государства, одно изъ нихъ заимствовали, а изъ другого извлекали указанія для самостоятельной работы мысли въ

[1]) О значеніи повѣта послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ (Юрьевъ, 1911), стр. 54—146.

[2]) III Статутъ, IV, 54.

ея деталяхъ или для лучшей редакціи отдѣльныхъ артикуловъ кодекса. Какъ одинъ изъ весьма высокихъ образцовъ законодательнаго творчества XVI столѣтія, Третій Литовскій Статутъ стоялъ на томъ же пути, на который вывели выработку законовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ составители Статута 1566 года.

Техника составленія Второго Литовскаго Статута, выработанная въ десятилѣтія кануна Люблинской Уніи, не могла остаться безъ вліянія и на работы надъ тѣмъ его исправленіемъ, результатомъ котораго явился Статутъ 1588 года. Часть лицъ, трудившихся надъ выработкою Статута 1566 года, принимала участіе и въ составленіи Третьяго Литовскаго Статута. Способъ утвержденія Второго Статута и обязательства, принятыя на себя монархомъ по отношенію къ его „поправѣ", не могли забыться при обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ утвержденіемъ и Статута 1588 года. Наконецъ, основныя и естественныя задачи составленія Литовскаго Статута, т. е. кодификація дѣйствующаго права путемъ сводки изданныхъ къ тому времени постановленій и дополненія ихъ новыми, требуемыми развивавшеюся жизнью законами, осложнялись и въ годы подготовки Люблинской Уніи, и въ годы ея реализаціи, спеціальными задачами опредѣленія отношеній государства Великаго Княжества Литовскаго къ государству Польской Короны. Тѣсная связь исторіи составленія Третьяго и Второго Литовскихъ Статутовъ требуетъ, чтобы до изученія выработки Статута 1588 года мы остановились и на происхожденіи предшествующаго ему кодекса Великаго Княжества Литовскаго.

Просьба объ исправленіи Перваго Литовскаго Статута, утвержденнаго въ 1529 году, была внесена станами Великаго Княжества Литовскаго впервые на Берестейскій сеймъ 1544 года, еще при Сигизмундѣ Первомъ[1]). Станы просили тогда о томъ, чтобы „Статутъ — права", имъ великимъ княземъ „даные", былъ „поправенъ" и „были прычынены" новые артикулы, которыхъ въ немъ не имѣется, но которые въ настоящее время требуются. Станы знаютъ, что рукописи законовъ имѣютъ въ себѣ описки и ошибки переписчиковъ, которыя вводятъ людей въ заблужденіе. Чтобы избѣгнуть этого[2]) и чтобы „спра-

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 120 (арт. 13).

[2]) „абы черезъ писаный Статутъ не были люди омылены".

ведливость ни передъ кимъ не была закрыта", исправленный Статутъ нужно „имъпрымовать", т. е. напечатать. Въ него должны быть внесены и земскіе привилеи „вольностей" становъ, чтобы „всимъ, яко скарбъ посполитый былъ ведомъ, и для тежъ того, абы черезъ старость, моль и иныи прыгоды, которыхъ много естъ на свете, не были скажоны". Великій князь Сигизмундъ Старый, въ своемъ отвѣтѣ на эту просьбу, призналъ надобность „поправенья Статуту и прычыненья многихъ артыкуловъ" и для выполненія этой работы предложилъ станамъ избрать коммиссію изъ десяти членовъ, „яко з Латинъского, такъ и Греческого закону", т. е. изъ католиковъ и православныхъ, которая должна одни артикулы „водлугъ потребы и водлугъ Бога и речы справедливое поправити", а другіе „прычынити", т. е. добавить, составивъ наново. Свою работу коммиссія должна будетъ представить на ближайшій сеймъ и, на что „вся земля" дастъ свое согласіе „черезъ посполитый съемъ" (сеймъ), а также что дозволитъ изъ этого великій князь, то и будетъ утверждено. Что же касается внесенія въ Статутъ земскихъ привилеевъ, то Сигизмундъ Старый не далъ на него своего согласія „для многихъ прычынъ". Онъ при этомъ добавилъ, что, „будеть ли оныхъ прывильевъ потреба земская вказывати, тогды тыи прывилья суть пры панехъ радахъ ихъ милости и ку потребе земъской завъжды могуть быти вказываны"[1]).

Такимъ образомъ, уже въ серединѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія, черезъ какія нибудь пятнадцать лѣтъ послѣ утвержденія Литовскаго Статута 1529 года, надобность его исправленія и дополненія была признана и станами Великаго Княжества Литовскаго, и самимъ великимъ княземъ, этотъ Статутъ утвердившимъ. Составленіе проекта новаго кодекса предполагалось отдать въ руки спеціальной коммиссіи, составляемой вальнымъ сеймомъ; утвержденіе же его принадлежало, послѣ сеймоваго одобренія, великому князю. Пожеланіе напечатанія новаго Статута было высказано станами одновременно съ просьбою объ его „поправѣ". Объясненія отказа Сигизмунда I-го дать согласіе на внесеніе въ Статутъ и полнаго текста земскихъ привилеевъ нужно, конечно, искать въ нѣкоторыхъ ихъ статьяхъ, которыхъ содержаніе или разрушалось уже жизнью Великаго Княжества Литовскаго, или, въ случаѣ ихъ напечата-

---

[1]) Тамъ же, ст. 120—121.

нія, могло осложнить отношенія Сигизмунда Стараго къ Польшѣ, въ которой уже развивалось движеніе экзекуціонистовъ, а въ его программѣ находилась и реализація права Польши на инкорпорацію въ нее Литвы, обѣщанную Ягайломъ и частью его преемниковъ. Значеніе принадлежности къ католической церкви для допущенія къ государственнымъ должностямъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, устранявшее отъ нихъ православныхъ обывателей, и принятіе польскихъ шляхетскихъ гербовъ становились въ эту эпоху уже пережитками эпохи прошлой, и внесеніе потому въ Статутъ Городельскаго акта 1413 года должно было бы нарушить внутренній миръ въ государствѣ, раздѣляя его католическое и православное населеніе, а раздѣленіе по католической и православной церквямъ въ значительной степени совпадало и съ раздѣленіемъ населенія по народностямъ литовской и русской. Что же касается статей земскихъ привилеевъ Казимира Ягеллона и его сыновей, т. е. Александра[1]) и самого Сигизмунда Стараго, то они провозглашали полную государственную самостоятельность Великаго Княжества Литовскаго и его отдѣльность отъ Польши и ставили непреодолимые барьеры для ихъ слiянiя въ одно государственное тѣло, совершенно разрушая возможность инкорпораціи Литвы въ Польшу, на которую притязала послѣдняя. Пусть эти статьи земскихъ привилеевъ вошли своимъ содержаніемъ и въ Первый Литовскій Статутъ[2]), но опубликованіе въ печатномъ видѣ полнаго текста самихъ привилеевъ, во всей неприкосновенности ихъ документальнаго значенія, не могло бы не вызвать среди польскихъ экзекуціонистовъ нежелательнаго для Сигизмунда, какъ короля Польши, шума. Въ виду всего этого, совершенно понятнымъ является сопротивленіе его и въ зна-

---

[1]) Актъ уніи, принятый великимъ княземъ Александромъ въ Мельникѣ въ 1501 году, не былъ признанъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, какъ государствомъ, а потому его провозглашеніе слiянiя его съ Польшею въ единое цѣлое не имѣло для него никакой силы. См. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ (Москва, 1901), стр. 144—147 и Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно (изданіе 2-ое, Москва, 1915), стр. 195—196. Поэтому акта Мельницкой уніи и нѣтъ въ числѣ общеземскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго, вписанныхъ во Второй Литовскій Статутъ. Ср. М. К. Любавскій, Очеркъ исторіи Л.-Р. государства, 2-я страница Предисловія.

[2]) См. особенно третій раздѣлъ Статута 1529 года — „О свободахъ шляхты и о розмноженью Великого Князства Литовского“.

ченіи великаго князя Литовскаго напечатанію земскихъ привилеевъ Великаго Княжества.

Виленскій сеймъ 1547 года, собравшійся уже въ великокняженіе Сигизмунда Августа, вновь занялся вопросомъ объ исправленіи Статута. На немъ станы просили своего великаго князя о приведеніи въ исполненіе постановленія Берестейскаго сейма 1544 года о „поправеньѣ Статута“ и объ избраніи въ установленную имъ коммиссію „на то годныхъ“ пяти „особъ закону Рымского“ и пяти „закону Греческого“. Просьбу о напечатаніи новаго Статута они возобновили также[1]). Сигизмундъ Августъ, такъ же какъ и его отецъ, далъ свое согласіе на исправленіе Литовскаго кодекса. Его отвѣтъ, въ своей части, даже текстуально повторяетъ отвѣтъ Сигизмунда Стараго на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года: „и вже бы есте межы собою тыхъ обрали и меновали и на то способили, которыи бы вамъ того Статуту поправили; а веджо, кгды черезъ тыхъ особъ, на то отъ васъ обраныхъ, оный Статутъ будеть поправенъ, тогды потомъ на перъвомъ сойме, на што вся земля ся зволить, мають оные артыкулы быть уѳалены и прыняты зъ его милости господаръскимъ дозволен[ь]емъ, што ся его милости слушного видети будеть“[2]).

Такимъ образомъ, ко времени Виленскаго сейма 1547 года Статутовая Коммиссія, намѣченная еще въ 1544 году, не существовала, и кодификаціонныя работы по составленію новаго Статута Великаго Княжества Литовскаго не начинались[3]). А между тѣмъ исправленіе и дополненіе Литовскаго свода законовъ и сеймомъ, и великимъ княземъ признавались задачею вполнѣ назрѣвшею и неотложною. Станы на сеймѣ 1547 года просили великаго князя отдѣльные артикулы стараго Статута изъ него „выняти“ или въ него „вписати“, не ожидая начала дѣятельности Статутовой Коммиссіи[4]). Сигизмундъ Августъ старается

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 138 (арт. 4).

[2]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 139.

[3]) М. К. Любавскій объясняетъ задержку въ избраніи станами сейма членовъ Статутовой Коммиссіи тѣмъ, что они уклонялись отъ назначенія ей содержанія путемъ установленія новаго податка и предпочитали назначеніе состава этой Коммиссіи самимъ великимъ княземъ, съ оплатою ея изъ средствъ скарба. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 520—521.

[4]) Такъ, второй артикулъ просьбъ становъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года гласитъ: „Што есте жедали его кролевъскей милости, ижъ, кгды король

сохранять „уѳалу першую статутовую“ [1]), но станы указываютъ ему на нарушенie ея и имъ самимъ [2]).

Коммиссія для исправленія Статута не создалась еще и къ октябрю 1551 года, когда открылся слѣдующій вальный сеймъ Великаго Княжества Литовскаго, собравшійся опять въ Вильнѣ. На этомъ сеймѣ станы вновь просили, „абы Статутъ права посполитого земъского былъ поправенъ а выдрукованъ“, т. е. напечатанъ [3]). Отвѣтъ Сигизмунда Августа на эту просьбу указывалъ на данное уже согласіе въ этомъ дѣлѣ и его отцомъ, Сигизмундомъ Старымъ, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года, и имъ самимъ на Виленскомъ сеймѣ 1547 года, но составъ Статутовой Коммиссіи до сихъ поръ еще не выбранъ станами. Теперь великій князь самъ, посовѣтовавшись съ панами-радою, образуетъ эту Коммиссію изъ десяти членовъ — пять католиковъ и пять православныхъ. Свою работу они должны будутъ закончить къ слѣдующему ближайшему сейму и представить ее на разсмотрѣніе великаго князя и рады, а также и цѣлаго сейма. Послѣ сеймоваго одобренія новый Статутъ будетъ напечатанъ. Работать Статутовая Коммиссія бу-

---

его милость старшый, отецъ его милости, рачылъ васъ з ласки своее за вашы службы таковымъ правомъ и вольностями объдаровати и то въ Статутъ права земъского вписати, ижъ хто за короля Казимера спокойне што держалъ, а за короля Александра нихто ся о то не вспоминалъ, абы то вжо было вечне держано; жебы его кролевъская милость вси выслуги, купли и иныи именья, которымъ кольвекъ обычаемъ отъ предковъ вашыхъ набытыи, и чого предкове вашы и по нихъ вы сами у спокойномъ держаньи за предковъ его милости, короля Казимира и короля Алексанъдра, за отъца его кролевъской милости и за его милости самого шчастного панованья, ажъ до сего часу были, рачылъ росказати все то особливымъ прывильемъ своимъ господарьскимъ на вечъность вамъ потвердити, жебы есте съ потомъки своими на таковыхъ всихъ именьяхъ спокойне были захованы. И который тежъ артыкулъ въ Статуте права земъского естъ описанъ, ижъ его кролевъская милость давности не маеть, вы за то его кролевъской милости просите, абы его милость рачылъ вамъ и въ томъ ласку свою господаръскую оказати а тотъ артыкулъ особливымъ прывильемъ своимъ съ Статута казати выняти, ижъ бы вжо черезъ то никоторое моцы не мелъ, жебы есте за тымъ съ спокойного держанья именей вашыхъ на вечъныи часы не были рушаны“. Р. Ист. Б., XXX, ст. 135-136.

1) Тамъ же, ст. 136-137.

2) Тамъ же, ст. 139 (арт. 5).

3) Тамъ же, ст. 183 (арт. 1).

детъ въ Вильнѣ, а на ея содержаніе станы сейма должны изыскать средства сами[1]).

Несмотря на то, что Статутовая Коммиссія, на которую предполагалось возложить всю „поправу“ Статута, съ внесеніемъ уже ея проекта въ цѣломъ видѣ на разсмотрѣніе сейма, еще не существовала, эта „поправа“ въ дѣйствительности была начата самимъ Виленскимъ сеймомъ 1551 года. Такъ, великій князь далъ свое согласіе на то, чтобы въ земельныхъ тяжбахъ съ имѣніями господарскими примѣнялся общій порядокъ „довода“, т. е. допущеніе къ нему той стороны, которая представитъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей или лучшіе документы[2]). Оставляя одни изъ ходатайствъ становъ объ измѣненіи отдѣльныхъ законовъ Статута 1529 года безъ исполненія[3]), Сигизмундъ Августъ отнесся сочувственно къ другимъ такимъ же ихъ ходатайствамъ, и въ постановленіяхъ Виленскаго сейма 1551 года имѣемъ примѣры утвержденія новыхъ ар-

---

[1]) „Его кролевъская милость, нашъ милостивый панъ, рачылъ вамъ росказати поведити: Ижъ его кролевъская милость добре то рачы паметати, якое постановенье на сойме Берестейскимъ прошълымъ отецъ его кролевъское милости, а по томъ зася его кролевъская милость самъ тутъ же у Вильни, такъ жо на сойме вальномъ, въ таковой же прозбе вашой около поправенья Статуту рачылъ былъ вчынити, ижъ мело обрано быти неколько особъ, людей добрыхъ, веры годныхъ, ростропныхъ и права посполитого и тежъ стародавныхъ звычаевъ тутошнего паньства добре сведомыхъ, которые мели тутъ же у Вильни на певъный часъ засести и Статуту поправити, нижли, ижъ есте сами къ тому ся не мели, за тымъ тая речъ концa ажъ до сего часу не прыняла, а, кгды жъ зася и на сесь часъ о томъ же прозба ку его кролевъской милости отъ васъ естъ, его кролевъская милость на тую прозбу вашу прызволяти рачыть, и маеть его кролевъская милость съ порадою пановъ радъ своихъ обрати и высадити на то пети особъ закону Рымъского, а другую пять особъ закону Греческого, которые мають въ сесь Статутъ добре обачыти и розъважыти и вырозумети то, чого бы потреба была прибавити, альбо убавити, альбо отъменити; — то они мають достаточне списати и на другомъ прышломъ сойме мають передъ его кролевъскою милостью и тежъ передъ ихъ милостью паны радами и передъ всими вами оказати, а на онъ часъ вжо его кролевъская милость, того выслухавъшы, будеть рачылъ росказати оный Статутъ выдруковати и битымъ писмомъ выбити, абы вси вжо одностайное а неотъменъное право свое посполитое ведали и вунътъпенья никоторого въ нимъ не мели; а такъ ижъ бы есте тежъ тому який обычай слушный нашли, отъколь бы тая десеть особъ, черезъ тотъ часъ на той справе тутъ у Вильни мешкаючы, мели мети жывъность“. Тамъ же, ст. 183-184.

[2]) Тамъ же, ст. 184. Ср. Первый Статутъ, раздѣлъ 8, артикулы 1, 2, 4.

[3]) Напр., Р. Ист. Б., XXX, ст. 195—196 (арт. 13).

тикуловъ какъ съ оговоркою объ ихъ силѣ „до поправенья Статуту"[1]), такъ и безъ этой оговорки[2]). Такимъ образомъ, Виленскій сеймъ 1551 года не только сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ созданію Статутовой Коммиссіи, но и повелъ самъ, независимо отъ имѣющей начаться ея работы, исправленіе и дополненіе Литовскаго Статута 1529 года. Работа этой Коммиссіи сразу становилась лишенною полной свободы. Къ проектамъ новыхъ законовъ, составляемымъ ею, сеймъ, какъ стоящая надъ нею инстанція, уже началъ присоединять и совершенно готовые и утвержденные имъ артикулы законовъ, и законы временнаго характера, которые или пріобрѣтутъ значеніе законовъ постоянныхъ по внесеніи въ новый Литовскій Статутъ, или утратятъ свою силу, не найдя своего мѣста въ его артикулахъ. Такое положеніе дѣла не могло обѣщать Статутовой Коммиссіи особенно благопріятныхъ условій ея работы. Ей грозили вторженія въ ея трудъ становъ сейма, а эти вторженія неизбѣжно должны были нарушать и планы занятій ея, и общія идеи, которыя она хотѣла бы вложить въ законодательство Второго Литовскаго Статута.

Какъ бы то ни было, послѣ Виленскаго сейма 1551 года работы Статутовой Коммиссіи начались. Мы не имѣемъ точныхъ указаній на время ихъ начала. Но во всякомъ случаѣ, если Коммиссія и не представила къ слѣдующему вальному сейму Великаго Княжества Литовскаго, который собрался въ Вильнѣ въ исходѣ 1554 года[3]), вполнѣ готовый проектъ новаго кодекса, какъ это было предписано при ея учрежденіи, то работа ея надъ нимъ уже подвигалась впередъ. Отвѣчая на одну изъ

---

1) Напр., Р. Ист. Б., XXX, ст. 194—195 (арт. 11).

2) Напр., тамъ же, ст. 196—197 (арт. 15). О просьбахъ, поданныхъ станами на Виленскомъ сеймѣ 1551 года, и отвѣтахъ на нихъ великаго князя см. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 545—569.

3) Собравшійся въ Вильнѣ въ 1552 году сеймъ былъ собраніемъ пановъ рады, земскихъ урядниковъ, княжатъ и панятъ, и шляхта отказывала ему въ именованіи вальнымъ. Ср. І. Малиновскій, Рада Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Россіи, часть II, выпускъ 2 (Томскъ, 1912), стр. 478—479. Во второмъ приложеніи къ этому труду профессора Малиновскаго данъ списокъ сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго до 1569 года, съ приведеніемъ свѣдѣній объ ихъ дѣятельности. О сеймахъ, обсуждавшихъ и рѣшавшихъ вопросы Второго Статута, см. также соотвѣтствующія страницы въ трудѣ профессора Н. А. Максимейка, Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г. (Харьковъ, 1902).

просьбѣ становъ Виленскаго сейма 1554 года, которая касалась внесенія въ новый Статутъ земскихъ привилеевъ въ полномъ ихъ текстѣ, Сигизмундъ Августъ указалъ, что „Статутъ до конца ешче не справенъ", и, когда онъ „достаточне справить ся", великій князь будетъ имѣть эту просьбу „на ласкавомъ баченью", т. е. милостиво будетъ ее имѣть въ виду[1]).

На соймѣ 1554 года, какъ и на предыдущемъ, станы подали рядъ просьбъ, которыя представляли собою проекты законодательныхъ постановленій, т. е. являлись матеріалами, подлежащими и въ случаѣ ихъ удовлетворенія великимъ княземъ, и въ случаѣ ихъ отклоненія, вниманію Коммиссіи, работавшей надъ составленіемъ новаго кодекса законовъ Великаго Княжества Литовскаго[2]). Утвержденные на сеймѣ, эти проекты получали силу закона и подлежали кодификаціи. Что же касается проектовъ, не получившихъ сеймовой санкціи, то и они во всякомъ случаѣ должны были вызывать обсужденіе Статутовой Коммиссіей, которая не могла уклониться отъ разсмотрѣнія ихъ, ибо проектъ составляемаго ею Второго Статута подлежалъ обсужденію на сеймѣ и послѣдній могъ возобновить свое требованіе для нихъ законодательной санкціи. При такихъ условіяхъ Статутовая Коммиссія не имѣла возможности вести дѣло „поправы" Статута совершенно свободно, сохраняя всю инициативу исправленія артикуловъ Статута 1529 года въ своихъ рукахъ. Она неминуемо должна была постоянно оглядываться на сеймы, собиравшіеся въ годы ея работы, и дѣлить эту инициативу съ ними.

Въ „ухвалѣ", т. е. въ постановленіяхъ, Виленскаго сейма 1554 года имѣемъ примѣры и толкованія старыхъ законовъ[3]), и изданія новыхъ[4]), и сохраненія въ силѣ постановленія предшествующаго сейма[5]), и кассаты такого же постановленія[6]). Но уже производившаяся въ то время работа Статутовой Коммиссіи чувствуется ясно въ просьбахъ становъ и въ отвѣтахъ на нихъ великаго князя на Виленскомъ сеймѣ 1554 года. Такъ,

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 224—225.

[2]) О Виленскомъ сеймѣ 1554 года см. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 577—592.

[3]) Напр., Р. Ист. Б., XXX, ст. 226—228 (арт. 2), или 234—235 (арт. 9).

[4]) Напр., тамъ же, ст.231—232 (арт. 5).

[5]) Напр., тамъ же, ст. 241 (арт. 15).

[6]) Напр., тамъ же, ст. 243—244 (арт. 20).

станы вновь возобновляютъ свою старую просьбу о томъ, чтобы земскіе привилеи „у Статутѣ слово отъ слова уписаны были“[1]); отвѣчая станамъ на отдѣльныя ихъ просьбы, Сигизмундъ Августъ все чаще и чаще указываетъ на то, что сдѣланное на сеймѣ постановленіе будетъ имѣть силу лишь, „покуль достаточъне Статутомъ то ся осмотрыть и водле потребы постановить“[2]). О томъ, что работы Статутовой Коммиссіи, на содержаніе которой станами былъ установленъ податокъ, уже ведутся, станы хорошо знаютъ. Они этими работами весьма интересуются и просятъ великаго князя, не ожидая ихъ окончанія, въ сдѣланное уже Коммиссіею „углянуть, а, естли бы ся што поправило, уѳалить и ку досконалости прывести“[3]). Но Сигизмундъ Августъ отвергъ предложенный ему способъ утвержденія новаго Статута по частямъ, по мѣрѣ изготовленія ихъ Коммиссіей, и рѣшительно высказался за разсмотрѣніе составляемаго ею проекта лишь въ цѣломъ его видѣ, послѣ полнаго окончанія ея работъ[4]).

Но въ двухъ настоятельныхъ ходатайствахъ шляхты, касавшихся суда, Сигизмундъ Августъ и его совѣтники должны были уступить и удовлетворить ихъ еще до окончанія работъ Статутовой Коммиссіи и разсмотрѣнія проекта новаго кодекса въ его цѣломъ. Эти ходатайства касались уменьшенія „пересуда“, взыскивавшагося областными судьями за свои судебныя разбирательства, и учрежденія „вижовъ певныхъ“ по образцу возныхъ Подляшья, съ установленіемъ для нихъ совершенно опредѣленнаго, притомъ достаточно умѣреннаго, вознагражденія за исполненіе ими порученій, возлагаемыхъ на нихъ по нуждамъ и заявленіямъ лицъ. Уже на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года „княжата, панята и все рыцерство“ просили, „абы въ кождомъ дворе его милости господарьскимъ были вижи уставленыи, люди добрыи, веры годныи и прысяжныи, которыи бы за

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 224 (арт. 1).

[2]) Тамъ же, ст. 231 (арт. 4). Ср. ст. 231 (арт. 3 — „ведже и тое постановенье до поправованья Статуту и до другого сойму маеть тръвати“), ст. 241 (арт. 15 — „а ведже и то маеть трвати до поправенья и выволанья Статуту“).

[3]) Тамъ же, ст. 244 (арт. 21).

[4]) „Кгды вже оные особы, обраные на то, всему Статуту Перъвому поправу учынять, хоче его кролевъская милость, въ то вглянувъшы съ паны радами и з вами всими, которые того потребуете, а што слушного уѳалить и выволать росказать его милость рачыть“. Тамъ же.

плату працы своее“ дѣйствовали. Плата эта должна быть умѣренною, безъ „обътяженья“. Эти присяжные вижи одни должны признаваться заслуживающими оффиціально довѣрія суда, и „хто бы ку сведомъю иньшого вижа мелъ, абы то ничого не важыло“, т. е. не имѣло силы [1]). Одновременно съ этою просьбою шляхта на томъ же сеймѣ подала просьбу о томъ, чтобы воеводы, старосты и державцы судили ее „суд[ь]ями поветовыми и съ писаремъ“, а ихъ избирала бы сама шляхта [2]). Обѣ эти просьбы великій князь оставилъ безъ исполненія на сеймѣ 1544 года. Первую изъ нихъ онъ передавалъ „на тыхъ же, которыи будуть Статутъ поправовати“, въ виду того, что признавалъ вопросъ о вижахъ и размѣрахъ ихъ „вижового“, т. е. дохода отъ дѣлъ, очень важнымъ, для обстоятельнаго обсужденія котораго не имѣлось на сеймѣ достаточнаго времени. Вопросъ этотъ отлагалъ Сигизмундъ Старый до „перваго“ сейма, на которомъ онъ будетъ разсмотрѣнъ, и постановленіе „съ прызволеньемъ всее земли у Статутъ“ будетъ вписано. Что касается просьбы о повѣтовомъ судѣ, то отвѣтомъ на нее было простое сообщеніе великаго князя, что онъ „тую речъ коло справъ и судовъ въ поветехъ рачылъ зоставити подле першого постановенья и Статуту земъского, а тепере не видело ся его милости иначей тое справы вчыненое установляти“.

Естественно думать, что различіе отвѣтовъ Сигизмунда Стараго на эти просьбы далеко не было случайнымъ. Просьба объ учрежденіи присяжныхъ вижей имѣла своимъ основаніемъ совершенно назрѣвшую въ судебной практикѣ областныхъ урядовъ потребность. Лица, облеченныя оффиціально признаннымъ довѣріемъ, для осмотра на мѣстѣ обстоятельствъ совершенія преступленій и для засвидѣтельствованія ихъ затѣмъ передъ урядами, были необходимы, независимо отъ того, передъ старымъ ли судомъ или передъ новымъ, котораго домогалась шляхта, будетъ имѣть мѣсто ихъ удостовѣреніе. Эта просьба могла быть признанною безъ соціально-политической подкладки, которая ясна въ просьбѣ шляхты объ учрежденіи выборныхъ шляхетскихъ судовъ. Великій князь и его рада еще держались въ то время стойко въ отстаиваніи своихъ старыхъ правъ въ области мѣстнаго суда и не сдавали еще своихъ по-

---

[1]) Тамъ же, ст. 126—127 (арт. 20).

[2]) Тамъ же, ст. 127—128 (арт. 21).

зицій шляхетскому движенію. Потому просьба объ учрежденіи выборныхъ судовъ въ воеводствахъ и староствахъ-державахъ была отклонена въ 1544 году рѣшительно, просьба же объ учрежденіи присяжныхъ вижей была лишь отложена въ видахъ лучшаго обсужденія ея исполненія.

Крайняя неудовлетворительность положенія дѣла освидѣтельствованія и удостовѣренія передъ урядами обстоятельствъ преступленій и судебныхъ „справъ" была очень выпукло засвидѣтельствована представителями шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1547 года. Они жаловались, что „панове старосты, державъцы и ихъ наместники" постоянно даютъ „вижами людей простыхъ, веры не годныхъ, то естъ мешчанъ, мужиковъ тяглыхъ, а частокроть и холопъю невольную, а вижованья беруть собе врядники старостины и державъцыны по дванадцати грошей, и таковыи вижы тымъ лепей посветчать, которыхъ дорожей перекупять, за чымъ же многокроть и справедливый чоловекъ, справедливости своее доходечы, въ шкоду впадаеть". Шляхта просила объ избраніи отъ трехъ до пяти присяжныхъ вижей при судьяхъ повѣтовыхъ и объ опредѣленіи для нихъ вознагражденія не болѣе, какъ по грошу за милю ихъ поѣздокъ для освидѣтельствованій [1]). Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ на эту просьбу, что онъ, согласно „уѳалѣ" предшествующаго Берестейскаго сейма, передаетъ разрѣшеніе вопроса о вижахъ тѣмъ, „хто Статутъ поправовати будеть" — „а тыи на онъ часъ нехай бы тому слушный посредокъ и постановенье нашли и его кролевъской милости при ономъ поправеню Статуту то ознаймили, а его милость на онъ часъ на то призволити рачыть, што ся его милости слушного а годного видети будеть".

1) „за што жъ просите, абы въ кажъдомъ повете при суд[ь]яхъ поветовыхъ были обраны по тры, по чотыри, альбо по пяти, колько будеть потребъ бояре, люди добрыи и веры годныи, не подозреныи, въ томъ же повете оселыи, которыи бы вижъми присяжными были и всякіи бы вашы потребы [справовали], а за працу свою ижъ бы большъ вижованья не брали, одно на милю по грошу. А надъ то, ижъ што въ Статуте описано, ижъ вижомъ пановъ воеводъ и пановъ маршалъковъ и старостъ вижованья по полтине грошей, а вижомъ наместъниковъ ихъ по полукопъю, што естъ з немалою шкодою и обътяжливостью вашою, для которыхъ же непотребъныхъ прикладовъ врядовыхъ многіи з васъ мусять и властъныи истизны свои опускати, и просите, абы таковые вижованья або выстановены были, або ижъ бы его кролевъская милость восполокъ съ паны радами ихъ милостью иншый который обычай тому знайти и постановити рачылъ". Тамъ же, ст. 145—146 (арт. 10).

На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1547 года была представлена Сигизмунду Августу и просьба объ учрежденіи избираемыхъ шляхтою повѣтовыхъ судей. На эту просьбу послѣдовалъ отказъ великаго князя со ссылкою на отклоненіе ея его отцомъ на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года[1]). Возобновленіе этой просьбы на Виленскомъ сеймѣ 1551 года привело къ нѣкоторому развитію постановленій Перваго Литовскаго Статута о судьяхъ въ повѣтахъ[2]), но съ оставленіемъ назначенія ихъ въ рукахъ воеводъ и старостъ, „яко естъ у Статуте описано“[3]). Однако, оставляя старый порядокъ организаціи суда въ областяхъ, великій князь не могъ не признавать его отдѣльныхъ недостатковъ, и въ частности его дороговизны для шляхты. Указаніе на то, что старый размѣръ „пересудовъ“ въ десять процентовъ „отъ сумы презысканое“, взыскивавшійся еще со временъ великаго князя Витовта, былъ слишкомъ великъ, Сигизмундъ Августъ не могъ „мимо ушы свои паньскіе такъ даремне пустити“. Послѣ обсужденія дѣла съ панами-радою онъ уменьшилъ „пересуды“ вдвое и опредѣлилъ размѣры судебныхъ пошлинъ и штрафовъ въ сеймовомъ постановленіи. Къ этому постановленію было добавлено и другое, касающееся „винъ“ и наказанія „забойцевъ“[4]). Что же касается возобновленной и на сеймѣ 1551 года просьбы о повѣтовыхъ присяжныхъ вижахъ,

---

[1]) „Ижъ его милость, маючы то при памети своей, же есте коло таковыхъ судей поветовыхъ и на прошломъ вальномъ сойме въ Берест[ь]и ихъ кролевъскей милости просили, про то его кролевъская милость и теперъ тую прозбу вашу водле того жъ зоставовати рачыть, яко естъ въ Берестьи на сойме отъ отца его милости съ паны радами ихъ милостью намовена и постановена и вамъ ознаймена, то естъ, ижъ тая речъ о суд[ь]и поветовыи маеть справована быти водле першого застановенья и Статуту земъского, яко коло того въ Статуте естъ описано“. Тамъ же, ст. 145 (арт. 9).

[2]) I Статутъ, VI, 3.

[3]) Первый Статутъ VI, 3 постановляетъ, что воеводы, старосты и державцы должны въ своихъ повѣтахъ „обрати двохъ земляниновъ, людей добрыхъ а годныхъ веры, и ку присязе привести“, и, въ случаѣ разбора дѣла не ими самими, эти земяне должны вмѣстѣ „съ наместники и маршалки тыхъ пановъ врадниковъ“ творить судъ „водле тыхъ писаныхъ правъ, которые есмо всей земли дали“, т. е. на основаніи законовъ Литовскаго Статута. Постановленіе Виленскаго сейма 1551 года устанавливаетъ сессіи этихъ судовъ по четыре раза въ году, „на Семую Суботу и на Светый Крижъ а на Светую Луцыю, а въступивъшы въ постъ на перъвой недели“, и вноситъ дополненія къ Первому Статуту по части ихъ организаціи. Р. Ист. Б., XXX, ст. 185—186 (арт. 2).

[4]) Тамъ же, ст. 188—191 (арт. 4).

то она получила свое разрѣшеніе въ томъ видѣ, въ какомъ и было воспринято назначеніе вижей-возныхъ Вторымъ Литовскимъ Статутомъ. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года шляхта просила, „абы въ поветехъ вижи были прысяжныи, шляхъта оселая, по тому уставены, яко возьные на Подъляшью, и на таковомъ же доходе ихъ“. На эту просьбу послѣдовало согласіе великаго князя, который постановилъ, что воеводы и старосты повѣтовые „по всему паньству Великого Князства, въ Жомойти и на Волыню“, должны „обрати и постановити вижовъ только, колько потреба будеть, людей добрыхъ, веры годныхъ, шляхъту оселыхъ, которые мають передъ ними прысягу вчынити, ижъ што кольвекъ будуть видети альбо слышети, то все справедливе, никому не ѳолкгуючы, мають передъ правомъ альбо передъ книгами судовыми сознавать и светъчыти; и мають тыи вижы при томъ вижованьи своемъ мевати пры собе завъжъды сторону, людей добрыхъ, водле давного обычаю; а за ихъ працу и за пріездъ маеть имъ плачоно быти на кожъдую милю по грошу......“[1]). Въ этомъ постановленіи 1551 года имѣемъ въ сущности созданною ту организацію уряда вознаго, которая была принята и Вторымъ Литовскимъ Статутомъ[2]). Хотя въ „отказѣ“ Сигизмунда Августа еще не встрѣчаемъ самаго именованія присяжнаго вижа „вознымъ“, но оно уже находится въ текстѣ просьбы шляхты, на которую давалъ свой отвѣтъ великій князь.

На Виленскомъ сеймѣ 1554 года шляхта вновь представила Сигизмунду Августу просьбы объ учрежденіи въ каждомъ хоружествѣ выборнаго шляхетскаго суда „подле звычаю Подъляшъское земли“ и объ установленіи „на кожъдомъ уряде“ присяжныхъ вижей. На первую изъ этихъ просьбъ великій князь отвѣчалъ съ ясно замѣтнымъ раздраженіемъ въ текстѣ своего „отказа“. Великій князь указалъ, что шляхта на каждомъ сеймѣ возбуждаетъ вопросъ о выборномъ шляхетскомъ судѣ. Вопросъ этотъ переданъ Сигизмундомъ Августомъ въ Статутовую Коммиссію[3]). Сдѣлавъ въ своемъ отвѣтѣ шляхтѣ рядъ

---

[1]) Тамъ же, ст. 191 (арт. 5).

[2]) II Статутъ, IV, 4—5.

[3]) „На то его кролевъская милость казалъ вамъ поведети: Ижъ отъ выдан[ь]я Статуту черезъ отъца его милости, славное памети Жикгимонъта, короля и великого князя, на кожъдомъ сойме о таковыхъ правныхъ потреб[ах]ъ зменъки чыните и што коли на сойме постановено коло справедливости, тог-

постановленій касательно областного суда, великій князь въ своемъ „отказѣ" шляхтѣ говоритъ и о присяжныхъ вижахъ, что онъ прикажетъ воеводамъ, чтобы они, „кожъдый у своемъ повете", установили „вижовъ", и шляхта должна сама, „обравъшы вижовъ веры годныхъ, паномъ воеводамъ оповедети, а ихъ милость таковыхъ на то уставять"[1]). Изъ этого великокняжескаго отвѣта о вижахъ слѣдуетъ, что присяжные вижы, учрежденные въ 1551 году, еще не функціонировали при областныхъ урядахъ. Но тотъ же отвѣтъ Сигизмунда Августа признаетъ должность вижа-вознаго замѣщаемою лицами, избранными шляхтою. Второй Литовскій Статутъ говоритъ, что возныхъ должны избирать и назначать воеводы и староста Жомойтскій, ничего не прибавляя объ участіи шляхты въ избраніи кандидатовъ на „возновство"[2]). Отсюда естественно заключить, что Статутовая Коммиссія при кодификаціи сеймоваго постановленія 1554 года о возныхъ-вижахъ его нѣсколько измѣнила, оставивъ назначеніе возныхъ полностью въ компетенціи воеводъ и Жомойтскаго старосты.

Въ книгахъ Слонимскаго повѣтоваго суда за 1555 годъ сохранилась устава о доходѣ судей, писаря и вознаго за отправленіе ими своихъ должностныхъ обязанностей. Въ ней опредѣляется „пересудъ" судьямъ отъ копы грошей въ три гроша, а отъ „презыску" десяти грошей въ полгроша, т. е. тѣ пять процентовъ, которые, какъ мы видѣли выше, были установлены на Виленскомъ сеймѣ 1551 года. Въ той же уставѣ точно обозначены цифры вознагражденія писаря и вознаго, при чемъ послѣднему назначено по грошу за милю пути, который ему нужно будетъ проѣхать или пройти, „буде возный съ права посланъ, або отъ кого будетъ взятъ"[3]). Это именно та циф-

ды зъ ухвалы а прозбъ всихъ васъ, яко жъ вже и на поправенье Статуту высажоны суть особы менованые, которые кгды то постановять, на што суть обрани, его кролевъская милость зъ ихъ милостью паны радами въ тую справу ихъ углянути и то, што ся слушного ку лацънейшой отъправе справедливости вашое видети будеть, его милость уѳалити рачыть. А до того часу будете ся справовати по тому, яко на прошломъ сойме уѳалено и постановено коло судей и вижовъ прысяжъныхъ, и ма за то его кролевъская милость, ижъ бы есте могли перестати на той уѳале прошлого сойму, кгды бы есте въ то пильне углянули........" Р. Ист. Б., XXX, ст. 228—229 (арт. 3).

[1]) Тамъ же, ст. 229.

[2]) II Статутъ, IV, 4.

[3]) А. З. Р., III, № 16.

ра, которая была установлена на Виленскомъ сеймѣ 1551 года. Конечно, эта устава была послана не въ одинъ Слонимскій повѣтъ, а во всѣ дореформенные повѣты Великаго Княжества Литовскаго. Въ ней мы, такимъ образомъ, имѣемъ сообщеніе соотвѣтствующимъ урядамъ закона, постановленнаго въ то время, когда работала Статутовая Коммиссія. Можно думать, что, разсылая его по Великому Княжеству Литовскому, государственная канцелярія, прежде чѣмъ передать его для экспедиціи въ скарбъ, сносилась о немъ со Статутовой Коммиссіей, а возможно, что получила отъ нея и выработанный его текстъ. Было ли это такъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ передъ нами въ уставѣ 1555 года о доходахъ судей, писарей и возныхъ примѣръ новыхъ законовъ, вступавшихъ въ дѣйствіе во время работъ Статутовой Коммиссіи. Эти законы создавались безъ какой либо ея иниціативы. Ихъ было далеко не одинъ. Законодательное творчество сеймовъ, движимое иниціативою шляхты, рады или самого великаго князя, развивалось, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что выработка новаго кодекса и законовъ, въ него входящихъ, какъ будто бы и была передана въ руки Статутовой Коммиссіи.

На Виленскомъ сеймѣ 1559 года станы опять подали великому князю „прозбы свои на писме“, по своему содержанію относящіяся „до Статуту нового“. На эти просьбы послѣдовалъ такой отвѣтъ Сигизмунда Августа: „О томъ Статуте вжо певное постановенье на листе его кролевъской милости вамъ дано, а такъ вси тые речы до того сойму пришлого — все, што въ листе описано, отъкладати рачыть его кролевская милость“[1]). Изъ этого отвѣта ясно, что великимъ княземъ уже было выдано оффиціальное сообщеніе о работахъ по исправленію Статута, которыя близились къ концу[2]). Надо думать, что эти работы Статутовой Коммиссіи въ общемъ видѣ были закончены

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 270 (просьба 1).

[2]) М. К. Любавскій (Л.-Р. сеймъ, стр. 598) усматриваетъ въ приведенномъ нами текстѣ отвѣта Сигизмунда Августа, что „господарь въ принципѣ согласился на удовлетвореніе этихъ просьбъ и выдалъ станамъ сейма особый листъ, отложивъ исполненіе просьбъ до будущаго сейма“. Мы видимъ въ данномъ великокняжескомъ отвѣтѣ слѣдованіе тому же пути, который былъ совершенно опредѣленно обозначенъ Сигизмундомъ Августомъ въ его отвѣтѣ на сеймѣ 1554 года, т. е. пути разсмотрѣнія и утвержденія проекта новаго Статута въ цѣломъ его составѣ, а не по частямъ.

ко времени слѣдующаго сейма, собравшагося въ ноябрѣ 1561 года въ Вильнѣ. Но этотъ сеймъ, все вниманіе котораго должно было сосредоточиться на утвержденіи условій присоединенія Ливоніи и на подготовкѣ военныхъ силъ и средствъ для борьбы за нее съ Москвою, не имѣлъ времени заняться разсмотрѣніемъ проекта Второго Статута. Оно было отложено до слѣдующаго сейма, который былъ созванъ въ Вильну на 12 мая 1563 года. Однако и этому сейму не было дано возможности заниматься дѣломъ Статутовой „поправы“. Въ январѣ 1563 года началось наступленіе Московскихъ войскъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, 15 февраля ими былъ взятъ Полоцкъ, коренная Литва и Жомойть находились уже подъ угрозою опустошенія войсками Ивана Грознаго. Перемиріе, заключенное до Успеньева дня (15 августа) 1563 года, лишь на самое короткое время пріостанавливало военныя дѣйствія. Оно было продлено еще на нѣсколько мѣсяцевъ, но въ январѣ 1564 года война опять возобновилась. Дѣло Статутовой „поправы“ при такихъ условіяхъ должно было неизбѣжно задержаться, и время для „поправенья и уѳаленья того Статуту“ было назначено на сеймѣ 1563 года въ двадцати недѣляхъ послѣ роспуска великимъ гетманомъ войскъ Великаго Княжества Литовскаго въ томъ же 1563-мъ году[1]).

На Виленскомъ сеймѣ 1563 года Сигизмундомъ Августомъ былъ выданъ 8 іюня привилей, которымъ „починаються привилеи, до Статуту выданые и справованые“. Эти привилеи присоединены были затѣмъ къ тексту Второго Статута и сохранились въ его рукописныхъ экземплярахъ какъ его составная

---

[1]) „Статутъ правъ земъскихъ нововчиненый, подлугъ уѳалъ сойму прошлого, которий его кролевская милость рачилъ вамъ, всему рыцерству, обывателемъ панства его кролевское милости Великого Князьства Литовского, з ласки своее господаръское казати выдати напервей ку поправленью отъ всихъ становъ, а ижъ на тотъ часъ небеспечный отъ непріятеля его кролевское милости и речи посполитое Литовское подъ рушеньемъ военнымъ всихъ земль панства тутошнего Великого Князьства Литовского тотъ Статутъ правъ нововчиненыхъ и выданыхъ прозренъ и згодне отъ всихъ становъ ревидованъ а поправенъ быти не можеть, про то его кролевская милость вамъ, всимъ станомъ земль Великого Князьства Литовского, на поправенье и уѳаленье того Статуту часъ и рокъ певный складати рачить по роспущенью войскъ отъ его милости пана гетмана великого въ року теперешнемъ шестьдесятъ третемъ, отъ того часу и дня, яко войско роспущоно будеть, у двадцати неделяхъ“. Р. Ист. Б., XXX, ст. 341.

часть, предваряющая самый его текстъ. Въ Виленскомъ привилеѣ 1563 года разсказывается о томъ, что великій князь, вызвавъ на сеймъ пановъ-раду „духовныхъ и свецкихъ, княжатъ и панятъ, врядниковъ помененыхъ“, разрѣшилъ „привилья правъ и волностей земскихъ въ Статутъ новописаный вложыти и вписати по тому жъ обычаю, якъ въ Короне Польской прывилья и вольности шляхецкіе въ статутъ уписаны суть“. Благодаря за это, станы сейма „донесли“ великому князю просьбу, „ижъ въ тыхъ же привильяхъ земскихъ некоторые артыкулы потребують шыршого объясненья ку латвейшому вырозуменью“, т. е. просили о толкованіи нѣкоторыхъ статей этихъ привилеевъ, съ которыми уже разошлась совершенно жизнь Великаго Княжества Литовскаго. Такими не соотвѣтствующими дѣйствительному положенію дѣлъ и фактически отмѣненными жизнью были признаны на Виленскомъ сеймѣ 1563 года два изъ постановленій Городельскаго привилея 1413 года, а именно: 1) „ижъ панове, шляхта, бояре земль нашихъ Литовскихъ дарованьемъ, прывильями и наданьемъ, имъ даными[1]), узычоными[2]) и подаными, только повшехное, то естъ соборное веры християнское, къ Рымскому костелу подданыи[3]), маютъ се тыхъ вольностей веселити и учасниками быти и ужывати, яко панове шляхта Коруны Польское свое вольности держать и ихъ ужываютъ“, и 2) что „на достоенства и преложенства“, на земскіе уряды и въ составъ пановъ-рады могутъ назначаться только „подданые Рымскому костелу“. Сигизмундъ Августъ, обсуждая это дѣло съ панами-радою, призналъ, что „не только Рымского костела послушные, але и Греческого въ лавицы рады“ его и его предковъ бывали, а „и иншие вси станы, на розныхъ службахъ нашихъ бываючы, верность и сталость свою ку службамъ продковъ нашихъ и нашимъ охотне, яко добрымъ и вернымъ подданымъ належыть, завжды и зо всякою сталостью показовали“, и это дѣлали и взявшіе отъ поляковъ въ Городлѣ гербы, и ихъ не бравшіе, люди Греческой вѣры, такъ же какъ и Римской. Въ виду того, что эти постановленія Городельскаго привилея уже давно не соблюдались въ дѣйствительности, Сигизмундъ Августъ ихъ отмѣняетъ на Виленскомъ сеймѣ 1563 года и провозглашаетъ въ Великомъ Княжествѣ Ли-

[1]) Въ изданіи: данымъ.
[2]) Въ изданіи: узычонымъ.
[3]) Въ изданіи: поданыи.

товскомъ полное равноправіе шляхты православной и католической, „одно бы были веры хрестиянское“, имѣвшихъ польскіе гербы и ихъ не имѣвшихъ, „якъ Литовского, такъ и Руского народу“[1]).

Виленскій привилей 1563 года, провозглашая равноправіе шляхты „веры хрестиянское“, безъ различія ея исповѣданій, конечно, отражалъ въ себѣ ростъ реформаціоннаго движенія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, когда „разновѣріе“ не только стало фактически рядомъ съ католичествомъ и православіемъ въ массѣ пановъ и рядовой шляхты, но и произвело

---

[1]) „Ижъ отъ того часу не только тые панове, шляхта и бояре або потомкове ихъ всихъ земль нашихъ того панства всего нашого дарованья привильевъ и наданье всѣхъ вольностей и правъ земскихъ уживати и съ нихъ се веселити мають, которые суть подданы Римскому костелу и которихъ тежъ продкове клейноты и гербы въ Короне Польской приймовали, але тежъ и вси иные стану рыцерского-шляхецкого, якъ Литовского, такъ и Руского народу, одно бы были веры хрестиянское, и тежъ которие продкове клейнотовъ або ли гербовъ съ Коруны Польской не брали, однако и заровно того всего вечными часы уживати и тыхъ вольностей веселитись, якъ передъ тымъ здавна и до того часу тыхъ всихъ вольностей стану рыцерского и шляхецкого обоего народу, якъ Литовского, такъ и Руского, уживали и съ того се веселили. Такъ тежъ и на достоенства и преложенства всякие и до рады нашое и на уряды земские и дворные, не только подданы костелу Римскому отъ того часу обираны и прекладаны быти мають, але однако и заровно вси рицерского стану зъ народу шляхецкого люди веры хрестиянское, якъ Литва, такъ и Русь, каждый водле заслугъ и годности своее отъ насъ, господаря, на местца зацные преложенства зъ ласки нашое браны быти мають. А жаденъ зъ стану рицерского и шляхецкого зъ стороны закону своего, будучы веры хрестиянское человекъ, не маеть быти отъ того отдаленъ и отлучонъ для которыхъ двохъ артыкуловъ и члонковъ, въ тыхъ первыхъ привильяхъ описаныхъ. Веджо и тое наданье вольностей и правъ земскихъ, у привильи короля Якгела [а] князя Витолта сполномъ описаный поставлено и справлено естъ въ Коруне Польской такъ, якъ тотъ помененый привилей светчитъ, про то на першомъ близко пришломъ вальномъ сойме, котрий отъ насъ зложонъ естъ обоимъ тымъ панствамъ, Коруне Польской и Великому Князству Литовскому, тое поровнанье, будеть ли потреба, еще съ большимъ примноженьемъ волности иншимъ листомъ нашимъ взновити, за сполнымъ зволеньемъ обоего панства нашого, Коруны Польской и Великого Князства Литовского пановъ радъ и всихъ становъ, хочемъ, обецуемъ, не мешкаючи ани уймуючи вжо ни въ чомъ сему листу нашому и о вшемъ при моцы непорушно зоставуючы его на вечные часы“. Привилей изданъ въ 23-й книгѣ Временника Имп. Общества Ист. и Др. Росс., вмѣстѣ съ текстомъ Второго Литовскаго Статута (мы цитируемъ это изданіе). Другія изданія этого привилея — А. З. Р., III, № 32; Źródłopisma do dz. unii, II, I, str. 166—169; Archiwum Komisyi Prawn., VII, str. 298—300.

большія опустошенія среди самихъ католиковъ и православныхъ. Прежнее дѣленіе по Греческой и Римской вѣрѣ, которое почти совпадало съ дѣленіемъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго и по народности, Русской и Литовской, утрачивало свое значеніе этого признака, опредѣляющаго принадлежность къ той или другой изъ этихъ основныхъ народностей, составлявшихъ главныя массы народа Литовско-Русскаго государства. „Разновѣріе“ оказалось общимъ и для литовцевъ, и для русскихъ, его принимавшихъ. Это было благопріятно для одной изъ основныхъ идей, вложенныхъ во Второй Литовскій Статутъ, для идеи единства всего шляхетскаго „народа“ Великаго Княжества Литовскаго, въ общешляхетскомъ государствѣ Литовскаго и Русскаго „рыцарства“. Внутреннее развитіе Литовско-Русскаго государства къ серединѣ XVI вѣка уже достаточно объединило княжеско-панскій и боярско-шляхетскій классы его населенія и на смѣну извѣстнаго сепаратизма и особаго сознанія Литовскихъ и Русскихъ его земель выработало ясное общегосударственное сознаніе. Оно крѣпло въ защитѣ Литовско-Русскаго государства отъ притязаній на его земли Москвы и въ охранѣ его отъ захватныхъ плановъ Польши. Оно развивалось и утверждалось въ общей сеймовой работѣ. Оно закрѣплялось шляхетскимъ движеніемъ среди боярства и земянства всѣхъ областей Великаго Княжества Литовскаго, въ которомъ на мѣсто областного военнаго класса вырабатывался единый шляхетскій „народъ“, притязающій на полноту власти надъ своимъ государствомъ. Пусть жизнь еще знаетъ и законъ признаетъ раздѣленіе населенія по народностямъ — Литва, Русь, Жомойть. Но въ сознаніи Литовско-Русской шляхты уже на лицо идея сліянія ея въ единомъ государствѣ, „панствѣ Литовскомъ“, которое одно обезпечиваетъ всей ей ея права и желаемую жизненную обстановку; его она будетъ защищать своими „горлами“ и „персями“ противъ всѣхъ, кто на него станетъ покушаться. Слово „Литва“ становится обозначеніемъ общаго государства литовцевъ и русскихъ, составлявшихъ его населеніе, утрачивая свое значеніе этнографическое[1]).

---

[1]) Это очень отчетливо иллюстрируется сравненіемъ пониманія слова „Литва“ въ письменности того времени. Такъ, въ Полоцкой Ревизіи 1552 года Полоцкій край, какъ Русскій по населенію, различается отъ Литвы — „гонецъ з Литвы до Полоцъка а съ Полоцка до Литвы ездять“ (Полоцкая Ре-

Совершенно естественно, что предъ разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ проекта Второго Статута потребовалась отмѣна въ законодательномъ порядкѣ нарушавшихъ единство народа-шляхты Великаго Княжества Литовскаго постановленій Городельскаго привилея 1413 года. Эта отмѣна представлялась тѣмъ нужнѣе, что на Виленскомъ сеймѣ 1563 года Сигизмундъ Августъ, какъ мы это видѣли выше, далъ свое согласіе на внесеніе въ новый Статутъ земскихъ привилеевъ Великаго Княжества, и текстъ привилея Городельскаго оказался бы въ противорѣчіи не только съ отдѣльными артикулами Статута, но и съ одною изъ главныхъ идей, положенныхъ въ его основу. „Статутъ правъ земъскихъ нововчиненый" уже подготовленъ къ внесенію на разсмотрѣніе сейма 1563 года. Это было сообщено его сеймовымъ станамъ отъ имени великаго князя.

Но подлежавшій разсмотрѣнію и утвержденію проектъ новаго Статута требовалъ отмѣны и нѣкоторыхъ постановленій другихъ земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго, имѣвшихъ въ то время значеніе его основныхъ законовъ. Въ числѣ ихъ особенно выступало обязательство великаго князя сохранять въ полной неприкосновенности всю компетенцію старыхъ урядовъ, вошедшее въ Первый Литовскій Статутъ, какъ одинъ изъ основныхъ законовъ. Четвертый артикулъ третьяго раздѣла этого Статута[1]) гласилъ, что старые уряды воеводъ, каштеляновъ, канцлерства, маршалковства земскаго и дворнаго, староствъ „и вси врады" ни въ чемъ не должны быть уменьшаемы — „маеть ся кождый з нихъ у своемъ повете[2]) справовати и судити, и радити, и децкихъ своихъ высылати, и врадовъ своихъ уживати подле давного обычая". Съ этимъ находилась въ полномъ противорѣчіи вводимая Вторымъ Литовскимъ

визія 1552 года. Къ изданію приготовилъ И. И. Лаппо, Москва, 1905. Стр. 51. Ср. стр. 66). Но Новгородскій подсудокъ Өеодоръ Евлашевскій, шляхтичъ второй половины XVI вѣка и начала XVII-го, русскій по народности и учившійся „наукою рускою", разсказывая о сеймѣ 1578 года, пишетъ: „маршалковалъ межи послами нашъ литвинъ — князь Лукашъ Болько Свирскій" (Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II. Кіевъ, 1896. Стр. 18). Онъ же, говоря о безкоролевьѣ послѣ смерти Сигизмунда Августа, отмѣчаетъ опасенія поляковъ, „абы се Литва зъ Московскимъ не порозумела" (тамъ же, стр. 12).

1) „Врады старые мають заховани быти подле давнего обычаю".

2) О повѣтѣ до реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія см. И. И. Лаппо, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ, стр. 2—53.

Статутомъ реформа повѣтоваго суда, и прежде всего учрежденіе имъ земскихъ шляхетскихъ судовъ въ повѣтахъ, къ компетенціи которыхъ долженъ былъ перейти цѣлый рядъ дѣлъ отъ судовъ воеводъ и старостъ. Созданіе новаго повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго и признаніе судебной власти только за повѣтовыми старостами, какъ старостами „судовыми“, лишало этой власти надъ шляхтою всѣхъ старостъ „несудовыхъ“. Новыя постановленія по судебному процессу и относительно судебныхъ и судебно-административныхъ пошлинъ вторгались въ старую компетенцію всѣхъ старыхъ урядовъ, раньше вѣдавшихъ судъ и управленіе.

При такомъ положеніи дѣла было необходимо измѣнить компетенцію старыхъ урядовъ Великаго Княжества Литовскаго. Сдѣлать же это властью только своего „маестата“, хотя бы и подкрѣпленною просьбами шляхетскаго стана сейма, великій князь не могъ, ибо обязательства великихъ князей Литовскихъ, выданныя ими въ земскихъ привилеяхъ, заключали въ себѣ обязательства не только передъ цѣлымъ государствомъ Великаго Княжества Литовскаго, но и передъ его отдѣльными станами и группами населенія. Къ числу именно такихъ принадлежало и обязательство въ томъ, что „врады старые мають захованы быти подле давнего обычаю“. Это было обязательство, связывавшее великаго князя передъ всѣми должностными лицами его Литовско-Русскаго государства, принадлежали ли они къ стану сенаторскому или просто шляхетскому. И отмѣнено оно могло быть лишь съ ихъ добровольнаго согласія.

Согласіе это было дано на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года. Выданный на этомъ сеймѣ Сигизмундомъ Августомъ привилей, датированный первымъ іюля 1564 года, разсказываетъ о немъ слѣдующимъ образомъ. „А ижъ ку ровной и однакой справедливости всихъ была того потреба, абы стародавный обычай владности суду воеводъ и иныхъ врядовъ старыхъ уступилъ судомъ, новымъ порядкомъ въ семъ часе учиненымъ, постановенымъ и въ Статуте описанымъ, а тому засе противно было и забегло звечные, звыклые упривильеваные вряды, достоенства и належности судовъ пановъ воеводъ, маршалъковъ земского, дворного и земли Волынъское и иныхъ старостъ и державецъ врядовъ“, потому сами воеводы, „на тыхъ достоенствахъ теперъ и на сесь часъ будучие“, маршалки земскій, дворный и земли

Волынской[1]) „и иные вси врядники земские, и старостове, и вси державцы, и которыхъ кольвекъ владности судовые въ томъ паньстве нашомъ Великомъ Князьстве перекажали и впередъ перекажати бы могли тому Статутови и порядку а засаженью судовъ, въ немъ постановеному и описаному, пришедши и постановивши се передъ нами обличне, по доброй воли своей, маючы напродъ Пана Бога и справедливость светую передъ очима своими, важачы большъ тую, а нижли которые въ томъ поваги, зверхности, владности и пожитъки свои, а надо все наследуючы приказанья Божего, которое учить миловати ближнего своего яко себе, а съ того жъ показываеть ся, абы одинъ на другого ничого не пожедалъ, а естли чого иного, тогды надо все тое-то справедливости инакъшое мети не хотелъ, — милуючи речь посполитую, а въ ней братью свою молодшую, народъ шляхетский и рыцерский, суды свои зо всими владностями и пожитъки, которыи по звирхности судовъ нашыхъ господарскихъ не мней на нихъ належали и зъ обычаю первопомененого и водлугъ Статуту старого, выпустили и зо всими пожитъки таковыхъ судовъ и врядовъ ихъ милости и ихъ врядниковъ, слугъ и децкихъ, пересудовъ и винъ и отозвовъ, а въ теперешнемъ новомъ Статуте апеляцеи, то естъ отъзыванья, и тежъ водле звычаю права Корунъного вецовъ, судовъ и справъ всихъ воеводскихъ отъступили и вырекли наконецъ; не только ихъ милость панове воеводове и иные врядники владности и пожитъковъ своихъ судовыхъ и за владностью и поступъкомъ судовымъ належачихъ отъступили, але тежъ посполъ князи, паны, маршалъки, панята и якимъ-кольвекъ обычаемъ назваными врядники нашыми, и вся шляхта, никого не выймуючи, почонъ

---

[1]) Воевода Виленскій, земскій маршалокъ и канцлеръ, староста Берестейскій и Ковенскій, панъ Миколай Радивилъ; воевода Троцкій, гетманъ наивысшій, староста Мозырскій, державца Лидскій, Белицкій и Сомилишскій, панъ Миколай Юрьевичъ Радивилъ; староста Жомойтскій, державца Плотельскій и Тельшовскій, панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ; воевода Кіевскій, маршалокъ Волынской земли, староста Владимірскій, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; воевода Новгородскій, панъ Павелъ Ивановичъ Сапѣга; староста Луцкій, Браславскій и Вѣницкій, князь Богушъ Ѳеодоровичъ Корецкій; воевода Витебскій, князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій; воевода Подляшскій, староста Минскій, панъ Василій Тишкевичъ; маршалокъ дворный, подскарбій земскій и писарь, староста Могилевскій, панъ Остафій Воловичъ.

отъ старшого по насъ, господари, ажъ до наменъшого, такъ духовный, яко и светскии, великого, малого роду, — вси обыватели Великого Князьства на томъ сойме великомъ вальномъ Бельскомъ въ одно ровное право, въ однакий и не инакший судъ и моцъ а властность и поступъки судовые, и въ послушеньство а въ порядокъ врядовъ, на судъ выбраныхъ и высажоныхъ, сами и съ потомки своими поддали и поддають, на себе приняли, тому досыть чинити вечными часы, обецали яко въ томъ Статуте зъ ухъвалы всихъ, а черезъ особы, отъ нихъ на то обраные и высажоные, описано, постановено и розложоно; и надъ то спольне а одностайне вси жедали и били намъ чоломъ, абыхмо мы, господаръ, на то позволивши а, где бы тежъ въ чомъ перекажало што зъ стороны звирхности уряду нашого господарского, яко Великого Князьства, и зъ стародавныхъ судовъ нашыхъ тому Статутови, порядку и артыкуломъ, въ немъ описанымъ, зложивши и пустивши то и не допускаючы тымъ-тому и такъ светобливой справе перекажати, утвердили имъ въ посполитости оный Статутъ нашимъ листомъ“ [1]).

Приведенный сейчасъ разсказъ Бѣльскаго привилея 1564 года совершенно ясно излагаетъ разрѣшеніе конфликта проекта новаго Статута, производившаго реформу суда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, съ гарантированною земскими привилеями и Статутомъ 1529 года неприкосновенностью компетенціи урядовъ, имѣвшихъ судебныя функціи. Этотъ конфликтъ былъ разрѣшенъ отказомъ самихъ обладателей этихъ урядовъ отъ ихъ прежнихъ судебныхъ функцій и соединенныхъ съ послѣдними доходовъ. Только такой добровольный отказъ открылъ для великаго князя возможность утвердить судебную реформу Второго Статута, а стало быть, и тѣ его артикулы, въ которыхъ были установлены новыя судоустройство и судопроизводство. Связанный своими и своихъ предшественниковъ обязательствами передъ станами Великаго Княжества Литовскаго, Сигизмундъ Августъ не имѣлъ власти отмѣнять права и привилегіи становъ, всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности. Только согласіе ихъ на такую отмѣну и соглашеніе становъ съ великимъ княземъ могли вносить измѣненія въ права и привилегіи становъ, гарантированныя земскими привилеями, имѣв-

---

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 135—136.

шими значеніе и силу договоровъ монарха со станами его государства. Это соглашеніе относительно судебныхъ функцій и компетенціи старыхъ урядовъ Великаго Княжества Литовскаго на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года состоялось, и лишь послѣ него и въ силу его открылась возможность утвержденія Сигизмундомъ Августомъ Второго Литовскаго Статута въ той его части, которая говорила о судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Но, соглашаясь на отмѣну старыхъ судовъ и подчиняя новымъ всѣхъ безъ исключенія входящихъ въ составъ염 становъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго, станы въ то же время обратились къ великому князю съ просьбою о томъ, чтобы и онъ со своей стороны также отказался отъ тѣхъ правъ своего „маестата“, которыя идутъ въ разрѣзъ съ судебной организаціею, выработанною составителями Второго Литовскаго Статута. Только послѣ этого отказа станы считали возможнымъ утвержденіе новаго кодекса. Съ просьбою о немъ они и обращались къ Сигизмунду Августу на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года. Объ исполненіи просьбы этой Бѣльскій привилей 1564 года говоритъ отъ имени великаго князя въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ: „мы, знаючы тотъ народъ и обователи того паньства быть годными всякихъ вольностей налепъшихъ и справедливости, которая за розправою и порядкомъ правнымъ слушнымъ задерживаеть и заховываеть и еще примъножаеть, не одно вольности и пожитъки плодячы, але тежъ способяючы, розширяючы паньства, а надо все полнечи волю и приказанье Божое, не одно того есмо имъ не отмовили, але съ хутью ради позволили, волю и учынъность нашу къ тому прихылили, и утвержаемъ всимъ обывателемъ Великого Князьства Литовского тотъ Статутъ новый не только симъ нашимъ привильемъ, але тежъ словомъ нашимъ господаръскимъ, за насъ и за вси потомки наши, короли и великие князи Литовские, обывателемъ здешнимъ шлюбуемъ, обецуемъ и прирекаемъ подъ тою жъ присегою, которую есьмо тому паньству Великому Князьству и всимъ чинили, держати, ховати, ведля того ихъ радити, судити, справовати и отъ кожъдого насилья, моцы, кгвалъту и намнейшое образы въ томъ Статуте боронити и не допущати ни въ чомъ никому; такъ же паномъ воеводамъ и всимъ врядникомъ, где бы хотели — чого о нихъ не держимъ — зася въ старые владзы судовъ, одозъвовъ и пожитъковъ своихъ вдавати и ихъ

попирати и выламовати ся мели зъ ровности судовъ, въ которую ся теперъ передъ нами вызънаньемъ своимъ поддали, мы сами и потомки нашы, короли и великие князи Литовские, не допустимъ и не дозволимъ, але боронити и стеречы будемъ, абы во всемъ и во всихъ артыкулехъ цело тотъ Статутъ былъ захованъ“ [1]).

Новый Статутъ вводится Бѣльскимъ привилеемъ въ дѣйствіе со дня св. Мартина, т. е. съ 11 ноября, 1564 года. Вводимые этимъ Статутомъ повѣтовые земскіе суды и вся новая организація шляхетскаго народа на основѣ новаго повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго, какъ основной единицы областного дѣленія государства съ ея значеніемъ судебнымъ, административнымъ, военнымъ и политическимъ, требовали „розложенія поветовъ“, т. е. точнаго опредѣленія территоріи ихъ округовъ, назначенія центральныхъ пунктовъ этихъ округовъ для организаціи въ нихъ повѣтовыхъ судовъ и ихъ архивовъ и, наконецъ, избранія повѣтовою шляхтою составовъ земскихъ судовъ въ новыхъ повѣтахъ [2]). Все это великій князь передаетъ въ руки самихъ становъ. Какъ они, „сполне на то зволивши ся и згодившы“, все это „учинять и постановять, то вжо въ той мере и таковымъ обычаемъ впередъ трвати и моцне ховано и справовано быти маеть“ [3]).

Конечно, вводя новый Статутъ, великій князь долженъ былъ указать, что его законы не имѣютъ обратной силы, а стало быть, дѣла, начатыя въ судахъ раньше, должны будутъ разрѣшаться новыми судами на основаніи стараго закона, т. е. Перваго Статута и стараго „обычаю права“. Оговариваетъ Бѣльскій привилей отъ имени Сигизмунда Августа сохраненіе въ старомъ значеніи „правъ и судовъ духовныхъ, костеловъ Божихъ рымского и греческого закону належачыхъ“, а также старые „права [и] обычаи“ въ судахъ Подляшья и неприкосновенность Магдебургскаго права въ Вильнѣ и другихъ городахъ „паньства“ Великаго Княжества Литовскаго [4]).

---

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 137.

[2]) О значеніи новаго повѣта и объ организаціи повѣтовъ послѣ утвержденія Второго Литовскаго Статута см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 54—146.

[3]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 138.

[4]) Тамъ же, стр. 138—139.

Признанъ ли былъ на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года Второй Литовскій Статутъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда утверждался Сигизмундомъ Августомъ, составленнымъ съ такимъ совершенствомъ, которое надолго позволяло бы ему дѣйствовать безъ исправленія? — Безусловно, нѣтъ. Необходимость его „поправы" была признана сразу же, немедленно послѣ его утвержденія въ 1564 году. Бѣльскій привилей гласитъ: „Ведьже, естлибы въ чомъ потреба была того Статуту а артыкуловъ которыхъ въ немъ поправити, тогды на сойме[хъ] тыхъ, которые на сесь часъ при становеньи унии Великого Князьства Литовского съ Коруною Польскою захованъ естъ впередъ при моцы Великому Князьству, за волею нашою господаръскою можно и вольно будеть сполнымъ а одностайнымъ намышленьемъ, радою и зволеньемъ всихъ становъ, родичовъ а обывателей оного паньства Великого Князьства тотъ Статутъ и артыкулы въ немъ поправляти, прибавити, розширити, будь тежъ чого доложити альбо уняти, што бы одно зъ лепъшимъ ку доскональшому захованью и порядку справедливости светое вынайти и постановитися могло"[1]). Такимъ образомъ, самое широкое исправленіе новаго Статута, добавленіе и сокращеніе содержанія его артикуловъ, устраненіе изъ него нѣкоторыхъ артикуловъ цѣликомъ и внесеніе въ него артикуловъ совершенно новыхъ — все это предвидѣлось и разрѣшалось при утвержденіи Второго Литовскаго Статута на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года. Этотъ Статутъ отнюдь не былъ признанъ кодексомъ совершенно готовымъ и съ исчерпывающею полнотою способнымъ регулировать правовую жизнь Великаго Княжества Литовскаго. Его „поправа" не будетъ требовать спеціальныхъ постановленій объ ея началѣ и производствѣ. Она не будетъ сопровождаться и учрежденіемъ спеціальныхъ для нея коммиссій. Дѣло исправленія и дополненія Второго Статута передавалось просто въ руки сейма Великаго Княжества Литовскаго, всѣмъ его станамъ, конечно, „сойму належачимъ". Но сдѣлана и весьма существенная для годовъ подготовки уніи Литвы съ Польшею оговорка: „родичовъ а обывателей оного паньства Великого Князьства". Эта оговорка говоритъ ясно о томъ, что Бѣльскій сеймъ, предвидя возможность, въ случаѣ заключенія Польско-Литовской уніи, общихъ съ Польшею сеймовъ, остав-

---

[1]) Тамъ же, стр. 137.

лялъ дѣло исправленія Литовскаго Статута въ рукахъ одной Литвы, безъ всякаго участія въ немъ Польши.

Этого, однако, мало. Отдавая въ руки становъ Великаго Княжества Литовскаго дальнѣйшее исправленіе Статута, Бѣльскій привилей даетъ напередъ и санкцію великаго князя „поправамъ", которыя они будутъ въ Статутѣ производить. Отъ имени Сигизмунда Августа онъ гласитъ: „а мы и то все, што впередъ въ томъ Статуте таковымъ обычаемъ, яко верху[1]) доложоно, зъ спольного зволенья всихъ обывателей поправълено, постановлено и уфалено будеть, утвержаемъ симъ же нашымъ привильемъ и хочемъ а обецуемъ то во всемъ моцно держати и ховати подъ обовязками нашими вышей менеными"[2]). Такимъ образомъ, утвержденіе дальнѣйшихъ исправленій Второго Литовскаго Статута, по смыслу Бѣльскаго привилея 1564 года, могло бы совершаться и безъ непосредственнаго участія монарха въ ихъ разсмотрѣніи. Только возглавленіе имъ сейма должно было вызывать наличность его имени въ сеймовыхъ уфалахъ, касающихся утвержденія дальнѣйшихъ „поправъ" Второго Литовскаго Статута, и въ привилеяхъ, выходившихъ по нимъ изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго въ послѣдующее время. Санкція на всѣ „поправы", вносимыя станами ихъ „сполнымъ а одностайнымъ намышленьемъ, радою и зволеньемъ", была дана великимъ княземъ уже напередъ, на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года.

Согласіе Сигизмунда Августа, данное имъ напередъ на всѣ дальнѣйшія исправленія Статута самими станами, иллюстрируется очень хорошо и въ его „военныхъ" листахъ, разосланныхъ по Великому Княжеству Литовскому въ ноябрѣ 1564 года, „складаючи рокъ ку збиранью въ Меньску по светомъ Мартине у двухъ неделяхъ"[3]). Созывая земское войско Литовско-Русскаго государства, великій князь поручалъ этому „зъезду военному" заняться и дѣломъ окончательной подготовки Второго Статута къ его введенію въ практику, а потому признавалъ необходимымъ участіе въ этомъ съѣздѣ и „всихъ становъ такъ жо духовныхъ[4]), а зъ нихъ меновите князей биску-

---

[1]) Исправляемъ изъ „верхъ" въ изданіи М. К. Любавскаго.

[2]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 137.

[3]) Тамъ же, стр. 142—147.

[4]) Мы читаемъ: „всихъ становъ такъ жо духовныхъ", вмѣсто „всихъ становъ такъ духовныхъ", какъ дано въ изданіи документа М. К. Любавскимъ.

повъ ихъ милости“ [1]). Минскій съѣздъ долженъ былъ состояться безъ присутствія на немъ самого великаго князя, который не имѣетъ въ данное время возможности отлучиться изъ Польши. На этомъ съѣздѣ всѣ станы должны „намовиться“ о Статутѣ, обо всемъ томъ, на что они получили въ 1564 году привилей въ Бѣльскѣ, „и чого до порадку судовъ, права и справедливости потреба“. „Згодливе и одностайне тые речи постановивши и докончивши а списавши“, они имѣютъ свои постановленія „ознаймить и послать“ великому князю, „а мы“, сообщаетъ Сигизмундъ Августъ, „вжо на то позволимъ и то съ тымъ учинимъ, што будеть слушного и годного“ [2]). Военные листы, разосланные въ ноябрѣ 1564 года, даютъ знать, что обѣщанное Бѣльскимъ привилеемъ введеніе Второго Литовскаго Статута въ жизнь со дня св. Мартина того же года оказалось невозможнымъ безъ предваряющаго его новаго съѣзда великаго князя съ панами-радою и всѣми станами. Установленіе повѣтовыхъ центровъ и организація суда въ повѣтахъ, съ выборами новыхъ судебныхъ урядниковъ, требовали особой работы становъ, которая и была предложена Сигизмундомъ Августомъ Минскому военному съѣзду-сейму.

Состояніе источниковъ въ настоящее время не позволяетъ говорить опредѣленно о томъ, что было сдѣлано Минскимъ военнымъ сеймомъ для завершенія работъ по составленію Второго Литовскаго Статута и для подготовки введенія его въ дѣйствіе [3]). То же приходится сказать и о собранномъ Сигизмундомъ Августомъ, безъ его личнаго присутствія, сеймѣ въ Трабахъ въ 1565 году. Въ сеймовыхъ листахъ передъ Виленскимъ сеймомъ 1565-1566 годовъ, разосланныхъ 26 октября 1565 года, говорится о томъ, что съѣхавшимся въ господарскій Трабскій дворъ, „зъ волею и росказаньемъ“ Сигизмунда Августа, панамъ-радѣ и „всимъ инымъ становъ, обывателемъ -рыцерству всихъ земль“ Великаго Княжества Литовскаго, „видело ся всимъ зъ сполныхъ намовъ, абы для обмышлянья о тыхъ таковыхъ пилныхъ и великихъ потребахъ земъскихъ, а

---

1) Тамъ же, стр. 147.

2) Тамъ же, стр. 146—147.

3) М. К. Любавскій высказываетъ о Минскомъ военномъ сеймѣ такое предположеніе: „Повидимому, уже здѣсь намѣчены были новые судебные округа, мѣста сессій и кандидаты на новыя судебныя должности. Но работа эта была только предварительная и неокончательная“. Л.-Р. сеймъ, стр. 680.

меновите коло обороны противъ неприятелю нашому и коло постановенья справедливости и поправенья Стату[ту], съемъ звыклый великий вальный того панства" былъ великимъ княземъ созванъ[1]). Отсюда ясно, что станы, собравшiеся въ Трабахъ, имѣли сужденiе о дѣлѣ Второго Статута. Но наши источники не даютъ намъ возможности представить себѣ какiялибо подробности объ этомъ сужденiи. Обстоятельно мы знаемъ лишь о работѣ надъ Вторымъ Литовскимъ Статутомъ Виленскаго сейма 1565-1566 годовъ, который закончилъ подготовку кодекса къ введенiю въ дѣйствiе и на которомъ состоялось окончательное постановленiе объ этомъ введенiи.

Въ „отказѣ" Сигизмунда Августа на просьбы становъ, поданныя на Виленскомъ сеймѣ, датированномъ 21-мъ декабря 1565 года, просьба о Статутѣ изложена такъ: „што просите господара короля его милости, абы его кр[олевская] милость подле милостивое обетницы своее, з ласки его милости господаръское Статутъ новый вжо неотволочне передъ выволаньемъ и замъкнен[ь]емъ сойму теперешнего въ скутечное уживан[ь]е, хотя и недоправеный до конца, вамъ дати рачилъ и канцлерiя его кр[олевское] милости жебы вжо отъ того часу тымъ ся Статутомъ справовала, а на початку при томъ Статуте абы его кр[олевская] милость росказати рачилъ вписати привил[ь]я земскiе потребнейшiе, а звлаща около поровнан[ь]я розныхъ послушенствъ веры хрестiянскоѳ въ томъ панстве, а особливе привил[ь]я, тому Статуту належачiе, — Белскiй и теперешънiй Виленскiй". На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ великаго князя, что онъ „съ паны-радами своими ихъ милостью того Статуту нового прослухивати и его съ пильностью ревидовати рачить". Какъ великiй князь уже станамъ „дати рачилъ Статутъ новый" своими привилеями, такъ онъ его и теперь „даеть" и приказываетъ „объволывати", чтобы онъ вступилъ въ дѣйствiе 26 января 1566 года, чтобы съ этого дня новымъ Статутомъ „судили и справовали" и въ господарской канцелярiи „отправу листовъ его кр[олевское] милости въ потребахъ людскихъ вжо господаръ король его милость водле того нового Статуту земъского вделати казати рачилъ, хотя бы увесь Статутъ презронъ

---

[1]) Тамъ же, Приложенiя, стр. 154. О дѣятельности Трабскаго сейма ср. также „упевненье маршалъку дворному пану Остафью Воловичу на заслужоное". Тамъ же, Приложенiя, стр. 155—156.

и поправенъ не былъ". Въ настоящее время великій князь „вынимаетъ" изъ него лишь артикулы „около парсуны своее кролевское и добръ своихъ господаръскихъ, а [о] обороне земъской, о свободахъ шляхты, о судехъ и судьяхъ", желая ихъ „съ паны-радами своими ихъ милостью презрети, поправити" и уже послѣ того „казати выдати" станамъ. Всѣ остальные артикулы, „судомъ и всимъ справамъ належачіе", продолжаетъ отвѣтъ Сигизмунда Августа, „абы поправовали тые особы помененые, на поправованье Статуту отъ его кр[олевское] милости высажоные, а чого бы они такъ борздо догледети и поправити въ Статуте не могли, ино на пришломъ сойме того поправенья доконывати"[1]).

Такимъ образомъ, „отказъ" Сигизмунда Августа на Виленскомъ сеймѣ, данный 21 декабря 1565 года, 1) окончательно установилъ срокъ введенія Второго Литовскаго Статута въ дѣйствіе, 2) выдѣлилъ часть его артикуловъ для непосредственнаго ихъ разсмотрѣнія великимъ княземъ и радою до выдачи Статута въ оффиціальное имъ пользованіе и его примѣненіе, и 3) окончательную редакцію остальныхъ статутовыхъ артикуловъ передалъ въ руки той же Статутовой Коммиссіи, которая вырабатывала проектъ кодекса, а въ случаѣ невозможности для нея справиться со своею задачею до окончанія настоящаго сейма, переносилъ завершеніе всей „поправы" на ближайшій сеймъ слѣдующій. Конечно, въ этихъ постановленіяхъ имѣется противорѣчіе. Если назначено уже 26 января 1566 года, какъ день введенія новаго Статута въ дѣйствіе, то передъ нами одно изъ двухъ: или этотъ срокъ еще не окончательно установленъ, если возможно перенесеніе завершенія работъ по Статуту на слѣдующій сеймъ, или же указаніе на это перенесеніе представляетъ собою простую угрозу Сигизмунда Августа на случай затяжки излишними преніями разсмотрѣнія статутовыхъ „поправъ" на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ. Что же касается остального въ разсмотрѣнной сейчасъ части „отказа" великаго князя, то изъ него вытекаетъ, во-первыхъ, то, что послѣдній или не интересовался всею массою статутовыхъ артикуловъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые онъ выдѣлилъ для особаго разсмотрѣнія съ радою, или же уже ознакомился съ ними раньше, а во-вторыхъ, то, что Статутовая Коммиссія, работавшая уже

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 366—367.

рядъ лѣтъ надъ проектомъ кодекса, еще существовала ко времени Виленскаго сейма 1565-1566 годовъ.

Отвѣтъ Сигизмунда Августа на просьбу становъ о вписаніи въ новый Статутъ указанныхъ въ ней земскихъ привилеевъ былъ положительный — великій князь, „яко тотъ привилей около содноченья народу Литовъского з Рускимъ, такъ привилей Бельскій и къ тому теперешній Виленскій новый, на соймики поветовые выданый, и еще которіе бы привилья земъскіе потребные были для пожитку речи посполитое земъское, презревши съ паны радами ихъ милостью, до Статуту земъского“ прикажетъ вписать[1]).

На Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ было постановлено окончательно введеніе Второго Литовскаго Статута въ дѣйствіе. Новые земскіе суды въ повѣтахъ, въ личномъ составѣ ихъ членовъ и въ опредѣленіи ихъ округовъ, получили свое утвержденіе[2]). Но въ то же время происходило и спѣшное дополненіе новаго кодекса. Станы сейма просили Сигизмунда Августа, чтобы на томъ же Виленскомъ сеймѣ были въ повѣтахъ установлены подкоморіе „для справъ граничъныхъ и земленыхъ“, и эта просьба была исполнена великимъ княземъ[3]). Исполнена была имъ просьба становъ и объ учрежденіи повѣтовыхъ сеймиковъ[4]). Просили станы также о созданіи новыхъ воеводскихъ и каштелянскихъ урядовъ съ предоставленіемъ новымъ воеводамъ и каштелянамъ мѣста въ господарской радѣ. На эту просьбу Сигизмундъ Августъ также далъ свое согласіе, отвѣтивъ, что онъ „водле тое прозбы“ становъ „рачить достоенствъ подле потребы въ томъ панстве своемъ причинити“[5]). Былъ внесенъ станами на Виленскомъ сеймѣ и рядъ другихъ просьбъ, но по своему содержанію относящихся къ артику-

---

[1]) Тамъ же, ст. 367 (20).

[2]) „Около засаженья судовъ поветовыхъ, где еще не засажоны, такъ тежъ и около поровнан[ь]я поветовъ великихъ и выбранья на томъ же сойме електовъ на врады судовые у поветехъ и абы съ тыхъ електовъ его кр[олевская] милость врядники судовые обрати и постановити рачилъ, — за милостивое позволен[ь]е его кр[олевское] милости дякуете“. Тамъ же, ст. 367—368 (20).

[3]) Тамъ же, ст. 368 (21).

[4]) Тамъ же (22).

[5]) Тамъ же (23).

ламъ новаго Статута. Однѣ изъ нихъ получили согласіе великаго князя[1]), на другія онъ отвѣтилъ уклончиво[2]).

Завершеніе работъ по составленію Второго Литовскаго Статута совершалось съ крайнею спѣшностью. Срокъ введенія кодекса въ дѣйствіе, 26 января 1566 года, былъ уже утвержденъ. А чтобы суды и уряды имѣли возможность его примѣнять въ своей дѣятельности съ этого срока, необходимо было еще время для изготовленія списковъ Статута, какъ его экземпляровъ, которые будутъ находиться въ рукахъ судей и урядовъ, а по возможности и у заинтересованныхъ лицъ. Сеймъ въ Вильнѣ былъ созванъ къ 18 ноября 1565 года. „Отказы" великаго князя, въ которыхъ разрѣшались вопросы, касающіеся Статута, датированы 21-мъ декабря 1565 года. Привилей Сигизмунда Августа, „выдающій" Второй Статутъ, датированъ 1-мъ марта 1566 года[3]). Но въ исходѣ января 1566 года разсылались по повѣтамъ уже великокняжескіе универсалы съ оповѣщеніемъ установленныхъ границъ новыхъ повѣтовъ и сообщеніемъ утвержденныхъ Сигизмундомъ Августомъ личныхъ составовъ земскихъ судовъ повѣтовыхъ. Въ этихъ универсалахъ

[1]) Напримѣръ, просьба о томъ, чтобы „люди служебные жолънери въ домехъ шляхетскихъ не стояли и посеред[ъ] земли въ томъ панстве его милости господарскомъ не лежали, але противъ непріятеля окромъ всякого омешканья зъ его милостью паномъ гетманомъ великимъ, або дворнымъ обернены были". Тамъ же, ст. 370 (28).

[2]) Такъ, просьба объ избраніи повѣтовыхъ подкоморіевъ повѣтовою шляхтою, съ утвержденіемъ „електовъ" великимъ княземъ, по образцу замѣщенія урядовъ состава земскихъ повѣтовыхъ судовъ, получила такой отвѣтъ: „Ижъ даван[ь]е подкоморыхъ поветовыхъ рачить его кр[олевская] милость при воли своей господаръской зоставовати, и кого где воля его кр[олевское] милости будеть подкоморыхъ, людей добрыхъ, въ томъ повете оселыхъ, подавати рачить, такъ, яко и въ Коруне Польской подкоморыхъ поветовыхъ самъ господаръ король его милость подавати рачить" (тамъ же, ст. 374). Другой примѣръ: станы просили, „абы присега хрестіянская, ачъ ото всихъ людей хрестіянскихъ однымъ обычаемъ на имя Божье завжды быти маеть, а ведже, што ся дотычеть при томъ звычаевъ людскихъ, ижъ иншіе на образъ або на крижъ, а другіе на еванелію, а иншіе тежъ згола на самое толко имя Божье присегати волять, а то бы при вол[ь]ности кождого зостало, кгды жъ и поганомъ въ томъ панстве вольно кождому особливыхъ своихъ присягъ уживати". На эту просьбу послѣдовалъ такой отвѣтъ Сигизмунда Августа: „Господаръ король его милость рачилъ казати вамъ на то поведити: Ижъ его кр[олевская] милость коло тое присеги инъшого часу вамъ отказъ вделати казати рачить" (тамъ же, ст. 373).

[3]) Временникъ, XXIII, стр. 14.

говорилось и о томъ, что члены земскаго суда должны 2 февраля 1566 года принести присягу передъ повѣтовыми обывателями и господарскимъ посланцемъ, „а по томъ заразомъ на онъ же часъ, яко тые земскіе врадники суд[ь]и, такъ и замковый врадъ, въ тыхъ артыкулехъ, што въ Сътатуте его суду зоставлено и вынято а меновите описано, маютъ почати враду своего ужывати, позвы выдавати и далшый поступокъ правный около прытеган[ь]я сторонъ до суду и одправы речей прысужоныхъ стегати“. Одновременно съ земскимъ судомъ вводился въ повѣтахъ и судъ подкоморскій[1]).

Такимъ образомъ, на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ работа надъ Вторымъ Статутомъ производилась торопливо. Системы и заранѣе подготовленнаго плана она не имѣла. Въ нее вторгались и вносимыя на сеймъ новыя предложенія по дополненію проекта кодекса, который, казалось, былъ уже совершенно готовъ еще къ Бѣльскому сейму 1564 года. Тѣ, на комъ лежала окончательная выработка подлежащей утвержденію редакціи Второго Статута, надо думать, находились въ весьма затруднительномъ положеніи. Лишенные возможности совершить свою работу въ болѣе или менѣе спокойной обстановкѣ, они не могли заканчивать свое кодификаціонное дѣло достаточно успѣшно. Совершенно ясно, что при такомъ положеніи дѣла Второй Литовскій Статутъ оказался „недоправенымъ до конца“ не только потому, что онъ многаго не предусмотрѣлъ и вступилъ въ примѣненіе неполнымъ, находящимся въ противорѣчіи со многимъ изъ прочно выработаннаго практикою учрежденій и прочно сложившимся обычаемъ, а также и съ нѣкоторыми сторонами и явленіями соціальной организаціи Великаго Княжества Литовскаго, но и потому, что редакція нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его артикуловъ была крайне несовершенною.

Примѣрами спѣшности и неудовлетворительности редакціонной работы могутъ служить пятый артикулъ третьяго раз-

---

[1]) Текстъ такого универсала, датированнаго Вильною и 28-мъ января 1566 года и адресованнаго въ Пинскій повѣтъ — Вил. Центр. Архивъ, Книга № 13014, Пинскаго гродскаго суда № 27, стр. 355—358 (пагинація въ книгѣ по страницамъ, а не по листамъ). Такого же содержанія универсалъ въ Берестейскій повѣтъ — Литовская Метрика, Записей Литовскихъ 59, л. 92 об. сл. Ср. И. И. Лаппо, Гродскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XVI столѣтіи, стр. 53—55 (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1908, I).

дѣла („О соймикохъ повѣтовыхъ и о выправованью и посланью зъ нихъ пословъ земскихъ на вальный соймъ“) и семидесятый артикулъ четвертаго раздѣла („О подкоморыхъ и о ихъ вряде“) Второго Статута. Первый изъ этихъ артикуловъ организуетъ повѣтовый сеймикъ лишь какъ предсеймовый, совершенно забывая о сеймикѣ посеймовомъ, который не могъ не собираться послѣ сеймовъ для оповѣщенія повѣтовой шляхты объ ихъ постановленіяхъ и для отчета повѣтовыхъ пословъ въ ихъ дѣятельности во время сеймованія[1]). Упустила редакція артикула опредѣлить время сеймикованья передъ сеймомъ, а между тѣмъ излишняя продолжительность его должна была приводить къ невозможности для повѣтовыхъ пословъ поспѣвать къ открытію занятій того сейма, на которомъ они должны были присутствовать въ качествѣ представителей своего повѣта[2]). Ничего не имѣется въ артикулѣ и о „стравныхъ“ деньгахъ для повѣтовыхъ пословъ на сеймъ, т. е. о предоставленіи имъ средствъ на содержаніе во время пребыванія на сеймѣ[3]). Всѣ эти упущенія и погрѣшности редакціи превращались въ дефекты закона о повѣтовомъ сеймикѣ, и, конечно, они немедленно послѣ начала новаго сеймикованья на практикѣ вызвали соотвѣтствующія „просьбы“ становъ на ближайшихъ послѣ утвержденія Статута 1566 года сеймахъ Великаго Княжества Литовскаго.

Что касается семидесятаго артикула четвертаго раздѣла Второго Статута, то онъ и по внѣшнему своему виду имѣетъ характеръ скорѣе дополненія, чѣмъ обычнаго статутоваго артикула. Онъ слишкомъ великъ по своимъ размѣрамъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ частей: „О подкоморыхъ и о ихъ вряде“, „Врядъ подкоморого“, „Справа урядовая“ и „О коморникохъ“. Каждая изъ этихъ частей, собственно говоря, является особымъ артикуломъ Статута, но редакторы ихъ всѣ, цѣликомъ, оставили въ одномъ, который спѣшно былъ составленъ во время Виленскаго сейма 1565-1566 годовъ, при завершеніи работъ надъ Статутомъ. Составленные раньше артикулы четвертаго раздѣла Второго Статута не согласованы съ закономъ, организующимъ повѣтовый

---

1) Ср. И. И. Лаппо, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ, стр. 484—485.

2) Ср. тамъ же, стр. 591—592.

3) Ср. тамъ же, стр. 434—437.

подкоморскій урядъ[1]). Такъ, напримѣръ, артикулы, говорящіе о дѣятельности вознаго, знаютъ порученія, даваемыя ему только земскимъ и замковымъ повѣтовыми урядами[2]). Выѣздъ на спорную землю и разрѣшеніе вопросовъ о границахъ имѣній второй артикулъ девятаго раздѣла Статута 1566 года[3]) считаетъ дѣломъ земскаго суда, между тѣмъ какъ спѣшно редактированный семидесятый артикулъ четвертаго раздѣла того же Статута[4]) передаетъ ихъ уряду повѣтоваго подкоморія. Такимъ образомъ, при примѣненіи Второго Статута приходилось признавать одни изъ его артикуловъ отмѣненными или измѣненными другими, что должно было создавать неудобства какъ для повѣтовыхъ судовъ, такъ и для тяжущихся. Статутъ 1566 года вступилъ въ обязательную силу дѣйствительно „недоправенымъ до конца", и его дальнѣйшая „поправа" была положительно необходима.

Подведеніе итога подъ собранными нами фактами исторіи составленія Второго Литовскаго Статута установляетъ слѣдующее. Инициатива составленія этого кодекса принадлежитъ вальному сейму Великаго Княжества Литовскаго. Проектъ его былъ выработанъ Статутовой Коммиссіей, образованной великимъ княземъ Сигизмундомъ Августомъ. Но въ работу ея вторгались станы сеймовъ, собиравшихся въ годы дѣятельности этой Коммиссіи, своими просьбами, по своему содержанію относящимися къ Статуту, подаваемыми ими великому князю. Правильно организованнаго повѣтоваго сеймика въ то время еще не существовало. Однако это не лишало областную шляхту возможности толковать о новомъ Статутѣ еще до собранія того или другого сейма и подготовлять такимъ образомъ въ своихъ мѣстныхъ кругахъ внесеніе на сеймъ отдѣльныхъ просьбъ, касающихся составляемаго кодекса. На самомъ сеймѣ эти просьбы получали окончательную редакцію и представлялись великому князю. Станы сейма старались принимать непосредственное участіе въ составленіи Статута. При завершеніи работъ надъ кодексомъ это участіе стало особенно замѣтнымъ. Во время Виленскаго сейма 1565-1566 годовъ нѣкоторые

---

[1]) Ср. тамъ же, стр. 109.

[2]) II Статутъ, IV, 5 и 6.

[3]) „О рокъ завитый на землю выѣхать".

[4]) Отдѣлъ этого артикула, озаглавленный „Врядъ подкоморого".

артикулы Второго Статута были составлены на самомъ сеймѣ. Завершалась статутовая „поправа“ крайне спѣшно и торопливо, и возможно думать, что окончательную редакцію этихъ спѣшно вырабатываемыхъ артикуловъ взяла въ свои руки уже государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго, вѣдавшая составленіемъ сеймовыхъ „уфалъ“. Въ нѣкоторыхъ артикулахъ Статута получились существенныя недомолвки, и, что еще важнѣе, оказалось противорѣчіе однихъ артикуловъ другимъ. Дальнѣйшая „поправа“ Статута была совершенно необходима. Второй Статутъ передъ его утвержденіемъ былъ вырванъ изъ рукъ Коммиссіи, работавшей надъ нимъ чрезвычайно старательно въ предшествующее время, и для окончательной обработки попалъ въ неумѣлыя руки становъ сейма, тревожно настроенныхъ и нервно спѣшившихъ во что бы то ни стало скорѣе получить сводъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, который обезпечитъ ему болѣе совершенную государственную организацію и гарантируетъ самостоятельную государственность наканунѣ рѣшенія вопроса объ уніи съ Польшею, которую Литва понимала какъ федерацію двухъ равноправныхъ государствъ.

Итакъ, во Второмъ Литовскомъ Статутѣ мы имѣемъ соединеніе работы Статутовой Коммиссіи и сейма Великаго Княжества Литовскаго. Первая составила проектъ кодекса. Ея работѣ принадлежитъ громадное большинство его артикуловъ и общій его планъ. Станы сейма добавили къ сдѣланному Коммиссіей небольшое количество артикуловъ и, возможно, внесли нѣкоторыя измѣненія въ артикулы, составленные ею. Надо думать, что члены Статутовой Коммиссіи, находясь въ контактѣ съ болѣе или менѣе широкими кругами панскаго и шляхетскаго классовъ, уже во время своей работы надъ проектомъ Второго Статута принимали во вниманіе ихъ пожеланія и къ нимъ приспособляли отдѣльные артикулы, вырабатываемые Коммиссіей. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Статутовая Коммиссія вела свое дѣло съ самостоятельнымъ и творческимъ пониманіемъ своей задачи. Эта задача понималась ею какъ закрѣпленіе въ основныхъ законахъ Великаго Княжества Литовскаго идеи его государственныхъ самостоятельности и независимости, а въ области публичнаго и частнаго права созданіе такихъ нормъ его, которыя стояли бы на высотѣ тогдашней теоретической юридической мысли и

практическаго законодательства, дѣйствовавшаго въ другихъ государствахъ тогдашней Европы. Въ этомъ была основная ея сила. Это дало Второму Литовскому Статуту видное мѣсто въ ряду законодательныхъ сборниковъ того времени. Но въ реальной обстановкѣ примѣненія Статута 1566 года на практикѣ это же создавало и практическіе недостатки новаго кодекса. По своей юридической основѣ онъ оказался выше жизни, которую долженъ былъ регулировать. Эта жизнь не всегда укладывалась въ логически правильныя положенія права, принятыя и проводимыя Коммиссіей въ статутовыхъ артикулахъ. И не только одна спѣшность завершенія работъ надъ Вторымъ Литовскимъ Статутомъ и недостатки его окончательной редакціи потребовали его дальнѣйшей „поправы". Общественная организація Великаго Княжества Литовскаго, сложившаяся исторически и не укладывавшаяся потому легко въ логически правильныя построенія, и закрѣпленный жизнью обычай въ судебной и административной практикѣ и въ области частнаго права оказывались сильнѣе теоретическаго совершенства отдѣльныхъ артикуловъ, выработанныхъ Коммиссіей, составлявшей проектъ Второго Литовскаго Статута. Съ личнымъ составомъ и дѣятельностью этой Коммиссіи и постараемся теперь познакомиться поближе.

Глава II.

Составъ Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Литовскаго Статута.

Бѣльскій привилей 1564 года о составѣ Статутовой Коммиссіи. Ея члены „закону" Римскаго и Греческаго. Запись Литовской Метрики 1558 года о составѣ католическихъ членовъ Коммиссіи. Жомойтскій бискупъ Янъ Доманевскій. Виленскій каноникъ Станиславъ Габріаловичъ. Виленскій судья Павелъ Островицкій. Мартинъ Володковичъ. Виленскій войтъ Августинъ Ротундусъ. Память о немъ въ Вильнѣ въ послѣдующее время. Состояніе свѣдѣній о Ротундусѣ въ исторической литературѣ. Вопросъ о происхожденіи Ротундуса. Ротундусъ какъ королевскій секретарь. Ротундусъ какъ „обыватель" Великаго Княжества Литовскаго. Отношеніе Ротундуса къ католической церкви. Листъ Ротундуса къ Андрею Волану. Ротундусъ какъ историкъ Литвы. Вопросъ объ авторствѣ Ротундуса по отношенію къ анонимнымъ трактатамъ „Rozmowa Polaka z Litwinem" и „Zdanie o obieraniu nowego króla". Литературное наслѣдіе Ротундуса. Служебная дѣятельность Ротундуса. Ротундусъ и переводъ Второго Литовскаго Статута на латинскій языкъ. Время смерти Августина Ротундуса. Петръ Роизій Гишпанъ. Дѣятельность Роизія въ Литвѣ. Школа права при костелѣ Св. Яна въ Вильнѣ. Роизій и Второй Литовскій Статутъ. Участіе въ Статутовой Коммиссіи членовъ „закону Греческого" и его значеніе.

Кѣмъ вырабатывался проектъ Второго Литовскаго Статута, получившій затѣмъ санкцію монарха и сейма Великаго Княжества Литовскаго? — Бѣльскій привилей, отъ имени Сигизмунда Августа, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „якожъ за волею и допущеньемъ нашимъ а съ позволеньемъ радъ нашыхъ обраны на то были черезъ нихъ же самыхъ и съ посродку тыхъ же становъ особы певные, рады наши, маршалкове, врядники земские, хоружие и иные особы роду[1]) и народу шляхетъского и доктори правъ чужоземъскихъ, которые, зашедшы, не одно поправили тотъ Статутъ старый, але тежъ новымъ

---

[1]) Мы читаемъ — „роду", а не „ряду", какъ даетъ М. К. Любавскій въ своемъ изданіи Бѣльскаго привилея (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 135).

кштальтомъ некоторые розделы, звлаща судовый, зъ [за]саженьемъ новымъ обычаемъ суду и порядку судового постановили и написали“.

Мы видѣли выше, что Коммиссію для исправленія Перваго Литовскаго Статута, послѣ невыбора ея станами, Сигизмундъ Августъ на Виленскомъ сеймѣ 1551 года обѣщалъ назначить самъ, „съ порадою пановъ-радъ своихъ“. Составъ ея онъ предполагалъ въ десять членовъ — „пети особъ закону Рымъского, а другую пять особъ закону Греческого“. Эти десять лицъ могли, конечно, быть только изъ числа „людей добрыхъ, веры годныхъ, ростропныхъ и права посполитого и тежъ стародавныхъ звычаевъ тутошнего паньства добре сведомыхъ“[1]), каковыхъ должны бы были избрать и станы сейма, еслибы они ихъ избирали, какъ это предполагалось раньше. Мы не рѣшились бы утверждать съ полною увѣренностью, что Сигизмундъ Августъ выполнилъ данное имъ обѣщаніе Виленскому сейму 1551 года сразу. Но составъ Статутовой Коммиссіи, по крайней мѣрѣ въ первые годы ея дѣятельности, надо думать, былъ именно такимъ, какъ его установилъ великій князь на этомъ сеймѣ, т. е. пять членовъ католиковъ и пять православныхъ. Десятичленному ея составу не противорѣчитъ и указаніе Бѣльскаго привилея, что проектъ новаго Статута вырабатывался достаточно большимъ числомъ лицъ. Къ сожалѣнію, наши источники не позволяютъ намъ вскрыть весь личный составъ членовъ Статутовой Коммиссіи поименно. Но имена по крайней мѣрѣ половины этого состава сохранены источниками совершенно точно. Устанавливается и то, что Статутовой Коммиссіи не удалось сохранить цѣликомъ свой первоначальный составъ за все время продолженія ея работъ.

Въ записяхъ Литовской Метрики, относящихся къ исходу 1558 года, стоитъ: „черезъ Юршыньского жъ послано листы до скарбу: до бискупа Жомойтского, до каноника Виленьского князя Станислава Кгабрияловича, до войта Виленьского, до судьи повету Виленьского Островицкого, до Марътина Володъковича, абы ехали а Статутъ поправовали. А на страву казано имъ пенезей, на Статутъ складаныхъ, давати на кажъдый месецъ — князю бискупу по 20 копъ, а тымъ всимъ особамъ по 15 копъ грошей, и тотъ квитъ въ листе князя бискуповомъ до

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 183—184, арт. 1.

него посланъ"[1]). Въ книгѣ Литовской Метрики это приписано къ записи разсылки листовъ о сборѣ серебщизны, которые были отправлены для экспедиціи въ скарбъ 23 декабря 1558 года съ дворяниномъ Семеномъ Юршинскимъ. Такимъ образомъ, согласно приведенной записи, Жомойтскій бискупъ долженъ былъ уже самъ оповѣстить остальныхъ четырехъ лицъ, приглашаемыхъ къ работѣ надъ исправленіемъ Статута. Онъ стоитъ во главѣ ихъ. Присмотримся же поближе къ пяти членамъ Статутовой Коммиссіи, имена которыхъ сообщаются записью 1558 года.

Жомойтскимъ бискупомъ былъ въ то время Янъ Доманевскій, обладавшій выдающимися церковно-административнымъ опытомъ и дарованіями, имѣвшій репутацію и ученаго человѣка[2]). Въ актахъ Виленской капитулы подъ 26-мъ мая 1559 года о немъ отмѣчено, что онъ принадлежитъ къ составу работающихъ надъ исправленіемъ Литовскаго Статута[3]). Естественно предполагать, что бискупъ Доманевскій, какъ радный панъ, былъ, вѣроятно, и предсѣдателемъ Статутовой Коммиссіи. Конечно, онъ долженъ былъ быть знакомымъ съ каноническимъ правомъ. Этого, однако, мало. Онъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, хорошо знакомъ и съ нѣмецкимъ городскимъ правомъ, дѣйствовавшимъ въ „мѣстахъ упривильеваныхъ" Великаго Княжества Литовскаго. Петръ Роизій Гишпанъ, работавшій вмѣстѣ съ Доманевскимъ и Станиславомъ Наркускимъ[4]) въ Вильнѣ по разсмотрѣнію дѣлъ по аппелляціямъ отъ городскихъ урядовъ, высоко ставилъ знанія и опытность обоихъ

---

1) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 95.

2) О немъ см. Ks. Biskup Maciej Wołonczewski, Biskupstwo Żmujdzkie (Kraków, 1898), str. 41—43.

3) X. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy czyli katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Część III. Streszczenie aktów kapituły Wileńskiej (Wilno, MCMXVI). Str. 45.

4) Станиславъ Наркускій въ спискахъ промовированныхъ въ Краковскомъ Университетѣ на ученыя степени философіи и „in artibus" обозначенъ съ такою припискою: „Mgr. cancellarius episcopi Vilnensis, secretarius S. R. M." (Statuta nec non Liber Promotionum Philosophorum Ordinis in Universitate Studiorum Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849. Edidit Josephus Muczkowski. Cracoviae, 1849. P. 186). Акты Виленской капитулы (X. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy, III) знаютъ Наркускаго какъ канцлера бискупа (str. 39) и каноника (str. 41, 43), съ 1560 года какъ архидьякона (str. 46). Послѣ смерти Яна Доманевскаго, въ 1563 году онъ былъ номинованъ на бискупство Жомойтское (ibidem, str. 49).

этихъ своихъ сотрудниковъ[1]). Такимъ образомъ, Статутовая Коммиссія въ лицѣ бискупа Яна Доманевскаго имѣла очень нужнаго ей спеціалиста, теоретика и практика, вполнѣ знакомаго съ каноническимъ и нѣмецкимъ городскимъ правомъ.

Другимъ духовнымъ лицомъ, входившимъ въ составъ Коммиссіи, приведенная выше запись 1558 года называетъ Виленскаго каноника Станислава Габріаловича. Акты Виленской капитулы знаютъ его какъ каноника[2]), а затѣмъ и архидьякона. Послѣ его смерти осталась его личная библіотека, которая была взята капитулою на себя[3]). Собираніе книгъ Габріаловичемъ при его жизни говоритъ объ его начитанности и, надо думать, объ его знаніяхъ, которыя были нужны и дѣлу „поправы“ Литовскаго Статута. Въ рядахъ Виленскихъ канониковъ середины XVI столѣтія бывали ученые спеціалисты въ различныхъ областяхъ тогдашняго научнаго знанія, влоть до медицины и астрологіи[4]). Бывали, конечно, и доктора права[5]).

Запись 1558 года въ составѣ Статутовой Коммиссіи называетъ, кромѣ Доманевскаго и Габріаловича, еще Виленскаго войта, т. е. Августина Ротундуса, и Виленскаго судью Островицкаго съ Мартиномъ Володковичемъ. Послѣдніе двое являлись представителями коренной шляхетской среды Великаго Княжества Литовскаго и людьми, хорошо освѣдомленными съ недостатками Перваго Статута въ повседневной практикѣ жизни „народа-шляхты“ и дѣятельности Литовскихъ урядовъ кану-

---

1) Wiadomości Historyczno-Krytyczne do dziejów literatury polskiéy, o pisarzach polskich, także postronnych, którzy w Polscze albo o Polscze pisali, oraz i ich dziełach; z roztrząśnieniem wzrostu i różnéy kolei ogólnego oświecenia, jako też szczególnych nauk w narodzie polskim. Przez Jozefa Maxymiliana Hrabię z Tęczyna Ossolińskiego. Tom II (Kraków, 1819), str. 162 i prypis 13.

2) X. Jan Kurczewski, op. cit., str. 39.

3) Ibidem, sfr. 61 (въ 1579 году „bibliotekę po archidjakonie Stanisławie Gabryałowiczu zabrano do skarbca kapituły za długi“).

4) Такъ, въ 1534 году въ Краковскомъ Университетѣ былъ промовированъ „ad gradum baccalaureatus in Artibus“, въ числѣ другихъ, Albertus de Szyeprcz, противъ имени котораго сдѣлана такая помѣтка: „tandem magister et doctor medicine canonicus Wylnensis, astrologus insignis et homo ditissimus“. Statuta nec non Liber Pr. Ph. Ord. in Un. stud. Jag., p. 190.

5) См. списокъ членовъ Виленской капитулы въ первой половинѣ XVI столѣтія на стр. 538—541 третьей части труда кс. Яна Курчевскаго „Kościół Zamkowy“.

на реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Павелъ Каспоровичъ Островицкій принадлежалъ къ довольно крупной шляхтѣ Ошменской. По реестру Пописа войска Великаго Княжества Литовскаго въ 1565 году онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ въ составѣ Ошменской хоругви. „Водъле повинъности" своей онъ выставилъ тогда восемь конныхъ воиновъ, вооруженныхъ по-гусарски, четырехъ такихъ же воиновъ „на ласку" великаго князя и шесть драбовъ съ ручницами [1]). Въ 1563 году Островицкій входилъ въ составъ делегаціи Виленскаго сейма на Варшавскій сеймъ того же года для переговоровъ объ уніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею [2]). Какъ судья Виленскій, Островицкій былъ урядникомъ, назначеннымъ Виленскимъ воеводою и находившимся въ непосредственномъ ему подчиненіи, ибо до реформы Второго Статута областной судъ находился цѣликомъ въ рукахъ воеводъ, старостъ и державцевъ. Назначаемые ими судьи творили судъ лишь въ ихъ отсутствіи или за ихъ недосугомъ [3]). Въ 1566 году, уже послѣ утвержденія Второго Статута, Павелъ Каспоровичъ Островицкій получилъ отъ Сигизмунда Августа назначеніе маршалкомъ Ошменскаго повѣта [4]). Въ лицѣ Островицкаго Статутовая Коммиссія имѣла коренного Литовскаго шляхтича, представителя шляхетскаго движенія середины XVI вѣка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, опытнаго судебнаго дѣятеля центральнаго воеводства Литвы и носителя той идеи Литовской государственности, которая была выдвинута Виленскимъ сеймомъ 1563 года въ тогдашнихъ переговорахъ съ поляками объ уніи. То, что Островицкій былъ судьею именно въ Виленскомъ воеводствѣ, позволяетъ думать, что онъ едва ли былъ по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ человѣкомъ дѣйствительно „закону Рымского", хотя и вошелъ въ составъ Статутовой Коммиссіи по принадлежности къ католической церкви. Виленскимъ воеводою былъ въ то время Николай Черный Радивилъ, а Островицкій по своему

---

[1]) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 260.

[2]) Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 659.

[3]) Ср. И. И. Лаппо, Земскій судъ въ Великомъ Ккяжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1897, VI), стр. 295-298.

[4]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 729. Ср. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 332, 333, 343 и его же, В. Кн. Литовское, I, стр. 317 и 321 (пр. 2). „Почетъ" Островицкаго при пописѣ Литовскаго войска въ 1567 году — Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 456.

судейскому уряду являлся не только его подчиненнымъ, но даже его „служебникомъ“. Трудно думать, чтобы горячая преданность Николая Радивила кальвинизму не отражалась и на подборѣ назначаемыхъ имъ самимъ должностныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ авторитетомъ его воеводскаго уряда. Также трудно предполагать, чтобы обаяніе личности такого образованнаго и выдающагося человѣка, какимъ былъ тогдашній Виленскій воевода, не говоря уже о размѣрахъ его „можности“, которая заставляла длинные ряды шляхты искать его расположенія по соображеніямъ матеріальныхъ интересовъ[1]), осталось безъ вліянія и на Островицкаго и не склоняло его къ „разновѣрію“. Въ годы такого быстраго и могучаго развитія религіознаго разномыслія вообще и кальвинизма въ особенности, какъ середина XVI столѣтія, и католическіе, и православные члены Статутовой Коммиссіи не могли остаться, всѣ до одного, въ лонѣ той церкви, по принадлежности къ которой они были подобраны для работы надъ исправленіемъ Литовскаго Статута 1529 года. Этого мало. На работахъ Статутовой Коммиссіи необходимо должно было сказаться и вліяніе отдѣльныхъ „можныхъ“ пановъ Великаго Княжества Литовскаго, черезъ ея членовъ, такъ или иначе лично связанныхъ съ ними, отъ нихъ зависимыхъ, считающихся съ ихъ указаніями. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Второй Литовскій Статутъ закрѣплялъ успѣхи шляхетскаго движенія, направленнаго противъ господствующаго во всемъ строѣ государства панскаго класса. Но и въ средѣ дальновидныхъ и особенно могущественныхъ представителей этого класса не могло не существовать сознанія необходимости признать цѣлесообразность реформъ, требуемыхъ шляхтою, во имя идей сословной государственности, господствовавшихъ въ тогдашнихъ политическихъ литературѣ и мысли, съ которыми многіе паны Литвы, какъ образованнѣйшіе люди, были хорошо знакомы. И послѣ реформъ середины XVI вѣка шляхта не могла выдти изъ-подъ могущественнаго вліянія пановъ и совершенно отъ него освободиться. Шляхетскія массы оставались слишкомъ зависимыми отъ отдѣльныхъ пановъ — одни

---

[1]) О значеніи Николая Чернаго Радивила для распространенія кальвинизма среди шляхты Великаго Княжества Литовскаго см. Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie, tom I (Poznań, 1842), str. 15—17.

въ ея составѣ какъ ихъ „слуги-шляхтичи“, другіе какъ ожидающіе ихъ протекціи при назначеніи на урядъ, третьи какъ стремящіеся попасть въ число имѣющихъ доступъ въ ихъ роскошные замки или могущихъ пристроить въ этихъ замкахъ своихъ дѣтей для службы или „рыцарскаго“ воспитанія. Все это приходится имѣть въ виду, когда мы стараемся приблизиться къ представленію о значеніи дѣятельности отдѣльныхъ членовъ Статутовой Коммиссіи въ общей ея работѣ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ея актовъ или чего-либо въ родѣ протоколовъ коммиссій нашего времени. Приходится съ этимъ считаться и говоря о Павлѣ Каспоровичѣ Островицкомъ, какъ и объ его коллегѣ, Мартинѣ Володковичѣ.

Володковичей или Володкевичей можно встрѣтить въ рядахъ шляхты разныхъ областей Великаго Княжества Литовскаго того времени. Въ XV столѣтіи боярскій родъ Володковичей былъ однимъ изъ достаточно значительныхъ въ Витебской землѣ[1]). Реестръ „попису земскаго“ 1528 года знаетъ Володковичей въ различныхъ повѣтахъ и земляхъ[2]). Знаютъ ихъ и другіе источники[3]). Это совершенно естественно, ибо фамилія Володкевичъ или Володковичъ, какъ произведенная отъ имени, появилась въ разныхъ краяхъ Великаго Княжества Литовскаго параллельно. Сыновья Володка получали фамилію Володковичей, а его жена называлась „Володковою“[4]). Что касается Мартина Володковича, бывшаго членомъ Статутовой Коммиссіи, то нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія наши источники сохранили. Въ 1559 году онъ упоминается какъ дьякъ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго[5]). Въ декабрѣ того же

---

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 158.

[2]) См., напримѣръ, въ изданіи этого Реестра въ XXXIII томѣ Р. Ист. Библіотеки ст. 22 и 24 (Янъ и Миколай Володкевичи въ Ошменскомъ округѣ Виленскаго повѣта), 27 (Петръ Володкевичъ въ Медницкомъ округѣ того же повѣта), 52 (Миколаевая Володкевича въ Вилькомирскомъ повѣтѣ), 59 (Адамовая Володкевича въ спискѣ бояръ Гедройтскихъ), 200, 201 и 206 (въ землѣ Жомойтской — Володко Даниловичъ, Хршчонъ Володкевичъ, Андрей Володкевичъ).

[3]) Напримѣръ, Иванъ Волоткевичъ въ Полоцкой землѣ въ серединѣ XVI столѣтія — Полоцкая Ревизія 1552 года, стр. 137—138.

[4]) „Володковая удова“ — Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 63.

[5]) J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795 (Kraków, 1885), str. 266, n. II. Приводя имѣвшее мѣсто въ литературѣ именованіе Мартина Володковича Литовскимъ писаремъ, Вольфъ

1559 года онъ былъ отправленъ гонцомъ въ Москву[1]). Зимою 1561 года Мартинъ Володковичъ, вмѣстѣ съ Яномъ Шимковичемъ и Яномъ Гайкомъ, правилъ въ Москвѣ посольство Сигизмунда Августа[2]). Послѣ утвержденія Второго Литовскаго Статута и созданія новыхъ повѣтовыхъ судовъ онъ сталъ земскимъ писаремъ[3]), а затѣмъ и земскимъ судьею Минскаго повѣта[4]). При переписи войска Великаго Княжества Литовскаго въ 1565 году „панъ Мартынъ Володковичъ" писался въ составѣ дворной хоругви и выставилъ девять конныхъ воиновъ[5]). Кромѣ уже отмѣченныхъ нами выше отвѣтственныхъ порученій, возложенныхъ на Мартина Володковича по переговорамъ съ Москвою въ первые годы Ливонской войны, извѣстенъ и рядъ другихъ дѣлъ, на него время отъ времени возлагавшихся государственной канцеляріей и станами Великаго Княжества Литовскаго. Онъ былъ господарскимъ посломъ на Минскій повѣтовый сеймикъ въ ноябрѣ 1566 года и во время Люблинскаго сейма, лѣтомъ 1569 года[6]). Люблинскій сеймъ утвердилъ его какъ члена Коммиссіи для исправленія Второго Литовскаго Статута[7]). Мстибоговскій съѣздъ Литвы отправилъ его въ 1576 году въ составѣ посольства Великаго Княжества Литовскаго къ Стефану Баторію[8]). Въ 1588 году, уже въ старости, „будучы зошлый въ летехъ", Мартинъ Володковичъ, занимавшій въ Минскѣ не только урядъ земскаго судьи, но и урядъ городничія, рѣшилъ послѣдній передать своему сыну Адаму и ходатайствовалъ о томъ передъ Сигизмундомъ III-мъ черезъ по-

---

справедливо подчеркиваетъ, что онъ былъ лишь дьякомъ (str. 283, n. 6). О Литовскихъ писаряхъ и дьякахъ см. И. И. Лаппо, В. Кн. Литовское, т. I, стр. 398—405.

1) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 610. Ср. Adam Boniecki, Poczet Rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku (Warszawa, 1887), str. 381.

2) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 614.

3) Тамъ же, Приложенія, стр. 232.

4) Ср. И. И. Лаппо, В. Кн. Литовское, т. I, стр. 144.

5) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 254.

6) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 347 и 349. Господарскимъ посломъ на Минскій повѣтовый сеймикъ Мартинъ Володкевичъ былъ и передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. См. тамъ же, Приложенія, стр. 118.

7) Volumena Legum, II, str. 101 (p. 794).

8) См. И. И. Лаппо, В. Кн. Литовское, т. I, стр. 144.

средство Троцкаго воеводы, пана Яна Глѣбовича[1]). Всѣ эти свѣдѣнія, которыя даютъ о Мартинѣ Володковичѣ источники, заставляютъ признать его человѣкомъ способнымъ, опытнымъ, знающимъ, „годнымъ“ и „ростропнымъ“, какъ характеризовалъ подобныхъ ему дѣятелей русскій языкъ Литвы того времени. Въ работы Коммиссіи для исправленія Второго Литовскаго Статута онъ, конечно, и вносилъ свои практическій опытъ и знанія.

Володковичъ и Островицкій были въ составѣ Статутовой Коммиссіи ея членами „стану светского“, засѣдая въ ней рядомъ съ „особами стану духовного“, Доманевскимъ и Габріаловичемъ. Третьимъ свѣтскимъ членомъ этой Коммиссіи запись 1558 года называетъ Виленскаго войта, т. е. Августина Ротундуса. Онъ, надо думать, и представлялъ собою основную, главную силу въ работахъ Статутовой Коммиссіи, соединяя въ себѣ превосходную научную подготовку съ многолѣтнимъ опытомъ судебной и административной практики, пріобрѣтеннымъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ Виленскаго войта и королевскаго секретаря. Память объ Августинѣ Ротундусѣ сохранялась въ Вильнѣ долго. Въ серединѣ XVII столѣтія Вюкъ Кояловичъ называлъ его — „vir iuris diuini humanique consultissimus“[2]). Виленскій магистратъ, въ инструкціи своимъ посламъ на елекціонный сеймъ послѣ отреченія Яна Казимира, данной 13 апрѣля 1669 года, вспоминалъ, что Ротундусъ въ 1569 году былъ назначенъ сеймомъ „съ другими панами-радами“ въ коммиссію для „корректуры правъ“[3]). Но позволительно думать,

---

[1]) Въ привилеѣ, данномъ въ Краковѣ въ февралѣ 1588 года „Адаму Волотковичу на городництъво Миньское“, отъ имени Сигизмунда III-го говорится: „Маемъ того ведомость отъ воеводы Троцкого, державцы Упитского, его милости пана Яна Глебовича на Дубровне, ижъ судья земский Миньский Мартинъ Волотковичъ, будучы зошлый въ летехъ, врядъ городництво замку нашого Миньского, з себе складаючы, сыну своему Адаму Мартиновичу Волотковичу пустилъ, и билъ намъ чоломъ черезъ воеводу Троцкого, абыхмо при томъ городницстве помененого сына его Адама Волотковича зоставили а то ему листомъ нашымъ утвердили“. Лит. Метрика, Записей Литовскихъ книга 65, л. 274.

[2]) Historiae Litvanae a coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Vnionem eorum Dominiorum Libri octo avctore Alberto Wiivk Koialowicz Societatis Jesv S. Theologiae Doctore. Antverpiae. Anno MDCLXIX. P. 490.

[3]) „Augustinus Rotundus — wóyt Wileński, ad correcturam iurium seymem z innemi pany radami był naznaczony“. А. Вил. К., X, стр. 369.

что болѣе или менѣе отчетливыя представленія о личности этого заслуженно прославленнаго Виленскаго войта среднихъ десятилѣтій XVI вѣка исчезли довольно скоро послѣ его смерти, какъ это бывало и по отношенію къ другимъ историческимъ дѣятелямъ. И въ настоящее время очень нелегко возстановить его біографію сколько-нибудь полно. Особенно трудно это сдѣлать по отношенію къ болѣе раннему періоду его жизни. Да и для болѣе зрѣлаго времени дѣятельности Ротундуса можно установить съ достовѣрностью лишь отдѣльные факты. Но и въ этихъ фактахъ общія очертанія его личности выступаютъ передъ изслѣдователемъ въ совершенно ясныхъ чертахъ. Что же касается болѣе ранняго времени жизни Ротундуса, то тутъ доступные намъ въ настоящее время источники даютъ только нѣсколько указаній, которыя требуютъ еще очень большого дополненія ихъ другими данными для возможности не только его біографіи, но даже простого выявленія ея отдѣльныхъ фактовъ.

Попытки собрать свѣдѣнія объ Августинѣ Ротундусѣ и дать краткій очеркъ его дѣятельности въ литературѣ начинаются съ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія. Въ вышедшемъ въ 1776 году первомъ томѣ „Janociana“ Ротундусъ нашелъ свое мѣсто въ ряду другихъ знаменитыхъ авторовъ польскихъ. На трехъ съ половиною страницахъ латинскаго текста этого труда собраны свѣдѣнія о немъ [1]), которыя надолго легли въ основу представленій объ этомъ ученомъ Виленскомъ войтѣ у различныхъ авторовъ, соприкасавшихся съ нимъ въ своихъ научныхъ изученіяхъ.

Въ вышедшемъ въ 1828 году трудѣ Францишка Сярчинскаго, дающемъ въ алфавитномъ порядкѣ свѣдѣнія о знаменитыхъ дѣятеляхъ эпохи Сигизмунда III, были добавлены нѣкоторыя новыя данныя объ Августинѣ Ротундусѣ [2]). Въ IX томѣ своего труда „Dzieje Narodu Litewskiego“, появившемся въ свѣтъ въ 1841 году, Теодоръ Нарбуттъ посвятилъ ему небольшой

[1]) Janociana sive clarorvm atqve illvstrivm Poloniae Avctorvm Maecenatvmqve Memoriae Miscellae. Volvmen I. Varsaviae et Lipsiae. A. R. S. MDCCLXXVI. P. p. 223—227 (§ LXXXVIII).

[2]) Obraz wieku panowania Zygmunta III. Króla Polskiego i szwedzkiego, zawieraiący opis osób żyiących pod iego panowaniem, znamienitych przez swe czyny pokoiu i woyny, cnoty lub występki, dzieła pismienne, zasługi użyteczne i celne sztuki, porządkiem abecadła ułożony przez Franciszka Siarczyńskiego, Część II (Lwów, 1828), str. 136.

шое прибавленіе къ тексту тома, въ которомъ кое-что добавилъ къ извѣстнымъ уже о немъ въ литературѣ скуднымъ свѣдѣніямъ[1]). Послѣдующіе авторы, занимавшіеся исторіей права или культуры Литвы, не могли не упоминать о Ротундусѣ, и въ исторической литературѣ постепенно расло число страницъ, говорящихъ о немъ, разбросанныхъ по различнымъ книгамъ[2]). Но эти страницы очень мало прибавляли точныхъ знаній, въ сущности повторяя собранное въ „Janociana" и добавляя къ нему случайные и часто непровѣренные новые факты, а иногда и простые необоснованные домыслы. А между тѣмъ Августинъ Ротундусъ, внѣ всякаго сомнѣнія, представляетъ собою весьма выдающуюся фигуру въ общей картинѣ культурной жизни Литвы середины XVI столѣтія, и нельзя не согласиться съ г. Якубовскимъ, опубликовавшимъ о немъ небольшую статью въ 1912 году, что онъ заслуживаетъ спеціальной исторической монографіи[3]). Но для этой монографіи придется не только собрать и разработать уже опубликованные къ настоящему времени источники, къ сожалѣнію, далеко еще не использованные въ должной мѣрѣ авторами, писавшими о Ротундусѣ. Для ея составленія необходимо будетъ всемѣрно стараться открыть источники новые, ибо приведенныхъ въ извѣстность еще недостаточно для научнаго разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ личностью Августина Ротундуса и исторіей его жизни, особенно въ болѣе раннее ея время.

---

[1]) Dodatek X, str. 27-28.

[2]) Конечно, особенное вліяніе въ литературѣ имѣли, къ сожалѣнію, не совсѣмъ правильныя свѣдѣнія, которыя далъ о Ротундусѣ И. Н. Даниловичъ, пользовавшійся въ среднихъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка большимъ авторитетомъ въ области исторіи литовскаго права: „Rotundus ten był zrazu prokuratorem sądów królewskich zadwornych w Krakowie, potém sekretarzem króla Zygmunta Augusta i wójtem miasta Wilna; przeż króla Stefana Batorego do godności szlacheckiéj wyniesiony, przyjął nazwisko Mieleckiego. Zaszczycony był względami biskupa Protasewicza, kardynała Hozyusza i X. Radziwiłła, zostawał w ścisłych stosunkach z Royziuszem, Groickim, Janickim i innymi uczonymi swego czasu, i zjednał sobie imie znakomite w świecie uczonym, opisem dziejów narodu litewskiego przez się rozpoczętym, listem swoim przeciw róznowiercóm i panegirykiem duchowieństwa". Ignacy Daniłowicz, Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego (Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy. Tomik trzynasty. Wilno, 1837), str. 121-122.

[3]) Jan Jakubowski, Nowe przyczynki do życiorysu Augustyna Rotunda. Litwa i Ruś (lipiec 1912 r.), str. 44.

Въ литературѣ господствуетъ утвержденіе, что Ротундусъ былъ полякомъ[1]). Встрѣчается даже въ ней и указаніе на Краковъ[2]), какъ городъ, изъ котораго будто бы онъ былъ родомъ. Что касается насъ, то мы считаемъ и въ наши дни сохраняющими свою силу слова Сярчинскаго, написанныя болѣе ста лѣтъ тому назадъ о Ротундусѣ: „откуда онъ былъ родомъ, догадаться трудно"[3]). Данныя, которыхъ не имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи Сярчинскій, и которыя, каждое въ отдѣльности, казалось бы, способны дать ясное указаніе на мѣсто рожденія или ранней жизни Августина Ротундуса, взятыя вмѣстѣ и сопоставленныя одно съ другимъ, ставятъ изслѣдователю рядъ вопросовъ, которые требуютъ отъ него ожиданія новыхъ источниковъ для устраненія противорѣчій и для разрѣшенія сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ два извѣстія, находящіяся въ нашемъ распоряженіи для опредѣленія мѣста жительства Ротундуса въ его молодые годы, а можетъ быть, и для опредѣленія мѣста его рожденія.

Кардиналъ Гозій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ротундусу, говоритъ, что онъ не зналъ его отца Ульриха Гозія, занимавшаго урядъ Виленскаго городничія[4]). А умеръ Ульрихъ Гозій въ 1535 году[5]). Отсюда возможно заключать, что Ротундусъ могъ жить въ Вильнѣ лишь послѣ первой половины тридцатыхъ годовъ XVI вѣка. Но, съ другой стороны, едва ли будетъ правильнымъ думать, что городничій долженъ былъ обязательно видѣть и знать каждый изъ жителей города, даже юноша или подростокъ. Годъ смерти Августина Ротундуса можетъ

---

1) См., нпр., Jan Jakubowski, op. cit., str. 41.

2) Указаніе на Краковъ, какъ на мѣсто рожденія Августина Ротундуса, проникло и въ труды, предназначенные для самаго широкаго круга читателей. Ср., нпр., Wielka Encyklopedya powszechna illustrowana, I, str. 109.

3) Fr. Siarczyński, op. cit., str. 136 („skądby był rodzić, zgadnąć trudno").

4) „Patrem meum scio te vidisse nunquam, sed fama illius obscura tamen apud vos non est". A. H. R. G. P, ill., IV, p. III (D. Stanislai Hosii S. E. R. Cardinalis Maioris Poenitent. et Episcopi Varmiensis vita auctore Stanislao Rescio Protonotario et Referendario Apostolico).

5) Свое письмо епископу Перемышльскому Яну Хоенскому, отъ 5 іюня 1535 года, Гозій начиналъ такъ: „Unde scribendi sumam initium, prorsus ignoro. Parentis mei desideratissimi mors et me et rationes meas omnes vehementius quam credi queat conturbavit". A. H. R. G. P. ill., IV, p. 30 (№ 13).

считаться къ настоящему времени установленнымъ совершенно точно. Это 1582 годъ. Мы не знаемъ, на какой возрастъ Ротундуса приходится 1535 годъ. Во всякомъ случаѣ, приведенное указаніе переписки кардинала Гозія не исключаетъ возможности жизни Ротундуса въ Вильнѣ сразу послѣ смерти Ульриха Гозія, а, быть можетъ, примиримо и съ предположеніемъ объ его пребываніи въ этомъ городѣ и раньше.

Теперь обратимся къ другому извѣстію источниковъ, такъ же какъ и сейчасъ нами приведенное, оставшемуся не замѣченнымъ въ литературѣ объ Августинѣ Ротундусѣ. Въ числѣ студентовъ, принятыхъ въ Виттенбергскій Университетъ въ апрѣлѣ 1538 года и записанныхъ въ университетскій „Album", значится „Augustinus rotundus a velun". Онъ и вписанные вслѣдъ за нимъ „Nicolaus Melensky" и „Andreas Barcius equestr. ord." обозначены какъ „Poloni"[1]). Останавливаясь на этомъ извѣстіи пока лишь въ его значеніи для опредѣленія происхожденія Августина Ротундуса, мы должны будемъ, конечно, отвѣтить на вопросы: 1) что обозначаетъ отмѣтка „a velun"? и 2) какъ понимать „Poloni" по отношенію къ Августину Ротундусу?

Первая мысль, которая является у встрѣчающагося съ обозначеніемъ „a velun", естественно, та, что оно указываетъ на происхожденіе изъ Велюны. Но что это за Велюна? Велюна была и въ Польшѣ, и въ Литвѣ. Первая представляла собою главный городъ Велюнской земли въ Великой Польшѣ[2]). Вторая — старая крѣпость съ небольшимъ городомъ на берегу Нѣмана, въ семи миляхъ отъ Ковна[3]).

---

[1]) Album Academiae Vitebergensis ab A. Ch. MDII usque ad A. MDLX (Volumen primum). Ex autographo edidit Carolus Eduardus Foerstemann, theologiae et philosophiae doctor. Lipsiae, 1841. P. 174.

[2]) Старовольскій пишетъ о Велюнской землѣ и Велюнѣ: къ Сѣрадзкому воеводству „adjacet Terra Vielynensis, quae proprios magistratus habet et Castellanum; dividiturque in territoria Velunense et Ostressoviense;..... Ipsa urbs Velunia pulchras domus latericas habet, et templum Canonicorum fabricae antiquae...." Simonis Starovolsci Polonia. Nunc denuo recognita et aucta. Wolferbyti, 1656. P. 9.

[3]) Акты употребляютъ названія Велена, Веліона (ср. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго госу-

Но рядомъ съ этимъ вопросомъ встаетъ и другой: правильно ли было записано въ Album Виттенбергскаго Университета интересующее насъ географическое имя? А къ нему присоединяется и другой: вѣрно ли было слово прочитано въ рукописи Album'а его издателемъ? Примѣровъ искаженія географическихъ названій въ старыхъ университетскихъ матрикулахъ можно привести очень много. Такія искаженія совершенно естественны при записяхъ иностранныхъ названій, по своимъ звукамъ чуждыхъ уху писавшаго, совершенно незнакомаго съ географіей различныхъ странъ, изъ которыхъ пріѣзжали студенты университета. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ матрикуловъ германскихъ университетовъ ближайшаго къ интересующей насъ записи времени: во Фрейбургскихъ матрикулахъ подъ 1575 годомъ значится Криштофъ, сынъ Литовскаго стольника Николая Монвида Дорогостайскаго, обозначенный происходящимъ изъ „diocoe. Wilinensis" вмѣсто „Wilnensis"[1]); въ Гейдельбергскихъ матрикулахъ подъ 1619 годомъ записанъ Самуилъ Томашевскій съ обозначеніемъ „Pithvanus" вмѣсто „Lithuanus"[2]); въ Тюбингенскихъ матрикулахъ подъ 1564 годомъ имѣется запись, въ которой переданы неправильно и имя, и фамилія, и обозначеніе мѣста происхожденія литовскаго студента —

дарства ко времени изданія Перваго Литовскаго Статута. Москва, 1892. Стр. 201, 203), Велона (нпр., Р. Ист. Б., XXX, ст. 825) и Велюна (нпр., тамъ же, ст. 817; ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. С.-Петербургъ, 1901. Стр. 363, прим. 2 и стр. 649, прим. 2). Велюнскій замокъ имѣлъ выдающееся значеніе въ эпоху войнъ Литвы съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Мѣстечко Велюна было надѣлено Магдебургскимъ правомъ съ начала XVI столѣтія. Историческій очеркъ и описаніе Велюны — Michał Baliński, Wielkie Księztwo Litewskie (M. Baliński i T. Lipiński, Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym. T. III. Warszawa, 1846), str. 544—554.

[1]) „Generosus d[omi]n[u]s Christophorus magnif. domini Nicolai Monuidi a Dorohostrie archidapiferi magni ducatus Lituanlae filius laicus diocoe. Wilinensis". Die Matrikel der Universität Freiburg im Breisgau von 1460—1656. Im Auftrag der akademischen Archivkommission bearbeitet und herausgegeben von Dr. Hermann Mayer. I Band (Freiburg im Breisgau, 1907), S. 553.

[2]) Die Matrikel der Universität Heidelberg von 1386 bis 1662. Bearbeitet und herausgegeben von Gustav Toepke, doctor der Rechte. Zweiter Theil von 1554 bis 1662 (Heidelberg, 1886), S. 297.

„Praecelaus Irzykonnes de Backzyki“[1]). Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много. Даже имя „Станиславъ“ въ записяхъ Виттенбергскаго Университета подъ 1542 годомъ передано какъ „Stancislaus“[2]). Объ искаженіи фамилій не приходится уже и говорить: оно слишкомъ обычно, и его достаточно иллюстрируетъ хотя бы примѣръ 1564 года въ Тюбингенскихъ записяхъ, только что приведенный нами.

Если точность передачи въ университетскихъ матрикулахъ XVI вѣка подлежитъ сомнѣнію въ очень большомъ числѣ ихъ записей, то могъ бы быть также поставленъ вопросъ: не слѣдуетъ ли читать обозначеніе „a velun“, данное при имени Августина Ротундуса въ Виттенбергскихъ матрикулахъ, какъ „a vyln“ или „a viln“? Но всѣмъ этимъ сомнѣнія не исчерпываются. Въ словѣ „velun“ въ интересующей насъ Виттенбергской записи не дописана только одна буква „a“ на концѣ слова, если мы его понимаемъ какъ Велюна или Вильна. Конечно, недописываніе одной буквы вполнѣ возможно въ старыхъ рукописяхъ. Но вполнѣ возможно и предположить, что не одна буква, а нѣсколько были не дописаны въ данномъ словѣ какъ его окончаніе. Такимъ окончаніемъ могло быть и „ensis“, которое обычно прибавлялось къ имени мѣстности для обозначенія происхожденія изъ нея студента. Въ тѣхъ же Виттенбергскихъ матрикулахъ записано: „Leopoliensis“[3]), „Caunensis“[4]), „Muscouiensis“[5]) и т. д. А если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что старинное письмо нерѣдко отдѣляло отъ слова букву и, наоборотъ, иногда присоединяло къ нему букву другого смежнаго слова, то палеографически окажется возможнымъ и чтеніе не „a velun“, а „avelun“ или даже „avelin“. Если прибавимъ къ нему окончаніе „ensis“, то получимъ „avelunensis“ или „avelinensis“. Иными словами, будемъ ли читать „avelun.“ или „avelin.“, получится указаніе на происхожде-

---

[1]) Die Matrikeln der Universität Tübingen. Im Auftrag der Württembergischen Kommission für Landesgeschichte herausgegeben von Dr. Heinrich Hermelink. Erster Band: Die Matrikeln von 1477—1600 (Stuttgart, 1906), S. 450.

[2]) Album Ac. Vit., Volumen primum, p. 194.

[3]) Ibidem, p. 174.

[4]) Ibidem, p. 183.

[5]) Ibidem, p. 271.

ніе Августина изъ Авелино, города Итальянской Кампаньи. Итакъ, изъ текста записи въ Album Виттенбергскаго Университета нельзя сдѣлать безспорнаго вывода о происхожденіи Августина Ротундуса, если въ дополненіе къ ней не будутъ привлечены другія болѣе ясныя и опредѣленныя указанія. Что касается происхожденія Ротундуса изъ Италіи, то на него какъ будто указываетъ близость этого латинизированнаго именованія къ хорошо извѣстной итальянской фамиліи Ротонди. Высказывая все это, мы далеки отъ какого-либо положительнаго утвержденія. Мы говоримъ лишь о различныхъ возможностяхъ разрѣшенія вопроса о происхожденіи Августина Ротундуса. Конечно, въ эпоху увлеченія классическою древностью, каковою было время его жизни, вполнѣ было возможно и принять новую фамилію въ видѣ латинскаго или греческаго слова, но мы не можемъ признать сколько-нибудь удачною попытку производить наименованіе Ротундусъ отъ латинскаго глагола „rotare", какъ перевода польскихъ словъ „mleć, kręcić", сдѣланную не такъ давно въ литературѣ[1]).

Но обратимся къ обозначенію Ротундуса въ числѣ „poloni" списками студентовъ Виттенбергскаго Университета. Указываетъ ли это обозначеніе съ полною несомнѣнностью на то, что онъ былъ полякомъ по народности? Думать такъ было бы возможно, еслибы мы могли утверждать, что во время составленія записей 1538 года въ Виттенбергскомъ Университетѣ старинное дѣленіе студентовъ на университетскія націи не могло найти своего примѣненія ни въ какомъ единичномъ случаѣ. Какъ извѣстно, въ Лейпцигскомъ Университетѣ еще въ XVI столѣтіи существовало дѣленіе на четыре націи — Sachsen, Meissner, Bayern, Polen[2]). Именно это число университетскихъ націй было перенесено въ Лейпцигъ изъ Пражскаго Универси-

---

[1]) J a n J a k u b o w s k i, op. cit., str. 41: „Rotundus, mimo łacińskie swe miano, był Polakiem i nazywał się właściwie Mieleski; imię Rotunda przybrał zwyczajem humanistów, tłumacząc nazwisko swe na łacinę (mleć, kręcić — rotare)". Трудно допустить, чтобы такой блестящій знатокъ латинскаго языка, какимъ былъ Августинъ Ротундусъ, могъ производить отъ глагола rotare форму rotundus.

[2]) Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig 1559—1809 als Personen- und Ortsregister bearbeitet und durch Nachträge aus den Promotionslisten ergänzt. Im Auftrage der Königlich Sächsischen Staatsregierung herausgegeben von G e o r g E r l e r. I Band. Leipzig, 1909 (Codex Diplomaticus Saxoniae Regiae. Zweiter Haupttheil. XIX Band). S. XXXVI.

тета, бывшаго метрополіей Университета Лейпцигскаго[1]). „Poloni“ какъ университетская нація, образуемая не только поляками, но и цѣлымъ рядомъ народовъ Восточной и даже Центральной Европы, были извѣстны не однимъ германскимъ, но и итальянскимъ университетамъ, т. е. какъ разъ тѣмъ, въ которыхъ по большей части слушали лекціи и литовцы[2]). Конечно, въ серединѣ XVI вѣка германскіе университеты уже научились выдѣлять изъ польской университетской націи рядъ народовъ, ее составлявшихъ раньше (prutheni, rutheni, lithuani, silesii и др.), но въ отдѣльныхъ записяхъ студентовъ тѣмъ или другимъ регистраторомъ ихъ могло и возобновляться вспомнившееся ему старое дѣленіе схоляровъ на университетскія націи. Хотя и новый, возникшій лишь въ 1502 году, Виттенбергскій Университетъ не могъ не вспоминать порядковъ находившагося также въ Саксоніи старѣйшаго, чѣмъ онъ, Университета Лейпцигскаго, а въ послѣднемъ до 1520 года сохранялось старое, средневѣковое пониманіе обозначенія „poloni“ не въ смыслѣ поляковъ, а въ смыслѣ ряда народовъ университетской „natio polona“. Въ матрикулахъ Гейдельбергскаго Университета еще подъ 1619 годомъ записаны три брата (Станиславъ, Петръ и Христофоръ) „de Raysko Rayski nobiles Poloni Lithuani“[3]). Такимъ образомъ, обозначеніе Августина Ротундуса „полякомъ“ въ спискахъ Виттенбергскаго Университета не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи его національности изслѣдователемъ. Прибавимъ къ этому, что, еслибы онъ былъ итальянцемъ по своему происхожденію, онъ могъ объявить себя въ Виттенбергѣ въ 1538 году „polonus“ по мѣсту своей

---

[1]) Ibidem. Въ Пражскомъ Университетѣ cives academici дѣлились на четыре націи: чешскую, саксонскую, баварскую и польскую. См. W. Wl. Tomek, Děje University Pražské, dil I (Praha, 1849), str. 20—21.

[2]) Въ итальянскихъ университетахъ студенческая масса раздѣлялась на citramontani и ultramontani. Въ числѣ націй послѣднихъ была natio polona. Такъ, Rotulus et Matricula D. D. Juristarum et Artistarum Gymnasii Patavini A. MDXCII-III p. Ch. n (Curantibus Dre Blasio Brugi p. o. prof. et I. Aloysio Andrich iur. stud. in Patav. Ath. Patavii, MDCCCXCII) въ составѣ ultramontani называютъ nationes Germana, Bohema, Polona, Ungara, Provintialis, Burgunda, Anglica, Ultramarina. Нація Polonorum въ Болонскомъ Университетѣ — L'Université de Bologne autrefois aujourd' hui. Par les soins d'un comité de professeurs de la même université (Traduit de l'italien par A. de Carli. Bologna, sine anno), p. 8, n. 2.

[3]) Die Matrikel der Un. Heidelberg, zweiter Theil, S. 299.

тогдашней жизни и службы въ Польшѣ или Литвѣ, въ первомъ случаѣ — какъ служащій въ Польскомъ государствѣ, во второмъ — какъ служащій въ государствѣ Литвы, которой обыватели входили въ составъ „natio polona“ по привычному въ старыхъ университетахъ обозначенію.

Итакъ, при научно-критическомъ подходѣ къ даннымъ Album'a Виттенбергскаго Университета, относящимся къ происхожденію Августина Ротундуса, они не могутъ быть признаны имѣющими рѣшающее въ этомъ вопросѣ значеніе. Приходится обождать приведенія въ извѣстность указаній другихъ источниковъ, въ связи съ которыми эти данныя получатъ полную ясность. Но запись Виттенбергскаго Университета подъ 1538 годомъ, въ ея значеніи для исторіи жизни Ротундуса, возбуждаетъ и еще одинъ вопросъ: было ли его поступленіе въ этотъ Университетъ началомъ его научнаго образованія, или онъ прибылъ въ Виттенбергъ уже докторомъ „обоего права“ изъ интереса къ научному преподаванію именно въ этомъ Университетѣ, для того или другого дополненія пройденной имъ научной школы раньше?

Какъ извѣстно, въ старыхъ университетахъ юридическій факультетъ принадлежалъ къ факультетамъ высшимъ, на которые поступали уже пройдя курсъ факультета artium, являвшагося своего рода подготовительной къ высшимъ факультетамъ школой [1]). Такъ было и въ Виттенбергскомъ Университетѣ. Когда въ 1536 году была произведена реформа этого Университета, его факультетъ artium, какъ факультетъ философскій съ расширеннымъ преподаваніемъ, сохранилъ свое прежнее значеніе подготовительной школы для высшихъ факультетовъ [2]). Время, котораго требовало прохожденіе факультета artium, длилось обычно отъ трехъ до четырехъ лѣтъ [3]). Пройдя этотъ факультетъ, можно было поступить на факультеты высшіе, къ числу кото-

---

[1]) Ср. Theodor Muther, Aus dem Universitäts-und Gelehrtenleben im Zeitalter der Reformation (Erlangen, 1866), S. 36; W. Lexis, Die Deutschen Universitäten, erster Band (Berlin, 1893), S. 27; Friedrich Paulsen, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart, mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht. Zweite, umgearbeitete und sehr erweiterte Auflage. Erster Band (Leipzig, 1896), S. 29.

[2]) Fr. Paulsen, op. cit., S. 220.

[3]) Ср. W. Lexis, op. cit., S. 16.

рыхъ принадлежалъ и юридическій. Время, требовавшееся для прохожденія его наукъ вплоть до полученія степени доктора, конечно, было не меньше, а больше. Такимъ образомъ, если Августинъ Ротундусъ только начиналъ въ 1538 году свое университетское образованіе, то достигнуть степени доктора utriusque iuris онъ могъ бы лишь во второй половинѣ или въ концѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Между тѣмъ, уже въ 1542 году Августинъ Ротундусъ былъ не только докторомъ „обоего права", но и Виленскимъ войтомъ, какъ еще въ 1836 году указалъ М. Балинскій въ своемъ спискѣ войтовъ города Вильны[1]). Если даже допустить возможность ошибки или неточности даты, приводимой Балинскимъ, все-таки относить окончаніе Ротундусомъ высшаго образованія ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ невозможно, потому что уже съ 1540 года польской библіографіи извѣстны работы Августина Ротундуса[2]). Думать, что Ротундусъ до поступленія въ 1538 году въ Виттенбергскій Университетъ прошелъ университетскій курсъ въ Краковѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя, ибо его имени нѣтъ въ матрикулахъ Краковскаго Университета. Совершенно естественно, если мы будемъ признавать имя Ротундуса искусственнымъ и не связаннымъ съ его происхожденіемъ, что онъ могъ быть записаннымъ въ Краковскихъ матрикулахъ подъ другимъ, т. е. настоящимъ своимъ именемъ. Но имя, полученное при крещеніи, конечно, у него должно было оставаться одно и то же какъ до принятія имъ прозвища или фамиліи Ротундусъ, такъ и послѣ этого принятія. Поэтому нами были извлечены изъ списковъ Краковскаго Университета всѣ иммматрикулированные, носившіе имя Августина за время съ 1515 по 1544 годы. Родомъ изъ Велюны въ ихъ числѣ нѣтъ ни одного. Изъ „діоцеза" Виленскаго подъ 1535 годомъ одинъ Августинъ, сынъ Алексѣя, значится, но онъ былъ родомъ изъ Мушникъ[3]).

---

[1]) Michał Baliński, Historya Miasta Wilna, tom II (Wilno, 1836), str. 126.

[2]) „Mielieski Aug. Rot. Inauguratio D. Sam. Maciejowski" — напечатано въ Краковѣ, въ типографіи Яна и Павла Геличей, въ 1540 году. Dr. Karl Estreicher, Polnische Bibliographie des XV-XVII Jahrhunderts (Krakau, 1888), S. 30.

[3]) Съ именемъ „Августинъ" въ матрикулы Краковскаго Университета за время 1515—1544 г.г. вписаны слѣдующія лица: 1516 г. — Augustinus Nicolai de Calisch dioc. Gneznensis (str. 168), 1517 г. — Augustinus Johannis de

Тakимъ образомъ, предполагать, что Августинъ Ротундусъ основу своего научнаго образованія получилъ въ Краковѣ и только для завершенія его отправился въ Виттенбергъ, мы не имѣемъ никакой возможности.

Запись имени Августина Ротундуса въ Album Виттенбергскаго Университета не обозначаетъ факультета, на который онъ поступилъ. Такое обозначеніе дѣлалось лишь въ матрикулахъ нѣкоторыхъ университетовъ[1]) и не примѣнялось въ очень большомъ числѣ германскихъ университетскихъ матрикуловъ. Естественнѣе, конечно, думать, что въ Виттенбергѣ Ротундусъ поступилъ въ число слушателей философскаго, т. е. artium, факультета. Какъ мы видѣли выше, предполагать, что онъ учился въ Виттенбергскомъ Университетѣ много лѣтъ, мы не можемъ. Не можемъ думать и того, что изъ Виттенберга Ротундусъ, подобно Станиславу Оржеховскому[2]) и ряду другихъ поляковъ[3]), отправился въ Падую или Болонью для дальнѣйшаго

Szroda dioc. Poznaniensis (str. 179), 1519 г. — Augustinus Johannis de Sixo dioc. Agriensis (str. 192), Augustinus Gasparis de Vorczen dioc. Misznensis (str. 196), Augustinus Floriani de Vnyeiow dioc. Gneznensis (str. 196), 1520 г. — Augustinus Stanislai de Wyeliczka dioc. Cracouiensis (str. 202), Augustinus Johannis de Lank dioc. Crakouiensis (str. 203), Augustinus Gregory de Wolborz dioc. Gnesnensis (str. 204), Augustinus Mathie de Pradnyk dioc. Cracouiensis (str. 205), 1522 г. — Augustinus Volffgangi de Freberga dioc. Brandeburgiensis Magister Universitatis Vitembergensis (str. 218); 1531 г. — Augustinus Stanislai de Zacroczyn dioc. Plocensis (str. 259), 1532 г. — Augustinus Johannis de Colo dioc. Gneznensis (str. 265), 1534 г. — Augustinus Andree de Lanczuth dioc. Premisliensis (str. 274), 1535 г. — Augustinus Alexy de Mvsznyki dioc. Vilnensis (str. 277), 1536 г. — Augustinus Johannis de Cracowia dioc. Cracowiensis (str. 280), 1537 г. — Augustinus Petri de Varszouia dioc. Posnaniensis (str. 286), 1541 г. — Augustinus Johannis de Gedano dioc. Wladislaviensis (str. 304). Album Studiosorum Universitatis Cracoviensis, tomus II (Cracoviae, 1892).

[1]) См., нпр., матрикулы Кёльнскаго Университета — Publikationen der Gesellschaft für rheinische Geschichtskunde, VIII. Die Matrikel der Universität Köln. Bearbeitet von Hermann Keussen. Erster Band 1389—1475 (zweite vermehrte und erweiterte Auflage. Bonn, 1928). Zweiter Band 1476—1559 (Bonn, 1919).

[2]) Ср. St. Tarnowski, Studia do historyi literatury Polskiej. Pisarze polityczni XVI wieku, t. I (Kraków, 1886), str. 343.

[3]) Ср. Dr. Wiktor Czermak, Młodość Jerzego Lubomirskiego 1616—1636 (Studya historyczne. Kraków, 1901), str. 164 nst. Ср. также — Młodzież polska na uniwersytetach zagranicznych (Kultura Polska. Wyjątki z dzieł historyków polskich zebrały i ułożyły Helena Witkowska i Wanda Krzyżanowska. Wydanie II. Warszawa, 1922), str. 93.

научнаго образованія. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Августинъ Ротундусъ печатаетъ въ Краковѣ свои литературные труды и занимаетъ урядъ Виленскаго войта. А если все это такъ, то приходится думать, что въ Виттенбергъ въ 1538 году онъ отправился уже будучи докторомъ правъ и лишь не пожелалъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ заявить о своей ученой степени при записи въ университетскій Album.

Виттенбергскій Университетъ въ ту пору привлекалъ къ себѣ не только тѣхъ, кто искалъ въ немъ научнаго обоснованія реформаціоннаго ученія и кто видѣлъ въ Виттенбергѣ прежде всего „городъ Лютера". Послѣ своего преобразованія въ 1536 году этотъ Университетъ занялъ виднѣйшее мѣсто въ ряду германскихъ университетовъ по высотѣ постановки научнаго преподаванія. Особенно выдавался философскій факультетъ своимъ преподаваніемъ языковъ еврейскаго и греческаго, поэтики, грамматики съ чтеніемъ Теренція, математики, діалектики, реторики, физики и морали [1]. И все это преподаваніе было увѣнчано именемъ Филиппа Меланхтона, какъ totius Germaniae lumen, не только преподававшаго различные научные предметы факультета, но и написавшаго по нимъ учебники, разошедшіеся по другимъ университетамъ Германіи и получившіе распространеніе въ различныхъ странахъ Европы, а въ ихъ числѣ также и въ Польшѣ. Въ 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI столѣтія въ Краковѣ и другихъ городахъ былъ напечатанъ рядъ сочиненій Меланхтона [2], а въ Кенигсбергѣ даже вышелъ польскій переводъ одного изъ его произведеній [3]. Имя Меланхтона гремѣло не только какъ сотрудника Мартина Лютера, создателя протестантской богословской науки и автора исповѣданія вѣры по лютеранскому ученію. Меланхтонъ былъ величайшимъ ученымъ того времени въ области предметовъ преподаванія на философскихъ факультетахъ, и въ частности въ области классической и еврейской филологіи [4]. Это имя, нуж-

---

[1]) См. Fr. Paulsen, op. cit., S. 215.

[2]) См. Dr. Karl Estreicher, Polnische Bibliographie des XV-XVII Jahrhunderts, S.S. 15, 18, 28, 36, 47, 55.

[3]) Examen theolog. albo Doświadczenie w nauce kaznodz., tł. Jan Radomski. Ibidem, S. 55.

[4]) Album Виттенбергскаго Университета сохранилъ такую характеристику Меланхтона: „Anno sequente, id est 1560, die decimo nono Aprilis amisit Academia patrem, patronum, praeceptorem et rectorem suum Philippum

но думать, привлекало къ себѣ и Августина Ротундуса. Будучи уже докторомъ „обоего права“, онъ могъ рѣшиться на путешествіе въ Виттенбергъ для знакомства съ Меланхтономъ и завершенія подъ его руководствомъ своего образованія въ области древней филологіи въ особенности. Связанный своимъ служебнымъ положеніемъ и отношеніями къ высшему католическому духовенству, Ротундусъ не долженъ былъ желать широкой огласки своего пребыванія въ „городѣ Лютера“, а потому и не обозначилъ своей докторской степени при записи въ Album Виттенбергскаго Университета.

Бѣльскій привилей 1564 года говоритъ, что въ составленіи Второго Литовскаго Статута принимали участіе „доктори правъ чужоземъскихъ“ [1]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ числѣ этихъ докторовъ привилей разумѣетъ и Августина Ротундуса. Контекстъ фразы Бѣльскаго привилея, въ которомъ „доктори правъ чужоземъскихъ“ поставлены послѣ пановъ-радъ, земскихъ урядниковъ и „особъ“ изъ „народа шляхетъского“, какъ будто указываетъ на иностранное происхожденіе этихъ докторовъ. Отсюда возможно выводить указаніе на иностранное происхожденіе и Августина Ротундуса. Мы не рѣшились бы съ полною увѣренностью сдѣлать выводъ изъ всего приведеннаго нами для разрѣшенія вопроса о происхожденіи этого выдающагося дѣятеля Великаго Княжества Литовскаго XVI столѣтія и, какъ уже отмѣтили выше, не считаемъ возможнымъ при состояніи нашихъ источниковъ въ настоящее время высказаться совершенно опредѣленно. Но, если Ротундусъ былъ родомъ изъ Италіи и въ одномъ изъ ея университетовъ пріобрѣлъ свою докторскую степень, онъ долженъ былъ сразу послѣ своего прибытія въ Польшу занять достаточно авторитетное служебное положеніе, ибо не пожелалъ, а стало быть и не имѣлъ нужды, стать „cives academicus“ Краковскаго Университета и не далъ себя „intitulare“ или „inscribere“ въ университетскій „album“, хотя въ него вписался рядъ ученыхъ,

---

Melanthonem, virum naturae bonitate, dotibus eximiis ingenii, rectitudine iudicii, amore et studio proferendae atque explicandae veritatis, christiana pietate, vitae integritate ac sanctimonia, beneficentia erga pauperes, in ferendis iniuriis inuicta et inimitabili patientia, humanitate, prudentia, doctrina, eloquentia praestantissimum, verum Spiritus Sancti organum et omnium sanctarum virtutum viuum exemplum“. Volumen primum, p. 367.

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 135.

пріѣхавшихъ въ Краковъ изъ-за границы[1]). Ему не была нужна „tutela“ Университета, ради которой вносили иногда свои имена въ списки „академическихъ гражданъ“ и люди, не бывшіе ни студентами, ни преподавателями университетовъ[2]).

При Сигизмундѣ Старомъ Августинъ Ротундусъ занялъ должность секретаря. Его ученость и превосходное знаніе латинскаго языка, котораго онъ, въ ту эпоху расцвѣта классической латыни, былъ выдающимся знатокомъ и стилистомъ, дѣлали его желаннымъ составителемъ писемъ и „листовъ“ монарха Литвы и Польши и крайне желательнымъ работникомъ въ королевской канцеляріи. Вышедшіе изъ-подъ его пера листы короля и великаго князя[3]) и его частныя письма[4]) представляютъ собою прекрасные образцы лучшаго литературнаго латинскаго языка того времени, послѣ гуманистической реформы средневѣковой латыни. Въ годы составленія Второго Литовскаго Статута Августинъ Ротундусъ былъ войтомъ Вильны[5]), но одновременно съ тѣмъ оставался и королевскимъ секретаремъ[6]). При этомъ по послѣднему своему уряду онъ входилъ,

---

[1]) 1503 г. — Johannes Silinus Francisci de Mathio, doctor vtriusque iuris (p. 84), 1510 г. — Garsias quadres hispaliensis natione hispanus vtriusque iuris Doctor.... (p. 126), 1518 г. — Ludovicus Masati de Aliphia, doctor vtriusque iuris, dioc. Barensis, cancellarius serenissime domine Bone regine Polonie (p. 187), 1522 г. — Augustinus Volffgangi de Freberga dioc. Brandeburgiensis Magister Universitatis Vitembergensis (p. 218), 1526 г. — Volfgangus Henrici Stirus ex Pruch Artium liberalium Magister Gymnasy Vienensis (p. 231), 1529 г. — Johannes Kusanus Petri Henklen de Kusan dioc. Triuerensis, Magister Coroniensis..... (p. 243). Album Stud. Univ. Crac., t. II.

[2]) Внесеніе въ списки „civium universitatis“ соединялось, какъ извѣстно, и съ принятіемъ „in tutelam universitatis“. Такъ, напримѣръ, въ 1572 году въ матрикулы Тюбингенскаго Университета была вписана „Agnes Künigspächin relicta vidua in Christo defuncti Dr. Jacobi Künigspachii.... cum tota familia“; подъ 1578 годомъ въ нихъ значатся пять женщинъ какъ „receptae pro civibus universitatis“. Dr. Heinrich Hermelink, Die Matrikeln der Univ. Tübingen, erst. Band, S.S. 522, 574.

[3]) Напр., A. H. R. G. P. ill., IV, str. 329—331 (№ 344).

[4]) Рядъ писемъ Ротундуса къ Ст. Гозію изданъ въ IV и IX томахъ A. H. R. G. P. ill., а также I. Лукашевичемъ — Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnéj Maléj Polsce (Poznań, 1853), str. 56—62 (nota).

[5]) M. Baliński, Historya Miasta Wilna, t. II, str. 126.

[6]) Профессоръ В. Закржевскій въ примѣчаніи 1-мъ на стр. 306—307 четвертаго тома A. H. R. G. P. ill. говоритъ объ Ротундусѣ: „Milesius cognominatus (quod minus recte a plerisque: Mileski vel Mielicki polonice vertitur)

видимо, въ составъ урядниковъ не Великаго Княжества Литовскаго, а Польской Короны. Его имени нѣтъ въ спискѣ господарскихъ секретарей Литвы, составленномъ I. Вольфомъ на основаніи изученія обширнаго актоваго матеріала[1]). Въ канцеляріи Сигизмунда Августа Ротундусъ работаетъ вмѣстѣ съ Короннымъ секретаремъ Кромеромъ[2]). Конечно, въ должности секретаря, въ своей дѣятельности связаннаго не столько съ государственной канцеляріей, сколько съ монархомъ лично, легко сглаживались границы, отдѣлявшія уряды и учрежденія Литвы и Короны, такъ старательно и настойчиво оберегавшіяся и до Люблинской Уніи, и послѣ нея[3]). Должность секретаря не то, что должность писаря, которая была уже строго государственнымъ Литовскимъ или Польскимъ урядомъ и которую получалъ далеко не каждый секретарь[4]). Но во всякомъ случаѣ, свои связи съ Польшею, какъ должностное лицо, входящее въ ряды ея урядниковъ, Августинъ Ротундусъ сохранилъ, повидимому, до конца своей жизни и, во всякомъ случаѣ, въ годы составленія Второго Литовскаго Статута. Стрыйковскій въ своихъ виршахъ, воспѣвающихъ торжественный въѣздъ въ Краковъ и коронацію Генриха Валуа, разсказываетъ, что 18 февраля 1574 года на встрѣчу Генриху выѣхали Коронные сенаторы со своими „почтами", за ними Литовскіе сена-

———

Iuris U. Dr. et Secretarius Regius, qui cum hoc tempore in Cancellaria Regia erat occupatus, non potuit iam a. 1542 Advocatus Vilnensis esse factus, ut tradit Baliński, Historya Wilna, II 126; itaque postea munus hoc obtinuisse videtur". Это замѣчаніе совершенно неправильно. Ротундусъ дѣйствительно занималъ одновременно съ секретарскимъ урядомъ должность Виленскаго войта, и въ этомъ не было ничего исключительнаго и страннаго. Такъ, напримѣръ, Могилевскимъ войтомъ Стефанъ Баторій въ 1577 году назначилъ Литовскаго писаря и Виленскаго подкоморія Николая Ясенскаго (А. З. Р., III, № 77).

[1]) J ó z e f W o l f f, Senatorowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego, str. 259—271.

[2]) Пр. Броневскій, служившій въ Коронной канцеляріи, писалъ Ст. Гозію 5 января 1554 года изъ Кнышина: „nunc unde haec discam, non habeo, Cromero praesertim et Rotundo absentibus". A. H. R. G. P. ill., t. IX, p. 396 (№ 1167).

[3]) Такъ, Анна Ягеллонка писала Сигизмунду III-му изъ Варшавы отъ 3 февраля 1591 года: „aliecz tho, Panie Synaczku, niedobrze; że matuchny przepominasz, ni wskazaniem, ni listkiem, choczby gi hramothą ruską, iesli polskich secretarzow niemasz,...." Biblioteka Warszawska, 1841, I, str. 137.

[4]) См. только что указанные списки писарей и секретарей Литовскихъ, составленные I. Вольфомъ.

торы и паны со своими панскими „дворами“, за ними ѣхала новая группа сенаторовъ, а дальше Коронные канцлеръ, подскарбій, со своими „почтами“, и послѣ нихъ дворный маршалокъ Опалинскій, Войтѣхъ Пржетоцкій и „тотъ мужъ ученый, войтъ Виленскій Ротундусъ вели дворъ со своей стороны“[1]). Съ королевскими дворянами Польши могли ѣхать и ихъ вести, конечно, только Коронныя должностныя лица.

Въ то же время, однако, Августинъ Ротундусъ былъ несомнѣннымъ „обывателемъ“ Великаго Княжества Литовскаго, входилъ въ составъ его шляхетскаго „народа“ и, какъ полноправный Литовскій шляхтичъ, обладалъ всѣми принадлежащими шляхтѣ Литвы правами и подлежалъ исполненію всѣхъ лежащихъ на ней обязанностей по отношенію къ государству Великаго Княжества Литовскаго. Перепись „войска господарского Великого Княжства Литовского“ въ 1565 году въ Раковѣ, въ составѣ почтовъ маршалковъ, старостъ и „врадниковъ его королевской милости“, отмѣчаетъ: „панъ Аукгуштынъ Ротунъдъ, секретаръ его королевской милости, войтъ Виленъски, выслалъ з іменъ своихъ коней 3 въ пан[цырехъ], въ прыл[бицахъ], съ тарчою, з древы“[2]). Въ 1567 году былъ произведенъ новый „пописъ войска земъского Великого Князъства Литовъского, которые збирали ся за уфалою сойму Городенского“, и въ этой переписи Ротундусъ значится уже въ составѣ шляхты Ошменскаго повѣта Виленскаго воеводства. Въ „пописѣ“ 1567 года о немъ записано: „панъ Авъкгуштынъ Ротундусъ Мелестский, секретарь короля его милости, державца Стоклишский, войтъ Виленский, который з ымѣней своихъ з Кгедейковъ въ повѣте Ошменскомъ а з Ермолишокъ въ повѣте Ви-

---

[1]) „Potym kanclerz s podskarbim, cni senatorowie
Koronni, w swej siwiznie uczciwi panowie,
Za poczty swymi świetno łsniącymi jechali,
Ci w trąbi, drudzy w bębny jak grom kołatali.
Opaliński też dworny marszałek za swymi,
Z ośmdziesiąt w zbrojach jechał po włosku świetnymi
Przetocki Wojciech sławny, z nim on mąż uczony
Wojt Wileński Rotundus, wiedli dwór s swej strony“.

Kronika Polska, Litewska, Źmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego, t. II (Warszawa, 1846), str. 450—451.

[2]) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 240.

ленскомъ повиненъ былъ почту ставити коней 6, нижъли листомъ короля его милости тотъ почотъ его вызволенъ“[1]).

Приведенная сейчасъ запись „пописа“ 1567 года представляетъ собою значительный интересъ. Во-первыхъ, въ ней Ротундусъ именуется уже съ прибавленіемъ новой фамиліи Мелестскаго, что опровергаетъ имѣющееся въ литературѣ утвержденіе, будто эта фамилія получена имъ лишь отъ Стефана Баторія[2]). Во-вторыхъ, за время съ 1565-го по 1567 годъ онъ не только получилъ Стоклишскую державу, но и увеличилъ свое землевладѣніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, ибо въ 1567 году долженъ былъ выставлять въ земскомъ войскѣ Литвы шесть конныхъ воиновъ, тогда какъ въ 1565 году выставлялъ ихъ лишь трехъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Ротундусъ былъ полноправнымъ обывателемъ-шляхтичемъ Великаго Княжества Литовскаго въ годы послѣ утвержденія Второго Статута. Но мы видѣли выше, что онъ былъ и дожностнымъ лицомъ въ Коронѣ Польской. Былъ ли онъ и польскимъ подданнымъ, съ увѣренностью сказать мы не рѣшились бы. Но двойное подданство, польское и литовское, отнюдь не было невозможнымъ. Съ такимъ двойнымъ подданствомъ бывали и до Люблинской Уніи, и послѣ нея лица, владѣвшія имѣніями въ обоихъ государствахъ и несшія обязанности „обывателей“ какъ одного изъ нихъ, такъ и другого.

Августинъ Ротундусъ былъ самымъ правовѣрнымъ католикомъ. Онъ не только враждебенъ разновѣрію, широкимъ и быстрымъ потокомъ разливавшемуся въ его время по Литвѣ и Польшѣ. Онъ просто ужасается, видя, какъ послѣдователи новыхъ религіозныхъ ученій эпохи реформаціи поднимаютъ свою руку на католическую церковь, ея догматическое и нравственное ученіе, ея храмы, обряды и духовенство. Самъ онъ навсегда останется вѣрнымъ Римской католической церкви[3]). Ро-

---

[1]) Тамъ же, ст. 586.

[2]) „Rotundus ten był zrazu procuratorem sądów królewskich zadwornych w Krakowie, potém sekretarzem króla Zygmunta Augusta i wójtem miasta Wilna; przez króla Stefana Batorego do godności szlacheckíej wyniesiony, przyjął nazwisko Mieleckiego“. I. Daniłowicz, Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego. Wizerunki i roztrząsania naukowe, poczet nowy, tomik trzynasty (Wilno, 1837), str. 121—122.

[3]) Ротундусъ писалъ Ст. Гозію изъ Вильны отъ 22 марта 1556 года: „Etsi humana gloria christianos capi fas non sit, tamen.....collaudatam a R. Dne. V. meam in retinendis Romanae catholicaeque Ecclesiae institutis con-

тундусъ съ величайшимъ почитаніемъ и преданностью относится къ Станиславу Гозію, такъ энергично и умѣло спасавшему въ Польшѣ и Литвѣ католическую церковь, совершенно, казалось, погибавшую въ высоко поднявшихся волнахъ реформаціоннаго движенія. Въ своихъ письмахъ къ Гозію онъ восхваляетъ его за его дѣятельность, доставляетъ ему весьма цѣнныя для него свѣдѣнія, сообщаетъ объ исполненіи данныхъ имъ порученій и выступаетъ не только какъ преданнѣйшій почитатель этого крупнѣйшаго католическаго дѣятеля, но даже и какъ его сотрудникъ. Отъ признанія своихъ заслугъ, однако, Ротундусъ далекъ въ своихъ письмахъ къ чтимому имъ кардиналу, хотя и много работаетъ для его дѣла. Себя онъ называетъ человѣкомъ, страшно занятымъ мірскими дѣлами, далекими отъ размышленій по волнующимъ его религіознымъ вопросамъ[1]). Но онъ возмущается печальнымъ положеніемъ католичества, негодуетъ на утвержденную Сигизмундомъ Августомъ свободу исповѣданія и проповѣдыванія разновѣрія и ищетъ возможности вліять въ интересахъ католической церкви и на колеблющагося великаго князя[2]), и даже на твердаго какъ скала въ своей пре-

stantiam non potui non delectari et non magis ea ac magis in perpetuum retinenda mihi existimare..... Nec sane homini non prorsus stupido magna contentione ad continendum se in christiano officio opus est, si diversa sectantium ineptias spectet, nulla in re praeterquam in religionis, pietatis, sanctitatis, ceremoniarum, iurisiurandi, templorum, sacrificiorum, pontificum contemptu sibi consentientium, et tanta in varietate ac dissensione versantium, ut eorum sententias annumerare animus horreat". A.H.R.G.P. ill., t. IX, pars II, p. 693 (№ 1586).

[1]) Въ письмѣ изъ Вильны отъ 18 сентября 1557 года, восхищаясь писаніями Гозія противъ Брентія (Бренца), Ротундусъ о себѣ говоритъ: „mihi certe homini profanis et prorsus ab hac cogitatione alienis negotiis occupatissimo perquam utilis haec lectio fuit". A. H. R. G. P. ill., t. IX, p. II, p. 874 (№ 1829). Извлеченіе изъ того же письма было издано раньше Лукашевичемъ съ датировкою: „Z Wilna XIII kalend. Octobris 1551". Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnéj Maléj Polsce (Poznań, 1853), str. 61.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанныхъ къ Гозію въ 1567 году, разсказавъ о своемъ возмущеніи разновѣрческими книжками на польскомъ языкѣ, Ротундусъ прибавляетъ: „haec ego Regi audiente Episcopo vilnensi et rogante, ut haeresibus istis remedium aliquod adferat, narravi, utinam qui antea autoritatem magistratus ecclesiastici labefactari passus est, suam labefactari ne patiatur, ac utinam isti, qui ab ecclesia discesserunt, agnoscant tandem experientia edocti, fures fuisse et latrones Duces istos suos, quibus tantopere confidebant, non verbi Dei, sed licentiae et rebellionis ministros, qui illos, ecce in quantam voraginem faucium inferum praecipitarunt". J. Łukaszewicz, op. cit., str, 59.

данности разновѣрію Николая Чернаго Радивила[1]). Въ обращеніи отдѣльныхъ лицъ изъ разновѣрія и возвращеніи ихъ въ лоно католической церкви Ротундусъ принимаетъ непосредственное участіе[2]). Онъ же, вмѣстѣ съ кардиналомъ Гозіемъ, убѣдилъ и Виленскаго бискупа Валеріана Протасевича призвать въ Вильну іезуитовъ[3]).

На фонѣ современной ему религіозно-общественной жизни Великаго Княжества Литовскаго личность Августина Ротундуса выступаетъ отчетливо и ярко. Въ явленіяхъ этой жизни было много исканія идеала и беззавѣтной ему преданности, готовой для него на всѣ личныя и матеріальныя жертвы. Но рядомъ съ этимъ было и много безразличія къ религіи, легкомыслія и исканія матеріальныхъ выгодъ, которыя могли предоставить своимъ единовѣрцамъ сильные и вліятельные люди, стоявшіе во главѣ разновѣрческихъ группировокъ[4]). Ротундусъ совершенно чуждъ какому-либо личному и матеріальному расчету, оставаясь неуклонно вѣрнымъ своей старой церкви. Наоборотъ, эта вѣрность ей мѣшала установленію вполнѣ искреннихъ и близкихъ отношеній и къ Сигизмунду Августу, и къ

---

[1]) Такъ, объ ученіи Брентія Ротундусъ говорилъ съ Радивиломъ подъ Оникштами въ 1551 году. Ibidem, str. 60—61.

[2]) Такъ, работая для приведеенія Яна Еронимовича Ходкевича въ лоно католической церкви, Ротундусъ писалъ Гозію въ 1567 году: „Spero eum prope diem Vilnam venturum, ubi multo liberior mihi dabitur et de R. D. V. et de religione cum illo disserendi occasio, nam Grodnae cum propterea quod est inter primarios senatores, qui in Reipublicae negotiis assidue versabatur, tum propter munus Marsalchatus occupatissimus fuit, quin et calculi colicaeque doloribus saepe infestabatur, ita ut adeundi ejus et alloquendi mihi liberum tempus nullum daretur, habet inter familiares viros bonos et catholicos, mihi amicos.....“ Ibidem, str. 56.

[3]) Ср. Józef Łukaszewicz, Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794, tom I (Poznań, 1849), str. 120.

[4]) Объ этихъ выгодахъ очень выпукло писалъ Лукашевичъ, возражая противъ упрековъ, сдѣланныхъ ему католическими кругами за его неполемическое отношеніе къ „разновѣрію“: „Czyż są jeszcze pomiędzy kilku zubożałemi rodzinami protestanckiemi polskiemi Radziwiłłowie czarni, którzyby mi, jak niegdyś Orzechowskiemu, za łajanie Papieżników, jurgielt roczni wyznaczyć mogli? Czyż jest dziś jaki Zygmunt August, któryby mi mógł województwo, kasztelanią, starostwo, lub inny jaki kawałek chleba bene meritorum za odszczepieństwo konferować?“ Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyzn. helw. w dawnéj M. Polsce, str. VIII.

Николаю Черному Радивилу, бывшему воеводою того воеводства, главнымъ городомъ котораго являлась Вильна, т. е. мѣсто войтовства Ротундуса. Та же вѣрность католической церкви стояла и на пути сближенія его съ другими вліятельнѣйшими лицами Литвы, начиная съ Николая Юрьевича Радивила, ставшаго преемникомъ Николая Чернаго на урядѣ Виленскаго воеводы. Въ лицѣ Августина Ротундуса передъ нами несомнѣнно человѣкъ сильной воли и большой духовной силы, неспособный легко измѣнять своимъ убѣжденіямъ и отступать отъ своихъ идеаловъ.

Тѣ же вѣрность своему долгу и отсутствіе самомнѣнія характеризуютъ Ротундуса и въ дошедшихъ до насъ его выступленіяхъ въ качествѣ ученаго и писателя. Очень извѣстный во второй половинѣ XVI вѣка дѣятель разновѣрія и политическій мыслитель Андрей Воланъ, выпуская въ 1572 году свой трудъ „De libertate politica sive civili"[1]), обратился къ Августину Ротундусу съ просьбою предварительно просмотрѣть эту его работу, исправить въ ней ошибки и упущенія и написать для нея предисловіе. „Со скромностью, свойственною истиннымъ ученымъ", по опредѣленію новѣйшаго біографа Волана[2]), Ротундусъ отвѣтилъ, что не считаетъ себя въ силахъ добавить что-либо цѣннаго къ превосходному труду его автора, прибавилъ, что, занятый все время дѣлами своего уряда, онъ отсталъ отъ классической литературы и не владѣетъ уже тонкостями ея языка, и вмѣсто просимаго предисловія написалъ Волану свое посланіе-листъ, который тотъ и напечаталъ при своей книжкѣ[3]). Любопытно, что Ротундусъ и тутъ остался вѣренъ своей пре-

---

[1]) De libertate politica sive civili libellus lectu non indignus, autore Andrea Volano. Cracoviae, 1572.

[2]) Michał Baliński, Andrzej Wolan. Biblioteka Warszawska, 1841, styczeń, str. 130. Та же работа Балинскаго была затѣмъ напечатана въ собраніи его сочиненій (Pisma Historyczne Michała Balińskiego, tom III, Warszawa 1843, str. 1—136). Въ этомъ изданіи заглавіе статьи: „Andrzej Wolan. Jego życie uczone i publiczne". Цитируемое нами въ текстѣ мѣсто — str. 28.

[3]) „Avgvstinvs Rotvndvs Mielesius i. v. doctor, praetor Vilnen: Andreae Volano amico singulari S.P." Дата: „Tabariscis 4. Id Decemb. Anno salutis humanae 1571". Это писаніе къ Волану было переиздано Ротундусомъ въ 1582 году въ его книжкѣ „De Dignitate Ordinis Ecclesiastici Regni Poloniae". Мы цитируемъ по экземпляру этого второго изданія.

данности католической церкви. Онъ спрашивалъ Волана, почему онъ не остановился на дарованной Сигизмундомъ Августомъ свободѣ религiозныхъ вѣрованiй, которая по убѣжденiю Ротундуса представляетъ собою такую опасность для государства[1]). Мѣткость сужденiй, высказанныхъ Ротундусомъ въ посланiи къ Волану о современной ему польской политической литературѣ, отмѣчается съ большимъ вниманiемъ новѣйшимъ историкомъ литературной критики въ Польшѣ[2]).

Воланъ, обращаясь къ Августину Ротундусу за сужденiемъ о своей книжкѣ и ея исправленiемъ, видѣлъ въ немъ знатока тогдашней политической мысли и ея главной основы, классической литературы, которой положенiя эта мысль развивала примѣнительно къ явленiямъ общественной и государственной жизни XVI столѣтiя. Но Ротундусъ былъ не только образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Онъ былъ глубокимъ специалистомъ въ области тогдашней науки права и историкомъ Великаго Княжества Литовскаго. Авторитетъ его какъ историка былъ настолько признанъ, что, какъ разсказываетъ Стрыйковскiй, когда Янъ Ходкевичъ нашелъ въ замкѣ Румборгѣ рукопись хроники Петра Дюсбурга, онъ ее отдалъ на просмотръ Августину Ротундусу, какъ человѣку „великой науки", и только уже послѣ его просмотра далъ Стрыйковскому для использованiя[3]). Сохранились извѣстiя, что Ротундусъ написалъ исторiю

---

[1]) „Proinde Volane, magnum operae precium facturus mihi videreris, si hanc quoque credendi quiduis cuiuis de fide et religione nostra facilitatem vel vanitatem leuitatemque potius et docendi licentiam, scripti huius tui libertate perstringendam tibi et prorsus damnandam putaueris. In nulla enim Repub. in nullis externis regionibus ac ciuitatibus, tantum licere vulgo conceditur, quantum in Polonia nostra licere videmus; propterea quod Polonia sola tantam sibi libertatis praerogatiuam, inter seculi nostri nationes arrogat; vt quicquid illi adlibuerit, facere liceat. Nam etsi in vicina nobis Germania, quae parens haec aetate nostra diuersarum religionum est, diuersae sunt religionis ac fidei sectae, a veteri purioris saeculi integritate ac constanti pietate dissentientes; tamen si quae vrbs, si quis populus, publice vnam aliquam sectam sequendam sibi delegit ac proposuit; diuersum a se sentientem non fert; sed e suo coetu, tanquam pacis et concordiae ciuium perturbatricem explodit ac exturbat. In Poloniae autem nostrae locis fere omnibus feruntur ac tolerantur". P. 7.

[2]) Piotr Chmielowski, Dzieje krytyki literackiej w Polsce (Warszawa, 1902), str. 33—35.

[3]) Mac. Stryjkowski, Kronika, t. I (Warszawa, 1846), str. 253.

Литвы. Трудъ его пока не найденъ, а можетъ быть, и погибъ[1]). Самъ его авторъ считалъ своею задачею изложить въ немъ то, что было для него возможно и что онъ считалъ нужнымъ для Великаго Княжества Литовскаго[2]). Идея долга, выступающая въ другихъ фактахъ жизни Августина Ротундуса, приведенныхъ нами раньше, видна и въ этомъ опредѣленіи имъ своей задачи историка Литвы.

Въ исходѣ XIX-го и въ началѣ XX-го столѣтія Ротундусу были приписаны два анонимныхъ произведенія второй половины XVI вѣка, а именно „Rozmowa Polaka z Litwinem", напечатанная въ 1564 году[3]), и „Zdanie o obieraniu nowego króla", написанное во время безкоролевья, наступившаго послѣ смерти Сигизмунда Августа. Иниціаторомъ признанія авторства Ротундуса по отношенію къ обоимъ этимъ произведеніямъ явился профессоръ А. Брюкнеръ. Поводомъ для того, чтобы поднять вопросъ объ авторствѣ Ротундуса по отношенію къ анонимному трактату „Rozmowa Polaka z Litwinem", послужилъ профессору Брюкнеру выходъ въ 1886 году двухтомнаго труда графа Станислава Тарновскаго „Studia do historyi literatury polskiej. Pisarze polityczni XVI wieku". Гр. Тарновскій, упомянувъ о литовскомъ отвѣтѣ на полный нападокъ на Литву и высокомѣрнаго по отношенію къ ней тона Quincunx Оржеховскаго, писалъ, что представляющая собою этотъ отвѣтъ книжечка „Roz-

---

[1]) Cp. Tadeusz Czacki, O Litewskich i Polskich Prawach, o ich duchu, żrzódłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 roku wydanym (Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego. Tom I. Poznań, 1844), str. III, nota b.; X. Fr. Siarczyński, Obraz wieku pan. Zygm. III, cz. II, str 136; T. Narbutt, Dz. Nar. Lit., t. IX, dod. X, str. 28. Въ Janociana, однако, читается, что Ротундусъ прервалъ свой историческій трудъ, когда умеръ побудившій его къ нему Сигизмундъ Августъ (v. I, p. 225).

[2]) „Haec omnia, quae credidi esse Patriae necessaria, quae scribere mihi fas erat, vobis exponere arbitror: vestrum judicium non de mea voluntate, sed de opere exoro". Эти слова изъ письма Ротундуса къ Николаю Радивилу отъ 12 февраля 1560 года приводимъ по цитатѣ Т. Чацкаго — op. cit., str. V.

[3]) Rozmowa Polaka z Litwinem z której tu snadnie każdy obaczyć może co jest prawa wolność abo swoboda i jakoby uniją Korona Polska z Księstwem Litewskim przyjąć miela przeciw sromotnemu i omylnemu Stanisława Orzechowskiego pisaniu którym niewinnie sławne Księstwo Litewskie zełżyć chciał uczyniona. Przydana jest ktemu rozmowa o niewolej Litewskiej.

mowa Polaka z Litwinem“ ему осталась неизвѣстной[1]). Профессоръ Брюкнеръ въ своей рецензіи этого труда отмѣтилъ важность Rozmowy и приписалъ ея авторство Августину Ротундусу[2]). Въ 1891 года Rozmowa Polaka z Litwinem была издана д-ромъ Іосифомъ Корженіовскимъ[3]), который въ своемъ предисловіи цѣликомъ присоединился къ мнѣнію профессора Брюкнера объ авторствѣ Ротундуса. Въ рецензіи этого изданія проф. Брюкнеръ еще болѣе точно повторилъ свои доводы въ пользу своего мнѣнія объ авторствѣ Ротундуса[4]). Въ томъ же 1891 году, когда была напечатана эта рецензія проф. Брюкнера, А. Рембовскій опубликовалъ статью, посвященную изданному І. Корженіовскимъ трактату[5]). Въ ней, приведя опредѣленіе послѣднимъ авторства брошюры на основаніи доводовъ проф. Брюкнера, Рембовскій, однако, въ текстѣ своей статьи избѣгаетъ называть Ротундуса авторомъ приписанной ему брошюры и говоритъ лишь объ авторѣ „предполагаемомъ“[6]). Эта осторожность должна быть признана вполнѣ умѣстною.

Въ самомъ дѣлѣ — какія основанія привелъ проф. Брюкнеръ для своего утвержденія, что Rozmowa написана Августиномъ Ротундусомъ? Это: 1) преданность ея автора католической церкви и порицаніе терпимости къ разновѣрію, 2) знакомство его съ лѣтописями Литвы[7]) и 3) его личныя связи съ Андреемъ Воланомъ, иниціалы котораго стоятъ подъ виршами „Do Polaków i do Litwy“, напечатанными въ составѣ текста

---

1) St. Tarnowski, Pis. pol. XVI w., t. I (Kraków, 1886), str. 303, n. I.

2) Archiv für slavische Philologie, XII (1889), S. 161.

3) Wydawnictwa Akademii Umiejętności w Krakowie. Biblijoteka Pisarzów Polskich. Rozmowa Polaka z Litwinem 1564. Wydał Dr. Józef Korzeniowski, W Krakowie, 1890.

4) Kwartalnik Historyczny, rocznik V (Lwów, 1891), str. 856.

5) Przewodnik Naukowy i Literacki, rocznik XIX (Lwów, 1891), str. 916—927 i 1033—1042 („Przyczynek do historyi nauk politycznych w dawnej Polsce. Rozmowa Polaka z Litwinem z roku 1564“). Статья эта затѣмъ была перепечатана въ I томѣ собранія сочиненій Рембовскаго (Pisma Alexandra Rembowskiego. Tom I. Kraków-Warszawa, 1901), въ статьѣ „Przyczynki do historyi literatury politycznej i ekonomicznej w Polsce“, съ подзаголовкомъ „Wójt Wileński“ (str 284—305).

6) „Domniemany burmistrz wileński“, „autor „Rozmów“, „domniemany autor“ (Pisma, t. I, str. 299, 300, 302, 303, 304, 305).

7) „obeznany z kronikami litewsko-ruskiemi, jakim przed Stryjkowskim był właśnie Rotundus, zabierający się do historyi Litwy“. Kw. Hist., r. V, str. 856.

брошюры. Постараемся разобраться въ этихъ основаніяхъ для признанія Августина Ротундуса авторомъ Rozmowy.

Преданность католической церкви не можетъ сама по себѣ служить рѣшающимъ аргументомъ по отношенію къ авторству Ротундуса. Эту преданность имѣлъ не одинъ онъ. Правда, порицаніе религіозной терпимости въ Польшѣ въ Rozmowie очень напоминаетъ по своимъ мыслямъ то, что говоритъ о ней Ротундусъ въ своемъ посланіи къ Волану, написанномъ въ 1571 году[1]). Но онъ могъ высказывать свои мысли много разъ въ устной бесѣдѣ съ различными лицами и даже въ своихъ письмахъ къ своимъ корреспондентамъ, и онѣ черезъ посредство его собесѣдниковъ и друзей могли оказаться изложенными въ Rozmowie. Что касается знакомства автора ея съ литовско-русскими лѣтописями, то его имѣлъ далеко не одинъ Августинъ Ротундусъ. Количество списковъ и редакцій ихъ, сохранившихся до нашего времени, достаточно велико. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ XVI столѣтіи этихъ списковъ обращалось въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ неизмѣримо больше. Въ спискѣ русскихъ книгъ, принадлежавшихъ Сигизмунду I-му, въ числѣ другихъ значится Кіевскій лѣтописецъ[2]). Рукописные экземпляры литовско-русской лѣтописи должны были имѣться въ книжныхъ собраніяхъ крупныхъ князей и пановъ. Ихъ, надо думать, можно было встрѣтить и у достаточныхъ шляхтичей и мѣщанъ. Историческія знанія въ области своего историческаго прошлаго имѣли распространеніе въ средѣ обывателей Великаго Княжества Литовскаго не меньшее, чѣмъ были распространены въ Польшѣ и другихъ государствахъ въ то время свѣдѣнія по ихъ исторіи въ кругахъ ихъ интеллигенціи. Въ письмахъ Филона Кмиты, бывшаго съ 1567 года Оршанскимъ старостою, обнаруживается даже знакомство ихъ автора, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ русскихъ былинъ, обращавшихся въ русскихъ земляхъ Литвы, ибо онъ зна-

---

[1]) См. нашу цитату, выше (стр. 69, прим. 1).

[2]) Biblioteka Warszawska, 1875 r., serya V, styczeń, tom I, str. 280. „Reiestr Knih Ruskich", въ которомъ обозначена „Kniha Letopisiec ..... Kiiewski", входитъ въ составъ скарбнаго регестра начала XVI столѣтія — „Regestr pospolitych reczey skarbnych, a spisany w języku ruskim w roku 1510, w dzień św. Stanisława" (Kazimierz Pułaski, Spis książek Zygmunta I).

етъ и Илью Муромца, и Соловья Будимировича[1]). Такимъ образомъ, думается намъ, что знакомство съ литовско-русскими лѣтописями и обладаніе историческими свѣдѣніями по исторіи Литвы не могутъ быть признаны достояніемъ одного Ротундуса, а стало быть, и не могутъ имѣть рѣшающаго значенія при разрѣшеніи вопроса о личности автора Rozmowy. Наконецъ, третье, что выдвинулъ проф. Брюкнеръ какъ доказательство авторства Августина Ротундуса, т. е. его личныя связи съ Воланомъ, можетъ имѣть извѣстную силу лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на Rozmowy какъ на литературное произведеніе, связанное своимъ происхожденіемъ только съ именами Ротундуса и Волана. Но и въ такомъ случаѣ долженъ быть поставленъ вопросъ: только ли вирши были написаны Воланомъ, или же онъ принималъ участіе и въ составленіи самаго текста двухъ Rozmów, которыя напечатаны въ брошюрѣ?

Еслибы мы могли приписать Rozmowy авторству одного Ротундуса и искали аргументовъ въ его пользу, мы выдвинули бы то обстоятельство, что въ брошюрѣ этой приведены цитаты изъ первоисточниковъ римскаго и каноническаго права, а Августинъ Ротундусъ имѣлъ ученую степень доктора utriusque iuris. Но суммируя все, что можно привести въ обоснованіе его авторства, мы не можемъ признать возможность его доказать. Этого мало. Кое-что изъ текста Rozmowy безусловно не могло быть написано Ротундусомъ. Такъ, ссылка на Макіавелли съ приведеніемъ его мнѣнія о преимуществахъ наслѣдственной монархіи[2]) не могла выдти изъ-подъ пера такого убѣжденнаго католика, какимъ былъ Августинъ Ротундусъ, ибо трактатъ Il Principe съ 1559 года находился подъ папскимъ проклятіемъ.

---

[1]) „Pomsti Boże hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Sołowia Budimirowicza, prijdiet czas, koli budiet służb naszych potreba“. Изъ письма Кмиты къ Троцкому каштеляну Евстафію Воловичу, отъ 5 августа 1574 года. Zródła do dziejów polskich wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przezdzieckiego, tom II (Wilno, 1844), str. 291.

[2]) Литвинъ спрашиваетъ поляка: „Nie czytałeś kiedy Nicolaum Maciavellum po włosku, który pisał de principe? Ten wywodzi in 2 cap., iż dziedziczny a w onym państwie urodzony pan jest lepszy i pożyteczniejszy rzeczy pospolitej, niż cudzy albo z inąd nabyty, i dawa tam przykładów kilka naszego wieku o tym“. Rozmowa, str. 62.

Въ виду всего этого, мы не рѣшаемся принять предположеніе, что Rozmowa была написана Ротундусомъ. Но это не значитъ, что мы отвергаемъ всякое его участіе въ ея составленіи. Мы полагаемъ, эта книжечка явилась продуктомъ коллективнаго труда нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, былъ и ученый Виленскій войтъ[1]). Литва достаточно внимательно слѣдила за появленіемъ въ Польшѣ враждебныхъ ей литературныхъ произведеній въ серединѣ XVI столѣтія. Назрѣвавшее заключеніе Уніи между обоими государствами заставляло Литву опасаться вліянія этихъ произведеній на польское общественное мнѣніе въ неблагопріятномъ для нея направленіи стремленій польскихъ экзекуціонистовъ. Раздраженіе противъ польскихъ притязаній на Великое Княжество Литовское и высокомѣрный тонъ въ сужденіяхъ поляковъ о культурѣ Литвы и правахъ ея на самостоятельное существованіе свободнаго государства сильно поднялось въ рядахъ литовскихъ пановъ и шляхты. Когда въ 1555 году вышла въ свѣтъ хроника Кромера, старавшаяся оправдать польскія притязанія исторически, когда она получила въ Польшѣ широкое распрсстраненіе[2]) и когда съ заимствованными изъ нея аргументами экзекуціонисты стали энергично выступать на польскихъ сеймахъ, сеймъ Литвы протестовалъ противъ „непристойныхъ хроникъ", появляющихся въ Польшѣ[3]). Совершенно естественно, что и литературная дѣятельность Станислава Оржеховскаго не могла не останавли-

---

[1]) Высказываясь впервые объ авторствѣ Ротундуса по отношенію къ брошюрѣ, проф. Брюкнеръ не считалъ тогда его единственнымъ ея авторомъ. Онъ писалъ: „...A. Rotundus ist meiner Ansicht nach der Hauptverfasser derselben" (Archiv für slav. Phil., XII, S. 161). Черезъ два года, однако, онъ рѣшительно приписалъ Ротундусу это авторство, такъ говоря о содержаніи высказаннаго имъ раньше мнѣнія: „W recenzyi o dziele St. Tarnowskiego P i s a r z e p o l i t y c z n i XVI. w i e k u, umieszczonej w A r c h i v f ü r s l a v i s c h e P h i l o l o g i e w XII. tomie, przypomnieliśmy broszurę, którą p. Tarnowski był przeoczył i przypisaliśmy jej autorstwo wójtowi wileńskiemu, doktorowi praw Aug. Rotundusowi....." (Kwartalnik Hist., rocznik V, str. 856). Повидимому, проф. Брюкнеръ поначалу былъ ближе къ нашему представленію о возможности участія Августина Ротундуса въ составленіи брошюры, чѣмъ въ послѣдующее время.

[2]) Ср М. К. Л ю б а в с к і й, Л.-Р. сеймъ, стр. 598.

[3]) На Виленскомъ сеймѣ 1559 года станы подняли вопросъ „о кривъды отъ пановъ поляковъ границамъ Великого Князъства Литовъского и о таковыи кройники неслушные" и имъ „нелюбые". Р. Ист. Б., XXX, ст. 271 (арт. 3).

вать на себѣ вниманія Литвы, ибо въ ней находили свое выраженіе и экзекуціонизмъ, и националистическія польскія тенденціи, и высокомѣрно-презрительное отношеніе къ Литвѣ. Когда въ 1564 году вышелъ Quincunx Оржеховскаго, руководящіе круги Литвы не могли оставить его безъ литовскаго отвѣта. Этотъ отвѣтъ, естественно, долженъ былъ быть составленъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ характера выступленія отдѣльныхъ лицъ или группировокъ. Его содержаніе должно было подняться надъ религіозными спорами и другими вопросами, раздѣлявшими шляхетскій „народъ" Литвы на теченія мысли и разновидности стремленій и интересовъ. Нужно было составить литовскій отвѣтъ такъ, чтобы его текстъ въ то же время не позволилъ бы Оржеховскому, объявивъ его разновѣрчески-еретическимъ, просто отбросить въ сторону. Мы и предполагаемъ, что отвѣтственность дѣла составленія отвѣта на Quincunx Оржеховскаго потребовала коллективности его выработки. Мы думаемъ, что рядъ лицъ былъ привлеченъ къ этому труду. Ротундусъ, естественно, по всей вѣроятности былъ въ ихъ числѣ. Возможно даже предположить, что не одно и то же лицо было даже редакторомъ первой и второй Rozmów, напечатанныхъ въ брошюрѣ [1]). Во всякомъ случаѣ предположеніе, что Ротундусъ былъ редакторомъ хотя бы одной изъ нихъ, защищать мы не рѣшились бы.

Что касается предположенія проф. Брюкнера объ авторствѣ Ротундуса и по отношенію къ трактату эпохи перваго безкоролевья „Zdanie o obieraniu nowego króla", то основанія, выдвинутыя тутъ имъ, слѣдующія: 1) знакомство автора трактата съ „хрониками старыми литовскими" и 2) мысли объ Уніи и экзекуціи, сходныя съ высказанными въ брошюрѣ „Rozmowa Polaka z Litwinem" [2]). Но то, что знакомствомъ съ литовско-русскими лѣтописями обладалъ не одинъ Августинъ Ротундусъ, мы старались обосновать уже выше. Взглядъ же на Унію и экзекуцію, высказанный въ трактатѣ времени безкоролевья, былъ общимъ взглядомъ самыхъ широкихъ круговъ шляхетскаго „народа" Великаго Княжества Литовскаго. Въ этомъ трак-

---

[1]) Весь составъ брошюры такой: 1) Rozmowa Polaka z Litwinem, 2) Do Polaków i do Litwy — вирши, подписанные иниціалами A. W., 3) Wtóra Rozmowa o niewolej litewskiej.

[2]) Pamiętnik Literacki, rocznik VI, zesz. III (Lwów, 1907), str. 409.

татѣ, однако, имѣемъ и прямое указаніе на то, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть написанъ Ротундусомъ. Авторъ его высказывается за кандидатуру сына Ивана Грознаго на престолъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Отрицательно относясь къ Французской кандидатурѣ, онъ съ порицаніемъ говоритъ о Варѳоломеевской ночи[1]). Такъ писать не могъ всецѣло преданный католической церкви правовѣрный католикъ, ибо избіеніе гугенотовъ во Франціи во время Парижской кровавой свадьбы было оффиціально одобрено Святымъ Престоломъ. Отмѣтимъ, что и самъ проф. Брюкнеръ указываетъ на различіе характера языка въ первомъ и второмъ изъ приписанныхъ имъ Августину Ротундусу трактатовъ[2]).

Литературная дѣятельность Ротундуса не можетъ быть признана особенно обширною. Мы видѣли выше, что и онъ самъ, въ своемъ посланіи къ Волану, указывалъ на свою обремененность дѣлами службы, препятствовавшую ему отдавать свое время литературѣ. Извѣстна подготовка имъ къ изданію „Epithalamium“ Сигизмунду Августу Яницкаго, которое вышло въ Краковѣ въ 1543 году. Самимъ Августиномъ Ротундусомъ были опубликованы: „Inauguratio D. Sam. Maciejowski“ въ Краковѣ въ 1540 году, „Epistola ad Illustrissimum et Reuerendissimum Dominum D. Georgium Radivilum, Ducem Olycensem etc. D. G. Episcopum Vilnensem“ — въ Вильнѣ въ 1581 году, и „De Dignitate Ordinis Ecclesiastici Regni Poloniae. Jussu et mandato Illustrissimi ac Reuerendissimi Domíni D. Archiepiscopi Gnesnensis etc.“ — въ Краковѣ въ 1582 году[3]). Въ послѣднемъ трудѣ было переиздано, какъ мы уже отмѣтили выше, и посланіе Ротундуса къ Андрею Волану, впервые напечатанное въ 1571 году при книжкѣ Волана „De libertate politica sive civili“. Но послѣ Августина Ротундуса остались и его письма, имѣющія круп-

---

[1]) Трактатъ „Zdanie o ob. now. kr.“ напечатанъ на стр. 349 и сл. изданія — Pisma Polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Wydał J a n C z u b e k (Kraków, 1906).

[2]) „I w innych sprawach, n. p. co do unii i co do egzekucyi, można w obu pismach te same zdania odnaleść; ta sama inteligencya, równowaga, spokój; tylko język w pisemku elekcyjnym, późniejszym, czyściejszy, mniej makaronizuje“. Pamiętnik Literacki, rocznik VI, zeszyt III, str. 409.

[3]) K. E s t r e i c h e r, Bibliografia Polska. 140,000 druków. Cześć II. T. I (Ogólnego Zbioru Tom VIII). Kraków, 1882. Str. 30, 73, 75. Ср. также Janociana, vol. I, p. p. 224—227.

ное историческое значеніе. На нихъ вниманіе было обращено уже очень давно. Нѣкоторыя изъ нихъ были изданы еще въ серединѣ прошлаго столѣтія Іосифомъ Лукашевичемъ, а затѣмъ въ 1879—1888 годахъ въ IV и IX (въ двухъ частяхъ) томахъ изданія Краковской Академіи Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia.

Выдающіяся знанія Августина Ротундуса какъ ученаго юриста нашли свое приложеніе въ его служебной дѣятельности Виленскаго войта. И не только дѣла войтовскаго уряда брали на себя время и силы этого „доктора обоего права", обогащая его опытомъ и развивая его дарованія юриста, благодаря постоянному приложенію теоретическихъ знаній къ конкретнымъ явленіямъ жизни. Онъ долженъ былъ заботиться о приведеніи въ большій порядокъ самаго текста того Магдебургскаго права, которымъ обязанъ былъ руководствоваться войтъ Вильны, какъ „мѣста упривильеванаго" этимъ правомъ[1]). Юридическая подготовка Ротундуса должна была быть полезной и въ его дѣятельности какъ королевскаго секретаря. Его выдающіяся теоретическія знанія и громадный практическій опытъ были внесены имъ и въ работы надъ составленіемъ проекта Второго Литовскаго Статута.

Но мы рѣшаемся предполагать, что Ротундусу принадлежитъ и переводъ Второго Статута на латинскій языкъ, сдѣланный по распоряженію Стефана Баторія. Переводъ этотъ не является дословнымъ. Онъ представляетъ собою сокращеніе оффиціальнаго русскаго текста, съ опущеніемъ его отдѣльныхъ словъ и длиннотъ, но съ тщательнымъ сохраненіемъ въ латинскомъ переводѣ основного содержанія артикуловъ Статута. Текстъ латинскаго перевода Литовскаго Статута 1566 года изданъ Фр. Пѣкосинскимъ по рукописи Папроцкаго[2]). Передъ текстомъ перевода имѣется любопытное введеніе[3]), разсказывающее о происхожденіи перевода. Въ началѣ его говорится о разногласіяхъ при избраніи Баторія на престолъ Речи Поспо-

---

[1]) Это было отмѣчено г. Якубовскимъ — op. cit., str. 42 („Z urzędowaniem Rotunda związane jest opracowanie w r. 1552 wilkierza, czyli postępowania sądowego według prawa magdeburskiego dla mieszczan wileńskich").

[2]) Collectanea ex Archivo Collegii Juridici (Archiwum Komisyi Prawniczej). Tomus VII. Cracoviae, 1900.

[3]) P. p. XV—XXII.

литой и о разныхъ кандидатахъ на послѣдній въ эпоху второго безкоролевья. Затѣмъ авторъ введенія распространяется о достоинствахъ венгерскаго народа, а далѣе разсказываетъ о томъ, что слышалъ ото многихъ объ ознакомленіи короля Стефана съ законами Польши путемъ чтенія ихъ во время досуговъ отъ текущихъ дѣлъ королевскихъ. Когда авторъ объ этомъ слышалъ, у него явилась увѣренность въ желаніи Баторія познакомиться и съ „нашими", какъ выражается онъ, „литовскими законами". Но эти законы написаны на русскомъ языкѣ и русскими буквами, которыхъ не знаетъ король Стефанъ[1]). И вотъ онъ приказалъ автору пересказываемаго введенія перевести эти законы на латинскій языкъ. Переводъ былъ выполненъ съ величайшею быстротою, ибо переводчикъ предпочиталъ лучше сдѣлать его менѣе удачнымъ, чѣмъ задержать исполненіе приказанія монарха[2]). При переводѣ содержаніе артикуловъ Статута сохранено, но текстъ ихъ сокращенъ, ибо русскій языкъ кодекса многорѣчивъ, а законы должны быть краткими. Въ подтвержденіе этого требованія отъ языка законовъ приводятся слова Цицерона, примѣръ децемвировъ и, наконецъ, образецъ, явленный самимъ Богомъ, давшимъ Моисею законы, изложенные въ десяти заповѣдяхъ, помѣстившихся на двухъ таблицахъ[3]). Литовскіе законы вообще, по мнѣнію автора введенія, должны писаться на латинскомъ языкѣ. Литовцы — итальянскаго происхожденія[4]). Латинскій языкъ — ихъ

---

[1]) „Audiui enim e multis, habere te in penetrali palatii tui cubiculo et per otium lectitare statutas regni Poloniae leges, credo item te iam dudum facturum fuisse legibus his nostris Lituanicis perlegendis et cognoscendis, nisi quod hae Rutenicis lltteris tibi ignotis, idiomateque Rutenico conscriptae sunt". P. XVIII.

[2]) „Mandasti itaque mihi, ut eas in Latinum conuerterem sermonem, quod vtinam tam feliciter tibi praestare et mandata tua exequi potuissem, quam ea alacriter et excepi et sum implere aggressus, malui enim vel ineptus esse interpres, quam auctoritati mandatorum tuorum refractarius videri". Ibidem.

[3]) „Quin et summus ac sapientissimus legislator Deus optimus maximus breuibus ac succinctis verbis, impressa duabus tabulis Decem praecepta legum suarum Moisi dedit". Ibidem.

[4]) Легенда объ итальянскомъ происхожденіи литовскаго народа, имѣвшая нѣсколько варіантовъ, была продуктомъ національно-политической идеологіи, отстаивавшей независимость и отдѣльность Литвы отъ Польши и направленной противъ польской тенденціи отрицанія государственныхъ правъ Великаго Княжества Литовскаго. Происхожденіе отъ древняго Рима, которое выдвигала эта легенда, должно было ставить Литву выше Польши. Та-

языкъ родной и первоначальный. Этотъ же языкъ — одинъ изъ тѣхъ трехъ языковъ, которые Христосъ призналъ достойными Своего надписанія на крестѣ. Пусть же этотъ языкъ возстановится въ Литвѣ въ ея законодательствѣ, въ судѣ, актахъ, договорахъ и даже въ частной жизни. Надежда для оживленія исконнаго языка литовцевъ-итальянцевъ въ учрежденномъ въ Вильнѣ іезуитскомъ коллегіумѣ, который дастъ знаніе и наукъ, и латинской литературы[1]). Подписи подъ этимъ введеніемъ, представляющимъ собою обращеніе къ королю Стефану, нѣтъ. Поставлена только его дата: „Vilnae X kl. Novembris, anno Salutis humanae millesimo quingentesimo septuagesimo sexto".

Естественно думать, что это обращеніе и переводъ Второго Литовскаго Статута на латинскій языкъ принадлежатъ Августину Ротундусу. Онъ королевскій секретарь, одинъ изъ составителей Статута и знаменитый юристъ и ученый. Уже этого достаточно въ качествѣ основаній для приписанія Ротундусу перевода Литовскаго кодекса, сдѣланнаго по приказанію Сте-

---

кое значеніе ея видно хотя бы изъ разсказа лѣтописи Быховца о принятіи литовскими панами польскихъ гербовъ на Городельскомъ съѣздѣ 1413 года. Исторически невѣрно пріурочивая это принятіе къ Луцкому съѣзду 1429 года, лѣтопись Быховца разсказываетъ, что литовскіе паны говорили: „Lachowe ne była szlachta, ale byli ludy prostyi, ani meli herbow swoich, y welikimi dary toho dochodyli w Czechow, beruczy tak welikii skarby ot nich y herbow swoich iż życzyli, y szlachtoiu ich poczynili, y w herby swoi ich pryniali, ale my szlachta staraja Rymskaja, kotoryi predki naszy z tymi herby swoimi zaszli do tych państw, y ich wżywali, a tak my teper ich majem, y ich wżywajem jako swoich, szto nam predki naszy zostawili". П. С. Р. Л., XVII, ст. 527.

1) „Par itaque est, ut ea lingua, quae natiua et primigenia Lituanorum fuit, vna ex tribus, quas Christus Deus noster dignas suo titulo ornando iudicauit, Lituanis restituatur, passimque hic in legibus, in priuilegiis ac diplomatibus, quod ab initio Christianismi factum accepimus, in edictis, in iudiciis, in actionum formulis, in contractibus, in commerciis, in familiaribusque denique, si fieri possit, sermonibus frequentetur potius, quam ascita ista ac barbara cum perpetuo ac hereditario Lituanorum hoste Moscho communis, quae Latinam exulare hactenus coegit, cui restituendae Deus optimus maximus Lituaniae propitius, paulo ante te regem optima initia posuit, qui Valeriano episcopo Vilnensi seni et pio, et in disciplina reipublicae erudito, inspirauit, vt collegium exaedificaret, rebusque ad vitam commode degendam necessariis, in primaria Lituaniae urbe Vilna illustri liberalitate instrueret, in quod adsclsceret viros vitae sanctimonia et bonarum artium cognitione Latinarumque litterarum peritia insignes, qui ab imitatione et professione Jesu Christi doctrinae, Jesuitae vocantur". P. XIX.

фана Баторія. Вчитываясь въ предисловіе-обращеніе, предшествующее тексту перевода, мы находимъ и другія основанія для того, чтобы связать его съ именемъ Ротундуса. Передъ нами въ этомъ предисловіи несомнѣнный, убѣжденный католикъ, другъ іезуитовъ и человѣкъ, знакомый съ исторіей Литвы и исповѣдующій ту легенду объ итальянскомъ происхожденіи литовцевъ, которая имѣла въ то время такое распространеніе въ историческихъ произведеніяхъ, составлявшихся въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго.

Если дѣйствительно переводъ Второго Литовскаго Статута на латинскій языкъ былъ сдѣланъ Августиномъ Ротундусомъ и если дѣйствительно онъ принималъ участіе и въ составленіи Rozmowy Polaka z Litwinem, — изъ этого мы неизбѣжно должны будемъ вывести указаніе и на то, что онъ не могъ быть полякомъ по своей національности. Слишкомъ сильно и въ Rozmowie, и въ обращеніи къ Стефану Баторію, которое присоединено къ латинскому переводу Статута 1566 года, національное сознаніе „обывателя“ Великаго Княжества Литовскаго, чтобы можно было думать иначе. Въ шестидесятые и семидесятые годы XVI столѣтія широкіе круги шляхетскаго „народа“ Великаго Княжества Литовскаго рѣзко расходились съ господствовавшими въ Польшѣ взглядами на Литву и на Унію. Сколько-нибудь національно мыслившій полякъ въ то время не могъ выступать на защиту государственныхъ правъ Литвы, ея культуры и значенія ея исторіи. И то, и другое, и третье отрицалось господствовавшимъ тогда въ Польшѣ националистическимъ теченіемъ. И лишь „тубылецъ“ Великаго Княжества Литовскаго или иностранецъ, въ него переселившійся и съ нимъ сроднившійся совершенно, могъ высказать то, что мы имѣемъ написаннымъ въ Rozmowie и въ только что разсмотрѣнномъ нами введеніи къ латинскому переводу Второго Литовскаго Статута.

Годъ смерти Августина Ротундуса въ настоящее время можетъ считаться установленнымъ совершенно точно, благодаря опубликованію открытой г. С. Косцялковскимъ записи въ книгѣ Братства Св. Анны „Samotrzeciej“ при Бернардинскомъ костелѣ въ Вильнѣ. Запись эта, устанавливающая 20 марта 1582 года какъ день смерти Ротундуса, была сообщена г. Косцялковскимъ г. Я. Якубовскому, который и опубликовалъ ее въ своей статьѣ, напечатанной въ 1912 году въ журналѣ Litwa i

Ruś[1]). Указаніе на то, что Августинъ Ротундусъ умеръ именно въ 1582 году имѣется и въ записяхъ Литовской Метрики[2]). Такимъ образомъ, продолжать время его жизни до девяностыхъ годовъ XVI вѣка, какъ это дѣлали раньше, въ настоящее время уже невозможно[3]).

Какъ мы видѣли выше, Бѣльскій привилей 1564 года говоритъ, что въ числѣ другихъ лицъ надъ составленіемъ Второго Литовскаго Статута работали „доктори правъ чужоземъскихъ“. Однимъ изъ этихъ докторовъ былъ Августинъ Ротундусъ. Другимъ, конечно, Петръ Роизій. Его вообще нельзя было не использовать для такой сложной и требующей большихъ спеціальныхъ знаній работы, какою являлось составленіе проекта Литовскаго Статута. Нужно думать, что еще при жизни Жомойтскаго бискупа Яна Доманевскаго, бывшаго членомъ Статутовой Коммиссіи, Роизій былъ такъ или иначе привлеченъ къ ея работамъ. Послѣ же смерти Доманевскаго, послѣдовавшей въ 1563 году, онъ, надобно думать, замѣстилъ его въ составѣ ея членовъ „закону Римскаго“. Болѣе подходящее лицо въ преемники Доманевскаго по Статутовой Коммиссіи найти было невозможно.

Никакихъ вопросовъ по отношенію къ національному происхожденію Роизія быть не можетъ, ибо онъ самъ его обозначилъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Онъ — Hispanus, Maureus, Alcagnicensis, Aragonius. Блестящій ученый-юристъ, прошедшій научную школу права въ Падуѣ и Болоньѣ, вызванный затѣмъ Краковскимъ бискупомъ Гамратомъ для преподаванія права въ Краковскомъ Университетѣ, Роизій былъ однимъ изъ тѣхъ итальянскихъ ученыхъ докторовъ, которые охотно выѣзжали въ Польшу въ пору вліянія на Сигизмунда Стараго его второй жены, итальянки Боны Сфорца[4]). Войны

---

1) Jan Jakubowski, op. cit., str. 45—46.

2) „Suffectio et substitutio iudicis in locum demortui aduocati Vilnensis ad exercenda iudicia in ciuitate Vilna“. Дата: Рига, 1 апрѣля 1582 года. Записей Литовскихъ 67, л. л. 154 об. — 155.

3) Такъ, напримѣръ, Сярчинскій писалъ, что Августинъ Ротундусъ жилъ еще въ 1594 году. Obraz wieku panowania Zygmunta III, część II, str. 136.

4) Оржеховскій говорилъ о Сигизмундѣ I-мъ: „Doctoresque legum fecit, a quibus nil nisi seruire disceret, qui Doctores, inquam, legum istarum seruilium transcensis Alpibus, uenerunt etiam cum talibus praeceptis ad uos:

императора Карла V съ королемъ Франціи Францискомъ I подвергали въ то время Италію опустошеніямъ и военнымъ опасностямъ. Это побуждало принимать польскія предложенія ученымъ въ Италіи, и число переселившихся въ Польшу итальянскихъ ученыхъ было настолько значительнымъ, что въ XVI столѣтіи сложилась даже польская поговорка — „co włoch, to doktór“ [1]). Жить въ Польшѣ, надо думать, Петръ Роизій признавалъ вполнѣ возможнымъ. Онъ, видимо, объ этомъ сообщилъ и своимъ родственникамъ и землякамъ. Въ 1562 году въ матрикулы Краковскаго Университета внесенъ „Joannes Joannis Roisius Maureus dioc. Cesaraugustanensis“ [2]), надо думать, не рѣшившійся бы пріѣхать въ Польшу, еслибы Петръ Роизій давалъ о ней на свою родину слишкомъ дурныя свѣдѣнія.

Роизій оставилъ послѣ себя очень большое литературное наслѣдіе. Этимъ отчасти объясняется и значительный интересъ къ нему въ польской литературѣ болѣе новаго времени, въ которой имѣется нѣсколько спеціальныхъ работъ, ему посвященныхъ, не говоря уже о томъ, что его дѣятельность нашла свое изложеніе и въ общихъ трудахъ по исторіи литературы въ Польшѣ. Еще въ послѣдней четверти XVIII столѣтія о Роизіи былъ помѣщенъ довольно обширный очеркъ въ Janociana [3]). Въ 1819 году графъ Іосифъ Максиміліянъ Оссолинскій напечаталъ большую статью „Piotr Royzyusz czyli Ruiz“ [4]). Наконецъ, въ новѣйшее время д-ръ Брониславъ Кручкевичъ не только посвятилъ Роизію спеціальное изслѣдованіе [5]), но и издалъ его стихотворныя произведенія [6]). Достаточная изучен-

---

quos hic passim iam uagari uidetis, cum hoc isto Diis irato supercilio, ac pessimo libertatis uestrae exemplo: quos uos, id quod facitis, contemnere debetis, Equites“. Polonicae Historiae Corporis, tomvs III (Basileae, 1582), p. 47 (In fvnere Sigismvndi Jagellonis, Poloniae Regis, Stanislai Orickovii Rhvteni oratio).

1) Każ. Wł. Wojcicki, Obrazy Starodawne, t. II (Warszawa, 1843), str. 129.

2) Album Studiosorum Universitatis Cracoviensis, tomus III (Editionem curavit Adam Chmiel. Cracoviae, 1904), p. 47.

3) Vol. I, § LXXXIX., p.p. 227—238.

4) Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiéj......, tom II (Kraków, 1819), str. 156—235.

5) Въ 27-мъ томѣ Rozpraw Akad. Umiejętn., wydz. filol., str. 41—182.

6) Petri Royzii Maurei Alcagnicensis Carmina (Crakoviae, 1900), двѣ части.

ность главныхъ фактовъ жизни и литературной дѣятельности Петра Роизія Гишпана позволяетъ намъ не останавливаться на нихъ въ настоящемъ нашемъ изложеніи и просто рекомендовать читателю обращеніе къ существующей уже о немъ литературѣ. Но мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что дѣятельность Роизія какъ ученаго юриста въ Польшѣ и Литвѣ до сихъ поръ не получила достаточно полнаго и обстоятельнаго изученія. Какъ о поэтѣ, о Петрѣ Роизіи могутъ быть разныя мнѣнія. Еще Михаилъ Вишневскій въ 1844 году писалъ, что онъ не имѣлъ „поэтическаго духа“[1]. Въ началѣ XX-го столѣтія профессоръ Александръ Брюкнеръ отрицалъ какую-либо надобность въ изданіи стиховъ Роизія и слово „поэтъ“ въ приложеніи къ его имени ставилъ въ кавычки[2]. Наоборотъ, о Петрѣ Роизіи какъ о крупнѣйшемъ и ярко выдающемся ученомъ юристѣ двухъ мнѣній быть не можетъ, и всѣ, кто высказывался о немъ съ этой точки зрѣнія, одинаково признаютъ его таковымъ, хотя и имѣются разногласія въ оцѣнкѣ положительныхъ результатовъ его дѣятельности и вліянія въ Литвѣ какъ ученаго юриста[3].

Современники Петра Роизія также оставили намъ указанія на свои къ нему отношенія. Если перечитывать то, что о немъ писали и говорили его слушатели и лица, имѣвшія съ нимъ дѣло какъ съ профессоромъ, можетъ получиться впечат-

[1]) „Piotr Rojziusz prawnik, wezwany przez Gamrata bisk. krak. na professora prawa w akademii krak., napisał mnóstwo wiérszy, do wszystkich i na każdą okoliczność, nie mając w sobie ducha poetyckiego; wszystkie albowiem tylko gładkością wysłowienia się odznaczają, dla nas mają tylko historyczną wartość, i to nie zawsze i nieobficie; bo wytrzebiwszy z nich próżne słowa i mytołogią, mało co zostanie, tak, iż żałować przychodzi: iż tego co widział, co go mocno zajmowało, raczéj prozą nie spisał“. Michał Wiszniewski, Historya literatury polskiéj, tom VI (Kraków, 1844), str. 337.

[2]) Въ своей рецензіи изданія произведеній Роизія д-ромъ Кручкевичемъ проф. А. Брюкнеръ, между прочимъ, писалъ: „powtóre Rojzjusz i duchem i wykształceniem i początkami zawodu do Polski wcale nie należy“ (Kwartalnik Historyczny, rocznik XV, str. 361). Д-ръ Кручкевичъ отозвался на эту рецензію своими возраженіями (Kw. Hist., r. XV, str. 613—616). На эти возраженія проф. Брюкнеръ отвѣтилъ въ томъ же журналѣ и въ этомъ отвѣтѣ писалъ: „z tego, com napisał, nie cofam ani słówka, a więc o niezdarności „poety“ Rojzjusza“ (Kw. Hist., r. XVI, str. 164).

[3]) Т. Чацкій писалъ о Роизіи: „ten przepolaczony Hiszpan, przekładając konieczną potrzebę, aby Polacy rządzili się prawem rzymskiem, w przypadkach swojem prawem niobjętych, zaświadcza, że w tenczas jeszcze, to

лѣніе нѣсколько комической фигуры „добраго доктора Гишпана“, съ которымъ молодежь привыкла проводить время за бутылкою вина[1]). Но его научныя знанія очень высоко цѣнятся болѣе зрѣлыми его современниками, видящими въ немъ ученѣйшаго человѣка своего времени. „Roisi, doctissime“, обращались къ нему въ письмахъ его корреспонденты[2]). Его научныя указанія и совѣты цѣнились высоко[3]). Сигизмундъ Августъ не отпустилъ Роизія въ Вѣну, гдѣ ему предлагалась университетская каѳедра[4]). Для насъ, въ нашемъ изученіи составленія Второго Литовскаго Статута, конечно, особый интересъ представляетъ дѣятельность Роизія въ Литвѣ.

Профессоромъ Краковскаго Университета Петръ Роизій оставался не очень долго. Изъ Польши онъ переселился въ Литву и въ положеніи каноника Ворнянскаго сталъ сотрудникомъ Жомойтскаго бискупа Яна Доманевскаго. По порученію послѣдняго Роизій въ 1561 году составилъ для Жомойтскаго бискупства Constitutiones Ecclesiae Mednicensis, а въ слѣдующемъ году Novellae Constitutiones Ecclesiae Mednicensis[5]). Имѣя только діяконское посвященіе, Роизій былъ пробощемъ Крожскимъ и Жомойтскимъ каноникомъ, затѣмъ получилъ въ Вильнѣ архипресвитерство въ костелѣ Св. Яна, а въ 1567 году былъ принятъ въ число канониковъ и Виленскою капитулою[6]). Его дѣятельность какъ юриста получила въ Литвѣ самое широкое развитіе. Для Жомойтскаго бискупства, какъ мы только что видѣли, Роизій составилъ собраніе законоположеній

---

jest 1560 roku obywatele tego państwa nie powodawali się jego życzeniem“. Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego, tom I (O Lit. i P. prawach...), str. 62.

1) Ср., нпр., „O Doktorze Hiszpanie“ у Кохановскаго — Jan Kochanowski, Pieśni (Opracował Tadeusz Sinko. Kraków, 1927), str. 51.

2) См., нпр., письмо Симона Марицiя отъ 15 марта 1552 года. Szymona Mariciusa z Pilzna korespondencja z lat 1551—1555. Wydał Stanisław Kot (Kraków, 1929). Str. 60—61.

3) Такъ, Роизію въ 1570 году Виленская капитула „ze względu na jego naukę i biegłość w prawie, przyznaje mu refekcję z warunkiem, by ją wspierał swemi radami“. X. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy, część III, str. 54.

4) См. J. M. hr. Ossoliński, op. cit., str. 162.

5) Ср. Ks. Biskup Maciej Wołonczewski, Biskupstwo Żmujdzkie (Ze żmujdzkiego na język polski przełożył i niektóre przypisy historyczne dodał M. Hryszkiewicz. Kraków, 1898), str. 42.

6) X. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy, część III, str. 50.

и правилъ, которыми оно должно было руководствоваться. Въ Вильнѣ онъ вошелъ въ составъ дворнаго господарскаго суда, разсматривавшаго аппелляціи отъ городскихъ судовъ „мѣстъ упривильеваныхъ", т. е. пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ, съ цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго[1]). Опытъ участія въ этомъ судѣ, легшій на основу громадныхъ теоретическихъ знаній Роизія, вызвалъ составленіе имъ очень извѣстнаго въ свое время труда „Decisiones Lithuanicae"[2]), вышедшаго первымъ изданіемъ въ Краковѣ въ 1563 году и затѣмъ переизданнаго во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Венеціи въ 1570 и 1572 годахъ. Въ своихъ Decisiones Роизій разсмотрѣлъ вопросы: 1) De testamento eius, qui mortem sibi conscivit, 2) De usitata tabellionum clausula, qua testator aegro corpore, sanaque esse mente scribi solet, 3) De conatu et inchoatis delictis, 4) De legi-

[1]) „Rozmowa Polaka z Litwinem" такъ гаворитъ о Роизіи и объ его Decisiones: „Poradzićby się nam tu uczonych Decyzyj doktora Hiszpana, Piotra Roisiusa, uczonego człowieka i naród nasz miłującego, któremu kwoli i ku wiecznej sławie napisał pięc Decyzyj i nazwał je Decisiones Lituanicas, w których za tą okazyą, iż słuchał na dworze króla jego miłości miesckich spraw, które przez apellacyą do sądu królewskiego przypadają, o wielkich a rozmaitych rzeczach barzo uczenie i mądrze pisze, na kształt onych dawnych Iuris consultów, prawie ich własnemi, łacińskiemi szczyrymi słowy czcić go, nie inaczej, jakobyś samy texty ksiąg, które Digestorum zowiemy, czedł. Nie masz tam onej grubości i sprosności słów, które w inych iuris consulciech uczone i gładkie uszy obruszają i ochędożną łacinę plugawią, jaka się grubość najduje w Bartolusie, w Baldusie i w inych; ale on o tychże rzeczach, o krórych oni, pisząc nic nie zatrąca ich słów swędem, ale prawie czyściuchne słowa kładzie z samego źródła dawnych iuris consultów którzy jeszcze za onego wieku słynęli, póki łacina była nie popsowana przez nacyje cudzoziemskie w Rzymie i we Włoszech". Rozmowa, str. 71—72.

[2]) Decisiones Petri Royzii Mavrei Alcagnicen. Regii Ivreconsvlti. De rebvs in sacro avditorio Litvanico ex appellatione ivdicatis. Ad Sigismvndvm Avgvstvm Poloniae Regem, Principem Optimvm Maximvm. Opus lectu dignissimum atque cognitu tam iis, qui iuridicundo praesunt, quam qui veram philosophiam, hoc est, artem boni et aequi vel tradunt, vel addiscunt: ob multiplicemque earum rerum tractationem, exactamque ac diffusam definitionem, quae in scholam et forum incidere cotidie solent, iurisprudentib. omnib. apprime necessarium. Cum Indice verborum et rerum locupletissimo. Decisionum argumenta sequens pagella continet. Cautum est regiis Codicillis, ne quis in Polonia post auctoris editionem, intra quinquennium, aemulationis ergo librum hunc excudat, excusumve venundet: venumve exponat. Qui secus faxit: is, libris omnib. amissis, auctorisque factis, fisco pondo decem argenti puri puti dependere, damnas esto. Cracoviae, excudebat Matthaeus Siebeneycher. Anno a Christo Deo Servatore nostro nato, tertio et sexagesimo supra Millesimum et quingentesimum. Mense Aprili. 4.

timis excusationibus eorum, qui in ius vocati non veniunt, 5) De foenore sive usuris[1]).

Съ именемъ Роизія соединяется и появленіе въ столицѣ Литвы первой школы права. Честь открытія существованія этой школы принадлежитъ Теодору Нарбутту. Въ IX томѣ своего труда „Dzieje Narodu Litewskiego“ Нарбуттъ впервые отмѣтилъ существованіе въ Вильнѣ „школы права гражданскаго, римскаго, саксонскаго, магдебургскаго и литовскаго подъ руководствомъ Петра Роизія“. Но въ его сообщеніе объ этой школѣ вкрались значительныя неточности. Онъ относитъ возникновеніе ея къ 1566 году и полагаетъ, что она при Виленскомъ костелѣ Св. Яна была учреждена Сигизмундомъ Августомъ. Нарбуттъ даетъ и нѣкоторыя подробности ея организаціи. Онъ говоритъ, что Роизій въ ней преподавалъ право римское, саксонское и магдебургское, а нѣкій Гроховскій училъ праву литовскому. Кромѣ преподавателей школа имѣла и репетиторовъ, занимавшихся съ учащимися[2]). Свѣдѣнія, данныя объ юридической школѣ при костелѣ Св. Яна Нарбуттомъ, затѣмъ повторилъ Ярошевичъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Obraz Litwy“[3]), и упоминаніе о Виленской школѣ права утвердилось въ спеціальной исторической литературѣ[4]). Но Нарбуттъ не указалъ точно источника, изъ котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этой школѣ[5]). И тѣ подробности, которыя онъ далъ о ней, не поддаются провѣркѣ изслѣдованія. Новѣйшій

---

1) Цитируемъ по Janociana — vol. I, p. 236.

2) Dz. Nar. Lit., t. IX, str. 480 i nota I (str. 480—481).

3) J. Jaroszewicz, Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII, część III (Wilno, 1845), str. 79.

4) Józef Łukaszewicz, Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794, tom I (Poznań, 1849), str. 66, nota 2; К. Харламповичъ, Западно-Русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка (Казань, 1898), стр. 37; Józef Bieliński, Uniwersytet Wileński, tom I (Kraków, 1899—1900), str. 24; а также и другіе труды.

5) „O zakładach naukowych, istniejących zdawna w Litwie i rozpostrzenionych pod Zygmuntem Augustem, mamy świadectwa: w aktach kapituły Wileń., w Inwentarzach znaczniejszych miast i niektórych pamiątkach historycznych, w rękopismach dochowanych. W jedném z tych ostatnich źródeł znalazłem wźmiankę: że przed Jezuitami, przy kościele Archiprezbiteryalnym S. Jana, założył był król August w roku 1566 akademią praw cywilnych, pod przewodnictwem Piotra Royziusza,......“ Dz. Nar. Lit., t. IX, str. 481, n. 1.

историкъ Виленскаго епископства и знатокъ архива Виленской капитулы, кс. Янъ Курчевскій такъ рисуетъ возникновеніе юридической школы Роизія въ Вильнѣ. Въ 1513 году при костелѣ Св. Яна была основана костельная школка. Въ 1526 году, при архипресвитерѣ кс. Роянѣ, преподаваніе въ ней было расширено введеніемъ обученія латинскому и нѣмецкому языкамъ. Когда же въ 1563 году въ Вильну переселился Петръ Роизій, сдѣлавшійся архипресвитеромъ костела Св. Яна, онъ ввелъ въ эту школу преподаваніе римскаго права, права Литовскаго Статута и, кромѣ того, обученіе греческому языку[1]). Такимъ образомъ, Роизій явился и основателемъ научной школы литовскихъ юристовъ, организаторомъ подготовки дѣятелей литовскихъ судовъ, судей и адвокатовъ.

Въ актахъ Виленской капитулы за 1567—1571 годы имя Роизія упоминается не разъ. Въ 1567 году была сдѣлана запись о принятіи его въ составъ Виленскихъ канониковъ[2]). Въ 1569 году ему была предоставлена кустодія, вакантная послѣ смерти кустоша Яна Маковецкаго[3]). Подъ 1570-мъ годомъ имѣются записи о неаккуратности его въ завѣдываніи имѣніемъ Ганевичи[4]), о присутствіи его на сессіи капитулы[5]) и о предоставленіи ему рефекціи[6]), хотя онъ и имѣлъ только діяконское посвященіе, несмотря на то что былъ архипресвитеромъ. Наконецъ, имѣются записи и подъ 1571-мъ годомъ[7]), послѣднимъ годомъ жизни Роизія. Одна изъ нихъ сообщаетъ, что Роизій внесъ жалобу на епископа Валеріяна Протасевича, обвиняя его во взятіи, въ нарушеніе правъ капитулы, въ свое распоряженіе движимаго имущества, оставшагося послѣ умершаго безъ завѣщанія каѳедральнаго мансіонара и алтариста Яна изъ Гоніондза. Другая запись говоритъ о данномъ капитулою Роизію порученіи привести къ разрѣшенію тяжелое и долго длившееся

---

1) Ks. Jan Kurczewski, Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa djecezji Wileńskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych (Wilno, 1912), str. 318.

2) Ks. Jan Kurczewski, Kościół Zamkowy, część III, str. 50.

3) Ibidem, str. 51.

4) Ibidem, str. 52.

5) Ibidem, str. 53.

6) Ibidem, str. 54.

7) Ibidem, str. 54.

столкновеніе съ нею капитульнаго прокуратора и подскарбія, каноника Островскаго. Запись добавляетъ, что Роизій не успѣлъ закончить этого дѣла и умеръ[1]), когда оно уже приближалось къ своему разрѣшенію. Послѣдніе годы жизни Роизія были омрачены крайне тяжелымъ для него столкновеніемъ съ іезуитами, основавшимися въ Вильнѣ въ 1569 году и добившимися полученія въ свои руки Святоянскаго костела, архипресвитеромъ котораго былъ Роизій. Пока былъ живъ, Роизій боролся. Но, надо думать, что эта борьба была трудна и не давала ему полной надежды на побѣду. Очень скоро послѣ его смерти Виленскій костелъ Св. Яна волею Сигизмунда Августа былъ переданъ іезуитамъ[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилась судьба и приходской школы при этомъ костелѣ, превращенной Роизіемъ въ училище юриспруденціи. Она была преобразована іезуитами въ гимназію[3]).

Мы отмѣтили уже выше, что не можетъ быть сомнѣнія въ участіи Роизія въ работахъ по составленію проекта Второго Литовскаго Статута. Какъ первоклассный ученый юристъ своего времени, онъ, конечно, былъ бы признанъ желаннымъ и цѣннѣйшимъ дѣятелемъ при выработкѣ законодательнаго кодекса въ любомъ государствѣ тогдашней Центральной и Западной Европы. Не могъ онъ не быть использованнымъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, когда оно вырабатывало свой Статутъ 1566 года. Такимъ образомъ, Роизій къ концу работъ по подготовкѣ Второго Литовскаго Статута къ утвержденію былъ, рядомъ съ Ротундусомъ, вторымъ „докторомъ правъ чужоземскихъ“, который принималъ участіе въ составленіи кодекса. Оба эти „доктори“ были превосходными знатоками науки права того времени. Пожалуй, можно предположить, что Роизій, какъ ученый знатокъ-теоретикъ, былъ и выше Ротундуса. Но практическій опытъ, имѣвшійся и у Роизія, былъ несомнѣнно

---

[1]) Въ старой литературѣ, исходившей изъ неправильнаго указанія въ Janociana (vol. I., p. 237), Роизія считали жившимъ еще въ царствованіе Стефана Баторія.

[2]) Ср. И. И. Лаппо, Виленская Академія, іезуитскія коллегіи — Виленскія Св. Игнатія и Св. Рафаила и Гродненская — и ихъ документы, хранящіеся въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. V. Описаніе Дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, томъ I. Петроградъ, 1917.

[3]) Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. VI и Józef Bieliński, Uniw. Wil., tom I, str. 27.

обширнѣе и глубже у Ротундуса. Отличались одинъ отъ другого эти ученые юристы и по своимъ характеру и темпераменту. Извѣстія источниковъ, дошедшія до насъ объ Августинѣ Ротундусѣ, рисуютъ его человѣкомъ большой выдержки и уравновѣшенности. Наоборотъ, Петръ Роизій оставилъ о себѣ память какъ о человѣкѣ огненнаго темперамента, доходившемъ въ спорахъ и столкновеніяхъ до высочайшей степени возбужденія[1]). Спорить съ нимъ, повидимому, было очень трудно. Переубѣждать Роизія едва ли представлялось возможнымъ. Такимъ онъ, конечно, былъ и какъ участникъ работъ по составленію Второго Литовскаго Статута. При этомъ нельзя забывать, что и Ротундусъ, и Роизій были знатоками римскаго права. Оба они не могли не искать въ немъ указаній въ своей работѣ надъ составленіемъ артикуловъ Литовскаго Статута. Именно въ римскомъ правѣ оба они должны были искать для себя общаго направленія и детальныхъ указаній въ частныхъ случаяхъ отдѣльныхъ артикуловъ. Но Роизій былъ не только знатокомъ римскаго права. Онъ былъ его фанатикомъ. Если вліяніе Августина Ротундуса въ направленіи усвоенія Литовскимъ Статутомъ 1566 года положеній римскаго права было постояннымъ и сильнымъ, то Петръ Роизій, внося въ свою дѣятельность свойственную ему страстность, долженъ былъ приводить къ молчанію тѣхъ участниковъ общей работы, которые, надо думать, указывали въ отдѣльныхъ случаяхъ трудную приложимость всѣхъ нормъ римскаго права къ сложившимся въ особой исторической обстановкѣ реальнымъ потребностямъ жизни Литвы.

Мы старались выяснить личность составителей проекта Второго Литовскаго Статута, которые были „особами закону Римскаго". Но въ коммиссію по выработкѣ Статута, какъ мы видѣли выше, были назначены Сигизмундомъ Августомъ и пять членовъ „закону Греческаго". Имена этихъ пяти членовъ Статутовой Коммиссіи, къ сожалѣнію, намъ не удалось вскрыть въ извѣстныхъ намъ источникахъ. Можно предполагать, что по

[1]) Въ Janociana, со ссылкою на Andreas Schottvs Belga in Hispaniae Bibliothecae tomo II, p. 322, говорится: „acrem fuisse disputatorem Roysivm, ut ne a clamore quidem, gentis suae more, temperaverit: vultu tamen deformi, atque oculis prominentibus, ideoque hebetioris aspectus, ut vitreis perpetuo perspicillis fuerit usus". Vol. I, p. 237.

крайней мѣрѣ часть ихъ вошла позднѣе и въ составъ коммиссіи для „поправы" Статута, организованной на Городенскомъ сеймѣ 1568 года. Объ этой коммиссіи намъ придется говорить ниже. Что же касается участія православныхъ членовъ въ коммиссіи для выработки проекта Второго Статута, то оно должно было внести въ ея работы знаніе условій жизни русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго, опытъ административной и судебной практики въ нихъ, а также и знакомство съ ихъ обычнымъ правомъ и тѣми сборниками писанныхъ законовъ, которые тамъ обращались. Принесенные въ Статутовую Коммиссію ея членами „закону Греческаго" знанія, опытъ и письменные источники права также составили свою часть матеріала, на основѣ котораго былъ выработанъ Литовскій Статутъ 1566 года.

Глава III.

Работа Коммиссіи, составлявшей проектъ Второго Литовскаго Статута.

Бѣльскій привилей 1564 года о работѣ Статутовой Коммиссіи. Римское право. Рецепція его изъ его непосредственныхъ источниковъ. Греко-римское право. Западное каноническое право. Нѣмецкое городское право. Вопросъ о происхожденіи сборниковъ этого права, обращавшихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Русскій текстъ сборниковъ Магдебургскаго права. Другія „права христіанскія", знакомство съ которыми должно было существовать въ Литвѣ. Чешское право. Возможность вліянія на Литовскій Статутъ права и другихъ странъ и народовъ. Старый взглядъ на связи Литвы съ Польшею и его разрушеніе научнымъ изслѣдованіемъ новѣйшаго времени. Вопросъ о распространеніи и утвержденіи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ польскаго права черезъ посредство земскихъ привилеевъ. Отношеніе къ Польшѣ и къ польскому праву въ Литвѣ. Проникновеніе польскаго права въ Великое Княжество Литовское. Роль Подляшья. Вліяніе учрежденій Польши и ея права на Литву. Русское и литовское право Великаго Княжества Литовскаго. Практика органовъ суда и управленія въ ея значеніи для выработки новыхъ законовъ Отраженіе конкретныхъ фактовъ и настроеній въ законахъ Второго Литовскаго Статута. Сеймовыя „просьбы" и „уфалы", постановленія рады и практика дѣятельности высшихъ центральныхъ урядовъ, какъ матеріалы, которые должна была использовать Статутовая Коммиссія. Сравненіе состава и текста Перваго и Второго Литовскихъ Статутовъ.

Бѣльскій привилей 1564 года очень ясно и опредѣленно указываетъ, откуда и какъ составители Второго Литовскаго Статута получили матеріалъ для переработки его въ артикулы составляемаго ими кодекса. Говоря объ устарѣлости Статута 1529 года, онъ такъ изображаетъ состояніе законодательства Великаго Княжества Литовскаго въ судебной и административной практикѣ его урядовъ, вызвавшее просьбы становъ о составленіи новаго кодекса: „въ справахъ бегу правного мало не што день, на розныхъ местцахъ и урядахъ потрафляють речы и артыкулы новые а розные, которые въ томъ Статуте не были и

не суть описаны, одны — противные Статутови, а ку принятью и ухвале годные, другихъ тежъ — яко часъ а потреба приносить, надобе естъ поправить и еще новыхъ прибавить, згожаючы и примножаючы ихъ, съ правъ[1]) выбраныхъ и ухвалы годныхъ хрестияньскихъ и зъ добрыхъ лепъшие обираючи". Такимъ образомъ, судебная и административная практика, въ текущей дѣятельности различныхъ и разномѣстныхъ ея органсвъ, почти ежедневно, по словамъ Бѣльскаго привилея, встрѣчалась съ дѣлами и вопросами, которые не были предвидѣны Первымъ Статутомъ, и для разрѣшенія ихъ самостоятельно прибѣгала къ правотворчеству въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Этимъ путемъ создавались новые „артикулы", статьи закона. Они получали не общее, а мѣстное примѣненіе и были лишены законодательной санкціи верховной власти. Часть такихъ, возникшихъ въ процессѣ судебной и административной практики „артикуловъ", хотя и находится въ противорѣчіи съ законами Статута 1529 года, однако можетъ быть признана вполнѣ удачною и заслуживающею законодательной санкціи. Нѣкоторыя статьи Перваго Статута подлежатъ отмѣнѣ или исправленію. Весь онъ долженъ быть дополненъ новыми артикулами, цѣлесообразно реципированными изъ иностраннаго законодательства и согласованными съ законодательствомъ Великаго Княжества Литовскаго.

Итакъ, работа Коммиссіи по составленію проекта Второго Литовскаго Статута должна была быть слѣдующею. Статутовая Коммиссія пересмотрѣла всѣ артикулы Статута 1529 года и удалила изъ него тѣ, которые признала устарѣвшими. Если оставляемые ею въ составѣ кодекса артикулы представлялись ей требующими исправленія или дополненія, она эти дополненія и исправленія производила. Наконецъ, она составила совершенно новые артикулы, которыхъ содержаніе впервые появлялось въ Литовскомъ кодексѣ. Изъ какихъ источниковъ брала Статутовая Коммиссія матеріалъ для исправленія и дополненія уже имѣвшихся въ Первомъ Литовскомъ Статутѣ артикуловъ и для совершенно новыхъ, ею вырабатываемыхъ? Эти источники: судебная и административная практика урядовъ Ве-

[1]) Мы читаемъ — „съ правъ", а не „справъ", какъ даетъ М. К. Любавскій въ своемъ изданіи Бѣльскаго привилея (Л.-Р. Сеймъ, Приложенія, стр. 134).

ликаго Княжества Литовскаго и иностранное законодательство. Но работа Коммиссіи отнюдь не должна была быть механическою выборкою изъ имѣвшихся въ ея распоряженіи матеріаловъ. Она вносила свою творческую мысль въ рѣшеніе вопросовъ и о томъ, что́ нужно исправить въ Первомъ Статутѣ, и о томъ, какъ это сдѣлать. Она влагала эту мысль въ составляемый ею кодексъ и въ процессѣ самостоятельной выработки новыхъ артикуловъ Статута или дополненій и исправленій старыхъ, и въ выборѣ и приспособленіи къ нуждамъ Великаго Княжества Литовскаго признаваемаго ею подлежащимъ перенесенію въ Литовскій Статутъ иностраннаго законодательства, „правъ хрестияньскихъ“. Что́ же понималъ Бѣльскій привилей 1564 года подъ этими „хрестияньскими правами“, рецепція которыхъ имѣла мѣсто при составленіи Второго Литовскаго Статута?

На первомъ мѣстѣ, конечно, долженъ быть поставленъ вопросъ о рецепціи римскаго права. Его разрѣшеніе имѣетъ первостепенное значеніе не только потому, что отъ него зависитъ уясненіе основной мысли отдѣльныхъ артикуловъ Литовскаго Статута 1566 года, притомъ не только въ области гражданскаго права, но и уголовнаго, а также и отдѣльныхъ постановленій, въ которыхъ имѣемъ выраженіе идеи государства и ея реализацію въ основныхъ законахъ и государственномъ устройствѣ Великаго Княжества Литовскаго. Вопросъ о рецепціи римскаго права Литовскимъ Статутомъ имѣетъ и другое значеніе. Римское право, усваивавшееся народами Европы, при сохраненіи своей національности, ихъ объединяло въ общемъ правовомъ сознаніи, какъ и во многихъ общихъ конкретныхъ нормахъ права. Іерингъ писалъ: „In der modernen Welt dagegen nimmt die Geschichte des Rechts einen höhern Schwung, hier erhebt sie sich in Wahrheit zu einer Geschichte des Rechts. Die Fäden der einzelnen Rechte laufen hier nicht mehr nebeneinander, ohne sich zu berühren, sondern sie kreuzen sich, sie vereinigen sich zu einem Gewebe, für welches das römische und kanonische Recht den ursprünglichen gemeinsamen Einschlag bildet. Über der Unzahl der einzelnen Rechtsquellen ragen diese beiden Rechte als gewaltige Zentralpunkte hervor und vereinigen die Praxis und Wissenschaft der verschiedensten Nationen zur Gemeinsamkeit der Aktion. Was ein Jurist in Spanien gedacht hatte,

ersparte dem Gelehrten in Deutschland die Mühe, der Holländer baute fort auf der Grundlage, die der Franzose gelegt hatte, die Praxis der italienischen Gerichte übte einen bestimmenden Einfluss auf die Rechtssprechung aller übrigen Länder aus" [1]). Вопросъ о рецепціи римскаго права получаетъ общее значенiе въ исторіи Великаго Княжества Литовскаго. Имѣло ли оно въ своемъ правѣ тотъ цементъ, который соединялъ народы Центральной и Западной Европы въ ихъ правѣ, какъ области культуры, или оно стояло отъ нихъ особнякомъ? Входило ли Великое Княжество Литовское въ составъ государствъ Центральной и Западной Европы по своему правовому сознанію, или оставалось ему чуждымъ? Участвовала ли Литва въ общей работѣ юридической мысли Центральной и Западной Европы, или эта мысль развивалась, нисколько ея не касаясь, и безъ всякаго съ ея стороны въ ней участія?

Тадеушъ Чацкій, съ труда котораго „O Litewskich i Polskich prawach" ведется начало научной разработки литовскаго права, отрицалъ какое-либо вліяніе римскаго права на послѣднее. Въ своей работѣ „Czy prawo rzymskie było zasadą praw polskich i litewskich?" [2]) Чацкій старался изучить вопросъ о рецепціи римскаго права въ Литвѣ и Польшѣ и заканчивалъ свое изложенiе выраженiемъ увѣренности, что доказалъ невозможность признанія за римскимъ правомъ рѣшительнаго вліянія на право литовское и польское [3]). Чацкій признавалъ даже вредною для національнаго дѣла Польши самую идею о вліяніи римскаго права и горячо убѣждалъ польскую молодежь отъ нея отстраниться [4]). Но уже давно было отмѣчено, что Чацкій не

[1]) Rudolf von Ihering, Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil (Sechste Auflage. Leipzig, 1907). S. 10.

[2]) Wilno, 1809. Мы будемъ цитировать эту работу Чацкаго по изданію — Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego, tom III (Poznań, 1845), str. 81—137.

[3]) „Dosyć jest dla mnie, że okazałem, iż prawo rzymskie nie jest zasadą praw naszych". Str. 137.

[4]) „Napiszą to, co Justynijan w Carogrodzie rozkazał, a słuchać nie będą prawideł, które w Krakowie, Warszawie i Wilnie pradziadowie nasi od ojców swoich wzięli" (str. 82). „Kochani uczniowie! dalsze wasze przeznaczenie jest wam samym i ojcom waszym nie wiadome; lecz jeżeli sądząc po ludzku, zechcecie przedłużać zasługi przodków waszych; jeżeli pamiętać chcecie na świętą powinność, aby człowiek ludziom, obywatel współziomkom po-

зналъ римскаго права и слишкомъ поверхностно о нёмъ говорилъ. Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій объяснялъ его ошибки тѣмъ, что онъ „nie był znowu od samychże prawników rzymskich nauczony tego, jak nauki potrzeba śledzić"[1]).

Страстность тона Чацкаго въ защитѣ его излюбленной идеи полной чистоты народности польско-литовскаго права находитъ свое объясненіе въ серьезной угрозѣ, которая явилась для нея въ научной работѣ Варшавскихъ ученыхъ юристовъ, истсриковъ права. Выдающійся польскій ученый того времени, Янъ Винцентій Бандтке, въ 1808 году опубликсвалъ свой трудъ „Vindiciae iuris Romani Justinianei"[2]). Въ 1812 году онъ выпустилъ свой „Zbiór Rospraw o przedmiotach prawa polskiego"[3]). Въ этихъ трудахъ Бандтке выдвинулъ именно вліяніе римскаго права на польское. Вопросъ о рецепціи римскаго права въ Польшѣ и Литвѣ сталъ серьезно трактоваться въ литературѣ[4]). Юридическій Факультетъ Виленскаго Университета въ 1822 году предложилъ студентамъ для соисканія наградъ тему: „O wpływie prawodawstwa rzymskiego na polskie i litewskie". На эту тему было представлено нѣсколько студенческихъ сочиненій. Два изъ нихъ были напечатаны въ журналѣ „Dziennik Warszawski"[5]). Это были сочиненія студентовъ Александра Мицкевича и Францишка Морже, которые оба усвоили пониманіе даннаго вопроса Чацкимъ и оказались его послѣдователями. Но Юридическій Факультетъ Варшавскаго Университета также предложилъ въ 1825 году своимъ студентамъ тему для конкурсныхъ сочиненій по тому же ставшему спорнымъ между Вильною и Варшавою

---

magał; będziecie urzędnikami, będziecie ważny urząd sędziów sprawować. Chciéjcie pamiętać, że tylko prawo krajowe jest dla was wyrocznią, że obce prawa są szanowanych opinij świadectwem" (str. 137).

1) Historya Prawodawstw Słowiańskich przez Wacława Alexandra Maciejowskiego, wydanie drugie, tom I (Warszawa, 1856), str. 363.

2) Diatribe auctore Joanne Vincentio Bandtkie. Vratislaviae, 1808. Въ 1806 году (Vratislaviae) вышло его же „De studio iuris Polonici".

3) W Warszawie i Wilnie, 1812.

4) Ign. Ołdakowski, O przyczynach upowszechnienia i trwałéj powagi prawodawstwa Justyniana po szkołach i sądownictwach (w Krzemieńcu, 1814). Józef Maxymilian hr. z Tęnczyna Ossoliński, O Prawie Rzymskiem w Polscze; iak z niego korzystano, i iak nauka iego kwitła aż do XV wieku (Wiadomości Historyczno-krytyczne..., tom II, Kraków, 1819, str. 325—371).

5) За 1825 и 1826 годы.

вопросу: „Investigentur omnes sententiae et loci iuris Romani, quotquot in Cadlubcone occurrunt et indicentur fontes eorum“. Сочиненіе на эту тему, представленное студентомъ Я. Н. Ивановскимъ, было затѣмъ напечатано въ Варшавѣ въ 1827 году. Авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивалъ ученіе своего учителя Бандтке о силѣ вліянія римскаго права въ Польшѣ[1]).

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе научной разработки вопроса о вліяніи римскаго права на право Польши. Наша задача должна быть ограничена только изученіемъ вопроса о выясненіи въ литературѣ вліянія римскаго права на Литовскій Статутъ. Это вліяніе было установлено прочно И. Н. Даниловичемъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ своей, очень извѣстной среди спеціалистовъ, работѣ „Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung“, напечатанной въ 1834 году въ журналѣ Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst besonders Russlands[2]), a затѣмъ вышедшей въ 1837 году и на польскомъ языкѣ въ Виленскихъ Wizerunki i roztrząsania naukowe[3]), Даниловичъ установилъ вліяніе римскаго права на Литовскій Статутъ въ томъ пониманіи путей, его проводившихъ, которое господствуетъ и въ настоящее время. Онъ отвергъ рецепцію римскаго права въ Литовскомъ Статутѣ непосредственно изъ Corpus Iuris Civilis императора Юстиніана и призналъ, что это право проникло въ Статутъ черезъ посредство права каноническаго, а главнымъ образомъ черезъ Саксонское Зерцало и Магдебургское право[4]). Представленіе Даниловича было затѣмъ усвоено въ научной литературѣ о Литовскомъ Статутѣ и въ ней держалось долго.

---

1) Въ полемикѣ по вопросу вліянія римскаго права въ Польшѣ и Литвѣ принималъ участіе и Лелевель. См. объ этомъ Ign. Daniłowicz, Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego (Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy. Tomik trzynasty. Wilno, 1837), str. 107—111.

2) Zweiter Band. Riga und Dorpat, 1834.

3) Poczet nowy. Tomik trzynasty. Wilno, 1837.

4) „Wszakże, ponieważ statut litewski oprócz miejscowych i polskich żródeł prawa, co do przepisów o rozwodach czerpać musiał z prawa kanonicznego, co zaś do zarządu miast z prawa magdeburskiego osnowanego na prawach rzymskich, ponieważ te tylko żródła prawne układaczóm statutu najbliżéj znane bydź musiały, nie inne przeto prawa jak te, któreśmy tylko co wymienili, przez prawa chrześcijańskie rozymieć należy, tém bar-

Но въ настоящее время можно утверждать, что римское право проникало въ Литовскій Статутъ не только черезъ посредство рецепировавшаго его каноническаго и нѣмецкаго городского права. Оно усваивалось въ Литвѣ и непосредственно изъ его прямыхъ источниковъ. Напечатанная въ 1564 году Rozmowa Polaka z Litwinem [1]) цитируетъ не только Институціи, но и Дигесты и Кодексъ [2]). Знаніе ихъ было у лица или лицъ, писавшихъ соотвѣтствующія части Rozmowy, достаточно полнымъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ годы составленія Второго Литовскаго Статута Corpus Juris Civilis или его составныя части, съ глоссами и комментаріями, имѣлись въ Вильнѣ, а вѣроятно, и въ другихъ главныхъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго, въ рукописяхъ или печатныхъ изданіяхъ. Надо думать, что Августинъ Ротундусъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи экземпляръ Юстиніанова Свода или, по крайней мѣрѣ, его частей. Петръ Роизій, бывшій до переѣзда въ Литву профессоромъ права въ Краковскомъ Университетѣ, не могъ не имѣть его также. Въ Вильнѣ онъ преподавалъ въ юридической школѣ при костелѣ Св. Яна. Въ своемъ преподаваніи онъ также нуждался и здѣсь въ Corpus Juris Civilis. Какъ ни была развита память у тогдашнихъ докторовъ права, трудно предположить, чтобы Роизій могъ вести свое преподаваніе, не обладая экземпляромъ Свода или его частей, ибо тогда преподаваніе права состояло въ чтеніи текстовъ и ихъ комментированіи. Къ тому же Роизій былъ фанатикомъ римскаго права. Онъ не могъ не вывезти съ собою въ Краковъ, а затѣмъ и въ Литву, книгъ по своей научной спеціальности. А Юстиніановъ Сводъ, вѣдь, былъ для него тѣмъ же, чѣмъ представлялась Библія для экзулянтовъ въ годы религіозныхъ войнъ и преслѣдованій „разновѣрія“. Онъ былъ такимъ же борцомъ за римское право, какими за Священное Писаніе были дѣятели реформаціоннаго движенія. Прямые источники римскаго права должны были привозить съ собою и тѣ литовскіе

---

dziéj, że statut sam prawo kanoniczne „chrześcijańskiém“ nazywa, a w niektórych miejscach wyraźnie prawo magdeburskie wspomina. Z tego widzieć można, że wszystkie ślady prawa rzymskiego w statucie litewskim, nie z samego źrzódła praw Justyniana, ale z przypisów w Żwierciadle saskiém i prawa magdeburskiego są wzięte“. Ibidem, str. 123—124.

[1]) О ней см. выше, стр. 70 и сл.

[2]) Str. 2, 4, 24, 32.

шляхтичи и мѣщане, которые получали свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Число ихъ все расло и расло въ серединѣ XVI столѣтія. Римское право въ значеніи права „цесарскаго" господствовало въ университетахъ Германіи, какъ Священной Римской Имперіи, и въ дѣятельности ея юристовъ-практиковъ. Оно проникало и въ Великое Княжество Литовское какъ путемъ реципировавшаго его каноническаго и нѣмецкаго городского права, такъ и путемъ непосредственной рецепціи изъ его прямыхъ источниковъ.

Въ самые первые годы послѣ введенія въ дѣйствіе Третьяго Литовскаго Статута, предписавшаго судамъ, въ случаѣ неполноты закона, руководиться „прикладомъ иншыхъ правъ хрестіяньскихъ"[1]), въ актовыхъ книгахъ литовскихъ судовъ имѣемъ примѣры ссылокъ на римское право. Такъ, во время разбсра одного дѣла въ Виленскомъ земскомъ судѣ на троицкихъ рокахъ 1591 года панъ Янъ Величко, между прочимъ, говорилъ: „а ижъ въ нашыхъ Статутехъ земскихъ около справованья тестаментовъ въ поветре моровое объясненья и науки досконалое не маемъ, тогъды я привожу и показую на подобенъство прикладъ и науку, о томъ въ праве цесарскомъ описаную". При этомъ онъ „показалъ" суду „двои книги цесарские, въ которыхъ около справованья тестаментовъ, меновите въ книгахъ вторыхъ такъ названыхъ, где пишеть тыми словы въ тыхъ книгахъ вторыхъ артыкулъ десятый, на книги Юстинияна цесара у выкладе о тестаменте, въ поветре чыненымъ". Тотъ же Величко въ томъ же процессѣ ссылался и на знаменитаго комментатора XIV вѣка Бартола, говоря: „у другихъ книгахъ, которыхъ называеть Барътулюсъ, въ праве цесарскомъ, въ книгахъ двадцать семыхъ, де[2]) естъ тытулъ трынадцатый о посеганью добръ въ тестаментехъ рыцерскихъ......"[3]). Передъ нами, такимъ образомъ, примѣръ несомнѣннаго знакомства литовскаго юриста-практика съ римскимъ правомъ въ его прямыхъ источникахъ.

Въ распоряженіи изслѣдованія не имѣется еще описей и каталоговъ библіотекъ, которыми обладали представители литовской интеллигенціи XVI столѣтія. Для первой же половины

---

[1]) III Статутъ, IV, 54.
[2]) Въ изданіи: „ды".
[3]) А., изд. Вил. Арх. К., XX, стр. 67.

XVII вѣка мы имѣемъ указаніе на наличность Юстиніановскихъ Институцій въ частныхъ библіотекахъ. Опись книгъ, оставшихся послѣ смерти Виленскаго бурмистра Степана Лебедича, внесенная въ книги Виленскаго магистрата въ 1649 году, упоминаетъ „Justiniani institutiones, libri 4, in 8-vo"[1]). Въ составленныхъ въ болѣе новое время каталогахъ панскихъ библіотекъ Польско-Литовской Речи Посполитой встрѣчается изданіе Кодекса, вышедшее въ 1541 году[2]). Не исключена возможность того, что экземпляръ этого изданія попалъ въ Польшу или въ Литву и довольно скоро послѣ отпечатанія. Во всякомъ случаѣ, вполнѣ возможно предполагать, что какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, богатые и образованные паны имѣли въ своихъ книжныхъ собраніяхъ части Юстиніанова Свода въ XVI столѣтіи. Ихъ книгами, конечно, пользовались не только они сами, но и ряды ихъ „служебниковъ" и „пріятелей". Да и болѣе достаточные шляхтичи и мѣщане также собирали для себя книги.

Итакъ, широкое использованіе непосредственныхъ источниковъ римскаго права составителями Второго Литовскаго Статута не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но они пользовались въ своей работѣ и законодательствомъ Византійской Имперіи послѣдующаго времени. Совсѣмъ недавно, г. Р. Таубеншлагъ указалъ на рядъ артикуловъ Статута 1566 года, въ которыхъ замѣчается вліяніе греко-римскаго права[3]). Но г. Таубеншлагъ, какъ мы полагаемъ, напрасно объясняетъ проникновеніе греко-римскаго права въ Литовскій Статутъ уча-

---

[1]) А., изд. Вил. Арх. К., IX, стр. 482.

[2]) „Codicis Justiniani ex repetita praelectione libri IX priores, cum suis glossematis. Lugd. 1541. H. L. B." Bibliotheca Ossoliniana, sive Catalogus Librorum, quos olim possedit vir illustrissimus Josephus Comes Ossolinski, ordinum Regni Poloniae eques, palatinus Podlachiae, quorum auctio fiet Cracoviae A. D. 24. Junii 1803 (Digessit notisque litterariis instruxit A n s e l m u s S p e i s e r, Caes. Reg. per Galiciam Occid. librorum revisor. Cracoviae), p. 30 (№ 311). Ср. тамъ же, на стр. 29 (№№ 303—8) „Corpus juris civilis, cum glossis, scholiis C o n t i i, paratitlis C u j a c i i, et notis D i o n y s i i G o t h o f r e d i. Tomi VI. Ludg. 1589".

[3]) Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie, rocznik XI, 1931, zeszyt 3, str. 121—122. При окончательной подготовкѣ къ печати настоящей своей работы мы не имѣли въ своемъ распоряженіи этого изданія. За доставленіе выписки изъ него приносимъ благодарность профессору Ѳ. В. Тарановскому.

стіемъ Петра Роизія въ составленіи послѣдняго. Конечно, это право проникло въ Статутъ изъ его сборниковъ, обращавшихся въ XVI столѣтіи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, среди православнаго населенія русскихъ земель государства. Съ этими сборниками были знакомы члены Статутовой Коммиссіи, вошедшіе въ ея составъ какъ „особы закону Греческого". Уже И. Н. Даниловичъ въ 1834 году указалъ на значеніе для законодательства Литвы Номоканона, которымъ руководствовалась въ своей дѣятельности православная церковь въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[1]). Кормчая Книга получила широкое распространеніе не только среди православнаго духовенства, но и среди православныхъ мірянъ въ этомъ государствѣ. Рядомъ съ нею примѣнялся Церковный Уставъ великаго князя Ярослава Мудраго, а надо думать, и общіе для всей Русской Церкви сборники церковныхъ законовъ, въ ихъ числѣ и Мѣрила Праведныя. Великій князь Литовскій Александръ Казиміровичъ въ 1502 году подтвердилъ, по просьбѣ Полоцкаго и Витебскаго архіепископа Луки, „Свитокъ права великого князя Ярослава Володимеровича, которое жъ онъ права духовныи выложилъ съ правъ духовныхъ Грецкихъ, то есть съ Номоканону Восточное Церкви"[2]). Въ 1511 году великій князь Сигизмундъ I выдалъ такое же подтвержденіе Кіевскому митрополиту Іосифу и епископамъ, „которые суть подъ митрополіею Кіевскою и всея Руси". Великаго князя просили объ этомъ подтвержденіи не только митрополитъ и епископы, но и гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій „и иныи князи и панове Греческого закону". Они „клали" передъ Сигизмундомъ I-мъ листы великихъ князей Литовскихъ, Витовта, Казимира и Александра, „штожъ которые права духовные, съ початку вѣры ихъ хрестіянскоѣ закону Греческого выложены съ правъ духовныхъ Грецкихъ, то есть съ Номоканону Восточноѣ церкви и даны митрополиту Кіевскому и всея Руси и епископомъ, подъ нимъ будучимъ, въ моцъ, судити и рядити и справовати водлѣ уставы правилъ ихъ Соборноѣ Восточноѣ

---

[1]) Dorpater Jahrbücher. Zweiter Band (Riga und Dorpat, 1834). S. 490—491. Въ новѣйшей литературѣ см. Stanisław Kutrzeba, Historja źródeł dawnego prawa polskiego, tom II (Lwów—Warszawa—Kraków, 1926), str. 184—192 (Źródła praw kościoła greckiego w Polsce).

[2]) Сборникъ Муханова (изданіе второе, дополненное. Санктпетербургъ, 1866), № 84.

церкви, абы нихто отъ свѣтскихъ судей судити не смѣлъ дѣлъ духовныхъ“ [1]).

„Правила Светыхъ Отецъ“ имѣлись не только у православныхъ митрополитовъ и епископовъ. Кормчая Книга и сборники „церковныхъ правилъ“ извѣстны документамъ XVI столѣтія и въ библіотекахъ православныхъ монастырей, и въ частныхъ собраніяхъ книгъ православныхъ священниковъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ [2]). Они были достаточно распространены и среди его православныхъ мірянъ [3]). При такомъ положеніи дѣла совершенно естественно, что православные члены Статутовой Коммиссіи пріобщили къ матеріаламъ, которыми она пользовалась въ своей кодификаціонной работѣ, законодательные и справочные сборники, которые примѣнялись въ дѣятельности административныхъ и судебныхъ органовъ Русской Церкви. Конечно, особенно для Статутовой Коммиссіи должна была оказаться полезною вторая часть Кормчей Книги, заключающая въ себѣ и узаконенія „Греческихъ царей“. Сравненіе отдѣльныхъ ихъ постановленій съ нѣкоторыми артикулами Второго Литовскаго Статута заставляетъ думать о рецепированіи первыхъ вторыми. Для примѣра приведемъ хотя бы часть пятаго артикула двѣнадцатаго раздѣла Статута 1566 года и соотвѣтствующую ей часть тридцать девятой грани „Закона Градскаго“ („о казнехъ“) [4]):

Статутъ.	Законъ Градской.
Уставуемъ, ижъ отъ того часу мѣти хочемъ, абы жидъ, татаринъ и кождый бесурмянинъ....	31. Аще жидовинъ, христіана раба имый, и обрѣжетъ его, да отсѣкнутъ ему главу.

[1]) А. З. Р., II, № 65.

[2]) Такъ, въ описи книгъ Супрасльскаго монастыря, составленной въ 1557 году, между другими книгами. значатся: „Монокановъ. Книги 2 великихъ правилъ церковныхъ....... Книга правила светыхъ отцевъ зуполные“ (Виленскій Археографическій Сборникъ, IX, №20, стр. 54). Священникъ Виленской Георгіевской церкви Матвѣй въ 1522 году, въ своемъ завѣщаніи, писалъ: „а книгу мою Правила Светыхъ Отець даю въ церковь соборную Пречистое Богоматере на память мнѣ и родителемъ моимъ“ (Вил. Арх. Сборникъ, VI, №5, стр. 12).

[3]) Ср. Митрополитъ Макарій, Исторія Русской Церкви, томъ IX (изданіе второе, С.-Петербургъ, 1900), стр. 291.

[4]) Этого артикула не отмѣчаетъ г. Таубеншлагъ, указывая цѣлый рядъ другихъ, на которыхъ замѣчается вліяніе греко-римскаго права. См. обозначенный выше выпускъ Sprawozd. Tow. Nauk. we Lwowie, str. 122.

Нижли, маючи, таковыхъ закуповъ и дѣтей ихъ въ жидовство ани въ бесурмянство намовляти ани обрѣзовати не мають; а который бы смѣлъ то вчинити, а было бы то на него переведено передъ врядомъ, тогды безъ кождого милосердья таковый огнемъ маеть быти каранъ, чого врядъ нашъ съ пильностью стеречи и о томъ вывѣдоватися достаточне маеть.

32. Аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратити отъ христіанскія вѣры христіанина, главнѣй повиненъ есть казни.

Такимъ образомъ, греко-римское право, которымъ руководствовалась Русская Церковь въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, было использовано при выработкѣ Статута 1566 года. Но, конечно, и каноническое право Западной Церкви было хорошо извѣстно Статутовой Коммиссіи. Ея члены изъ католическаго духовенства знали его достаточно основательно. Августинъ Ротундусъ и Петръ Роизій были докторами „обоего права". Corpus Juris Canonici и другіе сборники церковныхъ постановленій обще-католическаго и мѣстнаго значенія[1]) были извѣстны имъ всѣмъ. Ссылки на западное каноническое право имѣемъ и въ Rozmowie Polaka z Litwinem[2]), составленной въ годы завершенія работъ надъ проектомъ Второго Литовскаго Статута. При выработкѣ этого кодекса право, которымъ руководились въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и Западная и Восточная церкви, было извѣстно работавшей надъ нимъ Статутовой Коммиссіи и отразилось въ отдѣльныхъ его артикулахъ. Но вліяніе западнаго каноническаго права на Литовскій Статутъ является общепризнаннымъ въ литературѣ, и останавливаться на этомъ вопросѣ на настоящихъ страницахъ потому было бы излишнимъ.

Кромѣ римскаго, греко-римскаго и западнаго каноническаго права Литовскій Статутъ рецепировалъ право городское нѣ-

---

[1]) О сборникахъ западнаго каноническаго права, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ и Литвѣ, см. S t a n i s ł a w K u t r z e b a, Historja Źródeł dawnego prawa polskiego, tom II, str. 83—184. Ср. также Н. С у в о р о в ъ, Курсъ церковнаго права, томъ первый (Ярославль, 1889), стр. 273 и сл.

[2]) Str. 14, 43.

мецкое. Рецепція и этого права, такъ же какъ рецепція права римскаго, понимается обычно не изъ его непосредственныхъ источниковъ. Обыкновенно представляется дѣло такъ, что въ Литву нѣмецкое городское право проникало не изъ его оригинальныхъ источниковъ, а черезъ посредство Польши, въ сборникахъ Саксонскаго городского права, которые въ ней обращались. Сборникъ Яна Ласкаго, въ составъ котораго вошли и Саксонское Зерцало вмѣстѣ съ Jus Municipale, изданный въ 1506 году, былъ въ серединѣ XVI столѣтія вытѣсненъ трудомъ Николая Яскера, получившимъ большое распространеніе. Къ этимъ сборникамъ латинскихъ текстовъ Магдебургскаго права въ серединѣ же XVI вѣка прибавились работы Гроицкаго, популяризовавшія это право въ переводѣ на польскій языкъ. Вышедшіе въ Польшѣ сборники городского нѣмецкаго права и признавались до послѣдняго времени въ литературѣ источниками, изъ которыхъ заимствовали составители Второго Статута отдѣльныя статьи, перерабатывая ихъ для составляемаго ими кодекса.

Въ такомъ пониманіи пути, которымъ проникало нѣмецкое городское право въ Литовское законодательство, получилъ одно изъ своихъ выраженій старый, традиціонный взглядъ на Литву какъ на часть Польши, только черезъ послѣднюю имѣвшую доступъ къ западно-европейской культурѣ, усваивавшейся Литвою какъ культура именно польская, все болѣе и болѣе ее себѣ подчинявшая. Этотъ старый взглядъ, въ которомъ сильно чувствуется и національно-политическая польская идея, со времени Ягайла уже сливавшая Литву съ Польшею, къ настоящему времени въ польской исторической литературѣ начинаетъ смѣняться другимъ пониманіемъ ихъ отношеній, по которому оба эти государства съ XV столѣтія до Люблинской Уніи 1569 года были связаны лишь персональною уніею, соединеніемъ въ рукахъ одного и того же лица, ихъ монарха, совершенно отдѣльной власти монарховъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, притомъ даже съ полнымъ разрывомъ и этой связи въ 1440-1447 и 1492-1501 годахъ. Но Литва, хотя и не желала того, заимствовала отъ Польши институты организаціи своей жизни, ибо Польша представляла собою ближайшее къ ней государство западно-европейской культуры, а къ этой культурѣ Литва стала обращаться [1]).

[1]) „Każde z państw żyło więc własnem życiem, wytwarzało swoje własne odrębne instytucye. Samodzielności Litwy w kształtowaniu jej wewnętrz-

Въ общемъ правильно устанавливая отношенія Польши и Литвы эпохи до Люблинской Уніи, такое пониманіе культурныхъ связей ихъ требуетъ поправки. Дѣло въ томъ, что Польша отнюдь не была единственнымъ государствомъ западно-европейской культуры, съ которымъ Великое Княжество Литовское соприкасалось своими границами. Оно непосредственно граничило и съ Германскимъ міромъ, за культурными заимствованіями къ которому обращалась и сама Польша. На большомъ протяженіи своей территоріи Литва граничила съ владѣніями Тевтонскаго Ордена и Ливоніей. Жомойть какъ разъ раздѣляла земли тевтоновъ и меченосцевъ Ливонскихъ, объединившихся въ 1237 году подъ общею верховною властью гроссмейстера Тевтонскаго Ордена. Съ отходомъ къ Польшѣ части земель Тевтонскаго Ордена, Литва сохранила свои непосредственныя границы съ Орденскимъ государствомъ. Послѣ введенія въ послѣднемъ реформаціи и преобразованія его въ герцогство, Великое Княжество Литовское граничило именно съ Прусскимъ герцогствомъ и лишь черезъ него могло имѣть сношенія съ Пруссіей Королевской, входившей въ составъ территоріи Польской Короны, но сохранявшей свою германскую культуру. Вліяніе германской культуры на Литву было давнимъ и достаточно большимъ. Торговые пути въ Германію и Голландію шли изъ Литвы на Кенигсбергъ или Ригу. Именно черезъ эти города, по словамъ Ласицкаго, вывозились заграницу продукты земледѣльческаго хозяйства Жомойти[1]). Старовольскій говоритъ, что въ

---

nych stosunków nie krępowało nic zgoła, mogła je urządzać całkowicie według swej własnej woli — i urządzała też rzeczywiście zupełnie swobodnie. Że urządzała w dużej mierze według wzorów, które z Polski brała, to wynikało tylko z młodszości jej cywilizacyjnego rozwoju, z potrzeby wzorów, jeśli miała przyspieszyć swój rozwój, dorównać sąsiadom. Przeszczepianie instytucyi obcych ułatwiło jej postęp naprzód, umożliwiało skrócenie stadyów rozwoju, które musiałyby być dłuższe, gdyby sama swoiste instytucye chciała rozwijać. Położona między Wschodem i Zachodem, przez unię ku Zachodowi zwróciła się, rozwiniętemu silniej, wszechstronniej, niż ten Wschód, z którym graniczyła. A brała instytucye ustroju swego życia z Polski, nawet gdy do tej Polski zwracała się z niechęcia, bo ta Polska dla niej była najbliższym państwem zachodnio-europejskiej kultury". Prof. Dr. Stanisław Kutreba, Unia Polski z Litwą (Kraków, 1914), str. 205.

[1]) „Foeminae pecori curando, viri agris colendis dant operam, iidem deni aut víceni, plures vel pauciores, in uno tugurio linum, lanam, cannabim pectunt, nent, texunt, vestes conficiunt. Quicquid horum superest, id Rigam vel

Вильнѣ была масса нѣмцевъ, ремесленниковъ и купцовъ[1]). Онъ же отмѣчаетъ наличность нѣмецкихъ купцовъ и въ Ковнѣ[2]). Нѣмецкія улицы хорошо извѣстны въ крупныхъ городахъ Литвы[3]). Онѣ получили свое названіе отъ нѣмецкихъ поселенцевъ.

Наличность нѣмецкихъ переселенцевъ въ крупныхъ городахъ Литвы въ настоящее время выясняется и въ научной литературѣ[4]). Извѣстенъ и рядъ нѣмцевъ спеціалистовъ-ремесленниковъ, находившихъ въ Литвѣ для себя жительство и работу[5]). Въ XVI столѣтіи граничившее съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ Прусское герцогство, находясь съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, широко открыло для литовцевъ двери основаннаго въ 1544 году Кенигсбергскаго Университета. Еще въ такъ называемомъ Партикулярѣ, предварявшемъ открытіе университета въ Кенигсбергѣ, литовцы не только учились, но даже ректоромъ его былъ извѣстный Авраамъ Кульва, литовецъ родомъ[6]). Молодежь и люди болѣе зрѣлаго возраста изъ Литвы, искавшіе научнаго знанія, слушали лекціи какъ въ Кенигсбергской Альбертинѣ, такъ и въ другихъ германскихъ университетахъ. Знакомясь съ нѣмецкою жизнью, они должны

Regiomontum, hinc in Hollandiam, pretio tolerabili mittunt". Joannis Lasicii Poloni, De Diis Samogitarum caeterorumque Sarmatarum. Цитируемъ по Ельзевировскому изданію (Lvgd: Batavorvm. Ex officina Elzeviriana) 1642 года въ сборникѣ — Respvblica siue status Regni Poloniae, Litvaniae, Prvssiae, Livoniae, etc. Diuersorum Autorum. P. 275.

1) „...urbs ista plurimos, et opifices et mercatores, Germanos, Scotos, et Anglos habet". Simonis Starovolsci Polonia, nunc denuo recognita et aucta (Wolferbyti, 1656), p. 32.

2) Ibidem, p. 66 („in qua Germani mercatores superiori aetate lateribus et lapidibus elegantius aedificare coeperunt").

3) На Нѣмецкой улицѣ въ Вильнѣ въ XVI столѣтіи находился и „зборъ саский Виленский". Онъ — „конфесыи Авъкгуштынской". Этотъ „зборъ" — „на Немецкой улицы лежачый". А., изд. Вил. Арх. К., XX, стр. 60, 64, 65. Ср. T. Narbutt, Dzieje Nar. Lit., t. IX, str. 489.

4) См. Paul Karge, Zur Geschichte des Deutschtums in Wilna und Kauen (Kowno). Altpreussische Monatsschrift, Band 54 (der Provinzial-Blätter Band 120), 1917, S. S. 35--94.

5) Ср. Michał Brensztejn, Zegarmistrzowstwo Wileńskie w wiekach XVI i XVII. Ateneum Wileńskie, tom I, Nr. I, str. 31.

6) Theodor Wotschke, Polnische und litauische Studenten in Königsberg. Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N. F. Band VI. Heft II und III. S. 428 flg.

были интересоваться и бытомъ германскихъ городовъ, ихъ организаціей, съ которою соприкасались во время своихъ университетскихъ занятій и путешествій по Германіи. Нельзя забывать и того, что въ числѣ студентовъ изъ Литвы въ германскихъ университетахъ было много мѣщанъ, для которыхъ городская жизнь Германіи и организація управленія и суда въ нѣмецкихъ городахъ представляли особый интересъ. Конечно, это были главнымъ образомъ города сѣверной Германіи. Сѣверо-нѣмецкое, а не южно-нѣмецкое право должно было становиться особенно знакомымъ имъ. Оно было для нихъ и интереснѣе, такъ какъ въ городахъ Литвы именно оно, въ видѣ Магдебургскаго, получило распространеніе. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сборники этого права не могли не привозиться въ Великое Княжество Литовское непосредственно изъ Германіи. Было бы странно думать, что при смежности границъ съ Герцогскою Пруссіею и при достаточно сильно развитыхъ культурныхъ связяхъ съ Германскимъ міромъ Литва въ XVI столѣтіи за сборниками нѣмецкаго городского права обращалась къ Польшѣ, отказываясь отъ возможности получать ихъ непосредственно изъ самой Германіи. Имѣющееся въ новѣйшей спеціальной литературѣ указаніе на то, что во время войтовства Августина Ротундуса въ Вильнѣ производилась кодификація Магдебургскаго права для нуждъ этого города[1]), должно говорить о самостоятельной работѣ надъ составленіемъ его сборника, а не о переводѣ его изданія, вышедшаго въ Польшѣ.

Итакъ, Литва имѣла съ Германскимъ міромъ весьма развитыя непосредственныя связи и экономическія, и культурныя. Эти связи выражались не только въ постоянныхъ ея съ нимъ сношеніяхъ, но и въ наличіи въ крупныхъ литовскихъ городахъ, особенно въ Вильнѣ и Ковнѣ, нѣмцевъ-мѣщанъ, осѣвшихъ въ нихъ прочно и имѣвшихъ достаточно сильное вліяніе на жизнь этихъ городовъ. Въ составѣ нѣмецкой группы литовскаго мѣщанства было немало людей, получившихъ образованіе въ университетахъ Германіи; было и много лицъ, занимавшихъ должности по городскому самоуправленію. Трудно предположить, чтобы эти люди не имѣли въ своемъ пользованіи экземпляровъ сборниковъ нѣмецкаго городского права. А если это такъ, то

---

[1]) Jan Jakubowski, Nowe przyczynki do życiorysu Augustyna Rotunda. Litwa i Ruś, 1912, t. III, z. I, str. 42.

и въ Литовскій Статутъ оно должно было рецепироваться изъ этихъ сборниковъ главнымъ образомъ. Польскія ихъ изданія, надо думать, могли являться лишь дополненіемъ къ нимъ.

Но этого мало. Города Великаго Княжества Литовскаго, далекіе отъ границъ съ Германіей и находившіеся въ чисто русскихъ земляхъ государства, также были „упривильеваны" Магдебургскимъ правомъ. Мѣщане этихъ городовъ, въ большей своей части, не владѣли ни латинскимъ, ни нѣмецкимъ, ни польскимъ языками. Но они также должны были имѣть въ своихъ рукахъ сборники законовъ, по которымъ жили ихъ родные города. Отсюда встаетъ любопытный вопросъ о сборникахъ Магдебургскаго права, обращавшихся въ русскихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго. Онъ любопытенъ не только потому, что его разрѣшеніе должно показать, изъ Германіи ли непосредственно или черезъ Польшу проникало нѣмецкое городское право въ Литву вообще, или въ тѣ или другія части обширнаго Литовско-Русскаго государства. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ и для выясненія того, въ чистомъ ли видѣ примѣнялось Магдебургское право въ городахъ, особенно русскихъ, Великаго Княжества Литовскаго, или оно модифицировалось проникновеніемъ въ его статьи элементовъ мѣстнаго національнаго права. Въ литературѣ извѣстенъ открытый П. К. Серно-Соловьевичемъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія русскій списокъ Магдебургскаго права, который онъ и П. А. Гильтебрандтъ относили къ концу XVI вѣка[1]). Быть можетъ, со временемъ будутъ найдены и другіе русскіе списки того же содержанія. Ихъ неизвѣстность въ настоящее время не можетъ служить доказательствомъ ихъ несуществованія въ XVI столѣтіи. Ихъ вѣроятность, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отрицаема для XVI вѣка. Акты магистратовъ знаютъ цитированіе Магдебургскаго права урядомъ или сторонами. Въ такихъ цитатахъ иногда фраза бываетъ построена такъ, что приходится думать о цитированіи именно русскаго текста. Вотъ два примѣра изъ книгъ Могилевскаго магистрата за 1588 годъ. Стоявшій передъ судомъ „подалъ право Майдебурское, Юре

---

[1]) См. Виленскій Археографическій Сборникъ, т. IV, стр. IX, прим. 1. Вопросъ объ этой рукописи затѣмъ обсуждался Петроградской Археографической Коммиссіею въ засѣданіи 2 марта 1874 года. См. Лѣтопись Занятій Археографической Коммиссіи, вып. VI, стр. 71 и сл.

Муниципале артыкулъ четырдесятъ седмый, где пишетъ тыми словы: помочна речъ въ справе найдують ся чотыри преднейшие, то естъ везене, хороба, пелкгримоване а служба военная"[1]). Въ другой записи „сторона поводовая домовляла ся, абы заразомъ, водлугъ права, або апелевалъ, або декретъ примовалъ, подавши на то право, у Порядку листъ деветдесятъ семый, где описано тыми словы: отъ сентенцыи обтяжливое заразомъ маеть быть апелевано до вышшого суду его подлугъ порядку права; а отъ которое сентенцыи заразомъ, поки право се деетъ[2]), не апелюють, тая приходить въ речъ осужоную...."[3]). Подобныхъ примѣровъ не пересказа своими словами, а приведенія текста статьи дословно, можно найти въ актовыхъ книгахъ магистратовъ много. А между тѣмъ, если пересказъ позволяетъ предполагать и устный переводъ на русскій языкъ иноязычнаго текста, то дословное его цитированіе, наоборотъ, заставляетъ думать о томъ, что въ рукахъ цитировавшаго находился во время судебнаго процесса или до него, тотъ самый текстъ, который онъ воспроизводилъ на судѣ буквально.

Существованіе русскаго текста Магдебургскаго права въ рукописяхъ, обращавшихся въ „мѣстахъ упривильеваныхъ" русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго, намъ представляется возможнымъ и въ годы составленія Второго Литовскаго Статута. Конечно, этимъ текстомъ не могли пользоваться ни Августинъ Ротундусъ, ни Роизій, ни, надо думать, и другіе члены Статутовой Коммиссіи, вошедшіе въ ея составъ какъ „особы вѣры Римское". Но въ Коммиссію были назначены и „особы вѣры Греческое", т. е. православныя и русскія по народности и языку. Русскіе члены Статутовой Коммиссіи приносили въ нее знаніе практики урядовъ своихъ краевъ и свѣдѣнія о писанномъ законѣ и обычаѣ, которыми эти уряды руководствовались въ своей административной и судебной дѣятельности.

Римское, греко-римское, каноническое и нѣмецкое городское право не исчерпывали всѣ „права христіанскія", къ кото-

---

[1]) Историко-Юридическіе Матеріалы, извлеченные изъ акт. книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ въ Витебскѣ, выпускъ VII, стр. 432.

[2]) Мы читаемъ: „се деетъ", вмѣсто „седитъ", какъ напечатано въ изданіи.

[3]) Тамъ же, стр. 439.

рымъ могла обращаться Статутовая Коммиссія въ своей работѣ надъ составленіемъ проекта Литовскаго кодекса. Въ спеціальной литературѣ уже около ста лѣтъ тому назадъ было выдвинуто вліяніе на литовское право права чешскаго. Уже въ первомъ изданіи своего труда Historya Prawodawstw Słowiańskich, вышедшемъ въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія, Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій отмѣтилъ проникновеніе въ Литву чешскаго права[1]. Въ 1856 году, во второмъ изданіи перваго тома этого труда, онъ вновь указалъ на вліяніе чешскаго права на Литовскіе Статуты[2]. Герменегильдъ Иречекъ[3], издавая въ 1880 году Первый Литовскій Статутъ, высказалъ предположеніе, что этотъ кодексъ даже былъ написанъ чехомъ[4]. Для историка не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чехія внесла свое вліяніе въ развитіе культуры Великаго Княжества Литовскаго, а слѣдовательно, и въ его право.

Свѣдѣнія о Литвѣ въ Чехіи стали распространяться съ середины XII столѣтія. Въ ту пору развивалась католическая миссія изъ Чехіи въ страну литовцевъ-пруссовъ. Ее вели преемники миссіонерской дѣятельности св. Войтеха. Въ XIII столѣтіи въ Чехіи и на Моравѣ, по папскому распоряженію, доминиканцы призывали къ поддержкѣ рыцарей-тевтоновъ въ ихъ утвержденіи христіанства мечомъ и огнемъ среди прус-

---

[1] „Już za panowania Alexandra Jagiel. narzekano na Litwie na prawa czeskie, nazywaiąc ie przewrotnemi, równie iak włoskie i niemieckie prawo. Wszakże prawa ruskie, mazowieckie i czeskie, zwyczaj raczéj, niż wola rządu upowszechniła na Litwie". Historya Prawodawstw Słowiańskich przez W a c ł a w a A l e x a n d r a M a c i e j o w s k i e g o dra prawa i professora, sędziego trybunału cywilnego I. instancyi województwa Mazowieckiego. Tom III (w Warszawie i w Lipsku, 1835), str. 415—416.

[2] „Wtedy słowiańskie owe wyobrażenia jeszcze się więcéj na Litwie upowszechniały, a jedno ruszało z posady drugie, dając miejsce nowemu w litewskiem prawodawstwie gościowi. Ruskie ustępowały polskim, te czeskim i znowu polskim,:..." Historya Prawodawstw Słowiańskich przez W a c ł a w a A l e x a n d r a M a c i e j o w s k i e g o. Z rękopisów i druków zupełnie nowo przerobione, i na sześć tomów podzielone. Wydanie drugie. Tom I (w Warszawie, 1856), str. 204.

[3] О немъ см. K a r e l K a d l e c, Hermenegild Jireček — Almanach České Akademie, ročnik XXI.

[4] „Čechům Litevský Statut nad jiné jest zajímavý, jelikož jest nad pochybnost zjevno, že psán jest od Čecha na Litvě bydlivšího, anebo od Litvana v češtině toho času vyučeného". Svod Zákonův Slovanských. Zpořádal Dr. H e r m e n e g i l d J i r e č e k (v Praze, 1880), str. XII.

совъ. Когда тевтоны стали продолжать своимъ оружіемъ миссію и по отношенію къ другимъ литовскимъ племенамъ, орденъ миноритовъ проповѣдывалъ въ Чехіи крестовые походы противъ Литвы. Въ XIII столѣтіи эти походы совершалъ король Оттокаръ Пржемыслъ, въ XIV вѣкѣ король Янъ Чешскій и чешскіе паны. Императоръ Карлъ IV положилъ конецъ походамъ въ помощь Тевтонскому Ордену и началъ мирныя сношенія съ великимъ княземъ Литовскимъ Ольгердомъ о принятіи христіанства. Королева Ядвига, въ исходѣ XIV столѣтія, основала въ Прагѣ для литовцевъ коллегіумъ, не получившій, впрочемъ, своего развитія[1]). Но зато основанный Карломъ IV въ 1348 году Пражскій Университетъ привлекъ нѣсколько позднѣе въ свои стѣны значительное число литовскихъ студентовъ. Въ эпоху гуситства связи Литвы съ Чехіею значительно усилились. Еще при жизни мистра Яна Гуса его другъ Іеронимъ Пражскій посѣтилъ Великое Княжество Литовское, а знаменитый впослѣдствіи Янъ Жижка во главѣ чешскихъ воиновъ сражался вмѣстѣ съ Витовтомъ при Грюнвальденѣ. Предложеніе Витовту короны Чехіи, сдѣланное въ 1421 году Кутногорскимъ сеймомъ, ярко рисуетъ силу связей Чехіи съ Литвою въ годы гуситскихъ войнъ. Въ XV и XVI вѣкахъ торговыя и культурныя связи Литвы съ Чехіей развивались весьма успѣшно. „Бемское“ стекло и сукно находили свой сбытъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Чехи служили въ ротахъ литовскихъ наемныхъ войскъ. Фамилія „Чехъ“ встрѣчается въ литовскихъ актахъ и документахъ[2]). Притокъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго, отправляющихся въ Чехію и Моравію ради обученія наукамъ, растетъ[3]). Въ числѣ ихъ былъ въ XVI столѣтіи Полоцкій шляхтичъ Францискъ Скорина, переведшій библейскія книги на свой родной языкъ, печатавшій ихъ въ Пра-

---

[1]) О сношеніяхъ Чехіи съ Литвою времени до гуситскихъ войнъ см Ferdinand Tadra, Kulturni styki Čech s cizinou až do válek husitských (v Praze, 1897), str. 134 a n. Сводку литературы объ Іеронимѣ Пражскомъ см. въ работѣ молодого литовскаго историка Адольфа Шапоки, Jeronimas Pragiškis ir jo kelionė Lietuvon, напечатанной во второй книгѣ журнала Praeitis (Kaunas, 1933).

[2]) Нпр., ротмистръ Янъ Павчичъ Чехъ — Р. Ист. Б., XXX, ст. 644.

[3]) Ср. положенія къ докладу А. В. Флоровскаго на IV Съѣздѣ Русскихъ Академическихъ Организацій за-границей. Труды этого Съѣзда, ч. I (Бѣлградъ, 1929), стр. 141—142.

гѣ и въ Вильнѣ и руководствовавшійся въ своемъ ихъ переводѣ чешской Библіей [1]). Произведенія чешской письменности переводились на русскій языкъ Великаго Княжества Литовскаго и въ немъ распространялись [2]). При такихъ связяхъ Литвы съ Чехіей совершенно естественнымъ должно представляться и проникновеніе чешскаго права въ Великое Княжество Литовское.

Въ самое недавнее время вопросъ о вліяніи чешскаго права на литовское, и въ частности на Литовскіе Статуты, явился предметомъ обсужденія въ спеціальной литературѣ. Въ 1929 году г. А. Яковлівъ выпустилъ брошюру, посвященную этому вопросу, какъ вопросу, относящемуся къ области „украинскаго права Литовской эпохи“ [3]). Мы не будемъ сейчасъ останавливаться на этомъ, совершенно произвольномъ отождествленіи права Великаго Княжества Литовскаго, какъ цѣлаго, съ правомъ лишь части его территоріи, его юга, которое замѣчается въ произведеніяхъ новѣйшихъ украинскихъ историковъ и историковъ права [4]). Возраженія противъ этого дѣлаются самими украинскими историками, чуждыми такихъ увлеченій [5]). По своему существу брошюра г. Яковліва встрѣтила весьма серьезныя возраженія со стороны спеціалистовъ по исторіи славянскаго и въ частности чешскаго права [6]). Особенно обстоятель-

---

1) Ср. П. В. Владиміровъ, Докторъ Франдискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ (С.-Петербургъ, 1888), стр. 37 и сл.

2) Ср. тамъ же, стр. 38—39.

3) Андрій Яковлів, професор Українського Університету в Празі. Впливи старочеського права на право українське литовської доби XV—XVI в. Прага, 1929.

4) См., нпр., Проф. Ростислав Лащенко, Литовський Статут, яко памятник українського права (Прага, 1923) и его же, Лекції по історії українського права, частина друга, випуск перший (Прага, 1924).

5) Такъ, г. Ст. Борисенокъ возражалъ противъ объявленія Литовскаго Статута памятникомъ украинскаго права, говоря: „а які-ж доводи? Легко замінити термін „руський“ на український, та оголосити право Литовського Статута українським“. Праці Комисії для виучування історії західньоруського та вкраїнського права, вип. другий (У Київі, 1926), стр. 289 (изд. Украинской Академіи Наукъ).

6) Профессоровъ Т. Сатурника (Slavia, ročn. IX, seš. 4, str. 851—853), А. Флоровскаго (Przewodnik Historyczno-prawny, roczn. II, zesz. I. Recenzje, str. 49—56) и І. Маркова (Bratislava. Časopis Učené Společnosti Šafaříkovy, č. I, ročn. V, str. 111—123).

ную рецензію брошюры далъ I. I. Марковъ, признавшій полную бездоказательность ея основныхъ положеній[1]). Намъ думается, что, еслибы г. Яковлівъ углубилъ и расширилъ свое изслѣдованіе, болѣе основательно войдя въ изученіе права польскаго, а особенно мазовецкаго, то результаты его работы встрѣтили бы болѣе положительное признаніе. Еще Мацѣёвскій указывалъ на большое сходство права мазовецкаго съ чешскимъ[2]). Само именованіе „шляхтичъ“, по Мацѣёвскому, опредѣлилось въ Чехіи раньше, чѣмъ въ Польшѣ[3]). Мысли и наблюденія такого выдающагося ученаго, какимъ былъ Мацѣёвскій, уже сами по себѣ должны были указать на необходимость самаго пристальнаго изученія мазовецкаго и вообще польскаго права съ точки зрѣнія заимствованія имъ права чешскаго. Самъ г. Яковлівъ отмѣтилъ чешскіе термины, перенесенные въ Литовскій Статутъ „въ польской транскрипціи“[4]). Вопросъ о вліяніи чешскаго права на Литовскій Статутъ долженъ быть раздѣленъ на два: 1) чтó было имъ усвоено черезъ посредство польскаго права и 2) чтó онъ заимствовалъ изъ чешскаго права непосредственно. И мы рѣшаемся думать, что детальное разложеніе артикуловъ Литовскаго Статута на ихъ источники обнаруживаетъ слѣды непосредственнаго заимствованія отдѣльныхъ элементовъ чешскаго права. Но, конечно, не путемъ знакомства съ такими, ведшимися урядами, документальными источ-

---

[1]) I. I. Марковъ пишетъ въ своей рецензіи: „V závěrečné hlavě praví autor, že materiál, uvedený v jeho knize, dává mu právo tvrditi, že vliv staročeského práva a jazyka (t. j. právnické terminologie) na právo a jazyk lit.-ruského státu uplatňoval se skutečně ve st. XV—XVII a že zejména redaktoři Lit. Statutu nejen že znali prameny českého práva, nýbrž že je měli stále po ruce a že z nich převzali značný počet právních předpisů a ještě větší počet právnických termínů. Avšak zkoumání materiálu, shromážděného autorem, nutí nás ke konstatování, že ve skutečnosti je to tvrzení, které visí ve vzduchu a které i po vydání jeho knihy nemůže býti ani zdaleka považováno za dokázané“. Str. 123.

[2]) См., нпр., Hist. Praw. Słow., t. III (I wyd.), str. 415: „późniéy upowszechniły się na Litwie zwyczaje mazowieckie do praw czeskich, iak się to iuż nie raz rzekło, wielce podobne: a stąd odgadnąć łatwo, dla czego nie raz zachodzi podobieństwo pomiędzy czeskiemi i litewskiemi prawami“.

[3]) „Wcześniej zaś u Czechów niż u nas ukształtował się wyraz szlachcic, w prawném znaczeniu“. W. A. Maciejowski, Roczniki i kroniki Polskie i Litewskie najdawniejsze (Warszawa, 1850), str. 245.

[4]) Впливи....., стр. 62.

никами чешскаго права, какъ Dsky Zemské, могло переноситься это право въ Литву. Его элементы могли въ нее попадать путемъ болѣе или менѣе случайнаго ознакомленія съ ними обывателей Великаго Княжества Литовскаго, бывавшихъ въ Чехіи, учившихся въ Пражскомъ Университетѣ или путешествовавшихъ ради торговыхъ дѣлъ или простого интереса. Трудно отрицать возможность того, что въ Литву были привезёны экземпляръ или нѣсколько экземпляровъ произведеній чешскихъ юристовъ, при чемъ особенно вѣроятно это по отношенію къ извѣстному труду Викторина Вшегрда O právích země České[1]). Составленный на рубежѣ XV и XVI столѣтій, этотъ трудъ имѣлъ очень большое распространеніе въ Чехіи, на что ясно указываетъ значительное количество извѣстныхъ его рукописныхъ экземпляровъ[2]). Совершенно естественнымъ должно быть признано пріобрѣтеніе одного или нѣсколькихъ экземпляровъ труда Вшегрда и кѣмъ либо изъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго, а слѣдсвательно, и возможность знакомства съ нимъ и кого либо изъ членовъ Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Литовскаго Статута, или изъ участниковъ сеймовъ, его обсуждавшихъ и вмѣшивавшихся въ работу Статутовой Коммиссіи. Какъ бы то ни было, вопросъ о вліяніи чешскаго права на Литовскій Статутъ не можетъ еще считаться разрѣшеннымъ, какъ и очень многіе вопросы, связанные съ происхожденіемъ и источниками права этого кодекса Великаго Княжества Литовскаго.

Но Чехія была не единственною изъ непосредственно не граничившихъ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ странъ, тѣ или иные элементы права которыхъ могли оставить свой слѣдъ въ артикулахъ Литовскаго Статута. Достаточно развитыя сношенія Литвы съ различными странами Европы вызвали даже спеціальныя постановленія въ законодательствѣ Великаго Княжества о „вольности“ поѣздокъ „для набытя лепшого щастья своего и навченя учинковъ рыцерскихъ, до всякихъ земль

---

[1]) Издано Иречкомъ — M. Viktorina ze Všehrd O právích země České knihy devatery. Vydání nové, kteréž upravil a prídavky opatřil Dr. H e r m e n e g i l d J i r e č e k. V Praze, 1874.

[2]) Иречекъ пишетъ: „Dilo Všehrdovo opisováno množstvíkráte, a to hned jak v recensí první (Postupické), tak i v recensí královské (Vladislavovské). Ještě i na počátku 17 století pořizováni jsou opisové jeho. Rukopisův na ten čas známo jest 23-tero“. Op. cit., str. XXX.

чужихъ, окромъ непріятелей“ великаго князя Литовскаго[1]). Очевидно, такія поѣздки были явленіемъ далеко не рѣдкимъ, если законъ съ ними считался. А если это было такъ, то въ Литву могло попадать многое изъ культуры „всякихъ земль чужихъ“, вплоть до отдѣльныхъ элементовъ организаціи ихъ управленія и элементовъ права. Мы не удивимся, поэтому, если детальное сравнительное изученіе артикуловъ Литовскаго Статута путемъ сопоставленія ихъ съ правомъ различныхъ странъ Европы обнаружитъ ихъ сходство. А послѣ обнаруженія этого сходства можетъ быть поставленъ къ разрѣшенію и вопросъ о вліяніи. Литва не жила изолированною отъ другихъ странъ жизнью. Ея культурныя связи тянулись далеко на Западъ и Востокъ Европы. Именно она, по своему географическому положенію, лежала между первымъ и вторымъ, и это дѣлало ее территоріей скрещиванія культуръ Европейскихъ Востока и Запада. Ознакомленіе съ явленіями и фактами иностранной жизни, конечно, создавало и положительныя, и отрицательныя впечатлѣнія. Первыя вызывали мысли о желательности чего-либо подобнаго и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Вторыя побуждали искать способовъ предупрежденія появленія въ немъ явленій и порядковъ, наблюдаемыхъ въ другихъ странахъ, путемъ запрещенія ихъ закономъ. Такими, напримѣръ, могли быть отрицательныя впечатлѣнія отъ деспотизма власти и произвола должностныхъ лицъ, „лекарство“ противъ которыхъ долженъ былъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ дать ему его законъ.

Но, конечно, особое значеніе при изученіи заимствованія Литовскимъ Статутомъ чужеземнаго права имѣетъ вопросъ о рецепціи имъ права польскаго. Въ 1814-мъ еще году Янъ Винцентъ Бандтке объявилъ Литовскій Статутъ законодательнымъ памятникомъ польскаго провинціальнаго права[2]), созданнымъ

---

1) I Статутъ, III, 8. Этотъ артикулъ Литовскаго Статута 1529 года представляетъ собою развитіе статей общеземскихъ привилеевъ великихъ князей Казимира (Archivum Komisyi Prawniczej, t. VII, str. 263, § 5) и Александра (ibidem, str. 266, § 4), подтвержденныхъ ихъ преемниками.

2) „Pomiędzy prawami prowincyonalnemi nayważnieyszém iest statut Litewski...“ Historya literatury polskiey wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych przez Felixa Bentkowskiego professora historyi i bibliotekarza w Liceum Warszawskiém, członka Towarzystwa Królewskiego Przyiacioł Nauk w Warszawie, tom II (w Warszawie i Wilnie, 1814), str. 176. „Au-

нымъ стараніемъ польскихъ королей[1]). Въ польской литературѣ затѣмъ утверждалось представленіе о Литовскомъ Статутѣ, какъ о кодексѣ, являющимся законодательнымъ памятникомъ польскаго права и по существу. Такъ, напримѣръ, Морачевскій въ 1851 году писалъ: „Statut litewski jest wpływem tak stosunków polskich jak ducha polskiego“[2]). Въ 1900 еще году Пѣкосинскій утверждалъ, что „Statut litewski pomiędzy pomnikami prawodawczymi polskimi niewątpliwie najcelniejsze zajmuje miejsce“[3]). Такимъ образомъ, получалось представленіе, что Литовскій Статутъ въ сущности является кодексомъ польскаго права, нѣсколько разбавленнаго элементами мѣстной особенности Литвы, какъ провинціи Польши. Такой взглядъ на Литовскій Статутъ явился результатомъ 1) стараго представленія, будто унія Литвы съ Польшею, совершенная Ягайломъ, была живою все послѣдующее время и только еще болѣе закрѣплена въ Люблинѣ въ 1569 году, 2) предположенія, что привилеи Уніи, выданные Ягайломъ и его преемниками вплоть до начала XVI столѣтія, представляли собою акты, сохранявшіе свою полную силу и цѣликомъ вступившіе въ жизнь, и 3) очень недостаточнаго знакомства съ текстомъ Литовскихъ Статутовъ въ дѣйствительномъ содержаніи ихъ артикуловъ — о Статутахъ больше говорили, чѣмъ изучали ихъ текстъ артикулъ за артикуломъ.

Но научное изслѣдованіе установило къ настоящему времени совершенно ясно, что инкорпорація Литвы въ Польшу, обѣщанная Ягайломъ въ Кревскомъ актѣ 1385 года, не была осуществлена въ дѣйствительности, что государственное значеніе Великаго Княжества Литовскаго было возстановлено затѣмъ Витовтомъ, что за 184 года, протекшіе между Кревскимъ актомъ 1385 года и Люблинскимъ договоромъ 1569 года, Польско-Литовская унія не однажды разрывалась совсѣмъ и что „всѣ

---

torem trzeciego rozdziału zawierającego literaturę prawniczą“, который мы цитируемъ, былъ Я. В. Бандтке (Przedmowa, str. III).

[1]) „Litwa pobratymcza miała za staraniem naszych Królów układ prawa systematyczny w ten czas, gdy inne narody o tem ani pomyślały“. Op. cit., str. 179.

[2]) Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitéj Polskiéj (Poznań, 1851), str. 161.

[3]) Franciszek Piekosiński, Statut Litewski. Część I. Powstanie trzech redakcyj Statutu (Rozprawy Ak. Um., wydział hist.-filoz., serya II, tom XIV), str. 126

попытки, предпринимавшіяся при Казимірѣ и его сыновьяхъ къ осуществленію Польско-Литовской государственной уніи, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Литовско-Русское государство, пребывая въ личной уніи съ Польшею, сохраняло полную самостоятельность и независимость“ [1]). Мы прибавили бы къ этимъ словамъ М. К. Любавскаго, что личная унія иногда превращалась даже въ унію лишь династическую, ибо бывали времена, когда отдѣльные престолы Польши и Литвы занимало не одно лицо, а два изъ общей династіи Ягайловичей. Такимъ образомъ, старое представленіе, что Литва будто бы была соединена съ Польшею какими то государственными связями до Люблинской Уніи, должно быть совершенно устранено. Отсюда слѣдуетъ, что и польское законодательство въ ней не могло утверждаться въ своей силѣ какъ таковое.

Но Великое Княжество Литовское получило отъ своихъ великихъ князей за это время рядъ земскихъ привилеевъ, вводившихъ въ него элементы польскаго права [2]). Польское право этимъ путемъ, казалось бы, должно было проникать въ Литву и въ ней утверждаться. Такъ и понимался процессъ утвержденія польскаго права въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ обычно въ спеціальной литературѣ. Однако для того, чтобы признать правильнымъ это обычное представленіе, нужно доказать, во-первыхъ, сколько-нибудь широкое распространеніе общеземскихъ привилеевъ въ Литвѣ, а во-вторыхъ, и сколько-нибудь полное примѣненіе ихъ статей въ ея дѣйствительной жизни. Законъ въ новѣйшее время опубликовывается во всеобщее свѣдѣніе и вводится въ жизнь хорошо налаженнымъ и организованнымъ аппаратомъ государственной власти, съ отвѣтственностью за его нарушеніе. Что касается степени извѣстности закона населенію въ XV и началѣ XVI столѣтія, то о ней очень ярко говоритъ актъ утвержденія королемъ Польши Александромъ статута Ласкаго на Радомскомъ сеймѣ 1505 года: „привилегіи и книги статутовъ находились или въ государ-

---

[1]) М. К. Любавскій, Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно (изданіе 2-ое; Москвя, 1915), стр. 198.

[2]) Объ общеземскихъ привилеяхъ см. работу И. В Якубовскаго, Земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1903; IV, стр. 239—278 и VI, стр. 245—303.

ственныхъ хранилищахъ, или въ рукахъ немногихъ лицъ, для населенія же вообще были недоступны и неизвѣстны“[1]). Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ знаніе земскихъ привилеевъ сколько-нибудь широкими кругами населенія, конечно, отсутствовало также. Они хранились въ государственномъ скарбѣ Литвы. Доступъ къ нимъ открытъ былъ лишь панамъ-радѣ. Когда на первомъ послѣ вступленія на престолъ Великаго Княжества Литовскаго Сигизмунда Августа сеймѣ, собравшемся въ Вильнѣ въ 1547 году, станы сейма просили своего новаго великаго князя привилеи, „листы вольностей“ ихъ, имъ „вказати“ и подтвердить, онъ отвѣтилъ приказаніемъ эти привилеи станамъ „оказати“ и передъ ними „вычести“, чтобы они „ласце и объдаренью предковъ его милости и въсимъ вольностямъ“ своимъ „добре вырозумели“. Подтвердительный привилей свой на эти права и „вольности“ Сигизмундъ Августъ приказалъ изготовить канцлеру, и этотъ новый привилей далъ обѣщаніе не огласить по всему государству во всеобщее свѣдѣніе, а „ховати“ вмѣстѣ со старыми[2]). На Виленскомъ сеймѣ 1551 года княжата, панята, шляхта и все рыцарство Великаго Княжества Литовскаго просили Сигизмунда Августа, „абы его милость съ паны-радами своими рачылъ угленути у привилья и вольности земъскіе и то, што бы ся въ нихъ нарушыло, абы рачылъ казать поправити“. Отвѣтомъ на эту просьбу было, что великій князь прикажетъ „въ тые привилья земъскіе пану канъцлеру его милости Великого Князства угленути“ и „учынити кажеть“ то, „што ся слушного видети будеть“[3]). Земскіе привилеи отнюдь не могутъ даваться къ прочтенію всякому обывателю, даже члену сейма. На Виленскомъ сеймѣ 1554 года Сигизмундъ Августъ такъ отвѣчалъ станамъ на ихъ просьбу внести земскіе привилеи въ составлявшійся тогда Второй Литовскій Статутъ: пока идутъ работы надъ его выработкою, „въ томъ часе завъжды, коли слушная потреба будеть ку оказанью вамъ тыхъ

---

[1]) „tamen cum non omnibus patuit, quod omnes concernit, per quandam etenim ut dicamus disvetudinem ac animadvertentiam et privilegia, et libri statutorum, vel in thesauris publicis, vel in paucorum manibus duntaxat conclusa, communi vero populo occlusa, imo incognita hactenus erant“. Volumina Legum, t. I (Petersburg, 1859), p. 160 (f. 353).

[2]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 134—135.

[3]) Тамъ же, ст. 164—165.

вольности вашыхъ, отъ ихъ милости пановъ-радъ будуть вамъ оказаны“ [1]).

Итакъ, общеземскіе привилеи, въ ихъ точномъ содержаніи, не могли быть извѣстными сколько-нибудь широкимъ кругамъ Великаго Княжества Литовскаго. Ихъ не могли знать обстоятельно и точно не только рядовая шляхта, но даже и должностныя лица, кромѣ пановъ-рады. Позволительно думать, что и изъ послѣднихъ съ этими привилеями были хорошо знакомы не всѣ, а только нѣкоторые, и особенно канцлеръ [2]). Въ областяхъ государства изъ общеземскихъ привилеевъ могли знать только обрывки ихъ содержанія, и притомъ, надо думать, не всегда достаточно точно. А если это было такъ, то едва ли можетъ идти рѣчь о выполненіи ихъ постановленій на всемъ протяженіи обширной государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго полностью. Приходится думать, что на практикѣ въ жизни областей привилеи, въ доходившихъ до нихъ постановленіяхъ, скрещивались съ обычаемъ и естественнымъ развитіемъ жизни и что въ этомъ скрещиваніи послѣдніе не всегда поддавались подчиненію первымъ.

Для иллюстраціи недостаточнаго вхожденія въ жизнь постановленій общеземскихъ привилеевъ доказимировской эпохи остановимся на Городельскомъ привилеѣ 1413 года, который въ старой литературѣ считался имѣющимъ такое выдающееся значеніе для введенія польскаго права въ Литву. Въ немъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе обозначеніе шляхты (nobiles) рядомъ съ панами (barones) земель Литвы. Шляхты въ дѣйствительности тогда въ ней еще не было. Вмѣсто нея въ то время въ Литвѣ были обязанные военною службою на великаго князя или на своихъ пановъ и князей, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, мелкіе землевладѣльцы, находившіеся въ полной отъ нихъ зависимости и чуждые еще понятія „благородства“ польской шляхты, сливавшіеся съ военно-служилыми крестьянами. Шляхетское сословіе, подобное польской шляхтѣ, вырабатывается въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ много позднѣе эпохи Витовта, къ которой относится Городельскій привилей. Его опредѣленныя черты закрѣпились лишь въ XVI

---

[1]) Тамъ же, ст. 225.

[2]) Урядъ подканцлера появляется въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ только въ 1566 году. См. J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 163.

столѣтіи. Но видѣть шляхту въ Литвѣ нужно было полякамъ во время составленія Городельскаго акта. Имъ нужно было стремиться къ созданію въ ней польскаго значенія шляхетскаго сословія, чтобы въ немъ получить опору для сліянія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, обѣщаннаго обязательствомъ Ягайла, которое польскіе государственные дѣятели хотѣли осуществить во что бы то ни стало. Кромѣ того Городельскій актъ старается возможно больше закрѣпить въ Литвѣ силу и значеніе единыхъ съ Польшею католическихъ вѣры и церкви, расчитывая идти по пути сліянія верховъ населенія обоихъ государствъ. Имъ было установлено принятіе польскихъ шляхетскихъ гербовъ литовскими панами и шляхтою, исповѣдывающими католическую вѣру. „Шляхту“ Литвы, не существовавшую тогда въ дѣйствительности, Городельскій привилей хотѣлъ слить съ польскою шляхтою въ гербахъ, т. е. въ тѣхъ ея объединеніяхъ, которыя имѣли чисто мѣстную основу польскихъ шляхетскихъ разселеній. Но въ дѣйствительности не мелкіе военные землевладѣльцы, каковыми являлись шляхтичи въ Польшѣ, приняли въ Литвѣ польскіе гербы на Городельскомъ съѣздѣ 1413 года, а крупные литовскіе паны, посмотрѣвшіе на нихъ не какъ на внѣшніе знаки своего сліянія съ польскою шляхтою въ проникнутый интересами Польши ея народъ-шляхту, а какъ на простое украшеніе своей печати, отличающее значеніе ихъ панскаго имени отъ тѣхъ маленькихъ по ихъ понятіямъ людей, которыхъ въ Польшѣ называли шляхтою и вмѣсто которыхъ въ Литвѣ были лишь рядовые воины, находящіеся подъ властью или самихъ этихъ пановъ, или великаго князя. Тѣ самые литовскіе паны, которые были приняты въ 1413 году въ польскіе шляхетскіе гербы и, по польскому замыслу, должны были тѣмъ объединиться съ поляками, выступали затѣмъ какъ исключительно литовскіе дѣятели и патріоты, непримиримо враждебные польскимъ планамъ инкорпораціи Великаго Княжества Литовскаго. Что же касается предоставленія правъ литовскому боярству, т. е. шляхтѣ послѣдующаго времени, то еще болѣе восьмидесяти лѣтъ тому назадъ Крашевскій совершенно вѣрно писалъ, что всѣ права, данныя литовскому боярству въ 1387 и 1413 годахъ, оставались просто буквою, пока Витовтъ былъ великимъ княземъ Литовскимъ[1].

[1]) J. J. Kraszewski, Litwa (Warszawa, 1850), t. II, str. III.

Предполагалъ Городельскій привилей и другія мѣры для сближенія строя Великаго Княжества Литовскаго и хода его жизни съ польскими. Онъ учреждалъ въ Вильнѣ и Трокахъ должности воеводъ и каштеляновъ, которыя должны были даваться только католикамъ. Учрежденіе такихъ же должностей предполагалось и въ другихъ областныхъ центрахъ государства. На всѣ должности въ Литвѣ, согласно Городельскому акту, должны назначаться также исключительно католики; католиками же должны быть и члены совѣта великаго князя Литовскаго. Однако приведеніе въ исполненіе этихъ постановленій 1413 года разошлось съ ихъ замысломъ, и онъ не могъ быть осуществленъ вполнѣ. По существу новою изъ созданныхъ Городельскимъ привилеемъ для Литвы должностей являлся лишь польскій урядъ каштеляна. Въ воеводы же были переименованы прежніе старосты-намѣстники Вильны и Трокъ, съ ихъ прежними функціями. А, учреждая въ Жомойти новую должность своего намѣстника, Витовтъ далъ ему старое именованіе старосты, хотя по своему значенію въ государствѣ онъ былъ такимъ же воеводою, какъ и Виленскій, и Троцкій. На должности въ Литвѣ назначать всегда однихъ католиковъ оказалось невозможнымъ. Даже въ предѣлахъ собственной Литвы и тѣсно связанной съ нею такъ называемой Руси Литовской, къ которымъ собственно и относится Городельскій привилей, это его постановленіе было нелегко осуществимо. При распространеніи же его на русскія области аннексы, съ ихъ сплошнымъ православнымъ населеніемъ, потребовалось отъ него отступить совершенно, что и было сдѣлано послѣдующими привилеями 1432 и 1434 годовъ[1]). Отмѣняя въ 1563 году постановленія Городельскаго привилея о необходимости принадлежности къ католической церкви для занятія урядовъ, Сигизмундъ Августъ оффиціально призналъ, что „не толко Рымского костела послушные, але и Греческого въ лавицы рады“ занимали мѣста при его предкахъ и при немъ самомъ[2]). Что же касается необхо-

[1]) Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 166 и его же, Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до Люблинской Уніи Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому (Часть I. Москва, 1909), стр. 1—17. Ср. также, W. Czermak, Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432—1563). Rozpr. Ak. Um., wydz. hist.-filozof., t. 44. str. 348—405.

[2]) См. выше, стр. 19 и сл.

димости обладать польскимъ гербомъ для принадлежности къ шляхетскому сословію Великаго Княжества Литовскаго, то она отпала совершенно сама собою[1]).

Мы совершенно не касаемся теперь постановленій Городельскаго привилея объ Уніи Литвы съ Польшею и совмѣстномъ ими избраніи своихъ монарховъ[2]). Къ переговорамъ объ Уніи Великое Княжество Литовское въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія приступало, отказываясь ото всѣхъ старыхъ договоровъ о ней, включая въ нихъ Городельскій. Отмѣтимъ лишь еще постановленіе его объ общихъ съѣздахъ (conventiones et parlamenta) пановъ и шляхты обоихъ государствъ для общихъ нуждъ ихъ, въ Люблинѣ, Парчовѣ или другихъ мѣстахъ[3]) Эти съѣзды остались лишь на пергаменѣ привилея и въ жизнь не вошли.

Въ чемъ же причина неосуществленія Городельскаго привилея, какъ и другихъ земскихъ привилеевъ доказимировской эпохи? Они пытались искусственно прививать Литвѣ то, чего еще не существовало въ ея жизни того времени. Прививка не удалась и не могла удаться, потому что не имѣлось для нея основы въ самомъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Идти же на встрѣчу соціально-политическимъ экспериментамъ, придумываемымъ польскими государственными дѣятелями для слiянія ея съ Польшею, Литва не могла и не хотѣла, ибо крайне враждебно относилась къ такимъ планамъ и замысламъ.

Совсѣмъ другое приходится говорить о содержаніи общеземскихъ привилеевъ съ Казимировской эпохи. Они возникали изъ развивавшейся жизни самого Великаго Княжества Литовскаго, проникнуты идеею его независимой отъ Польши, совершенно самостоятельной государственности и закрѣпляли въ за-

---

[1]) О превращеніи боярства и земянства Великаго Княжества Литовскаго въ его „народъ-шляхту“ и о возникновеніи и развитіи этого процесса безъ всякаго вліянія Городельскаго привилея 1413 года см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 174 и сл.

[2]) Объ актахъ Уніи 1401 и 1413 годовъ см. prof. J. Lappo, Istorinė Vytauto Reikšmė (atmušta iš II „Praeities“ tomo; Kaunas, 1930), 56—60 p. Резюмэ этой работы, сдѣланное на русскомъ языкѣ, — Труды V Съѣзда Русск. Акад. Орган. загран., ч. I (Софія, 1932; стр. 369—404); въ этомъ резюмэ см. стр 397—400.

[3]) „in Lublin, vel in Parczow et aliis in locis aptis de consensu et voluntate nostra celebrabunt, pro commodo et utilitate Regni Poloniae et terrarum Lithuaniae praedictarum meliori“.

конѣ то, что уже нарождалось въ немъ самомъ. Такими были обязательства монарховъ Литвы по обезпеченію всей цѣлости ея государственной территоріи, по сохраненію правъ сословій, по освобожденію панскихъ и боярскихъ подданныхъ отъ повинностей и поборовъ на великаго князя, по неприкосновенности компетенціи урядовъ, по недопущенію къ нимъ чужеземцевъ, съ поляками въ ихъ числѣ, по утвержденію ограничивающаго власть монарха значенія въ государствѣ рады и т. п. Все это стало основными законами Великаго Княжества Литовскаго, въ таковомъ значеніи перешло въ Первый Литовскій Статутъ, а изъ него, съ измѣненіями, вызванными шляхетскимъ движеніемъ середины XVI вѣка, было перенесено и во Второй, и въ Третій Литовскіе Статуты.

Такимъ образомъ, мы рѣшаемся думать, что попытка перенесенія въ Литву польскаго права путемъ общеземскихъ привилеевъ, связанная съ польскими планами ея инкорпораціи, не можетъ быть признана удавшеюся. Но это отнюдь не значитъ того, что польскіе институты и польское право на Литву не оказали никакого вліянія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это вліяніе имѣло мѣсто. Но его размѣры и характеръ требуютъ самаго внимательнаго изученія и опредѣленія. Въ 1898 году выдающійся знатокъ исторіи славянскаго права, Карелъ Кадлецъ, писалъ, что право Литовскаго Статута 1529 года имѣетъ чрезвычайно много сходнаго съ польскимъ правомъ, при чемъ отдѣльные его артикулы признавалъ просто изъ него рецепированными[1]). Но этихъ артикуловъ онъ не указалъ точно, а утвержденіе общаго характера встрѣчается съ рядомъ ему противорѣчій въ литературѣ, касающейся составныхъ частей статутоваго права. Изученіе источниковъ уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута привело профессора

[1]) „V souvislosti s právem polským možno se dotknouti v kapitole této i práva litevského. Kořeny jeho jsou sice společné s právem ruským, avšak v té podobě, jak sepsáno jest ve statutě Vladislava II. z r. 1420—1423 a zejména v Litevském statutě z r. 1529, má neobyčejné podobnosti s právem polským, ba jednotlivé články jsou z práva polského přímo recipovány" (Karel Kadlec, Rodinný nedíl čili zádruha v právu slovanském. V Praze, 1898. Str 126). Конечно, по отношенію къ Статуту Владислава II-го 1420—1423 г.г. (т. е. Вартскимъ Статутамъ) тутъ недоразумѣніе, ибо онъ является памятникомъ права польскаго, былъ только переведенъ на русскій языкъ и отнюдь не представляетъ собою сборника законовъ Литвы.

Н. А. Максимейка къ выводу, очень ограничивающему предѣлы вліянія польскаго права и его рецепціи[1]). Разработка гражданскаго процесса приводитъ къ указаніямъ серьезныхъ отличій литовскаго и польскаго права въ этой области[2]). Организація судовъ и урядовъ въ артикулахъ Литовскаго Статута имѣетъ весьма существенныя различія по сравненію съ организаціей польской, несмотря на совпаденіе ихъ именованій. Такъ, повѣтовый земскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ отправлялъ свои сессіи три раза въ годъ въ центральномъ пунктѣ повѣта, въ то время какъ аналогичный судъ въ Польшѣ объѣзжалъ повѣты воеводства или земли, не имѣя единаго постояннаго мѣста своего функціонированія. Кромѣ того, въ Литвѣ въ составъ коллегіи земскаго суда входили лишь судья, подсудокъ и писарь, а въ Польшѣ къ судьѣ и подсудку присоединялись еще ассессоры изъ шляхты или мѣстныя должностныя лица[3]). Судебныхъ вѣчей, существовавшихъ въ Польшѣ, Великое Княжество Литовское не имѣло вовсе. Подобныхъ отличій Литвы и Польши можно отмѣтить немало.

Какими же путями проникало польское право въ Великое Княжество Литовское? — Старый романтическій взглядъ польскихъ историковъ на „братскія“ чувства Литвы къ Польшѣ и на ихъ сліяніе въ „братствѣ“ обоихъ народовъ, конечно, въ настоящее время уже не можетъ считаться правильнымъ. Наоборотъ, раздраженіе противъ польскихъ притязаній на Великое Княжество Литовское господствовало въ послѣднемъ въ годы составленія Литовскихъ Статутовъ, вызывая враждебное отношеніе къ полякамъ и всему польскому. Это отношеніе постоянно проявлялось на вальныхъ сеймахъ Литвы. Великое Княжество Литовское смотрѣло на себя какъ на совершенно самостоятельное полноправное государство, не имѣющее никакихъ органическихъ связей съ Польшею. Въ обоихъ этихъ государствахъ только, притомъ не всегда, одно и то же лицо бывало монархомъ. По выраженію литовскихъ становъ на Вилен-

---

[1]) Н. А. Максимейко, Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута (Кіевъ, 1894), стр. 105—155 и 181—184.

[2]) См. И. И. Лаппо (младшій), Рекуператорный владѣльческій искъ въ Литовскомъ правѣ конца XVI столѣтія (Прага, 1933).

[3]) Ср. Stanisław Kutrzeba, Historya Ustroju Polski w zarysie. Korona. Str. 111—113 (цитируемъ по пятому изданію — Lwów, 1920).

скомъ сеймѣ 1551 года, Сигизмундъ Августъ „обема тыми паньствы самъ одинъ на сесь часъ справуеть и ими владнеть" [1]). Одно и то же лицо только въ данное время оказалось на престолахъ двухъ независимыхъ одно отъ другого государствъ. Самые эти престолы совершенно различны и существуютъ самостоятельно и несліянно въ одинъ. Они такъ же отдѣльны и самостоятельны, какъ и государства, которымъ они принадлежатъ и которыя они представляютъ. Въ значеніи совершенно самостоятельнаго государства Великое Княжество Литовское владѣетъ актами-обязательствами своихъ монарховъ, выданными ими ему въ различное время. Эти обязательства гарантируютъ ему охрану его государственной самостоятельности, цѣлость и неприкосновенность его государственной территоріи, а также „вольности", „свободы" и права его становъ. Станы зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы монархи Литвы строго выполняли свои обязательства, имъ выданныя. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года они просили Сигизмунда Августа, „абы его милость съ паны радами своими рачылъ угленути у привилья и вольности земъскіе, и то, што бы ся въ нихъ нарушыло, абы рачылъ казать поправити" [2]). На первомъ сеймѣ Великаго Княжества Литовскаго въ великокняженіе Сигизмунда Августа, собравшемся въ Вильнѣ, станы въ январѣ 1547 года просили, чтобы господарь „водле звыклости предковъ своихъ, королей ихъ милости, великихъ князей", приказалъ „вси права, вольности", данныя станамъ Литвы, имъ „вказати" и затѣмъ подтвердить ихъ „новымъ прывильемъ и листомъ своимъ господаръскимъ" [3]).

На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1547 года станы „прозбу чынили" своему новому господарю, „абы вряды земъскіи и дворъныи и тежъ держанья замъковъ, дворовъ, местъ и волостей его кролевской милости не были даваны чужоземъцомъ" [4]), повторяя свои настоянія въ этомъ направленіи, которыя они дѣлали и раньше, притомъ иногда указывая, кого они особенно понимали подъ этими чужеземцами. Такъ, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы просили, „абы полякомъ чужоземъцомъ врядовъ и иныхъ достойностей у Великомъ Князстве не дава-

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 220.
[2]) Тамъ же, ст. 164.
[3]) Тамъ же, ст. 134.
[4]) Тамъ же, ст. 156.

но“ [1]). Поляки для Литвы такіе же иностранцы, какъ нѣмцы или угры. Въ одной изъ просьбъ Жомойтской земли, принесенныхъ въ 1559 году на Виленскомъ сеймѣ, имѣемъ ходатайство о разрѣшеніи „скуповати“ имѣнія „ляховъ, немъцовъ и угровъ, которимъ въ земли Жомойтской оселости подаваны“ [2]). По отношенію къ Подляшью, шляхта котораго считала польскій языкъ своимъ роднымъ и пользовалась польскимъ правомъ, что представляло удобство для исполненія полякомъ обязанностей референдарія по Подляшскимъ дѣламъ при дворѣ великаго князя, литовскіе станы упорно требовали назначенія этими референдаріями исключительно „тубыльцевъ и прироженъцевъ Великого Князъства“ [3]), „тутошнего панства родичей и добре оселыхъ“ [4]). Совсѣмъ наканунѣ Люблинской Уніи, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года литовскіе станы энергично настаивали на томъ, чтобы всѣ земскіе и дворные уряды въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ давались только его „родичамъ“, а господарскіе замки и имѣнія не отдавались въ залогъ „людемъ обчимъ, заграничникомъ“ [5]). Даже въ составъ простыхъ дворянъ своего монарха литовскіе станы не хотѣли допускать никого, кромѣ „тубылцовъ тутошнего паньства“ его, „Великого Князьства Литовского“ [6]).

Но не только свои должности охраняло Великое Княжество Литовское отъ „чужоземцовъ“ и „заграничниковъ“. Оно считало невозможнымъ владѣніе ими какими-либо земельными имуществами въ предѣлахъ государственной территоріи Литвы. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года станы просили Сигизмунда Августа, „абы чужоземъцы именей не поседали“ [7]). Давнія и

---

[1]) Тамъ же, ст. 117.

[2]) Тамъ же, ст. 281—282.

[3]) Тамъ же, ст. 272.

[4]) Тамъ же, ст. 234.

[5]) Тамъ же, ст. 472.

[6]) Тамъ же, ст. 166.

[7]) Тамъ же, ст. 165. Объ отношеніи въ Литвѣ къ полякамъ г. П. Домбковскій пишетъ: „Ustawy litewskie nie czyniły żadney różnicy między Polakami a innymi cudzoziemcami...... A nawet można powiedzieć, że niektóre przepisy, skierowane przeciw cudzoziemcom, miały na myśli przedewszystkiem Polaków......“ Przemysław Dąbkowski, Stanowisko cudzoziemców w prawie litewskiem w drugiej połowie XV i XVI wieku (Studya nad historyą prawa Polskiego wydawane pod redakcyą Oswalda Balzera, tom V, zeszyt 2. Lwów, 1912), str. 19.

упорныя домогательства поляковъ на Волынь и Подляшье вызвали и спеціальныя постановленія вальнаго сейма, требующія уничтоженія въ этихъ земляхъ землевладѣнія „чужоземцовъ". На Виленскомъ сеймѣ 1554 года станы просили великаго князя, „абы на Подляшы и на Волыни именей не куповали чужоземъцы, ани жадъными прычынами не посядали именей", и на эту просьбу Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ такъ: „тую прозбу вашу его кролевъская милость, за слушную прынемъшы, рачыть такъ застановляти: ижъ вже отъ того часу во въсемъ Великомъ Князьстве Литовъскомъ нихъто иный куповати ани которымъ иньшымъ обычаемъ не маеть ани можеть поседати именья шляхетъского и въсякого кгрунъту лежачого на вечъность, кромъ заставы, одно родичъ и обыватель Великого Князства тую вольность маеть мети купити и иньшымъ обычаемъ побожне вечности именья лежачого набыти, водле права заховываючы ся; а ведьже пры границахъ и заставою граничъный чоловекъ не маеть ани можеть именья и всякого кгрунъту земленого деръжати и набывати, кроме родицовъ и обавателей Великого Князьства, абы ся не нарушыли ничымъ прывил[ь]я земъскіе, прысягою его милости господаръскою утверъжоные"[1]. Такимъ образомъ, вопросъ о запрещеніи землевладѣнія иностранцевъ, въ частности, и надо думать, главнымъ образомъ, поляковъ, возникшій по отношенію къ Волыни и Подляшью, былъ во время сеймовой работы поставленъ на общую почву и вылился въ запрещеніе землевладѣнія „чужоземцовъ" на всей территоріи Великаго Княжества Литовскаго. Но для Волыни и Подляшья, гдѣ вопросъ касался именно поляковъ преимущественно, это запрещеніе было усилено тѣмъ, что въ нихъ иностранцы были лишены права даже принимать земельныя имущества въ залогъ, т. е. во временное владѣніе отъ кредитуемыхъ ими лицъ, лишь до погашенія послѣдними своихъ долговыхъ обязательствъ. На томъ же сеймѣ 1554 года Волынская земля хлопотала и объ установленіи выкупа близкими „вдовъ и девокъ" ихъ имѣній, если онѣ вышли замужъ за поляковъ[2].

Литва строго и зорко охраняетъ свое государство неприкосновеннымъ отъ имѣвшихъ къ тому времени длинную исторію

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 231—232.
[2]) Тамъ же, ст. 267.

покушеній со стороны Польши. Границы этихъ государствъ отнюдь не являются границами областей, на которыя простирается власть одного монарха въ эпоху Сигизмунда Стараго и Сигизмунда Августа, т. е. въ годы составленія Перваго и Второго Литовскихъ Статутовъ. Это границы двухъ отдѣльныхъ государствъ, въ которыхъ могутъ быть два особыхъ монарха, а временно, какъ „на сесь часъ"[1]), и одинъ. Если должностныя лица Польши пріѣзжаютъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, они должны оставлять „всю владность свою на границахъ". На этомъ настаивалъ еще Берестейскій сеймъ въ 1544 году и получилъ отъ великаго князя Сигизмунда I-го разъясненіе, что „тыи врядники дворъныи Корунъные, которые теперъ пры его милости суть, тыи ся у жадную справу здешнюю не вбивають, ани тежъ то отъ его милости на рсказаньи мають" [2]). Литовскіе станы въ этой своей просьбѣ имѣли въ виду должностныхъ лицъ двора своего монарха, который, пріѣзжая въ Литву изъ Польши, привозилъ съ собою и нѣкоторыхъ польскихъ дворныхъ урядниковъ, иногда становившихся ему очень привычными и близкими въ его домашней жизни. Великое Княжество Литовское не могло допустить функціонированія этихъ поляковъ на дворѣ своего монарха во время его пребыванія въ Литвѣ. Ея господарскій дворъ не можетъ быть смѣшиваемъ съ польскимъ. Эти дворы такъ же отдѣльны и самостоятельны, какъ и государства Литвы и Польши. Въ 1547 году, на первомъ сеймѣ великокняженія Сигизмунда Августа, собравшемся въ Вильнѣ, литовскіе станы указали своему новому великому князю, что „былъ тотъ обычай завъжды хованъ исъ стародавна за шчастного панован[ь]я предъковъ его милости, ижъ, кгды кольвекъ ихъ кролевъская милость съ Коруны Польское ежъдчали до Великого Князства Литовъского, тогды на границы вси врядники дворъныи Корунъныи оставали, а естли который до Князьства Литовъского ехалъ, тогды бывалъ яко бы гостемъ, а жадное моцы и владности въ справованью вряду своего не мелъ, ани ся въ то вступовалъ, але врядники дворныи Великого Князьства, потъкавъшы на границы, яко панове маршалъкове, такъ тежъ и подскарбій, подчашый, крайчый, конюшый, кухмистръ, подстоли, подкоморы и иншіи

[1]) Тамъ же, ст. 220.
[2]) Тамъ же, ст. 117—118.

врядники дворъныи, тыи вси вряды своими справовали и всякую владность въ нихъ мевали"[1]). Литовскіе обыватели не должны вызываться ихъ монархомъ на свой судъ въ Польшу; они имъ судятся только въ предѣлахъ ихъ государства. На этомъ энергично настаивали станы Великаго Княжества Литовскаго передъ Сигизмундомъ Августомъ на сеймахъ[2]), и Второй Литовскій Статутъ закрѣпилъ ихъ требованіе въ своихъ артикулахъ[3]).

При такомъ отношеніи къ Польшѣ сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго едва ли возможно предполагать, чтобы они, да и составлявшая проектъ Статута 1566 года Коммиссія, могли работать надъ этимъ кодексомъ, имѣя постоянно передъ собою тексты польскихъ законовъ и сеймовыхъ постановленій. Оффиціальное отношеніе къ польскому праву Великаго Княжества Литовскаго было въ ту пору безусловно враждебнымъ. Въ 1538 году къ Сигизмунду I-му, съ полевого сейма въ Новгородкѣ, было отправлено посольство „отъ пановъ-радъ Князства Великого Литовъского и отъ всего рыцерства", которое, между прочимъ, ему заявило: „и казали панове-рада то вашой милости поведити, ижъ маютъ ихъ милость право посполитое, всему панству отъ вашое милости даное[4]), которымъ ся справують и судять, и подъ нимъ седять и съ него ся веселять, а подъ право польское, которое собе земяне повету Бельского упросили, не подъданы суть панове-рада и въся земъля Литовская, але овъшемъ з него вызволены"[5]). Трудно думать, чтобы польское право получало свое распространеніе въ Литвѣ и черезъ посредство тѣхъ литовскихъ обывателей, которые учились въ Краковскомъ Униве ситетѣ въ серединѣ XVI столѣтія. Учиться въ этотъ Университетъ изъ Литвы въ то время ѣздили обычно тѣ, кто готовилъ себя къ духовной карьерѣ[6]). Высотою постановки преподаванія, которая бы была способна привлекать слушателей, искавшихъ общаго научнаго знанія, Краковскій

[1]) Тамъ же, ст. 158.

[2]) Тамъ же, ст. 147—149.

[3]) II Статутъ, IV, 61.

[4]) Т. е. Литовскій Статутъ 1529 года.

[5]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 39.

[6]) Kazimierz Morawski, Historya Uniwersytetu Jagiellońskiego. Średnie wieki i odrodzenie. Tom II (Kraków, 1900), str. 375.

Университетъ тогда не обладалъ[1]). Да кромѣ того, какъ уже было отмѣчено въ литературѣ, общая враждебность Литвы къ Польшѣ стояла на пути обращенія обывателей Великаго Княжества Литовскаго за научнымъ образованіемъ въ Краковъ[2]), и число литовскихъ студентовъ въ Краковскомъ Университетѣ, по наблюденіямъ его историка, не было слишкомъ велико вообще[3]). Германскіе университеты въ XVI столѣтіи гораздо больше привлекали въ свои стѣны литовскихъ схоляровъ.

Великое Княжество Литовское и Польская Корона были совершенно отдѣльными государствами, несмотря на всѣ договоры уній, которые между ними заключались. Въ широкихъ кругахъ населенія Литвы Польша представлялась такимъ же заграничнымъ государствомъ, какъ и другія. Литовскіе купцы для своихъ торговыхъ дѣлъ бываютъ и „въ Лядскихъ сторонахъ, и въ Нѣмецкихъ, и у-въ иныхъ"[4]) — все это страны, лежащія за границами Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ живутъ „чужоземцы" и „заграничники". По отношенію къ Польшѣ, однако, накопилось за два вѣка польскихъ домогательствъ присоединенія къ себѣ какъ отдѣльныхъ земель Литвы, такъ и ея цѣликомъ, много обиды и подозрительности, а благодаря имъ, и значительной даже вражды.

И все таки, несмотря на все это, польское право достаточно обильно проникало въ Великое Княжество Литовское и въ немъ достаточно широко распространялось. Оно весьма значительно отразилось и во Второмъ Литовскомъ Статутѣ. Но не текстуальная рецепція статей законовъ Польши, хотя и ее едва ли возможно отрицать въ отдѣльныхъ случаяхъ, имѣла обязательно мѣсто всегда, когда обнаруживается отраженіе поль-

---

[1]) „At inde a medio XVI seculo illa florens olim Universitas Jagellonica in dies magis ac magis in deteriorem statum deprimebatur...." Josephus Muczkowski, Statuta nec non Liber Promotionum Philosophorum Ordinis in Universitate Studiorum Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1449, p. 12.

[2]) Józef Bieliński, Uniwersytet Wileński (1579—1831), tom I (Kraków, 1899 - 1900), str. 25—26.

[3]) K. Morawski, op. cit., str. 66.

[4]) Такъ, митрополитъ Кіевскій Іосифъ разрѣшилъ Виленскимъ православнымъ мѣщанамъ отправленіе литургіи на „подвижномъ" (присланномъ имъ Константинопольскимъ патріархомъ) антиминсѣ во время ихъ путешествій — „божественную службу служити передъ ними, въ Лядскихъ сторонахъ и въ Нѣмецкихъ и у-въ иныхъ, и гдѣ ся коли пригодитъ на дорозѣ". А. З. Р., II, № 55.

скаго права въ законахъ Литвы и въ частности въ Литовскомъ Статутѣ. Польское право проникало въ Литву главнымъ образомъ въ его общихъ очертаніяхъ, а не въ его точныхъ и текстуальныхъ формулировкахъ. Именно въ общихъ положеніяхъ и въ идеяхъ, въ нихъ заложенныхъ, о польскомъ правѣ говорятъ общеземскіе привилеи великихъ князей Казимира и Александра, выражаясь: „iuxta consuetudinem Regni Poloniae", „libertates et immunitates, prout habent praelati, principes, barones, nobiles et civitates in Regno Poloniae" и т. п.

Но въ составѣ государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго находилась область, въ которой польское право имѣло значеніе дѣйствующаго. Это было Подляшье, которое въ концѣ XIV столѣтія было передано Ягайломъ Мазовецкому князю Янушу[1]). Бѣльскъ вернулся въ составъ Великаго Княжества Литовскаго уже въ великокняженіе Витовта. Дорогичинъ же и Мельникъ оставались ссединенными съ Мазовіей до середины XV вѣка и только въ 1443 году были выкуплены великимъ княземъ Казимиромъ у Мазовецкаго князя Болеслава. Польскіе судебные институты и польское право были признаны въ Подляшьѣ еще въ XV столѣтіи не дошедшимъ до насъ привилеемъ Казимира и затѣмъ утверждены въ 1501 году для Бѣльскаго повѣта Александромъ и въ 1511 и 1516 годахъ для Дорогицкаго повѣта Сигизмундомъ I-мъ Эти привилеи устанавливали въ Подляшьѣ повѣтовый судъ и польское право, которымъ онъ долженъ былъ въ своей дѣятельности руководствоваться. Дѣлопроизводство Подляшскихъ судовъ велось не на общегосударственномъ русскомъ языкѣ, а на польскомъ или латинскомъ. Особенности судебной организаціи въ Подляшьѣ и оффиціальный языкъ его судовъ были, конечно, связаны съ его бытовымъ укладомъ, являвшимся слѣдствіемъ его предшествующей жизни и состава его шляхетнаго населенія. Укладъ жизни Подляшья стоялъ гораздо ближе къ укладу польскому, чѣмъ къ литовскому и русскому. Знаніе польскихъ порядковъ и быта, государственнаго и частнаго, было здѣсь неизмѣримо большимъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Великаго Княжества Литовскаго, и потому, что своей границей Подляшье

---

[1]) О Подляшьѣ см. Ignacy Tadeusz Baranowski, Podlasie w przededniu Unii Lubelskej (Warszawa, 1909 Odbitka z „Przeglądu Historycznego", tomu VII) и И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 146 – 173.

соприкасалось съ Польшею непосредственно. Постоянство сношеній между Подляшьемъ и Польшею очень хорошо иллюстрируется и такимъ распространеніемъ въ немъ польской монеты, что польскіе золотые считались болѣе обычными денежными знаками Подляшья, чѣмъ литовскіе гроши[1]).

Шляхетское движеніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, развивавшееся въ среднихъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, имѣло своею задачею превращеніе бояръ и земянъ государства въ такихъ же „пановъ", какъ и панскій классъ, стоявшій надъ ними въ своемъ политическомъ и соціальномъ значеніи, и сліяніе ихъ съ нимъ въ единый шляхетскій „народъ". По примѣру Подляшья шляхта Литвы добивается той же организаціи областного суда, какая была въ немъ, съ равною подсудностью этому суду какъ пановъ, такъ и рядовой шляхты. Знакомство съ судебнымъ строемъ Подляшья все болѣе и болѣе распространялось среди шляхты остальныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго, благодаря столь частымъ въ XVI столѣтіи вальнымъ сеймамъ, военнымъ сборамъ и походамъ, а также и благодаря владѣнію имѣніями въ Подляшскихъ повѣтахъ. Просьбы становъ Литвы въ среднія десятилѣтія XVI вѣка все чаще и чаще ссылаются на порядки Подляшья въ домогательствахъ шляхетскаго суда на смѣну суда господарскихъ намѣстниковъ, т. е. воеводъ, старостъ и державцевъ. Но о перенесеніи артикуловъ гражданскаго и уголовнаго права Подляшья просьбы становъ къ великому князю не говорятъ ничего. Однако, и это право могло проникать въ общій законъ Великаго Княжества Литовскаго. Привилей 1516 года, данный Дорогицкому повѣту, какъ дѣйствующее въ немъ польское право, называетъ право Краковское и Мазовецкое, въ частности земли Плоцкой[2]), и, конечно, именно къ этому мѣстному праву Польши долженъ особенно внимательно присматриваться изслѣдователь права Литовскаго Статута въ своемъ изученіи рецепціи имъ права Польши.

Едва ли, однако, эта рецепція была слишкомъ велика по причинамъ, которыя мы старались выяснить выше. То, что польское право, дѣйствовавшее въ Подляшьѣ, не вошло цѣликомъ въ Литовскій Статутъ и не стало „правомъ посполитымъ"

[1]) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 168.
[2]) См. тамъ же, стр. 155.

для всего Великаго Княжества Литовскаго, очень ясно подтверждаетъ и Бѣльскій привилей 1564 года, говоря отъ имени великаго князя: „къ тому тежъ права [и] обычаи въ судехъ земль Великого Князьства Литовъского стародавныхъ Подляскихъ—Дорогицкое, Бельское, Мельницкое заховываемъ во всемъ водлугъ наданья и привильевъ ихъ, ни въ чомъ не нарушываючи“[1]). Вліяніе польскаго права на Литву имѣло мѣсто, конечно, главнымъ образомъ въ области права государственнаго и притомъ по отношенію къ учрежденіямъ и урядамъ. Развитіе государственнаго и общественнаго строя Великаго Княжества Литовскаго и Польши въ значительной степени шло сходнымъ путемъ. Оба эти, совершенно отдѣльныя государства, находившіяся лишь въ династической уніи до 1569 года, выработали у себя государства сходнаго сословнаго типа и ограниченную монархію. Въ нихъ обоихъ „народъ-шляхта“ сталъ полноправнымъ народомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы государства и господствующимъ всецѣло надъ своими „подданными“, населеніемъ своихъ имѣній, какъ бы ни была различна „можность“ отдѣльныхъ шляхтичей и какъ бы она вообще не отличалась отъ „можности“ крупныхъ землевладѣльцевъ, каковыми были паны въ значеніи высшаго слоя шляхетскаго „народа“, хотя именованіе „панъ“ также принадлежало и каждому шляхтичу. Шляхетская идея и организація на ея основѣ государства выросли въ Литвѣ ко времени созданія Второго Литовскаго Статута и имъ были закрѣплены. Этотъ строй государства выросталъ изъ собственной жизни Великаго Княжества Литовскаго въ ея исторической обстановкѣ. Но результаты развитія этой жизни приводили къ большимъ аналогіямъ съ организаціей государства Польской Короны, хотя и не были вполнѣ тождественными. Совершенно естественно, что, продѣлывая свой путь къ аналогичной съ Польшею организаціи сословно-шляхетскаго государства, шляхта Великаго Княжества Литовскаго оглядывалась на государственное устройство Польской Короны, искала въ немъ провѣрки приложимости къ реальной жизни своихъ идеаловъ и старалась о введеніи въ своемъ государствѣ учрежденій и урядовъ, подобныхъ польскимъ. Двухпалатный сеймъ и повѣтовый сеймикъ, повѣтовые шляхетскіе суды и уряды — все это такъ же нужно шляхтѣ Литвы, какъ и Польши. Но от-

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 138.

сюда отнюдь не слѣдуетъ, что Великое Княжество Литовское переносило все это къ себѣ цѣликомъ, въ совершенно польскихъ видѣ и деталяхъ организаціи. Все это становилось явленіями національной жизни государства Великаго Княжества Литовскаго съ ея національными особенностями и индивидуальностью. Оставались въ полной силѣ общіе законы культурнаго вліянія, вліяніе не превращалось въ подчиненіе и сліяніе[1]). Стремленіе шляхты Литовско-Русскаго государства къ его организаціи, приближающейся къ государственному устройству Польши, не могло въ концѣ концовъ не встрѣчать во второй половинѣ XVI вѣка и сочувствія Сигизмунда Августа, хотя онъ и старался сохранить многія прерогативы монарха въ Литвѣ, которыхъ былъ уже лишенъ въ Польшѣ. Сознавая всю опасность прекращенія династіи Гедиминовичей-Ягеллоновъ для обоихъ своихъ государствъ, онъ въ то же время уже не могъ расчитывать еще на долгіе годы своей жизни и серьезно подготовлялъ болѣе организованное соединеніе Литвы и Польши, хотя позволительно думать, что не представлялъ себѣ не только деталей уніи, но даже и ея основныхъ положеній. Но приближеніе государственнаго устройства Литвы къ организаціи государства Польской Короны во всякомъ случаѣ только и могло сдѣлать ихъ унію осуществимой реально, на какихъ бы условіяхъ она ни совершилась.

---

[1]) Такое пониманіе вліянія Польши на Литву въ области государственнаго устройства въ настоящее время начинаетъ высказываться и въ польской литературѣ. Такъ, проф. Ст. Кутшеба въ 1914 году писалъ: „Oczywiście — nie można tu mówić o bezmyślnem jakiemś przenoszeniu polskich instytucyi na ten grunt; zastosowywano je wtedy, kiedy dawała się odczuwać potrzeba przekształcenia tych form prawnych, które się przeżyły, kiedy one wymagały reformy lub wprost zastąpienia przez inne. Wtedy Polska dawała wzór. Rzadko też przenoszono polskie instytucye na Litwę żywcem, bez zmiany. Zwyczajnie dostosowywano je do warunków bytu, odpowiednio, znacznie nawet modyfikowano, rodzime pierwiastki łączono z przejątkami z Polski, przetapiano w nowe odrębne formy“ (Stanisław Kutrzeba, Historya Ustroju Polski w zarysie. Litwa. Lwów, 1914. Str. 33). Онъ же тогда же писалъ о Второмъ Литовскомъ Статутѣ: „Zapożyczał się statut w pewnej mierze i z ustawodawstwa polskiego, choć zdaje się, że przecież to zbliżenie, dużo większe, do przepisów prawa polskiego, które w tym statucie można zauważyć, przypisać należy nie wprost przejęciu przepisów z Polski, lecz asymilacyi ustroju Litwy do ustroju Polski, asymilacyi, która się oczywiście i na statucie odbiła“ (ibidem, str. 171). Ср. его же, Unia Polski z Litwą (Kraków, 1914), str. 206.

Итакъ, польское вліяніе не превращало права Великаго Княжества Литовскаго въ польское право. Второй Литовскій Статутъ воспринялъ вліяніе его лишь рядомъ съ вліяніемъ другихъ иностранныхъ для Литвы правъ и, какъ и ихъ, претворилъ въ національное право своего государства. Но изъ какихъ выростало корней и на какихъ основахъ создалось это національное право Великаго Княжества Литовскаго?

Еще въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія въ „Исторіи Русовъ или Малой Россіи", приписанной Бѣлорусскому архіепископу Георгію Конискому, но въ дѣйствительности связанной съ именемъ Г. А. Полетики, о Литовскомъ Статутѣ было написано: „коренное право Руское, извѣстное подъ именемъ судныхъ статей и собранное въ одну книгу, Статутъ называемую, переведено послѣ съ Рускаго на языкъ Польскій, что и въ самой той книгѣ при концѣ напечатано"[1]). Линде въ 1816 году, говоря о томъ же Третьемъ Литовскомъ Статутѣ, который имѣется въ виду въ приведенныхъ сейчасъ словахъ „Исторіи Русовъ", считалъ нужнымъ использованіе при научномъ изданіи оригинальнаго русскаго его текста и Русской Правды[2]). Въ 1820 году Раковѣцкій настаивалъ на томъ, что Литовскій Статутъ въ своихъ артикулахъ много заимствовалъ „слово въ слово" изъ Русской Правды[3]). Мы не будемъ теперь останавливаться на дальнѣйшемъ развитіи въ научной литературѣ ученія о старомъ русскомъ правѣ какъ основѣ права Литвы и Литовскихъ Статутовъ, ибо исторіей изученія ихъ должны будемъ заняться позднѣе, въ настоящемъ же нашемъ трудѣ. Отмѣтимъ пока лишь то, что со времени выхода въ свѣтъ въ 1865 году работы Θ. И. Леонтовича „Русская Правда и Литовскій Статутъ"[4]) положеніе о вліяніи русскаго права на право

---

[1]) „Исторія Русовъ" до 1846 года обращалась въ рукописи. Въ I—IV книгахъ Чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1846 годъ она была издана О. М. Бодянскимъ.

[2]) O Statucie Litewskim Ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość przez M. Samuela Bogumiła Linde (Warszawa, 1816), str. 156

[3]) J. B. Rakowiecki, Prawda Ruska czyli Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. Kiiowskich z cesarzami Greckimi y Mścisława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta obok z Polskiém tłomaczeniem poprzedza rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religiy, praw y języka dawnych Słowiańskich y Słowiańsko-Ruskich narodów, tom I (Warszawa, 1820), str. 243.

[4]) Θ. И. Леонтовичъ писалъ: „Литовскій Статутъ принадлежитъ

Статута стало общепринятымъ въ русской литературѣ и получило распространеніе и въ литературѣ польской[1]). Въ новѣйшее время Литовскій Статутъ украинскими историками провозглашенъ памятникомъ „українського права“[2]), а историки бѣлорусскіе, признавая его законодательнымъ сборникомъ „Літоўска-Беларускай дзяржавы“[3]), видятъ въ немъ бѣлорусскую книгу[4]).

Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что право русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, какъ сохранявшееся и развивавшееся въ обычаѣ, такъ и закрѣпленное въ его письменныхъ памятникахъ, легло въ основу права Литовскихъ Статутовъ. Но у насъ имѣются два возраженія по отношенію къ постановкѣ этого вопроса въ литературѣ. Первое изъ нихъ касается дѣлаемой въ новѣйшей литературѣ попытки объявить Литовскій Статутъ законодательнымъ памятникомъ права одной изъ составныхъ частей Великаго Княжества Литовскаго. И Русскій Югъ, и Русскій Западъ, т. е. Малороссія, или какъ ее теперь начинаютъ называть Украина, и Бѣлоруссія составляли лишь часть Великаго Княжества Литовскаго, а Литовскіе Статуты не только дѣйствовали на цѣлой его государственной территоріи, но и выросли изъ стараго права его всего. Первый и Второй Статуты были составлены и утверждены до Люблинской Уніи 1569 года, оторвавшей Кіевщину, Волынь, Подолье и Подляшье къ Польшѣ. Они еще наканунѣ этой Уніи представляли собою сводъ законовъ, имѣющій обязательную силу не только въ воеводствахъ Кіевскомъ, Волынскомъ, Браславля Подольскаго и

къ числу важнѣйшихъ памятниковъ древняго русскаго права“. Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права, стр. 1 (Университетскія Извѣстія. Кіевъ, 1865. № 2).

1) См., нпр., Fr. Piekosiński, Statut Litewski, część I, str. 127.

2) См., нпр., Проф. Ростислав Лащенко, Литовський Статут, яко памятник українського права (Прага, 1923) или Андрій Яковлів, Впливи старочеського права на право українське Литовської доби XV—XVI в. (Прага, 1929).

3) Ср В. Дружчыц. Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі. Працы Беларускага Дзяржаунага Унівэрсытэту у Менску, № 6-7 (Менск, 1925). стр. 223 и сл.

4) В. Ластоўскі, Гісторыя Беларускай (Крыўскай) Кнігі (Коўна, 1926), стр. 320, 394, 432.

Подляшскомъ, но и въ Виленскомъ, Троцкомъ, Новгородскомъ, Витебскомъ, Берестейскомъ, Минскомъ, Полоцкомъ, Мстиславскомъ и землѣ Жомойтской. На какомъ же основанiи возможно Литовскiе Статуты называть законодательными памятниками только части государства, когда они дѣйствовали на всей его территорiи? Какъ будто бы, на первый взглядъ, можетъ показаться болѣе удачнымъ именованiе Третьяго Литовскаго Статута кодексомъ Бѣлорусско-Литовскаго государства, потому что со времени Люблинской Унiи въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго уже не было Русскаго Юга. Но границы этого государства послѣ 1569 года далеко не точно совпадали съ этнографическими границами разселенiя южной и западной вѣтвей русскаго народа, т. е. малоруссовъ-украинцевъ и бѣлоруссовъ. Такимъ образомъ, и по территорiи, на которую простиралась сила Литовскихъ Статутовъ, ихъ нельзя называть кодексами какой-либо одной, южной или западной, вѣтви русскаго народа. Невозможно ихъ такъ называть и потому, какъ мы уже отмѣтили выше, что старое русское право, легшее въ его основу, было правомъ, вырабатывавшимся на протяженiи всѣхъ русскихъ земель, которыя въ себя вобрало Великое Княжество Литовское.

Но основою права Литовскихъ Статутовъ нельзя считать только русское старое право. Это — второе возраженiе, которое мы считаемъ необходимымъ сдѣлать къ постановкѣ вопроса о значенiи русскаго права для законовъ Литовскаго Статута. Великое Княжество Литовское было государствомъ, земли котораго собрали литовская власть и литовскiй народъ. Неужели же эти власть и народъ ничего не внесли въ право государства, которое они создали? Съ введенiемъ Витовтомъ вмѣсто областныхъ князей въ большинствѣ земель Великаго Княжества Литовскаго своихъ намѣстниковъ изъ среды литовскихъ пановъ, высшими носителями государственной власти въ русскихъ земляхъ стали именно эти паны. Конечно, въ силу сохраненiя „старины" въ судебной практикѣ этихъ земель, какъ и вообще въ жизни и бытѣ, согласно принципу верховной Литовской власти, закрѣпленному и областными привилеями великихъ князей, измѣнять сколько-нибудь существенно мѣстный судебный обычай и мѣстное право великокняжескiе намѣстники не имѣли возможности. Но въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, разумѣется, они могли и должны были вносить влiя-

ніе своихъ опыта, знаній и мысли въ свою административную и судебную практику. Неписанное право не остается все время неподвижнымъ. Пусть оно весьма консервативно вообще. Но жизнь развивалась, и возникавшія новыя ея явленія требовали творчества и соотвѣтствующихъ органовъ судебной и административной власти. Бѣльскій привилей 1564 года, какъ мы это видѣли выше, говоритъ, что „въ справахъ бегу правного мало не што день, на розныхъ местцахъ и урядахъ потрафляють речы и артыкулы новые а розные", рисуя ярко картину правотворчества въ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ правотворчествѣ въ мѣстной жизни принимали участіе и носители государственной власти въ областяхъ. Такимъ образомъ литовское неписанное право проникало въ русскія земли государства и съ ихъ мѣстнымъ правомъ должно было смѣшиваться. Но этого мало. Въ чисто литовскихъ по составу своего населенія областяхъ сохранилось и развивалось и свое литовское право, которое, надо думать, также не вездѣ было тождественно. Какъ извѣстно, Жсмойть имѣла свои особенности въ бытѣ по сравненію съ собственною Литвою. А между тѣмъ воеводы, старосты и державцы назначались независимо отъ ихъ происхожденія. Само собою разумѣется, что они вносили въ свою дѣятельность по суду и управленію элементы неписаннаго права самыхъ различныхъ частей Великаго Княжества Литовскаго, съ которыми вообще были знакомы такъ или иначе. Кромѣ того, до середины XVI столѣтія „ухвалы", получавшія силу закона, вырабатывались великимъ княземъ совмѣстно съ радою, какъ государственнымъ совѣтомъ, и, надо думать, что въ выработкѣ ихъ роль этой рады была не меньше, а больше, чѣмъ самого господаря. Рада же состояла главнымъ образомъ изъ литовскихъ пановъ, съ весьма небольшимъ постояннымъ добавленіемъ къ нимъ кого-либо изъ русскихъ князей и пановъ, достигавшихъ высшихъ урядовъ. Когда на вальныхъ сеймахъ шляхта получила участіе въ законодательствѣ, она, вѣдь, также съѣзжалась на нихъ съ разныхъ концовъ Литовско-Русскаго государства, внося въ свои „просьбы" къ монарху элементы жизни и литовскихъ, и русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго. Нельзя забывать или преуменьшать значеніе чисто литовскаго элемента въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и потому нельзя не отводить своего вліятельнаго мѣста и литовскому праву, рядомъ съ рус-

скимъ, въ созданіи основъ, изъ которыхъ выработалось право Литовскихъ Статутовъ. И русское, и литовское право, смѣшиваясь, слагались въ общее право Литвы, какъ государства, въ которомъ вмѣстѣ жили литовскій и русскій его этнографическіе элементы, постепенно вырабатываясь въ его націю, въ ходѣ его исторической жизни, подъ вліяніемъ общности нуждъ и интересовъ, общей государственной власти и все болѣе и болѣе копившихся общихъ историческихъ переживаній, превращавшихся въ общія воспоминанія и преданія. И не литовское въ смыслѣ этнографическомъ, а литовское въ значеніи государственномъ, конечно, имѣлось въ виду право въ словахъ, влагаемыхъ Стрыйковскимъ литовскому маршалку Литавору Хрептовичу при возведеніи Александра Казимировича на престолъ Великаго Княжества Литовскаго: „za w zystkich stanów tego Wielkiego Xięstwa zezwoleniem prosimy cię, aby nie Włoskim, które jest obłudne, ani Czeskim, albo Niemieckim obyczajem, ale prawdziwym Litewskim i Witołdowym przykładem nas rządził i sądził, czego jeśli będziesz przestrzegał, każdemu z osobna kłólowi równy będziesz, a jeśli od tej nauki i tego przedsięwzięcia odstąpisz, tedy i sam swojego i naszego zginienia ty sam przyczyną będziesz“[1]).

На то, что Литва имѣла „свои обычаи“, обратилъ вниманіе еше Чацкій[2]). Но приходится думать, что онъ далеко не ясно представлялъ себѣ литовское право и его составныя части. Онъ говорилъ объ обычаяхъ и преданіяхъ сѣверныхъ народовъ и скифовъ[3]), но не остановился сколько-нибудь внимательно на обычномъ правѣ литовцевъ и русскихъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1835 году Мацѣёвскій писалъ, что обычаи Литвы, Жомойти и Прусъ были схожи со скандинавскими[4]), и отмѣчалъ въ Литовскомъ Статутѣ кое-что, чего онъ

---

[1]) Maciej Stryjkowski, Kronika Polska, Litewska, Źmódzka i wszystkiéj Rusi, tom II (Warszawa, 1846), str. 293—294.

[2]) „Litwa miała swoje zwyczaje“. Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego, tom I (Poznań, 1844), str. 60 (O Litewskich i Polskich Prawach).

[3]) „To wszystko, cośmy okazali, przekona czytelnika: 1-mo, że prawa litewskie w statutach zawarte, mają źródło w prawach, zwyczajach i tradycyach narodów północnych i Germanów. 2-do mieszkania Scytów i sąsiedztwo Węgier, dały niewiele ustaw. 3-cio przywileje ziemskiemi zwane, były prawem politycznem narodu litewskiego, tę część ustaw stanowią“. Ibidem, str. 64.

[4]) „Litwy, Żmudzi i Prus obyczaje były podobne do skandynawskich, iak to iuż Hartknoch uważał. Atoli zwyczaiów tych małe pozostały ślady w

не встрѣтилъ въ правѣ ни одного изъ славянскихъ народовъ[1]). Нѣсколько позднѣе Мацѣёвскій болѣе обстоятельно остановился на собственно литовскомъ правѣ въ специальной статьѣ[2]), а затѣмъ ввелъ основной результатъ ея и во второе изданіе своего главнаго труда Historya Prawodawstw Słowiańskich. Мацѣёвскій полагалъ, что „właściwe prawo litewskie było początkowo teokratyczne". Слѣды его онъ находилъ особенно въ Третьемъ Литовскомъ Статутѣ[3]). Полвѣка спустя послѣ того, какъ Мацѣёвскій обратилъ вниманіе изучающихъ Литовскій Статутъ на наличность въ немъ элемента чисто литовскаго права, Пѣкосинскій выдвинулъ положеніе, что въ Статутѣ необходимо искать элементы трехъ различныхъ правъ, а именно литовскаго, русскаго и польскаго[4]). Но по отношенію къ развитію собственно литовскаго права онъ высказывалъ большое сомнѣніе[5]).

Мы полагаемъ, что и это сомнѣніе Пѣкосинскаго, и вообще малое вниманіе къ литовскому обычному праву, какъ одной изъ основъ права Литовскаго Статута, объясняются исключительно отсутствіемъ его научнаго изученія, представляющаго притомъ и значительныя трудности. Но мы отнюдь не считаемъ задачу этого изученія неосуществимою. Еще въ серединѣ прошлаго столѣтія обычаи, повѣрья, обряды, пословицы и поговорки литовцевъ были поставлены на очередь въ научномъ

---

prawach litewskich, z powodu że Litwini ulegli wpływowi ruskiéj narodowości, którą sobie całkowicie przyswoili". Hist. Praw. Słow., t. III (Warszawa i Lipsk, 1835), str. 415.

1) „I tak np. w litewskim statucie, czegom nie dostrzegł w żadném prawie słowiańskiém, wyczytałem o zayściach między gospodarzem a gościem..." Ibidem, str. 419.

2) Biblioteka Warszawska, r. 1846, I, str. 322 nstpn.

3) „Twierdzenia mego dowodziłem śladami takiego prawa w statucie nawet trzeciéj redakcyi znajdującemi się, i głosiłem, że jakim duchem tchnęła Litwa, gdy drużynami chodziła, lub wespół ze słowiańskimi, niemieckimi, fińskiemi przebywała plemionami; takim również tchnęła w ówczas, gdy tychże plemion okolona ludami będąc, żyła w udzielnem sobie nad Niemnem i Wilią rzeką założonem państwie". Hist. Praw. Słow, t. I (Warszawa, 1856), str 364.

4) „W tej mierze sprawa tak się przedstawia, że w Statucie litewskim powinniśmy znaleść elementa trzech różnych praw W pierwszej linii powinniśmy w nim znaleść dawne prawo zwyczajowe litewskie, a ten materyał powinien być przeważającym". Statut Litewski, cz. I, str. 127

5) „Zachodzi bowiem przedewszystkiem poważna wątpliwość, czy istniało kiedykolwiek rodzime prawo zwyczajowe litewskie, silniej rozwinięte". Ibidem, str. 128.

собиранiи и изученiи[1]). Въ настоящее время работа литовскихъ этнографовъ получила широкое развитiе. Она должна накопить матерiалъ и для изученiя обычнаго права литовцевъ. Но этого мало. Внимательное изученiе актовыхъ книгъ областныхъ судовъ, особенно времени до Второго Статута, должно выявить на территорiи собственной Литвы и Жомойти элементы ихъ тогдашняго обычнаго права. Литовскiй Статутъ 1529 года прямо предписывалъ, что въ случаѣ отсутствiя въ немъ соотвѣтствующаго закона „тое право маеть сужоно быти водле старого обычая"[2]), который, конечно, не былъ однимъ и тѣмъ же во всѣхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго. Да кромѣ того, обычное право настолько глубоко вжилось въ народную жизнь, что его проявленiя въ практикѣ областныхъ судовъ должны были имѣть свое мѣсто даже и во время дѣйствiя и Второго, и Третьяго Литовскихъ Статутовъ.

Бѣльскiй привилей указываетъ на то, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, въ разныхъ его областяхъ и на различныхъ урядахъ, практика суда и управленiя вырабатывала новыя нормы права, которыя получали мѣстное значенiе въ годы дѣйствiя Перваго Литовскаго Статута. Это правотворчество также не могло не найти своего отраженiя въ артикулахъ Статута 1566 года. Вырабатываемое имъ члены Статутовой Коммиссiи, съ нимъ знакомые, вносили также какъ матерiалъ для ея работы. А въ этомъ матерiалѣ переплетались и заимствованiя изъ права иностраннаго, и мѣстный обычай, и самостоятельное творчество отдѣльныхъ лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ управленiе и судъ на мѣстахъ. Мѣстная административная и судебная практика давала въ руки Статутовой Коммиссiи и рядъ конкретныхъ фактовъ и казусовъ, съ которыми долженъ считаться общегосударственный законъ, и доставляла ей какъ бы его проекты въ своихъ ихъ рѣшенiяхъ. Кромѣ того, на отдѣльныхъ артикулахъ Второго Литовскаго Статута, внѣ всякаго сомнѣнiя, отразились конкретные факты и настроенiя эпохи его выработки. Ниже намъ придется говорить объ от-

---

[1]) См. статьи П. В. Кукольника „Обычаи, повѣрья и предразсудки Литовцевъ", „Обряды жителей Литвы" и „Пословицы и поговорки" въ сборникѣ „Черты изъ исторiи и жизни Литовскаго народа. — Iszrynkimaj isz Giwenima ir Apraszima Letuwiu", составленномъ Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, Вильно, 1854.

[2]) I Ст., VI, арт. 1.

раженіи въ нихъ переговоровъ объ Уніи, которые велись на Варшавскомъ сеймѣ 1563 – 1564 годовъ. Конечно, вопросъ объ условіяхъ Польско-Литовской Уніи имѣлъ кардинальнсе значеніе для Литвы въ то время, а притязаніе Коронныхъ экзекуціонистовъ, вызывая въ ней громадное раздраженіе, создавали враждебное и крайне недовѣрчивое по отношенію къ Польшѣ настроеніе. Но не только съ такимъ отношеніемъ къ Коронѣ, чрезвычайно существенно сказавшемся въ отдѣльныхъ артикулахъ Второго Литовскаго Статута, долженъ считаться изслѣдователь происхожденія законовъ этого кодекса. Онъ долженъ принять во вниманіе цѣлый рядъ другихъ фактовъ и явленій исторической жизни Великаго Княжества Литовскаго той эпохи. Отдѣльные конкретные случаи государственныхъ преступленій и злоупотребленій, иногда становившіеся предметомъ толковъ повсемѣстныхъ въ областяхъ государства, не могли не стоять передъ глазами членовъ Статутовой Ксммиссіи и вальныхъ сеймовъ, настойчиво требуя отъ нихъ „лекарства" въ законѣ. Жизнь Великаго Княжества Литовскаго и его населенія, его общественныхъ классовъ, съ „народомъ-шляхтою" во главѣ ихъ, а также и отдѣльныхъ лицъ, „можныхъ" и „убогихъ", въ конкретныхъ очертаніяхъ того или другого человѣка, котораго лично знали, или узнавали въ разсказахъ, стояла передъ составителями Статута 1566 года и давала имъ толчки и поводы при выработкѣ отдѣльныхъ его артикуловъ. Какъ на примѣръ отраженія во Второмъ Литовскомъ Статутѣ эпохи его составленія можно указать хотя бы на приведенный нами выше[1]) пятый артикулъ двѣнадцатаго раздѣла. Строгое наказаніе за совращеніе въ жидовство, установленное въ этомъ артикулѣ, конечно, было вызвано конкретными фактами распространенія ереси жидовствующихъ выходцами изъ предѣловъ Московскаго государства, а также и изъ Польши. Власть Великаго Княжества Литовскаго въ десятилѣтія передъ созданіемъ Статута 1566 года принимала чрезвычайныя мѣры противъ совращенія христіанъ въ жидовство, и, конечно, конкретные факты и мѣропріятія этой борьбы должны были быть принятыми во вниманіе при составленіи проекта Второго Литовскаго Статута[2]).

---

1) Стр. 101—102.

2) Въ 1539 году Сигизмундъ I (изъ Кракова, отъ 10 іюля) обратился къ панамъ-радѣ Великаго Княжества Литовскаго съ сообщеніемъ о томъ, что

Быть можетъ, что на установленіи казни сожженіемъ для виновныхъ въ совращеніи отразилась и практика Московскаго государства въ его борьбѣ съ ересью жидовствующихъ, прибѣгавшая по отношенію къ нимъ именно къ этой казни[1]).

Статутовая Коммиссія, вырабатывая проектъ новаго свода законовъ Великаго Княжества Литовскаго, неизбѣжно должна была разобраться и въ томъ матеріалѣ, который представляли собою „уфалы" сеймовъ времени послѣ утвержденія Перваго Литовскаго Статута и распоряженія и постановленія органовъ верховной власти и центральнаго правительства Литвы, какъ въ области управленія, такъ и въ области высшаго суда. Сеймовыя „просьбы" челобитья становъ и отвѣты на нихъ великаго князя, постановленія и рѣшенія рады, распоряженія великаго гетмана Литовскаго и практика дѣятельности его и другихъ высшихъ

въ Польшѣ оказались люди, которые изъ христіанской вѣры „къ закону жидовскому приступили и обрѣзанье приняли". Получивъ свѣдѣнія о распространеніи этого „блуда" и въ Литвѣ, онъ отправилъ въ нее своихъ дворянъ Силу Антоновича и Яна Корчіуса съ предписаніемъ произвести строжайшій розыскъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ о людяхъ, „которые бы зъ вѣры хрестіянское къ закону жидовскому приступили". Розыскъ этотъ производился съ такимъ усердіемъ и, видимо, съ такимъ произволомъ, что евреи Литвы обратились къ великому князю съ просьбою ввести его въ рамки большей законности, ничего притомъ не возражая противъ наказанія смертью виновныхъ, если таковые будутъ обнаружены. Сигизмундъ Старый, ограждая отъ преслѣдованія „жидовъ, родичовъ тамошнихъ, або и прихожихъ, который бы съ предковъ своихъ у жидовскомъ старомъ законѣ были", требуетъ продолженія строгихъ мѣръ по отношенію къ тѣмъ евреямъ, которые бы у себя скрывали „таковыхъ людей хрестіянскихъ, который бы на законъ жидовскій обрѣзали". Такіе отступники отъ христіанства подлежатъ смертной казни (Русско-Еврейскій Архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ 1388—1550 Собралъ и издалъ С. А. Б е р ш а д с к і й. С-Петербургъ, 1882. № 175, стр. 225 229). О распространеніи въ Литвѣ элементовъ „ереси жидовствующихъ" московскими выходцами и успѣхахъ ученія Ѳеодосія Косого см. стр. 121 и сл. предисловія О. И Л е в и ц к а г о къ первой части VI тома Архива Юго Западной Россіи. По исторіи евреевъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ см. С. А. Б е р ш а д с к і й, Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской Уніи. 1388 1569. С-Петербургъ, 1883.

[1]) Какъ извѣстно, церковный соборъ, составленный въ ноябрѣ-декабрѣ 1504 года, осудилъ ересь жидовствующихъ, и главные изъ свезенныхъ въ Москву еретиковъ были преданы смертной казни черезъ сожженіе. См. Е. Е. Г о л у б и н с к і й, Исторія Русской Церкви, томъ II, первая половина тома (Москва, 1900), стр. 582.

центральныхъ урядовъ Великаго Княжества Литовскаго, часть которыхъ возглавляла дѣятельность и подчиненныхъ имъ органовъ въ областяхъ, — все это копило отдѣльные законы и обязательныя постановленія, или же прецеденты, съ которыми необходимо было считаться при составленіи проекта Второго Литовскаго Статута.

Итакъ, матеріалъ, который могъ или долженъ былъ быть использованнымъ Статутовою Коммиссіею, обширенъ и разнороденъ. Въ немъ соединялись потребности и задачи, выроставшія внутри Великаго Княжества Литовскаго въ эволюціонировавшихъ его организаціи и строѣ, съ необходимостью согласныхъ съ національными интересами государства его внѣшнихъ отношеній, въ частности отношеній къ сосѣдней Польшѣ. Идея государственности Литвы, заложеннная еще Витовтомъ, скрещивалась съ утвердившейся въ Центральной и Западной Европѣ идеею сословнаго государства. Право, дѣйствовавшее въ серединѣ XVI столѣтія на Западѣ и Востокѣ Европы, принималось Статутовою Коммиссіею при ея работѣ во вниманіе и реципировалось въ томъ, что оно могло дать цѣлесообразнаго и удовлетворяющаго потребностямъ развивавшейся изъ своихъ основъ жизни Великаго Княжества Литовскаго.

При такомъ происхожденіи Второго Литовскаго Статута приходится признавать изученіе источниковъ его отдѣльныхъ артикуловъ находящимся лишь въ зачаточномъ состояніи. Мы имѣемъ въ литературѣ или попытки подыскать источники къ отдѣльнымъ артикуламъ, притомъ безъ сравнительнаго сопоставленія другихъ аналогичныхъ источниковъ[1]), или общія указанія безъ детальнаго сравнительнаго изученія соотвѣтствующихъ текстовъ. Ни правотворчество органовъ Великаго Княжества Литовскаго, ни его обычное право не изучены сколько-нибудь достаточно. Рецепція иностраннаго права также не подвергнута основательному и детальному изслѣдованію. Въ виду всего этого, мы не рѣшились бы въ настоящее время

---

1) Предварительными этюдами для такого изслѣдованія мы рѣшились бы признать работы учениковъ профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, вышедшія въ Кіевѣ въ 1894 году — Г. В. Демченка, Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ, Н. А. Максимейка, Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута и І. А. Малиновскаго, Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту. Особенно мы здѣсь выдвинули бы работу Н. А. Максимейка.

высказывать и результаты нашихъ наблюденій и соображеній, касающихся происхожденія отдѣльныхъ артикуловъ Литовскаго Статута 1566 года. Въ этой области необходимъ еще рядъ спеціальныхъ изслѣдованій на основѣ сравнительнаго изученія текстовъ Статута и текстовъ какъ иностраннаго права, такъ и мѣстныхъ источниковъ права Великаго Княжества Литовскаго. Безъ такого предварительнаго изслѣдованія легко можетъ оказаться, что приписываемое, напримѣръ, рецепціи изъ права польскаго окажется рецепированнымъ изъ другого иностраннаго для Литвы права или возникшимъ путемъ самостоятельнаго правотворчества; можетъ оказаться и то, что приписываемое вліянію Запада Европы придется объяснять вліяніемъ ея Востока, въ частности вліяніемъ Кормчей Книги.

Если внутреннее содержаніе работы Статутовой Коммиссіи надъ исправленіемъ и дополненіемъ Перваго Литовскаго Статута, какъ мы это старались показать только что, еще не можетъ быть вскрыто при современномъ состояніи научнаго изслѣдованія, то со стороны внѣшней ея работу можно представить и теперь достаточно опредѣленно. Размѣры продѣланной Коммиссіей работы иллюстрируются уже простымъ сравненіемъ числа артикуловъ въ Статутахъ 1529 и 1566 годовъ. Въ первомъ изъ нихъ — 282 артикула, во второмъ — 368. Число раздѣловъ въ Статутѣ 1529 года — 13, въ Статутѣ 1566 года — 14. Сравненіе текста статутовыхъ артикуловъ обнаруживаетъ, что одни изъ нихъ перенесены изъ Перваго Статута во Второй безъ всякаго измѣненія или съ небольшими поправками чисто редакціоннаго характера; въ другихъ имѣемъ простое развитіе мысли артикула Статута 1529 года, недостаточно ясно и полно въ немъ выраженной; и наконецъ, въ третьей группѣ артикуловъ Второго Статута находимъ существенное дополненіе соотвѣтствующихъ артикуловъ Статута 1529 года. Кромѣ того, значительное число артикуловъ Второго Литовскаго Статута было составлено совершенно вновь. Вотъ примѣръ принятія Статутовою Коммиссіею артикула Перваго Литовскаго Статута почти безъ всякихъ измѣненій:

II Ст., V, 7 [1]).

Гдѣ бы которая дѣвка безъ воли отцовское и матчины ишла замужъ, таковая отпадываеть отъ посагу и отъ имѣнья отчизного и материстого; а естлибы одна была у отца, тогды отчызна на близкихъ спадываеть мимо таковую дѣвку.

I Ст., IV, 11 [2]).

Тежъ уставуемъ: естлибы девка безъ воли отцовское або матчиное засела замужъ, таковая отпадываетъ отъ посагу отчизного и материстого и именя материстого; а естлибы одна у отца была, тогды отчизна на близкихъ спадываеть мимо такую дочку.

Въ приведенныхъ сейчасъ артикулахъ имѣемъ полное совпаденіе содержанія. Въ нихъ отмѣчаются лишь небольшія различія въ отдѣльныхъ словахъ. Говорить съ полною увѣренностью, что всѣ эти различія являются результатомъ редакціонной работы Статутовой Коммиссіи, мы, однако, не рѣшились бы. Рукопись или рукописи Перваго Статута, которыя находились въ распоряженіи членовъ ея, едва ли были тѣ самыя, съ которыхъ было въ новѣйшее время сдѣлано печатное изданіе этого кодекса. А различія въ отдѣльныхъ словахъ и даже цѣлыхъ фразахъ въ различныхъ спискахъ одного и того же кодекса, документа или литературнаго произведенія, какъ хорошо извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ дѣло со старыми рукописями, явленіе совершенно обычное.

Приводимъ примѣръ развитія артикула Статута 1529 года въ Статутѣ 1566 года:

II Ст., V, 2 [3]).

Тежъ уставуемъ: хто бы хотѣлъ записати вѣно жонѣ своей, тогды маеть, ошацовавшы вси имѣнья свои, на третей части, чого стоить, маеть совито противко того внесенья записати вѣно жонѣ своей, такъ, яко бы сума описаная тое третье части. И коли будеть тая жона его на третей части

I Ст., IV, 1 [4]).

Тежъ уставуемъ: естли бы хто хотелъ вено жоне своей записати, тогды маеть ошацовати вси именья свои и на третей части, чого стоить, маеть совито противко внесенья записати вено жоне своей такъ, якъ бы сума не переносила тое третее части, чого стоить. И кгды будеть тая жона его на третей

---

[1]) „О дѣвкахъ, которые бы безъ воли родичовъ замужъ идуть, або бы мѣли пойти".

[2]) „О девки, которые безъ воли отцовское або матчиное засядуть замужъ своволне".

[3]) „Якъ маеть мужъ жонѣ вено записати".

[4]) „Естли бы хто хотелъ вено записати жоне своей".

имѣней мужнихъ вѣно описаное отъ него мѣти, а онъ бы по томъ умеръ, а дѣти по собѣ зоставилъ, а тая жона пойдеть за другого мужа, а если дѣти всхочуть або близкие ее съ тое третее части имѣнья за живота ее вывѣновати, тогды мають всю суму пенезей, яко будеть въ листѣ описано, заплатити, то жъ тое имѣнье къ рукамъ своимъ взяти. А естли же будуть дѣти ждати смерти матки своее, не всхочуть выкупити, тогды повинни будуть одно внесенье, што въ домъ ихъ внесла, по смерти ее заплатити тому, кому она отпишеть, а привенку, што будеть записалъ отецъ ихъ напротивко внесенья, совито платити не повинни, а она тежъ не маеть никому того привенку записовати, кромѣ только вольна будеть отписати внесенье свое; а естли бы никому не отписала а дѣтей не мѣла, тогды маеть тое внесенье вернено быти въ домъ той, съ которого вышла. Вольно тежъ кождому жонѣ своей отписати речы свое рухомые такъ, яко и кождому обчому, то естъ золото, серебро, шаты и иншые речы, кромъ зброи, стада и челеди неволное, быдла дворного; а ведже и того всего, яко имѣнья лежачого, третюю часть жонѣ отписати вольно, абы, седечы на имѣнью, мѣла чимъ службу нашу господарскую и земскую съ третее части имѣнья заслуговати. А дѣти и близкие кгды будуть съ тое третее части скуповати, тогды тые вси речы, яко зброя, челядь, стадо и быдло, мають при имѣнью зоставити, а гдѣ бы тые речи утратила, тогды

части именья вено описано отъ него мети, а онъ по томъ умреть, а дети по собе оставить, а тая жона по томъ за другого мужа пойдеть, а дети узхотять ли зъ тое третее части за живота ее вывеновати, тогды мають ей всю суму пенязей, яко будеть въ листе описано, заплатити, то жъ тое именье къ своимъ рукамъ мети. Естли жъ бы дети будуть ждати смерти матки тое своее, а того именья за живота ее зъ ее рукъ не взхотять выкупати, тогды повинни будуть толко внесенье ее, которую суму пенязей внесла въ домъ ихъ, по смерти ее заплатити тому, кому она отпишеть, а привенку, што будеть записалъ отецъ ихъ напротивку внесенья ее, совито того не повинни платити, а она тежъ не маеть никому привенка отписывати, кромъ волна будеть отписати внесенье свое. А естли бы тотъ мужъ детей по собе не оставилъ, тогды близкие въ томъ по тому жъ мають справовати. А волно тежъ будеть мужу отписати жоне своей вси свои рухомые речы, злато и сребро, шаты и иншые речы, кромъ зброи а стада а челеди неволное и быдла дворного третюю часть, бо то не естъ речь рухомая, але при именьи лежачое. А такъ подле тое уставы нашое мають заховати вси подданые наши и на потомные часы. Хто бы навышъ тое уставы нашое вчинилъ, а что неслушного жоне своей записалъ, таковыхъ записовъ не хочемъ моцне мети мы сами и потомки наши великие князи. А вшакъ же, естли бы хто зъ подданыхъ на-

зъ вена ее мають, за то ошацовавшы, вытрутити часу откладанья пенязей. А такъ подлѣ уставы нашое мають ся заховати вси подданые наши и на потомные часы. А хто бы надъ звышей тое уставы нашое учинилъ, а што неслушнѣ жонѣ своей записалъ, таковыхъ записовъ не хочемъ мѣти моцныхъ, мы сами и потомки наши великие князи Литовские. А для того жъ отецъ, еще не выдавши дѣвки своей замужъ, маеть первей того смотрити, естли бы того зятя своего третяя часть имѣнья совито стояти могла противко внесенья дочки его, на чомъ бы ее противъ того веновати мѣлъ. А гдѣ бы тая часть не стояла противко внесенья, тогды маеть отецъ за тую суму пенезей, што бы по ней мѣлъ дати, купити имѣнье и дочцѣ своей за то дати; а зять предъ се жонѣ своей за то, што бы особно взялъ суму якую, маеть отправу вчинити на третей части имѣнья своего властивого, а того имѣнья, которое отецъ, купивши, дочцѣ своей дасть, маеть сполу уживати ажъ до живота своего мужнего, а по животѣ мужнемъ она, яко свое властное, маеть одержати весполокъ зъ веномъ своимъ.

шихъ хотелъ дочку свою дати за кого и за нею мелъ дати которую суму пенезей, тогды первей маеть смотрети, естли бы того зятя его стояла третяя часть именья совито сумы пенязей, на чомъ бы мелъ веновати тую дочку его. Пакъ ли бы третяя часть именья его тое сумы пенязей совито не стояла, тогды онъ нехай, купивши за тые пенязи именье, и по той дочце своей зятю своему дасть. Пакъ ли бы онъ предъ ся тую суму пенязей зятю своему далъ, а онъ дочки его веновати не будеть на чомъ мети, таковый пенязи свои тратить.

Сравненіе приведенныхъ сейчасъ текстовъ обнаруживаетъ, кромѣ различій чисто редакціоннаго характера, слѣдующія дополненія, сдѣланныя во Второмъ Статутѣ: 1) о возвращеніи „внесенья“ въ родительскій домъ послѣ смерти вдовы, вышедшей вторично замужъ; 2) новая мотивировка ограниченія права мужа завѣщать своей женѣ не болѣе третьей части своего движимаго имущества, стадъ, невольной челяди и „быдла дворнаго“; 3) возмѣщеніе изъ вѣна такой вдовы растраченной ею этой части; 4) новая редакція обезпеченія отцомъ своей доче-

ри при выдачѣ ея замужъ; 5) добавленъ составленный вновь конецъ артикула.

Примѣромъ существеннаго дополненія соотвѣтствующаго артикула Статута 1529 года въ Статутѣ 1566 года можетъ служить:

II Ст., XI, 16[1]).

Уставуемъ: есть ли бы хто отца або матку свою изъ якое за[па]мети[3]) забилъ, якимъ-кольвекъ обычаемъ родича своего о горло приправилъ, тогды таковый сынъ або дѣвка, которая причиною своею родича своего о горло приправила, не только горломъ маеть быти каранъ, але и почтивость и вси имѣнья тратить, и таковою смертью и потварностью ганебною маеть каранъ быти: по рынку возечи и клещами тѣло его торгати, а по томъ у мѣхъ скураный усадившы до него пса, кура, ужа, котку, и тое все посполу въ мехъ завезавши, гдѣ наглубей до воды утопити; тымъ же тежъ обычаемъ и помочниковъ его, которихъ поволаеть або на нихъ правомъ будеть переведено, — мають[4]) быти караны. А естли бы ся трафило отцу сына своего дорослого або матцѣ дѣвку, дочку свою властную, забити, тогды таковый отецъ и матка мають караны быти за то: годъ и шесть недѣль на замку нашомъ у вежи седѣти, а выседѣвши годъ и шесть недѣль, мають еще до

I Ст., VII, 14[2]).

Уставуемъ тежъ, ижъ, коли бы хто отца своего рожоного або матку забилъ, тотъ горло и честь свою тратить.

---

[1]) „О забойцахъ отца и матки".

[2]) „Хто бы забилъ отца своего або матку".

[3]) Въ польскомъ переводѣ: zapamiętałosci. Въ 7-мъ артикулѣ XI раздѣла III Статута (онъ соотвѣтствуетъ 16-му артикулу XI раздѣла II Статута): умысльне зъ якое запаметалости.

[4]) Въ изданіи: маеть. Въ польскомъ переводѣ: maią karani byc.

году чотыри кроть при церкви и при костелѣ головномъ покутовати и вызнавати явнѣ наивышний грѣхъ свой передъ всими людьми збору хрестиянского.

Существенно дополнены во Второмъ Литовскомъ Статутѣ и тѣ артикулы Статута 1529 года, въ которыхъ идетъ рѣчь о государственныхъ правахъ Великаго Княжества Литовскаго. Подготовка Уніи съ Польшею побуждала и Статутовую Коммиссію, и вальные сеймы особенно точно и ясно выработать текстъ этихъ артикуловъ, чтобы гарантировать полную государственную самостоятельность Литвы, равенство ея государства съ Польскою Короною и отрицаніе какихъ-либо правъ послѣдней на инкорпорацію Великаго Княжества Литовскаго цѣликомъ или отдѣльныхъ частей его территоріи. Вотъ примѣры соотвѣтствующихъ артикуловъ обоихъ Статутовъ:

II Ст., III, 1[1]).

Мы, господаръ, обѣцуемъ тежъ и шлюбуемъ за себе и за потомки наши, великие князи Литовские, подъ тою жъ присегою нашою, которую есьмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земль Великого Князства Литовского и всихъ земль, ку нему здавна и теперъ належачыхъ, у славѣ, титулѣ, столицы, зацности[3]), владзы и можности[4]), росказованью и въ иншь хъ всихъ належностяхъ и прислухиванью и въ границахъ, ни въ чомъ не вменшати и овшемъ примножати. И хотя бы Панъ Богъ, зъ ласки Свое светое, намъ, господару, узычити рачылъ панства иного або и королевства, тогды предъ се

I Ст., III, 1[2]).

Тежъ, коли Панъ Богъ узхочеть зычити и допустити намъ панства иного, такъ же и королевства, тогды панства нашого Великого Князства Литовского и радъ нашихъ ни въ чомъ не вменшымъ, але отъ всякое легкости и понижен[ь]я, яко славное памети отецъ нашъ чинилъ въ часу щасного панованья своего, того панства стеречы будемъ.

---

1) „О розмноженью Великого Князства Литовского".

2) „Господаръ шлюбуеть панства его милости Великого Князства Литовского и пановъ-радъ ни въ чомъ не понижати".

3) Въ изданіи: зацность и. Въ польскомъ переводѣ: zacnosci.

4) Въ польскомъ переводѣ: władzy, moznosti.

сего панства нашого Великого Князства[1]) Литовского князей и пановъ-радъ духовныхъ и свѣцскихъ и всихъ врядниковъ земскихъ и дворныхъ, шляхту-рыцерства и всихъ иныхъ становъ ни въ чомъ томъ не понижати, але отъ всякое легкости и пониженья, яко славное памети продки наши, великие князи Литовские, за щастливого пановanья своего чынити, стеречы и боронити будемъ, съ помочъю Божъею стараючи се о примноженье и вывышенья того панства и всихъ становъ достойности, оздобъ и пожытковъ зъ наиболшою пилностью и всилованьемъ нашимъ.

II Ст., III, 3[2]).

Тежъ добра Князства Литовского не уменшымъ и то, што будеть черезъ неприятелей того панства нашого отдалено, розобрано и ку иншому панству отъ того панства нашого коли-кольвекъ упрошоно, ку Коронѣ, ку Мазовшу, ку Прусомъ, ку Ифлянтомъ, то засе ку власности того Великого Князства привести, привлащити и границы оправити обѣцуемъ. А хотя быхъ тежъ кому заграничникомъ при границахъ тыхъ верху мененыхъ земли, имѣнья, села и люди дали, тогды таковые маютъ съ того служыти Великому Князству Литовскому; а хто бы не хотѣлъ

I Ст., III, 2[3]).

Тежъ добра Князства того Великого Литовского не вменшимъ, але што будеть несправедливе отдано и неслушне розобрано и упрохано, ку власности того Князства приведемъ и привести хочемъ.

[1]) Въ польскомъ переводѣ: panstwa inszego abo krolestwa, tedy przecię tego panstwa naszego w. x. Lith. xiążąt...

[2]) „Мы, господаръ, обѣцуемъ розмножати Великое Князство Литовское, а, што бы разобрано и одышло, зась ку нему привернути“.

[3]) „Господаръ шлюбуеть розмножати Великое Князство Литовское и што не добре розобрано, ку панству привернути“.

служыти, таковыхъ прывильевъ не маемъ мы и потомки наши держати.

Сопоставленіе сейчасъ приведенныхъ артикуловъ Второго и Перваго Литовскихъ Статутовъ совершенно отчетливо обнаруживаетъ происхожденіе добавленій, внесенныхъ въ соотвѣтствующіе артикулы Статута 1529 года составителями Статута 1566 года. Эти добавленія тѣсно связаны съ переговорами объ Уніи, происходившими на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ[1]). Тогда Польская посольская изба въ предложенныхъ ею условіяхъ Польско-Литовской Уніи настаивала на сліяніи Литвы съ Польшею въ единомъ государствѣ. Особое возведеніе монарха въ Вильнѣ на великокняженіе уже не должно имѣть мѣста, сеймы должны быть всегда общими, литовцы имѣютъ право поддаваться подъ польское право. Делегація Великаго Княжества Литовскаго на этомъ сеймѣ отнеслась отрицательно къ польскому проекту Уніи и, требуя равноправія государствъ Литовскаго и Польскаго, соглашалась лишь на ихъ федеративную связь. Эти требованія и отрицаніе польскаго проекта Уніи и были введены въ артикулы Второго Литовскаго Статута, получая значеніе основныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго. Государственный титулъ, значеніе столицы, границы государства, права и сила государственной власти не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ уменьшаемы. Станы Великаго Княжества Литовскаго должны сохранять всѣ свои права и все свое значеніе и въ томъ случаѣ, если монархъ Литвы пріобрѣтетъ подъ свою верховную власть и какое-либо другое государство или „королевство". Послѣднее слово прямо указываетъ на нерушимость этихъ правъ и значенія при общемъ монархѣ Литвы и Польши. Внесенное въ третій артикулъ третьяго раздѣла Статута 1566 года перечисленіе другихъ „панствъ", къ которымъ оказались присоединенными части государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго, а въ ихъ числѣ Короны и Мазовіи, —

[1]) Изложеніе происходившихъ на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 г.г. переговоровъ поляковъ и литовцевъ, данное на основѣ сеймоваго дневника (Działyński, Żrzódłopisma do dziejów unii, część II) — М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 659—676; его же Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно (изд. 2-ое; Москва, 1915), стр. 295—298 и Oskar Halecki, Dzieje unii Jagiellońskiej, tom II (Kraków, 1920), str. 171—190.

прямо направлено противъ Польскихъ домогательствъ Литовскихъ земель, и рѣшительный отказъ въ нихъ дѣлается однимъ изъ основныхъ законовъ Литвы. Требованіе обязательной службы на Великое Княжество Литовское, именно въ ея земскомъ войскѣ, отъ „заграничниковъ“, владѣющихъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ имѣніями „при границахъ“, явно направлено противъ поляковъ, строжайшимъ образомъ раздѣляетъ принадлежность обывателя къ Литвѣ или къ Польшѣ и воздвигаетъ между ними барьеръ, препятствующій какому-либо ихъ сліянію и сглаживанію границъ государственныхъ территорій.

Такое же возведеніе на степень закона Великаго Княжества Литовскаго положеній, которыя выдвинула делегація его на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ, имѣемъ и въ рядѣ другихъ артикуловъ Второго Литовскаго Статута. Укажемъ для примѣра хотя бы на шестой артикулъ третьяго раздѣла, говорящій „о сойму вальномъ“. Въ немъ стоитъ: „При томъ тежъ уставуемъ, съ призволеньемъ радъ нашихъ духовныхъ и свѣцкихъ и зо всими станы, сойму належачыми, на теперешнемъ сойму великомъ Виленьскомъ, хотечы то все мѣти вѣчными часы, ижъ маемъ мы и потомки нашы, великіе князи Литовскіе, съ потребы речы посполитое, за радою радъ нашихъ того жъ панства або за прозбою рыцерства, складати сеймы вальные въ томъ же панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ завжды, коли колко того будеть потреба“. Въ этомъ артикулѣ имѣемъ законъ о сохраненіи на вѣчныя времена полноправнаго и отдѣльнаго отъ Польши Литовскаго вальнаго сейма, съ его ничѣмъ не ограниченною компетенціею въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, законъ Статута 1566 года категорически отвергъ Польскій проектъ единаго сейма Литвы и Польши, съ прекращеніемъ существованія особаго сейма Великаго Княжества Литовскаго.

Сравненіе Второго Литовскаго Статута съ Первымъ совершенно отчетливо обнаруживаетъ стройность мысли и системы, которую внесли въ Литовскій кодексъ 1566 года его составители. Высота ихъ теоретической подготовки видна и въ общемъ планѣ, въ послѣдовательности раздѣловъ, т. е. главъ Статута, и въ послѣдовательности артикуловъ, т. е. ихъ статей. Послѣдовательность раздѣловъ Второго Статута такая: I — „о персоне господарской“, II — „о обороне земской“, III — „о

вольностяхъ шляхецкихъ и о розмноженью Великого Князства Литовского", IV „о судьяхъ и о судѣхъ", V — „о оправе посагу", VI — „о опекахъ", VII — „о записехъ и продажахъ", VIII — „о тестаменьтехъ", IX — „о правахъ земскихъ", X — „о ловы, о пущу и о дерево бортное", XI — „о кгвалтехъ и о головщызнахъ шляхецскихъ", XII — „о головщызнахъ и навезкахъ людей посполитыхъ", XIII — „о грабежохъ и навезкахъ", XIV — „о злодействе всякого стану". Такимъ образомъ, Второй Литовскій Статутъ начинаетъ съ законовъ, касающихся монарха и его власти, продолжаетъ организацiей земской военной службы, законами о правахъ шляхты и о государствѣ Великаго Княжества Литовскаго, а затѣмъ организацiей въ немъ суда. Только послѣ всего этого Статутъ 1566 года даетъ въ раздѣлахъ V—IX законы, касающіеся вещнаго и обязательственнаго права, и наконецъ въ раздѣлахъ XI—XIV трактуетъ преступленія и за нихъ отвѣтственность.

Инымъ было распредѣленіе отдѣльныхъ законовъ по раздѣламъ въ Статутѣ 1529 года. Первые три его раздѣла соотвѣтствуютъ тѣмъ же раздѣламъ Второго Статута. Но законы объ организацiи суда даны лишь въ VI раздѣлѣ, въ то время какъ IV говоритъ „о поглавли женскомъ", а V — „о опекунахъ". Раздѣлъ VII — „о кгвалтехъ земскихъ, о боехъ, о головщинахъ шляхецскихъ", VIII — „о права земские, о границахъ и о межахъ, о копахъ", IX „о ловы, о пущы, о бортное дерево и озера, о бобровые гоны, о соколие гнезда и о хмелища", X — „о именьяхъ, которые въ долзехъ, и о заставы", XI — „о головщины людей путныхъ, и мужицкие и паробоцкие", XII — „о грабежи и навезки" и XIII — „о злодействе". Трудно подмѣтить какую-либо систему въ порядкѣ этихъ раздѣловъ. Этотъ порядокъ обнаруживаетъ совсѣмъ другую технику составленія Перваго Литовскаго Статута и отсутствіе той юридической подготовки къ дѣлу кодификацiи, которою обладалъ личный составъ Коммиссiи, вырабатывавшей Литовскій Статутъ 1566 года. То же отсутствіе стройности плана и подбора на основѣ его отдѣльныхъ артикуловъ въ раздѣлы обнаруживается и внутри отдѣльныхъ раздѣловъ Перваго Статута. Такъ, въ раздѣлъ „о поглавли женскомъ" въ немъ былъ внесенъ артикулъ, говорящій о томъ, „хто бы отца або матку вдарилъ чимъ", и о правѣ отца лишить наслѣдства сына, который

бы его „вдарилъ або зсоромотилъ, або которые втиски и пренагабанья ему учинилъ“ [1]).

Переходя къ совершенно новымъ артикуламъ, внесеннымъ во Второй Литовскій Статутъ, нужно выдѣлить прежде всего артикулы, создающіе новыя должности и новыя учрежденія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Такими являются артикулы, говорящіе о земскомъ, гродскомъ и подкоморскомъ повѣтовыхъ судахъ, урядѣ вознаго и урядѣ коморника [2]). Но кромѣ того ихъ достаточное число и въ области процесса, и въ области матеріальнаго права [3]). Второй раздѣлъ Статута, говорящій объ организаціи земской военной службы обывателей Великаго Княжества Литовскаго, также имѣетъ рядъ новыхъ артикулсвъ по сравненію со Статутомъ 1529 года [4]). Право и законы Перваго Литовскаго Статута въ Статутѣ 1566 года получили весьма существенное дополненіе и значительное развитіе.

Начинается Второй Литовскій Статутъ артикуломъ, имѣющимъ такое заглавіе: „Вси обыватели Великого Князства Литовского однымъ правомъ писанымъ и отъ насъ данымъ сужоны быти маютъ“. Содержаніе его слѣдующее: „Напередъ мы, господаръ, обецуемъ и шлюбуемъ подъ тою жъ прысегою, которую учынили есьмо всимъ обывателемъ всихъ земль того панства нашого Великого Князства Литовского, ижъ всихъ княжатъ, пановъ-радъ духовныхъ и свецкихъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту, места и всихъ подданыхъ нашихъ и всихъ становъ въ томъ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ, такъ же и земль Рускихъ, Киевское, Жомойтское, Волынское, Подляшское и иныхъ земль, прислухаючыхъ къ тому панству нашому, почоншы отъ вышнего стану ажъ и до нижнего, тыми одными правы писаными и отъ насъ даными судити и справовати“ [5]).

---

[1]) I Ст., IV, 14.

[2]) II Ст., IV, 1, 2, 3, 4 и сл, 21 и сл., 70.

[3]) Особенно много въ IV раздѣлѣ. І. А. Малиновскимъ въ приложеніи къ его изслѣдованію „Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту“ (Кіевъ, 1894) данъ „Параллельный указатель уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута по тремъ его редакціямъ“. По таблицѣ, которую представляетъ собою этотъ указатель (стр. XV—L), можно съ большимъ удобствомъ отмѣтить новые уголовные законы, внесенные во Второй Литовскій Статутъ, которыхъ не было въ Статутѣ 1529 года.

[4]) Артикулы 2—6, 8, 14, 15, 22, 24—29.

[5]) II Ст., I, 1.

Что касается Статута 1529 года, то первый артикулъ его перваго раздѣла говоритъ о томъ, что „господаръ шлюбуеть никого не карати на заочное поведанье, хотя бы ся тыкало ображен[ь]я маестату его милости; а хто бы тежъ несправедливе на кого велъ, самъ тымъ маеть каранъ быти". Артикулъ о томъ, что „вси у Великомъ Князстве Литовскомъ однымъ правомъ мають сужоны быти" въ Первомъ Литовскомъ Статутѣ является по счету девятымъ, и ему соотвѣтствуетъ семнадцатый артикулъ перваго раздѣла Статута 1566 года[1]), который его значительно развиваетъ, а также дополняетъ постановленіемъ, что „такъ же и чужоземцы и заграничники Великого Князства приеждчые и якимъ-кольвекъ обычаемъ прибылые люди тымъ же правомъ мають быть сужоны и на такихъ врядехъ, где выступить". Такимъ образомъ, можно бы было во Второмъ Статутѣ и обойтись безъ помѣщенія въ началѣ его артикула, обязывающаго великаго князя Литовскаго судить и править на основаніи писаннаго закона. Но составители проекта Статута 1566 года посчитали необходимымъ именно съ этой статьи кодекса начать всѣ его законы. Они, очевидно, хотѣли, начиная законы о монархѣ, совершенно опредѣленно указать, что правитъ онъ только на основѣ писаннаго закона. Хорошо извѣстное членамъ Статутовой Коммиссіи ученіе Аристотеля и Цицерона о значеніи закона для государства и для монарха, какъ высшаго магистрата, повелительно требовало именно съ такого содержанія артикула начать весь сводъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, ими составляемый. Они твердо помнили еще въ молодости заученныя слова Аристотеля въ латинскомъ переводѣ: „qui ergo legem praeesse vult, is velle videtur Deum ac leges imperare"[2]). Въ ихъ ушахъ звучали слышанныя ими еще въ университетахъ Цицероновскія изреченія: „magistratus, lex est loquens", „leges sunt inventae, quae cum omnibus una atque ea-

---

[1]) „Вси въ томъ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ однымъ тымъ правомъ сужоны быти мають".

[2]) Цитируемъ по изданію 1549 года — Aristotelis De Repvblica, qvi politicorum dicuntur, libri VIII. a Joachimo Perionio Cormoeriaceno nuper latinitate donati. Eiusdem Perionii in eosdem libros Obseruationes: et argumentum, quo ordo et sententia eorum librorum breuiter exponitur. itemque Index amplissimus rerum cognitione dignissimarum, et maxime memorabilium (Basileae, ex Officina Joannis Oporini, Anno salutis humanae MDXLIX. Mense Martio), p. 113.

dem voce loquerentur", „omnia sunt incerta, cum a iure discessum est"[1]).

Литовскій Статутъ 1566 года поставилъ право Литвы на большую высоту совершенства, доступнаго эпохѣ его составленія. Составители Второго Статута сумѣли поставить законы его на уровень требованій, которыя предъявлялись тогдашнею юридическою мыслью Европы къ законодательству вообще. Въ осмысленной рецепціи иностраннаго права они находили путь къ совершенствованію законодательства Литвы, выроставшаго изъ потребностей ея жизни и историческаго развитія. Система кодекса и качество его законовъ далеко превосходятъ Статутъ 1529 года. Второй Литовскій Статутъ представляетъ собою кодексъ національнаго права Великаго Княжества Литовскаго. Но это право въ немъ получило свое освѣщеніе на основѣ правовыхъ идей, общихъ Западной и Центральной Европѣ того времени. И не новою только редакціею Перваго Литовскаго Статута, какъ это часто дѣлается, долженъ быть признанъ Статутъ 1566 года. Онъ представляетъ собою такую переработку Перваго Статута, что заслуживаетъ признанія кодексомъ, знаменующимъ собою новую эпоху въ исторіи законодательства Литвы.

---

[1]) Въ виду того, что текстъ античныхъ авторовъ, благодаря научно-критической обработкѣ его учеными редакторами новѣйшаго времени, значительно рознится съ текстомъ, обращавшимся въ XVI столѣтіи, мы считали нужнымъ цитировать его по изданіямъ именно этого вѣка. Сентенціи Цицерона цитируются нами по изданію 1573 года — M. Tvllii Ciceronis Insigniores Sententiae, opera Petri Lagnerii Compendiensis concinnatae, inque Locos communes digestae. Quae praeterea adiecta sunt, sequens indicat pagina. Cum Indice rerum ac uerborum copioso. In hac editione accessit libellus De Imitatione Ciceronis, auctore Henrico Farnesio, I. V. Doctore (Coloniae. Apud Joannem Gymnicum..... MDLXXIII). P. p. 45, 49, 50.

Глава IV.

Исправленіе Второго Литовскаго Статута въ годы до Люблинской Уніи.

Опасенія, которыя вызывало у частей населенія Великаго Княжества Литовскаго введеніе въ дѣйствіе Статута 1566 года. „Поправа", совершенная Берестейскимъ сеймомъ 1566 года. Исправленные Берестейскимъ сеймомъ статутовые артикулы. Состояніе рукописныхъ экземпляровъ Второго Литовскаго Статута послѣ Берестейской „поправы". Городенскій сеймъ 1566-1567 годовъ. Его постановленія, дополняющія и исправляющія Литовскій Статутъ. Опасенія Жомойти. Недовольство литовскихъ татаръ и евреевъ Литовскимъ Статутомъ 1566 года. Городенскій сеймъ 1568 года и его „поправа". Установленіе новой Статутовой Коммиссіи, утвержденной затѣмъ въ 1569 году и Люблинскимъ сеймомъ. Личный составъ этой Коммиссіи: епископъ Валеріянъ Протасовичъ, Мальхеръ Шеметъ, Августинъ Ротундусъ, Миколай Монвидъ Дорогостайскій, князья Лукашъ Свирскій и Павелъ Соколинскій, Янъ Стецковичъ, Бенедиктъ Юрага, Янъ Сколко, Кирдей Кричевскій, Богданъ Селицкій, Мартинъ Володковичъ; два земскихъ писаря при Статутовой Коммиссіи. Характеръ и задача этой Коммиссіи. Основные законы Великаго Княжества Литовскаго наканунѣ заключенія Уніи съ Польшею. Историческое происхожденіе этихъ законовъ и политическая мысль, ихъ обосновывавшая теоретически. Отношеніе Второго Литовскаго Статута къ Польской идеѣ Уніи, какъ инкорпораціи Литвы въ Польшу.

Свѣдѣнія о томъ, что Второй Литовскій Статутъ вноситъ коренныя измѣненія въ основы государственной организаціи Великаго Княжества Литовскаго и перестраиваетъ его право, распространялись, конечно, въ Литвѣ еще до его утвержденія. Идея шляхетскаго „народа", которую новый кодексъ внесъ въ основные законы, въ организацію областного суда и въ отношенія классовъ населенія, возбуждала тревогу тѣхъ группъ и частей населенія, которыя въ составъ этого „народа" войти не могли, но которыя также имѣли свои привилегіи и права, отдѣлявшія ихъ отъ простыхъ „подданныхъ". Такими являлись прежде всего мѣщане „мѣстъ упривильеваныхъ", надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ. Во время Бѣльскаго сейма 1564 года къ Сигизмунду Августу прибыла депутація отъ „столечнаго

мѣста“ Виленскаго, въ составѣ двухъ бурмистровъ и мѣстскаго писаря[1]), „для постереженья правъ и вольностей ихъ“ отправленная изъ Вильны. Эта депутація просила великаго князя о выдачѣ особаго привилея, гарантирующаго сохраненіе Магдебургскаго права въ Вильнѣ въ нерушимости и полной силѣ, и о томъ, чтобы въ Статутѣ находился „артыкулъ“, признающій это право. Виленское мѣсто добивалось особаго подтвердительнаго привилея на Магдебургское право, хотя въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 года и провозглашалось отъ имени великаго князя сохраненіе Магдебургскаго права, „въ целости“, какъ въ мѣстѣ „столечномъ Виленьскомъ, такъ во всихъ иныхъ местехъ того паньства нашого Великого Князьства Литовского“[2]). И черезъ шесть дней послѣ выдачи общеземскаго Бѣльскаго привилея, 7 іюля 1564 года Сигизмундъ Августъ подписалъ въ Бѣльскѣ же „привилей, даный мещаномъ Виленьскимъ, потвержаючи право Майдеборское и иншие вольности ихъ и варуючи имъ, же Статутъ правъ земскихъ, теперъ нововыданый, праву ихъ Майдеборскому ничого шкодити не маеть“[3]).

Если тревога за свои права овладѣла даже Виленскими мѣщанами, которыхъ войтъ входилъ въ составъ Статутовой Коммиссіи, то возможно думать, что этотъ войтъ, т. е. Августинъ Ротундусъ, или не могъ ихъ успокоить, или же и самъ былъ склоненъ думать, что шляхетская идея Второго Статута трудно примирима съ особыми правами группъ населенія, не входящихъ въ „народъ-шляхту“. Тѣмъ естественнѣе должно было быть опасеніе у другихъ группъ, которыя, а особенно евреи и татары, пользовались раньше особыми правами, при чемъ военно-служилые татары и по своей земской службѣ въ сущности были такими же „боярами“, служившими „конемъ“, какъ и тѣ бояре-христіане, изъ которыхъ образовалась полноправная шляхта Великаго Княжества Литовскаго. Но и среди несомнѣнно признаваемыхъ Вторымъ Статутомъ бояръ-шляхтичей новый кодексъ возбуждалъ опасенія. Они обнаружились въ Жомойти, отличавшейся большимъ консерватизмомъ и упорно отстаивав-

---

[1]) Виленскіе бурмистры Лукашъ Опаховскій и Зеновъ Зарѣцкій и Виленскій мѣстскій писарь Еронимъ Опаховскій.

[2]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 138.

[3]) Тамъ же, стр. 140—142.

шей свои старыя областныя права и особенности. Шляхта Жомойтской земли 1 мая 1565 года, въ своемъ листѣ къ старостѣ Жомойтскому, заявила, что она опасается, какъ бы новый Статутъ не оказался въ противорѣчіи съ ея „вольностями", утвержденными за нею великими князьями Литовскими [1]).

Итакъ, Литовскій Статутъ 1566 года при своемъ вступленіи въ жизнь не встрѣтилъ полнаго довѣрія у всего Великаго Княжества Литовскаго, во всѣхъ группахъ его населенія. Но онъ не вполнѣ удовлетворялъ и самихъ его составителей, ибо даже оффиціально, какъ мы это видѣли выше, былъ признанъ „недоправенымъ до конца", и его „поправа" была поставлена

---

[1]) „Што его кролевская милость, нашъ милостивый панъ, рачилъ казати черезъ листы свои господарьские до Менска [на] день светого Томаша прошлого ку ихъ мл. паномъ-радамъ зъехати для обираня судей, подсутковъ и писаровъ водлугъ зостановеня сойму Белского, ино мы, тивуны и вся шляхта земли Жомойтское, на тотъ часъ у Менску водлугъ росказаня господарьского для некоторыхъ певныхъ причинъ быти и того становити не могли, а за тымъ ку границамъ Виѳлянтскимъ ку отпору неприятелю обернены есмо были. И будучи у Чадосехъ на войне, сами есмо межи собою за онымъ першимъ росказанемъ господарьскимъ постановили и, часъ певный зложивши, дня сегоднешнего до Шолканъ месеца мая первого дня зъехавши для обираня судей, подсудковъ и писаровъ, намову чинили. Нижли, не маючи а ни видечи Статуту нового а простерегаючи того, абы тотъ Статутъ новый волностямъ нашимъ, отъ продковъ его кролевское мл. и отъ его кролевское милости пана нашого милостивого Жикгимонта Августа намъ наданы[мъ], противны не былъ, а видечи быти великую трудность и долеглость въ замкненю справъ судовыхъ и нечиненю справедливости, которые черезъ его мл. пана Яна Еронимовича Ходкевича, пана старосту нашого Жомойтского, державцу Плотелского и Телшовского, зостановены и замкнены были, — съ таковое причины, намовивши се есмо одностайнымъ обычаемъ и позволивши на то вси, абыхмо упадку въ нечиненю справедливости не прымали, о то есмо его мл. своего милостивого пана прозбами и чоломбитемъ нашимъ по колку кроть уживали, абы его мл., не лютуючи працы своей панской, рачилъ насъ самъ особою своею панскою судити и подстаростему своему подле старого обычаю казалъ справовати до тыхъ местъ, поки мы Статутъ новый отъ его кролевское мл. досягнемъ и съ него порозумене оземемъ, жебы намъ и волностямъ нашимъ ниякого ущыпку не было, и коли тежъ суди межи собою оберемъ и постановимъ. Где его мл. нашъ милостивый панъ на прозбы нашы справы судовые подле давного обычаю и старого Статуту на особу свою панскую и на врядъ свой приняти обецати рачилъ, учинивши намъ з ласки своей панской ѳолкгу въ доходехъ врядовыхъ водле прозбъ нашихъ заховати. Которыхъ прозбъ нашихъ даемъ его милости пану старосте нашому тотъ нашъ листъ подъ нашими печатми. Писанъ въ Шовкянахъ, лета Божего Нароженья тисеча пятьсотъ шестдесятъ

одною изъ задачъ вальныхъ сеймовъ, послѣдовавшихъ за Виленскимъ сеймомъ 1565-1566 годовъ, на которомъ совершилось окончательное утвержденіе Второго Статута. „Выданъ“ былъ онъ Сигизмундомъ Августомъ 1 марта 1566 года, а 22 марта того же года въ Кнышинѣ были написаны великокняжескіе универсалы, созывающіе предсеймовые повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго на 10 апрѣля 1566 года и его вальный сеймъ въ Берестьѣ „у двухъ неделяхъ по Велице Дни“, т. е. на 28 апрѣля[1]). Сеймъ долженъ былъ заняться вопросами предстоящей уніи Литвы съ Польшею и „поправы Статуту“[2]). Но послѣдняя, видимо, уже мало интересуетъ великаго князя. Унія привлекаетъ къ себѣ его главное вниманіе въ это время. Къ тому же „поправа Статуту“ уже передана Сигизмундомъ Августомъ въ руки самого сейма[3]). Текстъ инструкціи посламъ господарскимъ на повѣтовые сеймики[4]) говоритъ о приведеніи великимъ княземъ въ исполненіе просьбъ и постановленій Виленскаго сейма 1565-1566 годовъ и настаиваетъ на сборѣ полностью установленнаго этимъ сеймомъ и

пятого, месеца мая первого дня“. Подъ текстомъ документа находятся 119 притиснутыхъ печатей и кружокъ безъ печати. Послѣ нихъ написано тою же рукою, которою писанъ и весь документъ: „тивунове и вся шляхта земли Жомойтское“. Документъ написанъ на листѣ большого формата. Хранился онъ въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки — Б., шк. 1, п. 2, м. 24, въ сборникѣ листовъ, по нумераціи сборника л. 56.

[1]) Пасха въ 1566 году падала на 14 апрѣля. Ср. Н. Горбачевскій, Археографическій Календарь на двѣ тысячи лѣтъ по Юліанскому счисленію и на семьсотъ сорокъ два года по Григоріанскому счисленію (Вильна, 1869), таблица № 24.

[2]) Текстъ этого универсала — Р. Ист. Б., XXX, ст. 838—841. Въ нашихъ цитатахъ мы пользуемся вообще именно этимъ изданіемъ, какъ болѣе новымъ. Многіе изъ цитированныхъ нами документовъ были напечатаны въ А. З. Р., въ А. Ю. и З. Р. (изданные въ этихъ собраніяхъ актовъ документы указаны въ приложеніи къ XXX тому Р. Ист. Б-ки), а также Дзялыньскимъ (Zbior praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841) и въ I томѣ Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Рядъ сеймовыхъ документовъ, цитируемыхъ нами по изданію въ XXX томѣ Р. Ист. Б-ки, былъ изданъ въ Приложеніяхъ къ трудамъ М. К. Любавскаго (Л.-Р. сеймъ), и Н. А. Максимейка (Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 года. Харьковъ, 1902).

[3]) См. выше, стр. 28 и сл.

[4]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 878—882.

Виленскимъ сеймомъ 1563 года податка. О „поправѣ“ Второго Статута инструкція молчитъ. Она лишь указываетъ, что господарскій посолъ, „естли бы потребовали“, можетъ „взновить“ на сеймикѣ то, „што на листе соймовомъ естъ написано“.

Созывъ Берестейскаго сейма 1566 года, однако, осложнился. Распространились слухи о томъ, что Москва „способляеть войска свои“ на Великое Княжество Литовское. Приходилось принимать спѣшныя и чрезвычайныя мѣры его обороны, и 3 апрѣля были выданы Сигизмундомъ Августомъ въ Воинѣ новые универсалы въ повѣты Великаго Княжества, разосланные 20 апрѣля 1566 года. Этими „военными листами“, обращаясь къ повѣтовымъ обывателямъ, великій князь предписывалъ: „а ижъ то о васъ самыхъ, жоны, дети и маетности ваши идеть, вы бы, о таковыхъ слухахъ небезпечныхъ отъ непріятеля ведаючи, поготову были, маючи кони сыты, зброю чисту и всю спижу военъную, беручи ся ку войне не на малый часъ“. Мѣстомъ сбора земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго назначался Друцкъ, срокомъ — черезъ недѣлю „по Святой Тройцы, Римъского свята въ року нинешнемъ шестьдесятъ шостомъ“. Но сеймовые послы отъ повѣтовъ, согласно этимъ универсаламъ, все-таки должны были на сеймъ ѣхать, „не омешкиваючи тое потребы речи посполитое“ и отправляя лишь свои военные „почты“ въ земское войско[1]).

Само собою разумѣется, что при такой обстановкѣ Берестейскій сеймъ 1566 года не могъ работать спокойно. Дѣла и отношенія къ Москвѣ готовы были принять грозный оборотъ. Въ то же время отъ сейма требовали большого напряженія и, несомнѣнно, сильно волновали его переговоры съ Польшею объ Уніи. Берестейскій сеймъ рѣшительно не соглашался съ польскими ея планами и требовалъ полнаго равенства Литовскаго государства съ Польскимъ въ ихъ уніи, какъ федеративномъ союзѣ. Оба эти дѣла чрезвычайной важности, т. е. Московская война и Унія, создавали и рядъ вопросовъ, такъ или иначе съ ними связанныхъ, какъ оборона и закрѣпленіе за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ Ливоніи и другіе. Совершенно ясно, что при всемъ этомъ заниматься и „поправою“ Статута было крайне трудно. Но Берестейскій сеймъ 1566 го-

---

[1]) Тамъ же, ст. 853—855.

да все-таки нашелъ возможнымъ отдать ей часть своего времени, и „артикулы поправы статутовое“, имъ принятые, явились первымъ по времени дополненіемъ Второго Литовскаго Статута, получившимъ силу дѣйствующаго закона. Они должны были замѣнить исправляемые ими артикулы текста Второго Статута, утвержденнаго на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ. Эти послѣдніе отнынѣ уже „никоторое[1]) моцы въ жадного права мѣти и держаны быти не маютъ“. „Радити и справовати ся маютъ“ впередъ во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ всѣ по этимъ вновь составленнымъ артикуламъ.

Исправленію на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года подверглись два артикула третьяго раздѣла Второго Литовскаго Статута, а именно третій и четырнадцатый, и начальные артикулы седьмого[2]). Совершенно естественно, что третій раздѣлъ Статута, говорящій „О вольностяхъ шляхецкихъ и о розмноженью Великого Князства Литовского“, привлекалъ къ себѣ вниманіе становъ сейма въ первую очередь. Въ немъ находились законы, охраняющіе самостоятельность и права Литвы, какъ госу-

---

[1]) Исправляемъ изъ „никоторыи“ изданія.

[2]) „Артикулы поправы“ Статута на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года изданы въ XXIII книгѣ Временника Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (стр. 216—218) и въ Collectanea ex archivo Collegii Juridici (t. VII, p.p. 251—253). М.К Любавскій считалъ утвержденнымъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года и семидесятый артикулъ Второго Статута, организующій повѣтовый подкоморскій судъ (Л.-Р. сеймъ, стр. 744—745). Но универсалы Сигизмунда Августа, данные 28 января 1566 года, о введеніи повѣтовыхъ судовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ говорятъ совершенно опредѣленно, что организація повѣтоваго подкоморскаго уряда была внесена во Второй Статутъ при его утвержденіи на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ: „такъ же и подкоморый враду своего по тому, яко въ Статуте описано естъ, яко се индей въ поветехъ того панства нашого Вел[икого] Кн[язства] Лит[овского] заховати будеть, маеть ужывати водлугъ описан[ь]я порадку розделу судового, въ новомъ Статуте доложоного“ (Вил. Центр. Архивъ, Пинскаго гродскаго суда, №13014, стр. 357. Ср. также И. И. Лаппо, Подкоморскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1899 г., VIII, стр., 350). Артикула о подкоморскомъ урядѣ нѣтъ и ни въ оригинальномъ русскомъ, ни въ латинскомъ текстѣ „поправъ“ Берестейскаго сейма 1566 года, изданномъ въ XXIII книгѣ Временника и VII томѣ Coll. ex archivo Coll. Jur. И въ русскомъ оригинальномъ, и въ переводныхъ польскомъ и латинскомъ, извѣстныхъ въ изданіи, текстахъ Второго Статута организація подкоморскаго суда находится въ этомъ кодексѣ.

дарства, и права и привилегіи ея шляхты. Настроеніе, владѣвшее станами накануне заключенія Уніи съ Польшею, очень ярко выразилось въ исправленіи девятаго артикула третьяго раздѣла Статута. „Поправа“ его подчеркнула и совершенно точно выразила недопустимость уравненія въ правахъ поляковъ съ коренными обывателями Великаго Княжества Литовскаго и въ то же время внутри его еще болѣе закрѣпляла объединеніе въ единомъ народѣ „обоего народу, якъ Литовского, такъ и Руского“, провозглашенное Виленскимъ привилеемъ 8 іюня 1563 года. Текстъ девятаго артикула третьяго раздѣла, утвержденный на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ, гласилъ отъ имени великаго князя: „въ томъ панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ, достойностей духовныхъ и свѣцкихъ, городовъ, дворовъ и кгрунтовъ, староствъ, въ держанье и пожыванье и вѣчностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ, ани сусѣдомъ того панства давати не маемъ; але то все мы и потомки наши, великіе князи Литовскіе, давати будуть повинни только Литвѣ а Руси, родичомъ старожитнымъ и врожонцамъ Великого Князства Литовского и иныхъ земль, тому Великому Князству належачыхъ“. Берестейская „поправа“ добавила въ этомъ текстѣ къ словамъ „только Литвѣ и Руси“ еще слово „Жомойти“. Въ концѣ артикула гдѣ идетъ рѣчь о правѣ на занятіе духовныхъ и свѣтскихъ урядовъ, опять къ Литвѣ и Руси добавлена Жомойть.

Присоединенная Витовтомъ по Торунскому миру 1411 года къ Великому Княжеству Литовскому, Жомойтская земля долго не сливалась съ нимъ въ своемъ сознаніи общаго государственнаго единства. До реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія области Великаго Княжества Литовскаго вообще еще въ значительной степени не утрачивали извѣстной доли своей особности, которая поддерживалась и областными привилеями, полученными ими въ различное время отъ великихъ князей Литвы [1]). Писатели XVI столѣтія еще отмѣчали особенности быта Жомойти [2]). Народная масса сохраняла въ своемъ быту много

---

[1]) Объ областныхъ привилеяхъ Великаго Княжества Литовскаго см. М. Н. Ясинскій, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства (Кіевъ, 1889) и И. В. Якубовскій, Земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1903, VI, стр. 245—303).

[2]) Такъ, Михалонъ Литвинъ писалъ, что въ Жомойти сохранилась еще привычка жить въ шалашахъ у очаговъ, какъ жили по военному обычаю

патріархальнаго и даже языческаго[1]). Жомойтскіе бояре энергично и упорно охраняли особыя права своей земли, выдѣляя ее изъ состава другихъ земель Великаго Княжества Литовскаго. Повидимому, обыватели литовскихъ и русскихъ земель го-

---

воины-итальянцы, отъ которыхъ произошелъ литовскій народъ, какъ учила легенда, которую усвоилъ и Михалонъ — „nostri progenitores laborum et periculorum maris pertaesi et captiuis tam viris quam foeminis onusti, coepere in tabernaculis ad focos, more militari, adhuc in Samogitia durante, vitam degere" (M i c h a l o n i s L i t v a n i, De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, Fragmina X multiplici Historia referta. Basileae, MDCXV. P. 24. Издано Г р а с с е р о м ъ вмѣстѣ съ цитируемымъ нами ниже De diis Samagitarum Ласицкаго. Старыхъ изданій Отрывковъ Михалона Литвина было нѣсколько. На русскій языкъ они были переведены дважды: 1) С. Ш е с т а к о в ы м ъ — Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. В. К а л а ч о в ы м ъ, книга II; Москва, 1854; въ изданіи данъ латинскій текстъ и его переводъ и 2) К. М е л ь н и к ъ — Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, выпускъ I, подъ редакціей В. Б. А н т о н о в и ч а; Кіевъ, 1890). Гванини пишетъ о Жомойти: „Agrestis turba in humilibus casis, iisque ob longioribus vitam ducit, in quibus ignis in medio accensus ardet, ad ignem vero pater familias cum domesticis, seruisque sedit, iumentaque et totam suppelectilem domesticam cernit. Solent enim sub eodem quo ipsi habitant tecto, sine ullo interstitio peccora habere. Maiores eorumdem cornibus animalium vrorum videlicet, pro poculis utuntur". (Старыхъ изданій Гванини было нѣсколько. Мы цитируемъ по изданію 1581 года — Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. A l e x a n d r i G w a g n i n i V e r o n e n s i s, Equitis Aurati, peditumque praefecti. Cui suplementi loco, ea quae gesta sunt superiori anno, inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum. Spirae, MDLXXXI. Цитируемое мѣсто — оборотъ страницы 60).

[1]) „Sunt etiam nunc illic inter agrestes idolatrae complures qui serpentes quosdam quatuor breuibus lacertarum instar pedibus, nigro obesoque corpore Giuoijtos patria lingua dictos, tanquam penates domi suae nutriunt, eosque domo lustrata certis diebus ad appositum cibum prorepentes, cum tota familia quoad saturati in locum suum reuertantur, timore quodam circumstantes venerantur. Quod si adversi illis quid acciderit, serpentem deum domesticum male acceptum ac aturatum esse credunt". (G w a g n i n i, ibidem). Ласицкому разсказывалъ полякъ Jacobus Lascovius, что ему во время его пребыванія въ Жомойти въ годы великокняженія Сигизмунда Августа, на его слова объ Единомъ Богѣ „respondebant idololatrae: Quid tu nobis Vnicum Deum, quasi omnibus nostris potentiorem inculcas? plus uno multi possunt, plura piures agunt". J o a n n i s L a s i c i i P o l o n i, De Diis Samogitarvm caeterorumque Sarmatarum, p. 277 (цитируемъ по Эльзевировскому изданію въ сборникѣ Respvblica siue Status Regni Poloniae, Litvaniae, Prvssiae, Livoniae, etc. Diuersorum Autorum. Lvgd: Batavorvm, 1642).

сударства иногда раздражали жомойтиновъ напоминаніемъ отнятія ихъ края Витовтомъ силою оружія отъ владѣвшаго имъ Тевтонскаго Ордена. Даже въ областномъ привилеѣ Жомойти великій князь ограждалъ ихъ отъ этого упрека, требуя, чтобы никто не смѣлъ говорить, что Жомойть была завоевана, а не присоединилась къ Великому Княжеству Литовскому добровольно [1]). На сеймахъ середины XVI столѣтія бояре-шляхта Жомойтской земли настаивали на томъ, чтобы должности въ ней „не были даваны ани Литве, ани Руси, и не оселымъ, одно Жомойти, которые зъ отъцовъ и з родицовъ своихъ суть тамошніе родичы оселые, и то“ по ходатайству старосты, тивуновъ и шляхты ихъ земли [2]). Отдѣльность Жомойти отъ остальной территоріи Великаго Княжества Литовскаго ея бояре-шляхта охраняли и по отношенію къ суду. Они просили великаго князя на сеймѣ, „абы черезъ реку Невяжу позвы, децъкіе и увежъдчіе не были по земли Жомойтское посыланы, але ижъ бы всихъ староста тамошній Жомойтскій судилъ и справовалъ“, согласно ихъ привилеямъ [3]). Эти привилеи должны быть сохранены въ полной силѣ [4]).

Само собою разумѣется, что при такомъ выдѣленіи себя самою Жомойтскою землею изъ состава остальныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго и въ нихъ существовало къ ней соотвѣтствующее отношеніе. Жомойть не считалась совершенно слившеюся съ остальными землями въ государствѣ Литвы. И Берестейская „поправа“ Второго Литовскаго Статута уничтожила это племенное раздѣлен е литовскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе „народа-шляхты“ цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, т. е. Литвы, Руси и Жомойти. Она продолжала дѣло Виленскаго привилея 8 іюня 1563 года по сліянію всѣхъ частей народа Великаго Княжества Литовскаго воедино. Виленскій привилей сливалъ Литовскій, въ старомъ значеніи этого слова, и Русскій народы въ единый народъ Лит-

---

1) „In primis itaque volumus, quod nullus illis obicere debet, quoad gladio et armis essent expugnati et acquisiti ad nostramque reducti obedientiam, sed quia nobis beneuole adhaeserunt“. М. К. Любавскій, Очеркъ ист. Л.-Р. государства (изд. 2), стр. 397.

2) Р. Ист. Б., XXX, ст. 200 (арт. 3), 257 (арт. 12). Ср. тамъ же, ст. 282—283 (арт. 10).

3) Тамъ же, ст. 199 (арт. 1).

4) Тамъ же, ст. 251—252 (арт. 1), 260 (арт. 18).

вы, какъ государства. Берестейская „поправа“ къ нимъ присоединила и Жомойть.

Далѣе, въ томъ же девятомъ артикулѣ третьяго раздѣла Статута Берестейскій сеймъ 1566 года сдѣлалъ слѣдующія измѣненія. По первоначальной его редакціи, воспроизводившей постановленіе, имѣвшееся и въ Статутѣ 1529 года, великій князь обязывался не раздавать „чужоземцомъ и заграничникомъ“ никакихъ должностей, духовныхъ и свѣтскихъ, городовъ, дворовъ и староствъ въ держаніе и пользованіе[1]). Берестейская „поправа“ отмѣнила этотъ законъ и постановила, что „чужоземцы“ и „заграничники“, имѣющіе заслуги передъ господаремъ и „речью посполитою Великого Князьства Литовского“, могутъ получать такія пожалованія, но только „за радою и позволеньемъ“ пановъ-рады и „всѣхъ становъ земскихъ, сойму Литовскому валному належачыхъ“ — „на соймехъ валныхъ“ Литовскихъ, съ согласія ихъ становъ великіе князья Литовскіе могутъ отнынѣ такимъ лицамъ „осѣлостей вѣчныхъ и дочасныхъ ведлугъ годности и заслуги давати“. Но эти „чужоземцы“ и „заграничники“, хотя бы и получившіе такимъ способомъ „осѣлости“ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, не могутъ занимать въ немъ никакихъ духовныхъ и свѣтскихъ урядовъ. Къ этимъ урядамъ имѣютъ доступъ „толко здавна, съ продковъ своихъ уроженцы Великого Князьства — Литва, Русь и Жомойть“. Возможно думать, что Берестейскій сеймъ 1566 года своимъ постановленіемъ о правѣ великаго князя давать имѣнія чужеземцамъ считался особенно съ необходимостью награжденія ротмистровъ наемныхъ ротъ, въ услугахъ которыхъ такъ нуждалось Великое Княжество Литовское въ это время. Увеличить притокъ ихъ во время трудной войны съ Москвою было очень важно, и награжденіе земельными пожалованіями ротмистровъ, вербовавшихъ наемные отряды и ими командовавшихъ, должно было явиться средствомъ для ихъ привлеченія въ составъ войскъ Литвы. Между этими ротмистрами было немало инострапцевъ, приходившихъ изъ разныхъ странъ Европы. За ихъ службы дѣйствительно имъ въ эту пору давались земельныя пожалованія[2]).

---

[1]) I Статутъ, III, 3.

[2]) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 429—430.

Кромѣ третьяго раздѣла Второго Статута на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года подвергся исправленію и седьмой раздѣлъ этого кодекса[1]). Въ немъ первыя четыре артикула были отмѣнены и замѣнены двумя, вновь составленными. Но въ оригинальномъ русскомъ текстѣ Второго Статута, извѣстномъ въ настоящее время въ изданіи, „поправа“ седьмого артикула не обнаруживается вполнѣ отчетливо. То же нужно сказать и объ изданномъ переводѣ этого кодекса на польскій языкъ. Дѣло въ томъ, что польская рукопись Статута 1566 года, изданная Фр. Пѣкосинскимъ[2]), въ своемъ составѣ не имѣетъ вовсе „поправъ“ Берестейскаго сейма. Русская же рукопись, изданная И. Д. Бѣляевымъ, ихъ имѣетъ, но издатель, печатая „поправы“, отмѣчаетъ, что въ этой рукописи четырнадцатый артикулъ третьяго раздѣла и первый и второй артикулы раздѣла седьмого, въ исправленномъ ихъ видѣ, совершенно совпадаютъ своимъ текстомъ съ текстомъ соотвѣтствующихъ артикуловъ самого Статута той же рукописи[3]). Но по счастью изданная Пѣкосинскимъ рукопись латинскаго перевода Статута, о которой мы говорили уже выше[4]), совершенно точно указываетъ и содержаніе четырехъ первыхъ артикуловъ седьмого раздѣла, и то, какъ они были исправлены. Въ ней значится, что на Берестейскомъ сеймѣ были отмѣнены первые артикулы седьмого раздѣла и вмѣсто нихъ утверждены два новыхъ, текстъ которыхъ приводится дальше. Возникаютъ, однако, вопросы и по отношенію къ данному мѣсту текста латинской рукописи Папроцкаго, изданной Пѣкосинскимъ, въ которой къ тексту Второго Статута присоединены и его „поправы“. Прежде всего нужно отмѣтить, что „поправа“ седьмого артикула въ ней находится въ составѣ исправленій, сдѣланныхъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года, а не Берестейскимъ 1566 года, хотя въ самомъ ихъ текстѣ обозначено, что они имѣли мѣсто на послѣднемъ[5]). Но эта неправильность можетъ быть объяснена совершенно про-

---

[1]) „О записехъ и продажахъ“.

[2]) Collectanea ex archivo Collegii Juridici, t. VII, p.p. 1—250.

[3]) Временникъ, книга XXIII, стр. 217 и 219.

[4]) Стр. 77—80.

[5]) Заголовокъ: „D i s t i n c t i o n i s VII a r t i c u l i p r i m i d u o a b r o g a n t u r, ac i n e o r u m l o c u m a l i i i i s v e r b i s s u b r o g a n t u r“. За этимъ заголовкомъ слѣдуетъ: „Quoniam senatoribus nostris status vtriusque ac reliquis ordinibus ad comitiales actiones pertinentibus, territoriorumque

сто: три листа, на которыхъ написаны исправленія седьмого раздѣла, при переплетѣ рукописи оказались вставленными не на свое мѣсто. Ихъ нужно было вплести передъ началомъ текста „поправъ“ 1568 года, а не въ его серединѣ. Настоящее мѣсто этихъ листовъ сразу послѣ пяти листовъ Берестейской „поправы“, которая, такимъ образомъ, занимаетъ всего восемь листовъ рукописи. Такіе недосмотры бывали при переплетеніи книгъ, и, если мы поставимъ эти неправильно интролигированные листы на ихъ настоящее мѣсто, послѣдовательность общая всего текста рукописи не нарушится нисколько, ибо эти три листа имѣютъ совершенно законченное содержаніе — на нихъ не написано ничего, кромѣ исправленій седьмого раздѣла Статута. Конечно, ошибка въ рукописи могла получиться и при ея перепискѣ, вслѣдствіе того что переписчикъ неправильно положилъ передъ собою листы оригинала, который копировалъ а рукопись Папроцкаго представляетъ собою именно копію, сдѣланную, какъ мы это видѣли выше, по всей вѣроятности, для Стефана Баторія[1]).

Въ томъ, что начальные артикулы Второго Статута подвергались „поправѣ“ именно на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Объ этомъ совершенно ясно говорится не только въ русской рукописи, изданной И. Д. Бѣляевымъ, но и въ самомъ текстѣ перваго артикула седьмого раздѣла Статута той же рукописи, какъ и польской рукописи, изданной Пѣкосинскимъ. Вопросъ можетъ быть лишь о числѣ артикуловъ седьмого раздѣла, которые были отмѣнены Берестейскимъ сеймомъ. Въ рукописи Румянцовскаго Музея, изданной Бѣляевымъ, приведенъ текстъ перваго и второго артикуловъ седьмого раздѣла. Онъ не воспроизведенъ издателемъ въ печати на томъ основаніи, что „слово въ сло-

legatis, in hoc conuentu Brestensi congregatis, in vetere statuto ac in nouo destinctionis septimae articulos primos duos abrogare et in eorum locum hos infrascriptos surrogare placuit, omnesque vnanimiter a nobis rogauerunt, vt abrogatis prioribus illis, hos infrascriptos auctoritate nostra approbaremus, eorum concordi petitioni acquiescentes, eos ipsos infra hic scriptos articulos approbamus et priores illos quattuor abrogamus“. Collectanea, t. VII, p. 255.

[1]) Если рукопись Папроцкаго имѣетъ пагинацію не по листамъ, какъ это обычно бывало въ манускриптахъ ея времени, а по страницамъ, то, конечно, неправильное въ ней помѣщеніе „поправы“ седьмого раздѣла нужно объяснять именно недосмотромъ переписчика. Въ своемъ описаніи рукописи Пѣкосинскій не оговариваетъ способа ея пагинаціи (p.p. III—V).

во" одинаковъ съ ихъ текстомъ, какъ онъ данъ въ этихъ артикулахъ самого Статута, напечатанныхъ уже въ составѣ этого кодекса. Въ латинскомъ текстѣ Берестейской „поправы" рукописи Папроцкаго, во вводной части текста исправленія артикуловъ седьмого раздѣла, имѣется противорѣчіе. Въ немъ сначала говорится, что отмѣнены два первыхъ артикула, а затѣмъ сообщается, что ихъ было четыре[1]). По счастью вопросъ о числѣ отмѣненныхъ Берестейскою „поправою" 1566 года артикуловъ седьмого раздѣла разрѣшается совершенно точно на основаніи текста перваго артикула этого раздѣла, какъ онъ данъ въ самомъ Статутѣ по русской и польской рукописямъ, изданнымъ Бѣляевымъ и Пѣкосинскимъ. Въ этомъ текстѣ обозначено, что артикулы первый, второй, третій и четвертый седьмого раздѣла Второго Статута отмѣняются, и вмѣсто нихъ утверждаются два новыхъ. Ихъ текстъ въ латинской рукописи Папроцкаго данъ отдѣльно въ текстѣ Берестейскихъ „поправъ" а въ напечатанныхъ русской и польской рукописяхъ внесенъ въ самый текстъ Статута. Русскій текстъ „поправъ" Берестейскаго сейма 1566 года говоритъ, что онѣ были, по порученію этого сейма, представлены Сигизмунду Августу черезъ пана Яна Еронимовича Ходкевича въ Люблинъ, и „господаръ его милость, тыхъ артикуловъ огледавшы и ихъ ухваливши моцю сейму Берестейского, до Статуту правъ новыхъ вписати росказати рачылъ"[2]). Такимъ образомъ, въ опубликованныхъ русской и польской рукописяхъ Второго Литовскаго Статута мы имѣемъ экземпляры его, въ которыхъ уже приведено въ исполненіе это повелѣніе великаго князя. Что же касается латинскаго текста рукописи Папроцкаго, то въ немъ сохранился первоначальный текстъ Второго Статута въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ былъ утвержденъ въ 1566 году на Виленскомъ сеймѣ, т. е. безъ внесенія „поправы" въ самый текстъ кодекса.

Отмѣненные на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года первые четыре артикула седьмого раздѣла Второго Статута, въ латинскомъ переводѣ, имѣютъ такіе заголовки: „De venditionibus" (I),

---

1) Текстъ приведенъ нами выше, стр. 167—168, прим. 5.

2) Въ изданіе этого текста въ XXIII книгѣ Временника мы вносимъ слѣдующія исправленія: „господаръ" вмѣсто „господарь", „огледавшы" вмѣсто „оглядавшы", „моцю" вмѣсто „моцу". Сверхъ того мы иначе разставляемъ знаки препинанія, которыхъ, конечно, нѣтъ въ оригиналѣ и которые, на нашъ взглядъ, неправильно были разставлены издателемъ.

„Nemini licere paternorum bonorum plus tertia parte vendere“ (II), „De alienationibus bonorum aduenticiorum“ (III), „Bona a parentibus deuoluta alienari non posse“ (IV). Первый изъ этихъ артикуловъ устанавливалъ опредѣленный формальный порядокъ закрѣпленія продажныхъ и закладныхъ на имѣнія актовъ. Остальные три, говоря о правѣ отчужденія имѣній, установляютъ ограниченія этого права по отношенію къ различнымъ видамъ происхожденія имѣній. Совершенно естественно, что эти артикулы подлежали отмѣнѣ, ибо Берестейскій сеймъ 1566 года провозгласилъ полную свободу шляхты распоряжаться всѣми видами ея имѣній и измѣнилъ формальный порядокъ закрѣпленія актовъ ихъ отчужденія. На Берестейскомъ сеймѣ было постановлено[1]), что „вольно и моцно каждому именья свои отчизные земские, матерыстые, выслужоные, купленые и якимъ кольвекъ обычаемъ набытые и названые, не смотречы третее и двохъ частей[2]), яко передъ тымъ бывало въ Статуте обычаемъ стародавнымъ, але вси вздоймомъ, хто ихъ што маеть, будь тежъ половицу або которую ихъ часть, або по особну одну, або люди, земли, што хотя отъ нихъ, водле доброе воли и мысли своее, отдати, продати, даровати, записати, зоставити, отъ детей и близскихъ отдалити, подле баченья своего тымъ шафовати; и хотя бы перво которую часть або половицу именья своего, албо што кольвекъ людей и земль кому продалъ або записалъ, тогды остаткомъ тыхъ именей своихъ по тому жъ воленъ будеть шафовати вечностью, заставою, яко воля его будеть, отдаляючи отъ детей и близскихъ своихъ“.

Это постановленіе Берестейскаго сейма 1566 года явилось существеннѣйшимъ дополненіемъ правъ „народа-шляхты“ Великаго Княжества Литовскаго, которыя были признаны и формулированы Вторымъ Статутомъ. Оно было завершеніемъ успѣховъ шляхетскаго движенія въ Литвѣ среднихъ десятилѣтій XVI столѣтія. Но оно же окончательно ставило шляхту Ве-

---

1) Текстъ этого постановленія, съ очевидными неточностями переданный въ изданіи его въ XXIII-й книгѣ Временника, мы исправляемъ на основаніи сравненія его съ латинскимъ текстомъ Берестейской „поправы“ и польскимъ переводомъ, изданными Пѣкосинскимъ, а также привлекая и текстъ перваго артикула седьмого раздѣла Третьяго Литовскаго Статута, въ который вошла его „поправа“ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года.

2) Объ этомъ ограниченіи см. второй артикулъ седьмого раздѣла въ латинскомъ текстѣ Статута, изданномъ Пѣкосинскимъ.

ликаго Княжества Литовскаго въ такое положеніе, къ которому уже ничего не могло прибавить сліяніе ея со шляхтою Польши въ единый народъ, т. е. разрушало старые польскіе планы привлечь ее къ сліянію съ Короною Литвы перспективами „вольностей“ и „свободъ“ польской шляхты. Теперь шляхта литовская имѣла все, чего добивалась. Она имѣла и всѣ нужныя ей права политическія, и привилегіи сословныя. Приманка правами польской шляхты, которою около полутораста лѣтъ польская политика старалась привлечь литовскую шляхту къ Уніи, какъ къ сліянію Литвы съ Польшею въ единое цѣлое, утрачивала свое значеніе. Наоборотъ, литовская шляхта, получивъ всѣ „права и вольности“, которыхъ добивалась, теперь уже должна была стремиться ихъ охранять для себя самой и отнюдь не могла желать допускать къ нимъ поляковъ въ своемъ государствѣ.

Совершенно естественно, что право полнаго распоряженія своими земельными имуществами, предоставленное литовской шляхтѣ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года, потребовало отмѣны тѣхъ артикуловъ Второго Статута, въ которыхъ оно ограничивалось, т. е. второго, третьяго и четвертаго артикуловъ седьмого раздѣла. Что касается отмѣны перваго артикула того же раздѣла, то она вызвана внесеннымъ Берестейскою „поправою“ измѣненіемъ порядка закрѣпленія актсвъ по отчужденію имѣній. Первый артикулъ седьмого раздѣла въ текстѣ, утвержденномъ въ 1566 году на Виленскомъ сеймѣ, требовалъ, чтобы продающій или отдающій въ залогъ свое „отчизное“ имѣніе заявлялъ объ этомъ передъ великимъ княземъ или повѣтовымъ земскимъ судомъ и вносилъ актъ продажи или залога въ книги. Конечно, съ такими дѣлами обращаться къ великому князю и вносить ихъ акты въ книги государственной канцеляріи было на практикѣ весьма затруднительно. Ѣздить „за дворомъ“ господаря и ожидать благопріятнаго времени, когда великому князю окажется возможнымъ заняться дѣлами закрѣпленія продажъ и залоговъ имѣній, — это было доступно только тѣмъ, кто по своимъ служебнымъ обязанностямъ или по участію въ сеймахъ долженъ уже былъ совершать поѣздки на мѣста временныхъ пребываній монарха Великаго Княжества Литовскаго въ его предѣлахъ. Даже аппелляціонныя жалобы и спеціальные вызовы въ господарскій судъ иногда откладывались и „лимитова-

лись“ на длинный рядъ мѣсяцевъ[1]). Добраться со своими „справами“ рядовому „обывателю“ до великаго князя было очень нелегко, а временами и рѣшительно невозможно. Поэтому фактически всѣ сдѣлки, о которыхъ говорилъ первый артикулъ седьмого раздѣла Статута, должны были совершаться передъ повѣтовыми земскими судами, и ихъ акты подлежали внесенію въ книги именно этихъ судовъ. Отбывалъ же этотъ судъ свои сессіи только три раза въ году, а продолжались онѣ обычно менѣе мѣсяца. Совершенно ясно, что при такихъ условіяхъ закрѣпленіе актовъ продажи и залога встрѣчалось на практикѣ съ весьма большими затрудненіями и неудобствами. Берестейская „поправа“ 1566 года и постаралась ихъ устранить. Она установила, что „записи“ на имѣнія могутъ заявляться не только передъ великимъ княземъ или земскимъ судомъ того повѣта, въ которомъ данное имѣніе лежитъ, но, если соотвѣтствующій повѣтовый центръ находился далеко, а ближе къ имѣнію былъ земскій судъ другого повѣта, запись можетъ быть заявлена въ этомъ послѣднемъ. Кромѣ того, въ промежутки между земскими роками, т. е. сессіями земскихъ судовъ, такія записи могутъ заявляться и передъ урядами старостинскими, гдѣ они установлены въ значеніи старостъ судовыхъ[2]). Однако затѣмъ выписи изъ книгъ повѣтоваго суда другого повѣта или изъ старостинскихъ должны быть въ теченіе года представлены въ земскій судъ того повѣта, въ которомъ находится имѣніе, и такимъ образомъ актъ отчужденія его вносится въ нихъ.

Происхожденіе этого постановленія Берестейскаго сейма 1566 года тѣсно связано съ примѣненіемъ Второго Литовскаго Статута въ практикѣ новыхъ повѣтовыхъ судовъ, организованныхъ этимъ кодексомъ. Составители Статута, совершенно правильно оцѣнивая значеніе шляхетскихъ имѣній-осѣлостей для реализаціи идеи шляхетскаго „народа“ въ строѣ Великаго Княжества Литовскаго, посчитали возможнымъ признать компетен-

---

[1]) Ср. И И. Лаппо, Лимитаціи господарскаго дворнаго суда Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху предъ учрежденіемъ Главнаго Литовскаго Трибунала. Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова (Казань, 1912-1913), стр. 229—237.

[2]) О земскомъ и старостинскомъ судахъ въ Литвѣ см. И. И. Лаппо, Земскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка (Журн. Мин. Нар Просв., 1897, VI, стр. 263—301) и его же Гродскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (тамъ же, 1908, I, стр. 51—113).

цію утвержденія актовъ ихъ отчужденія только за великимъ княземъ или выборнымъ шляхетскимъ земскимъ судомъ того повѣта, въ округѣ котораго имѣніе находилось. До Второго Статута боярское или земянское имѣніе въ глазахъ государственной власти Литвы имѣло значеніе какъ участокъ земли, съ которой ея владѣлецъ несетъ земскую военную службу. Въ эпоху послѣ Статута 1566 года имѣніе, какъ шляхетская „осѣлость", сохраняя прежнее значеніе для земской службы, стало необходимымъ условіемъ для обладанія всею полнотою правъ шляхтича, для доступа къ урядамъ, для участія въ повѣтовомъ сеймикованьѣ со всѣмъ его значеніемъ для дѣлъ и вопросовъ общегосударственнаго и мѣстноповѣтоваго характера. Полноправнымъ повѣтовымъ „обывателемъ" былъ только шляхтичъ „осѣлый". Неосѣлаго въ повѣтѣ не станетъ вѣдать и повѣтовый судъ. Въ случаѣ совершенія преступленія неосѣлымъ, онъ можетъ быть поставленъ передъ судомъ даже безъ предварительнаго врученія ему судебной повѣстки. Лишь на основаніи обладанія имѣніемъ-осѣлостью въ округѣ даннаго повѣта шляхтичъ входитъ въ составъ шляхетской корпораціи „повѣтниковъ", которые только и составляютъ полноправный „народъ-шляхту" Великаго Княжества Литовскаго[1]). Поэтому то, если въ эпоху до Второго Статута земскія имѣнія могли отчуждаться лишь послѣ заявленія великому князю, какъ „господарю", или его намѣстнику въ области[2]), то послѣ утвержденія этого кодекса лишь монархъ, какъ глава шляхетскаго народа, или выборный судъ послѣдняго только и могли закрѣплять, а слѣдовательно и утверждать, акты отчужденія осѣлостей шляхты, если законъ послѣдовательно и строго логично развивалъ шляхетскую идею въ своихъ отдѣльныхъ постановленіяхъ. Но реальная обстановка жизни шляхты Литвы заставила Берестейскій сеймъ 1566 года пойти на нѣкоторый компромиссъ съ ея требованіями и допустить обращеніе съ актами отчужденія имѣній не только къ земскимъ судамъ другихъ повѣтовъ, но даже и къ урядамъ судовыхъ старостъ.

Право полнаго распоряженія своими земельными имуществами высоко цѣнилось шляхтою Великаго Княжества Литов-

---

1) О значеніи шляхетской осѣлости въ повѣтѣ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 221 и сл.

2) См. И. И. Лаппо, Вел. Княжество Литовское, т. I, стр. 474.

скаго. Но это право принесло съ собою и самую широкую мобилизацію шляхетскаго землевладѣнія[1]). Актовыя книги повѣтовыхъ судовъ заполнялись длиннымъ рядомъ записей продажи и передачи шляхтичами своихъ имѣній или ихъ частей. Прежде болѣе или менѣе крупныя имѣнія уменьшались отчужденіемъ по частямъ или переходили полностью изъ рукъ въ руки. Увеличилась численно шляхта „убогая“, шляхта „малое оселости“[2]). Расли кадры шляхты и неосѣлой. Борьба же путемъ законодательныхъ мѣръ съ ростомъ шляхетскаго пролетаріата стала невозможной. Право свободы распоряженія своими земельными имуществами, дарованное шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго, уже не могло быть отъ нея взято обратно. Она признавала его одною изъ главныхъ своихъ „свободъ“ и „вольностей“[3]).

Исправленія, внесенныя во Второй Литовскій Статутъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года, должны бы были сопровождаться и пересмотромъ соотвѣтствующихъ другихъ статутовыхъ артикуловъ, находящихся по своему содержанію въ той или другой связи съ исправленными. Это уже было отмѣчено въ новѣйшей спеціальной литературѣ[4]). Утверждая Берестейскія „поправы“ 1566 года, Сигизмундъ Августъ не только приказалъ вписать ихъ въ Статутъ, но и добавлялъ къ этому приказанію, что, „хотя бы и въ Статуте што тымъ артикуломъ нижей описанымъ было противного“, оно не можетъ сохранить силы и не должно соблюдаться[5]). Но, конечно, въ практическомъ примѣненіи Второго Статута внесенныя въ него исправленія не могли не вызывать значительныхъ осложненій. И самъ Статутъ, и его исправленія разошлись по Великому Княжеству Литовскому только въ рукописяхъ. Въ однихъ рукописныхъ экземплярахъ Статута исправленія были внесены въ текстъ.

---

1) См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 231—233.

2) Объ убогой шляхтѣ см. „тамъ же, стр. 237—240; о неосѣлой — тамъ же, стр. 240—243.

3) Ссылки на „поправу Берестейскую“ встрѣчаются и въ актахъ судовъ — напримѣръ, А., изд. Вил. К., XXVI, № 287.

4) Stefan Ehrenkreutz, Uwagi nad rozdziałem VII-ym Statutu litewskiego trzeciego, str. 1 (233). Rocznik Prawniczy Wileński, rok I.

5) Временникъ, кн. XXIII, стр. 216—217.

Въ другихъ этого сдѣлано не было[1]). Если въ рукописныхъ экземплярахъ, находившихся въ государственной канцеляріи и при центральныхъ урядахъ Великаго Княжества Литовскаго, и можно было легко и своевременно сдѣлать соотвѣтствующія исправленія [2]), то иначе, конечно, обстояло дѣло съ экземплярами урядниковъ повѣтовыхъ и мѣстскихъ, а также и лицъ недолжностныхъ[3]). Отсюда ясно, что рукописи Второго Литовскаго Статута послѣ Берестейской „поправы“ далеко не были совершенно тождественными. Къ обычнымъ въ рукописяхъ опискамъ и разночтеніямъ прибавилось и ихъ различіе потому, что въ однѣхъ изъ нихъ исправленія Берестейскаго сейма были внесены въ текстъ соотвѣтствующихъ артикуловъ Статута, а въ другихъ первоначальный текстъ кодекса остался въ его прежнихъ видѣ и составѣ. Обращались, конечно, и такія рукописи Второго Статута, въ которыхъ „поправы“ были внесены лишь частично, по небрежности или недосмотру переписчиковъ. Словомъ, комбинаціи текста „поправъ“ съ текстомъ Статута первоначальнымъ могли быть самыя различныя, и мы можемъ представить себѣ ихъ разнообразіе уже по изданнымъ въ печати экземплярамъ рукописей кодекса. Такъ, въ русскомъ текстѣ, изданномъ Бѣляевымъ, изъ „поправы“ Берестейской одинъ артикулъ, а именно девятый третьяго раздѣла, не былъ внесенъ въ текстъ Статута, въ то время какъ остальные ея артикулы

---

[1]) Такою рукописью Второго Литовскаго Статута въ томъ его текстѣ, который былъ принятъ на Виленскомъ сеймѣ 1566 года, повидимому, являлся и русскій оригиналъ, съ котораго былъ сдѣланъ латинскій переводъ, изданный Пѣкосинскимъ по рукописи Папроцкаго.

[2]) Въ польской рукописи Второго Статута, изданной Пѣкосинскимъ, послѣ текста двухъ первыхъ артикуловъ седьмого раздѣла имѣется подпись писаря Лаврина Войны, удостовѣряющая ихъ внесеніе въ статутовый текстъ, надо думать, въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Возможно предполагать, что эта рукопись польскаго перевода Статута была изготовлена для представленія Коронному сейму въ цѣляхъ ознакомленія поляковъ съ законами государства Литвы, которое она стремилась сохранить и послѣ Уніи съ Польшею. Въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ, Второй Литовскій Статутъ былъ дѣйствительно представленъ литовскими представителями въ значеніи свода законовъ. См. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года (С.-Петербургъ, 1869), стр. 14 и сл.

[3]) Такъ, во внесенномъ 25 апрѣля 1582 года въ Минскія гродскія книги спискѣ имущества, оставшагося послѣ „небощыка пана Мартина Вольского“ и его жены Дороты Туминской. значится и „Статутъ писаный“. А., изд, Вил. К., XXXVI, стр. 58.

были вписаны. Этого мало. Въ седьмомъ раздѣлѣ Статута Берестейскій сеймъ вмѣсто первыхъ четырехъ артикуловъ создалъ одинъ, но въ отдѣльныхъ рукописяхъ кодекса нѣкоторые изъ отмѣненныхъ артикуловъ оказались сохраненными рядомъ съ внесенными новыми. Вслѣдствіе этого, въ различныхъ рукописныхъ экземплярахъ Второго Литовскаго Статута оказалось въ седьмомъ раздѣлѣ и не одно и то же число артикуловъ. Такъ, въ рукописи, съ которой былъ сдѣланъ латинскій переводъ экземпляра Папроцкаго и представлявшей собою текстъ Статута, утвержденный въ 1566 году на Виленскомъ сеймѣ, седьмой раздѣлъ состоитъ изъ двадцати четырехъ артикуловъ; въ рукописи, съ которой сдѣланъ польскій переводъ, изданный Пѣкосинскимъ, въ седьмомъ раздѣлѣ имѣется двадцать два артикула; а въ рукописи, изданной Бѣляевымъ, — двадцать пять. Легко себѣ можно представить, какія разногласія и затрудненія получались при примѣненіи находящихся въ такомъ состояніи экземпляровъ свода законовъ, которымъ должны были руководствоваться въ своей дѣятельности суды и административные органы Великаго Княжества Литовскаго послѣ начавшейся „поправы“ Второго Статута. Возможно скорѣйшая новая кодификація законодательства была необходима. Убѣжденіе въ этомъ должно было утверждаться въ самыхъ широкихъ кругахъ народа-шляхты Литвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно было расти сознаніе необходимости и напечатанія новаго кодекса, которое, какъ мы это видѣли выше[1]), существовало уже въ годы дѣйствія еще Литовскаго Статута 1529 года.

Слѣдующій сеймъ Великаго Княжества Литовскаго былъ созванъ Сигизмундомъ Августомъ на 1 декабря 1566 года, первоначально опять въ Берестьѣ. Но затѣмъ было признано, что болѣе цѣлесообразнымъ будетъ назначить мѣстомъ собранія этого сейма другой, болѣе крупный центръ государства. Вильну на этотъ разъ избрать для сеймованья представлялось невозможнымъ „за небезпечностью поветрея“, тамъ свирѣпствовавшаго[2]). Сеймъ былъ въ виду этого собранъ въ Городнѣ. Предметомъ его занятій были военныя опасности Великаго Княже-

[1]) Стр. 3—4 и др.

[2]) Объ этомъ повѣтріи разсказываетъ въ своемъ Дневникѣ Новгородскій подсудокъ Ѳ. Евлашевскій — Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, выпускъ II (Кіевъ, 1896), стр. 7—8.

ства Литовскаго и необходимость срочныхъ рѣшеній въ веденіи войны съ Москвою[1]). Закончилъ свои занятія онъ въ началѣ января 1567 года. Всецѣло занятый выработкою постановленій, касающихся „обороны и валки потужное", Городенскій сеймъ 1566-1567 годовъ нашелъ все-таки время и для того, чтобы обратить свое вниманіе на одинъ изъ дефектовъ Второго Статута, который обнаружился сразу послѣ введенія въ жизнь организованныхъ пятымъ артикуломъ его третьяго раздѣла повѣтовыхъ сеймиковъ и связаннаго съ ними сеймованья. Были установлены штрафы за неприбытіе на повѣтовые сеймики пановъ-радъ и должностныхъ лицъ, которые должны были на нихъ собираться, постановлено объ обязательности подчиненія рѣшеніямъ сеймиковъ для не присутствовавшихъ на нихъ повѣтовыхъ обывателей и была опредѣлена продолжительность сеймикованья не болѣе трехъ дней. Городенскій сеймъ 1566-1567 годовъ установилъ также порядокъ разсылки и опубликованія сеймовыхъ листовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „листовъ военныхъ". Кромѣ того онъ назначилъ кары для пановъ-радъ и повѣтовыхъ пословъ за опаздываніе на вальные сеймы и установилъ порядокъ сеймованья — господарской „пропозыцыи", „вотованья пановъ-радъ" и „схоженья стану рыцерского до пановъ-радъ з волею" великаго князя, все это „обычаемъ або способомъ около того Коруны Полское"[2]). Но этимъ не ограничился Городенскій сеймъ въ своихъ постановленіяхъ, которыя являлись дополненіемъ Второго Литовскаго Статута. Онъ постановилъ „около зостановенья возныхъ въ домехъ подъ часомъ службы земское военное"[3]), „о отправе вины за неслуженье войны"[4]), и вынесъ рядъ другихъ постановленій[5]), которыя должны были быть приняты во вниманіе при дальнѣйшей „поправѣ" Статута 1566 года.

Война съ Москвою велась не только наемными войсками Великаго Княжества Литовскаго, но и его земскимъ войскомъ, т. е. рушеньемъ его обывателей. Вооруженный „народъ-шляхта", собиравшійся на войну вмѣстѣ съ панами-радами, а особенно если въ войскѣ находился и великій князь, могъ обсуж-

---

1) См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 320—321.
2) Р. Ист. Б., XXX, ст. 407—409.
3) Тамъ же, ст. 409.
4) Тамъ же, ст. 423.
5) Тамъ же, ст. 424 (арт. 19), 425 (арт. 21) и др.

дать и дѣла своего государства. Собраніе земскаго войска могло брать на себя функціи вальнаго сейма. Собравшійся въ военномъ „обозѣ“ весь народъ-шляхта долженъ былъ себя сознавать не менѣе компетентнымъ обсуждать государственныя дѣла, чѣмъ сеймъ вальный, на который съѣзжались къ великому князю и его радѣ лишь шляхетскіе представители. Поэтому позднею осенью и зимою 1567 года, въ Лебедевѣ, въ Радошковичахъ и въ Молодечнѣ происходили не только совѣщанія Сигизмунда Августа съ панами-радою Великаго Княжества Литовскаго, но и со шляхтою. Въ военныхъ сборахъ этого времени, надо думать, предметомъ обсужденій являлись и дефекты Второго Статута, а нѣкоторыя постановленія, на нихъ сдѣланныя, несомнѣнно подлежали вниманію и при дальнѣйшей „поправѣ“ кодекса. Такимъ, напримѣръ, нужно признать принятое Сигизмундомъ Августомъ въ Радошковичахъ съ панами-радою рѣшеніе „взяти ку руце господарской“, т. е. конфисковать, имѣнія тѣхъ, кто, будучи обязанъ военною службою, на нее не явился[1]). Такое постановленіе закрѣпляло требованіе перваго артикула второго раздѣла Статута 1566 года о наказаніи лишеніемъ имѣнія тѣхъ, кто „войны не служылъ“. Закрѣпленный спеціальнымъ постановленіемъ о приведеніи въ исполненіе артикулъ Статута, конечно, долженъ былъ быть сохраненъ непремѣнно при дальнѣйшей статутовой „поправѣ“.

Самымъ серьезнымъ образомъ занялся этою „поправою“ Городенскій сеймъ, собравшійся въ началѣ мая 1568 года. За два года дѣйствія Второго Литовскаго Статута успѣли не только обнаружиться отдѣльные дефекты и упущенія въ различныхъ его артикулахъ при спѣшномъ утвержденіи кодекса „недоправенымъ до конца“. Строго развиваемая составителями Статута юридическая мысль, какъ мы это уже отмѣтили выше[2]), не считалась достаточно съ исторически сложившимися особенностями государства и особыми правами группъ его населенія. Это вызвало соотвѣтствующія ихъ заявленія и даже протесты. Еще въ 1566 году Жомойтская земля послала своихъ представителей къ Сигизмунду Августу въ Люблинъ съ рядомъ просьбъ о сохраненіи ея старыхъ правъ и измѣненіи для нея нѣкото-

---

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, № 66.
[2]) Стр. 38—39.

рыхъ общихъ постановленій Второго Статута[1]). Признали въ этомъ кодексѣ противорѣчащими своимъ правамъ нѣкоторые артикулы и литовскіе татары, и литовскіе евреи. Права и тѣхъ, и другихъ ограничивали пятый артикулъ двѣнадцатаго раздѣла и третій девятаго. Евреямъ же былъ кромѣ того крайне непріятенъ и четвертый артикулъ двѣнадцатаго раздѣла Статута 1566 года.

Пятый артикулъ двѣнадцатаго раздѣла Второго Статута постановилъ, что „жидъ, татаринъ и кождый бесурмянинъ на достоенство ани на который врядъ" назначенъ быть не можетъ. Кромѣ того они не могутъ имѣть „хрестіянъ въ неволи", и существенно ограничивается ихъ право „закупать", т. е. пріобрѣтать изъ христіанъ невольныхъ слугъ за деньги въ закупы. Закупныхъ своихъ христіанъ они не должны обращать въ свою вѣру подъ страхомъ смертной казни сожженіемъ. Не имѣютъ права „бесурмяне" брать „мамками" къ своимъ дѣтямъ христіанокъ. Если „татарину, або жиду, або которому бесурмянину" жалуется великимъ княземъ имѣніе, они не должны приневоливать живущихъ на пожалованной имъ землѣ людей-христіанъ къ новымъ службамъ и платамъ, а если эти люди уйдутъ съ земли, то возвращать ихъ обратно они не могутъ. Къ этимъ ограниченіямъ правъ татаръ и евреевъ третій артикулъ девятаго раздѣла Статута прибавлялъ, что „жыдове ани татарове" не могутъ быть свидѣтелями на судѣ.

Литовскіе татары, служившіе со своихъ имѣній военную службу, пользовались раньше такими же правами, какъ и бояре-шляхта. Поэтому совершенно естественно, что они признали эти артикулы Статута 1566 года для себя „доткливыми", „учтивости" ихъ „ущипливыми". Военно-служилые татары изъ поколѣнія въ поколѣніе вѣрно и храбро исполняли свои обязанности по отношенію къ Великому Княжеству Литовскому. Они отличались своею ему преданностью. Ихъ военная служба была особенно нужна государству въ трудные годы войны съ Москвою. Совершенно понятно поэтому, что, когда они на Городенскомъ сеймѣ 1568 года обратились къ Сигизмунду Августу съ просьбою возстановить ихъ права и отмѣнить несовмѣстимые съ ними артикулы новаго Статута, великій князь

---

[1]) Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи, т. I, стр. 200—202.

не могъ оставить эту просьбу безъ вниманія. Онъ отвѣтилъ татарамъ такъ: „вжо вамъ водле прозбы вашое привилей его кр[олевское] милости на то тутъ въ Городне на семъ сойме данъ естъ, водле которого заховати его кр[олевская] милость васъ хочеть; а тые артыкулы статутовые, которые вы собе мените быти противные, при поправованью Статуту поправены будуть, привилья тежъ ваши, по направе въ Статуту, по иншихъ привильяхъ правъ и вольностей земъскихъ въ Статутъ вложоны и вписаны будуть"[1]).

Въ рецессѣ Городенскаго сейма 1568 года стоитъ, что Сигизмунда Августа станы просили, „абы татарове хрестіянъ въ неволи не мели, але жебы ся выслуговали имъ водле Статуту; мамъки такожъ хрестіянки абы не были, а детей челеди своее закупное хрестіянского народу абы на бесурманскую веру не обрезали, полоняность тежъ въ себе въ неволи абы не ховали, але хрестіяномъ продавали, а то для того, жебы хрестіянокъ за жоны собе не брали, а потомъства ихъ не обрезывали"[2]). Такая просьба, принесенная на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, повторяетъ то, что уже было постановлено пятымъ артикуломъ двѣнадцатаго раздѣла Второго Статута. Отсюда приходится заключать, что, несмотря на состоявшееся уже два года тому назадъ утвержденіе кодекса, не всѣ его законы вошли въ жизнь и сила нѣкоторыхъ изъ нихъ оспаривалась. Еслибы это было не такъ, то данная просьба сейма къ великому князю представляется совершенно излишнею, и ея происхожденіе необъяснимо. Надо думать, что господарскіе татары отказывались подчиняться требованіямъ тѣхъ артикуловъ Статута 1566 года, которые считали для себя непріемлемыми. Это и вызвало сеймовую просьбу, повторяющую содержаніе одного изъ нихъ. Въ отвѣтѣ на эту просьбу Сигизмундомъ Августомъ было признано „пристойнымъ", чтобы татары не держали у себя невольной челяди и мамокъ изъ христіанъ, послѣднихъ бы „не поймовали и до обрезанья никого хрестіянъ не примушали, и детей малыхъ не обрезали". Но великій князь самымъ категорическимъ образомъ предписалъ, чтобы „татарове во всемъ были захованы при правахъ и привильяхъ своихъ", данныхъ имъ великими князьями Литовскими, и въ ихъ числѣ са-

---

1) Р. Ист. Б., XXX, ст. 513—514.

2) Тамъ же, ст. 479—480 (арт. 56).

мимъ Сигизмундомъ Августомъ. Самые эти привилеи при предстоящемъ печатанiи Литовскаго Статута должны быть „подъ привильями а вольностями земъскими въ Статутъ вложоны“, потому что татары господарю „и речи посполитой добре и пилне, не литуючи горълъ и кровопролитья своего, заслугують“. Татарамъ Сигизмундъ Августъ выдалъ 20 iюня 1568 года привилей, подтверждающiй ихъ старыя права и вольности[1]).

Что касается евреевъ, то Статутъ 1566 года, кромѣ общихъ съ татарами ограниченiй ихъ правъ, въ особомъ артикулѣ „О ношенью жидовскомъ“[2]) предписалъ евреямъ носить отличные отъ христiанъ одежду и головные уборы, а также запретилъ имъ имѣть на себѣ золото и серебро. Второй Литовскiй Статутъ предписывалъ: „жидове въ коштовныхъ шатахъ зъ ланцуги золотыми сами и жоны ихъ въ золотѣ и въ серебрѣ, такъ тежъ и сребра на пасахъ и на кордахъ носити не мають; але уберъ ихъ маеть быти значный: шапки або биретъ жолтый, такъ тежъ и завиванья бѣлыхъ головъ полотно жолтое, або тому подобное, — ижъ бы знакъ и певное розознанье было христiянина отъ жида“. Городенскiй сеймъ 1568 года просилъ Сигизмунда Августа, чтобы по отношенiю къ евреямъ исполнялись артикулы Статута 1566 года, какъ ограничивающiе ихъ и татаръ права, такъ и артикулъ „О ношенью жидовскомъ“[3]). Великiй князь отвѣтилъ, что статутовыя постановленiя объ одеждѣ евреевъ онъ не считаетъ нужными — „што ся дотычеть шапокъ и наметокъ жолътыхъ, того не видимъ быти потребы на сесь часъ, ани ку жадному пожитъку“. Постанов-

---

[1]) Въ записи въ книгу Литовской Метрики этотъ привилей озаглавленъ такъ: „Утверженье татаромъ на права и вольности ихъ, отъ продковъ его к[о]р[олевское] милости наданые, такъ ижъ и артыкулы некоторые, въ Статуте нововыданомъ описаные, вольностямъ и свободамъ ихъ шкодити не мають“. Записей Литовскихъ книга 48, л.л. 191—192. Подтвержденiе этого привилея Сигизмундомъ III — А., изд. Вил. К., I, стр. 177-179. Послѣдующiе монархи соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой привилей татарамъ также подтверждали. Подтвержденiе Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ отъ 21 августа 1766 года — Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopismów i dzieł najrzadszych zebrał i wydał K a z. Wł. W o j c i c k i (Warszawa, 1856), str. 45—47. О правовомъ положенiи литовскихъ татаръ см. И. И. Л а п п о, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 461—471 и е г о ж е Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 261—277.

[2]) II Ст., XII, 4.

[3]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 480 (арт. 57).

ленія же Статута о запрещеніи евреямъ имѣть у себя слугами „людей“ изъ христіанъ подтвердилъ, но внесъ своимъ толкованіемъ нѣкоторое расширеніе права евреевъ на пользованіе услугами христіанъ. Отвѣтъ Сигизмунда Августа объ этомъ гласилъ такъ: „а въ тыхъ другихъ потребахъ около хрестіянъ и хрестіянокъ зоставуемъ тымъ способомъ, ижъ жидове яко мамокъ детемъ своимъ, такъ и слугъ въ домехъ своихъ, людей народу хрестіянского, ховати не маюць, толко въ дорозе ѳурманы и слуги для потребъ и послугъ своихъ могуть мети и хрестіянского народу людей, такъ же и детей хрестіянскихъ и никого з народу хрестіянского обрезовати не маютъ; а того догледати и постерегати и не допущати, а за то съ права карати маютъ врады наши кгродскіе, где въ которыхъ местехъ жидова естъ“. Такимъ образомъ, Сигизмундъ Августъ, оставивъ въ силѣ статутовое запрещеніе евреямъ имѣть вообще слугъ-христіанъ, сдѣлалъ изъ него исключеніе для пользованія евреями услугами христіанъ въ качествѣ извощиковъ и слугъ во время путешествій.

Конечно, литовскіе евреи жаловались и панамъ-радѣ, и Сигизмунду Августу на непріятныя имъ постановленія Второго Статута. Во время своихъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ имъ крайне трудно было обходиться безъ услугъ христіанъ и при переѣздахъ, и при остановкахъ на пути, и при веденіи своихъ дѣлъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Что же касается артикула „О ношенью жидовскомъ“, то онъ не только былъ для нихъ обиденъ, но представлялъ и значительныя опасности. То, что въ широкихъ кругахъ шляхты, да и остального населенія, отношеніе къ евреямъ не было въ серединѣ XVI столѣтія особенно сочувственнымъ, ярко рисуетъ Михалонъ Литвинъ въ сохранившихся отрывкахъ его сочиненія De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum[1]). Это отношеніе вызывало возможность оскорбленій евреевъ. Но хуже всего было для евреевъ то, что надъ ними тяготѣло обвиненіе въ убійствахъ христіан-

---

[1]) „Въ эту страну собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — Іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы; самое дурное поколѣніе племени Халдейскаго, какъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе, поколѣніе развратное

скихъ дѣтей и въ оскверненіяхъ причастія. Какъ разъ въ 1566 году, уже послѣ утвержденія Второго Литовскаго Статута, Сигизмундъ Августъ разбиралъ дѣло по обвиненію Берестейскихъ евреевъ Давида Шмерлевича и Исаака Бродавки въ томъ, что они зарѣзали „детя хрестіянское“. Въ своемъ разбирательствѣ великій князь установилъ „зъ доводовъ Светого Письма, же крови хрестіянское жидове николи не потребують, але причины звазненые на нихъ покладаны зъ стороны нѣкоторыхъ подданыхъ нашихъ, абы могли жидовъ зъ мѣстъ нашихъ выкоренити“. Сигизмундъ Августъ тогда, „убезпечаючы ихъ, абы черезъ то неслушными помовами о рѣзаньѣ дѣтей и о сакраментъ не были принагабаны“, выдалъ литовскимъ евреямъ, уже надѣленнымъ привилеями предшествующихъ великихъ князей, новый свой привилей „господарскій, вызволяючы въ таковой речы о рѣзанье дѣтей и о сакраментъ“. Привилей этотъ отъ имени Сигизмунда Августа говорилъ: „если бы гдѣ въ панствахъ нашихъ мѣла такая помовка объявитися на нихъ, отъ всякого кгвалту, насилства и моцы судовое, отъ всихъ воеводъ, старостъ и державецъ нашихъ беручы[1]) то на властный судъ нашъ господарскій, на которомъ привильи нашомъ якій доводъ на жиды въ таковомъ обвиненьи маеть быти чиненъ,...“[2]). Обвиненія въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей и въ надругательствахъ надъ причастіемъ, вспыхивая временами, грозили еврейскому населенію городовъ и мѣстечекъ не только насиліями, но и смертью во время подъемовъ вражды къ нему въ той или другой мѣстности. Укрываться отъ такихъ опасностей при обязательномъ ношеніи платья, выдѣляющаго евреевъ изъ остального населенія, было, конечно, затруднительно. Поэтому надобно думать, что Сигизмундъ Августъ, отмѣняя на Городенскомъ соймѣ 1568 года артикулъ Второго Статута „О ношенью жидовскомъ“, не только шелъ на встрѣчу желанію болѣе богатыхъ

грѣховное, вѣроломное, негодное“. Цитируемъ русскій переводъ Отрывковъ Михалона по изданію въ Архивѣ Калачова — Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ, книги второй половина вторая (Москва, 1854), стр. 46—47. Ср. также М. К. Любавскій, Очеркъ исторіи Л.-Р. государства (изд. 2-ое), стр. 119.

[1]) Въ изданіи: а беручы.

[2]) С. А. Бершадскій, Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. II (С.-Петербургъ, 1882), стр. 178—179.

евреевъ носить драгоцѣнныя украшенія и дорогую одежду, но и стремился оградить литовское еврейство отъ опасностей, которыя для него могли получиться благодаря выдѣленію его по одеждѣ изъ остального населенія Великаго Княжества Литовскаго.

Въ латинскомъ текстѣ „поправъ“ Городенскаго сейма 1568 года, изданномъ Пѣкосинскимъ, имѣется исправленіе пятаго артикула двѣнадцатаго раздѣла Второго Статута[1]). Оно представляетъ собою сокращенный переводъ только что приведенныхъ нами артикуловъ рецесса того же сейма. Въ рукописи Папроцкаго, напечатанной Пѣкосинскимъ, приведены и другія исправленія Второго Статута, произведенныя на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, а именно „поправы“ двадцатаго и шестьдесятъ девятаго артикуловъ четвертаго раздѣла[2]). Но надо думать, что не только эти артикулы, но и рядъ другихъ оказался дополненнымъ, разъясненнымъ и исправленнымъ рецессомъ Городенскаго сейма или „отказами“ великаго князя на „прозбы“, представленныя ему на этомъ сеймѣ. Имѣющими такое значеніе для Второго Статута нужно признать, напримѣръ, сорокъ седьмой артикулъ рецесса[3]), или седьмой артикулъ просьбъ Кіевскаго православнаго митрополита[4]). Нѣкоторые артикулы рецесса или просьбъ и „отказовъ“ Городенскаго сейма 1568 года даже въ оффиціальныхъ актахъ послѣдующаго времени именовались „поправой“ Статута. Такъ, въ одной выписи 1580 года изъ Мстиславскихъ гродскихъ книгъ читается: „а ижъ въ поправе статутовой сейму валного Городенского такъ описано, ижъ, еслибы кому дано якое местце духовъное, то естъ епископство, игуменство и поповъство, а до чверти лета въ попы не пошолъ, тотъ право свое и данину

---

1) Collectanea, t. VII, p.p. 256—257.

2) Ibidem, p.p. 253—255. Заголовки этихъ артикуловъ въ русскомъ текстѣ Второго Статута: 20-го — „Што маютъ судити воеводове, старостове, державцы и о ихъ позвехъ“, 69-го — „О квалтовное выбитье съ покойного держанья“. Объ исправленіи послѣдняго изъ этихъ артикуловъ см. И. И. Лаппо (младшій), Рекуператорный владѣльческій искъ въ литовскомъ правѣ конца XVI столѣтія (Прага, 1933), стр. 95—96.

3) „Варунокъ на неперенесенье зъ кгроду до земства записовъ вечныхъ“. Р. Ист. Б., XXX, ст. 475—476.

4) Тамъ же, ст. 493—494. Рѣчь въ этомъ артикулѣ идетъ о томъ, чтобы православнаго духовенства „з ыменей церковныхъ до вряду замъкового и земъского не позывано“.

самъ ламаеть"[1]). Дѣйствительно такое постановленіе было сдѣлано на Городенскомъ соймѣ 1568 года въ „отказахъ" Сигизмунда Августа на просьбы митрополита[2]).

Сеймовая „поправа" Второго Литовскаго Статута, предвидѣнная при самомъ его утвержденіи развивалась все болѣе и болѣе. Но она была лишена системы. Исправлялись, дополнялись и получали толкованіе лишь отдѣльные статутовые артикулы. Это дѣлалось сплошь и рядомъ безъ согласованія ихъ съ другими, оставшимися въ ихъ прежнемъ видѣ, и ихъ содержаніе оказывалось въ противорѣчіи съ тѣмъ, что устанавливалось „поправою". Все сильнѣе осложнялось и затруднялось примѣненіе Статута судами и урядами. Все большее разнорѣчіе получалось въ рукописныхъ экземплярахъ кодекса. Необходимость внесенія въ дѣло исправленія Статута 1566 года опредѣленной системы должна была сознаваться все отчетливѣе и отчетливѣе. Внести самъ эту систему въ дѣло „статутовой поправы" сеймъ не могъ. Составъ его участниковъ для систематической работы надъ кодексомъ былъ слишкомъ многолюденъ. Да кромѣ того, вальные сеймы шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка были слишкомъ заняты двумя вопросами крупнѣйшаго значенія для Великаго Княжества Литовскаго той эпохи его исторіи. Война съ Москвою и переговоры съ Польшею объ Уніи должны были привлекать къ себѣ почти все вниманіе вальныхъ сеймовъ Литвы и требовали именно себѣ львиную часть времени сеймовыхъ занятій. Созданіе спеціальной Статутовой Коммиссіи становилось необходимымъ. Составленіе проекта Второго Литовскаго Статута спеціальной коммиссіей было на памяти становъ Великаго Княжества Литовскаго. Когда ис-

---

[1]) Историко-Юрид. Матеріалы, извл. изъ др. акт. книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ въ Витебскѣ XXIV, стр. 412—413.

[2]) „Артыкулъ 1. Што просишъ господара его милости, абы въ панстве его милости господарскомъ, такъ въ Князъстве Великомъ Литовскомъ яко и въ тыхъ князьствахъ Рускихъ, которіе ку Короне належать, достоенства духовные людемъ светскимъ не были даваны; а кому бы светскому врадъ духовный дано, а онъ надалей въ трехъ месецахъ стану и вряду духовного на себе брати не хотелъ, съ таковыхъ абы епишкопы въ своихъ епишкопъяхъ и архіепископъ въ своей архіепископъи оные достоенства и хлебы духовные отбирали и людемъ духовнымъ подавали". Великій князь призналъ эту просьбу „слушною" и сдѣлалъ согласно ей соотвѣтствующее постановленіе.

правленіе кодекса стало принимать слишкомъ широкіе размѣры и, лишенное системы, грозило затянуться на многіе годы, нужно было принять мѣры и къ упорядоченію, и къ ускоренію „статутовой поправы“. Ускореніе ея было тѣмъ необходимѣе, что на Городенскомъ сеймѣ 1568 года уже окончательно былъ рѣшенъ съѣздъ Литовскаго сейма съ Польскимъ для заключенія Уніи между Литвою и Польшею. Въ эту Унію Великое Княжество Литовское должно вступить какъ совершенно организованное государство, съ приведенными въ полный порядокъ своими законами. „Поправа“ Статута должна быть проведена съ наибольшею быстротою.

На Городенскомъ сеймѣ 1568 года „донесены“ къ Сигизмунду Августу „были прозбы спольне отъ всихъ становъ“ о томъ, чтобы немедленно „на поправенье Статуту высажоны были“ изъ пановъ-рады и изъ „ыншихъ становъ рыцерскихъ“, съ согласія сейма, „певные особы“ [1]). Иными словами, Городенскій сеймъ 1568 года просилъ великаго князя объ образованіи коммиссіи для исправленія Второго Литовскаго Статута. При этомъ станы сейма надѣялись на очень большую скорость работы этой коммиссіи. Они просили объ ея учрежденіи, „ижъ бы ся на семъ сойме Статутъ могъ поправити“. Сигизмундъ Августъ, „водле привилья Белского“ и „намовивши ся“ съ панами-радами, назначилъ въ новую Статутовую Коммиссію четырехъ радныхъ пановъ, а именно Виленскаго бискупа Валеріяна, Берестейскаго воеводу Юрія Васильевича Тишковича, Жомойтскаго каштеляна Мальхера Шемета и Берестейскаго каштеляна Яна Миколаевича Гайка. Къ этимъ четыремъ панамъ-радѣ были присоединены представители шляхты — „а съ кола або зъ становъ шляхетскихъ и поселскихъ тежъ обрали на то певныхъ особъ“. Статутовая Коммиссія, учрежденная „моцъю“ Городенскаго сейма, будетъ засѣдать въ Вильнѣ и должна „того дозрети и поправити, што бы шкодливого въ артыкулехъ статутовыхъ было“. Если шляхта имѣетъ „якіе готовые артыкулы статутовые водле уѳалъ першихъ соймовыхъ“, она можетъ ихъ представлять въ Статутовую Коммиссію. Начать свои занятія Коммиссія должна черезъ четыре недѣли послѣ „вываланья“, т. е. окончанія, настоящаго сейма. Исправленные Ком-

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 466—468 (арт. 27).

миссіею артикулы Второго Литовскаго Статута она должна будетъ внести на тотъ съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго, который состоится на границѣ, передъ общимъ съ поляками сеймомъ для рѣшенія дѣла Уніи. На этомъ съѣздѣ изготовленная Коммиссіею „поправа" Статута будетъ утверждена великимъ княземъ „моцъю сего жъ сойму Городенского и такъ, яко бы то тутъ теперъ на немъ вчинено быти мело". Послѣ принятія ея „зо всими станы", исправленные артикулы будутъ вписаны въ Статутъ и утверждены „по звыклому обычаю". Надо еще отмѣтить, что станы на Городенскомъ сеймѣ 1568 года просили не только объ исправленіи Статута, но и о томъ, чтобы „направены" были „права и вольности и свободы ихъ, въ чомъ ся нарушили"[1]).

Рецессъ Городенскаго сейма 1568 года называетъ только радныхъ пановъ, вошедшихъ въ составъ созданной имъ Статутовой Коммиссіи и не даетъ ни одного имени членовъ ея отъ шляхты. Но еще И. Н. Даниловичъ призналъ возможнымъ утверждать, что Люблинскій сеймъ въ 1569 году утвердилъ именно тотъ составъ Коммиссіи для исправленія Второго Литовскаго Статута, который былъ избранъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года[2]). Даниловичъ не представилъ никакихъ доказательствъ для этого своего утвержденія. Но достаточной вѣроятности его не признать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, создавать новую коммиссію для исправленія Литовскаго Статута Люблинскому сейму было и некогда, и затруднительно. Устраненіе Статутовой Коммиссіи, избранной Городенскимъ сеймомъ, внесло бы много раздраженія среди сеймовыхъ представителей Литвы. То же, что въ составъ этой Коммиссіи Люблинскимъ сеймомъ не было введено ни одного поляка и мѣстомъ ея занятій была оставлена Вильна, открываетъ возможность и нѣкотораго обоснованія утвержденія Даниловича. Но, если это утвержденіе принять, то необходимо признать, что составъ Коммиссіи для исправленія Литовскаго Статута долженъ былъ стать нѣсколько меньше, ибо число воеводствъ и повѣтовъ Великаго

---

[1]) Тамъ же, ст. 449.

[2]) Цитируемъ по польскому тексту статьи Даниловича: „uczeni, co r. 1568 wezwani byli do ułożenia praw litewskich, a r. 1569 od sejmu do tego zatwierdzeni zostali". Wizerunki i roztrząsania naukowe, poczet nowy, tomik trzynasty, str. 120.

Княжества Литовскаго послѣ Люблинскаго сейма уменьшилось, благодаря присоединенію къ Польшѣ Подляшья, Волыни, Подолья и Кіевщины. Представители шляхты вошли въ составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной Люблинскимъ сеймомъ, какъ представители воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго. Естественно думать, что тотъ же принципъ шляхетскаго представительства имѣлъ мѣсто и при созданіи Коммиссіи Городенскимъ сеймомъ. Кромѣ того на Люблинскомъ сеймѣ въ составѣ ея были утверждены только два радныхъ пана, а именно бискупъ Виленскій Валеріянъ и Жомойтскій каштелянъ Мальхеръ Шеметъ. Юрій Тишковичъ и Янъ Гайко оказались внѣ состава Статутовой Коммиссіи. Надобно думать, что уменьшеніе территоріи Великаго Княжества Литовскаго, совершившееся на Люблинскомъ сеймѣ, было причиною и уменьшенія числа его радныхъ пановъ для пропорціональности его съ числомъ членовъ Коммиссіи отъ шляхты. Но списокъ членовъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной Люблинскимъ сеймомъ, имѣетъ еще имя Виленскаго войта Августина Ротундуса. Естественно думать, что онъ былъ назначенъ въ Коммиссію и Городенскимъ сеймомъ, но не обозначенъ въ рецессѣ этого сейма, ибо этотъ рецессъ называетъ только пановъ-раду въ ея составѣ, а Ротундусъ раднымъ паномъ не былъ.

Работала надъ исправленіемъ Второго Литовскаго Статута въ дѣйствительности Коммиссія въ томъ составѣ, который она получила послѣ Люблинскаго сейма, ибо за время между Городенскимъ и Люблинскимъ сеймами она едва ли могла сколько-нибудь основательно войти въ свои занятія. Поэтому мы и постараемся присмотрѣться поближе къ личному составу ея именно по списку 1569 года. Отмѣтимъ при этомъ очень большую вѣроятность того, что по крайней мѣрѣ часть членовъ ея была членами и Статутовой Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Литовскаго Статута 1566 года. Мы не имѣли возможности возстановить составъ послѣдней вполнѣ. Именъ ея членовъ „закону Греческого“ мы не встрѣтили въ доступныхъ намъ въ настоящее время источникахъ. Изучая составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной Люблинскимъ сеймомъ, мы можемъ съ очень большою степенью вѣроятности считать часть ея членовъ составителями и Второго Литовскаго Статута.

Составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, былъ слѣдующій: изъ пановъ-рады

— Виленскій епископъ Валеріянъ и Жомойтскій каштелянъ Мальхеръ Станиславовичъ Шеметъ; изъ шляхетскаго стана — представители воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго, а именно: отъ Виленскаго и Троцкаго — Литовскій стольникъ, державца Велонскій Миколай Дорогостайскій и господарскій маршалокъ, князь Лукашъ Свирскій, отъ земли Жомойтской — Янъ Стецковичъ, отъ воеводства Новгородскаго — господарскій маршалокъ Бенедиктъ Юрага, отъ Полоцкаго — Витебскій подкоморій, князь Павелъ Соколинскій, отъ Витебскаго — Янъ Сколка, отъ Берестейскаго — Берестейскій судья Кирдей Кричевскій, отъ Мстиславскаго — Селицкій, отъ Минскаго — Мартинъ Володковичъ. Кромѣ того при панахъ-радѣ былъ назначенъ господарскій секретарь, Виленскій войтъ Августинъ Ротундусъ. „Для писанія“ же, по выраженію сеймовой конституціи 1569 года, т. е. для исполненія секретарскихъ обязанностей, какъ выразились бы въ наше время, при Статутовой Коммиссіи должны были состоять два земскихъ писаря, а именно, Виленскій — Андрей Мацковичъ и Ошмянскій — Петръ Станиславовичъ[1]).

Виленскій епископъ Валеріянъ Протасовичъ Сушковскій, болѣе извѣстный съ полонизированной фамиліей Протасевичъ, происходилъ изъ боярскаго рода Великаго Княжества Литовскаго[2]). Біографія Валеріяна Протасовича достаточно извѣст-

---

[1]) Vol. Leg. II (Petersburg, 1859), p. 100—101, f. 793—794. Имена личныя и географическія въ этомъ спискѣ въ текстѣ Voluminum Legum даны весьма искаженно. Мы исправляемъ его описки и опечатки по соотвѣтствующему актовому матеріалу, использованному нами въ нашихъ предшествующихъ работахъ или изданному въ XXX-мъ томѣ Русской Исторической Библіотеки. Кояловичъ даетъ этотъ списокъ неполно, хотя и болѣе исправно въ передачѣ именъ: „Lecti sunt ad id negotium, ex comitiorum sententia, Valerianus Pontifex Vilnensis, Melchior Szemet Castellanus Samogitiae, Nicolaus Dorohostaiski Supremus Lituaniae Dapifer, Lucas Swirski Mareschalcus Samogitiae, Benedictus Iuraha Mareschalcus regius, Paulus Sokolinski, Succamerarius Vitebscensis, Kierdeius Kryczewski Iudex Brestianensis, Andreas Maszkowicz Notarius Terrae Vilnensis, et Augustinus Rotundus Praetor Vrbis Vilnae, vir iuris diuini humanique consultissimus“. Historiae Litvanae a coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Vnionem eorum Dominiorum Libri octo avctore Alberto Wiivk Koialowicz Societatis Jesv S. Theologiae Doctore (Antverpiae, anno MDCLXIX), p. 490.

[2]) Ks. Win. Przyałgowski (Żywoty biskupów Wileńskich. Tom I. Petersburg, 1860. Str. 160) писалъ, что en. Валеріянъ былъ, сколько извѣстно („ile wiemy“), родомъ изъ „gubernii mińskiéj“. Въ то время, когда онъ пи-

на[1]). Его духовная карьера можетъ быть признана блестящею. Уже въ 1554 году онъ вступилъ на Луцкую епископскую каѳедру, а черезъ два года былъ сдѣланъ епископомъ Виленскимъ. На Виленской епископской каѳедрѣ Валеріянъ Протасовичъ оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1580 году. Какъ Виленскій епископъ, Валеріянъ долженъ былъ оказаться въ трудномъ положеніи церковнаго католическаго дѣятеля весьма высокаго іерархическаго значенія въ то сложное время, какимъ была середина XVI столѣтія, съ широкимъ разливомъ по Великому Княжеству Литовскому „разновѣрія“ эпохи реформаціи. Призывомъ въ Вильну въ 1569 году іезуитовъ онъ открылъ двери Литвы самымъ энергичнымъ борцамъ за католическія вѣру и церковь. Но надо отмѣтить, что сдѣлалъ это Протасовичъ не по своей собственной иниціативѣ, а подъ настойчивымъ вліяніемъ кардинала Станислава Гозія и Августина Ротундуса. Епископъ Валеріянъ кромѣ церковно-административнаго опыта имѣлъ и опытъ въ дѣлахъ государства. Въ значеніи Виленскаго епископа онъ занималъ первое мѣсто въ радѣ Великаго Княжества Литовскаго уже въ теченіе двѣнадцати лѣтъ передъ своимъ вступленіемъ въ составъ Статутовой Коммиссіи[2]), а въ болѣе молодые годы былъ Литовскимъ писаремъ и канцлеромъ королевы Боны[3]). Въ канунъ заключенія Уніи между Литвою и Польшею Валеріянъ Протасовичъ принималъ активное участіе въ переговорахъ о ней, защищая права и значеніе государства Великаго Княжества Литовскаго, которое стремилась уничтожить Польша. Вмѣстѣ съ Николаемъ Чернымъ Радивиломъ онъ стоялъ во главѣ делегаціи Литвы на Варшавскій сеймъ 1563-1564 годовъ[4]). Рѣшительно от-

---

салъ свою книгу Пинскъ былъ уѣзднымъ городомъ Минской губерніи Россійской Имперіи. Adam Boniecki (Poczet rodów w Wielkiém Księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. Str. 263) знаетъ Протасовичей—бояръ Пинскихъ. Протасовичи извѣстны и въ другихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго въ XVI столѣтіи — напримѣръ, въ Новгородскомъ повѣтѣ „Матѳей Ивановичъ Протасовича“ (Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 836), или „Михайло Никиѳоровичъ Протасовича“ (тамъ же, ст. 411).

1) См. Ks. Win. Przyałgowski, op. cit., t. I, str. 160—200 и Ks. Jan Kurczewski, Biskupstwo Wileńskie (Wilno, 1912), str. 36—38.

2) О значеніи въ Литвѣ Виленскаго епископа см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т I, стр. 565 - 575.

3) J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit., str. 267.

4) Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 658.

ставивалъ онъ Литовскій взглядъ на Унію, какъ на федеративное соединеніе двухъ равноправныхъ государствъ, и въ послѣдующіе годы[1]). Его государственный опытъ и преданность государству Литвы, а не только его высокое значеніе ея перваго пана-рады, давали ему безспорное право на первое мѣсто въ Статутовой Коммиссіи, созданной Городенскимъ сеймомъ 1568 года.

Вторымъ раднымъ паномъ, вошедшимъ въ Статутовую Коммиссію былъ Жомойтскій каштелянъ, панъ Мальхеръ Станиславовичъ Шеметъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVI столѣтія онъ былъ извѣстенъ какъ выдающійся ротмистръ[2]). Съ 1548 года Мальхеръ Шеметъ былъ тивуномъ Ретовскимъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ тивунство Берженское[3]). Отъ собраннаго въ 1562 году земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго онъ, вмѣстѣ съ паномъ Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ, былъ посланъ къ Сигизмунду Августу съ просьбою о роспускѣ этого войска[4]). Въ 1563 году Мальхеръ Шеметъ былъ избранъ Виленскимъ сеймомъ въ составъ Литовской делегаціи на Варшавскій сеймъ 1563-1564 годовъ для переговоровъ объ Уніи[5]). Съ учрежденіемъ на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ новыхъ воеводскихъ и каштелянскихъ урядовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, Мальхеръ Шеметъ получилъ назначеніе 11 марта 1566 года на одну изъ новоучрежденныхъ должностей, а именно на должность Жомойтскаго каштеляна, и такимъ образомъ вошелъ въ составъ Литовской рады[6]). По своему браку съ дочерью Виленскаго воеводы и Литовскаго канцлера Яна Юрьевича Глѣбовича Мальхеръ Шеметъ породнился съ нѣсколькими крупными панскими родами Великаго Княжества Литовскаго[7]). Возможно думать, что

---

1) Ср. Oskar Halecki, Dzieje Unii Jagiellońskiej, t. II (Kraków, 1920), str. 213.

2) Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 611.

3) A. Boniecki, Poczet rodów..., Spis dygnitarzy i urzędników, str. VII i VI.

4) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 635 и Приложенія, стр. 118.

5) Р. Ист. Б., XXX, ст. 745. Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 659.

6) J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit., str. 143.

7) A. Boniecki, op. cit., str. 73. Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S. J. powiększony dodatkami z poźniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza, tom VIII (w Lipsku, 1841), str. 618.

въ составъ Статутовой Коммиссіи Шеметъ былъ введенъ безъ расчета на его особенно активное участіе въ ея работахъ. Его предшествующая дѣятельность мало къ ней подготовляла. Лишь участіе въ сеймовыхъ „порадахъ“ Литвы и въ переговорахъ объ Уніи подъ руководствомъ такого выдающагося дѣятеля, какимъ былъ Николай Черный Радивилъ, могло служить подготовкою его къ статутовымъ работамъ. Вѣроятно, онъ былъ введенъ въ Статутовую Коммиссію какъ болѣе свободный отъ другихъ обязанностей радный панъ Великаго Княжества Литовскаго, рядомъ съ Виленскимъ епископомъ Валеріяномъ. Конечно, основною силою этой Коммиссіи, какъ и той, которая вырабатывала Литовскій Статутъ 1566 года, являлся состоявшій при этихъ двухъ радныхъ панахъ уже извѣстный намъ Августинъ Ротундусъ.

Въ спискѣ состава Статутовой Коммиссіи, утвержденномъ въ 1569 году, первое мѣсто въ рядахъ членовъ ея изъ шляхты, какъ это и должно было быть, занимаютъ представители воеводствъ Виленскаго и Троцкаго, Миколай Дорогостайскій и князь Лукашъ Свирскій. Миколай Миколаевичъ Монвидъ Олехновичъ Дорогостайскій, какъ говоритъ выданный ему 28 марта 1574 года королемъ и великимъ княземъ Генрихомъ привилей на Шерешовскую державу, „з молодости летъ своихъ, яко на дворе кор[олл]я его милости, предка нашого, отъ немалого часу будучи, та[къ] и въ потребахъ речи посполитое до войскъ роты и не мал[ые] почъты людей водячи и на соймехъ бываючы, з немалыми у[т]ратами маетности своее годне, пильне а въставичъне въ служъбахъ короля его милости и въ потребахъ речи посполитое оказывалъ“ [1]). Такимъ образомъ, служба Миколая Дорогостайскаго началась въ рядахъ господарскихъ дворянъ и въ положеніи ротмистра. Его опытъ въ дѣлахъ государства развивался благодаря его участію въ работахъ сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго. Родъ, къ которому принадлежалъ Миколай Дорогостайскій, былъ старымъ Литовскимъ родомъ. Дѣдъ Миколая, Петръ Олехновичъ, въ 1494 году получилъ должность кухмистра отъ великаго князя Александра [2]), и по этой его должности стали называться Кухмистровичами и его сынъ Миколай, и сынъ послѣдняго Миколай. Такимъ образомъ, обыч-

---

[1]) Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 57, л. 5.

[2]) J. W o l f f, op. cit., str. 231.

ное именованіе сыновей по должности отца (воеводичъ, старостичъ и т. п.) обратилось въ ихъ фамилію, и они назывались Олехновичи-Петровичи-Кухмистровичи[1]). Сынъ Петра Олехновича, Миколай Петровичъ Олехновичъ-Кухмистровичъ, съ разрѣшенія Сигизмунда Августа устроилъ въ своемъ имѣніи мѣстечко Дорогостаи[2]). Отъ этого имѣнія и мѣстечка и получилась фамилія Дорогостайскій, которую уже носилъ его сынъ Миколай Миколаевичъ, хотя и прибавляя къ ней, особенно въ болѣе молодые свои годы, и старую фамилію Олехновичъ-Кухмистровичъ. Фамилія Кухмистровича иногда все еще для него замѣняла, однако, новую фамилію Дорогостайскаго[3]). Миколай Миколаевичъ Дорогостайскій былъ уже державцею Велонскимъ, когда въ 1566 году былъ назначенъ стольникомъ Литовскимъ[4]). Въ 1576 году онъ получилъ отъ Стефана Баторія назначеніе Полоцкимъ воеводою, а къ тому времени имѣлъ уже не только державы Велонскую и Шерешовскую и тивунство Годинское и Бойшагольское, но и староство Волковыйское[5]). Умеръ онъ въ 1597 году[6]), „ясневелможнымъ паномъ, паномъ Миколаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, воеводою Полоцкимъ“[7]). Передъ нами, такимъ образомъ, въ лицѣ Миколая Миколаевича Монвида Дорогостайскаго представитель некрупнаго панскаго рода Литвы[8]), начавшій свою карьеру со службы во дворѣ великаго князя и командованія ротою наемныхъ „людей служебныхъ“ и окончившій ее на посту Полоцкаго воеводы. Въ годъ своего избранія въ составъ Статутовой Коммиссіи Дорогостайскій находился въ серединѣ своей служебной карьеры. По своимъ религіознымъ вѣрованіямъ онъ былъ кальвинистомъ[9]). Въ на-

---

1) A. Boniecki, op. cit., str. 160 i 218.

2) Ibidem, str. 46.

3) Р. Ист. Б., XXX, ст. 803, 825, 892.

4) J. Wolff, op. cit., str. 318.

5) И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 594.

6) J. Wolff, op. cit., str. 46.

7) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 538, примѣчаніе.

8) Мы не рѣшились бы опредѣленно высказаться о происхожденіи соединенія родового имени Монвидъ съ фамиліей Дорогостайскаго. Быть можетъ, Дорогостайскіе признавали себя боковою линіею рода Монвидовъ, а не исключена возможность и того, что панъ Монвидъ принялъ ихъ въ свой гербъ.

9) Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie, tom I (Poznań, 1842), str. 17. Имя Дорогостайскаго въ составѣ членовъ Виленскаго „збору Пана Кристусового евангелицкого“ — А., изд. Вил. К., XX, № 28 (тотъ же документъ — тѣ же Акты, VIII, № 167).

шемъ распоряженіи нѣтъ указаній на полученное имъ образованіе. Но, судя по тому, что его сыновья слушали лекціи въ германскихъ университетахъ[1]), Миколай Миколаевичъ Дорогостайскій, надо думать, признавалъ научное образованіе нужнымъ для людей, готовящихъ себя къ отвѣтственной дѣятельности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Рядомъ съ Дорогостайскимъ въ спискѣ членовъ Статутовой Коммиссіи, утвержденномъ въ 1569 году, стоитъ князь Лукашъ Свирскій. Князья Свирскіе были однимъ изъ княжескихъ родовъ собственной Литовской земли[2]). Лукашъ Болеславовичъ Свирскій былъ сыномъ князя Болеслава или, какъ его обычно называли, Болка Михайловича Свирскаго. Его имѣнія находились въ Ошменскомъ и Новгородскомъ повѣтахъ и въ землѣ Жомойтской[3]). Въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ XVI столѣтія Лукашъ Свирскій служилъ писаремъ Виленскаго воеводы Николая Чернаго Радивила[4]). Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ извѣстенъ какъ храбрый ротмистръ и дворянинъ великаго князя Литовскаго[5]). Въ 1565 году Сигизмундъ Августъ назначилъ князя Лукаша Свирскаго господарскимъ маршалкомъ, а съ введеніемъ повѣтовой реформы Второго Литовскаго Статута онъ сталъ маршалкомъ Браславскаго повѣта Виленскаго воеводства[6]). Эту должность онъ занималъ

---

1) Въ матрикулы Фрейбургскаго Университета въ 1575 году былъ внесенъ „generosus dominus Christophorus magnif. domini Nicolai Monuidi a Dorohostrie archidapiferi magni ducatus Lituaniae filius laicus diocoe. Wilinensis“ (Die Matrikel der Universität Freiburg im Breisgau von 1460-1656. Im Auftrag der akademischen Archivkommission bearbeitet und herausgegeben von Dr. Hermann Mayer. I Band. Freiburg im Breisgau, 1907. S. 553). Въ матрикулы Кенигсбергскаго Университета въ 1581 году былъ вписанъ „Paulus Dorohostaiski, nobilis Lithvanus“ (Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. I Band. Die Immatrikulationen von 1544-1656. Herausgegeben von Georg Erler. Leipzig, 1910. S. 75). Ср. Theodor Wotschke, Polnische und litauische Studenten in Königsberg (Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N. F. Band VI. Heft II und III. Breslau, 1930), S. 440.

2) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 14.

3) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 459—460.

4) A. Boniecki, Poczet rodów w W. Ks. L., str. 341.

5) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 611, 682.

6) Тамъ же, стр. 420 (прим. 437) и 728—729. У Нѣсѣцкаго (Herbarz Polski. T. VIII. W Lipsku, 1841. Str. 580) князь Лукашъ Свирскій названъ маршалкомъ Жомойтскимъ. Эта ошибка вызвана неправильною разстановкою

и въ то время, когда вошелъ въ составъ Статутовой Коммиссіи. Въ источникахъ середины XVI столѣтія князь Свирскій именуется и княземъ Болко по имени своего отца[1]). Человѣкъ онъ, видимо, былъ рѣшительный и готовый защищать свои притязанія и интересы съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ, въ 1563 году князь Лукашъ Свирскій вмѣстѣ со своимъ братомъ Яномъ и паномъ Миколаемъ Юрьевичемъ Остикомъ, послѣ смерти пани Станиславовой Некрашевича Анны, совершилъ наѣздъ на ея имѣніе Городище „моцно, кгвалтомъ" и участвовалъ въ захватѣ оставшагося послѣ нея имущества[2]). Трудно думать, чтобы князь Лукашъ Свирскій имѣлъ хорошую, даже практическую, не говоря уже о теоретической, подготовку для кодификаціонно-законодательной работы Статутовой Коммиссіи, и утвеождение И. Н Даниловича, будто бы онъ былъ въ числѣ знатоковъ римскаго и каноническаго права, приходится признать совершенно произвольнымъ и ни на чемъ не основаннымъ.

Въ своей работѣ „Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung" Даниловичъ писалъ, что въ Статутовой Коммиссіи къ епископу Валеріяну „waren zwei Geistliche beigegeben, welche im Canonischen und Römischen Rechte bewandert waren, nämlich Lucas Swirski und Paul Sokolinski"[3]). Духовными лицами и знатоками каноническаго и римскаго права называлъ онъ Свирскаго и Соколинскаго и въ польскомъ текстѣ этого своего труда[4]). Причина именованія Даниловичемъ обоихъ этихъ князей духовными лицами совершенно ясна. Въ польскомъ текстѣ конституціи Люблинскаго сейма, говорящей объ утвержденіи въ 1569 году Коммиссіи для „поправы" Литовскаго Статута, сказано, что въ числѣ другихъ членовъ въ ея составъ сеймъ назначаетъ „Xiędza Łukasza Swierskiego" и „Xię-

---

знаковъ препинанія въ текстѣ списка членовъ Статутовой Коммиссіи въ Vol. Legum (II, p.p. 100—101, ff. 793—794). Жомойтская земля, какъ имѣвшая только одинъ повѣтъ-землю, не обладала урядомъ маршалка. Его обязанности во время рушенья шляхты принадлежали каштеляну.

¹) См., напримѣръ, М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 180, 204.

²) И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 486.

³) Dorpater Jahrbücher. Zweiter Band (Riga und Dorpat, 1834). S. 485

⁴) „Przydani mu byli dwaj duchowni w prawie kanoniczném i rzymskiém biegli, Łukasz Swirski i Paweł Sokoliński". Wizerunki i roztrz. naukowe. Poczet nowy. Tomik trzynasty (Wilno, 1837), str. 121.

dza Pawła Sokolińskiego"[1]). Слово „Xiędza" Даниловичъ и понялъ въ значеніи ксендза, а не въ значеніи князя. Эту свою ошибку онъ замѣтилъ нѣсколько позднѣе. Печатая въ 1841 году на русскомъ языкѣ ту же свою работу въ нѣсколько переработанномъ видѣ, онъ уже называлъ въ составѣ Статутовой Коммиссіи „Князя Луку Свирскаго" и „Князя Павла Соколинскаго"[2]). Теперь Даниловичъ не приписывалъ ни тому, ни другому изъ этихъ князей спеціальнаго знакомства съ римскимъ и каноническимъ правомъ. Однако весь составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденный Люблинскимъ сеймомъ, онъ называлъ „сословіемъ законовѣдцевъ", а стало быть, спеціальную юридическую подготовку признавалъ за каждымъ изъ ея членовъ. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, думать, что Даниловичъ въ своей высокой квалификаціи личнаго состава этой Коммиссіи основывался на точныхъ и провѣренныхъ данныхъ. Приходится признать, что онъ лишь предполагалъ наличность спеціальной подготовки къ дѣлу законодательства у лицъ, которымъ была поручена „поправа" Литовскаго Статута. Это предположеніе представлялось Даниловичу настолько естественнымъ, что онъ въ своемъ изложеніи даже не счелъ нужнымъ его оговорить.

Итакъ, князья Лукашъ Свирскій и Павелъ Соколинскій отнюдь не были духовными лицами. Первый принадлежалъ къ литовскому владѣтельному роду, второй къ русскому. Князья Соколинскіе были вѣтвью князей Друцкихъ[3]). Имъ издавна принадлежали имѣнія въ земляхъ Полоцкой и Витебской. Князь Павелъ Юрьевичъ Соколинскій былъ по религіи православнымъ. Мать его приняла монашество съ именемъ Агафьи,

---

1) Vol. Leg., II (Petersburg, 1859), p. 101.

2) И. Н. Даниловичъ, Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты. Юридическія Записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ, Докторомъ Правъ и Ординарнымъ Профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета. Томъ первый (Москва, 1841), стр. 27.

3) О княжескихъ родахъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ см. Ѳ. И. Леонтовичъ, Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства (С.-Петербургъ, 1894. Первоначально было напечатано въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. за 1893 и 1894 годы), J. Wolff, Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku (Warszawa, 1895) и Г. А. Власьевъ, Потомство Рюрика, томъ I, части 1 и 2 (С.-Петербургъ, 1906). Ср. также извѣстные труды Нѣсѣцкаго (Herbarz Polski) и Бонецкаго (Herbarz Polski, а также Poczet rodów w W. Ks. Lit.).

самъ онъ „надалъ“ Полоцкому Борисоглѣбскому монастырю землю съ людьми[1]). Во время войны съ Москвою его Полоцкія и Витебскія земли были отчасти захвачены, отчасти опустошены непріятелемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались уже за рубежомъ территоріи Московскаго государства и поступили въ раздачу Московскимъ помѣщикамъ[2]). Въ „пописѣ“ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, составленномъ въ 1567 году, перечислены имѣнія князя Павла Соколинскаго, которыя „отъ неприетеля его королевской милости знишчено, въ пусте лежать поблизу замковъ Московскихъ“[3]). На Городенскомъ сеймѣ 1568 года князья Соколинскіе Тимофей, Павелъ, Богданъ и Андріянъ, „перекладаючи знищенье и зубоженье именей своихъ Рускихъ, такъ отъ непріятеля, яко отъ всего люду военного“, просили великаго князя Сигизмунда Августа „о опатренье оселостями въ Литве, жебы мели где жонъ и детей своихъ зоставити“[4]). Такимъ образомъ, ко времени своего назначенія въ составъ Статутовой Коммиссіи князь Павелъ Соколинскій былъ совершенно раззоренъ, благодаря Московской войнѣ. Быть можетъ, этимъ раззореніемъ нужно объяснять и его службу въ ротмистрахъ въ 1567 году[5]): обѣднѣніе заставляло искать жалованья и военной добычи командира „роты служебныхъ“; желаніе мстить Московскимъ войскамъ за причиненныя бѣды тянуло руку къ саблѣ.

Князь Павелъ Соколинскій имѣлъ несомнѣнный опытъ и въ „справахъ“ повѣтоваго суда, и въ дѣлахъ болѣе широкаго масштаба. Въ 1555 году онъ былъ посланъ гонцомъ въ Москву[6]). Въ 1566 году, съ учрежденіемъ подкоморскаго уряда въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго, былъ назначенъ Витебскимъ подкоморіемъ[7]). Въ томъ же 1566 году князь Павелъ Соколинскій дважды исполнялъ обязанности господарска-

---

[1]) Полоцкая Ревизія 1552 года (къ изданію приготовилъ И. И. Лаппо. Москва, 1905), стр. 108 и 177.

[2]) Писцовыя Книги Московскаго государства, часть первая, отдѣленіе II (Санктпетербургъ, 1877), стр. 438 и др.

[3]) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 476.

[4]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 517.

[5]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 774 (прим. 93), 775 (прим. 97), 784 (прим. 135).

[6]) K. Niesiecki, op. cit., str. 444.

[7]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 741 (прим. 6).

го посла на Витебскомъ повѣтовомъ сеймикѣ передъ Берестейскимъ и Городенскимъ сеймами[1]). Почти сразу послѣ окончанія Люблинскаго сейма онъ получилъ отъ Сигизмунда Августа назначеніе на урядъ маршалка Оршанскаго повѣта Витебскаго воеводства[2]). По своему служебному опыту князь Павелъ Соколинскій долженъ былъ представляться полезнымъ членомъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ. Естественно предположить, что онъ могъ быть членомъ и Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Литовскаго Статута, входя въ нее рядомъ съ другими „особами вѣры Греческое".

Отъ Жомойтской земли въ составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году, вошелъ Янъ Стецковичъ. Въ „пописѣ" Литовскаго войска, составленномъ въ 1567 году, „панъ Янъ Стецковичъ оказалъ конно-збройно кони 3 — з ымѣней Жомойтскихъ 2, а съ повѣту Ойникштенского конь 1 и драбъ з рогати[ною] 1"[3]). Онъ выставилъ слѣдуемыхъ съ него воиновъ при землѣ Жомойтской, которой обывателемъ, очевидно, и былъ. Но шляхтичи съ именемъ Янъ Стецковичъ или Стецкевичъ упоминаются не въ одной Жомойти[4]). Быть можетъ, тутъ мы имѣемъ совпаденіе именъ различныхъ шляхтичей, а можетъ быть, одинъ и тотъ же Янъ Стецковичъ владѣлъ имѣніями въ разныхъ повѣтахъ. Во всякомъ случаѣ, членъ Статутовой Коммиссіи Янъ Стецковичъ былъ шляхтичемъ средняго достатка и размѣрами своего землевладѣнія не выдѣлялся сколько-нибудь замѣтно изъ рядовъ достаточной, но не слишкомъ крупной шляхты. Фамилію его естественно производить отъ имени Стецко. Но не исключена возможность и производства ея отъ нѣмецкой фамиліи Steck[5]). Первое производство указываетъ на коренное литовское происхожденіе. Второе

---

1) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 346, 347.

2) „Прывилей князю Павлу Соколинскому на врадъ маршалъковство повету Оршанского". Дата: Кнышинъ, 6 сентября 1569 года. Лит. Метрика, Записей Лит. книга 48, л. 325.

3) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 1259. Кромѣ того онъ выставилъ тогда же и за Ганну Скоповну двухъ конныхъ воиновъ и одного драба съ рогатиною.

4) Въ томъ же „пописѣ" 1567 года, напримѣръ, въ составѣ Кревской и Свирской хоругви, которая была въ то время уже „прилучона" къ Ошменскому повѣту. Тамъ же, ст. 594.

5) См. эту фамилію, напримѣръ, въ матрикулахъ Лейпцигскаго (Codex Diplomaticus Saxoniae Regiae. Zweiter Haupttheil. Achtzehnter Band. Die Matrikel

говорило бы о переселеніи предковъ Яна Стецковича въ Литву изъ-за нѣмецкаго рубежа въ пограничную съ Орденомъ и временами бывшую подъ его властью Жомойть, а затѣмъ объ ихъ ассимиляціи съ туземнымъ населеніемъ. Не выдаваясь изъ рядовъ Жомойтской шляхты размѣрами своего землевладѣнія, Янъ Стецковичъ, видимо, пользовался среди нея довѣріемъ и авторитетомъ. Такъ, онъ былъ въ числѣ пословъ Жомойтской земли, отправленныхъ въ 1566 году съ ея просьбами къ Сигизмунду Августу съ Берестейскаго сейма въ Люблинъ[1]). Надо думать, что Янъ Стецковичъ былъ человѣкомъ толковымъ, хорошо знающимъ нужды и желанія шляхты, особенно Жомойтской, но личнымъ судебнымъ и административнымъ опытомъ, не говоря уже о теоретической подготовкѣ, онъ, сколько можно судить, не обладалъ.

Отъ Новгородскаго воеводства вошелъ въ Статутовую Коммиссію господарскій маршалокъ Бенедиктъ Юрага. Въ „пописѣ“ Литовскаго земскаго войска 1567 года онъ обозначенъ еще какъ дворный судья великаго князя[2]). Его и его жены имѣнія находились въ трехъ повѣтахъ, а именно въ Новгородскомъ, Городенскомъ и Минскомъ, и выставленное имъ въ 1567 году число воиновъ было довольно значительно — десять конныхъ по-гусарски, четыре конныхъ по-козацки и семь пѣшихъ драбовъ. Размѣры выставленнаго имъ „почта“, такимъ образомъ, показываютъ, что онъ принадлежалъ къ крупной шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго. Въ записяхъ разсылки сеймовыхъ листовъ имя Бенедикта Юраги встрѣчается ря-

---

der Universität Leipzig. Herausgegeben von Georg Erler. Dritter Band. Register. Leipzig, 1902. S. 829) и Фрейбургскаго (Die Matrikel der Universität Freiburg im Br. S. 224) Университетовъ.

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 752, прим. 38. Документъ въ 53-й книгѣ Литовскихъ Судныхъ Дѣлъ Литовской Метрики имѣетъ такой заголовокъ: „Отказъ господаря короля его милости и великого князя Жикгимонта Августа на прозбы князей, пановъ и бояръ-шляхты земли Жомоитское, которые ку его королевской милости на съемъ Берестейский, а зъ сейму сезъде до Люблина черезъ пословъ своихъ, тивуна Ойракгольского подкоморого земли Жомоитское пана Миколая Станькевича, тивуна Ретовского пана Марка Лавриновича Внучка а земянъ земли Жомоитское пана Яна Стецкевича а пана Авкгуштына вчинили року шестьдесятъ шостого“ (л.л. 21 об. — 24). Ср. Документы Моск. Архива Мин. Юстиціи, I, стр. 200 —202.

[2]) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 513.

домъ съ именами другихъ „панятъ“, которымъ листы съ вызовомъ на сеймъ доставлялись лично[1]). Урядъ господарскаго маршалка Юрага получилъ между 1567-мъ и 1569-мъ годами[2]). Опытъ дворнаго судьи и наблюденія надъ практикою введенія Второго Статута въ трехъ повѣтахъ, которыхъ онъ былъ „обывателемъ“, давали, конечно, возможность Бенедикту Юрагѣ внести свои практическія знанія въ работы и Статутовой Коммиссіи.

Представителемъ Витебскаго воеводства въ этой Коммиссіи явился Янъ Сколка. Фамилія Сколка или Сколко извѣстна и другимъ русскимъ землямъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ записяхъ Литовской Метрики времени Казимира Ягайловича упоминается съ этимъ именемъ Кіевскій бояринъ[3]). Какъ Витебскій представитель въ Статутовой Коммиссіи, Янъ Сколка, вмѣстѣ съ Полоцкимъ представителемъ княземъ Соколинскимъ, долженъ былъ, конечно, вносить въ нее не наблюденія надъ введеніемъ Литовскаго Статута 1566 года въ нормальную жизнь повѣтовъ государства. Витебская земля была „украиною“ и переживала всѣ опасности Московской войны. Витебскъ, какъ и Полоцкъ, Мстиславль и Кіевъ, всегда считался въ числѣ замковъ „украинныхъ“[4]). Въ него „въ осаду“[5]), укрываясь отъ вражескаго войска, сбѣгалось населеніе окрестныхъ краевъ. Московскіе „государевы бояре“, послѣ занятія Полоцка и значительной части территоріи Великаго Княжества Литовскаго, „положили“ новый „рубежъ“ и сдѣлали это „съ Литовскими послы“[6]). Витебское воеводство подверглось опустошенію. Не успѣвъ овладѣть Витебскимъ замкомъ, Московскіе воеводы сожгли Витебское мѣсто[7]). Конечно, при такомъ положеніи Витебскаго воеводства, говорить о нормальной дѣятельности его урядовъ не приходилось. Какъ въ Полоцкомъ воеводствѣ, находившемся подъ Московскою властью, такъ и

---

1) Р. Ист. Б., XXX, ст. 701.

2) A. B o n i e c k i, Poczet rodów w W. Ks. L., str. XVII (Spis dygnitarzy i urzędników).

3) Р. Ист. Б., XXVII, ст. 312.

4) Ср. Р. Ист. Б., XXX, ст. 10, 702, 784.

5) Писцовыя книги Моск. государства, ч. I, отдѣленіе 2, стр. 433—434.

6) Тамъ же, стр. 443. Ср. тамъ же, стр. 424 и др.

7) О Полоцкомъ и Витебскомъ воеводствахъ во время этой войны — А. П. С а п у н о в ъ, Витебская Старина, томъ IV (Витебскъ, 1885), стр. 30 и сл.

въ Витебскомъ, часть котораго еще оставалась въ составѣ территоріи Великаго Княжества Литовскаго, повѣтовые суды и уряды, созданные реформою Второго Литовскаго Статута, функціонировать не могли. Даже на „списъ" земскаго войска въ 1567 году шляхта Витебскаго повѣта Витебскаго воеводства не могла явиться, а изъ другого повѣта того же воеводства, т. е. Оршанскаго, явились только три шляхтича, „а иншая шляхта зосталася на замку тамошнемъ украйномъ на Орши"[1]). Хоружій Оршанскаго повѣта, панъ Богушъ Олексѣевичъ Сколка[2]) обозначенъ въ „пописѣ" 1567 года, хотя его „почта" при повѣтѣ и не указано.

Отъ шляхты Берестейскаго воеводства списокъ членовъ Статутовой Коммиссіи, утвержденный въ 1569 году, называетъ земскаго судью Кирдея Кричевскаго[3]). До введенія земскихъ судовъ въ новыхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго Кирдей Кричевскій занималъ урядъ Берестейскаго хоружія[4]). Урядъ этотъ онъ соединилъ и съ должностью земскаго судьи того же повѣта, съ ея учрежденіемъ въ 1566 году. Въ 1567 и 1568 годахъ онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, занималъ оба эти уряда въ Берестейскомъ повѣтѣ[5]). Соединяя опытъ повѣтовыхъ хоружія и земскаго судьи, Кричевскій, конечно, долженъ быть признанъ желательнымъ участникомъ въ работахъ при „поправѣ" Второго Литовскаго Статута.

Представителемъ шляхты Мстиславскаго воеводства былъ въ утвержденной въ 1569 году Статутовой Коммиссіи Селецкій, какъ его именуетъ польскій текстъ конституцій Люблинскаго сейма, т. е. Селицкій, какъ онъ именовался въ Великомъ

---

1) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 1234 и 1378.

2) Тамъ же, ст. 1375. Фамилія Сколка иногда встрѣчается и какъ Сколокъ — напримѣръ, М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 230.

3) Иногда его фамилія писалась и „Криковский" — тамъ же, стр. 231.

4) Р. Ист. Б., XXXIII, ст. 299.

5) Въ „пописѣ" 1567 года онъ обозначенъ такъ: „панъ Киръдѣй Кричевский, хоружий и судья Берестейский" (тамъ же, ст. 1181). Въ привилеѣ, данномъ Сигизмундомъ Августомъ 15 января 1569 года боярамъ Проствиловичамъ на шляхетство, говорится, что „опытъ и выведанье" о шляхетствѣ этихъ бояръ производился коммиссіей, въ составъ которой входилъ Берестейскій хоружій Кирдей Кричевскій (И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 240—241). Ясно, что дѣйствія этой коммиссіи происходили не въ 1569 году, а не позднѣе 1568 года, ибо въ противномъ случаѣ дѣло Проствиловичей не могло бы попасть на докладъ великому князю въ январѣ 1569 года.

Княжествѣ Литовскомъ. Богдану Селицкому былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ урядъ хоружія „во Мъстиславъли“ на Виленскомъ соймѣ 1559 года по просьбѣ бояръ-шляхты Мстиславскаго повѣта[1]). Мстиславскимъ хоружимъ Богданъ Селицкій оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей около 1581 года. Въ этомъ году Стефанъ Баторій пожаловалъ архіепископу Полоцкому, Витебскому и Мстиславскому Өеофану-Богдану Онуфріевскій монастырь, который за „листомъ“ Сигизмунда Августа „держалъ до живота своего хоружый Мстиславскій Богданъ Селицкій“[2]). Въ лицѣ Богдана Селицкаго Статутовая Коммиссія имѣла шляхтича, несомнѣнно пользовавшагося большимъ довѣріемъ своей „братіи“, т. е. шляхты Мстиславскаго воеводства-повѣта. Мстиславскіе шляхтичи Селицкіе были людьми „вѣры Греческое“. На это указываетъ какъ то, что хоружій Селицкій держалъ православный монастырь, пожалованный ему Сигизмундомъ Августомъ, такъ и то, что другой Селицкій, Богушъ, въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія былъ даже архіепископомъ Полоцкимъ, Витебскимъ и Мстиславскимъ[3]). Возможно предполагать, что Мстиславскій хоружій Богданъ Селицкій входилъ въ составъ и Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Литовскаго Статута, занимая въ ней мѣсто въ ряду ея членовъ „вѣры Греческое“.

Членомъ Статутовой Коммиссіи отъ Минской шляхты былъ въ 1569 году утвержденъ Мартинъ Володковичъ[4]). Онъ былъ въ составѣ и Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Статута 1566 года, и мы уже познакомились съ нимъ выше[5]). Для дѣлопроизводства Статутовой Коммиссіи Люблинскій сеймъ

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 297—298.

[2]) А. З. Р., III, № 127. Указаніе на то, что Богданъ Селицкій былъ Мстиславскимъ хоружимъ въ 1577 году — A. Boniecki, Poczet rodów w W. Ks. Lit., str. V (Spis dign. i urz.). Мстиславскаго хоружія Богдана Селицкаго не слѣдуетъ смѣшивать съ ротмистромъ Богушемъ Селицкимъ (см. М. К. Любавскій, Л-Р. сеймъ, стр. 775, прим. 94 и Приложенія, стр. 207; И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 349). Хоружій, при своихъ обязанностяхъ въ военныхъ рушеньяхъ шляхты, не могъ быть одновременно и ротмистромъ, т. е. командовать ротою „служебныхъ“.

[3]) A. Boniecki, op. cit., str. 309.

[4]) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что польскій текстъ сеймовой конституціи 1569 года указываетъ именно на него и только полонизируетъ его имя какъ Wołoczkiewicza.

[5]) Стр. 46—48.

утвердилъ двухъ земскихъ писарей Виленскаго воеводства, а именно Андрея Мацковича (Мацкевича) — Виленскаго повѣта и Петра Станиславовича — повѣта Ошменскаго. Можно предполагать, что эти два писаря повѣтовыхъ земскихъ судовъ могли оказаться полезными для Статутовой Коммиссіи не только въ качествѣ ея дѣлопроизводителей, а и своимъ опытомъ членовъ судебной коллегіи повѣтоваго земскаго суда.

Изученіе личнаго состава Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ, — а онъ, по всей вѣроятности, былъ избранъ уже на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, — позволяетъ сдѣлать нѣсколько выводовъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе принципъ, положенный въ основаніе при составленіи этой Коммиссіи. Онъ не тотъ, который былъ принятъ при образованіи Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Литовскаго Статута. Въ составъ этой Коммиссіи въ 1551 году Сигизмундъ Августъ назначилъ „людей добрыхъ, веры годныхъ, ростропныхъ и права посполитого и тежъ стародавныхъ звычаевъ тутошнего паньства добре сведомыхъ“[1]). Иными словами, основаніемъ для подбора членовъ въ Статутовую Коммиссію были ихъ личныя качества и подготовка къ дѣлу законодательства. Конечно, ихъ нужно было подобрать такъ, чтобы они принесли съ собою въ Коммиссію знаніе „звычаевъ“ различныхъ земель, составлявшихъ Великсе Княжество Литовское, ибо „звычаи“ ихъ не были одни и тѣ же. Но принципъ обязательности представительства всѣхъ земель государства принятъ тогда не былъ. Было только признано необходимымъ, чтобы въ составъ Статутовой Коммиссіи вошли на паритетномъ основаніи „особы закону Рымского“ и „особы закону Греческого“, — пять католиковъ и пять православныхъ. Дѣленіе же по католической и православной религіи можетъ быть принято и въ значеніи дѣленія въ то время народа Великаго Княжества Литовскаго на литовскую и русскую его составныя части. Совершенно другой принципъ былъ положенъ въ основаніе при образованіи Статутовой Коммиссіи 1568-1569 годовъ. Въ нее вошли, во-первыхъ, представители двухъ становъ — сенаторскаго и шляхетскаго. Во-вторыхъ, представительство второго изъ этихъ становъ было образовано по воеводствамъ Великаго Княжества Литовскаго. Разумѣется, надо

---

[1]) См. выше, стр. 8, прим. 1.

думать, что „годность“, „ростропность“ и соотвѣтствующія знанія должны были приниматься во вниманіе при подборѣ членовъ Коммиссіи. Но рѣшать вопросы о наличности этихъ качествъ у лицъ, вводимыхъ въ составъ ея, великій князь могъ лишь по отношенію къ раднымъ панамъ, которыхъ онъ назначалъ въ Статутовую Коммиссію. Члены же ея отъ шляхты были выбраны сеймовыми послами. При этомъ выборѣ послѣдніе не могли считаться только съ личными качествами кандидатовъ. Каждое воеводство государства Литвы должно было имѣть своего шляхетскаго представителя въ составѣ Коммиссіи. „Народъ-шляхта“ Великаго Княжества Литовскаго былъ организованъ Вторымъ Статутомъ въ повѣтовыхъ шляхетскихъ корпораціяхъ. Дать представительство имъ всѣмъ въ Статутовой Коммиссіи было неудобно, ибо въ такомъ случаѣ она оказалась бы слишкомъ многочленною. Но повѣты образовывали воеводства. Представительство отъ этихъ соединеній повѣтовъ и было принято какъ основа при образованіи Коммиссіи 1568-1569 годовъ. Надо думать, что Городенскій сеймъ 1568 года избралъ Статутовую Коммиссію въ нѣсколько большемъ составѣ, чѣмъ утвержденный на Люблинскомъ сеймѣ. Въ 1568 году въ нее должны были войти и представители шляхты Подляшскаго, Волынскаго, Браславля Подольскаго и Кіевскаго воеводствъ, присоединенныхъ въ 1569 году къ Польской Коронѣ. Послѣ Люблинской Уніи представители этихъ воеводствъ, какъ Коронныхъ, не могли уже имѣть мѣста въ Коммиссіи для „поправы“ свода законовъ Литвы.

По числу своихъ членовъ обѣ Статутовыя Коммиссіи оказались почти одинаковыми. Въ Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Статута, было десять членовъ, а быть можетъ, и одиннадцать, если въ нее еще при жизни епископа Доманевскаго былъ введенъ и Петръ Роизій[1]). Въ составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году, входили двѣнадцать лицъ, если не считать двухъ земскихъ писарей, введенныхъ въ нее для дѣлопроизводства. Часть членовъ первой Статутовой Коммиссіи вошла и въ составъ второй. Августинъ Ротундусъ и Мартинъ Володковичъ были въ ихъ числѣ несомнѣнно. Но, какъ мы уже отмѣтили выше[2]), это вѣроятно и по

---

[1]) См. выше, стр. 81.
[2]) Стр. 89—90, 198, 202.

отношенію къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Однако полагать, что всѣ оставшіеся еще въ живыхъ члены первой Статутовой Коммиссіи вошли и въ составъ второй, нельзя. Такъ, маршалокъ Павелъ Островицкій[1]) не былъ введенъ въ Коммиссію, утвержденную на Люблинскомъ сеймѣ. Военное время, которое переживало Великое Княжество Литовское, когда образовывалась вторая Статутовая Коммиссія, отразилось и на ея личномъ составѣ. Въ него вошли нѣсколько ротмистровъ. Тяжесть войны и ея опытъ въ шляхетской жизни особенно принесли съ собою въ Коммиссію ея члены отъ опустошенныхъ и захваченныхъ врагами воеводствъ, а именно Полоцкаго и Витебскаго.

Самая задача, стоявшая передъ второю Статутовою Коммиссіею, была иною, чѣмъ та, надъ разрѣшеніемъ которой трудилась первая. Коммиссія, вырабатывавшая проектъ Второго Статута, въ сущности составляла новый кодексъ, лишь привлекая въ него то, что могла признать въ Первомъ Литовскомъ Статутѣ заслуживающимъ внесенія въ артикулы этого новаго кодекса. Она не только перестроила общій планъ распредѣленія отдѣльныхъ законовъ по раздѣламъ и артикуламъ новаго Литовскаго кодекса. Она вложила въ законы, организующіе государство Литвы, новую основу — идею шляхетскаго „народа". Великое Княжество Литовское понималось и строилось ею какъ государство именно этого „народа". Изъ этой идеи дѣлались выводы при созданіи новыхъ институтовъ государственнаго устройства. Въ ней обоснованіе и объясненіе правъ и преимуществъ шляхты. Работа первой Статутовой Коммиссіи была творческою въ достаточно широкомъ масштабѣ. Совсѣмъ иной характеръ должна была имѣть работа Статутовой Коммиссіи, созданной Городенскимъ сеймомъ 1568 года. Ничего, что могло бы быть признано теоретическимъ сколько-нибудь, въ ея задачахъ не было. Ея работа должна была исходить только изъ практики двухлѣтняго примѣненія Литовскаго Статута 1566 года въ судахъ и учрежденіяхъ Литвы, а также ея „обывателями". Чтó было упущено въ артикулахъ Второго Статута? Чтó въ нихъ оказалось неприложимымъ къ жизни? Чтó нужно въ нихъ измѣнить согласно требованіямъ этой жизни? Вотъ вопросы, стоявшіе передъ Статутовой Коммиссіей Городенскаго сейма.

---

[1]) Ср. J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit., str. 176.

На нее возлагалась именно только „поправа“ Второго Литовскаго Статута, исправленія, поправки въ немъ, а отнюдь не полная переработка, каковую совершила по отнсшенію къ Статуту 1529 года первая Статутовая Коммиссія. Кодификаціи настоятельно требовали и дополненія и исправленія, внесенныя во Второй Литовскій Статутъ въ 1566-1568 годахъ Берестейскимъ и Городенскими сеймами. „Поправы“, совершенныя этими сеймами, какъ мы это видѣли, значительно осложнили практическое примѣненіе Литовскаго Статута 1566 года. Устранить эти осложненія путемъ составленія точнаго статутоваго текста, имѣющаго обязывающую силу по всему Великому Княжеству Литовскому и могущаго съ большею вѣроятностью приблизиться къ тождественности во всѣхъ обращающихся въ немъ рукописныхъ экземплярахъ кодекса, а быть можетъ, и подготовить его напечатаніе — задача, которая также не могла не стоять передъ Статутовой Коммиссіей 1568 года.

Городенскій сеймъ 1568 года предполагалъ, что избранная имъ Коммиссія закончитъ возложенное на нее порученіе „поправы“ Литовскаго Статута за какіе-нибудь пять мѣсяцевъ, которые оставались до „спольнаго“ съ поляками сейма въ Люблинѣ, т. е. до исхода декабря того же 1568 года. Конечно, этотъ расчетъ оказался невѣрнымъ. Передъ заключеніемъ Люблинской Уніи выработать полный текстъ Литовскаго Статута, представляющій собою въ полномъ смыслѣ единое цѣлое, т. е. безъ дополненій и исправленій, съ тою или иною полнотою помѣщаемыхъ послѣ основного статутоваго текста въ его рукописныхъ экземплярахъ, Великому Княжеству Литовскому не удалось, какъ оно того ни желало. Статутовая Коммиссія, получивъ утвержденіе въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, должна была вести свое дѣло „поправы“ уже въ иныхъ условіяхъ и обстановкѣ существованія Великаго Княжества Литовскаго, вступившаго въ Унію съ Польшею. Но, если Литва приступала къ Уніи, еще не успѣвъ закончить вполнѣ кодификацію своихъ законовъ, эта кодификація во всякомъ случаѣ получила свое начало. Что же касается основныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, то они ко времени начала окончательныхъ переговоровъ о заключеніи Уніи были выработаны и установлены вполнѣ Вторымъ Литовскимъ Статутомъ и его „поправами“ 1566-1568 годовъ. Къ переговорамъ 1569 года въ Люблинѣ и къ Уніи съ Польскою Короною Великое Княжество

Литовское приступало дѣйствительно cum republica sua bene ordinata[1]). Съ этими основными законами государства Литвы кануна Люблинской Уніи теперь и познакомимся.

Великое Княжество Литовское представляетъ собою свободное, т. е. независимое, государство. Это государство сословное, европейскаго типа того времени, конечно, съ модификаціями, обусловленными историческими особенностями его развитія. Оно устроено „прикладомъ и способомъ вольныхъ панствъ хрестіянскихъ". Во главѣ его стоитъ монархъ, великій князь, получающій свою власть лишь по признанію народа Великаго Княжества Литовскаго. „Всихъ князей и пановъ-радъ, якъ духовныхъ, такъ и свѣцкихъ, и всѣхъ врядниковъ земскихъ и дворныхъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту-рыцерство, мѣщанъ[2]) и всихъ людей посполитыхъ у Великомъ Князствѣ Литовскомъ и во всихъ земляхъ того панства" великій князь обязанъ „заховати при свободахъ и вольностяхъ хрестіянскихъ, въ которыхъ они, яко люди[3]) вольные, вольно обираючы изъ стародавна, изъ вѣчныхъ своихъ продковъ, собѣ пановъ и господарей великихъ князей Литовскихъ, жыли и справовали прикладомъ и способомъ вольныхъ панствъ хрестіянскихъ"[4]).

Монархъ правитъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, всѣми его землями, и творитъ судъ для ихъ населенія, „почоншы отъ вышнего стану ажъ и до нижнего", только на основаніи писаннаго закона, изложеннаго во Второмъ Литовскомъ Статутѣ. Только этими „одными правы писаными", имъ самимъ утвержденными, онъ можетъ „судити и справовати"[5]). Всѣ его подданные „всѣхъ становъ, такъ богатого, яко и вбогого, почоншы отъ княжатъ, пановъ-радъ духовныхъ и свѣцкихъ, пановъ хоруговныхъ и шляхты, ажъ до нижшого стану", должны быть судимы во всѣхъ „речахъ", т. е. дѣлахъ, „не инакшымъ правомъ, але тымъ Статутомъ". Этимъ же правомъ должны судиться „также и чужоземцы и заграничники Великого Князства приѣждчые и якимъ-кольвекъ обычаемъ прибылые люди"[6]).

---

[1]) Выраженіе Николая Чернаго Радивила во время переговоровъ на Варшавскомъ сеймѣ 1563—1564 годовъ.

[2]) Въ изданіи: „мѣщане".

[3]) Въ изданіи: „люде".

[4]) III, арт. 2.

[5]) I, арт. 1.

[6]) I, арт. 17.

Монархъ Великаго Княжества Литовскаго обязуется его „розмножати“ и все, что изъ его территоріи „розобрано и одышло“, ему возвратить, „зась ку нему привернути“. Великій князь даетъ обѣщаніе не уменьшать территоріи государства Литвы. Все, что отъ этого государства „отдалено, розобрано“ и отошло къ другимъ государствамъ, а именно „ку Коронѣ[1]), ку Мазовшу, ку Прусомъ, ку Ифлянтомъ“, онъ долженъ „ку власности того Великого Князства привести, привлащати и границы оправити“. Если кому-либо изъ „заграничниковъ“ были пожалованы на этихъ границахъ имѣнія, ихъ владѣльцы обязаны служить Великому Княжеству Литовскому, подъ угрозою кассированія привилеевъ, данныхъ имъ на эти имѣнія[2]).

Монархъ Литвы обязанъ хранить неприкосновенность территоріи ея государства. Но онъ долженъ „ховати“ и „ни въ чомъ не нарушати“ и всѣ земскіе привилеи, какъ „стародавные“, такъ и „ново“ отъ него самого „наданые“, а также „и звычай добрый стародавный“. Своею властью онъ не можетъ „нового ничого“ установлять. Если будетъ „потреба што нового прибавити ку доброму“ государства, великій князь это можетъ дѣлать только „на вальномъ соймѣ того панства“, въ самомъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, „зъ вѣдомостью“ и по совѣщанію пановъ-рады его „и призволеньемъ всихъ земль того панства“[3]).

Значеніе и компетенція урядовъ „давныхъ“ не могутъ быть монархомъ „нарушоны“. На вѣчныя времена паны-рада духовные и свѣтскіе, а также всѣ урядники земскіе и дворные въ государствѣ Литвы должны быть „во всякихъ достоенствахъ и у почтивостяхъ захованы водле давного обычаю и кождый подле зацности и мѣстца своего“. Ихъ судебныя функціи, конечно, будутъ отправляться согласно постановленіямъ о нихъ, сдѣланнымъ въ Литовскомъ Статутѣ 1566 года, послѣ реформы Бѣльскаго привилея 1564 года[4]).

Въ своемъ правѣ и власти назначенія на должности и пожалованія землями въ собственность или во владѣніе и управленіе великій князь ограниченъ. Въ Великомъ Княжествѣ Ли-

---

[1]) Т. е. къ Польшѣ, Коронѣ Польской.

[2]) III, арт. 3.

[3]) III, арт. 12.

[4]) III, арт. 10.

товскомъ „и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ“, онъ не можетъ давать „достойностей духовныхъ и свѣцкихъ, городовъ, дворовъ и кгрунтовъ, староствъ[1]), державъ, урядовъ земскихъ и дворныхъ, посесый або въ держаньи и пожываньи, и вѣчностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ, а ни сусѣдомъ того панства“, т. е. государства Литвы. Все это можетъ даваться только литовцамъ, русскимъ и жомойтинамъ[2]), „родичомъ старожитнымъ и врожонцомъ Великого Князства Литовского и иныхъ земль, тому Великому Князству належачихъ“[3]).

Великій князь Литовскій — монархъ государства Литвы. Литовскій Статутъ 1566 года знаетъ его лишь какъ таковаго. Но „Панъ Богъ, зъ ласки Свое светое“, быть можетъ, дастъ ему подъ власть и „панство иное, або и королевство“[4]). Въ такомъ случаѣ монархъ Великаго Княжества Литовскаго обязуется его „князей и пановъ-радъ духовныхъ и свѣцкихъ и всихъ врядниковъ земскихъ и дворныхъ, шляхту-рыцерства и всихъ иныхъ становъ ни въ чомъ томъ не понижати, але отъ всякое легкости и пониженья“, какъ это дѣлали и предшествующіе великіе князья Литовскіе, „стеречы и боронити“, стараясь „о примноженье и вывышенья того панства и всихъ становъ достойности, оздобъ и пожытковъ“, притомъ дѣлая это „зъ наиболшою пилностью и всилованьемъ“ своимъ[5]).

Монархъ стоитъ во главѣ государства Великаго Княжества Литовскаго, имѣетъ верховную власть надъ нимъ и надъ его „обывателями“. Мы видѣли, что эта власть надъ государствомъ Литвы была ограничена цѣлымъ рядомъ обязательствъ монарха. По отношенію къ „обывателямъ“ Великаго Княжества Литовскаго ограниченіемъ ея являлись ихъ „свободы“ и „вольности“. Въ соблюденіи ихъ великій князь приносилъ присягу

---

[1]) Въ русскомъ текстѣ, изданномъ въ XXIII-й книгѣ Временника, пропускъ. Восполняемъ его по польскому тексту, изданному Пѣкосинскимъ.

[2]) 9-ый артикулъ третьяго раздѣла Статута 1566 года, въ его первоначальной редакціи, говорилъ только о Литвѣ и Руси. Берестейская „поправа“, какъ мы это видѣли выше (стр. 163), прибавила къ нимъ Жомойть.

[3]) III, арт. 9.

[4]) Въ рукописи, съ которой былъ напечатанъ русскій текстъ Статута въ XXIII-й книгѣ Временника, пропускъ. И. Д. Бѣляевъ его восполнилъ на основаніи текста Третьяго Литовскаго Статута. Въ польскомъ текстѣ, изданномъ Пѣкосинскимъ, пропущенныя слова имѣются.

[5]) III, арт. 1.

и гарантировалъ ихъ своимъ „словомъ господарскимъ“. Паны-рада представляли собою верхній слой „народа-шляхты“. Отчасти въ ихъ составъ входили, а отчасти вслѣдъ за ними выдвигались своимъ положеніемъ княжата, панята и должностныя лица высшаго ранга. За ними слѣдовали урядники менѣе высокаго значенія. Но всѣ эти группы сливаются въ „народъ“ шляхетскій[1]). Всѣ онѣ его составныя части. Права шляхты закрѣплены Вторымъ Литовскимъ Статутомъ и дополнены его „поправами“, произведенными уже до Люблинской Уніи. Эти права охраняютъ личность и честь шляхтича, его свободу владѣнія и распоряженія своимъ имуществомъ, его участіе въ законодательствѣ и управленіи государствомъ, а также въ разрѣшеніи дѣлъ повѣта, къ шляхетской корпораціи котораго принадлежитъ шляхтичъ-„обыватель“. Для того, чтобы пользоваться всею полнотою шляхетскихъ правъ, шляхтичъ долженъ быть „осѣлымъ“, т. е. долженъ имѣть земельное имущество въ одномъ или нѣсколькихъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. Только „осѣлость“ въ повѣтѣ даетъ ему всю защиту судовъ и учрежденій, всѣ права на занятіе должностей и на участіе въ дѣятельности повѣтовыхъ сеймиковъ, а стало быть, и въ дѣлахъ вальныхъ сеймовъ черезъ представительство отъ повѣтовъ.

Осѣлый шляхтичъ не можетъ быть „иманъ и въ везенье сажонъ“ прежде, чѣмъ будетъ приговоренъ къ лишенію свободы судомъ[2]). За преступленія противъ его личности, имущества и чести Статутъ строго караетъ[3]). Берестейская „поправа“ 1566 года даровала шляхтѣ право полнаго распоряженія ея имѣніями[4]). Шляхтичъ имѣлъ „вольность выѣханья“ за-границу, „кромъ земль непріятельскихъ“[5]). Онъ былъ свободенъ отъ постоянныхъ податей и повинностей, кромѣ военной земской службы со своего имѣнія. Чрезвычайный налогъ, „серебщизна“, и военная служба постановляются только вальными сеймами,

---

[1]) О группахъ, составлявшихъ народъ-шляхту, и о слояхъ, на которыя разслаивался этотъ народъ, см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 254 и сл. и тамъ же, стр. 687—688.

[2]) III, арт. 7.

[3]) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 515—516 и 248.

[4]) См. выше, стр. 170.

[5]) III, арт. 13.

съ участіемъ представителей шляхты отъ повѣтсвъ[1]). Шляхта принимаетъ участіе въ избраніи новаго монарха[2]). Земскіе, дворные и повѣтовые уряды замѣщаются лицами изъ шляхетскаго „народа“[3]). Этотъ народъ собирается на повѣтовые сеймики „для лѣпшого порадку во всѣхъ речахъ и въ способу ку справедливости и оборонѣ, абы за волею всѣхъ на соймикахъ потребы се земскіе становили и отправованы были“[4]). На повѣтовыхъ сеймикахъ избираются и кандидаты на должности членовъ земскихъ судовъ повѣтовыхъ[5]). Представители повѣтовой шляхты, вмѣстѣ съ панами-радою, являются членами вальнаго сейма Великаго Княжества Литовскаго, который будетъ созываться монархомъ „съ потребы речы посполитое, за радою радъ“ его „того жъ панства або за прозбою рыцерства“, т. е. шляхты[6]).

Весь шляхетскій „народъ“, въ полномъ его составѣ, т. е. князья, паны-рада, должностныя лица и все „рыцерство“ сохраняютъ всѣ дарованныя имъ великими князьями Литовскими „свободы и вольности“, утвержденныя “привилеями“ монарховъ Великаго Княжества Литовскаго. Эти привилеи должны имѣть силу „вѣчными часы“ и безъ какихъ-либо отмѣны и нарушенія. Но совершенно такъ же должны сохраняться и права мѣщанъ и „людей посполитыхъ“, т е. нешляхетскаго населенія государства[7]). Это нешляхетское населеніе не равно со шляхтою по своему положенію и значенію въ государствѣ. Однако и оно живетъ подъ охраною законовъ Литовскаго Статута и спеціальныхъ „правъ“, дарованныхъ ему монархами Литвы. Бѣльскій привилей 1 іюля 1564 года, котораго текстъ былъ помѣщенъ въ рукописныхъ экземплярахъ Второго Литовскаго Статута, гласилъ, что „права и суды духовные костеловъ Божихъ Рымского и Греческого закону“, а также Магдебургское право въ Вильнѣ и во всѣхъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго сохраняются „въ целости“[8]). Артикулы Статута охраняютъ

[1]) II, арт. 1. Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 521—522.
[2]) III, арт. 2.
[3]) III, арт. 9. О кандидатахъ на урядъ хоружаго — II, арт. 5.
[4]) III, арт. 5.
[5]) IV, арт. 1.
[6]) III, арт. 6.
[7]) III, арт. 2.
[8]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 138—139.

жизнь и имущество не только шляхты, но и „людей посполитыхъ“ и „всякого стану“[1]). Но, конечно, шляхта съ этими „посполитыми“ смѣшиваться не должна. Въ бытовой обстановкѣ своей жизни низшіе слои шляхетскаго „народа“, разумѣется, сближались съ этими „посполитыми“. Шляхта „убогая“ жила въ тѣхъ же бытовыхъ условіяхъ, какъ и простые „подданные“. Шляхта служилая служила панамъ и болѣе крупнымъ шляхтичамъ[2]). Но по идеѣ, вложенной въ законы Литовскаго Статута, шляхетскій „народъ“ — „рыцерство“. Онъ долженъ служить только военную земскую службу и службу государству, „речи посполитой“ Великаго Княжества Литовскаго, занимая уряды земскіе, дворные и повѣтовые. Средства для его жизни должны давать шляхтичу его землевладѣніе и его хозяйство. Если шляхтичъ, „занехавшы именья шляхецского а ищучы пожывенья“, переселится въ городъ-мѣсто и станетъ тамъ заниматься „шынкомъ“ или ремесломъ, онъ утрачиваетъ свои шляхетскія права[3]).

Мы не будемъ останавливаться на особыхъ правахъ земель, составлявшихъ государственную территорію Великаго Княжества Литовскаго, реформою Второго Статута и связанныхъ съ нимъ законодательныхъ актовъ образовавшихъ повѣты, соединявшіеся въ воеводства, изъ которыхъ одни были выдѣлены изъ предѣловъ старыхъ земель, а другія съ ними совпадали[4]). Особыя права этихъ земель, изложенныя въ областныхъ привилеяхъ, также должны были соблюдаться великимъ княземъ. Не будемъ останавливаться также и на особыхъ правахъ мѣщанъ „мѣстъ упривильеваныхъ“, татаръ и евреевъ. Эти права были гарантированы особыми спеціальными привилеями, соблюдать которые былъ обязанъ монархъ Великаго Княжества Литовскаго. Наша задача должа быть ограничена лишь разсмотрѣніемъ конституціонныхъ законовъ самого Второго Литовскаго Статута и дополняющихъ или измѣняющихъ его арти-

---

[1]) См. особенно XII („О головщызнахъ и навезкахъ людей посполитыхъ“), XIII („О грабежохъ и навезкахъ“) и XIV („О злодействе всякого стану“) раздѣлы Второго Статута.

[2]) Объ убогой и служилой шляхтѣ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 237—249.

[3]) III, арт. 20.

[4]) Объ образованіи новыхъ повѣтовъ и воеводствъ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 54 и сл.

кулы „поправъ“ 1566-1568 годовъ. Что же касается этихъ законовъ, то, конечно, они выросли изъ историческаго развитія государства Литвы и подводили итогъ подъ тѣмъ, что выработано было этимъ развитіемъ ко времени составленія Статута 1566 года. Но та форма государственнаго устройства и его идея, которыя даны въ этомъ кодексѣ, получали и свое теоретическое обоснованіе въ положеніяхъ тогдашней научной мысли въ области изученія государства. Позволительно думать, что ученые члены Коммиссіи, вырабатывавшей проектъ Второго Литовскаго Статута, не только зафиксировали тотъ строй государства, который слагался въ Литвѣ въ серединѣ XVI столѣтія съ торжествомъ шляхетскаго движенія, но и конструировали его на основѣ теоретической научной мысли своего времени. Намъ уже пришлось попутно отмѣтить связь Второго Литовскаго Статута съ этою мыслью. Остановимся же на ней нѣсколько подробнѣе.

Теоретическое построеніе государства въ эпоху составленія Литовскаго Статута 1566 года въ Центральной и Западной Европѣ исходило изъ ученій, завѣщанныхъ античнымъ міромъ. Аристотель и Цицеронъ являлись непререкаемыми авторитетами въ этой области европейской мысли. Мы уже отмѣтили выше ученіе ихъ о необходимости закона въ государствѣ[1]). Соблюденіе и исполненіе закона обязательно и для власти, и для подчиненныхъ ей людей. Кто хочетъ, чтобы главенствовалъ законъ, тотъ желаетъ, чтобы повелѣвали Богъ и законы, — этому учились у Аристотеля[2]). Къ Аристотелевскому положенію добавляли слова Цицерона: „lex nihil est aliud, nisi recta et a numine Deorum tracta ratio, imperans honesta, prohibensque contraria“[3]). Толкуя Цицероновское ученіе о законѣ, Іеронимъ Вольфъ писалъ: „sed ea lex, a qua caeterae omnes proficiscuntur,

---

1) См. выше, стр. 155—156.

2) „Qui ergo legem praeesse uult, is uelle uidetur Deum ac leges imperare. Qui autem uult hominem, is etiam belluam adiungit, cum praesertim tale quid sit cupiditas: et iracundia et magistratus, et optimus quisque a recta uia detorqueantur. Quapropter lex est aliud nihil, nisi mens a cupiditatibus libera“. Aristotelis De Repvblica (Basileae, MDXLIX), p. 113. Полное заглавіе этого изданія и поясненіе того, что мы цитируемъ не греческій текстъ, а латинскій переводъ, см. выше, стр 155 и прим. 1 на стр. 156.

3) M. Tvllii Ciceronis Insigniores Sententiae (Coloniae, MDLXXIII), p. 49. Полное заглавіе этого изданія см. выше, стр. 156, прим. 1.

singulare Dei Optimi Maximi munus, excellentia mentis humanae, et rectae rationis exquisitum iudicium"[1]). Богъ Аристотеля и Цицерона въ поясненіяхъ ихъ христіанскихъ толкователей понимался какъ Богъ, о которомъ учитъ христіанская церковь, хотя Онъ и именовался античнымъ латинскимъ обозначеніемъ Юпитера. Законъ христіанское государство XVI столѣтія вело отъ Бога и Имъ освящало его обязательную силу. Уча о божественномъ происхожденіи власти монарха, государственный мыслитель XVI вѣка, однако, повторялъ Аристотелевское ученіе о назначеніи въ государствѣ монархической власти и объ отличіи ея отъ тиранніи: „Reges autem custodiae defensionisque causa constituti sunt, ut et locupletes prohiberent iniuria, et inopem multitudinem contra locupletum iniurias tuerentur. At uero tyranni non publicae omnium, ut saepe dixi, sed suae ipsorum utilitati consulunt. Estque tyranno uoluptas proposita, regi honestas"[2]).

Христіанскій монархъ долженъ править государствомъ на основаніи законовъ. Это естественно слѣдовало изъ опредѣленія происхожденія закона отъ Бога. Но политическая мысль первой половины XVI столѣтія подходила къ объясненію значенія закона въ государствѣ и съ другой точки зрѣнія. Макіавелли, который былъ внѣ всякаго сомнѣнія извѣстенъ въ Литвѣ[3]) и интересъ къ которому въ Польщѣ отрицается въ спеціальной литературѣ[4]), писалъ, что „есть два способа заставлять себѣ повиноваться: одинъ — законами, другой — си-

---

[1]) M. T. Ciceronis Libri tres de officiis, una cum Hieronymi Wolfii Commentariis, hac secvnda editione et correctis, et nonnihil auctis: quibus ea potissimum tractantur, quae sunt huius argumenti propria: quaeque et a uitijs atque erroribus reuocent: et ad ueritatis atque uirtutis amorem ingenia non distorta impellant: quatenus id quidem oratione mediocri consequi licet. Addita sunt et scholia breuia eiusdem in Catonem, Laelium, Paradoxa, et Somnium Scipionis. Accessit locuples Rerum ac uerborum in his memorabilium Index. Basileae, ex officina Hervagiana. Anno MDLXIX. P. 63.

[2]) De Repvblica, p. 188. Литература объ Аристотелѣ и Цицеронѣ, какъ политическихъ мыслителяхъ, — E. Spektorskij, Zgodovina Socijalne Filozofije. Zvezek I. Od starega veka do XIX stoletja (Ljubljana, 1932), стр. 286 и 287.

[3]) На него ссылается „Rozmowa Polaka z Litwinem" — str. 62.

[4]) Bronisław Dembiński, Stosunek włoskiej literatury politycznej do polskiej w XVI wieku (Kraków, 1888) — „W polskiej literaturze głucho o Machiavellu. Nikt go nie zaczepia, nikt o nim nie mówi, a nawet nie wspomina. Czyżby wcale nie znano najsławniejszego i najciekawszego traktatu

лою. Первый болѣе приличествуетъ людямъ, а второй животнымъ“ [1]). Великое Княжество Литовское уже въ своемъ Статутѣ 1529 года провозгласило необходимость отправленія суда на основаніи общаго закона [2]). Составители Второго Литовскаго Статута идею закона положили въ основу всей своей работы надъ этимъ кодексомъ.

Идея свободы „народа“-шляхты и его правъ, принятая Литовскимъ Статутомъ 1566 года, обосновывалась также ученіемъ тогдашнихъ авторитетовъ политической мысли. У Цицерона читалось: „libertas est potestas uiuendi ut uelis. Is uiuit ut uult, qui recta sequitur, qui gaudet officio, cui uiuendi uia considerata atque prouisa est: qui ne legibus quidem propter metum paret, sed eas sequitur atque colit, quod salutare maxime iudicat: qui nihil dicit, nihil facit, nihil cogitat denique, nisi libenter ac libere....“ [3]). Такъ понимаемую свободу и признавалъ Второй Статутъ за народомъ-шляхтою Великаго Княжества Литовскаго. Самый законъ, которому шляхетскій народъ долженъ повиноваться, онъ самъ и утверждаетъ на вальныхъ сеймахъ черезъ своихъ уполномоченныхъ на то представителей, избираемыхъ всѣмъ народомъ-шляхтою на повѣтовыхъ сеймикахъ.

Шляхетскій „обыватель“, по идеѣ шляхетскаго „народа“, свободный человѣкъ, живущій на средства, которыя доставляетъ ему его имѣніе, его „осѣлость“. Конечно, въ дѣйствительности было достаточно шляхтичей, служившихъ панамъ. Но эта служба могла идеализироваться какъ служеніе болѣе крупному

---

politycznego, z którym we Włoszech chyba często, pomimo indeksu, można się było spotkać?“ (str. 40). Ср. St. Tarnowski, Pisarze polityczni XVI wieku, t. I, str. 82.

[1]) Цитируемъ по русскому переводу Федора Затлера — Монархъ. Сочиненіе Николая Макіавеля Санктпетербургъ, 1869). Стр. 111. Въ итальянскомъ оригиналѣ: „Douete adunque sapere come sono due generationi di combattere, l'una con le leggi, l'altra con le forze. Quel primo modo e de gli huomini, quel secondo e delle bestie“. Il Prencipe di Nicolo Machiavelli, al magnifico Lorenzo di Piero de Medici. La vita di Castrvccio Castracani da Luca. Il modo, che tenne il dvca Valentino per amazzare Vitellozzo Vitelli, Oliuerotto da Fermo, il S. Paolo, et Duca di Grauina (Venecia, MDLIIII) P. 32.

[2]) „Тежъ хочемъ и уставляемъ вечными часы быти ховано, ижъ вси подданые наши, такъ убогіи, яко и богатые, которого бы колвекъ роду або стану были, ровно а одностайно тымъ писанымъ правомъ маютъ сужоны быти“. I Статутъ, p. I, арт. 9.

[3]) Sententiae . . . ., p. p. 121—122.

„рыцеру“, какъ своего рода вассальныя отношенія болѣе мелкаго „рыцера“ къ своему сюзерену. Панъ служилъ „господарю“ великому князю и „речи посполитой“ Великаго Княжества Литовскаго, т. е. его государству, а имъ долженъ былъ служить и каждый шляхтичъ. Заниматься ремесломъ и „мѣрить локтемъ“, т. е. торговать и служить у торговцевъ, шляхтичъ не имѣлъ права. Если онъ это дѣлалъ, то утрачивалъ шляхетство. Шляхетская идея, заложенная въ Литовскій Статутъ 1566 года, понимала шляхтича какъ „благороднаго“ землевладѣльца, отъ своего землевладѣнія получающаго средства къ жизни и служащаго государству. Шляхтичемъ человѣкъ рождается. Индигенатъ есть признаніе переселившагося въ Литву человѣка рожденнымъ въ рыцарскомъ сословіи другого государства, равномъ шляхетству Великаго Княжества Литовскаго. Нобилитація — признаніе за человѣкомъ „стану простого“ качествъ, дѣлающихъ его способнымъ къ „учинкамъ рыцерскимъ“, дающихъ ему право на шляхетское „благородство“. Шляхта выдѣляется изъ всего остального населенія государства въ шляхетскій „народъ“ его, въ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ (cives) государства. Трудно сомнѣваться въ томъ, что ученые составители Второго Литовскаго Статута не подводили подъ исторически сложившіяся права и привилегіи шляхты Великаго Княжества Литовскаго теоретическое основаніе, которое подсказывало хорошо извѣстное имъ ученіе Аристотеля. Его они запомнили въ латинскомъ текстѣ еще на университетскихъ скамьяхъ: „optimus autem ciuitatis status nunquam ciuem faciet eum, qui in sordido quaestu uersabitur“ [1]). Сама природа, твердо помнили они изъ Аристотеля, предназначила однихъ людей къ свободѣ, а другихъ къ рабству: „at illud quidem perspicuum est, esse quosdam a natura liberos generatos, quosdam seruos, quibus et utilis est et iusta seruitus“ [2]). А въ составѣ рабовъ (servi) по Аристотелю были не только несвободные, въ обычномъ значеніи этого слова, но и купцы, и ремесленники: „eorum autem qui necessaria munia obeunt, serui sunt ii qui haec ipsa ad unius commoda referunt . . . . . . Quocirca in aliquo statu ciuitatis necesse est eos qui sordidas artes tractant, ac mercenarios, in numero esse ciuium: quod in aliquo fieri non potest.

---

1) De Repvblica, p. 83.
2) Ibidem, p. 10.

ueluti si quis est ciuitatis status, qui in potestate sit optimorum, in quo et uirtuti honores tribuantur, et pro cuiusque dignitate"[1]). Разумѣется, составители Второго Литовскаго Статута понимали Литву, какъ государство, власть въ которомъ имѣютъ „optimi", т. е. шляхта, а потому и на основѣ теоретической мысли того времени признавали правильнымъ ея значеніе, создавшееся исторически и закрѣпляемое ими въ артикулахъ Статута 1566 года.

Но въ этомъ кодексѣ отразилась и эпоха подготовки Уніи съ Польшею, къ которой Литва должна была приступить съ законченною организаціей своего государства и въ которой стремилась сохранить это государство въ полной неприкосновенности. Мы уже отмѣтили выше отраженіе въ артикулахъ Второго Статута переговоровъ съ поляками на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ. Государство Великаго Княжества Литовскаго конструируется Вторымъ Статутомъ какъ „речь посполитая" совершенно самостоятельная и независимая. Это уже одно является совершенно яснымъ и опредѣленнымъ отвѣтомъ на требованіе „втѣленія" Литвы въ Польскую Корону, которое такъ настойчиво высказывалось на сеймахъ Польши кануна Уніи. Въ изложенныхъ нами выше ограниченіяхъ власти великаго князя Литовскаго, внесенныхъ въ Статутъ 1566 года, отрицаніе инкорпораціи Литвы въ Польшу выступаетъ совершенно отчетливо. Всѣ права и привилеи Великаго Княжества Литовскаго сохраняются неприкосновенными. Части его государственной территоріи, отошедшія когда-либо къ Польшѣ, должны быть ему возвращены. Компетенція урядовъ Литовскихъ охраняется въ полной неприкосновенности, а доступъ къ нимъ открытъ только „родичамъ" Великаго Княжества Литовскаго. „Панство", т. е. государство, Литвы и въ его территоріи, и въ его учрежденіяхъ и урядахъ, и въ службѣ на него, и въ правахъ его становъ не должно потерпѣть никакого ущерба и въ томъ случаѣ, если его монархъ получитъ подъ свою верховную власть другое государство или „королевство". Трудно не видѣть въ этомъ послѣднемъ словѣ указанія именно на Польшу, какъ потому, что великіе князья Литовскіе уже длинный рядъ десятилѣтій соединяли престолъ Литвы съ престоломъ Польши, такъ и потому, что Статутъ 1566 года составлялся и утверж-

[1]) Ibidem, p. 83.

дался въ годы переговоровъ именно съ нею объ Уніи. Передача Сигизмундомъ Августомъ на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литву Польшѣ и распространенное въ послѣдней представленіе о Литвѣ какъ о несвободной вызвали во второмъ артикулѣ третьяго раздѣла Статута 1566 года слова о томъ, что народъ Великаго Княжества Литовскаго издавна жилъ „прикладомъ и способомъ вольныхъ панствъ хрестіянскихъ, ровнаючы, однако маючы и тыхъ вольностей ужываючы и зъ сусѣды, братьею своею, рыцерствомъ и иными[1]) станы народу Коруны Польское". Польское требованіе единаго сейма въ Уніи, какъ сейма Короннаго, т. е. Польскаго, вызвало категорическое постановленіе Второго Литовскаго Статута, чтобы вальные сеймы Литвы всегда собирались „въ томъ же панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ"[2]).

Изъ артикуловъ Литовскаго Статута 1566 года можно бы было извлечь еще много указаній на то, какъ понималъ и закрѣплялъ въ законахъ Великаго Княжества Литовскаго этотъ кодексъ отношенія обоихъ государствъ, готовившихся къ Уніи. Но уже и приведеннаго изъ нихъ достаточно, чтобы составить представленіе о томъ, съ какимъ пониманіемъ своего государства въ предстоящемъ соединеніи съ Польшею Литва приступала къ окончательному о ней рѣшенію. Въ Уніи Литовская „речь посполитая" должна остаться полноправнымъ государствомъ рядомъ съ Польскою Короною и отнюдь не слиться съ нею въ единое государственное цѣлое. Оба, заключающія между собой договоръ о постоянномъ союзѣ федеративнаго характера, государства должны остаться равными по значенію въ федераціи и самостоятельными въ своихъ внутреннихъ жизни и государственномъ значеніи. Съ этимъ требованіемъ Литва выступила въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Его она всѣми силами стремилась осуществить и въ договорѣ Уніи, принятомъ на этомъ сеймѣ.

---

[1]) Исправляемъ изъ „иные" въ изданіи въ XXIII книгѣ Временника.
[2]) III, арт. 6.

Глава V.

Люблинская Унія 1569 года.

Возбужденіе вопроса объ Уніи польскою шляхтою на сеймѣ 1538-1539 годовъ. Унія какъ „экзекуція" старыхъ актовъ и способъ ея осуществленія, намѣчавшійся экзекуціонистами. Развитіе государства Литвы въ XV и XVI столѣтіяхъ и его права, утвержденныя великими князьями Литовскими со времени Казимира Ягайловича. Отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ плану Уніи, выдвинутому польскими экзекуціонистами. Вступленіе Сигизмунда Августа въ управленіе Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Берестейскій сеймъ 1544 года и начало переговоровъ объ Уніи между Литвою и Польшею. Различіе пониманія задачъ Уніи въ обоихъ государствахъ и различіе въ нихъ представленій объ ея исторіи и значеніи ея старыхъ актовъ. Московская война какъ побужденіе для Великаго Княжества Литовскаго желать Уніи въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Дѣло Уніи до 1563 года. Варшавскій сеймъ 1563-1564 годовъ. Его рецессъ. Варшавская декларація 13 марта 1564 года. Rozmowa Polaka z Litwinem. Дѣло Уніи до 1568 года. Городенскій сеймъ и Воиньскій съѣздъ 1568 года. Воиньскій привилей 21 декабря 1568 года и Литовскій проектъ Уніи. Люблинскій сеймъ и исторія дѣла Уніи на немъ. Отторженіе четырехъ воеводствъ отъ Великаго Княжества Литовскаго къ Польской Коронѣ. Привилей 24 марта 1569 года, Договоръ Уніи и привилей 4 іюля 1569 года. Условія соединенія Литвы и Польши по договору Люблинской Уніи. Значеніе сохраненія старыхъ урядовъ Великаго Княжества Литовскаго съ ихъ прежнею компетенціею. Значеніе сохраненія за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ его государственнаго титула, прежняго значенія и правъ его становъ и прежней силы его земскихъ привилеевъ. Итоги изученія Люблинской Уніи: вынужденное по отношенію къ Литвѣ происхожденіе договора Уніи; „спольная", а не единая Речь Посполитая обоихъ народовъ и ихъ государствъ; договоръ Уніи представляетъ собою безсрочный договоръ двухъ государствъ, съ гарантированнымъ Великому Княжеству Литовскому правомъ измѣнить его содержаніе: Люблинскій сеймъ Уніи не создалъ внутренняго объединенія договорившихся о ней государствъ. Общая оцѣнка Люблинской Уніи въ литературѣ. Историческая литература и характеръ государства Польско-Литовской Речи Посполитой, созданной Люблинскою Уніею 1569 года.

Соединеніе Литвы съ Польшею обсуждалось въ теченіе тридцати лѣтъ въ обоихъ государствахъ, прежде чѣмъ оно было выработано и установлено въ 1569 году Люблинскимъ сей-

момъ. Имъ занимались вальные сеймы и рады-сенаты Литвы и Польши, о немъ говорили и переписывались ихъ вліятельные дѣятели, оно было предметомъ политической литературы, его горячо и временами страстно обсуждала шляхта на своихъ оффиціальныхъ съѣздахъ и въ своихъ частныхъ собраніяхъ. За эти тридцать лѣтъ выявились и опредѣлились господствовавшее въ обоихъ государствахъ пониманіе сущности и задачъ Уніи, а также и методы ея проведенія, признаваемые цѣлесообразными. Инициатива поднятія вопроса объ Уніи вышла изъ Польши. На сеймѣ 1538-1539 годовъ польская шляхта потребовала, чтобы Великое Княжество Литовское, такъ же какъ и Пруссія и княжества Силезскія, было привлечено Сигизмундомъ Старымъ къ несенію общей съ Польскимъ королевствомъ обороны. Опатовскій сеймикъ въ инструкціи своимъ сеймовымъ посламъ выдвинулъ требованіе, чтобы поляки не считались въ Литвѣ „alienigenae“ и чтобы актъ Уніи 1401 года былъ возстановленъ въ своей силѣ[1]). Виленскій актъ 1401 года представлялъ собою обязательство Витовта и князей и бояръ Литвы сохранять покорность и вѣрность Польскимъ королямъ и королевству, съ обязательствомъ защищать ихъ отъ всѣхъ ихъ враговъ. По смерти Витовта, согласно этому акту, Великое Княжество Литовское должно поступить подъ власть короля Польши[2]). Такимъ образомъ, польская шляхта потребовала возстановленія полной силы одного изъ договоровъ Уніи, какъ разъ того, который былъ вызванъ труднымъ положеніемъ Витовта и его государства послѣ разгрома его войскъ татарами на Ворсклѣ въ 1399 году. Нужно думать, что извѣстность именно этого акта 1401 года среди польской шляхты была болѣе или менѣе случайной. Знакомство со всѣми актами, которыми можно было аргументировать права Польской Короны на Литву и которые хранились въ Краковскомъ Коронномъ архивѣ, т. е. были недоступны широкимъ шляхетскимъ кругамъ, наступило позднѣе. Конечно, шляхта Польши не знала ни исторической обстановки проис-

---

[1]) См. Oskar Halecki, Dzieje Unii Jagiellońskiej, tom II (Kraków, 1920), str. 97 nn.

[2]) О происхожденіи этого договора, какъ вынужденнаго Польшею, см. А. И. Барбашевъ, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы 1410 г. (С.-Петербургъ, 1885), стр. 105 и J. Lappo, Istorinė Vytauto reikšmė (Atmušta iš II „Praeities“ tomo. Kaunas. 1930), 56—58 p.

хожденія этого акта, ни содержанія послѣдующихъ документовъ, говорившихъ объ отношеніяхъ Литвы и Короны, ни привилеевъ, выданныхъ Великому Княжеству Литовскому его великими князьями, бывшими одновременно и Польскими королями. Одни изъ этихъ документовъ могли бы еще болѣе усилить аргументацію инкорпораціи Литвы въ Польшу; другіе, наоборотъ, ее ослабить и даже разрушить. Но во всякомъ случаѣ, Унія была уже въ 1538 году поставлена шляхтою Польши какъ дѣло, рѣшенное документомъ, въ которомъ установлено нерушимое право Польской Короны на Великое Княжество Литовское. Кромѣ одного акта къ рѣшенію вопроса Уніи будутъ привлечены и другіе. Всѣми ими, однако, будетъ доказываться то же формальное право. Польша имъ обладаетъ на основѣ старыхъ актовъ. Лишь благодаря нарушенію ихъ Литвою и попустительству Польскихъ королей, эти безспорные, по убѣжденію шляхты Польши, акты до сихъ поръ не были реализованы. Приведеніе ихъ въ исполненіе, ихъ „экзекуція“, становится очередною задачею для Польши. Эта задача должна быть разрѣшена безъ замедленія.

Такимъ образомъ, польскіе экзекуціонисты представляли дѣло такъ, что ни о какихъ новыхъ условіяхъ соединенія Литвы съ Польшею не можетъ быть и рѣчи. Все дѣло въ томъ, что старые договоры Уніи не соблюдались. Ихъ нужно привести въ исполненіе. Это все, что требуется. Сигизмундъ Старый, бывшій въ то время королемъ Польши и великимъ княземъ Литвы, долженъ это сдѣлать. Онъ долженъ заставить сеймъ Великаго Княжества Литовскаго, въ полномъ его составѣ, прибыть на сеймъ Польши и съ нимъ соединиться. На этомъ сеймѣ будутъ предъявлены договоры Уніи, „monumenta unionis“, и слившійся съ Коронным сеймомъ сеймъ Литвы будетъ принужденъ принять къ исполненію эти договоры. Такъ просто и, съ точки зрѣнія экзекуціонистовъ, юридически правильно должно разрѣшиться дѣло Уніи. Но въ Польшѣ знали, что Литовскій сеймъ устроенъ иначе, чѣмъ Коронный. Детали его организаціи и состава едва ли представляли себѣ ясно. Но то, что Литовскій сеймъ былъ тогда однопалатнымъ, польскіе экзекуціонисты должны были знать или узнать, когда вопросъ о сліяніи сеймовъ Литвы и Польши былъ ими поставленъ на очередь. Литовскій сеймъ не раздѣлялся еще въ ту пору на сенатъ и посольскую избу, какъ это было въ Польской Коро-

нѣ, а представлялъ собою „соймъ“ пановъ-рады, расширенный шляхетскимъ представительствомъ. Члены этого однопалатнаго сейма, по его идеѣ расширенной рады, казалось бы, должны соединиться съ Польскимъ сенатомъ. Но это было недопустимо какъ потому, что въ такомъ случаѣ голоса представителей Литвы совершенно бы подавили голоса сенаторовъ Польши, такъ и потому, что въ Коронѣ существовало представленіе, будто бы литовская шляхта рвется на встрѣчу польскимъ планамъ Уніи, стремится къ сліянію со шляхтою Польши и только литовскіе „потентаты“, радные паны, ее не допускаютъ къ этому. Стало быть, нужно предварительно добиться реформы Литовскаго сейма — раздѣлить его на двѣ палаты, организовать въ Литвѣ правильное представительство шляхты путемъ выбора сеймовыхъ пословъ ея на шляхетскихъ сеймикахъ и, отдѣливъ на сеймахъ шляхту отъ „потентатовъ“, противопоставить посольскую избу радѣ-сенату сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго. Тогда окажется возможнымъ сліяніе сеймовъ Литвы и Польши въ единый Коронный сеймъ. Тогда литовская шляхта вмѣстѣ со шляхтою Польши легко осуществятъ Унію, которую проводятъ экзекуціонисты, и дѣло ея устроится легко и просто.

Какъ же отнеслась Литва къ этимъ планамъ экзекуціонистовъ Польши? Могли ли они встрѣтить сочувствіе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ? Считались ли они съ дѣйствительнымъ положеніемъ государства Литвы въ серединѣ XVI столѣтія? Принимали ли они въ расчетъ потребности Великаго Княжества Литовскаго вообще и въ ту эпоху въ особенности? Были ли они пріемлемы для Литвы какъ государства, такъ сильно выросшаго въ своемъ государственномъ сознаніи со времени заключенія старыхъ актовъ Уніи? На эти вопросы можетъ быть отвѣтъ только отрицательный. „Экзекуція Уніи“, какъ она ставилась въ программу Польши въ концѣ царствованія Сигизмунда Стараго, исходила изъ актовъ времени Ягайла и перваго десятилѣтія великокняженія Витовта. Полтора вѣка, протекшіе послѣ нихъ, игнорировались совершенно. А за это время не только восторжествовала въ Литвѣ Витовтова идея ея самостоятельной и независимой государственности, но Великое Княжество Литовское выросло и въ своей культурѣ. Задачи, стоявшія передъ Литвою въ серединѣ XVI вѣка, были далеко не тѣ, которыя она должна была разрѣшать на рубежѣ

XIV-го и XV-го столѣтій. Планы экзекуціонистовъ искали осуществленія интересовъ только Польши и стремились реализовать старые акты для выгоды ея, совершенно не считаясь ни съ желаніями Великаго Княжества Литовскаго, ни съ его нуждами и дѣйствительными потребностями.

Хорошо извѣстна программа Витовта, которую онъ съ такими упорствомъ и талантомъ развивалъ и осуществлялъ въ свое великокняженіе. Эта программа – свобода, т. е. полная независимость, государства Литвы, увѣнчанная титуломъ королевства, такого же королевства, какъ и Польша, съ которою Великое Княжество Литовское совершенно равно по своему значенію суверениаго государства. Колебанія этой программы, наступившія послѣ смерти Витовта, закончились въ 1440 году самостоятельнымъ возведеніемъ Литвсю на свой великокняжескій престолъ Казимира Ягайловича съ полнымъ разрывомъ Уніи съ Польскою Короною. Когда Казимиръ былъ избранъ затѣмъ и на престолъ Польши, Литва, прежде чѣмъ отпустить его въ Корону, заставила его выдать извѣстный привилей 2 мая 1447 года, который формальнымъ актомъ ея великаго князя, дѣлающагося и Польскимъ королемъ, закрѣплялъ самостоятельность и независимость государства Великаго Княжества Литовскаго. Въ числѣ обязательствъ, которыя принялъ тогда на себя Казимиръ, были два, разрушавшія начисто возможность осуществленія старыхъ польскихъ плановъ инкорпораціи Литвы, которые были созданы еще въ восьмидесятыхъ годахъ XIV столѣтія, которые не забывались въ Польшѣ все послѣдующее время и которые вновь были выдвинуты экзекуціонистами въ царствованіе Сигизмунда Стараго. Первое изъ этихъ обязательствъ гласитъ отъ имени Казимира Ягайловича: „а также обѣцуемъ и слюбуемъ, ижъ панства нашого земль Великого Князьства предреченого не вменшимъ; але у границахъ, какъ же предъки были нашы, на имя князь [великій] Александръ, нареченый Витовтъ, дядя нашъ, и иные деръжали и володѣли, такожъ и мы тые жъ земли здорови, цѣлы держати будемъ и володѣти и щитити, а съ Божьею помочью и всѣми силами нашими розмножати будемъ". Въ другомъ обязательствѣ читается: „такожъ обѣцуемъ и слюбуемъ, ижъ въ земляхъ тыхъ нашихъ Великого Князьства земль, городовъ, мѣстъ, а любо которыхъколвекъ дѣдичьтвъ у володѣніе и въ дерьжаніе, а любо нѣкоторые вряды а любо чьти, не имаемъ дать въ честь никоего чю-

жоземца, але только тамъ родичамъ тыхъ земль нашихъ предреченыхъ Великого Князьства Литовского дамы и наши [потомки] послѣ будущіи дадуть въ дерьжаніе и володѣнье" [1]). Этими обязательствами Казимира Литва была гарантирована отъ сліянія съ Польшею. Всѣ ея земли должны оставаться ея государственною территоріею, всѣ земельныя пожалованія и должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ могутъ даваться только ея „родичамъ".

Постановленія земскаго привилея 2 мая 1447 года подтверждались преемниками Казимира, а со времени Сигизмунда Стараго добавленіемъ къ нимъ явилось обязательство великаго князя не уменьшать значенія государства Литвы въ случаѣ полученія имъ подъ свою власть и Польскаго королевства [2]). Все это было воспринято Литовскимъ Статутомъ 1529 года въ его артикулы. Рукописные экземпляры Статута разошлись по всему Великому Княжеству Литовскому, и законы, гарантировавшіе неприкосновенность государства Литвы отъ притязаній Польши на ея инкорпорацію, получили широкую извѣстность среди „обывателей". На рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XVI столѣтія, когда экзекуціонисты Польши выступили со своимъ требованіемъ возстановленія силы договора 1401 года, это требованіе должно было вызвать въ Литвѣ не только удивленіе, но и раздраженіе, притомъ какъ у радныхъ пановъ, такъ и въ широкихъ кругахъ боярства, изъ котораго начиналъ вырабатываться шляхетскій „народъ" Великаго Княжества Литовскаго. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, кто держалъ въ своихъ рукахъ экземпляръ Перваго Литовскаго Статута, знали его артикулы, гласившіе отъ имени великаго князя Сигизмунда Стараго: „тежъ, коли Панъ Богъ узхочетъ зычити и допустити намъ панства иного, такъ же и королевства, тогды панства нашого Великого Князства Литовского и радъ нашихъ ни въ чомъ не вменшымъ, але отъ всякое легкости и пониженья, яко славное памети отецъ нашъ чинилъ въ часу щасного панованья своего,

1) Цитируемъ по русскому тексту привилея, сохранившемуся въ рукописной Кормчей Книгѣ начала XVI столѣтія — А. З. Р., I, № 61.

2) „Item si dominus Deus fauebit nobis assequi dominium tam regni Poloniae, quam aliarum terrarum, extunc dominia nostra magni ducatus Lituaniae et dominos consiliarios in nullo diminuemus, sed ab omni leuitate ac depressione, prout diuus genitor noster tempore felicis sui regiminis faciebat, omnia custodiemus". Coll. ex Arch. Coll. Jur., t. VII, p. 272 (§ 4).

того панства стеречы будемъ“ [1]); „тежъ добра Князства того Великого Литовского не вменшимъ, але што будеть несправедливе отдано и неслушне розобрано и упрохано, ку власности того Князства приведемъ и привести хочемъ“[2]); „тежъ шлюбуемъ и обецуемъ, ижъ въ земляхъ нашихъ того Великого Князства земль и городовъ, местъ а которыхъ-колвекъ дедицствъ и держанья, и тежъ которыхъ-колвекъ урадовъ нашихъ або честей и достойности жадному обчому, але толко прирожонымъ а тубылцомъ тыхъ земль нашихъ Великого Князства выше мененого будемъ давати и потомки наши будуть давати въ держанье и въ жалованье“[3]).

Положенiе Сигизмунда Стараго оказалось чрезвычайно затруднительнымъ. „Экзекуцiя Унiи“, которая была поставлена очередною задачею въ Польшѣ, оказалась въ противорѣчiи съ его обязательствами передъ Литвою, скрѣпленными его присягою какъ великаго князя Литовскаго. Онъ сталъ затягивать дѣло, а затѣмъ, ссылаясь на свою старость, рѣшилъ передать Великое Княжество Литовское въ управленiе своему сыну Сигизмунду Августу, хотя бы и подъ своимъ верховенствомъ. Это позволяло Сигизмунду Старому отклонить отъ себя отвѣтственность передъ Коронными сеймами за то, что онъ не спѣшилъ исполнять ихъ требованiя скорѣйшей „экзекуцiи Унiи“, ибо Литвою уже сталъ править не онъ самъ, а его сынъ, какъ отдѣльный отъ Польши монархъ. Съ согласiя Берестейскаго сейма 1544 года Сигизмундъ Августъ вступилъ въ управленiе Литвою. Онъ былъ уже давно избранъ въ преемники своего отца Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, оно теперь считало его вступившимъ на великокняженiе и на слѣдующемъ за Берестейскимъ сеймомъ, собравшемся въ январѣ 1547 года въ Вильнѣ, предложило ему подтвердить привилеи, дарованные Литвѣ его предшественниками, ибо теперь онъ „осести рачылъ на томъ панстве своемъ отъчызномъ, Великомъ Князстве Литовъскомъ“ [4]). На Берестейскiй сеймъ 1544 года явилось Польское посольство съ предложенiемъ Литвѣ Унiи на основѣ старыхъ договоровъ, говорящихъ о томъ, что она инкорпорирована въ

---

[1]) I Ст., III, арт. 1.

[2]) Тамъ же, арт. 2.

[3]) Тамъ же, арт. 3.

[4]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 133.

Польшу, На это предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ былъ данъ отрицательный: Литва такой Уніи не желаетъ. Великое Княжество Литовское хочетъ оставаться самостоятельнымъ государствомъ, со своими особыми правами[1]). Такимъ образомъ, Унія съ Польшею, на которую бы могла пойти Литва, представлялась ей лишь постояннымъ союзомъ для защиты отъ общихъ враговъ. Иными словами, Великое Княжество Литовское шло лишь на федеративный союзъ съ Польшею, а отнюдь не на сліяніе въ единомъ государствѣ. Различіе пониманія желательной и возможной Уніи въ Литвѣ и Польшѣ обнаружилось при самомъ началѣ переговоровъ о ней въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія. Это различіе сохранилось все послѣдующее время вплоть до 1569 года, когда Унія была наконецъ закончена. Этого мало. Оно осталось и послѣ Люблинской Уніи, до самаго конца XVIII столѣтія.

Вмѣсто предположеннаго экзекуціонистами Польши общаго соединеннаго сейма ея и Польши, который въ одинъ пріемъ приметъ Унію на основаніи старыхъ, казавшихся имъ безспорными, договоровъ, началась длительная пересылка послами и переговоры черезъ посольства. Во время этихъ переговоровъ все полнѣе собирался арсеналъ старыхъ договоровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ происходила и ихъ критика Литвою. Все отчетливѣе формулировались требованія, съ которыми оба государства подходили къ Уніи. Яснѣе и яснѣе становились методы, которые считались возможными въ Литвѣ и Польшѣ для доведенія дѣла Уніи до конца. Различіе во всемъ этомъ оказывалось полное. Въ то же время польская и литовская программы Уніи закрѣплялись въ каждомъ изъ этихъ государствъ. Два съ половиной десятилѣтія, въ которыя велись переговоры, создали энергичныхъ и умѣлыхъ борцовъ за эти программы и выдвинули ихъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ какъ руководителей. Литовскій и Польскій вальные сеймы прониклись требованіями своихъ государствъ въ дѣлѣ Уніи. Эти требованія глубоко закрѣпились и въ шляхетскихъ „народахъ“ Литвы и Польши. На смѣну умиравшихъ борцовъ становились другіе. Борьба за различно понимаемыя цѣли и условія Уніи стала задачею смѣнявшихся въ эти двадцать пять лѣтъ поколѣній. Въ ней воспитывалось поколѣніе, которое подростало тогда и которое воз-

---

[1]) Oskar Halecki, op. cit., str. 106—107.

метъ въ свои руки судьбы Литвы и Польши уже послѣ заключенія Уніи въ 1569 году.

Польша выдвигала свое историческое право на обладаніе Литвою. Она обосновывала его старыми актами и историческими свѣдѣніями, сообщавшимися въ польскихъ хроникахъ. Для обоснованія правъ Польши на Литву особенно много давала хроника Мартина Кромера, вышедшая первымъ изданіемъ въ Базелѣ въ 1555 году[1]), ибо ея авторъ, ознакомившись съ документами Краковскаго Короннаго архива, постарался извлечь изъ нихъ данныя, благопріятныя для притязаній Польши. Но польскія хроники не только собирали историческіе факты. Въ своемъ ихъ подборѣ онѣ старались показать, что литовцы не только нарушили свои обязательства по отношенію къ Польшѣ, но выявили и свою къ ней неблагодарность за сдѣланное ею для Литвы. Польша Литвѣ давала не только свою помощь. Она присоединеніемъ Литвы къ себѣ при Ягайлѣ оказала ей величайшую честь. Престолъ Польской Короны славенъ на цѣлый міръ. Никому неизвѣстную, грубую и некультурную Литву, соединивъ съ собою, Польша осѣнила своею славою и своимъ величіемъ. Разсказывая о Петрковскомъ сеймѣ 1459 года, Кромеръ приводилъ рѣчь Яна изъ Рытвянъ на этомъ сеймѣ, съ рядомъ упрековъ Казимиру Ягайловичу, который „позволяетъ Литвѣ" захватывать принадлежащія Польшѣ русскія земли. Въ этой рѣчи литовцы обвинялись въ невѣрности Казимиру и его отцу Ягайлу, а о послѣднемъ, между прочимъ, говорилось, что его, никому неизвѣстнаго и убогаго государя, поляки сдѣлали супругомъ своей королевы и тѣмъ доставили ему всемірную извѣстность[2]). Вообще нерасположенный къ литовцамъ, другой польскій хронистъ того времени Мартинъ Бѣльскій, въ вышедшемъ въ 1564 году третьемъ из-

---

[1]) De origine et rebus gestis Polonorum.

[2]) Въ рѣчи, которую произносилъ Joannes Rithuianius, по изложенію Кромера, о Ягайлѣ, между прочимъ, говорилось: „nos vero illum quidem obscurum et ignotum et anguste dominantem ad amplissimum coniugium et florentissimum regnum ultro accivimus, et in universum terrarum orbem celebrem reddidimus". Polonicae Historiae Corpvs: hoc est, Polonicarvm Rervm Latini recentiores et ueteres scriptores, quotquot extant, uno volumine compraehensi omnes, et in aliquot distributi Tomos. Ex bibliotheca Joan. Pistorii Nidani D. Tomus II (Basileae, 1582), p. 746.

даніи своей „Kronika świata“ поспѣшилъ ввести въ свое изложеніе эту рѣчь Яна изъ Рытвянъ, какъ ее привелъ Кромеръ[1]).

Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, конечно, не могли соглашаться во всемъ этомъ съ польскими представленіями. Мы видѣли уже, что старые акты Уній не только считались Литвою отмѣненными жизнью, но для нея и формально уничтоженными ея великими князьями, со времени Казимира присягавшими ей въ сохраненіи неприкосновеннымъ ея государства въ его значеніи и въ его территоріи. Не всѣ эти старые акты представлялись въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ получившими силу даже при самомъ ихъ утвержденіи. Актъ 1501 года, на который стали ссылаться въ Польшѣ послѣ выявленія его Кромеромъ, въ Литвѣ не признавался имѣвшимъ силу потому, что, хотя онъ и былъ скрѣпленъ великимъ княземъ Александромъ и бывшими съ нимъ въ Мельникѣ панами, но „тыи, которыи при тыхъ записехъ не были, и тежъ многіи земли, которыи жъ прислухають къ Великому Князству“, отказались признать актъ Мельницкой Уніи[2]). Да кромѣ того и этотъ актъ, какъ и всѣ предшествующіе ему акты Уній, не могъ представляться въ Литвѣ имѣющимъ какое-либо значеніе, ибо всѣ они для нея потеряли силу, на основаніи выданныхъ ей привилеевъ ея великими князьями и законовъ Литовскаго Статута 1529 года. Что касается представленій объ исторіи отношеній Литвы и Польши, то они также были совершенно различны въ обоихъ государствахъ. Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ узнавали въ то время свою исторію не изъ польскихъ хроникъ, а изъ литовско-русскихъ и южно-русскихъ лѣтописей[3]). Первое изданіе хроники Стрыйковскаго вышло въ свѣтъ только въ 1582 году. А она впервые объединила въ изложеніи хрониста исторію Польши съ исторіею Литвы, какъ „Kronika Polska, Litewska, Źmódzka i wszystkiéj Rusi“. Литовско-русская же лѣтопись отвергала Польско-Литовскія Уніи и не хотѣла ихъ знать. Въ ней Польша являлась совершенно отдѣльною отъ Литвы, притомъ

---

[1]) См. Ign. Chrzanowski, Marcin Bielski. Studyum literackie (Warszawa, 1906). Str. 143—144.

[2]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 147.

[3]) Въ Rozmowie Polaka z Litwinem, о которой мы говорили выше (стр. 70—75), Литвинъ говоритъ о своихъ знаніяхъ по исторіи Великаго Княжества Литовскаго — „jako kroniki świadczą nasze stare, po rusku napisane“. Rozmowa... (Kraków, 1890), str. 67.

постоянно къ ней враждебною. О борьбѣ съ Польшею, а не о „братствѣ" съ нею читалось и въ лѣтописи южно-русской. Такимъ образомъ, всѣ господствовавшія въ Польской Коронѣ историческія и историко-юридическія представленія объ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ находились въ полномъ противорѣчіи съ представленіями, господствовавшими въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Но къ этому присоединялось и совершенно понятное раздраженіе, вызываемое высокомѣрно-презрительнымъ отношеніемъ къ Литвѣ, къ ея историческому прошлому и настоящему состоянію, которое существовало въ Польшѣ и получало свое выраженіе въ рѣчахъ на Коронныхъ сеймахъ, въ польскихъ хроникахъ, а, надо думать, и при отдѣльныхъ встрѣчахъ поляковъ съ литовцами. Понятно, что идея Уніи, какъ сліянія въ единую Польскую Корону, которую стремились заставить Литву принять польскіе экзекуціонисты, не могла быть ею принята. Естественно, что она отвѣчала отказомъ на предложенія Уніи, которыя шли къ ней изъ Польши въ послѣдніе годы правленія Сигизмунда Стараго и въ первую половину правленія Сигизмунда Августа.

Итакъ: взглядъ на характеръ желательныхъ отношеній Польши и Литвы въ предполагаемой Уніи совершенно различенъ въ обоихъ этихъ государствахъ; пониманіе ими значенія и силы старыхъ договоровъ Уніи совершенно несходно; свою исторію Литва представляетъ совсѣмъ не такъ, какъ поляки желанія уступить польскимъ домогательствамъ Литва не имѣетъ; государственная организація Великаго Княжества Литовскаго имѣла въ эпоху до реформъ 1564-1566 годовъ настолько большія отличія отъ государственной организаціи Польши, что ихъ сліяніе въ единое государство представляло почти непреодолимыя трудности. Совершенно естественно, что при наличности всего этого всѣ переговоры объ Уніи не имѣли никакихъ положительныхъ результатовъ. Отъ нихъ только копилось въ Польшѣ и Литвѣ взаимное раздраженіе. Такимъ образомъ, для того, чтобы все-таки въ серединѣ XVI столѣтія Унія состоялась, имѣлись три возможности. Первая изъ нихъ — одно изъ государствъ свободно и добровольно приметъ точку зрѣнія другого, будетъ имъ, такъ сказать, переубѣждено. Вторая — государства придутъ къ компромиссу и путемъ взаимныхъ уступокъ договорятся объ условіяхъ соединенія. Третья — одно изъ государствъ будетъ принуждено силою или вынуждено внѣ-

шними для него опасностями, цѣною избавленія отъ нихъ, принять условія Уніи, на которыхъ настаиваетъ другое. Но при осуществленіи каждой изъ этихъ возможностей, для общаго сеймованья Литвы и Польши было необходимо, чтобы организація ихъ сеймовъ совпадала, а для этого требовалась реформа широкаго государственнаго размаха, ибо сеймъ того или другого состава и того или другого значенія былъ тѣсно связанъ и съ устройствомъ органовъ верховной власти и управленія, и съ областнымъ дѣленіемъ, и съ сословнымъ строемъ.

Исторія переговоровъ объ Уніи между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Короною Польскою въ среднія десятилѣтія XVI вѣка дѣлится на два періода. Въ первомъ изъ нихъ, охватывающемъ время съ начала сороковыхъ годовъ до исхода пятидесятыхъ, къ Уніи стремится въ сущности только Польша. Отъ Польши исходитъ иниціатива. Литва въ этотъ періодъ переговоровъ къ самой идеѣ Уніи относится безъ особаго сочувствія. Для Великаго Княжества Литовскаго тогда Унія не представлялась нужною, а Унію на основѣ старыхъ договоровъ оно рѣшительно отказывалось принять. Что касается второго періода переговоровъ, т. е. шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, то теперь уже не только Польша, но и Литва сознаетъ Унію нужною и къ ней стремится. Въ то же время и реформы 1564-1566 годовъ, произведенныя Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, создавая въ немъ аналогичную съ Польшею государственную организацію, хотя и остающуюся въ деталяхъ отличною, дѣлали болѣе осуществимымъ соединеніе обоихъ государствъ. Но Литва и въ этотъ періодъ переговоровъ, дѣлая рядъ уступокъ требованіямъ Польши, рѣшительно не принимаетъ основной идеи польскихъ экзекуціонистовъ, т. е. инкорпораціи Великаго Княжества Литовскаго въ Польскую Корону.

Что́ же заставило Литву считать Унію для себя желательною и даже почти необходимою? — Это были крайне серьезныя внѣшнія опасности, которыя для нея грозно развивались. Присоединеніе Ливоніи, начатое договоромъ съ Ливонскимъ магистромъ Готгардомъ Кетлеромъ въ 1559 году и законченное актомъ о подчиненіи Ливоніи великому князю Литовскому въ 1561 году, привело Литву къ войнѣ съ Московскимъ государствомъ. Войну эту пришлось вести не только въ Ливоніи, но и на территоріи самаго Великаго Княжества Литовскаго, въ которую вторглись Московскія войска. Весною 1562 года были

опустошены окрестности Витебска, Орши и другихъ городовъ. 15 февраля 1563 года былъ взятъ московскими войсками Полоцкъ. Земли Полоцкаго и Витебскаго воеводствъ, въ своей значительной части, захвачены Москвою. Въ нихъ установлены уже Московскіе власти. Опустошеніе этихъ земель было громадное. Толпы „экзулянтовъ" изъ нихъ появились въ оставшихся подъ Литовскою властью воеводствахъ. Для веденія войны и отраженія врага потребсвались и рушенья бояръ-шляхты, и наемъ ротъ „служебныхъ" драбовъ и жолнеровъ. Сеймы Великаго Княжества Литовскаго установляютъ „серебщизны", чрезвычайные налоги на военные расходы. Господарскія имѣнія закладываются все въ большемъ и большемъ числѣ кредиторамъ государственнаго скарба Литвы. На города и на еврейскіе кагалы налагаются денежные сборы и принудительные займы. Нужны исключительно крупные расходы и на наемныя войска, и на артиллерію, и на приведеніе въ боевую готовность крѣпостей-замковъ. Нельзя было считать въ безопасности также и юго-восточныя границы Великаго Княжества Литовскаго, которымъ грозили набѣги и вторженія Крымскихъ татаръ. А чтó, если какъ разъ въ это время Польша сдѣлаетъ попытку силою оружія произвести „экзекуцію" старыхъ актовъ Уній и инкорпорировать въ себя Литву насиліемъ? Въ пограничьѣ съ Польшею, на Волыни и въ Подляшьѣ, уже происходили насилія поляковъ надъ обывателями Великаго Княжества Литовскаго[1]). И это было въ то время, когда его восточная

---

[1]) На Виленскомъ сеймѣ 1559 года, въ числѣ поданныхъ станами просьбъ, была просьба „о кривъды отъ пановъ поляковъ границамъ Великого Князъства Литовъского" (Р. Ист.Б., XXX, ст. 271, просьба 3). На Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ Волынь просила „коло обороны у кривдахъ ихъ отъ пановъ поляковъ" (тамъ же, ст. 372, просьба 33), а Подляшье жаловалось на великія насилія и на захваты поляками земель „przez granice Wielkiego Xięstwa Litewskiego z strony Corony Polskiey y Xięstwa Mazowieckiego" (тамъ же, ст. 382, арт. 2). На томъ же сеймѣ подляшане просили о скорѣйшемъ заключеніи Уніи, ибо въ противномъ случаѣ Подляшье будетъ испытывать всѣ опасности „украины", т. е. пограничной земли, на которую легко можетъ напасть сосѣднее государство, т. е. Польша. Въ отвѣтѣ Сигизмунда Августа эта просьба формулирована такъ: „prosiliscie, aby jego kro. m. z ich msciami pany-radami o pokoiu waszym z obywatelmi Coronnemi obmyszlawac a do vniey was z nim[i] sposobic raczył, co iesliby nie było, tedy ziemie Podlaską vkrayną rychło byc rozumieiąc" (тамъ же, ст. 383, арт. 3).

„украина“ опустошалась Москвою, а южная находилась подъ постоянною угрозою со стороны Крыма.

Совершенно естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ постоянный союзъ съ Польшею, который будетъ обезпеченъ Уніей, долженъ былъ представляться въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ чрезвычайно желательнымъ. Эта Унія доставитъ государству Литвы помощь Польши. Войско польское, въ силу постояннаго союза обоихъ государствъ, дастъ возможность Литвѣ выдержать натискъ Москвы и поможетъ сохранить цѣлость Литовской государственной территоріи. Желаніе скорѣе получить военную помощь отъ Польши черезъ заключеніе Уніи нашло свое выраженіе въ просьбахъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, стоявшихъ земскимъ войскомъ подъ Витебскомъ въ 1562 году. Станы Литвы просили своего великаго князя „о роспущеньи зъ войска для причинъ недостатку живности“, т. е. изъ-за недостатка провіанта, который поставилъ войско въ безвыходно тяжелое положеніе. Съ этою просьбою станы отправили къ Сигизмунду Августу пана Яна Еронимовича Ходкевича и пана Мальхера Шемета. Первый изъ нихъ былъ сыномъ Еронима Александровича Ходкевича, занимавшаго уряды старосты Жомойтскаго и каштеляна Троцкаго, а затѣмъ каштеляна Виленскаго. Янъ Ходкевичъ въ 1562 году былъ Литовскимъ стольникомъ и державцею Плотельскимъ и Тельшовскимъ. Уже въ слѣдующемъ 1563 году онъ былъ назначенъ Жомойтскимъ старостою, а затѣмъ получилъ должность администратора и гетмана Лифляндіи, урядъ земскаго маршалка и Виленское каштелянство. Въ лицѣ Яна Ходкевича имѣемъ, такимъ образомъ, члена крупнѣйшаго панскаго рода Литвы, уже въ 1562 году входившаго въ составъ рады какъ стольникъ, въ слѣдующемъ году занявшаго мѣсто среди пановъ-рады „старшихъ“ въ значеніи Жомойтскаго старосты, а затѣмъ получившаго и другіе, самаго высокаго значенія уряды въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Что касается Мальхера Шемета, въ 1562 году бывшаго Берженьскимъ тіуномъ въ Жомойти, то и онъ принадлежалъ къ панскому роду, а въ 1566 году занялъ урядъ каштеляна земли Жомойтской[1]). Эти послы земскаго войска принесли къ Сигизмунду Августу не только просьбу о роспускѣ войска, но и другія. Давъ свое согласіе, „абы было

[1]) О Мальхерѣ Шеметѣ см. выше, стр. 191—192.

войско роспущоно", объ этихъ другихъ просьбахъ великій князь говорилъ въ своемъ „отписѣ" станамъ Великаго Княжества Литовскаго такъ: „а у-въ иныхъ речахъ, въ которыхъ черезъ тую жъ братью свою до насъ усказывали, на то отъ насъ они отказъ взели и будуть вашой милости волю нашу вамъ ознаймити"[1]. Эти „иные речи" и были просьбою о скорѣйшемъ заключеніи Уніи и созывѣ для него „спольнаго" съ поляками сейма. Сущность Уніи представлялась тогда станами Литвы въ общемъ монархѣ и общей оборонѣ отъ враговъ. Для избранія перваго и для организаціи второй необходимы общіе сеймы. Чтобы они были возможны, нужна реформа сейма Литвы, которая связана съ рядомъ другихъ реформъ, приближающихъ организацію государства Великаго Княжества Литовскаго къ государственной организаціи Польши. Но все это отнюдь не означаетъ того, что станы Литвы въ 1562 году подъ Витебскомъ приняли польскую идею Уніи. Наоборотъ, они признавали совершенно необходимымъ сохраненіе государства Великаго Княжества Литовскаго рядомъ съ государствомъ Польской Короны и послѣ Уніи. Иными словами, они понимали подъ Уніей не сліяніе съ Польшею въ единомъ государствѣ, а лишь ихъ федеративный союзъ съ общимъ избирательнымъ монархомъ и съ общимъ сеймомъ для общихъ дѣлъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ защита обоихъ соединяющихся въ Уніи государствъ отъ внѣшнихъ враговъ[2]. Трудно согласиться съ предположеніемъ, будто эти просьбы становъ Литвы изъ-подъ Витебска были „эхомъ", которое звучало со стороны шляхты Великаго Княжества Литовскаго въ отвѣтъ на призывы къ Уніи, несшіеся изъ Польши[3]. Не „эхомъ" на программы „экзекуціи Уніи", которыя провозглашала спокойно живущая въ своихъ имѣніяхъ польская шляхта, а крикомъ истомленной войною, полуголодной массы людей звучатъ просьбы литовскихъ становъ изъ-подъ Витебска. Они утрачивали надежду на успѣшное веденіе войны силами одного своего государства, уже достаточно истощеннаго. А близкая возможность прекращенія династіи Гедиминовичей-Ягайловичей, разрывая

---

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 118—119.

[2]) Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 635—636. Osk. Halecki, op. cit., str. 152—155.

[3]) Osk. Halecki, op. cit., str. 151.

всѣ связи съ Польшею, грозила къ требующимъ военной „обороны“ Московской и Крымской „украинамъ“ прибавить еще „украину“ Польскую, которую придется защищать противъ поляковъ, уже говорящихъ о необходимости заставить Литву принужденіемъ „втѣлиться“ въ Польскую Корону во исполненіе давно забытыхъ и нарушаемыхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ старыхъ актовъ Уніи.

И экзекуціонисты Польши того времени, и историки времени новаго видятъ въ просьбахъ объ Уніи, представленныхъ станами Литвы изъ-подъ Витебска, выраженіе стремленія шляхты Великаго Княжества Литовскаго къ соединенію съ Польскою Короною [1]). Но эти просьбы были представлены Сигизмунду Августу отъ имени всѣхъ становъ Литвы. Отвѣтъ на нихъ былъ данъ имъ великимъ княземъ черезъ „братію“ ихъ Ходкевича и Шемета, которые отнюдь не были рядовыми шляхтичами, а принадлежали какъ разъ къ панскому классу. Поэтому едва ли возможно противополагать рядовую шляхту панамъ Великаго Княжества Литовскаго въ этомъ дѣлѣ. Всѣ станы его сознавали настоятельную нужду своего государства въ военной помощи и хотѣли ее обезпечить Уніею. Но всѣ они желали Унію лишь такую, въ которой Литовская государственность не была бы утрачена. Унія для становъ Великаго Княжества Литовскаго являлась не цѣлью, а средствомъ. Не соединеніе съ Польшею въ одно государство было имъ нужно для общей государственной жизни, а ея военная помощь и возможность справиться съ внѣшними опасностями для государства Литвы, которыя были такъ велики въ то время. Эту помощь и эту возможность станы Литвы и расчитывали получить путемъ Уніи. Однако она ни въ какомъ случаѣ, по ихъ представленію, не должна быть куплена „втѣленіемъ“ ихъ государства въ Польскую Корону, котораго добивались экзекуціонисты Польши.

---

[1]) Лелевель писалъ, что въ эпоху Сигизмунда Августа въ Литвѣ возрасло культурное вліяніе Польши и „przez taką Polski przewagę w związku z nią tworzący się w ziemiach litewsko-ruskich stan szlachecki widział wzrastające swe swobody, z którymi ustać miała wassalska ku możnym panom czyli senjorom uległość...... Żeby tedy unja dwu narodów nastąpiła, należało przeciw statutom Litwy, panów rad poniżyć i granice księstwa umniejszyć“. Joachim Lelewel, Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartéj (Paryż, 1839), str. 266—268. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 636, 637 и др.

Польская военная помощь нужна крайне, и Виленскій сеймъ 1563 года просилъ Сигизмунда Августа, чтобы онъ немедленно „послати до Коруны Полъское, до пановъ поляковъ, рачилъ, жедаючи ихъ о помочъ напротивко тому непріятелю, князю Московскому“ [1]).

На томъ же Виленскомъ сеймѣ 1563 года была выбрана делегація на Варшавскій сеймъ 1563-1564 годовъ, „для отновенья и вжо наконецъ скутечного утверженья отъ того часу Уніи, то естъ сполного и нероздельного подле давныхъ списовъ и привилевъ злученья“ Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною [2]). Делегація была составлена изъ двадцати восьми членовъ, радныхъ пановъ и шляхты, а также представителей города Вильны. Этой делегаціи была дана выработанная сеймомъ и утвержденная Сигизмундомъ Августомъ „наука достаточная на писме“, т. е. письменная инструкція, въ которой были условія соединенія Литвы и Польши и отъ которой отступать делегатамъ было воспрещено. Сущность этой инструкціи сводится къ непремѣнному сохраненію всего значенія и всѣхъ правъ государства Великаго Княжества Литовскаго въ Уніи при постоянномъ союзѣ его съ Польшею, при избраніи сообща общаго монарха и при „спольныхъ“ сеймахъ для рѣшенія общихъ для федераціи обоихъ государствъ дѣлъ [3]). Но Коронный Варшавскій сеймъ ко времени прибытія на него литовской делегаціи уже выработалъ свои условія Уніи, которыя должны быть предъявлены Литвѣ и приняты ею. Эти условія: полное упраздненіе государственности и самостоятельности Великаго Княжества Литовскаго и даже его имени — Литва должна совершенно слиться съ Польшею въ государствѣ Польской Короны, получивъ наименованіе Новой Польши; въ титулѣ монарха должно не быть обозначенія его и великимъ княземъ Литовскимъ, такъ какъ онъ является королемъ единой Польши [4]).

---

1) Р. Ист. Б., XXX, ст. 324.

2) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 132.

3) Изложеніе инструкціи — М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 659—661. Новое изданіе двухъ текстовъ этой инструкціи — Akta Unji Polski z Litwą 1385—1791 (Wydali Stanisław Kutrzeba i Władysław Semkowicz (Kraków, 1932), № 88.

4) Ср. Oskar Halecki, op. cit., str. 173.

Само собою разумѣется, что при такомъ различiи взглядовъ на Унiю переговоры о ней на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ не дали положительныхъ результатовъ. Согласившись на нѣкоторыя уступки въ деталяхъ, литовская делегацiя уѣхала изъ Варшавы, даже не придя съ польскимъ сеймомъ къ соглашенiю относительно содержанiя сеймоваго рецесса, въ которомъ должны были быть изложены переговоры и ихъ результаты. Этотъ рецессъ послѣ ея отъѣзда былъ составленъ и не вполнѣ точно, и не вполнѣ объективно[1]). Варшавскiй сеймъ 1563-1564 годовъ вмѣсто того, чтобы выработать прiемлемыя для обоихъ государствъ условiя Унiи, создалъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ лишь усиленiе взаимнаго раздраженiя. Поляки негодовали на то, что литовская делегацiя, во главѣ которой стоялъ Николай Черный Радивилъ, проявила такое упорство въ нежеланiи упразднить свое государство. Литву съ крайнимъ раздраженiемъ обвиняли въ томъ, что она отказывается выполнить постановленiя старыхъ актовъ, цѣлый арсеналъ которыхъ былъ доставленъ на сеймъ въ Варшаву изъ Короннаго архива. Указывали на то, что Великое Княжество Литовское должно считать для себя величайшими честью и счастьемъ слиться во-едино съ такимъ славнымъ государствомъ, какимъ является Польша, уничтожающая государство Литвы, но этимъ прiобщающая ее къ своему величiю. Въ литературѣ уже отмѣчено, насколько вредно было дѣлу Унiи такое высокомѣрно-презрительное отношенiе къ Литвѣ, достаточно широко распространенное въ Польшѣ и нашедшее обильное выраженiе и въ литературныхъ произведенiяхъ, и въ сеймовыхъ рѣчахъ и разговорахъ[2]).

Но Великое Княжество Литовское было раздражено не только общимъ отношенiемъ къ нему поляковъ, разсказы о которомъ его делегатовъ, конечно, широко распространились среди шляхты земель, представителями которыхъ они были.

[1]) М. К. Любавскiй, Л.-Р. сеймъ, стр. 675.

[2]) Графъ Ст. Тарновскiй писалъ объ Оржеховскомъ, какъ яркомъ выразителѣ такого взгляда на Литву, оказывавшемъ сильное влiянiе на шляхту Польши: „I to wszystko mówi kiedy? w chwili kiedy się agituje sprawa unii, kiedy polska hardość jątrzy i drażni Litwinów, kiedy najprostszy rozum i trochę dbałości o Rzpltą mogły go nauczyć, że z Litwą właśnie potrzeba było postępować jaknajostrożniej i najłagodniej....“ St. Tarnowski, Pisarze polityczni XVI wieku, t. I, str. 301.

Литва была крайне недовольна рецессомъ Варшавскаго сейма 1563-1564 годовъ и декларацiей Сигизмунда Августа, выданной на этомъ сеймѣ 13 марта 1564 года. Мы уже отмѣтили выше, что сеймовый рецессъ не былъ составленъ вполнѣ объективно. Что касается королевской декларацiи, то ея основное содержанiе сводилось къ двумъ заявленiямъ Сигизмунда Августа, выраженнымъ такъ, что они въ сущности составляли одно цѣлое. Первое изъ нихъ опредѣляетъ пониманiе Унiи самимъ Сигизмундомъ Августомъ на основѣ происходившихъ о ней переговоровъ. Она представляетъ собою соединенiе „w jedno ciało i w jeden lud tych obudwu narodow polskiego i litewskiego, jako się z listow i przywilejow, ktore oboja strona przyznawa, pokazuje, ma to już być z tych państw obudwu jedna pod jednym panem Rzeczpospolita, ktorejby już obadwa narody, jako ludzie koronni, na społ używać i podzielać się ją zarowne mieli“[1]). Второе заявленie Сигизмунда Августа въ этой декларацiи говоритъ о томъ, что затрудненiемъ для установленiя такой Унiи представляется утвержденie литовскихъ становъ о различiи ихъ государства и Польши въ правахъ на нихъ династiи. Польскiй народъ имѣетъ „вольное“ право избранiя себѣ королей, т. е. онъ не связанъ династiей, членъ которой долженъ быть его монархомъ. Наоборотъ, литовскie станы признаютъ Великое Княжество Литовское „dziedzictwem i państwem ojczystem“ Сигизмунда Августа, т. е. полагаютъ, что ихъ монархи должны быть изъ династiи Гедиминовичей-Ягайловичей. Чтобы устранить это различiе между Литвою и Польшею и открыть имъ въ Унiи возможность одинаково „вольнаго“ избранiя общаго монарха, Сигизмундъ Августъ отказывается отъ династическихъ правъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и передаетъ ихъ Речи Посполитой и Коронѣ Польской и дѣлаетъ это въ такихъ выраженiяхъ: „z tej tedy przyczyny zaniechawszy wszelakiej dziedzicznej sukcesjej na ziemię litewską, jeśliby ktora tak nam samym jako potomstwu naszemu należała, dobrowolnie Rzeczypospolitej a tej sławnej Koronie polskiej odstępujemy i wyrzekamy się na wieczne czasy“.

Первое изъ заявленiй Сигизмунда Августа въ Варшавской декларацiи 13 марта 1564 года, хотя и говоритъ о старыхъ актахъ и привилеяхъ Унiи и о томъ, что Литва съ Польшею со-

---

[1]) Цитируемъ по изданiю въ Akta Unji Polski z Litwą, str. 179—180 (№ 90).

единятся въ одно тѣло и въ одинъ народъ, не должно бы было вызывать возраженій въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Литовскіе делегаты на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ уже согласились вступить въ переговоры съ поляками на основѣ этихъ старыхъ актовъ. Но толкованіе ихъ, а особенно акта Уніи, выданнаго въ 1501 году въ Мельникѣ, который и былъ признанъ главною основою для этихъ переговоровъ, Литва давала свое, сильно расходившееся съ толкованіемъ экзекуціонистовъ Польши. Въ инструкціи Виленскаго сейма его делегатамъ, отправлявшимся на Варшавскій сеймъ 1563-1564 годовъ, говорится, что они могутъ заявить о вѣрности Литвы старымъ актамъ Уніи. Они могутъ сказать: въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ всегда полагали, что „Lituania regno Poloniae coniuncta, unita et consociata est“ и что въ Литвѣ всегда себя считали „sub uno principe veluti unius capitis compage pro uno populo unoque corpore cum natione Polona“[1]). Но Великое Княжество Литовское хочетъ, чтобы оно не представлялось желающимъ Уніи меньше, чѣмъ Польша, и потому представляетъ свои ея условія[2]). Условія же эти сводились къ сохраненію равноправнаго съ Польшею государства Литвы, при общемъ монархѣ и общемъ сеймѣ для общихъ дѣлъ федераціи Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною. Такимъ образомъ, сліяніе „w jedno ciało i w jeden lud“, о которомъ говоритъ Варшавская декларація 1564 года, лишь повторяетъ то, что признала сама Литва въ текстѣ инструкціи ея делегатамъ, утвержденной Виленскимъ сеймомъ 1563 года. Литовское толкованіе этихъ словъ имѣло въ виду такое тѣло соединенной Речи Посполитой, котораго части соединены, но не тождественны и имѣютъ свои особыя функціи. Это толкованіе позволяло Литвѣ соглашаться на сохраненіе въ силѣ соотвѣтствующихъ формулъ старыхъ актовъ, на которыхъ такъ упорно стояли поляки, толковавшіе ихъ въ смыслѣ „втѣленія“ Великаго Княжества Литовскаго въ Польшу. Что же касается словъ инструкціи делега-

---

1) Ibidem, str. 161—162 (арт. 3).

2) „Sed cum in proximis iisce Regni comitiis omnes Regni ordines expetivisse intellexissemus, ut haec ipsa iam dudum constituta at veluti compacta utriusque dominii consociatio sive unio, firmiore constricta nexu, magis ac magis coalescat et constans ac perpetua ad extremum perduret, concedere nos quoque illis noluisse, ut minus hoc unionis vinculum, quam illi, expetivisse videamur“. Ibidem, str. 162.

тамъ на Варшавскій сеймъ 1563-1564 годовъ о томъ, что будто бы Великое Княжество Литовское всегда считало себя составляющимъ съ Польшею единое тѣло и находящимся подъ властью единаго съ нею монарха, то они, конечно, не соотвѣтствовали дѣйствительности и были внесены въ инструкцію лишь съ цѣлью поставить делегатовъ въ болѣе благопріятное положеніе при переговорахъ съ Короннымъ сеймомъ. Основные законы Второго Литовскаго Статута, какъ мы это видѣли выше[1]), отнимаютъ всякую возможность иного объясненія этихъ словъ инструкціи Виленскаго сейма 1563 года.

Литовское толкованіе Уніи въ смыслѣ федеративнаго соединенія двухъ государствъ нашло свое выраженіе и въ самой Варшавской декларации 1564 года. Въ концѣ ея отъ имени Сигизмунда Августа говорится, что Литва и Польша, соединяясь въ одной „Речи Посполитой“, будутъ всегда имѣть „спольные“ сеймы и рады подъ единымъ королемъ и единою главою[2]). Но къ этому сдѣлана такая добавка: „to tylko wyjmując, iż jako w jednym nierożnym, nierozdzielnym ciele każda jednak część i każdy członek osobną powinność i sprawę własną ma, tak też w tej jednej rzeczypospolitej ma narod polski i litewski zwyczaje swoje niektore, sądowne prawa i przywileje i sądy własne a osobne, ktore jednak tej jedności albo tej unjej nic nie wadzą, ani wadzić będą“. Такимъ образомъ, Варшавская декларація 1564 года отнюдь не понимала Унію какъ превращеніе Литвы въ Польшу, а признавала въ ней особые законы (prawa), привилеи и „звычаи“. Послѣднее слово можетъ пониматься въ такомъ широкомъ значеніи, что подъ него можно было подвести всѣ особенности государственнаго устройства Великаго Княжества Литовскаго, вплоть до его прежнихъ сеймовъ для собственныхъ дѣлъ. „Спольные“ сеймы и рады должны быть всегда для дѣлъ „Речи Посполитой“, въ которой соединяются Литва и Польша. Но это не значитъ, что, имѣя ихъ всегда для дѣлъ этой соединенной „Речи Посполитой“, оба го-

---

[1]) Стр. 207 и сл.

[2]) „A zatym sama rzecz pokazuje, iż w jednę Rzeczpospolitą jednego ludu, ktory się przez związek i spojenie dwu narodow w jedność jednostajną i nierozdzielną zniosł i spoił tak, Iż iuż jako te państwa nie są dwie ciele, tak też dwie Rzeczpospolite być nie mogą, ale jedna Rzeczpospolita z tych narodow spojona, za czym spolne sejmy i rady mieć mają zawżdy pod jednym krolem i pod jedną głową“.

сударства лишены права собирать свои особые сеймы и рады для своихъ отдѣльныхъ дѣлъ. Варшавская декларація 1564 года не „втѣляетъ“ Великое Княжество Литовское въ Польскую Корону, а Литву и Польшу соединяетъ въ ихъ „Речи Посполитой“, т. е. въ союзномъ государствѣ, а это союзное государство возможно строить и такъ, что оно явится, быть можетъ, лишь союзомъ государствъ. „Речь Посполитая“, какъ государство „спольное“, не есть одна Польша въ составѣ ея честей. Она представляетъ собою именно „спольное“, т. е. соединенное государство Польши и Литвы, иными словами — ихъ федерацію. Поэтому сказанное въ Варшавской декларации 1564 года о томъ, что Сигизмундъ Августъ отказывается отъ правъ своей династіи на Литву и ихъ передаетъ „Речи Посполитой“ и Польской Коронѣ, т. е. Польскому королевству, собственно говоря, не должно бы было вызывать раздраженія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, ибо Литва вмѣстѣ съ Польшею являлась составною частью той „спольной“ Речи Посполитой, которой эти права передавались декларацiей. Но излишнимъ не могло не представляться упоминаніе Польши рядомъ съ общею „Речью Посполитой“. Это упоминаніе и вызвало въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ большое недовольство. Оно протестовало противъ него. Надо думать, отказъ отъ этого протеста въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ слѣдуетъ объяснять именно тѣмъ, что въ Литвѣ въ концѣ концовъ нашли возможнымъ истолковать это заявленіе Сигизмунда Августа въ его деклараціи 1564 года безъ особаго ущерба для государственнаго достоинства Великаго Княжества Литовскаго[1]).

Какъ бы то ни было, происшедшее на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ вызвало въ Литвѣ очень большое раздраженіе и возмущеніе. Мы уже видѣли выше, что во Второй Литовскій Статутъ были внесены въ законодательномъ порядкѣ разъясненія въ вопросы отношеній Литвы къ Польской Коронѣ, настаивавшія на независимости Великаго Княжества Литовскаго и равенствѣ его въ государственномъ достоинствѣ и чести съ государствомъ Польскимъ[2]). Но на притязанія польскихъ экзекуціонистовъ Литва дала отвѣтъ и въ литературѣ. Вопросы Уніи обсуждались въ Польшѣ не только на сеймахъ,

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 55—57.
[2]) Стр. 151—152.

сеймикахъ и въ бесѣдахъ. Они трактовались и въ литературныхъ произведеніяхъ[1]). Особеннымъ вліяніемъ въ Польшѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія пользовались писанія Станислава Оржеховскаго, изъ которыхъ „Quincunx" даже прямо отразился въ рѣчахъ Коронныхъ пословъ шляхетскихъ на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ[2]). Литовскимъ отвѣтомъ на писанія Оржеховскаго явилась брошюра „Rozmowa Polaka z Litwinem, z której tu snadnie każdy obaczyć może, co jest prawa wolność, abo swoboda, i jakoby uniją Korona Polska z Księstwem Litewskim przyjąć miała, przeciw sromotnemu i omylnemu Stani-

---

[1]) Еще Чацкій указывалъ вышедшій въ 1550 году трактатъ доктора Appanachie подъ заглавіемъ „An licet regi nostro serenissimo, invictissimoque Sigismundo Augusto, incorporare regno Poloniae plures ducatus a possessione Litvaniae" (O Litewskich i Polskich Prawach. Цитируемъ по изданію 1844 года — Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego. Tom I, Poznań, 1844. Str. 267, nota 136). Въ изданномъ въ 1843 году (написанъ въ 20-хъ годахъ XIX-го столѣтія) трудѣ Сярчинскаго отмѣчаются вышедшія въ 1569 году „nowiny lubelskie, pisane przez ziemianina z Korony, w których okazuje, że to połączenie Litwa za szczęście sobie poczytać powinna, że bardzo wiele na tem zyskała; wytyka Litwie, jak wiele dla niej uczyniła Korona. Wzięliśmy, mówi, kudlę chłopa grubego Jagiełła za pana, daliśmy mu szlachetną królewnę, który klejnot znakomity, a nie przepłacony, sprzysiężenie się z Koroną uczynił. Nadali Litwę przodkowie nasi wolnościami, bo byli sianokosowie i sprośni niewolnicy swych panów i t. d." (X. Franciszek Siarczyński, Obraz wieku panowania Zygmunta III, t. I, w Poznaniu 1843. Str. 179, nota 63). См. также Oskar Halecki, op. cit., II, str. 138 nn. Доктора Appanachie, трактатъ котораго указывалъ Чацкій, Эстрейхеръ, именуетъ: „Appachanie (czy z Napachania Ant.?) — K. Estreicher, Bibliografia Polska, część II, t. I (Kraków, 1882), str. 38.

[2]) Это замѣтилъ уже гр. Ст. Тарновскій, писавшій: „posłowie polscy upierają się przy swojem, a ich słowa i argumenta przypominają nieraz Quincunxa. Litwa powinna od swego herbu i tytułu odstąpić, bo to dla niej honor występować jako część tak wielkiego sławnego królestwa...." (Pisarze pol. XVI wieku, t. I, str. 302). По опредѣленію гр. Тарновскаго „Orzechowski zatem jak pod wieloma innymi, tak i pod względem tych uczuć i usposobień względem Litwy, tego centralizującego i dominującego stanowiska na jakiem Polska stanąć I utrzymaćby się chciała, jest tej opinii wyrazem, a Quincunx jej pomnikiem" (ibidem. str. 303). Гр. Тарновскій признаетъ, что въ переговорахъ объ Уніи на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ „Litwinom trzeba przyznać że znać lepiej rozymieją pożytek i konieczność połączenia, bo występują z większem umiarkowaniem" (ibidem, str. 302).

sława Orzechowskiego pisaniu, którym niewinnie sławne Księstwo Litewskie zełżyć chciał, uczyniona“, изданная въ 1564 году. Мы не будемъ говорить объ общемъ содержаніи этой любопытной брошюры, уже получившей высокую оцѣнку въ новѣйшей спеціальной литературѣ[1]). Насъ, въ настоящемъ нашемъ изложеніи, долженъ интересовать лишь литовскій взглядъ на Унію, который въ ней выраженъ совершенно опредѣленно. Взглядъ этотъ нужно признать безусловно общимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ самомъ началѣ брошюры Литвинъ, бесѣдующій съ Полякомъ, высказывается такъ: „chcemyćmy jedno z wami być; chcemy wolności, w którejeśmy z łaski Bożej dawno są, używać, ale swej zdawna zasadzonej a porządnej rzeczy pospolitej, do waszej przystawając, stracić nie chcemy, ani się nam, jeśli chcemy być widziani dobremi ojczyzny syny, stracić jej godzi tak, jako wy nas do tego wiedziecie“[2]). Передъ нами, такимъ образомъ, тутъ выраженіе того же взгляда Литвы на Унію, который ею настойчиво проводился во всѣхъ переговорахъ съ поляками и, въ частности, на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ. Отъ Уніи съ Польшею Великое Княжество Литовское отнюдь не отказывается. Но оно не можетъ отказаться и отъ сохраненія своего государства и считаетъ его равнымъ съ королевствомъ Польскимъ и въ правахъ, и въ чести.

Въ переговорахъ, которые велись между Литвою и Польшею объ Уніи за время 1564-1568 годовъ, Великое Княжество Литовское по-прежнему не считало возможнымъ согласиться на такое соединеніе съ Польскою Короною, при которомъ было бы упразднено его государство[3]). По-прежнему переговоры велись только черезъ посольства, и давно уже требуемый Коронными сеймами соединенный сеймъ Литвы и Польши для окончательнаго рѣшенія дѣла все еще не собирался. Но въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ уже назрѣвало рѣшеніе согласиться наконецъ на такой „спольный“ сеймъ. На Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ Сигизмунда Августа просили „некото-

---

1) Такъ, А. Рембовскій ее признаетъ „ciekawą i politycznie mądrą broszurę“. Pisma Alexandra Rembowskiego, tom I (Kraków-Warszawa, 1901), str. 289.

2) Rozmowa Polaka z Litwinem (Kraków, 1890), str. 1. Вопросъ объ авторѣ или авторахъ этой брошюры см. выше, стр. 70—75.

3) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 677, 745—746, 787. Osk. Halecki, op. cit., str. 189—222.

ріе земли и поветы, абы сполный съемъ съ Коруною Полскою зложонъ былъ". Однако тогда заключеніе Уніи Сигизмундъ Августъ и рада Литвы, видимо, не считали еще вполнѣ подготовленнымъ, и отвѣтомъ на эту просьбу было: „его кр[олевская] милость о зложенье того сойму съ Коруною Полскою водле потребы и часу заховати ся рачить"[1]). Страхъ остаться только со своими недостаточными силами противъ Московскихъ войскъ между тѣмъ растетъ въ Литовской „украинѣ". Витебская шляхта, опасаясь близкаго захвата ея воеводства торопитъ созывъ „спольнаго" съ поляками сейма[2]). Въ 1567 году паны-рада и всѣ станы Великаго Княжества Литовскаго, собравшись земскимъ войскомъ въ Лебедевѣ, постановили съѣхаться съ поляками на „спольномъ" сеймѣ. На Городенскомъ сеймѣ 1568 года „вси станы" просили Сигизмунда Августа о приведеніи въ исполненіе этого постановленія, и великій князь отвѣтилъ на эту просьбу такъ: „ино мы то по звыклому обычаю черезъ листы наши, яко соймики поветовые, такъ съ тыхъ соймиковъ зъехан[ь]е всимъ станомъ при границахъ, а оттоль зъехан[ь]е вжо станомъ Короннымъ и Великого Князьства Литовского для становен[ь]я унеи при границахъ тыхъ же панствъ ознаймимъ тыми листы нашими соймовыми, въ семъ же году шестдесятъ осмомъ"[3]). Обѣщаніе это было Сигизмундомъ Августомъ исполнено. На 11 ноября были созваны повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго; къ 9 декабря избранные ими послы должны были собраться въ Воинѣ для предварительнаго обсужденія дѣла Уніи вмѣстѣ съ панами-радою и великимъ княземъ; на 23 декабря 1568 года былъ назначенъ „спольный" съ поляками вальный сеймъ въ Люблинѣ.

Работы Воиньскаго съѣзда затянулись, и Сигизмундъ Августъ попалъ въ Люблинъ только 30 декабря, т. е. черезъ недѣлю послѣ назначеннаго имъ начала „спольнаго" сейма[4]). Дѣло Уніи было подвергнуто въ Воинѣ самому серьезному обсужденію, и результатомъ его явился привилей, выданный Сигизмундомъ Августомъ Великому Княжеству Литовскому

---

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 373 (просьба 35).

[2]) Ср. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 754.

[3]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 481 (арт. 59).

[4]) Это устанавливаетъ М. К. Любавскій по датамъ актовъ Литовской Метрики — Л.-Р. сеймъ, стр. 815.

21 декабря 1568 года[1]). Въ этомъ привилеѣ говорится, что паны-рада, княжата, панята и всѣ урядники, „станы и послы“ земель и повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго „принесли“ своему великому князю ниже обозначенныя просьбы, „абыхмо первей еханя ихъ на тотъ съемъ тые вси речи, члонки и артыкулы“, какъ гласитъ привилей отъ имени Сигизмунда Августа, „обваровали и умоцнили и привильемъ нашымъ упевнили“. Этимъ утвержденіемъ изложеннаго въ просьбахъ становъ и является привилей 21 декабря 1568 года.

Постановленное Воиньскимъ привилеемъ состоитъ изъ шести артикуловъ. Первый изъ нихъ разсказываетъ, что, выбирая на сеймикахъ своихъ повѣтовыхъ пословъ, шляхта Великаго Княжества Литовскаго „не только не поручили и не позволили имъ всимъ, але въ некоторыхъ поветехъ немалыми обовязками пословъ обовезали, абы, не едучы од границъ Великого Князства Литовского, содночене, то естъ Унію, зъ станы Коруны Польское при границахъ того панства Князства Великого Литовского становили“. Въ виду того, что Люблинъ, гдѣ собирается сеймъ, находится „поодаль отъ границъ Великого Князства“, повѣтовые послы Литвы „не повинни“ туда ѣхать и, только „уважаючи потребу речи посполитое, на ехане

---

[1]) Въ изданіи этого привилея въ „Akta Unji Polski z Litwą“ (Kraków, 1932. № 95, str. 189—192) русскій текстъ документа напечатанъ, къ сожалѣнію, не русскими, а латино-польскими буквами. Это, конечно, недостатокъ изданія, идущій въ разрѣзъ съ требованіями научной археографіи. При передачѣ русскаго текста латино-польскими буквами неизбѣжно оказались искаженія отдѣльныхъ словъ и выраженій оригинала. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Слово „съемъ“ передано „sjem“ (стр. 190, 9 строка сверху), „маеть и мети будеть“ — „majet (i) imieti budiet“ (стр. 191, 6 строка сверху), „привилю“ или „привилью“ — „priwil(i)ju“ (стр. 190, 4 строка снизу), „привиля“ или „привилья“ — „priwil(i)ja“ (стр. 191, 17 строка снизу) и т. п. Одну русскую букву, а именно „ь“, издатели нашли возможнымъ сохранить, надо думать, въ интересахъ точности воспроизведенія передачи нѣкоторыхъ словъ оригинала, въ ихъ фонетическихъ особенностяхъ. Но, во-первыхъ, невозможно и думать объ этой точности, при измѣненіи русской графики текста, съ опущеніемъ буквы „ъ“, замѣною „е“ черезъ „ie“, напримѣръ, „tiepier“ вмѣсто „теперъ“ — (стр. 191, строка 16 сверху) и т. п.; а во-вторыхъ, у читателя неизбѣжно является недоумѣніе, когда онъ видитъ слова „jedutь“ (напримѣръ, стр. 191, 1 строка сверху), „pjatь“ (напримѣръ, стр. 192, строка 5 снизу) и имъ подобныя напечатанными вмѣсто „едуть“, „пять“ и т. п. Цитируя этотъ документъ въ текстѣ, мы считали нужнымъ возстановлять русскую графику оригинала.

тамъ позволили, абы тая справа съ помочю Божою дошла". Такимъ образомъ, шляхта Литвы требовала, чтобы самый выборъ мѣста „спольнаго" сейма „при границахъ" подчеркивалъ равноправность обоихъ государствъ при установленіи ими Уніи. Ея желательность, однако, уже не возбуждаетъ сомнѣній. Воиньскій привилей говоритъ, что Сигизмундъ Августъ видитъ къ ней „всихъ становъ однакую хуть". Заявленіе пословъ повѣтовой шляхты вызвало слѣдующее удостовѣреніе великаго князя, сдѣланное имъ „съ порадою" пановъ-рады: „всихъ таковыхъ пословъ, которымъ од брат[ь]и ихъ не позволено на тотъ съемъ отъ границъ далей ехати, обваровываемъ и упевняемъ, ижъ то имъ у брат[ь]и ихъ никоторое нелюбости, мниманя и немилости и намнейшое примовки и противного которого розуменя чинити и приносити не маеть и не будеть, а, впередъ то обваровываючы, хочемъ мети и словомъ нашимъ господарскимъ обецуемъ таковыхъ соймовъ сполныхъ Коруне Польской з Великимъ Князствомъ Литовскимъ не складати, одно съ порадою пановъ-радъ нашихъ обоего панства, такъ Коруны Польское, яко и Великого Князства Литовского, при границахъ обоихъ тыхъ панствъ, на таковомъ местцы, где бы ся паномъ-радамъ Коруны Польское и Великого Князства Литовского видело, або яко ся на теперешнемъ сойме въ Люблине, змовивши, вси станы обеюхъ тыхъ панствъ то постановять, уфалять и з обу-дву сторонъ писмомъ за печатми своими утвердять".

Во второмъ артикулѣ Воиньскаго привилея Сигизмундъ Августъ удостовѣряетъ, дѣлая это въ силу своего обѣщанія и настоящаго своего „привилея-описа", что паны-рада, станы Литвы и послы ея повѣтовой шляхты ѣдутъ теперь въ Польшу для установленія Уніи лишь добровольно. Отсюда слѣдуетъ, что, еслибы они, „не доконавши тое справы Уніи з якихъ слушныхъ а великихъ потребъ и причинъ, имъ и вольностямъ Великого Князства Литовского противнымъ што бы они розумели з ушчипкомъ речи посполитое своее всее, або части ее которое, тогды речъ посполитая а вольная Великого Князства Литовского на нихъ, обователехъ ее и всихъ станехъ, маеть и мети будеть вольное, учтивое, ни отъ кого ничимъ не затрудненое и спокойное отъехане съ того сойму Корунного и з границъ Коруны Польское, такъ при насъ, господари своемъ, яко и безъ насъ, естли бы есмо з якихъ потребъ и причинъ Корунныхъ

або якихъ-колве иныхъ потребъ у вольномъ панстве Корунномъ задержали ся и тамъ позостали".

Третій артикулъ Воиньскаго привилея гарантируетъ станамъ Литвы право не подчиниться толкованію Сигизмундомъ Августомъ старыхъ актовъ Уніи, если онъ во время предстоящаго „спольнаго" сейма его дастъ своими „вырокомъ" и „декларацією" и это толкованіе станы Великаго Княжества Литовскаго признаютъ для себя непріемлемымъ[1]). Въ артикулѣ четвертомъ, въ исполненіе своей присяги на соблюденіе правъ и вольностей Великаго Княжества Литовскаго, Сигизмундъ Августъ гарантируетъ его станамъ, что не допуститъ, „абы речи, николи" при немъ и его предкахъ „небывалые и незвыклые" въ Литвѣ, съ установленіемъ Уніи „никоторыми причинами ани приклады и звычайми правъ суседскихъ на тое панство и речь посполитую Великого Князства Литовского на томъ теперешнемъ сойме и на вси потомные пришлые вечные часы ни на которыхъ соймехъ и нигде ни на которомъ местцы не узношоно, не покладано ани становено, которые бы мели быти и были противны правамъ, вольностямъ, привилемъ и всимъ старымъ звы-

---

[1]) „Къ тому подле присяги нашое господарское всимъ становъ, обывателемъ Великого Князства Литовского, при добровольномъ отъ нихъ поднесеньи нашомъ на тое панство Великое Князство Литовское отъ насъ, яко великого князя Литовского, на хование правъ, свободъ, вольностей, достоенствъ и врадовъ и Статуту вчиненое, постерегаючи и короля его милости славное памети Жикгимонта, отца нашого, присяги на тое жъ имъ уделаное, жебы и теперъ за тымъ добровольнымъ зъеханемъ въ Люблине становъ Великого Князства Литовского на томъ сойме сполномъ з станы Коруны Польское около Унеи.... а особливе около выкладовъ привильевъ, справъ тое Уніи, черезъ продки наши и черезъ послы Великого Князства Литовского становеное, жебы ся рознили вырозуменемъ и выкладомъ, а въ томъ где бы ся не обе-две стороне сполне, але одна сторона або часть которая тыхъ панствъ, то естъ Коруны Польское або Великого Князства Литовского, которые ся до того акту зъедуть, не сполне, не одностайне и не згодивши ся з собою, на разознанье албо розсудокъ и декларацыю нашу господарскую то припущали, тогды мы, господаръ, за прозбою которое стороны одное або части которое з обу-двухъ сторонъ.... тежъ з воли и з звирхности нашое господарское, вырокъ-декларацыю нашу на привилья справъ тое Уніи вчинили, тогды ни одная сторона, яко станы Коруны Польское, такъ и станы Великого Князства Литовского, не будуть повинни оному выроку и декларацыи нашой господарской подлечи и тому досыть чынити никоторыми причинами ани вынайденемъ, которыи бы противко тому откуль-кольве и которое жъ кольвекъ стороны вынайдованы были и показали ся".

чаемъ того панства нашого Великого Князства Литовского, такъ черезъ насъ, господара, и потомки наши, яко и черезъ одну сторону которого панства". Особеннымъ указаніемъ тутъ гарантируется нераспространеніе на Литву экзекуціи правъ на имѣнія и уряды. Согласно пятому артикулу Воиньскаго привилея эта экзекуція не должна имѣть мѣста и въ Подляшьѣ. Хотя въ немъ и дѣйствуетъ польское право, но его обыватели „суть з вечныхъ часовъ у границахъ, въ послушенстве и въ подданстве своемъ великимъ князем Литовскимъ въ томъ же панстве Великомъ Князстве Литовскомъ". На Подляшье ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространена экзекуція, ибо его обыватели не должны быть не только по отношенію къ ней, но „и ни въ которой иншой речи инакъ захованы и зоставени при праве своемъ, одно заровно со всими обовательми Великого Князства Литовского, яко тубылцы и родичи здешнего панства". Наконецъ, въ шестомъ артикулѣ Воиньскаго привилея постановлялось, что во время предстоящаго „спольнаго" сейма въ Люблинѣ никто изъ становъ Литвы не будетъ привлекаться въ подчиненіе какимъ-либо Короннымъ урядамъ и что всѣ постановленія, касающіяся Великаго Княжества Литовскаго, во время этого сейма будутъ выдаваться только подъ печатью его, а не Польской Короны[1]).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Литва должна была считать себя вполнѣ гарантированною ото всего, что на Люблинскомъ сеймѣ могло быть потребовано поляками въ нарушеніе правъ ея государства. При составленіи текста Воиньскаго привилея были учтены и прецеденты переговоровъ объ

[1]) „Къ тому, на томъ сполномъ сойме въ Люблине нихто со всихъ становъ того панства Великого Князства Литовского не маеть быти ани будеть примушанъ и притяганъ подъ владность и вшелякую. справу врадовую и судовую ласки (т. е. Короннаго маршалка) и печети (т. е. Коронной канцеляріи) и ни иного всякого враду Корунного, и никоторые рецесы соймовые ани декреты наши господарские и вынайденя и которые жъ кольвекъ становеня въ той всей справе спольной на сторону Великого Князства Литовского не мають быти ани будуть выдаваны подъ печатью Коруны Польское, одно подъ печатью Великого Князства Литовского". Воиньскій привилей 21 декабря 1568 года былъ подписанъ Сигизмундомъ Августомъ и скрѣпленъ подписями Виленскаго воеводы Николая Юрьевича Радивила, по уряду канцлера Великаго Княжества Литовскаго, и Литовскаго писаря Михайлы Гарабурды.

Уніи въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, а особенно прецедентъ Варшавскаго сейма 1563-1564 годовъ. На этомъ сеймѣ поляки отклонили внесенное представителями Литвы предложеніе обратиться за толкованіемъ противорѣчивыхъ старыхъ актовъ къ ученымъ Болонскаго Университета и потребовали этого толкованія отъ Сигизмунда Августа. Рецессъ Варшавскаго сейма 1563-1564 годовъ былъ составленъ и утвержденъ Короннымъ сеймомъ не только безъ литовцевъ, но даже безъ вниманія къ сдѣланнымъ ими возраженіямъ. Варшавская декларація Сигизмунда Августа на этомъ сеймѣ была издана въ отсутствіи литовской делегаціи и Литвою не признавалась. Невозможность повторенія чего-либо изъ этихъ прецедентовъ Варшавскаго сейма 1563-1564 годовъ на Люблинскомъ сеймѣ Уніи и была гарантирована Великому Княжеству Литовскому третьимъ и шестымъ артикулами Воиньскаго привилея. Послѣдній изъ этихъ артикуловъ дѣлаетъ притомъ абсолютно невозможнымъ изданіе на предстоящемъ сеймѣ какого-либо постановленія, касающагося Литвы, противъ воли ея представителей, ибо къ нему должна быть приложена или привѣшена государственная печать Великаго Княжества Литовскаго, которой, конечно, не дастъ для противнаго интересамъ Литвы постановленія ея „печатарь“, т. е. канцлеръ или подканцлеръ, уряды которыхъ въ это время занимали Николай Юрьевичъ Радивилъ и Евстафій Богдановичъ Воловичъ. Выдавая Воиньскій привилей, Сигизмундъ Августъ принималъ на себя охрану государства Литвы при заключеніи Уніи на Люблинскомъ сеймѣ. Это государство въ Уніи съ Польшею не только должно безусловно сохраниться. Въ него не должны быть перенесены законы и учрежденія Польши, съ ихъ непривычными и несвойственными Литвѣ порядками; не должна быть перенесена въ нее изъ Польши и экзекуція правъ обывателей. Гарантія свободнаго отъѣзда со „спольнаго“ сейма, которую давалъ Воиньскій привилей литовскимъ станамъ, придавала этому привилею и значеніе охранной грамоты для нихъ и цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, какъ государства. Въ виду всего этого, Воиньскому привилею 1568 года, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ видное мѣсто въ ряду документовъ, связанныхъ съ исторіей Люблинской Уніи. Онъ долженъ былъ отразиться не только на образѣ дѣйствій становъ Литвы на этомъ сеймѣ, но и на ихъ отношеніи къ постановленіямъ его.

Декабрьскій съѣздъ 1568 года въ Воинѣ былъ ознаменованъ не однимъ привилеемъ, только что разсмотрѣннымъ нами. На немъ получилъ утвержденіе и проектъ Уніи, который повезли съ собою станы Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ проектъ исходилъ изъ сознанія реальныхъ потребностей, стоявшихъ тогда передъ обоими государствами, приступавшими къ заключенію Уніи. Ими представлялись: оборона Польши и Литвы отъ внѣшнихъ враговъ, настоятельно требовавшая соединенія ихъ военныхъ силъ, и необходимость, въ виду близкаго прекращенія линіи „по мечу" общей династіи ихъ монарховъ, обезпеченія обоимъ государствамъ въ будущемъ такого положенія, при которомъ существованіе въ каждомъ изъ нихъ особаго престола и самостоятельной верховной власти не отзывалось бы неблагопріятно на дѣлѣ этой общей обороны. По литовскому проекту, Литва и Польша должны будутъ имѣть впредь общаго монарха, который избирается поляками и литовцами вмѣстѣ, при равномъ числѣ избирателей отъ того и другого народа. Самое избраніе должно происходить на границѣ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, для того чтобы представителямъ обоихъ народовъ было одинаково удобно прiѣзжать на элекцiю. Выбранный король Польскій сейчасъ же избирается и провозглашается и великимъ княземъ Литовскимъ, но возведеніе на престолъ Польши и Литвы производится отдѣльно — въ Краковѣ и въ Вильнѣ, какъ столицахъ двухъ государствъ, при чемъ соблюдаются всѣ издавна сохраняемыя церемоніи этого обряда. При церемоніи везведенія на престолъ Польши обязательно присутствуютъ послы литовскіе, а при возведеніи на престолъ Литвы — послы польскіе. Вступая на престолъ Польши, новый монархъ приноситъ присягу въ соблюденіи ея вольностей и правъ, а вступая на престолъ Великаго Княжества Литовскаго, — такую же присягу въ соблюденіи правъ и вольностей его. Печати на этихъ актахъ должны быть печатями особаго государства на каждомъ: на первомъ Польская, на второмъ Литовская. Хранится первый документъ въ Польшѣ, второй въ Литвѣ. Самое возведеніе на Литовскій престолъ должно совершаться не позже, чѣмъ черезъ годъ послѣ коронованія въ Краковѣ, и Литва не признаетъ дѣйствительной власти новаго монарха до совершенія обряда возведенія его на свой престолъ въ Вильнѣ.

Что касается общей обороны обоихъ государствъ, то литовскій проектъ Уніи устанавливаетъ, что Польша и Литва будутъ на вѣчныя времена имѣть общую защиту противъ всякаго непріятеля, который бы грозилъ каждому изъ этихъ государствъ. Эта оборона будетъ постановляться по обшему совѣту и соглашенію. Такимъ образомъ, создается рядъ дѣлъ, которыя требуютъ общихъ Польско-Литовскихъ сеймовъ и совѣщаній. Эти дѣла: избраніе общаго монарха, оборона, заключеніе мира, отправленіе посольствъ въ другія государства для переговоровъ съ ними (вмѣстѣ поляка и литовца) и установленіе податей и сборовъ на земскую оборону обоихъ государствъ. Эти общіе Польско-Литовскіе сеймы созываются монархомъ за „радою“ и согласіемъ обоихъ государствъ на общей ихъ границѣ, по грамотамъ монарха, разсылаемымъ въ Великое Княжество Литовское подъ его государственною печатью, а въ Польшу — подъ Польскою. Передъ сеймомъ созываются областные сеймики для выбора сеймовыхъ пословъ. Самые сеймы собираются alternatim — разъ въ Польшѣ, разъ въ Литвѣ. Конституціи и рецессы сеймовъ скрѣпляются Коронною печатью въ экземплярахъ, отправляемыхъ въ Корону, Литовскою — въ экземплярахъ, идущихъ въ Великое Княжество Литовское.

Для разрѣшенія дѣлъ и нуждъ, имѣющихъ внутреннее значеніе для каждаго изъ соединяющихся Уніей государствъ, въ Литвѣ и Польшѣ должны по-прежнему созываться ихъ отдѣльные сеймы. Но на нихъ не должны упоминаться, обсуждаться и разрѣшаться ни вопросы уній, ни посполитое или повѣтовое рушенье, ни установленіе податковъ. Если монархъ не пожелаетъ или не будетъ имѣть возможности созвать такой сеймъ Великаго Княжества Литовскаго или Польши, то въ Коронѣ его созываютъ Польскіе паны-рада, согласившись со шляхтою Польши, а въ Литвѣ паны-рада ея тѣмъ же порядкомъ. Все постановленное на этихъ сеймахъ скрѣпляется въ Польшѣ государственною печатью Коронною, въ Литвѣ — Литовскою. Всѣ должности, уряды и значеніе становъ Великаго Княжества Литовскаго будутъ сохранены въ цѣлости на вѣчныя времена. При этомъ особенно настойчиво постановляется о полномъ сохраненіи достоинства и значенія тѣхъ высшихъ урядовъ, которымъ можетъ угрожать введеніе соединенныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ, общихъ военныхъ походовъ и об-

щихъ постановленій о сборахъ податковъ, а именно маршалковства, канцлерства, гетманства и подскарбства.

Какъ поляки въ Литвѣ, такъ литовцы въ Польшѣ имѣютъ право пріобрѣтать осѣлость и недвижимость, но въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ всѣ безъ исключенія должности и уряды, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, могутъ быть предоставляемы лишь его кореннымъ обывателямъ. Монета въ обоихъ государствахъ должна быть одинаковою и одного и того же вѣса, но Литва должна ее имѣть съ вычеканеннымъ на ней надписаніемъ великаго князя Литовскаго. Надо, чтобы новая монета и монетные дворы въ обоихъ государствахъ были установляемы не иначе, какъ съ вѣдома общаго сейма, при этомъ въ Польшѣ подъ справою Короннаго подскарбія, а въ Литвѣ — Литовскаго. Границы Великаго Княжества Литовскаго и Польши должны быть исправлены такъ, какъ онѣ были въ прежнія времена, и это должно быть сдѣлано коммиссарами, назначенными на томъ же Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, а на будущее время, если это будетъ требоваться, онѣ подлежатъ исправленію тѣмъ же способомъ. И послѣ исправленія границъ будетъ совершенно ясно, къ какимъ судамъ обязаны обращаться обыватели въ случаѣ земельныхъ тяжбъ и совершенія преступленій: полякъ долженъ будетъ вызывать литовца, а литовецъ поляка въ суды того государства, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ. Въ заключеніе литовскій проектъ Уніи гарантируетъ Великому Княжеству Литовскому полную свободу отъ экзекуціи правъ на имѣнія, производимую въ Польшѣ, и, если эта экзекуція будетъ подъ какимъ бы то ни было видомъ распространена на Литву, она объявляетъ себя свободною отъ заключенной съ Польшею Уніи[1]).

Литовскій проектъ Уніи не встрѣтилъ сочувствія Польскаго сейма, собравшагося въ Люблинѣ. Въ Польшѣ уже крѣпко утвердилась идея Уніи какъ ея „экзекуціи", какъ осуществленіе инкорпораціи, „втѣленія" Литвы въ Корону. Литовскій же проектъ предлагалъ соединеніе двухъ государствъ, ихъ федерацію. Выражаясь терминами того времени, принятыми поляками и литовцами, по польскому плану соединеніе Литвы и Польши

---

[1]) Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ (С.-Петербургъ, 1865), стр. 54—68. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года (С.-Петербургъ, 1869), стр. 79—88.

должно превратить ихъ въ „jednu rzeczpospolitu", въ единое „Regnum Poloniae", Польское королевство, въ составъ котораго въ значенiи его органической части входитъ Литва, отказывающаяся отъ сохраненiя своего стараго государства Великаго Княжества Литовскаго. Наоборотъ, литовскiй проектъ Унiи предлагалъ сохраненiе въ ней обоихъ государствъ при ихъ федеративномъ союзѣ. Этотъ союзъ, это федеративное государство не существовало прежде. Оно создается договоромъ Унiи вновь какъ „spolna Rzecz Pospolita", какъ „communis Res Publica Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae". Въ этомъ была сущность расхожденiя взглядовъ Литвы и Польши на Унiю, и столкновенiе этихъ взглядовъ, имѣвшее мѣсто во все время предшествующихъ Люблинскому сейму 1569 года переговоровъ, сразу же произошло и на немъ.

Исторiя Люблинскаго сейма Унiи раздѣляется на три перiода[1]). Первый — отъ его начала до исхода февраля 1569 года. Засѣданiя Люблинскаго Короннаго сейма открылись 10 января. Прiѣхавшiй въ Люблинъ сеймъ Великаго Княжества Литовскаго ведетъ переговоры объ Унiи черезъ своихъ представителей, отнюдь не соединяясь съ сеймомъ Польской Короны. Различiе взглядовъ на Унiю привело къ разрыву этихъ переговоровъ, и члены сейма Литвы покинули Люблинъ, осуществляя признанное за ними Воиньскимъ привилеемъ право свободно, безъ всякаго ущерба и для нихъ лично, и для Литвы, это сдѣлать, если они не признаютъ возможнымъ продолжать переговоры съ поляками. Съ 1-го марта наступилъ второй перiодъ исторiи Люблинскаго сейма. Польскiй сеймъ настаиваетъ на наказанiи становъ Великаго Княжества Литовскаго за ихъ отъѣздъ изъ Люблина отнятiемъ отъ Литвы Подляшья и Волыни и присоединенiемъ ихъ къ государственной

---

[1]) Извѣстны въ изданiи два дневника Люблинскаго сейма: 1) изданный Дзялынскимъ — Zrzódłopisma do dziejów unii Lubelskiej. Część III (Poznań, 1856) и 2) изданный М. О. Кояловичемъ — Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединенiе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ (С.-Петербургъ, 1869. Изданiе Археографической Коммиссiи). Изданiе М. О. Кояловича представляетъ собою сводный текстъ обоихъ дневниковъ, благодаря помѣщенiю издателемъ подъ строкою тѣхъ мѣстъ дневника, изданнаго Дзялынскимъ, которыя дополняютъ имъ издаваемый или съ нимъ несходны. Документы и акты, изданные на Люблинскомъ сеймѣ, см. въ Akta Unji Polski z Litwą.

территорiи Польши. Сигизмундъ Августъ уступаетъ. Присоединенiе Подляшскаго и Волынскаго воеводствъ къ Коронѣ Польской совершается 5 марта 1569 года. „Экзекуцiя Унiи“, противъ воли и безъ согласiя Великаго Княжества Литовскаго, стала проводиться путемъ инкорпорацiи въ Польшу частей его государственной территорiи. Въ то же время оторванiемъ отъ Литвы двухъ ея воеводствъ значительно уменьшались силы ея государства, а стало быть, и возможность для нея сопротивляться польской программѣ Унiи съ прежними упорствомъ и сознанiемъ возможности успѣха, если для борьбы съ польскими замыслами пришлось бы поднять оружiе противъ Польши. Послѣ отторженiя Подляшья и Волыни силъ Литвы для успѣшной войны съ Польшею было уже недостаточно. Перевѣсъ силы теперь былъ на сторонѣ Польской Короны, и сеймъ Польши, засѣдавшiй тогда въ Люблинѣ, сталъ требовать отъ Сигизмунда Августа оффицiальнаго провозглашенiя условiй Унiи, которыя должна принять Литва, хотя эти условiя и были выработаны безъ всякаго участiя представляющаго ее ея сейма, уже уѣхавшаго изъ Люблина. 24 марта Сигизмундомъ Августомъ былъ выданъ привилей Унiи, который соотвѣтствовалъ ея польской идеѣ[1]). Такимъ образомъ, Великое Княжество Литовское не принимало участiя въ его выработкѣ. Онъ былъ составленъ на Люблинскомъ сеймѣ въ отсутствiи его полномочныхъ представителей. Обоснованъ онъ былъ 1) ссылкою на старые акты соединенiя Литвы съ Польшею, начиная съ обязательства Ягайла, которые Сигизмундъ Августъ обязанъ былъ привести къ „экзекуцiи“, 2) ссылкою на переговоры, ведшiеся на Варшавскомъ сеймѣ 1563-1564 годовъ, 3) разрывомъ представителями Великаго Княжества Литовскаго переговоровъ объ Унiи на настоящемъ Люблинскомъ сеймѣ и ихъ желанiемъ вести переговоры на основѣ „miłości jakiejeś braterskiej“, а не старыхъ актовъ, нарушенiя которыхъ Сигизмундъ Августъ не можетъ допустить, какъ стражъ и экзекуторъ всѣхъ привилеевъ, въ силу требованiя ихъ выполненiя, представленнаго поляками[2]). Въ заключительной части этого привилея говорилось: „a jeśliby ktora strona przywilejow, spisow wszytkich o spolności uczynionych między temi narody, tak nam, jako sobie, trzymać nie chciała

---

[1]) Akta Unji Litwy z Polską, № 115.
[2]) Ibidem, str. 222.

albo jeden z osobna trzymać nie chciał, przeciw takiej stronie i każdemu z osobna, jako przeciwko nieprzyjacielowi naszemu i państw naszych, powstać będziemy powinni"[1]). Такимъ образомъ, Великое Княжество Литовское, въ случаѣ его отказа принять къ исполненію Унію въ томъ видѣ, какъ она установлена этимъ привилеемъ, должно быть приведено къ ней силою оружія Польши. И дѣйствительно требованія осуществить Унію войною съ Литвою, т.е. ея завоеваніемъ, стали достаточно настойчиво раздаваться на Коронномъ сеймѣ, въ то время засѣдавшемъ въ Люблинѣ[2]).

Оставшіеся въ Люблинѣ, послѣ отъѣзда изъ него сейма Литвы, Литовскій подканцлеръ Евстафій Воловичъ и Литовскій подскарбій земскій Николай Нарушевичъ, конечно, держали пановъ-раду своего государства въ курсѣ всего, происходившаго на Люблинскомъ сеймѣ. И на отторженіе Подляшья съ Волынью, а также и на привилей Уніи, выданный Сигизмундомъ Августомъ 24 марта 1569 года, Великое Княжество Литовское реагировало протестомъ, который былъ отъ его имени представленъ посольствомъ[3]), прибывшимъ въ Люблинъ въ началѣ апрѣля. 5 апрѣля это посольство отъ имени государства Литвы потребовало[4]) возвращенія ему Волыни и Подляшья, составляющихъ неотъемлемую часть территоріи Великаго Княжества Литовскаго, и напомнило полякамъ давній союзъ, скрѣп-

---

[1]) Ibidem, str. 225 (18).

[2]) Дневникъ Любл. Сейма, стр. 227, 247, 251. Изложеніе хода занятій Люблинскаго сейма нами было дано уже раньше — см. Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 13—83. Другіе труды, въ которыхъ излагается дѣятельность того же сейма: М. О. Кояловичъ, Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году (С.-Петербургъ, 1863), И. И. Малышевскій, Люблинскій съѣздъ 1569 года (Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь. С.-Петербургъ, 1885. Стр. 108—197), М. О. Кояловичъ, Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года (тамъ же, стр. 198—216), Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, томъ третій (Москва, 1890), стр. 127—148, М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 816—846, Oskar Halecki, Dzieje Unii Jagiellońskiej, tom II, str. 248—349.

[3]) Въ составъ этого посольства вошли Янъ Ходкевичъ, Евстафій Воловичъ, Доминикъ Пацъ, Криштофъ Николай Радивилъ и Николай Кишка.

[4]) Посольство справлялось по письменной инструкціи, которую читалъ въ Коронномъ сенатѣ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ.

ленный клятвеннымъ обязательствомъ не причинять вреда другъ другу. Отъѣздъ Литовскаго сейма изъ Люблина оно объяснило тѣмъ, что повѣтовые сеймики Литвы обязали своихъ пословъ не заключать Уніи на основѣ старыхъ договоровъ, нарушающихъ равенство Литовскаго и Польскаго народовъ. Въ виду того, что именно на эту основу всталъ Коронный сеймъ, у Литовскаго сейма не было другого способа дѣйствія, какъ обращеніе къ сеймикамъ Литвы, чтобы ея шляхта могла измѣнить инструкціи сеймовымъ посламъ повѣтовъ. Недопустимость отторженія отъ Великаго Княжества Литовскаго Подляшья и Волыни доказывалась этимъ посольствомъ какъ тѣмъ, что Люблинскій сеймъ былъ созванъ только для Уніи, а не для вопросовъ объ этихъ земляхъ, такъ и тѣмъ, что Подляшье и Волынь всегда принадлежали Литвѣ и Сигизмундъ Августъ принесъ присягу сохранить за нею всю ея государственную территорію, при чемъ это сдѣлалъ раньше, чѣмъ сталъ королемъ Польши. Литовское посольство указало на то, что свободный и ненаказуемый отъѣздъ изъ Люблина въ случаѣ непріемлемости для Литовскаго сейма польскихъ условій Уніи, былъ гарантированъ Литвѣ Воиньскимъ привилеемъ Сигизмунда Августа. Оно просило поляковъ дать Великому Княжеству Литовскому другой проектъ Уніи, по которому оба государства соединились бы такъ, „чтобы одна сторона не осуждалась на погибель ради другой“[1]).

Несмотря на противодѣйствіе посольской избы Короннаго сейма, Сигизмундъ Августъ созвалъ новые повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго на 10 мая 1569 года[2]), предлагая имъ прислать старыхъ пословъ своихъ или выбрать новыхъ, но непремѣнно „не зъ замероною моцъю“, каковая имъ была дана прежде, „але зъ зуполною и достаточною ку сконъченью тое справы Унеи, такъ же и для объмышлеванья около обороны оного панъства“, Великаго Княжества Литовскаго,

---

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ посольствѣ находится въ дневникѣ Люблинскаго сейма, изданномъ Дзялынскимъ, и воспроизведенъ въ примѣчаніи къ изданію другого дневника того же сейма М. О. Кояловичемъ. Дневникъ Любл. сейма, стр. 258—265.

[2]) Документы по созыву этихъ сеймиковъ — М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, №№ 75, 76, 77, 78. Ср. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 312—313, 325—329, 349—350, 361—364, 367—369, 371—374.

„чимъ бы ся безъпечити могло“[1]). Новый срокъ пріѣзда сейма Литвы въ Люблинъ былъ назначенъ на 30-е мая.

Такимъ образомъ, съ начала іюня 1569 года Люблинскій сеймъ вступилъ въ третій періодъ своей исторіи — въ Люблинѣ вновь оказались собранными сеймы обоихъ государствъ для окончанія дѣла Уніи. Но до самаго конца іюня соединеніе этихъ сеймовъ еще не совершилось. Между ними велись переговоры. 6 іюня Сигизмундомъ Августомъ былъ выданъ актъ, отторгающій отъ Великаго Княжества Литовскаго Кіевскую землю и присоединяющій ее къ территоріи Польши. Этимъ территорія Литвы была еще болѣе уменьшена, а стало быть, ея силы и средства для сопротивленія непріемлемымъ для нея условіямъ Уніи, уже сильно ослабленныя отторженіемъ Подляшья и Волыни, еще болѣе уменьшились. Вмѣстѣ съ Кіевскою землею было присоединено къ Польской Коронѣ и воеводство Браславля Подольскаго. На Люблинскомъ сеймѣ отъ Великаго Княжества Литовскаго, такимъ образомъ, были оторваны къ Польшѣ цѣлыхъ четыре его воеводства, а именно Подляшское, Волынское, Кіевское[2]) и Браславля Подольскаго. Теперь Литва не имѣла уже никакой возможности вести Московскую войну своими собственными силами. Она не могла уже защищать себя силою оружія и отъ Польши. Въ случаѣ отказа отъ Уніи съ послѣднею ей грозило польское завоеваніе, т. е. инкорпорація въ составъ Короны Польской безъ всякихъ условій. Совершенно ясно, что при такомъ положеніи для Великаго Княжества Литовскаго не пойти на Унію съ Польшею было невозможно. Его представителямъ для спасенія своего государства оставалось только одно — они должны были постараться внести въ утвержденный уже Сигизмундомъ Августомъ привилей Уніи такія поправки, которыя, сколько это было возможно, ослабили бы въ немъ польскую идею „втѣленія“ Литвы въ Польшу и сохранили бы за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ его государственное значеніе. И сеймъ Великаго Княжества Литовскаго, сдѣлавъ во время своихъ переговоровъ въ

---

[1]) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 224.

[2]) Изъ двухъ повѣтовъ Кіевскаго воеводства (Кіевскій и Мозырскій) Мозырскій остался въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго и послѣ Люблинской Уніи былъ присоединенъ къ повѣтамъ воеводства Минскаго. См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 76.

іюнѣ рядъ уступокъ Польскому сейму, сумѣлъ въ концѣ концовъ добиться сохраненія за своею „речью посполитою“ значенія государства послѣ соединенія съ Польшею. Мы видѣли выше, что во время предшествовавшихъ заключенію Люблинской Уніи переговоровъ боролись двѣ ея идеи — идея единой Короны Польской, въ которую должна быть „втѣлена“ Литва, и идея „спольной речи посполитой“, т. е. соединеннаго или федеративнаго государства ихъ обоихъ. И въ привилеѣ Люблинской Уніи эта послѣдняя получила свое мѣсто. Третій артикулъ выданнаго 4 іюля привилея Уніи гласитъ: „Iż już Krolestwo polskie i Wielkie Księstwo litewskie jest jedno nierozdzielne i nierożne ciało, a także nierożna ale jedna spolna Rzeczpospolita, ktora się ze dwu państw i narodow w jeden lud zniosła i spoiła“ [1]). Привилеемъ первоначальнымъ, даннымъ 24 марта, соединеніе Литвы съ Польшею понималось иначе, а именно: „iż już Korona polska i Wielkie Księstwo litewskie jest jedno nierozdzielne i nierożne ciało, a także jest nierożna ani dwojaka, ale jedna Rzeczpospolita, ktora się ze dwu narodu w jeden lud zniosła i spoiła“ [2]). Представители Великаго Княжества Литовскаго, такимъ образомъ, сумѣли добиться замѣны сліянія Литвы съ Польшею въ единомъ государствѣ ихъ соединеніемъ въ государствѣ „спольномъ“, т. е. въ государствѣ федеративнаго союза. Слова о соединеніи „w jeden lud“ были оставлены и въ привилеѣ 4 іюля. Но въ одиннадцатомъ артикулѣ этого привилея совершенно опредѣленно высказано, что въ дѣйствительности не одинъ, а два народа будутъ продолжать существовать и послѣ Уніи 1569 года. Въ немъ стоитъ: „też we wszytkich przeciwnościach spoiną mocą my obojego narodu prełaci, rady, barones i wszytkie stany pomagać sobie mamy wszytkiemi siłami i możnościami, jako spolnej radzie pożytecznie i potrzebnie będzie się zdało, szczęśliwe i przeciwne rzeczy za spolne rozumiejąc i wiernie sobie pomagając“ [3]). Если Литва слита съ Польшею въ единые народъ и государство, то и всѣ станы ихъ уже должны представлять собою одинъ народъ. Слившись въ немъ, они должны представлять собою единое цѣлое, а не двѣ его части, обязывающіяся помогать одна другой. Приведенныхъ

---

[1]) Akta Unji Polski z Litwą, str. 367.

[2]) Ibidem, str. 223 (1).

[3]) Ibidem, str. 368.

сейчасъ словъ привилея 4 іюля нѣтъ въ текстѣ привилея 24 марта. Они ненужны были въ актѣ, построяющемъ единое государство, но вполнѣ умѣстны при созданіи федераціи двухъ государствъ. Девятымъ артикуломъ привилея 4 іюля, текстъ котораго былъ исполненіемъ категорическаго требованія представителями Великаго Княжества Литовскаго сохраненія всѣхъ его старыхъ правъ и прежней компетенціи его урядовъ, Литва и Польша expressis verbis признаются уже не единымъ народомъ, а двумя „сторонами", помогающими одна другой въ союзѣ ихъ государствъ.

Въ этомъ артикулѣ стоитъ: „Też aby jedna strona drugiej była radą i pomocą, aby Jego Krolewska Mć prawa, przywileje, tak wszem ziemiam i narodom, tak Korony Polskiej, jako Wielkiego Księstwa litewskiego i ziem do nich należących, wszelakim pismem nadane przywileje i prawa od wszech przodkow Jego Krolewskiej Mci i od Jego Krolewskiej Mci samego, z dawnych czasow i od poczęcia uniej wszem wobec i każdemu z osobna jakimkolwiek sposobem nadane, i wolności, dostojeństwa, prerogatywy, urzędy wszytki obojga narodu całe i nieporuszone zachował, wszytkie prawa, sądy, wysady, stany książęce i familje szlacheckie przerzeczonych narodow, uchwały sądowne zdawna do tego czasu zachowane każdemu stanu mocnie i nieporuszenie"[1]). Добавка, сдѣланная въ третьемъ артикулѣ привилея 24 марта, являющимся пятымъ въ привилеѣ 4 іюля, сохраняя государственный титулъ Великаго Княжества Литовскаго, еше разъ подтверждаетъ сохраненіе урядовъ государства Литвы: „A iż tytuł Wielkiego Księstwa litewskiego i urzędy zostawają", новый монархъ „tedy przy obieraniu i koronacjej ma być obwołan zaraz krolem polskim i tenże wielkim księdzem litewskim, ruskim, pruskim, mazowieckim, żmodzkim, kijowskim, wołyńskim, podlaskim, inflanckim"[2]). Этими добавленіями къ тексту привилея 24 марта сеймъ Великаго Княжества Литовскаго во время переговоровъ его съ сеймомъ Польши, происходившихъ въ Люблинѣ до ихъ соединенія, конкретизировалъ внесенное имъ въ акты Уніи 1569 года пониманіе образуемаго ею Польско-Литовскаго государства не какъ единаго, а какъ „спольнаго", т. е. союзнаго. Инкорпорацію, „втѣленіе" въ себя Литвы Польша не

[1]) Ibidem, str. 368.

[2]) Ibidem, str. 367. Въ привилеѣ 24 марта — ibidem, str. 223.

смогла осуществить на Люблинскомъ сеймѣ Уніи. „Втѣлила“ она въ Польскую Корону лишь четыре воеводства, оторванныя по ея требованіямъ Сигизмундомъ Августомъ, т. е. Волынское, Подляшское, Кіевское и Браславля Подольскаго. Вся же остальная территорія Великаго Княжества Литовскаго не слилась съ Польскою государственною территоріею. Границы ея не слились съ границами Польши. Въ ней продолжали сохранять всѣ свои прежнія функціи и компетенцію старые государственные уряды Литвы. Великое Княжество Литовское сохранило послѣ Уніи 1569 года и свой государственный титулъ. Сторонній Литвѣ и Польшѣ наблюдатель писалъ въ 1568 году, что поляки стремились поставить Великое Княжество Литовское подъ свою власть, литовцы же, дѣйствительно желая быть подъ общимъ съ Польшею монархомъ, хотѣли быть свободными одинаково съ поляками и не подлежать власти польскихъ учрежденій[1]). И хотя уменьшенное въ своей государственной территоріи въ 1569 году, Великое Княжество Литовское всетаки въ концѣ концовъ добилось исполненія этого своего желанія.

Унія Литвы съ Польшею была установлена обязательствами, выданными ихъ сеймами взаимно одинъ другому. Эти обязательства представляютъ собою договоръ между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Польскою Короною. Состоявшійся договоръ былъ закрѣпленъ привилеемъ, выданнымъ 4 іюля 1569 года Сигизмундомъ Августомъ, какъ общимъ Польши и Литвы монархомъ. Конечно, во всѣхъ трехъ документахъ содержаніе договора Уніи совпадаетъ, иногда только различаясь

---

[1]) Напечатанная Нѣмцевичемъ, въ переводѣ съ итальянскаго языка на польскій, „Relacya o stanie Polski złożona papieżowi Piusowi Czwartemu, przez nuncyusza jego u dworu krola Zygmunta Augusta, opata Ruggiero w r. 1568“, разсказывая о готовящемся заключеніи Уніи Литвы и Польши, между прочимъ, говоритъ: „Dwa narody także niebardzo są skwapliwemi do tego: Polacy życzyliby mieć Litwę iak podległą sobie, Litwini chcą w prawdżie być pod iednem z Polakami berłem, używać równych, iak i oni swobod, lecz życzą przytym nie podlegać radom Palaków, ale mieć osobne Seymy i Trybunały. Król przekonany iż samą Litwą Moskwie cięszko wydołać, widząc iak niechętnie Polacy na te mróżne ciągną wyprawy, stara się dwa narody zlać w ciało iedne. Wszyscy mniemaią, iż ważne to dzieło dokona się na przyszłym Seymie“. Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéj Polszcze ..... Przez J. U Niemcewicza. Tom III (Warszawa, 1822), str. 24—25.

въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ[1]). Во что́ же въ окончательномъ видѣ вылились условія соединенія обоихъ государствъ послѣ всѣхъ исправленій привилея 24 марта, первоначально ихъ опредѣлившаго на Люблинскомъ сеймѣ?

Королевство Польское и Великое Княжество Литовское сливаются въ единое и нераздѣльное тѣло и единое общее государство, которое образовалось черезъ сліяніе и соединеніе въ одинъ народъ и одно государство двухъ государствъ и народовъ. Прелаты, паны-рада, бароны-паны и всѣ станы польскаго и литовскаго народовъ во всѣхъ обстоятельствахъ, противныхъ интересамъ и выгодамъ государственнымъ, должны помогать другъ другу общею помощью, всѣми своими силами и средствами, какъ будетъ рѣшено общимъ совѣтомъ. Они будутъ дѣлать это, помогая другъ другу вѣрно и считая общими и счастье, и несчастье. Установляя такое, повидимому, полное сліяніе Княжества съ Короною, актъ Уніи, однако, сохраняетъ для перваго государственный титулъ Великаго Княжества Литовскаго, равно какъ и всѣ его должности-уряды и значеніе его становъ, сохраняетъ ихъ неприкосновенными и нерушимыми въ ихъ старыхъ значеніи и компетенціи. Противорѣчіе признанныхъ за Литвою правъ идеѣ единства и сліянія ея государства съ Польшею привилей Уніи старается ослабить поясненіемъ, что это все-таки не вноситъ раздѣленія въ общее соединенное государство. Оно на вѣчныя времена должно имѣть единую главу, одного общаго государя и короля, который избирается общими голосами поляковъ и литовцевъ, при чемъ отсутствіе той или другой стороны, т. е. одного изъ двухъ народовъ, не можетъ служить непризнанію акта избранія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и строго предписывается совершать вызовъ на елекцію пановъ-радъ и всѣхъ становъ обоихъ народовъ. Мѣ-

---

1) Изданія договора Люблинской Уніи и привилея 4 іюля, ее закрѣплявшаго, указаны въ Akta Unji Polski z Litwą (str. 339, 354, 366). Въ этихъ указаніяхъ опущены: 1) Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ (С.-Петербургъ, 1865), стр. 140—162, 2) Дневникъ Люблинскаго сейма (С.-Петербургъ, 1869), стр. 718—730, 3) Л. М. Зельверовичъ, Литовская Метрика, Государственный Отдѣлъ Великаго Княжества Литовскаго при Правительствующемъ Сенатѣ т. I (С.-Петербургъ, 1883), стр. 55—76. Изъ послѣдняго изданія текстъ договора былъ перепечатанъ на стр. 145—153 книги — Prof. J. Lappo, Lietuva ir Lenkija po 1569 m. Liublino Unijos (Kaunas, 1932).

сто королевской елекціи должно назначаться въ предѣлахъ Польши, а не Великаго Княжества Литовскаго. Послѣ своей елекціи новый король долженъ быть коронованъ и помазанъ въ Краковѣ. При елекціи и короновaніи онъ провозглашается королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Мазовецкимъ, Жомойтскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Подляшскимъ, Лифляндскимъ[1]). Особаго избранія и провозглашенія електа государемъ въ Литвѣ, какъ это бывало прежде, отнынѣ уже не должно быть. Всякое наслѣдственное право на Великое Княжество Литовское для его государей уничтожается — Сигизмундъ Августъ передалъ его на вѣчныя времена Коронѣ.

Соединенная Речь Посполитая, имѣя общаго короля, должна имѣть и общіе сеймы. Сеймы и рады оба народа должны имѣть всегда общіе, Коронные, подъ королемъ Польскимъ, своимъ государемъ. На нихъ засѣдаютъ литовскіе паны-рады между панами-радами польскими и земскіе послы Княжества между послами Короны. Какъ на сеймахъ, такъ и внѣ ихъ они должны обсуждать общія государственныя нужды. Со времени заключенія Люблинской Уніи король уже не будетъ назначать никакихъ отдѣльныхъ сеймовъ для котораго-либо изъ двухъ народовъ, соединившихся въ Уніи, но только общіе сеймы обоимъ народамъ, какъ единому государственному тѣлу. При этомъ мѣсто для собранія сейма избирается въ предѣлахъ Польши, гдѣ будетъ признано наиболѣе удобнымъ панамъ-радамъ Короннымъ и Литовскимъ. Всѣ договоры, заключенные Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ съ другими государствами, невыгодные для первой или второго, составляющихъ теперь уже одну Речь Посполитую, не должны болѣе соблюдаться. На будущее же время ни одинъ внѣшній союзъ или договоръ съ чужестраннымъ народомъ не можетъ быть заключенъ, равно какъ ни одно посольство въ предметахъ важныхъ не можетъ

---

[1]) Этотъ титулъ установился уже до Люблинской Уніи и являлся обычнымъ для Польскихъ королей, бывшихъ одновременно и монархами Великаго Княжества Литовскаго, — см., напримѣръ, титулы Сигизмунда Перваго и Сигизмунда Августа въ указателѣ къ XXX-му тому Русской Ист. Библіотеки, подъ именами Жигимонтъ и Жигимонтъ Августъ. Лишь слова „Кіевскій, Волынскій, Подляшскій“ въ установленномъ Люблинскимъ привилеемъ титулѣ могутъ быть признаны подчеркиваніемъ оторванія этихъ земель отъ Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ.

посылаться, безъ вѣдома и обсужденія обоихъ народовъ. Монета должна быть общею и совершенно однообразною, какъ въ Княжествѣ, такъ и въ Коронѣ. Всѣ литовскіе уряды, которые вакантны въ данное время или будутъ вакантны потомъ, король не имѣетъ права никому раздавать иначе, какъ съ обязательствомъ для получающихъ ихъ присягнуть на вѣрность королю, его коронованнымъ преемникамъ и нераздѣльному тѣлу — Польской Коронѣ. Присяга пановъ-радъ, должностныхъ лицъ, старостъ и лицъ важнѣйшихъ фамилій Великаго Княжества Литовскаго остается въ силѣ прежняя, но съ тѣмъ, чтобы всѣ такія присяги приносились коронованному королю и Польской Коронѣ.

Всѣ статуты и уставы въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, постановленія которыхъ направлены противъ пріобрѣтенія поляками имѣній въ его предѣлахъ и обладанія ими, какимъ бы способомъ эти имѣнія ни были ими пріобрѣтены, не должны имѣть силы, какъ противные праву, справедливости, общей братской любви и Польско-Литовскому соединенію, — какъ поляки въ Литвѣ, такъ литовцы въ Польшѣ, могутъ пріобрѣтать имѣнія законными способами и могутъ держать ихъ, соблюдая то право, которому подлежитъ пріобрѣтенное имѣніе. Хотя со времени заключенія Люблинской Уніи должна прекратиться раздача литовскихъ королевскихъ имѣній, но тѣ изъ нихъ, которыя будутъ потомъ переходить къ королю изъ домовъ княжескихъ, панскихъ и шляхетскихъ, король будетъ раздавать по своей волѣ и по своей милости шляхетнымъ обывателямъ какъ польскаго, такъ и литовскаго народовъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы отъ этого не было ущерба земской военной службѣ.

Сливая Великое Княжество Литовское съ Польшею въ одно государственное цѣлое, Люблинскій договоръ, однако хорошо знаетъ особыя права и постановленія государства Литвы. Онъ установляетъ, что король обязанъ соблюдать цѣлыми и неприкосновенными права и привилеи какъ Короны, такъ и Княжества и земель, къ нему принадлежащихъ, — права и привилеи, данные всякимъ „письмомъ" всѣми предшественниками короля и имъ самимъ, какъ съ древнѣйшаго времени, такъ и отъ начала Уніи, всѣмъ вообще и каждому особо, дарованные всѣми способами, а также вольности, „до-

стоенства", прерогативы и всякіе уряды обоихъ народовъ. Онъ обязанъ сохранять въ силѣ и неприкосновенности обоимъ народамъ всѣ права ихъ становъ, всѣ преимущества ихъ, значеніе княжескихъ и шляхетскихъ фамилій, а также постановленія судовъ отъ древнѣйшаго до текущаго времени. При коронаціи, вступающій на престолъ король обязанъ, присягая въ соблюденіи ихъ, утвердить одними и тѣми же словами, на одномъ и томъ же листѣ, на вѣчныя времена права, привилеи и вольности обоихъ народовъ и соединенныхъ государствъ. Отъ проводившейся тогда въ Польшѣ экзекуціи, какъ провѣрки правъ землевладѣнія съ возвращеніемъ въ казну неправильно находящихся въ обладаніи частныхъ лицъ государственныхъ земель, — Великое Княжество Литовское должно быть совершенно свободно, и проводившаяся въ Коронѣ экзекуція отнюдь не должна его касаться. Равнымъ образомъ должны быть сохранены въ Княжествѣ въ полной силѣ пожалованія на „дигнитарства" и уряды, а также „заставы" и „суммы" въ полномъ на нихъ правѣ, и держатели ихъ, противъ своихъ настоящихъ правъ и привилеевъ или листовъ, не должны будутъ обращать ни на что никакой части своихъ обычныхъ доходовъ, кромѣ какъ на себя самихъ. Сверхъ того, всякій обыватель Великаго Княжества Литовскаго, владѣющій землями и „поссессіями" всѣхъ наименованій, не имѣя соотвѣтствующихъ документовъ на нихъ, будетъ владѣть ими и безъ послѣднихъ, вѣчныя времена, согласно Литовскому Статуту, старому и новому[1]), а также и давнымъ обычаямъ. Паны-рада, всѣ станы и послы всѣхъ земель настоящимъ своимъ постановленіемъ лишаютъ себя и своихъ потомковъ права установленія подъ какимъ-либо видомъ экзекуціи на выслуги и всякія имущества, лишаютъ себя даже права упоминанія о ней и всякой къ ней попытки.

Таково содержаніе тѣхъ статей Люблинскаго договора, которыя говорятъ объ измѣненіи государственнаго устройства Великаго Княжества Литовскаго въ 1569 году и объ отношеніяхъ его къ Польшѣ въ созданной Уніею Речи Посполитой. Люблинскій актъ утвержденъ на вѣчныя времена. При этомъ въ немъ постановлено, что, если одна изъ сторонъ, заключившихъ между собою Унію, или кто-либо изъ отдѣльныхъ обывателей, не будетъ соблюдать ея договора, — противъ таковыхъ

---

[1]) Т. е. Литовскимъ Статутамъ 1529 и 1566 годовъ

должны всѣ, вмѣстѣ съ королемъ, подняться съ оружіемъ въ рукахъ, какъ противъ враговъ. Самыя статьи и постановленія Люблинскаго акта не могутъ никогда, ни подъ какимъ видомъ измѣняться ни королемъ, ни панами-радами, ни всякими станами обоихъ народовъ, но должны вѣчно сохраняться цѣлыми и въ полной силѣ.

Первое впечатлѣніе читающаго Люблинскій договоръ — впечатлѣніе полнаго слiянія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, его инкорпорація ею. Идея полнаго слiянія и провозглашается Люблинскимъ актомъ въ самыхъ торжественныхъ формулахъ. Она, какъ кажется, осуществляется въ конкретныхъ постановленіяхъ, организующихъ единое государство обоихъ сливающихся во-едино народовъ, ихъ Речь Посполитую, какъ Польскую Корону. Во главѣ ея единый избирательный монархъ. Его избраніе законно даже въ томъ случаѣ, когда, послѣ оповѣщенія всѣхъ частей Речи Посполитой объ имѣющей быть элекціи, представители одного изъ соединенныхъ Уніею народовъ на нее не прибудутъ. Идея полнаго слiянія обоихъ народовъ въ этомъ постановленіи выражена совершенно отчетливо и ясно. Свобода отъ экзекуціи и гарантированіе правъ на имѣнія въ Княжествѣ въ отличіе отъ Польши совершенно просто объясняется провинціальными особенностями и правами его, какъ части единой съ Польшею Речи Посполитой. Вѣдь и польскія составныя части Короны имѣли свои провинціальныя права. Провинціальныя особенности и права областей государства не противорѣчатъ его унитарности. По Люблинскому привилею эти областныя права должны подтверждаться вновь избираемымъ монархомъ на общей хартіи для всего государства, какъ Польской Короны. Общая верховная власть — единые король, сенатъ и сеймъ — говоритъ отчетливо объ единствѣ государства, объ его унитарной природѣ также. Провозглашенная Люблинскимъ актомъ идея полнаго слiянія обоихъ народовъ реализована имъ, повидимому, и въ государственной организаціи созданной имъ Речи Посполитой.

Но постановленія, которыя могутъ легко ускользнуть отъ вниманія поверхностнаго читателя Люблинскаго привилея и актовъ-договоровъ 1569 года, въ самомъ корнѣ разрушаютъ это государственное единство. Всѣ должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, существовавшія въ немъ до Люблинской

Уніи, сохраняются въ полной неприкосновенности, съ прежними значеніемъ и компетенціей, какими онѣ были раньше въ Литвѣ, какъ самостоятельномъ государствѣ. Если Великому Княжеству Литовскому была гарантирована актами Уніи 1569 года неприкосновенность всѣхъ его должностей, это значитъ, что съ прежними правами, значеніемъ и компетенціей будутъ продолжать свои существованіе и дѣятельность и тѣ его должности, которыя осуществляли задачи его государственнаго управленія. Иными словами, принимая общіе съ Польшею сообща избираемаго монарха, „спольные" сеймы и рады сената, Великое Княжество Литовское и послѣ Люблинской Уніи сохраняетъ своихъ министровъ, которые составляютъ правительство его государства, отнюдь не сливающееся съ правительствомъ Польской Короны. Министры государства Литвы — земскій и дворный маршалки, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбіе земскій и дворный — сохранили свою прежнюю компетенцію. Сохранили ее и гетманы, великій и дворный или польный, Великаго Княжества Литовскаго. Что же означало это сохраненіе старыхъ государственныхъ урядовъ Литвы и ихъ прежней компетенціи? Оно означало, что государственное управленіе Великаго Княжества и дворъ общаго съ Польшею монарха въ его значеніи великаго князя Литовскаго остаются по-прежнему совершенно отдѣльными отъ Польской Короны и что государство Литвы, ея особая отъ Короны „речь посполитая" [1]), сохраняется и не сливается съ Польшею, а продолжаетъ существовать рядомъ съ государствомъ Польскимъ въ ихъ „спольной", созданной Люблинской Уніею Речи Посполитой.

Земскій подскарбій Великаго Княжества Литовскаго вѣдалъ его скарбъ, его государственную казну. Въ государственномъ скарбѣ хранились клейноты и инсигніи государства Литвы, денежная наличность, драгоцѣнности, запасы мѣховъ и суконъ, артиллерійскія орудія, оружіе и другіе предметы, принадлежащіе Великому Княжеству Литовскому, какъ государству. Земскій подскарбій, черезъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ, собиралъ въ скарбѣ государственные доходы Великаго Княжества Литовскаго, какъ обычные въ видѣ мытныхъ сбо-

---

[1]) О значеніи выраженія „речь посполитая" см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 77, прим. 2.

ровъ и поступленій съ государственныхъ имуществъ, такъ и чрезвычайныя „серебщины“, постановляемыя вальными сеймами. Онъ вѣдалъ сдачею въ аренду государственныхъ земель и угодій, а также „кованьемъ мынцы“, т. е. чеканкою монеты. Урядомъ земскаго подскарбія производились и всѣ выдачи изъ государственнаго скарба. Сохраненіе Люблинскою Уніею уряда Литовскаго земскаго подскарбія, со всею его старою компетенціею, означало сохраненіе полной самостоятельности финансовъ, а также управленія ими и государственными имуществами Великаго Княжества Литовскаго. Но акты Люблинской Уніи, гарантируя Литвѣ ея прежніе уряды, сохранили неприкосновенною и компетенцію ея дворнаго подскарбія, вѣдавшаго скарбъ двора великаго князя Литовскаго, дворцовые финансы и управленіе ими въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[1]). Такимъ образомъ, рѣшительно всѣ финансы Литвы, государственные и дворцовые, и управленіе ими были Люблинскимъ привилеемъ забронированы отъ Польши и остались въ принадлежности только одного Великаго Княжества Литовскаго.

Въ такомъ же положеніи послѣ Люблинской Уніи оказались и всѣ военныя силы послѣдняго. Неприкосновенность компетенціи урядовъ гетмановъ гарантировала это съ полною опредѣленностью. Польный гетманъ Великаго Княжества Литовскаго командовалъ и управлялъ всѣми наемными войсками его. Литовскій гетманъ наивысшій былъ главнокомандующимъ всѣми военными силами своего государства, т. е. и наемными, и шляхетскимъ посполитымъ рушеньемъ. Сохраненіе старыхъ гетманскихъ урядовъ со всею ихъ прежнею компетенціею, такимъ образомъ, означало полную отдѣльность всѣхъ безъ исключенія военныхъ силъ Великаго Княжества Литовскаго и лишеніе Польши права распоряжаться ими въ какой-либо степени. Польскіе гетманы не могутъ имѣть никакой власти надъ литовскими военными силами и средствами. Они принадлежатъ только Великому Княжеству Литовскому. Командованіе и управленіе ими недосягаемы для Польши. Они полностью остаются въ рукахъ только одного Княжества. Во время общихъ походовъ и военныхъ дѣйствій арміи Литвы и Короны являются арміями двухъ союзныхъ государствъ, а не единою

---

[1]) Объ урядахъ земскаго и дворнаго подскарбіевъ см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 378—382 и 651—665.

или соединенною арміею одного, т. е. созданной Люблинской Уніею Речи Посполитой. Лишь общій для Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны монархъ, какъ король Польскій и великій князь Литовскій, можетъ въ своей особѣ объединить командованіе этими двумя независимыми и отнюдь не смѣшивающимися одна съ другою арміями.

Что касается сохраненія „печатарскихъ“ урядовъ Великаго Княжества Литовскаго, т. е. урядовъ его канцлера и подканцлера, съ ихъ прежнею компетенціею, то оно было соединено съ признаніемъ за нимъ правъ самостоятельной государственности во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ его внутренняго государственнаго управленія. Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго былъ хранителемъ его большой государственной печати, подканцлеръ хранилъ его государственную печать малую. Безъ приложенія одной изъ этихъ печатей, или по крайней мѣрѣ безъ вѣдома канцлера или подканцлера, ни одинъ актъ, исходящій отъ верховной власти, которой подлежало Великое Княжество Литовское, не имѣлъ силы. Стало быть, все управленіе имъ было забронировано отъ Польши, и послѣдняя была лишена какого-либо въ немъ участія. Всѣ назначенія на должности въ Литвѣ, всѣ пожалованія въ ея предѣлахъ имѣніями, всѣ привилегіи на особыя права и титулы, всѣ акты судебныхъ рѣшеній и толкованій различныхъ правъ, исходящіе отъ верховной власти, подъ которою находилось Великое Княжество Литовское послѣ Люблинской Уніи, — все это должно было проходить безъ всякаго участія въ немъ Польской Короны и вѣдалось прежними органами государственнаго управленія одной Литвы. Но этого мало. Государственная канцелярія, во главѣ которой стояли Литовскіе канцлеръ и подканцлеръ, вѣдала до Люблинской Уніи и внѣшнія сношенія Великаго Княжества Литовскаго. Сохраненіе договоромъ Уніи прежней компетенціи его урядовъ оставляло неприкосновенною и эту область ея дѣятельности, ибо она входила въ составъ компетенціи Литовскихъ канцлера и подканцлера.

Намъ остается еще сказать о значеніи сохраненія Люблинскимъ договоромъ 1569 года неприкосновенною компетенціи земскаго и дворнаго маршалковъ Великаго Княжества Литовскаго. Земскій маршалокъ занималъ первое мѣсто въ ряду его министровъ. Передъ жезломъ земскаго маршалка должны

были склоняться всѣ, подчиняясь юрисдикціи этого сановника во время сейма или на дворѣ великаго князя Литовскаго, и онъ своею властью и бдительностью охранялъ порядокъ и спокойствіе и на сеймѣ, и на великокняжескомъ дворѣ. Онъ караетъ нарушителей этихъ порядка и спокойствія. Въ засѣданіяхъ рады-сената онъ раздаетъ голоса раднымъ панамъ и поднимаетъ свой жезлъ для возстановленія тишины и для предупрежденія, когда начинаетъ говорить монархъ. Онъ является огласителемъ воли монарха, принимая отъ него ея выраженіе въ значеніи оффиціальнаго представителя цѣлаго „народа" государства. Сохраненіе старыхъ значенія и компетенціи земскаго маршалка было равнозначуще признанію и государственнаго значенія Великаго Княжества Литовскаго послѣ его Уніи съ Польшею, заключенной въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Маршалокъ дворный замѣнялъ земскаго въ засѣданіяхъ рады-сената, но онъ имѣлъ и свою спеціальную компетенцію, вѣдая дворъ великаго князя Литовскаго, съ его дворцовыми должностными лицами и дворянами, т. е. слугами и воинами.

Какой же выводъ неизбѣжно вытекаетъ изъ вскрытія конкретнаго содержанія постановленія Люблинскаго договора о сохраненіи старыхъ компетенціи и значенія[1]) урядовъ Великаго Княжества Литовскаго? — Этотъ выводъ можетъ быть только такой: оно сохранило свое особое правительство послѣ Люблинской Уніи и въ созданной ею соединенной Речи Посполитой отнюдь не слило своего государства съ Польскимъ, а, наоборотъ, отдѣлило его отъ послѣдняго. А если это было такъ, то и государственный титулъ, сохраненный Великому Княжеству Литовскому Люблинскимъ договоромъ, не былъ простымъ звукомъ, лишь украшеніемъ титула Польскаго короля, или только воспоминаніемъ историческаго прошлаго Литвы, ставшей теперь уже областью Польской Короны. Государственный ти-

---

[1]) Объ урядахъ гетмановъ, печатарей и маршалковъ Великаго Княжества Литовскаго см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 435—440, 637—667. О вліяніи высокаго значенія литовскихъ министровъ и ихъ участія въ радѣ-сенатѣ на возвышеніе значенія аналогичныхъ польскихъ министровъ послѣ Люблинской Уніи говоритъ въ своей хроникѣ Пясецкій — (Chronika Gestorum in Europa Singularium: A Paulo Piasecio Episkopo Praemisliensi). Цитируемъ по польскому переводу — Kronika Pawła Piaseckiego biskupa Przemyślskiego (Kraków, 1870), str. 61.

тулъ Литвы сохранилъ совершенно реальное значенiе, обозначая дѣйствительное положенiе Великаго Княжества Литовскаго рядомъ съ Польшею въ ихъ соединенiи, т. е. въ созданной Люблинскою Унiею „спольной“ Речи Посполитой. Государственный гербъ Великаго Княжества Литовскаго остался гербомъ государства Литвы и отнюдь не превратился въ областной знакъ провинцiи Польской Короны. Государственная печать Великаго Княжества Литовскаго съ изображенiемъ этого герба имѣла силу и значенiе дѣйствительно печати государства, а не являлась лишь своего рода игрушкою, оставленною послѣ Унiи Литвѣ Польшею, ради нѣкотораго утѣшенiя ея въ утратѣ ею государственнаго бытiя.

Люблинскiй договоръ гарантировалъ Великому Княжеству Литовскому и сохраненiе прежняго значенiя его „становъ“. Но это значенiе было и невозможно уничтожить. Оно было создано исторической жизнью Литовско-Русскаго государства, существовало и не могло не существовать фактически, ибо оно было неотдѣлимо отъ тогдашней соцiальной и экономической организацiи Великаго Княжества Литовскаго. Оно было закрѣплено и государственно-правовыми актами, представлявшими собою обязательства великихъ князей Литовскихъ, а въ ихъ числѣ и самого Сигизмунда Августа, сдѣлавшагося въ 1569 году первымъ монархомъ созданной Люблинскою Унiею Речи Посполитой. Привилеи, выданные „станамъ“ Литвы ея великими князьями, имѣли тѣ же силу и значенiе, какъ и тѣ привилеи, которые были въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтiяхъ даны Польскими королями шляхтѣ Польши и которые эта шляхта признавала своими драгоцѣнными завоеванiями, принадлежащими ей неотъемлемо. Общеземскiе привилеи, выданные Казимиромъ въ 1447 году, Александромъ въ 1492-мъ и Сигизмундомъ I-мъ въ 1506-мъ годахъ, и Второй Литовскiй Статутъ, утвержденный Сигизмундомъ Августомъ въ 1566-мъ году, для „становъ“ Великаго Княжества Литовскаго были актами такого же значенiя, какое имѣли для шляхты Польши привилеи Кошицкiй, Новокорчинскiй, Червинскiй, Едлинско-Краковскiй, статуты Нѣшавскiе и Пiотрковскiй и, наконецъ, постановленiе Радомскаго сейма 1505 года „Nihil novi“. Какъ все это въ Польшѣ, такъ и общеземскiе привилеи въ Литвѣ, не были законами, происшедшими изъ простого волеизъявленiя короля Польши или великаго князя Литвы. Какъ Кошицкiй и другiе, послѣдовавшiе за

нимъ и его развивавшіе и дополнявшіе привилеи представляли собою обязательства Польскихъ королей, выданныя ими польской шляхтѣ, какъ и общеземскіе привилеи великихъ князей Литовскихъ были ихъ обязательствами, за себя и за своихъ преемниковъ, выданными „станамъ“ Великаго Княжества Литовскаго, т. е. его раднымъ панамъ и шляхтѣ. Развивая свои права въ послѣдующее время, станы Литвы выработали основные законы, конституцію своего государства, внесенную въ его сводъ дѣйствующихъ законовъ, утвержденный въ 1529 году и получившій названіе Литовскаго Статута. Эта конституція имѣла дальнѣйшее свое развитіе, въ виду роста значенія боярско-шляхетскаго „стана“ рядомъ со „станомъ“ панскимъ въ среднія десятилѣтія XVI вѣка, и ко времени заключенія Люблинской Уніи она была переработана и внесена въ окончательно утвержденный въ 1566 году Второй Литовскій Статутъ.

Права и значеніе становъ Великаго Княжества Литовскаго въ Литовскомъ Статутѣ, какъ и въ предшествующихъ ему общеземскихъ привилеяхъ, изложены не въ обычной формѣ закона, имѣющей мѣсто въ громадномъ большинствѣ артикуловъ того же Статута, а въ видѣ обязательствъ великаго князя передъ „станами“, при чемъ этотъ характеръ обязательства особенно подчеркивается. Такимъ образомъ, станы Великаго Княжества Литовскаго обладали своими правами въ моментъ утвержденія Люблинскаго договора Уніи не на основѣ общаго закона ихъ государства, а на основѣ спеціально имъ выданнаго обязательства ихъ монарховъ, гарантировавшихъ имъ эти права за себя и за своихъ преемниковъ, на вѣчныя времена. Эти права не могли имъ не представляться ихъ неотъемлемою собственностью.

Какія же изъ правъ становъ Великаго Княжества Литовскаго шли въ разрѣзъ съ провозглашеннымъ Люблинскимъ привилеемъ сліяніемъ Литвы съ Польшею въ единомъ государственномъ тѣлѣ и въ единомъ народѣ?

Радные паны Великаго Княжества Литовскаго, т. е. его станъ сенаторскій, были участниками всей правительственной дѣятельности своего великаго князя[1]). Они „залецали“ — рекомендовали ему кандидатовъ на должности и пожалованія,

[1]) О радныхъ панахъ Великаго Княжества Литовскаго см. Θ. И. Леонтовичъ, Рада великихъ князей Литовскихъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1907,

за ихъ „радою и зезволеньемъ" великій князь разрѣшалъ всѣ текущія дѣла верховнаго управленія и своего монаршаго суда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ отсутствіи великаго князя рада Литвы принимала на себя текущія дѣла верховнаго управленія своего государства. Допущеніе кого-либо изъ сенаторовъ Польской Короны къ этой дѣятельности литовскаго стана сенаторскаго означало бы нарушеніе его значенія и правъ. Въ виду того, что великій князь вальные сеймы имѣлъ право созывать только „за радою радъ" своихъ „того жъ панства", т. е. Великаго Княжества Литовскаго, и общій монархъ „спольной" Речи Посполитой не могъ созывать ея „спольныхъ" сеймовъ иначе, какъ послѣ сношеній съ панами-радами "обоего народу", т. е. не только Польши, но и Литвы. Хотя и засѣдавшіе въ общемъ сенатѣ, паны-рада польскіе и литовскіе представляли собою два сената, Польской Короны и Великаго Княжества, которымъ даже „вота", право голоса во время засѣданія, раздаютъ маршалокъ Коронный сенаторамъ Польши и Литовскій сенаторамъ Литвы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что права и значеніе Литовскихъ пановъ-рады не менѣе, чѣмъ старыя права и компетенція министровъ Литвы, охраняли государственную особность Великаго Княжества Литовскаго отъ Польши и противорѣчили единству государственнаго „тѣла" и „народа", провозглашенному въ актахъ Люблинской Уніи.

Что касается стана шляхетскаго, въ который входили и паны-рада, какъ шляхетные обыватели Великаго Княжества Литовскаго, то его права и значеніе совершенно не допускали сліянія его въ единое цѣлое со шляхтою Польши. Ко времени Люблинскаго сейма Уніи шляхта Литвы обладала и правами личными и имущественными, и властью надъ своими „подданными", и правами политическими, и всѣ они были не меньшими, чѣмъ права шляхты Польши. Для Польской Короны, какъ извѣстно, процессъ развитія шляхетскихъ правъ завершился постановленіемъ Радомскаго сейма въ 1505 году: „nihil novi constitui debeat per nos (т. е. короля) et successores nostros sine communi consiliariorum et nuntiorum terrestrium consensu"[1]). Въ

IX—X), I. А. Малиновскій, Рада Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ Боярскою Думою древней Россіи, часть II, вып. I и II (Томскъ, 1904 и 1912), М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 311—427, И.И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 670—736.

[1]) Vol. Leg., I (Petersburg, 1859), p. 137, f. 299.

Великомъ Княжествѣ Литовскомъ тотъ же процессъ получилъ свое завершенiе въ обязательствѣ его монарха ничего не установлять новаго иначе, какъ на вальномъ сеймѣ государства Литвы, т. е. съ согласiя его пановъ-рады и повѣтовыхъ шляхетскихъ пословъ Великаго Княжества Литовскаго. Такъ было установлено конституцiей Второго Литовскаго Статута, какъ мы это видѣли выше[1]). Право польской шляхты на занятiе всѣхъ должностей въ Коронѣ только ею, которое она заставила признать своего короля по Кошицкому привилею 1374 года, принадлежало и шляхтѣ Литвы. Оно имѣло свое основанiе въ общеземскомъ привилеѣ великаго князя Казимира, который онъ былъ вынужденъ дать Великому Княжеству Литовскому 2 мая 1447 года, и получило передъ Люблинскою Унiею свое окончательное выраженiе въ девятомъ артикулѣ третьяго раздѣла Литовскаго Статута 1566 года, дополненномъ Берестейскою „поправою" того же года. Согласно этому закону, какъ мы видѣли выше, ко всѣмъ урядамъ имѣли доступъ только „Литва, Русь и Жомойть, родичи старожитные" и уроженцы земель Великаго Княжества Литовскаго[2]). Наконецъ, прошедшее тотъ же путь отъ привилея Казимира до середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтiя, возникшее аналогичнымъ же съ Польшею путемъ, обязательство великаго князя Литовскаго утверждало неприкосновенность государственной территорiи Великаго Княжества Литовскаго и обязательство его монарха вернуть въ составъ ея все то, что отошло къ Польшѣ, Пруссiи и Ливонiи[3]).

Все это были неотъемлемыя права стана шляхетскаго Великаго Княжества Литовскаго. Все это было гарантировано на вѣчныя времена не только государству Литвы, ея „речи посполитой", но и ея „стану шляхетскому", шляхетскому „народу" и каждому ея шляхетному „обывателю", какъ его личныя и сословныя права, обезпечивающiя его интересы и значенiе. Въ самомъ дѣлѣ, исключительное право „тубыльцевъ" и „родичей" на всѣ рѣшительно должности въ государствѣ Литвы и на всѣ рѣшительно земельныя пожалованiя въ его предѣлахъ отдавало въ руки шляхты Великаго Княжества Литовскаго и все влiянiе

[1]) Стр. 208.
[2]) Стр. 166.
[3]) Стр. 151—152 и 208.

и всѣ доходы, съ ними связанные, безъ какой-либо конкурренціи со стороны „сосѣдовъ и заграничниковъ“, т. е. поляковъ, которые и послѣ Люблинской Уніи, несмотря на провозглашеніе единства народовъ польскаго и литовскаго, оставались для Литвы „заграничниками“, ибо государственныя границы ея и Польши не были упразднены, строго соблюдались и хранились по-прежнему. Заставлять шляхту Великаго Княжества Литовскаго дѣлиться съ поляками должностями и земельными пожалованіями внутри территоріи Литвы, обозначенной этими границами, значило отнимать отъ нея то, что она признавала принадлежащимъ ей безраздѣльно, гарантированнымъ на вѣчныя времена.

Равнымъ образомъ и невозможность отмѣнять старыя „уставы“ и вводить новыя въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ безъ вальнаго сейма именно этого государства, утвержденная Вторымъ Литовскимъ Статутомъ, представляла собою не только передачу законодательной власти въ Литвѣ въ руки ея парламента, но и закрѣпленіе ея за „станами“ ея, т. е. гарантированіе имъ ихъ правъ и значенія, которыя они должны были считать имъ неотъемлемо принадлежащими и которыми они, конечно, не пожелаютъ дѣлиться со своими „сосѣдами“-поляками, какъ бы акты Люблинской Уніи не старались подчеркивать ихъ сліяніе въ единомъ народѣ. Пусть Люблинская Унія установила единый общій сеймъ для Польши и Литвы, но его постановленія только тогда могутъ получать обязывающее значеніе и законную силу для Великаго Княжества Литовскаго, если его представители, т. е. его сеймъ, влившійся въ 1569 году въ сеймъ Польской Короны, ихъ постановятъ. Только „станы, сойму належачые“, Литвы правомочны въ сеймовомъ разрѣшеніи дѣлъ Великаго Княжества Литовскаго и изданіи для него законовъ, хотя бы и на „спольномъ“ съ поляками сеймѣ, хотя бы и съ возможностью для поляковъ высказываться по поводу ихъ. Сдѣлать на „спольномъ“ сеймѣ какія-либо постановленія, касающіяся Великаго Княжества Литовскаго, противъ воли сеймовыхъ представителей именно его было невозможно, ибо это явилось бы нарушеніемъ правъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, сохраненныхъ за ними Люблинскими актами Уніи.

Наконецъ, обязательство монарха Великаго Княжества Литовскаго добиться возвращенія ему всѣхъ земель, отнятыхъ отъ него Польшей, Пруссіей и Ливоніей, а также установленіе

обязанности служить на Литву для „заграничниковъ", т. е. не принадлежащихъ къ составу ея „становъ" землевладѣльцевъ на ея пограничной съ этими странами территоріи, — было не только гарантированіемъ цѣлости государственной территоріи, но и обезпеченіемъ интересовъ шляхты „речи посполитой" Великаго Княжества Литовскаго, ибо съ уменьшеніемъ его земель увеличивались тяжести военной службы и „серебщины", падавшихъ на его шляхтичей и на ихъ землевладѣніе.

Въ сословныхъ государствахъ того типа, къ которому принадлежало Великое Княжество Литовское, государство такъ тѣсно сплеталось съ держащимъ его въ своихъ рукахъ сословіемъ-„народомъ", что становится почти невозможнымъ точно разграничить, гдѣ начинается верховная государственная власть и гдѣ кончаются значеніе и права господствующаго сословія. Такимъ именно было и положеніе становъ Великаго Княжества Литовскаго, старое значеніе которыхъ было имъ сохранено актами Люблинской Уніи. Съ сохраненіемъ этого стараго значенія становъ Великаго Княжества Литовскаго сліяніе ихъ съ шляхетскимъ народомъ Польши въ единый народъ было практически невозможно. Пусть Люблинскіе акты 1569 года въ торжественныхъ выраженіяхъ говорятъ о сліяніи народовъ Литвы и Польши и постановляютъ въ первой отмѣну всѣхъ ограниченій для поляковъ. Но, сохраняя за станами Великаго Княжества Литовскаго ихъ прежнія права, они сами создаютъ коллизію этихъ правъ со своими постановленіями.

Но этого мало. Акты Люблинской Уніи, безъ всякой оговорки, сохраняютъ въ силѣ всѣ привилеи и права, дарованные какъ Коронѣ Польской, такъ и Великому Княжеству Литовскому, всѣми предшественниками Сигизмунда Августа и имъ самимъ. Въ актахъ Уніи 1569 года, въ артикулѣ, говорящемъ объ этомъ, ничего не сказано о томъ, что часть содержанія этихъ привилеевъ утрачиваетъ свою силу. Этотъ артикулъ былъ внесенъ въ акты Уніи лишь въ іюнѣ 1569 года, по требованію представителей Великаго Княжества Литовскаго, и его не было въ первоначальномъ проектѣ привилея Уніи, выданномъ Сигизмундомъ Августомъ 24 марта. Принятіе его совершилось въ тѣ дни Люблинскаго сейма, когда дѣло Уніи готово было рухнуть. Сдѣлавъ рядъ уступокъ полякамъ, представители государства Литвы отказывались наотрѣзъ дать свое согла-

сіе на Унію, если въ привилей о ней не будутъ внесены тѣ исправленія и дополненія, которыхъ они теперь категорически требовали. Сеймы Литвы и Польши все еще отправляли свои засѣданія порознь, не соединяясь и ведя лишь переговоры черезъ своихъ представителей. Коронный сеймъ уже почти полгода засѣдалъ въ Люблинѣ. И утомленіе отъ сеймованья, и давно уже наступившая пора сельскохозяйственныхъ лѣтнихъ работъ заставляли шляхту возможно скорѣе кончать съ дѣломъ Уніи. Кромѣ того, Сигизмундъ Августъ самъ взялъ подъ свою защиту поправки, внесенныя Литвою въ привилей 24 марта[1]) Онѣ были въ концѣ концовъ приняты, несмотря на то, что ими не только разрушалась первоначальная идея Уніи, выраженная въ этомъ привилеѣ, но и вносились совершенно непримиримыя противорѣчія въ артикулы актовъ Уніи. Однимъ изъ такихъ противорѣчій явилось и признаніе въ силѣ полностью всѣхъ земскихъ привилеевъ, а стало быть, и привилеевъ, связанныхъ съ утвержденіемъ и исправленіемъ Второго Литовскаго Статута и внесенныхъ въ него въ видѣ артикуловъ, по своему содержанію и по своей формѣ представляющихъ собою общеземскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго. Вѣдь, именно на основѣ этихъ привилеевъ, начиная съ Казимирова привилея 2 мая 1447 года и кончая основными законами Литовскаго Статута 1566 года, Литва все время переговоровъ съ Польшею объ Уніи доказывала независимость своего государства, которое инкорпорировать въ себя стремилась Польская Корона.

Но подведемъ итоги нашего изученія Люблинской Уніи.

1. Люблинская Унія была установлена договоромъ, заключеннымъ вальными сеймами двухъ государствъ, Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго. Оба договорившіяся государства обмѣнялись утвержденными ихъ сеймами экземплярами этихъ договоровъ, какъ то вообще имѣетъ мѣсто при заключеніи международныхъ трактатовъ. Экземпляръ, выданный Польшею, подлежалъ храненію въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Экземпляръ, выданный Литвою, долженъ былъ храниться въ Польской Коронѣ. Эти договоры были скрѣплены привилеемъ Сигизмунда Августа, какъ соединявшаго въ своемъ лицѣ значеніе монарха Польши со значеніемъ монарха Литвы. По формѣ актъ договора, выданный Великимъ Княже-

[1]) См. И. И. Лаппо, Вел. Княжество Литовское, т. I, стр. 49—50.

ствомъ Литовскимъ Польшѣ въ 1569 году въ Люблинѣ, является актомъ свободнаго волеизъявленія его полномочнаго сейма. Но это отнюдь не значитъ, что онъ былъ выданъ дѣйствительно добровольно. Очень большое число договоровъ между государствами было заключаемо по принужденію одной изъ договаривающихся сторонъ другою. Побѣда въ войнѣ, угроза войною или причиненіемъ крупныхъ ущербовъ экономической жизни вынуждаютъ государство уступать требованіямъ другого и заключать съ нимъ договоры, которые являются вынужденными по существу, хотя и добровольными по формѣ. И договоръ Люблинской Уніи принадлежитъ именно къ числу такихъ вынужденныхъ договоровъ. Онъ былъ вынужденъ Польшею у Великаго Княжества Литовскаго. Московская война заставляла Литву искать военной помощи отъ Польши. Съ возможною въ близкомъ времени смертью Сигизмунда Августа западныя границы Великаго Княжества Литовскаго теряли свою безопасность, ибо династическая связь съ Польшею, при которой монархъ имѣлъ возможность предупредить польское нападеніе на Литву, прекращалась. Эта общая обстановка принуждала Великое Княжество Литовское искать Уніи съ Польшею. Но рѣшительнымъ толчкомъ, который принудилъ Литву къ Уніи, было оторваніе отъ нея цѣлыхъ восьми повѣтовъ ея территоріи, произведенное Польскою Короною на Люблинскомъ сеймѣ. Когда „втѣленіе“ въ Польшу воеводствъ Подляшскаго и Волынскаго, т. е. шести повѣтовъ[1]), оказалось недостаточнымъ для того, чтобы было сломлено сопротивленіе Великаго Княжества Литовскаго, отъ него были оторваны еще два воеводства, Кіевское[2]) и Браславля Подольскаго. Такимъ образомъ, теперь въ составѣ государства Литвы вмѣсто прежнихъ тринадцати воеводствъ[3]) остались только девять и вмѣсто

---

[1]) Въ Подляшскомъ воеводствѣ были повѣты Дорогицкій, Мельницкій и Бѣльскій, въ Волынскомъ — Луцкій, Владимірскій и Кремянецкій.

[2]) Кіевское воеводство имѣло повѣты Кіевскій и Мозырскій, но Мозырскій повѣтъ остался въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго и послѣ Уніи былъ причисленъ къ повѣтамъ воеводства Минскаго. Воеводство Браславля Подольскаго имѣло только одинъ повѣтъ-воеводство.

[3]) Виленское, Троцкое, Волынское, Новгородское, Подляшское, Кіевское, Витебское, Берестейское, Минское, Полоцкое, Мстиславское, Браславля Подольскаго и староство Жомойтское. Распредѣленіе повѣтовъ по этимъ воеводствамъ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 58.

тридцати повѣтовъ — лишь двадцать два. Если принять въ расчетъ, что отошедшія къ Польской Коронѣ воеводства выставляли въ земскомъ войскѣ Великаго Княжества очень большую часть его вооруженныхъ шляхтичей и ихъ „почтовъ", совершенно ясною станетъ невозможность для государства Литвы защищать себя силою противъ натиска Польши. Великое Княжество Литовское къ Уніи 1569 года и было въ концѣ концовъ приведено именно этимъ насильственнымъ оторваніемъ отъ него громадной части его территоріи и вызваннымъ имъ уменьшеніемъ его силъ. У Великаго Княжества Литовскаго были „обрѣзаны крылья", какъ выразился на Люблинскомъ сеймѣ Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ[1]) и какъ характеризовалъ въ это время положеніе Литвы самъ Сигизмундъ Августъ[2]). Когда четыре воеводства ея были „втѣлены" въ Польскую Корону, у Литвы уже не было силъ какъ для войны съ Москвою, такъ и для защиты отъ Польши, которая теперь могла силою оружія, безъ всякихъ условій, по праву завоеванія инкорпорировать въ себя Великое Княжество Литовское.

Такимъ образомъ, Литва была приведена къ Люблинской Уніи противъ ея воли. Поэтому и договоръ этой Уніи долженъ быть признанъ по существу не добровольно заключеннымъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, а у него вынужденнымъ. Но форма этого договора и его текстъ, конечно, не могли этого на себѣ отразить. Характеръ договора 1569 года вскрывается только изученіемъ исторіи заключенія Люблинской Уніи. Прекрасную аналогію въ данномъ случаѣ представляютъ собою акты раздѣловъ Польско-Литовской Речи Посполитой въ послѣднія десятилѣтія XVIII столѣтія. Они также въ своемъ текстѣ говорятъ о добровольной уступкѣ земель Россіи, Австріи и Пруссіи королемъ Станиславомъ Августомъ и станами Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго. И только знаніе исторической обстановки ихъ заключенія вскрываетъ ихъ вынужденное и насильственное происхожденіе.

2. Первоначальная польская идея Люблинской Уніи, на которой построенъ привилей 24 марта 1569 года, была идеею „экзекуціи" старыхъ актовъ. Этотъ привилей „втѣлялъ" Великое Княжество Литовское въ Польскую Корону и, уничтожая

---

[1]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 408.
[2]) Тамъ же, стр. 409.

государственное значенiе перваго, сливалъ его съ Польшею въ „jednu rzeczpospolitu“, въ единое „Regnum Poloniae“. Но въ окончательномъ актѣ Унiи, внесенномъ въ договоръ Литвы и Польши и въ привилей 4 iюля 1569 года, эта идея оказалась разрушенною поправками и добавленiями, сдѣланными по требованiю сейма Великаго Княжества Литовскаго въ текстѣ привилея 24 марта. Эти поправки и добавленiя превратили въ окончательномъ текстѣ привилея Унiи и въ договорѣ о ней „единую речь посполитую“ въ „спольную“ Литвы и Польши и на мѣсто „Regnum Poloniae“ поставили „Communem Rem Publicam Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae“. Великое Княжество Литовское сохранило по договору Люблинской Унiи и свой государственный титулъ, и свое особое правительство, и гарантировавшiе его старую государственность привилеи своихъ монарховъ, и прежнiя права своихъ становъ. А если это было такъ, то не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженiи государства Великаго Княжества Литовскаго послѣ Люблинской Унiи.

Исторiя знаетъ случаи прекращенiя существованiя государствъ по договорамъ, ими заключаемымъ. Наука права, изучая эти случаи, установила, что въ нихъ фактическому прекращенiю государства предшествуетъ договоръ о подчиненiи новой правительственной власти, съ прекращенiемъ функцiонированiя его прежней государственной власти, его правительства[1]). Въ договорѣ Люблинской Унiи не только нѣтъ ничего о подчиненiи Литвы органамъ правительственной власти Польши, но, наоборотъ, expressis verbis выражено, что она остается при своемъ прежнемъ правительствѣ и при своемъ прежнемъ государственномъ титулѣ. Такимъ образомъ, договоръ Унiи 1569

---

[1]) Сказавъ о фактическомъ прекращенiи существованiя государства вслѣдствiе насильственныхъ актовъ, т. е. завоеванiя, насильственной оккупацiи, раздѣловъ или революцiи, Георгъ Еллинекъ продолжаетъ: „Aber auch in allen anderen Fällen ist der Untergang eines Staates stets a u c h ein Faktum. Durch blossen Beschluss, nicht mehr Staat sein zu wollen, sich einem anderen Staate einzugliedern, geht der Staat nicht unter. Vielmehr muss stets das faktische Aufhören der Funktionen seiner Staatsgewalt hinzutreten, an ihrer Stelle eine andere Staatsgewalt ihre Tätigkeit beginnen“. Dr. G e o r g J e l l i n e k, Allgemeine Staatslehre. Dritte Auflage unter Verwertung des handschriftlichen Nachlasses durchgesehen und ergänzt von Dr. W a l t e r J e l l i n e k Professor der Rechte an der Universität Kiel. Berlin, 1921. S. 284.

года не сливалъ Литвы съ Польшею въ единомъ, унитарномъ государствѣ. Онъ создавалъ ихъ федеративный союзъ, въ которомъ федеративною властью для обоихъ государствъ являлись общій монархъ и „спольные", т. е. соединенные сеймъ и сенатъ.

Но общій монархъ былъ великимъ княземъ Литовскимъ не потому, что онъ былъ королемъ Польши, а лишь потому, что шляхетскій „народъ" Великаго Княжества Литовскаго избиралъ его вмѣстѣ съ поляками. Въ достоинствѣ короля Польскаго отнюдь не заключалось implicite и достоинство великаго князя Литовскаго. Оба они каждое самостоятельно по существу, хотя одновременно, возлагались персонально на опредѣленное лицо обоими народами, но не были слиты въ самомъ „маестатѣ" общаго монарха, какъ главы соединенной „спольной" Речи Посполитой. Избранный обоими народами монархъ становился во главѣ особыхъ правительствъ двухъ государствъ, а не единаго для обоихъ, и онъ въ своей текущей дѣятельности долженъ былъ обязательно для него, такъ сказать, раздвояться и функціонировать въ дѣлахъ верховнаго управленія Польши какъ ея король, а въ такихъ же дѣлахъ Литвы какъ ея великій князь, дѣйствуя черезъ отдѣльные для каждаго изъ этихъ государствъ органы, лишенный права ихъ сливать или смѣшивать и соединять. Что касается „спольныхъ" сената и сейма, то они внутри себя раздваивались на Польскую и Литовскую составныя части, представляя собою не сліяніе, а соединеніе сеймовъ и сената Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго. Министры Литвы и Польши были министрами этихъ государствъ, а не соединенной Речи Посполитой. Войско и финансы въ заключившихъ Унію государствахъ были совершенно отдѣлены. Нельзя не признать, что при всемъ этомъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что Литва и Польша были слиты Люблинскою Уніею въ единое государство. О двухъ государствахъ, а не объ одномъ говорятъ и документы по созыву „спольныхъ" сеймовъ сразу послѣ заключенія Люблинской Уніи. „Повѣтовые листы" Сигизмунда Августа, выданные въ Великое Княжество Литовское 1 октября 1571 года, говорятъ о томъ, что „для великихъ а важныхъ потребъ земъскихъ Коруны Польское и Великого Князства Литовъского, яко одно сполное Речи Посполитое", а не единаго государства Польши, созывается „съемъ великій вальный, сполъный народомъ Польскимъ и Литовъскимъ, у Варшаве на день Трехъ Кролей, свята

Рымъского, которое будеть въ року пришломъ семъдесятъ второмъ"[1]). На этомъ „спольномъ" соймѣ будутъ обсуждаться „небеспеченъства и потребы Коруны Польское и Великого Князъства Литовъского", а не единаго государства[2]). Рѣшеніе созвать соймъ принято Сигизмундомъ Августомъ „за доложеньемъ и радою ихъ милости пановъ-радъ Корунныхъ и Великого Князъства Литовъского"[3]). На соймѣ будутъ приниматься рѣшенія „за радою всихъ становъ Корунъныхъ и Великого Князъства Литовъского"[4]). Озабоченный внѣшнею безопасностью своего федеративнаго государства, Сигизмундъ Августъ хочетъ, „абы Коруна Польская и Великое Князъство Литовъское были отъ земли Угоръское безъпечны"[5]). Подобныхъ указаній на несліяніе Литвы и Польши послѣ Люблинской Уніи можно привести изъ документовъ „справы соймовой року 1571" очень много. Если встрѣчается въ ней упоминаніе о „зъедноченьи Коруны Полское з Великимъ Князъствомъ Литовъскимъ"[6]) или указаніе на то, что Рига „до того часу еще до скутечного послушенъства королеви его милости, Коруне и Великому Князъству Литовъскому, яко одной Речи Посполитой, прывести ся не можеть"[7]), — то понимать ихъ приходится какъ указанія на „спольную" Речь Посполитую обоихъ государствъ, а не на сліяніе ихъ въ единой Польшѣ, ибо въ такомъ случаѣ совершенно излишне постоянно обозначать рядомъ съ Польскою Короною и Великое Княжество Литовское. Документы по созыву первыхъ сеймовъ послѣ Уніи 1569 года, такимъ образомъ, даютъ свое оффиціальное толкованіе договору Люблинской Уніи въ смыслѣ сохраненія имъ обоихъ государствъ въ ихъ „зъедноченьѣ", т. е. федеративной природы ихъ соединенія.

Противорѣчія, получившіяся въ договорѣ и привилеѣ Люблинской Уніи вслѣдствіе внесенія въ привилей 24 марта дополненій и поправокъ сеймомъ Литвы, конечно, оказались источникомъ взаимныхъ споровъ, препирательствъ и недовольства въ соединившихся въ Уніи государствахъ. Польская идея „эк-

---

1) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его соймикъ, Приложенія, стр. 13—14.
2) Тамъ же, стр. 3.
3) Тамъ же, стр. 2—3.
4) Тамъ же, стр. 6.
5) Тамъ же, стр. 8.
6) Тамъ же, стр. 9.
7) Тамъ же, стр. 8.

зекуціи“ старыхъ актовъ и „втѣленія“ Литвы достаточно глубоко проникла въ широкіе круги польской шляхты, и они стремились видѣть въ Люблинской Уніи ея осуществленіе, игнорируя тѣ статьи Люблинскаго договора, которыя ей противорѣчили. Наоборотъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ эти именно статьи особенно выдвигались впередъ, ибо ими утверждалась неприкосновенность его государственнаго значенія въ федераціи съ Польскою Короною. Иногда противорѣчіе въ пониманіи Люблинской Уніи сказывалось даже въ контроверсахъ Польскихъ и Литовскихъ сенаторовъ. Такъ, Литовскій канцлеръ Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ разсказываетъ въ своихъ записяхъ, что на сеймѣ 1641 года одинъ изъ Коронныхъ сенаторовъ сталъ доказывать, будто Унія имѣетъ свое именованіе лишь „politycznie“, а въ дѣйствительности Великое Княжество Литовское просто подарено Польшѣ Сигизмундомъ Августомъ. На это А. Ст. Радивилъ отвѣтилъ: „слѣпъ въ Речи Посполитой тотъ, кто не хочетъ видѣть, что Великое Княжество Литовское отнюдь не подарено, но черезъ взаимный договоръ соединено съ Польскою Короною“ [1]).

Первоначальный привилей Уніи, данный Сигизмундомъ Августомъ 24 марта 1569 года, не могъ признаваться имѣющимъ законную силу Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, ибо онъ шелъ въ разрѣзъ съ присягами того же великаго князя, принесенными имъ въ соблюденіи всѣхъ земскихъ привилеевъ, выданныхъ государству Литвы его предшественниками и имъ самимъ, а также утвержденной имъ конституціи Второго Литовскаго Статута [2]). Привилей 24 марта противорѣчилъ и Воиньскому привилею 21 декабря 1568 года [3]), выданному Сигизмундомъ Августомъ Великому Княжеству Литовскому передъ са-

---

[1]) „26 go Sierp. Kontynuowały się vota senatorskie zgadzające się z propozycyą królewską. Jeden senator na oczy ślepy, ale zębaty, kąsać począł unią kstwa litewsk., twierdząc, iż politycznie się tylko unią zowie, a w rzeczy saméj kstwo lit. jest darowane rzpltéj polskiéj od Zygmunta Augusta, ... 28 go Sierp. ..... Ja téż po deklaracyi woli mojéj na insze punkta owemu ślepemu odpowiedziałem: iż ślepy ten jest w rzpltéj, kto nie chce widzieć, że kstwo lit. nie darowane jest, ale przez wzajemne pakta jest złączone z koroną polską“. Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza w. Litewskiego (Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego), tom II (Poznań, 1839), str. 38.

[2]) См. выше, стр. 207 и сл.

[3]) См. выше, стр. 244—247.

мымъ выѣздомъ его сейма въ Люблинъ на „спольный“ съ поляками сеймъ для рѣшенія дѣла объ Уніи. Указаніе на эти нарушенія обязательствъ Сигизмунда Августа, конечно, и заставило его взять подъ свою охрану измѣненія, внесенныя сеймомъ Литвы въ текстъ привилея 24 марта.

Но этого мало. Великое Княжество Литовское опротестовало отторженіе отъ него части его территоріи, сдѣланное Сигизмундомъ Августомъ на Люблинскомъ сеймѣ. Оно его не признало. Потому то о немъ ничего и не сказано въ договорѣ Уніи и въ привилеѣ 4 іюля, этотъ договоръ закрѣпляющемъ. Великое Княжество Литовское не признавало законность „втѣленія“ оторванныхъ отъ него воеводствъ въ Польскую Корону, ибо имъ были нарушены обязательства Сигизмунда Августа, принятыя послѣднимъ при вступленіи на престолъ государства Литвы и закрѣпленныя рядомъ выданныхъ ему привилеевъ, конституціею Литовскаго Статута 1566 года и Воиньскимъ привилеемъ 21 декабря 1568 года. Какъ увидимъ ниже, требованія вернуть въ составъ его государственной территоріи оторванныя въ 1569 году къ Польшѣ земли Великое Княжество Литовское предъявляло въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, настаивая на незаконности ихъ оторванія.

Такимъ образомъ, и противорѣчія внутри самого договора Люблинской Уніи, и вся обстановка его заключенія сдѣлали то, что Унія 1569 года не только не внесла примиренія въ отношенія Литвы и Польши, но, наоборотъ, обострила взаимное недовольство одного государства другимъ.

3. Люблинскій договоръ Уніи представляетъ собою актъ международнаго характера. Онъ былъ заключенъ между двумя договарившимися независимыми государствами, находившимися во время его заключенія въ личной уніи — въ нихъ обоихъ „на сесь часъ“ одно и то же лицо, Сигизмундъ Августъ, соединялъ въ себѣ значеніе ихъ отдѣльныхъ монарховъ. Въ этомъ своемъ значеніи онъ и скрѣпилъ Люблинскій договоръ своимъ привилеемъ 4 іюля 1569 года. Договоръ этотъ заключается на „вѣчные часы“. Двадцатая статья его гласитъ: „A te wszystkie rzeczy tu postanowione i obwarowane ani przez JK Mość, ani przez pany rady i inne wszystkie stany i posły ziemskie obojga narodow za spolnem zezwoleniem ani pojedynkiem od ktorej części i strony nie mają nigdy wiecznemi czasy być wzru-

szane i odmieniane, ale wieczne, całe i mocne zachowane być maja“[1]). Такимъ образомъ, все, постановленное этимъ договоромъ, всѣ его статьи полностью, должны сохранять свою силу на вѣки. Люблинскій договоръ является договоромъ „вѣчнымъ“.

„Вѣчными договорами“, „вѣчными мирами“, которые заключались между государствами въ ту эпоху, назывались договоры безсрочные, и терминъ „вѣчный“ не можетъ пониматься историкомъ международныхъ отношеній какъ обозначеніе обязательства, долженствующаго фактически соблюдаться безконечное время. „Вѣчный“ договоръ противополагается договору срочному, заключаемому на тотъ или другой срокъ. И въ этомъ все дѣйствительное значеніе термина „вѣчный“ въ международныхъ договорахъ. Такимъ безсрочнымъ договоромъ былъ и актъ Люблинской Уніи, заключенный между Польшею и Литвою. Международныхъ договоровъ, въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ провозглашавшихъ „вѣчность“ ихъ соблюденія, но затѣмъ нарушенныхъ, извѣстно много. Нельзя забывать, что и трактаты объ уступкѣ Речью Посполитою территорій ея во время раздѣловъ XVIII столѣтія утверждались ея сеймомъ также на вѣчныя времена — „irrévocablement et à perpétuité“[2]). Конечно, эти трактаты были вынуждены у Речи Посполитой. Но формально они говорятъ объ ея добровольномъ на нихъ согласіи. Вынужденнымъ же Польшею у Литвы, какъ мы это видѣли выше, былъ и договоръ Люблинской Уніи 1569 года.

Но дѣйствительно ли содержаніе этого договора должно было сохраняться въ полной неприкосновенности все время соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Ко-

---

[1]) Akta Unji Polski z Litwą, str. 347(20), 362(20). Ср. ibidem, str. 370(19).

[2]) См., напримѣръ, „traité entre Sa Majesté le Roi et la République de Pologne, et Sa Majesté l' Impératrice Reine de Hongrie et de Bohême“ — Vol. Leg., VIII, p. 16 (f. 26). То же въ трактатахъ (перваго раздѣла) съ Россіей (ibidem, p. 24, f. 31) и Пруссіей (ibidem, p. 33, f. 42). Въ польскомъ текстѣ этихъ трактатовъ стоитъ: „nieodwołanie i wiecznie. ... bez powrotu w żadnym przypadku“ (p. 16), „irrevocabiliter na wieczne czasy bez powrotu“ (p. 24), „nieodwołanie y wiecznie, bez żadnego powrotu“ (p. 33). Такой же „вѣчный“ характеръ имѣла уступка земель и въ трактатахъ слѣдующаго раздѣла. Ср. Н. И. Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой (Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга седьмая. С.-Петербургъ, 1905), стр. 487 и 530.

роною въ ихъ „спольной", т. е. федеративной, Речи Посполитой, хотя договоръ Люблинской Уніи и требуетъ этого категорически? Дневники Люблинскаго сейма сообщаютъ, что, когда, во время засѣданія Люблинскаго сейма 27 іюня 1569 года, въ которомъ было рѣшено заключеніе Уніи, представители Великаго Княжества Литовскаго, опустившись передъ Сигизмундомъ Августомъ на колѣна, отдали дѣло Уніи въ руки своего великаго князя, моля его не забывать правъ и блага исконнаго государства Гедиминовичей-Ягеллоновъ, ихъ господарь отвѣтилъ имъ краткою рѣчью, послѣ которой подканцлеръ Польши (Францишекъ Красинскій) прочиталъ „na pismie" разъясненія Сигизмунда Августа и его окончательныя рѣшенія. Этотъ документъ паны-рада Литвы попросили имъ передать и съ нимъ въ рукахъ удалились въ свое отдѣльное совѣщаніе, на которомъ („w swei izbie") въ теченіе трехъ часовъ его обсуждали. По возвращеніи въ засѣданіе сената Польши, глава ихъ Янъ Ходкевичъ обратился къ Сигизмунду Августу съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ, что онъ „успокоилъ сердца" ихъ своимъ заявленіемъ, переданнымъ имъ въ письменномъ видѣ. Ходкевичъ просилъ закрѣпить это заявленіе монарха особымъ привилеемъ или рецессомъ. Чтó же въ этомъ документѣ „успокоило сердца" представителей Литвы? — Въ немъ было гарантировано, что Великое Княжество Литовское можетъ со временемъ измѣнить условія своего соединенія съ Короною Польскою, если признаетъ нужнымъ[1]). Польша не опротестовала этого заявленія Сигизмунда Августа, и 29 іюля 1569 года, т. е. уже послѣ заключенія договора Уніи и скрѣпленія его привилеемъ 4 іюля, Сигизмундъ Августъ выдалъ панамъ-радамъ и станамъ Великаго Княжества Литовскаго, за своими подписью и печатью, документъ, о которомъ они его просили. Въ настоящее время этотъ документъ уже имѣется и въ печатномъ его изданіи[2]). Его оффиціальный текстъ подтверждаетъ вполнѣ сообщеніе дневниковъ Люблинскаго сейма. Въ этой „деклараціи" Сигизмунда Августа дѣйствительно находятся слѣдующія слова: „Tedy mamy za to, iż W. Mść, uważając u siebie, że to wię-

---

[1]) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 477; см. вообще стр. 475—483. См. то же въ другомъ дневникѣ того же сейма — Zrzódłopisma do dziejów Unii, cz. III, str. 188.

[2]) Akta Unji Polski z Litwą, str. 378—380 (№ 156).

cej ku spolnemu utczciwemu W. Mci idzie, a niźli ku czemu innemu, będziecie W. M. na tym raczyli przestać a tym pozwoleństwem sobie też jeszcze więcej stany koronne spowinowacić. Bo im W. M. więcej z obu stron dufać sobie będziecie, tym też między W. Mciami więtsza zgoda i miłość rość będzie, za ktorą wszytko z czasem, czego jedno W. Mciom będzie potrzeba, naprawić w tej uniej będzie się mogło“[1]). Такимъ образомъ, самъ первый монархъ образованной Люблинской Уніею федераціи государствъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, внесшій въ 1569 году такъ много своихъ личныхъ усилій въ ея дѣло, въ своей декларацiи послѣ утвержденія договора Уніи, истолковалъ статьи послѣдняго отнюдь не какъ „вѣчныя“, а объявилъ ихъ подлежащими измѣненію по желанію государства Литвы и по соглашенію его съ государствомъ Польши. А если на требованіе такихъ измѣненій Польская Корона не дастъ своего согласія? На этотъ вопросъ декларація Сигизмунда Августа отвѣта не давала. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ лишь юридическая природа Люблинскаго договора, какъ договора международнаго, заключеннаго между двумя государствами, притомъ безъ точнаго указанія срока его дѣйствія. Такіе договоры сохраняются въ силѣ до тѣхъ поръ, пока того желаютъ обѣ заключающія ихъ стороны, а не только одна изъ нихъ. Но въ договорѣ Уніи 1569 года сохранилось постановленіе привилея 24 марта, предполагавшаго проведеніе Уніи съ Литвою путемъ принужденія послѣдней силою къ принятію польскаго проекта. Это постановленіе гласило: „A jeśliby ktora strona przywilejow, spisow wszytkich o spolności uczynionych między temi narody, tak nam (т. е. Сигизмунду

[1]) Ibidem, str. 379. Въ началѣ этого документа говорится, что данная декларація была сдѣлана Сигизмундомъ Августомъ 28-го, а не 27-го іюня, какъ указываютъ дневники Люблинскаго сейма. Это различіе получилось, конечно, отъ того, что въ дневникахъ велась запись происходившаго по днямъ съ самаго начала въ нихъ засѣданій. Но засѣданіе 27 іюня очень затянулось, и прошелъ уже первый часъ слѣдующаго дня, когда оно закончилось. Первый же часъ сутокъ тогда начинался въ первой четверти послѣ солнечнаго заката, когда въ костелахъ звонили на „Angelus Domini“. См. Maurycjusz hr. Dzieduszycki, Dni, nocy, godziny (Lwów, 1874. Przedruk z „Przeglądu Lwowskiego“), str. 17, 18, 22, 23. Ср. М. Н. Ясинскій, Счисленіе суточнаго времени въ Западной Россіи и въ Польшѣ въ XVI-XVII вв. (Кіевъ, 1902. Оттискъ изъ XVI книги „Чтеній въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца), стр. 13.

Августу), jako sobie, trzymać nie chciała albo jeden z osobna trzymać nie chciał, przeciw takiej stronie i każdemu z osobna, jako przeciwko nieprzyjacielowi naszemu i państw naszych, powstać będziemy powinni“ [1]). Въ обстановкѣ и во время выработки этого привилея предполагалось слить Литву съ Польшею въ единой Польской Коронѣ, просто инкорпорировать Великое Княжество Литовское, и проведенiе этого привилея въ жизнь не должно было остановиться передъ завоеванiемъ его силою польскаго оружiя. Но привилей 24 марта, какъ актъ „втѣленiя“ Литвы въ Польшу, смѣнился договоромъ ихъ государствъ о федеративной Унiи. Внесенiе данной статьи въ этотъ договоръ получило поэтому значенiе принятiя санкцiи по отношенiю къ Великому Княжеству Литовскому на случай, если оно откажется его соблюдать. Эта санкцiя, конечно, могла быть оспариваема въ силу толкованiя договора, сдѣланнаго декларацiей Сигизмунда Августа, гарантировавшей Литвѣ право исправленiя договора Унiи. Но все-таки эта санкцiя оказалась въ договорѣ. Такъ какъ договоръ Люблинской Унiи не былъ гарантированъ никакимъ стороннимъ государствомъ, ея примѣненiе было въ полномъ распоряженiи Польши. Послѣ оторванiя отъ Великаго Княжества Литовскаго четырехъ воеводствъ на Люблинскомъ сеймѣ Польша была его сильнѣе, и вооруженная борьба съ нею для Литвы не представлялась уже возможною. Но ослабленiе Польши во время смутъ или нападенiе на ея территорiю внѣшняго врага, естественно, могли измѣнить соотношенiе силъ въ пользу Великаго Княжества Литовскаго. Судьба договора Люблинской Унiи зависѣла отъ того, какъ сложится дальнѣйшая жизнь „спольной“ Речи Посполитой Польши и Литвы. Эта дальнѣйшая жизнь могла привести къ болѣе тѣсной связи двухъ государствъ, заключившихъ Унiю 1569 года. Ихъ федеративный союзъ могъ выработаться въ болѣе тѣсное объединенiе, начиная отъ установленiя хотя нѣкоторыхъ общихъ министровъ и кончая слiянiемъ въ унитарное государство, о которомъ мечтали въ Польшѣ съ самаго Кревскаго акта 14 августа 1385 года, выданнаго Ягайломъ. Но рѣшающимъ факторомъ установленiя тѣхъ или иныхъ отношенiй между государствами Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны въ ихъ Унiи, конечно, могла явиться только ихъ

[1]) Akta Unji Polski z Litwą, str. 225(18), 347(19), 362(19).

дальнѣйшая жизнь въ „спольной“ Польско-Литовской Речи Посполитой. Именно фактическому развитію взаимныхъ отношеній обоихъ соединенныхъ Люблинскою Уніею государствъ, господствующимъ теченіямъ политической и національной мысли въ каждомъ изъ нихъ и конкретнымъ фактамъ предоставилъ Люблинскій договоръ выработку формы ихъ федераціи, а быть можетъ, еслибы сближеніе развивалось особенно успѣшно, то и унитарнаго государства.

4. Люблинскій сеймъ 1569 года не только ничего не сдѣлалъ для внутренняго сближенія Литвы съ Польшею, но, наоборотъ, создалъ для него еще бóльшія препятствія. Во-первыхъ, послѣ окончательнаго рѣшенія дѣла Уніи Люблинскій сеймъ не сумѣлъ или не смогъ создать того психологическаго настроенія, при которомъ стало бы возможнымъ внутреннее сближеніе и объединеніе представителей Великаго Княжества Литовскаго съ представителями Польской Короны. 1 іюля была принесена взаимная присяга сенаторами и земскими послами обоихъ государствъ, и въ присутствіи Сигизмунда Августа и множества народа было пропѣто Te Deum въ костелѣ св. Станислава. Но въ начавшейся общей сеймовой работѣ уже соединившихся въ одинъ „спольный“ сеймъ сеймовъ Польши и Литвы сразу начались пререканія и столкновенія по различнымъ вопросамъ и, что особенно было нежелательнымъ для психологическаго закрѣпленія дѣла Уніи, по вопросу объ оборонѣ Великаго Княжества Литовскаго. Во время обсужденія вопроса о защитѣ Литвы Коронные послы даже отказали было въ ней и предложили Великому Княжеству Литовскому защищаться отъ Москвы его собственными средствами. Пусть въ концѣ концовъ налогъ на веденіе Московской войны былъ установленъ. Но возможность споровъ объ участіи Польши въ расходахъ на оборону Литвы, которое было главнымъ побужденіемъ для послѣдней соглашаться на Унію, конечно, крайне неблагопріятно отражалась на настроеніи и членовъ сейма Великаго Княжества Литовскаго, находившихся въ Люблинѣ, и „обывателей“ этого государства, оставшихся дома, въ своихъ повѣтахъ. Къ составленію Литовскихъ конституцій, т. е. постановленій, касающихся Литвы, сеймовые послы Польши обнаружили очень мало интереса, сначала предоставляли его самимъ Литовскимъ посламъ, а затѣмъ препирались съ ними[1]). Члены сейма

[1]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 74—79.

Великаго Княжества Литовскаго самостоятельно, а не въ общемъ съ поляками представленіи отъ „спольнаго“ сейма, донесли Сигизмунду Августу „прозбы ихъ милости пановъ-радъ, врядниковъ дворныхъ и всихъ становъ Великого Князьства Литовского“ не только по дѣламъ отдѣльныхъ повѣтовъ, но и „въ потребахъ земъскихъ оного панства, Великого Князьства Литовского“, и 12 августа 1569 года получили на нихъ его „отказы“, т. е. отвѣты[1]). Работа „спольнаго“ сейма уже въ первые мѣсяцы реализаціи договора Люблинской Уніи распалась на отдѣльныя работы представителей государствъ, ею соединенныхъ, а ихъ работа совмѣстная была далека отъ единства настроенія, даже взаимнаго довѣрія и дружелюбія.

Итакъ, единства настроенія въ соединившихся государствахъ Люблинская Унія не создала. Что же касается самаго договора ея, то его несовершенство, какъ акта, и его дефекты обнаружились сразу. Привилей 24 марта 1569 года, инкорпорируя Литву въ Польшу, тѣмъ самымъ и подчинялъ ее правительству Польской Короны. Положеніе въ государственноправовомъ отношеніи получалось совершенно ясное и опредѣленное. Литовскіе министры прекращаютъ существованіе, и одни министры Польши вѣдаютъ все управленіе единой Польской Короны. Это должно быть и при жизни короля Польши, и во время безкоролевій. Но, когда вмѣсто этого первоначальнаго проекта „втѣленія“ Литвы вступилъ въ силу договоръ Уніи, сохранявшій и прежнія права становъ, и особое правительство Великаго Княжества Литовскаго, положеніе получилось чрезвычайно сложное. Какъ измѣнятся функціи земскаго и дворнаго маршалковъ во время „спольныхъ“ сеймовъ? Этотъ вопросъ всталъ сразу послѣ заключенія Уніи, на Люблинскомъ же сеймѣ 1569 года. Функціи этихъ министровъ совпадали, ибо до Уніи они отправлялись на отдѣльныхъ сеймахъ Литвы и Польши. Теперь эти сеймы слились, и значеніе маршалковъ Польскихъ нарушало значеніе маршалковъ Литовскихъ, а уряды послѣднихъ упраздняли функціи первыхъ. Послѣ ряда пререканій между польскою и литовскою частями „спольнаго“ сейма рѣшеніе вопроса взялъ на себя самъ Сигизмундъ Августъ и разрѣшилъ его путемъ компромисса[2]). Это одинъ изъ вопро-

[1]) Р. Ист. Б., XXX, ст. 518—531.

[2]) Akta Unji Polski z Litwą, №155. Раньше этотъ привилей 19 іюля 1569 года былъ извѣстенъ въ изданіи — Zbiór Pamiętników do dziejów Pol-

совъ, созданныхъ несовершенствомъ договора Уніи. Но ихъ былъ въ дѣйствительности цѣлый рядъ. И всѣ ихъ пришлось разрѣшать жизни, уже когда реализовался этотъ крайне несовершенный и самъ себѣ въ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ противорѣчащій договоръ. Но особенно серьезнымъ дефектомъ Люблинскаго договора Уніи было отсутствіе въ немъ какихъ-либо постановленій, устанавливающихъ взаимныя отношенія обоихъ государствъ во время безкоролевій. Еслибы Литва обратилась въ „Новую Польшу“ и слилась бы съ Польскою Короною въ единомъ государствѣ, никакихъ государственно-правовыхъ вопросовъ, конечно, и не возникало бы. Когда же вмѣсто привилея 24 марта оказался дѣйствующимъ договоръ Уніи съ исправленіями, внесенными представителями Великаго Княжества Литовскаго, положеніе рѣзко мѣнялось. Единой верховной главы для правительствъ обоихъ государствъ уже нѣтъ. „Спольные“ сеймы и сенаты не имѣютъ возможности собираться и засѣдать цѣлые мѣсяцы, а возможно, и годы, на которые безкоролевья могутъ затянуться. Ни одного постоянно функціонирующаго органа верховной власти, со смертью или отреченіемъ отъ престола общаго монарха, для федеративной Речи Посполитой договоръ Люблинской Уніи не установлялъ. Оба государства должны были неизбѣжно вести свои дѣла сами, своими правительствами и совѣщаніями своихъ становъ. Люблинская Унія не только не создала изъ Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны единаго государства, но и ихъ федеративному союзу не дала достаточно продуманной и стройной организаціи.

Литература, въ которой изучается Люблинская Унія или опредѣляется ея значеніе, громадна. Но она очень далека отъ единства въ оцѣнкѣ этого значенія. Ея различная оцѣнка Уніи 1569 года ведетъ свое происхожденіе отъ тѣхъ же настроеній и мыслей, которыя владѣли представителями обоихъ заключившихъ Унію государствъ на Люблинскомъ сеймѣ. Когда 1 іюля 1569 года приносилась взаимная присяга сенаторами и земски-

skich. Wydał Włodzimierz Stanisław Hr. de Broel-Plater. Tom 2 (Warszawa, 1858), str. 17—18. О разрѣшеніи вопроса о маршалкахъ Сигизмундомъ Августомъ разсказываетъ также письмо Николая Нарушевича къ Виленскому воеводѣ Н. Ю. Радивилу — Вил. Арх. Сборникъ, VII, № 27.

ми послами Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго, сенаторы Польши, какъ разсказываетъ дневникъ Люблинскаго сейма, благодарили Бога за то, что Онъ далъ имъ дожить до этого времени, и даже плакали отъ восторга передъ совершающимся[1]). Наоборотъ, въ пониманіи говорившаго отъ имени Литвы 27 іюня Яна Ходкевича Унія 1569 года представлялась несчастьемъ, Божіимъ наказаніемъ для Великаго Княжества Литовскаго[2]). Восторгъ передъ Люблинскою Уніею, какъ величайшимъ дѣломъ польскаго народа въ его исторіи, перешелъ и въ новую польскую литературу. Образцовъ выраженія такого отношенія къ Уніи 1569 года въ польской литературѣ чрезвычайно много. Вотъ что́, напримѣръ, писалъ извѣстный историкъ Іосифъ Шуйскій въ 1862 году: „Tak się dokonał wiekopomny akt unii lubelskiej. Nie bez szłuszności chlubimy się nim, jako dowodem cywilizacyi ojczystej, samorodnej, o wiele wiek szesnasty uprzedzającej ...... Unia niosła z sobą wolność, równość, zespolenie sił, cywilizacyą, stawała jako potęga powszechnodziejowa wbrew moskiewskiemu caratowi i tureckiemu najazdowi. Unia łączyła odwieczną rodzinę słowiańską nad Wisłą i Dnieprem w jedno państwo potężne, ucywilizowane, świadome swego przeznaczenia, odrywała germańskiemu zaborowi dawne posiadłości polskie nad morzem Bałtyckiem — a czyniła to wszystko w czasie bliskim owej fatalnej chwili wygaśnięcia szczepu Jagiellonów. Gdyby nie unia, powtarzamy, nigdyby Polska wśród tylu niebezpieczeństw, z tak wyjątkowem urządzeniem wewnątrz, następnych dwu wieków nie przetrwała. Unia ta przetrwała moralnie rozbiór i da Bóg przetrwa wszystkie nieprzyjaźne sobie żywioły jako świetny owoc cywilizacyi i zasługi historycznej, jako dobrowolne połączenie się szczepów pokrewnych w jeden wielki naród polski. Dlatego to unia lubelska jest jednem z fundamentalnych praw narodowości polskiej, prawem nieprzedawnionem bo żyjącem i poświadczanem nieustannie przez połączone w jedność szczepy, prawem którego żadne zachciałki improwizowanych na prędce dążeń szczepowych małoruskich czy czerwonoruskich ani idea moskiewska panslawizmu obalić nie zdoła“[3]).

---

1) Дневникъ Любл. сейма, стр. 486—487.

2) Тамъ же, стр. 481.

3) Józef Szujski, Dzieje Polski podług ostatnich badań spisane, tom II (Lwów, 1862), str. 323; въ Краковскомъ изданіи 1894 года — str. 396—397.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что передъ нами: 1) оцѣнка Люблинской Уніи съ точки зрѣнія польскаго народа, съ точки зрѣнія его національныхъ интересовъ, какъ они понимаются писавшимъ приведенныя нами слова, и 2) привнесеніе въ чисто историческую оцѣнку Люблинской Уніи элементовъ польской національно-политической мысли и польскихъ національно-политическихъ идеаловъ. Эти идеалы вжились въ польскіе національные круги и дороги имъ. Съ ними польская національно мыслящая интеллигенція переживала горечь утраты родной государственности и работала для ея возрожденія. Пониманіе значенія Люблинской Уніи Шуйскимъ не имъ создано въ своей основѣ. Онъ формулировалъ убѣжденія общія для громадной массы національно настроенныхъ поляковъ. Сомнѣніе въ правильности этого убѣжденія представлялось грѣхомъ противъ вѣрности національному дѣлу Польши. Признаніе Уніи Литвы съ Польшею краеугольнымъ камнемъ въ исторіи послѣдней, ставшее одною изъ главныхъ основъ ортодоксальной польской національно-политической мысли, заставляло польскихъ историковъ оговаривать свою вѣрность ему, если имъ въ своемъ научномъ изученіи приходилось нѣсколько противорѣчить традиціонному пониманію характера историческихъ отношеній Литвы къ Польшѣ. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Ст. Смолька[1]), давая положительную оцѣнку Витовта, какъ историческаго дѣятеля, хотя онъ велъ Литву къ полной независимости отъ Польши. Польскій національный подходъ къ Люблинской Уніи сохранился въ польской исторической литературѣ до самаго послѣдняго времени[2]).

---

[1]) „Myśmy przywykli uważać unię za najświetniejszą kartę naszych dziejów, za wypadek, którym każdy naród szczycić się może przed światem, a tu pokazuje się, że ta unia w samym zawiązku taką zaporą stanęła w spełnieniu naszych najgorętszych życzeń, że nie dozwoliła nam zerwać dojrzałych owoców Grunwaldu. Czyż więc żałować tej unii? Nie, zaprawdę żałować jej nie będziemy. Już niech to samo nas z błędu wywiedzie, że bez tej unii, bez Litwy i bez Witołda, nie byłoby Grunwaldu. Cokolwiek nas unia kosztowała, choć tyle sił z jądra Polski na wschód odciągnęła, nie będziemy jej nigdy żałować, bo sąd historyi musi nam ją zaliczyć do największych naszych zasług dziejowych". Stanisław Smolka, Witołd pod Grunwaldem (Szkice Historyczne, serya pierwsza. Warszawa, 1882), str. 55.

[2]) Такъ, предисловіе къ своему труду г. О. Галецкій начинаетъ такими словами: „Chwila, w której się ukazują te Dzieje Unii Jagiellońskiej podwójnie nadaje się, aby największemu dziełu przodków naszych oddać hołd

Оставляя въ сторонѣ тѣ части цитаты нашей изъ историческаго труда Шуйскаго, въ которыхъ національно-политическая мысль автора обращается къ реальному осуществленію польскаго пониманія Люблинской Уніи въ будущемъ, а также ставитъ Москву рядомъ съ Турціей въ ихъ историческомъ значеніи, мы должны въ нашемъ настоящемъ изложеніи остановиться лишь на трехъ изъ положеній приведенной нами цитаты. Въ ней Люблинская Унія признается великимъ дѣломъ Польши. Авторъ говоритъ о ней съ тѣмъ же восторгомъ, съ которымъ встрѣчали ея заключеніе поляки на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Эта Унія обезпечила Польшѣ ея дальнѣйшее существованіе и позволила бороться съ опасностями, которыми былъ окруженъ извнѣ польскій народъ. Совершенно ясно, что передъ нами тутъ оцѣнка Уніи только съ точки зрѣнія интересовъ одной Польши и польскаго народа. Для Великаго Княжества Литовскаго и литовскаго и русскаго народовъ его значеніе Люблинской Уніи въ цивилизаціи, которую имъ несла Польша. Народы и страна, лишенные культуры, стоящіе на неизмѣримо низшей ступени своего развитія, чѣмъ Польша и польскій народъ, выводятся ими, благодаря Люблинской Уніи, на путь истинной культуры. Но, вѣдь, это тотъ самый взглядъ на Великое Княжество Литовское, который мы видѣли выше развиваемымъ поляками наканунѣ Люблинской Уніи въ тогдашней литературѣ и на Коронныхъ сеймахъ той эпохи и ко-

---

należny. Wzywa do tego 350-letnia rocznica unii lubelskiej, wzywają w wyższym jeszcze stopniu wypadki współczesne". Не сомнѣваясь въ положительномъ значеніи Люблинской Уніи для всѣхъ соединенныхъ ею народовъ, онъ именно такую, т. е. традиціонную въ польской литературѣ, оцѣнку ея считаетъ признакомъ безпристрастія историка и его слѣдованія „маестату" Божьяго права — „Aby te czasy, pozornie tak odległe, złote wieki jagiellońskie, należycie zrozumieć i ocenić, trzeba stosować wyższe kryterya, aniżeli doraźny interes własnego tylko narodu, ciasno i egoistycznie pojęty. Spoglądając na te wypadki z odległości stuleci, to tylko można uznać za prawdziwie dodatnie, za czynnik postępu w dziejowym rozwoju, co zbliżało do siebie trzy narody, Unią objęte, co łagodząc małostkowe spory, prowadziło je do wielkich celów wspólnych, do wspólnego dobra, zawsze zgodnego z prawdziwem i trwałem dobrem każdego z nich. Stojąc na takiem stanowisku, historyk najłatwiej uczyni zadość obowiązkom bezstronności, a myśl jego szukając twórczej idei w wirze szczegółowych zjawisk, pozostanie w zgodzie z majestatem praw Bożych, rządzących losami świata". Oskar Halecki, Dzieje Unii Jagiellońskiej, tom I (Kraków, 1919), str. XI—XII.

торый встрѣчалъ полное отрицаніе и опроверженіе въ Литвѣ. Великое Княжество Литовское имѣло достаточно по тому времени высоко стоящую свою культуру. Находясь между европейскими Востокомъ и Западомъ, оно рядъ вѣковъ находилось въ культурныхъ съ ними сношеніяхъ. Германскій міръ несъ въ него и свою науку, и свои техническія знанія, которыми питалась и Польша. Въ университетахъ Италіи слушали лекціи схоляры изъ Великаго Княжества Литовскаго такъ же, какъ и изъ Польши. Литовскіе Статуты представляютъ собою законодательные памятники такой высоты, какихъ не имѣлось въ Польшѣ того времени. Въ русскихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго существовала старая, многовѣковая русская культура. Литовскій народъ сумѣлъ создать громадное Литовско-Русское государство и дать ему организацію, въ то же время и самъ внося въ общее его дѣло свою культурную работу. Такимъ образомъ, въ ученіи о культурной миссіи Польши въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ выдвигается не вообще культура, какъ таковая, а національная польская культура, т. е. не чисто культурная миссія Польши, а миссія національно-польская, иными словами, полонизація Литовско-Русскаго государства. Наконецъ, третье, что мы должны выдвинуть въ приведенной цитатѣ изъ Исторіи Польши, написанной Шуйскимъ, это — сліяніе Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею въ единомъ народѣ, въ единое цѣлое, т. е. та самая идея, съ которою шляхта Польской Короны подходила къ заключенію Уніи въ серединѣ XVI столѣтія, которая исходила изъ „экзекуціи“ старыхъ договоровъ и которая была отвергнута Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и имъ устранена изъ Люблинскаго договора 1569 года.

Новѣйшие историки, происходившіе изъ тѣхъ народовъ, которые оказались соединенными съ польскимъ по Люблинской Уніи, рѣзко разошлись въ ея оцѣнкѣ съ историками польскими. Литовецъ Теодоръ Нарбуттъ писалъ въ 1838 году, что Литва могла бы расчитывать на вѣковѣчное самостоятельное существованіе, еслибы не соединилась съ Польшею, „съ иноплеменнымъ народомъ, отданнымъ вѣчному безнарядью“, какъ онъ выражался[1]). Другой историкъ-литовецъ, Симонъ Даукантъ,

---

[1]) „Litwa mogła sobie rokować byt wiekuisty i zapewneby to rokowanie niepłonnem widziały oczy nasze, gdyby nie połączenie się z innoplemiennym

въ серединѣ XIX столѣтія оцѣнивалъ Люблинскую Унію какъ начало упадка литовскаго народа[1]). И. Левицкій въ 1878 году высказывалъ: „та Люблинська Унія була початком великого лиха для України“[2]). Даже въ Галиціи, которая еще съ середины XIV столѣтія вошла въ составъ Польской Короны, въ 1869 году былъ напечатанъ „Protest der ruthenischen Nationalen gegen die allenfällige Deutung der sogenannten Lubliner Union als eines rechtlich zu Stande gekommenen Aktes. Veröffentlicht anässlich der 300-jährigen von den galizischen Polen in Lemberg zu veranstaltenden Gedenkfeier“[3]). Я. Θ. Головацкій писалъ, что только послѣ раздѣловъ Речи Посполитой въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка „вмѣсто давной привилiеваной націи явились народы, исконныи обытатели земли“ въ Галиціи[4]). Въ громадной литературѣ, изучающей Люблинскую Унію и касающейся ея, можно найти и громадное число примѣровъ совершенно несходной оцѣнки ея съ оцѣнкою польскихъ историковъ и представителей польской національно-политической мысли.

Нашею задачею на настоящихъ страницахъ, конечно, не можетъ быть изученіе Люблинской Уніи въ исторической литературѣ. Это изученіе можетъ послужить темою для цѣлой книги типа извѣстной работы Н. И. Карѣева „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“[5]). Но на положеніи о сліяніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею послѣ Люблинской Уніи въ единомъ государствѣ, которое рѣшительно развивалось въ исторической литературѣ, какъ въ польской, такъ и другихъ народовъ, мы должны остановиться неизбѣжно, ибо отъ правильнаго представленія о характерѣ соединеннаго Польско-Ли-

---

narodem, wiecznym bezrządom oddanym, pod których upadając w końcu brzemeniem, ruiną swoją przywalił połączone z sobą krainy“. Teodor Narbutt, Dzieje Narodu Litewskiego, t. IV (Wilno, 1838), str. 30.

1) „Ir taip nů vienybés, iszmirus kilcziai Lietuvos didžiųjų kuningaikszczių prasideda įros Lietuvos tautos“. Simano Daukanto, Lietuvos Istorija, kn. II (Plymouth, Pa., 1893 m.), psl. 518–519.

2) Український гетьман Богдан Хмельницький і козаччина. Ів. Левіцького (Львів, 1878), стр. 7.

3) Lemberg, 1869. Verleger Boromir Narolski.

4) Я. Θ. Головацкій, О первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи со времени Австрійского владѣнія въ той землѣ (Особый оттискъ изъ II выпуска Наукового Сборника. Львовъ, 1865), стр. 3.

5) С.-Петербургъ, 1888. Первоначально было напечатано въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія.

товскаго государства, образовавшагося въ 1569 году, зависитъ и правильное пониманіе происхожденія Третьяго Литовскаго Статута вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда научныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ кодексомъ Великаго Княжества Литовскаго.

При опредѣленіи отношеній Польши и Литвы послѣ Люблинской Уніи въ исторической литературѣ обращалось вниманіе почти исключительно на тѣ статьи ея договора, которыя говорятъ объ единствѣ ихъ государствъ и народовъ. Утвержденіе о совершившемся въ 1569 году сліяніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною имѣемъ въ польской литературѣ сразу послѣ заключенія Люблинской Уніи. Такъ, польскій сенаторъ Янъ Гербуртъ изъ Фульштына, прославляя Сигизмунда Августа, писалъ въ 1571 году: „quis enim ignorat ...., ut Polonus cum Lituano nullo discrimine essent, pro unoque et indiuiso corpore haberentur (Vnionem nos dicimus) opera ac studio laboreque indefesso Maiestatis vestrae .... perfectum esset?“[1]) Сигизмундъ Августъ „publico consensu Lithuaniam, caeterasque regiones Poloniae coniunxit“, говоритъ его біографъ XVI столѣтія[2]). То же представленіе повторяется въ литературѣ XVII и XVIII вѣковъ[3]). Въ XIX столѣтіи оно сдѣлалось однимъ изъ главныхъ положеній польской исторической литературы. Въ

---

[1]) Chronica sive Historiae Polonicae compendiosa ac per certa librorum capita ad facilem memoriam recens facta descriptio. Authore Magnifico Viro Ioanne Herburto de Fulstin, Regni Polonici Senatore (Dantisci 1609). Epistola Dedicatoria (пятая, ненумерованная страница).

[2]) Simon Schardivs. De vita et obitv Sigismvndi Avgvsti Regis Poloniae, qui obiit anno 1572, Kalendis Iulii. Polonicae Historiae Corpvs. Ex bibliotheca Ioan. Pistorii Nidani D. Tomus I (Basileae, 1582), p. 65.

[3]) Напримѣръ, Ioachimi Pastorii de Hirtenberg, Florus Polonicus seu Polonicae Historiae Epitome Nova — по пятому изданію (Gedani et Francofurti. MDCLXXIX), p.p. 221—222; Litvanicarum Societatis Iesu Historiarum Provincialium pars prima auctore Stanislao Rostowski, ex eadem societate et provincia sacerdote (Vilnae, MDCCLXIIX), p. 33; Gottfried Lengnichs, Polnische Geschichte von denen Zeiten Lechi an bis auf den Tod Augusti des II (Danzig, 1741), S. 76; то же на латинскомъ языкѣ — Gotfridi Lengnich, Historia Polona a Lecho ad Avgvsti II. mortem (Lipsiae, MDCCXL), p.p. 58—59; Abrégé Chronologique de l'histoire de Pologne (Varsovie et Dresde, MDCCLXIII), p. 124; Gotfridi Lengnich, Ius Publicum Regni Poloni, tomus I (Gedani, 1765 — editio altera; первое изданіе — 1742 г.), p.p. 40—41; X. Wincenty Skrzetuski, Prawo polityczne narodu Polskiego, tom I (Warszawa, 1782), str. 18.

длинномъ рядѣ своихъ трудовъ, имѣвшихъ такое широкое распространеніе, Лелевель въ первой половинѣ XIX вѣка говорилъ о сліяніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, пересказывая соотвѣтствующія статьи Люблинскаго договора[1]). То же дѣлали другіе авторы богато развивавшейся польской исторической литературы въ XIX и даже въ XX столѣтіяхъ[2]). Изъ научныхъ трудовъ по исторіи и праву Польши такія представленія о характерѣ соединенія Короны (Польши) и Литвы (Великаго Княжества Литовскаго) перешли въ труды общаго содержанія, въ учебники и изданія, предназначенныя для болѣе широкихъ круговъ[3]).

Утвержденіе, что Люблинская Унія слила Великое Княжество Литовское въ единое государство съ Польшею, изъ польской литературы перешло въ литературы западно-европейскую и русскую и прочно было ими усвоено. Свидѣтель начала конца Речи Посполитой, Рюльеръ[4]), и столь извѣстный въ свое время Мальте-Бренъ[5]) еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣ-

---

[1]) См. особенно Joachim Lelewel, Dzieje Litwy i Rusi aż do Unji z Polską w Lublinie 1569 zawartéj (Paryż, 1839), str. 270; — (Lipsk, 1839), str. 270; Polska, Dzieje i Rzeczy jéj, tom II (wydanie dziewiąte; Poznań, 1859), str. 92; Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane (Poznań, 1859), str. 92.

[2]) Напримѣръ, Michał Baliński, Historya Polska (Warszawa, 1844), str. 141; J. Jaroszewicz, Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII, część II (Wilno, 1844), str. 79; Tomasz Stankar, Rzut oka na Historyą Litewską i Polską od najpiérwszych początków państw tych, do ostatnich czasów politycznego ich bytu w roku 1794 (Wilno, 1858), str. 42—43; Józef Szujski, Dzieje Polski, tom II (Kraków, 1894), str. 395—397; и длинный рядъ другихъ авторовъ.

[3]) Напримѣръ, X. Jan Bielski S.J., Widok Krolestwa Polskiego......., w krótkim zgoła a rzeczywistym duchownego y swieckiedo rządu opisie, rodowitym lęzykiem polskim szkolney polskiey szlachetney młodzi wystawiony, tom I (w drukarni J. K. Mci Collegium Poznańskiego Societatis Jesu, 1763), str. 236—237; Zenowlt Ancyporowicz, Opowiadanie Historyi Polskiej dla dzieci (Warszawa, 1847), str. 153—154; Konstancya Skirmunt, Dzieje Litwy opowiedziane w zarysie (Kraków, 1886), str. 128; Leon Wasilewski, Litwa i Białoruś (Kraków), str. 55.

[4]) Cl. Rulhière, Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république, tome premier (Paris, 1807), p. 21. О Рюльерѣ см. Н. И. Карѣевъ, „Паденіе Польши" въ исторической литературѣ (С.-Петербургъ, 1888), стр. 84—93.

[5]) Malte-Brun, Tableau de la Pologne ancienne et moderne, sous les rapports géographiques, statistiques, géologiques, politiques, moraux, histo-

ка высказали его во французской литературѣ. То же дѣлали въ среднихъ десятилѣтіяхъ того же столѣтія русскіе историки Устряловъ и Кояловичъ[1]), а въ восьмидесятыхъ годахъ германскій историкъ Шиманъ[2]). Длинный рядъ авторовъ говоритъ объ этомъ вполнѣ согласно, хотя они и совершенно расходились въ другихъ своихъ выводахъ и взглядахъ[3]). Рѣшительное господство этого утвержденія имѣло своими послѣдствіями: 1) признаніе Великаго Княжества Литовскаго съ 1569 года простою провинціею Польскаго государства и 2) признаніе того, что со времени Люблинской Уніи прекратилась особая исторія Литвы, слившаяся съ этого времени въ одно цѣлое съ исторіею Польши. Труды по исторической географіи и по исторіи права Польши трактовали Великое Княжество Литовское какъ польскую провинцію, рядомъ съ Великою и Малою Польша-

---

riques, législatifs, scientifiques et littéraires, tome premier (nouvelle édition.. .. par Léonard Chodźko...., Paris, 1830), p. 292.

[1]) Н. Г. Устряловъ, О системѣ прагматической русской исторіи (С-Петербургъ, 1836), стр. 76; его же, Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское (С-Петербургъ, 1839), стр. 19, 37—39; М. О. Кояловичъ, Чтенія по исторіи Западной Россіи (новое изданіе, переработанное и дополненное съ изданія 1864 г. С-Петербургъ, 1884), стр. 179; его же, Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году (С-Петербургъ, 1863), стр. 6, 21, 81.

[2]) Th. Schiemann, Russland, Polen und Livland ins 17 Jahrhundert. Zweiter Band (Berlin, 1887 — Allgemeine Geschichte....., herausgegeben von Wilhelm Oncken, zweite Hauptabtheilung, zehnter Teil), S. 331.

[3]) Напримѣръ, въ русской литературѣ — предисловіе къ первой части Собранія государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній (отъ 1387 до 1710 года), изд. Виленскою Археологическою Коммиссіею подъ редакціею ученаго секретаря Маврикія Круповича (Вильно, 1858), стр. VI; И. Порай Кошицъ, Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ (С-Петербургъ, 1858), стр. 31; Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ (не подписанная статья въ I—II томахъ журнала Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи за 1862 г.), стр. 189 (т. I); И. Кульжинскій, Исторія Польши (Кіевъ, 1864), стр. 100—101; П. Дм. Брянцевъ, Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ (Вильна, 1889), стр. 376; Б. Г. Ольшамовскій, Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго конституцій Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о Выморочности (Кадукахъ) по Польско-Литовскому Законодательству (С-Петербургъ, 1897), стр. 7 и сл.; Іосифъ Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. III, часть II (Варшава, 1893), стр. 201; и др.

ми[1]) и провозглашали сліяніе ихъ исторіи[2]). Даже проникнутый литовскимъ патріотизмомъ историкъ-литвинъ Теодоръ Нарбуттъ, доведя изложеніе до смерти Сигизмунда Августа, положилъ свое перо историка Литвы со словами: „я довелъ свое изложеніе до эпохи, въ которую перестала существовать самобытность народа; отселѣ я долженъ передать изложеніе писателямъ польской исторіи; послѣдній самостоятельный монархъ Литвы и послѣдній Ягеллонъ по мужской линіи, Сигизмундъ Августъ, умеръ, и я ломаю мое перо на его гробницѣ“[3]).

Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что на утвержденіи о полномъ сліяніи Великаго Княжества Литовскаго въ 1569 году съ Польшею, якобы совершившемся въ силу привилея Люблинской Уніи, отразилась и польская національно-политическая мысль эпохи послѣднихъ десятилѣтій государственной жизни Речи Посполитой и времени, послѣдовавшаго за прекращеніемъ ея государственнаго существованія. Эпоха Станислава Августа, начало преобразованій, раздѣлы Речи Посполитой, реформы и идеи четырехлѣтняго сейма, выдвигавшаго сплоченіе и большее единство расплывавшагося и раздѣляема-

---

[1]) Напримѣръ, Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusza Lipińskiego, wydanie drugie poprawione i uzupełnione przez F. K. Martynowskiego, tom IV (Warszawa, 1886), str. 90; Zygmunt Gloger, Geografia Historyczna ziem Dawnej Polski (Kraków, 1900), str. 271; G. Lengnich, Jus Publicum Regni Poloniae, I, p. 25; X. Wincenty Skrzetuski, op. cit., I, str. 18—19. Если въ эпоху существованія Польско-Литовскаго соединеннаго государства Великое Княжество Литовское и называлось иногда „провинціей“, то не въ значеніи области Польши, а въ значеніи части соединенной Речи Посполитой, съ особыми правами. Ср. Описаніе Рук. Отд. Вил. Пуб. Библ., вып. первый, Приложенія, стр. 132.

[2]) Напримѣръ, Starożytna Polska, IV, str. 89 или П. Морозовъ, Русское дѣло въ Литовской Руси (январьская книжка журнала Русская Рѣчь за 1882 г.), стр. 92.

[3]) „Doprowadziłem pismo do epoki, w której samoistność Narodu ustała. Odtąd więc przekazać winienem ciąg dalszy Historyi Polskiej pisarzom. Ostatni z udzielnych Monarchów Litwy i ostatni po mieczu z Jagellonów, Zygmunt August umarł . . . . . . i ja pióro moje na jego grobowcu kruszę“. Teodor Narbutt, Dzieje Narodu Litewskiego, tom IX (Wilno, 1841), str. 492. Ср. его же книжку — Dzieje Narodu Litewskiego w krótkości zebrane z dołączeniem potoku pochodzeń ludów narodu litewskiego i czterech tablic rodowych xiążąt litewskich (Wilno, 1847). Ср. также — Konstancya Skirmunt, Dzieje Litwy, str. 130.

го Польско-Литовскаго соединеннаго государства, — все это давало опредѣленную окраску взглядамъ на прошлое, о воскрешеніи котораго мечтали польскіе дѣятели наступившей затѣмъ „порозборовой“ эпохи. Едва ли не лучшее и наиболѣе прямолинейное выраженіе этого теченія мы можемъ найти въ идеяхъ и стремленіяхъ круга лицъ, который имѣлъ во главѣ себя князя Адама Чарторыйскаго и въ эпоху эмиграціи послѣ возстанія 1830 года считалъ своимъ центромъ Hôtel Lambert. Вотъ что́ высказывалось тогда представителями этого теченія о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и Польшѣ: „Toutes ces terres... ... ont formé, depuis des siècles, sous le nom de la Pologne, une unité politique et nationale, incontestable et incontestée..... Moeurs, coutumes, traditions historiques, institutions politiques, économiques et sociales, ont toujours été les mêmes dans les provinces en deçà et au delà du Bug, qui ne cessèrent de partager les destinées de la Pologne dans la bonne et dans la mauvaise fortune, et cette communauté a survécu au démembrement de la patrie“ [1]).

Однако въ тѣ же годы, когда князь Адамъ Чарторыйскій приступалъ къ широкому осуществленію своихъ національно-политическихъ идеаловъ, мы имѣемъ и рѣшительное утвержденіе, что между Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ не существовало тѣсныхъ отношеній государственнаго единства, хотя второе въ общемъ и оставалось вѣрнымъ соединенію съ первою. Представитель стараго литовскаго рода, Михаилъ Огинскій, писалъ: „après l'union de la Lithuanie à la Pologne, les Lithuaniens se montrèrent jaloux de la conservation de leurs anciennes lois et privilèges, qui leur avaient été garantis par l'acte même d'union; mais on les trouvait toujours disposés à tous les sacrifices qu'on demandait d'eux lorsqu'il s'agissait du bien-être général de la patrie“ [2]). Въ словахъ Огинскаго, несомнѣнно,

---

1) Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi de documents et de pièces justificatives. De la part du Prince Czartoryski (Paris. Décembre, 1863), p. X. Въ трудѣ, посвященномъ изученію исторіи польской мысли этого времени, упоминанія о цитируемой нами книжкѣ (XXXIV+128 страницъ in folio) не имѣется въ спискѣ сочиненій князя Адама Чарторыйскаго, умершаго въ 1861 году, — Wiek XIX, Sto Lat Myśli Polskiéj, tom VI (Warszawa, 1911), str. 16—17.

2) Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, depuis 1788 jusqu'a la fin de 1815, tome troisième (Paris, 1827), p. 269. Часть мемуаровъ Огинскаго см. въ журналѣ Русскій Архивъ за 1874 г.; ср. тетрадь третья, стр. 656.

звучитъ старая традиція постоянной охраны Великимъ Княжествомъ Литовскимъ его государственнаго значенія и правъ во время соединенія съ Польшею. Эта традиція была прочно заложена сразу послѣ заключенія Люблинской Уніи[1]), и память о ней пережила всѣ раздѣлы Речи Посполитой.

Литовскій патріотизмъ живетъ и во время существованія Речи Посполитой, и послѣ ея раздѣловъ. Не романтически-любовное единеніе съ Польшею, а холодность къ ней и даже иногда ненависть были его спутниками. Въ тѣхъ проектахъ возстановленія Великаго Княжества Литовскаго, которые подавались императору Александру I-му литовскими политиками, съ Огинскимъ во главѣ, избѣгалось даже упоминаніе о Польшѣ и полякахъ[2]). Бывшій въ 1794 году главнымъ секретаремъ въ Литовскомъ Верховномъ Правительствѣ, горячій литовскій патріотъ Ѳаддей Кукевичъ всѣми силами своей души ненавидѣлъ Польшу. Въ тридцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія онъ настойчиво выдвигалъ положеніе, что литовское право выросло изъ своихъ собственныхъ корней, совершенно чуждыхъ праву польскому. За Люблинской Уніею онъ рѣшительно отказывался признавать то значеніе, которое ей приписывала польская мысль, и утверждалъ, что эта Унія установила лишь федерацію двухъ самостоятельныхъ государствъ, „державъ" въ смыслѣ понятій международнаго права[3]).

Нѣтъ недостатка и въ русскихъ голосахъ изъ обширной территоріи стараго Великаго Княжества Литовскаго. Такъ, воспитанникъ Главной Семинаріи при Виленскомъ Университетѣ эпохи князя Адама Чарторыйскаго, впослѣдствіи митрополитъ Литовскій, Іосифъ Сѣмашко писалъ въ 1859 году: „настоящая древняя Польша, Польша Болеславовъ Храбрыхъ упиралась въ Богемскія горы и въ Саксонію. Столица Великой Польши,

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія, томъ I (С-Петербургъ, 1901), стр. 83 и сл.

[2]) Объ этомъ см. даже общіе труды по „порозборовой" исторіи Польскаго народа, напримѣръ, J. Grabiec, Dzieje porozbiorowe narodu Polskiego (Warszawa-Poznań, 1916), str. 82.

[3]) Архивныя данныя о Кукевичѣ собраны въ книгѣ барона А. Э. Нольде, Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ, выпускъ I — попытка кодификаціи литовско-польскаго права (С-Петербургъ, 1906), стр. 125 и сл.

Гнѣзно — нынѣ въ предѣлахъ Пруссіи. Столица Малой Польши, Краковъ — въ предѣлахъ Австріи. Польша по Одеру и Балтійскому поморью давно уже онѣмечилась. Та же участь, вѣроятно, ожидала вскорѣ и остальную Польшу; но ее спасло соединеніе съ Литвою, подъ однимъ царственнымъ скипетромъ Литовскаго дома Ягеллоновъ. Ударъ, нанесенный Тевтонамъ подъ Гринвальдомъ совокупными силами Ягайлы и Витовта, остановилъ на нѣсколько вѣковъ напоръ сюда германизма; съ другой стороны, закрытая Литвою, Польша отдохнула. Пользуясь пребываніемъ въ своихъ предѣлахъ царскаго Ягеллонскаго дома, Польша пріобрѣла естественно вліяніе на Литовское княжество. Прежде подрывали власть Литовскихъ князей большею часъ отъ часу зависимостію отъ польскихъ королей. Послѣ отдѣлили отъ Литвы къ Польшѣ такъ называемыя Русскія провинціи къ Днѣпру. Послѣ соединили Польшу и Литву подъ одно повременное совѣщательное и законодательное собраніе (сеймъ). Но все таки не сдѣлали Литвы Польшею...... Литва осталась Литвою, съ особымъ правительствомъ, съ особымъ войскомъ, съ особымъ законодательствомъ....." [1]).

Итакъ, отдѣльные голоса, опровергавшіе традиціонно-польское представленіе объ единствѣ Литвы и Польши, были на лицо. Но болѣе громкій голосъ цѣлаго хора представителей польскаго пониманія значенія и смысла Люблинской Уніи заглушалъ заявленія отдѣльныхъ лицъ, выдвигавшихъ пониманіе Уніи 1569 года, имѣвшее мѣсто въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ еще съ эпохи Сигизмунда Августа, и дѣлалъ ихъ почти неслышными и нераспространяющимися сколько-нибудь далеко.

Акты, вышедшіе съ Люблинскаго сейма въ 1569 году, говорятъ объ отторженіи отъ Литвы Сигизмундомъ Августомъ Подляшья, Кіевщины, Волыни и Подолья и о присоединеніи ихъ къ Польшѣ. Это одно уже вноситъ противорѣчіе въ традиціонно-польское пониманіе Уніи для тѣхъ, кто вдумчиво вчитывается въ эти акты. — Какой смыслъ имѣетъ инкорпорація въ составъ Польши части территоріи Великаго Княжества Литовскаго, если оно все цѣликомъ по идеѣ Люблинскаго приви-

---

[1]) Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академіею Наукъ по завѣщанію автора. Томъ II (С-Петербургъ, 1883), стр. 558.

лея должно составлять съ Польшею единое государственное тѣло? Рядомъ съ этимъ, уже въ литературѣ ближайшаго къ Люблинской Уніи времени выступаетъ и ясное пониманіе особаго государственнаго значенія Великаго Княжества Литовскаго. Польскія хроники того времени вообще очень кратко говорятъ о Люблинской Уніи. Такъ, Стрыйковскій, разсказывая о Люблинскомъ сеймѣ, прежде всего пишетъ о прибытіи кардинала Гозія и папскаго легата Винцентія Портика, а также пословъ императора Максимиліана и Шведскаго короля Іоанна; затѣмъ упоминаетъ о послахъ князей Поморскихъ, Турецкаго султана и о гонцѣ Московскомъ, о пріѣздѣ князя Легницкаго, подарившаго королю двухъ молодыхъ львовъ. И только послѣ всего этого онъ чрезвычайно кратко отмѣчаетъ заключеніе Уніи, несмотря на противодѣйствіе многихъ литовскихъ сенаторовъ, съ отторженіемъ отъ Великаго Княжества Литовскаго Волыни, Подляшья и Кіевщины и присоединеніемъ ихъ къ Польшѣ[1]).

Другіе хронисты такъ же скупы на подробности въ разсказѣ о Люблинскомъ сеймѣ и Уніи. Бѣльскій говоритъ объ ея заключеніи слѣдующее: „на томъ же сеймѣ достигла совершеннаго окончанія Унія, или соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Короною Польскою; при этой Уніи особливо было обезпечено Литовскому Княжеству, что оно не будетъ подлежать экзекуціи по отношенію къ имѣніямъ королевскаго стола. Волынь, Подляшье и Кіевское воеводство были присоединены на вѣчныя времена къ Коронѣ. Долго противились этому литовскіе сенаторы, но все-таки, наконецъ, на это согласились“[2]). Нѣсколькими строками ниже хроника Бѣльскаго добавляетъ, что на Люблинскомъ сеймѣ былъ уничтоженъ прежній порядокъ засѣданій польскихъ и литовскихъ сенаторовъ и замѣненъ новымъ; прибавляетъ еще, что городъ Варшава былъ избранъ мѣстомъ для общихъ сеймовъ, и приводитъ списокъ членовъ Польско-Литовскаго сената[3]). Не болѣе Бѣльскаго сообщаетъ и Гурницкій. Послѣдній даже какъ-то просто вскользь гово-

---

[1]) Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego, tom II (Warszawa, 1846), str. 418.

[2]) Biblioteka Polska (odział historyczny). Kronika Marcina Bielskiego, tom II (wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Sanok, 1856), str. 1169.

[3]) Тамъ же, str. 1170—1172.

ритъ о заключеніи Уніи. Онъ пишетъ, что Гданщане были вызваны на ближайшій сеймъ, „а онъ былъ назначенъ обоимъ народамъ въ Люблинѣ, для окончанія Уніи, на дни декабря 1568 года. Продолжался этотъ сеймъ вплоть до исхода лѣта 1569 года. На немъ была доведена до конца Унія, но это совершилось не прежде, чѣмъ король присоединилъ къ Коронѣ Подляшье и Волынь“. Вслѣдъ за этимъ Гурницкій прямо переходитъ къ суду надъ Гданщанами[1]). Какъ ни кратки приведенныя извѣстія хроникъ, но уже и въ нихъ имѣется указаніе на то, что Унія не была сліяніемъ Литвы и Польши въ единое государственное тѣло. Этимъ указаніемъ является отторженіе части территоріи Великаго Княжества Литовскаго и инкорпорація ея въ составъ Польши[2]). Если же мы обратимся къ трудамъ того времени, говорящимъ объ образованной Уніей 1569 года Речи Посполитой, то найдемъ въ нихъ уже совершенно ясное опредѣленіе ея какъ лишеннаго государственнаго единства федеративнаго союза государствъ.

Современникъ Люблинской Уніи, Вармійскій епископъ Мартинъ Кромеръ, въ своей „Polonia“, сказавъ о возвращеніи Польшѣ „extremo regni Sigismundi Augusti tempore“ Подляшья, Волыни, Кіевщины („Russiae“) и Подолья, продолжаетъ: „Quin et Lithuani ipsi, exemplum secuti, sese cum Polonis, renouato et ampliato antiquo foedere, coniunxere. Instituta tamen sua, et ma-

---

[1]) Dzieje w Koronie polskiey za Zygmunta I-go y Zygmunta Augusta aż do smierci iego z przytoczeniem niektorych postronnych ciekawości od roku 1538, aż do roku 1572 przez Łukasza Górnickiego Tykocińskiego i Wasiłkowskiego Starostę spisane. Zbiór pisarzów polskich. Część druga. Pisma Ł. Górnickiego. Tom IV (Warszawa, 1828), str. 196, 197.

[2]) Приводимъ еще разсказъ Сарницкаго о заключеніи Люблинской Уніи: „Lublini vnio illa Magni ducatus Lituaniae cum regno Poloniae executioni demandatur. Reclamabant quidem huic rei quidam ex proceribus Lituaniae, vtque praesentia sua id non confirmarent, valedicentes Regi discesserant. Sed absentia illorum non obstante Rex in conscientiae foro non fore prius se liberum dixit, nisi ea, quae maiores sui solenniter promiserant iureque iurando confirmauerant, reipsa praestitisset. Itaque sempiterna memoria dignissimus princeps antiquae postulationi et pactioni satisfaciens quasdam Lituanorum prouincias, ad Poloniam spectantes, a Cazimiro Jagellonis filio aliisque principibus auulsas, regno Poloniae adiunxit, vniuit, atque, vt sic vsitate loquuntur, incorporauit“. Stanislai Sarnicii Annales, sive de origine et rebvs gestis Polonorvm et Litvanorvm libri VIII. Lipsiae, MDCCXII (въ одномъ томѣ съ XIII-ой книгой Польской Исторіи Длугоша), p. 1214.

gistratus, et iurisdictionem peculiarem retinuere"[1]). Говоря о составѣ Польши, онъ опредѣляетъ его такъ: „Partes insigniores Poloniae sunt, Maior et Minor Polonia, Russia, et Prussia regia, Podolia, Masouia, et Cuiauia"[2]). Такимъ образомъ, „Lithuania" отнюдь не входитъ въ составъ Польши. Еслибы нужно было обозначить ея отношенія къ Польшѣ языкомъ Кромера, то пришлось бы сказать, что она лишь „foedere cum Polonia coniuncta", а отнюдь не часть („pars") послѣдней.

Не говоритъ о полномъ сліяніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею и Вюкъ Кояловичъ. Онъ очень выпукло излагаетъ противоположные взгляды поляковъ и литовцевъ на Унію до Люблинскаго сейма и ихъ борьбу на немъ[3]). По его словамъ, самъ Сигизмундъ Августъ сознавалъ свою вину передъ литовцами за оторваніе части ихъ территоріи къ Польшѣ и успокоилъ ихъ обѣщаніемъ инкорпорировать въ составъ Великаго Княжества Литовскаго Мазовію, выдѣливъ ее изъ состава Польскаго королевства. Свой разсказъ о Люблинскомъ сеймѣ Кояловичъ заключаетъ словами: „ego, ut iudicem non ago, ita de subsecuta concordia gaudeo"[4]). Что же касается самаго договора Люблинской Уніи, то онъ его обозначаетъ словами: „foederis leges"[5]).

Изъ авторовъ XVII-го вѣка отмѣтимъ еще вдумчиваго и добросовѣстнаго знатока строя Речи Посполитой своего времени Христофора Гарткноха, который, приводя различныя ея дѣленія, говоритъ: „deinde solet etiam Imperium Polonicum dividi generalissime in Poloniam et Magnum Ducatum Lithvaniae, et populus ipse dividitur in duas gentes, Polonicam et Lithvanicam"[6]). О сліяніи обоихъ государствъ и народовъ въ „единое

---

[1]) Poloniae Martini Cromeri liber prior. De sitv Poloniae et gente Polona. Polonicae Historiae Corporis tomvs primus (Basileae, 1582), p. 77.

[2]) Ibidem, p. 78.

[3]) Historiae Litvanae a coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Vnionem eorum Dominiorum Libri octo avctore Alberto Wiivk Kolalowicz Societatis Iesv S. Theologiae Doctore (Antverpiae, anno MDCLXIX), p.p. 471 sq.

[4]) Ibidem, p. 489.

[5]) „His perfectis, facile in alias foederis leges conuentum est, ac praecipue vt vtriusque gentis comitiis Rex Poloniae eligeretur; neque vnquam alius a Rege, Magnus Dux Lituaniae crearetur". Ibidem, p. 489.

[6]) Respublica Polonica, duobus libris illustrata; qvorum prior Historiae Polonicae memorabiliora, ex diligenti Sarmaticorum pariter atque Germanico-

тѣло“, котораго требовалъ привилей Люблинской Уніи, Гартнохъ и не упоминаетъ. Но этотъ актъ Уніи 1569 года онъ знаетъ хорошо и называетъ его: „instrumentum Foederis hujus“[1]).

Если отъ литературы XVI и XVII столѣтій обратимся къ историческимъ трудамъ XVIII вѣка, то и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдемъ совсѣмъ несходное съ традиціоннымъ польскимъ представленіе о характерѣ Люблинской Уніи. Секретарь короля Станислава Лещинскаго, Солиньякъ, въ своей Исторіи Польши, весьма ярко изложивъ споры поляковъ и литовцевъ объ уніи въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія и обрисовавъ ихъ взаимную вражду[2]), считаетъ возможнымъ лишь слѣдующимъ образомъ обозначить сущность Люблинскаго акта: „Auguste fit dresser l'acte de réunion qui subsiste encore de nos jours entre la Pologne et la Lithuanie, et par lequel il fut décidé, que désormais l'un et l'autre Etat concourroient également à l'élection des Rois, et que nul autre que chacun de ces Rois successivement ne pourroit être déclaré Grand-Duc de Lithuanie“[3]). Въ обзорѣ исторіи Великаго Княжества Литовскаго, вышедшемъ на польскомъ языкѣ въ 1763 году въ Вильнѣ, лишь отмѣчается простой фактъ заключенія Люблинской Уніи, но въ то же время указывается на оторваніе отъ Литвы Подолья и Кіева и на желаніе Сигизмунда Августа вознаградить ее за утрату ихъ Мазовіей[4]).

rum tam Veterum, qvam recentiorum Scriptorum collatione, eruta, variasqve Provinciarum eo pertinentium mutationes complectitur. Posterior vero, Jus Publicum Reipublicae Polonicae, Lithvanicae, Provinciarumqve annexarum, ex Statutis, Constitutionibus, Juribus, Privilegiis, probatissimisqve Scriptoribus Polonicis, depromptum, comprehendit. His adjecta est dissertatio historica de Originibus Pomeranicis. Opera et studio M. Christophori Hartknoch Passenheimensis Prussi. Francofurti et Lipsiae. Jenae, 1678. P. 147. О Гартнохѣ см. акад. Ф. В. Тарановський, Начерки з історії державного права Речи Посполітої XVII в. — I. Догматика державного права Речи Посполітої XVII в. в праці Христофора Гарткноха. У Київі, 1926.

[1]) Ibidem, p. 133.

[2]) Histoire Générale de Pologne, par Mr. le Chevalier de Solignac, Secrétaire du Cabinet et des Commandements du Roi de Pologne, Duc de Lorraine et de Bar. Tome cinquième (Amsterdam, MDCCLI), p. 93 sq.

[3]) Ibidem, p. 100. Въ польскомъ переводѣ (Historya Polska napisana w języku francuskim przez J. P. de Solignac Sekretarza Króla J. Mci Polskiego, Xiążęcia Lotarynskiego y Baru. Tom piąty (w Wilnie, 1767), str. 142.

[4]) Domowe wiadomości o Wielkim Xięstwie Litewskim z przyłączeniem Historyi tegoż narodu przedrukowane (w Wilnie w Drukarni J. K. Mści

Въ XIX столѣтіи строй Речи Посполитой привлекалъ къ себѣ вниманіе и западно-европейскихъ ученыхъ, правда, далеко не большого числа ихъ. И не только совершенно отвлеченный, чисто научный интересъ заставлялъ ихъ останавливаться въ своихъ изученіяхъ на этомъ своеобразномъ и весьма любопытномъ для историка и юриста соединеніи ряда земель и народовъ. Польское національно-политическое движеніе привлекало къ себѣ много вниманія въ Европѣ, и выдвигаемыя польскими стремленіями и государственными идеалами историческія основанія не могли не побуждать научныхъ работниковъ къ ихъ провѣркѣ. Тутъ должны быть отмѣчены особенно два труда, посвященныхъ изученію Речи Посполитой въ ея прошломъ. Первый изъ нихъ — „Histoire de Pologne avant et sous le roi Jean Sobieski" Сальванди, второй — очень извѣстная въ свое время работа Зигфрида Гюппе „Verfassung der Republik Polen". Нарцисъ Ахиллъ де-Сальванди[1]), политическій дѣятель и одно время министръ Франціи, историкъ и членъ Французской Академіи, въ 1827 году выпустилъ первое изданіе своего изслѣдованія по исторіи Польши эпохи Яна Собѣсскаго, съ обзоромъ ея предшествующаго историческаго прошлаго. Уже черезъ два года, въ 1829 году, потребовалось второе изданіе этого труда. Въ 1830 году вышло третье его изданіе, въ 1844-мъ четвертое, въ 1863-мъ пятое. Предисловіе къ этому послѣднему изданію авторъ написалъ 30 апрѣля 1855 года, во время Крымской войны, когда ожидались крупныя измѣненія политической карты Восточной Европы. Двухтомный трудъ Сальванди не ограничивается изученіемъ исторіи Польши времени, обозначеннаго въ его заглавіи. Въ заключительной части своей онъ даетъ и обзоръ исторіи Польши за время съ 1700-го по 1830-й годъ[2]). Передъ нами, такимъ образомъ, обстоятельная научная работа историка, старавшагося уяснить и освѣтить исторію польскаго

Akademickiey Societatis Jesu. Roku 1763), str. 46 — Сигизмундъ Августъ „Unią Ostatnią na Seymie Lubelskim zakonkludował, przyłączywszy do Polski Podolę I Kijow r. 1569, zaś na Seymie Warszawskim gdy się starał Mazowsz przyłączyć do Litwy a nie mógł dokazać, z alteracyi zachorował: umarł w Knyszynie".

[1]) Родился въ 1795 году, умеръ въ 1856 году.

[2]) „Conclusion. Suite de l'histoire de Pologne jusqu' a nos jours. Derniers règnes et partages (1700-1830)" — страницы 422—461 второго тома (Paris, 1863).

народа безпристрастнымъ научнымъ изслѣдованіемъ, свободнымъ отъ подчиненія польскимъ традиціоннымъ національно-политическимъ воззрѣніямъ. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, протекшихъ за время послѣдовательныхъ изданій своего труда, авторъ не только его дополнялъ, но и вновь продумывалъ и провѣрялъ свои выводы и построенія[1]). Какъ же понимаетъ Сальванди Люблинскую Унію и какими были отношенія Великаго Княжества Литовскаго и Польши послѣ ея заключенія, по его представленію?

Люблинская Унія отнюдь не слила Литвы съ Польшею во-едино и сохранила за первою ея государственныя бытіе и значеніе — вотъ основное положеніе Сальванди. Онъ пишетъ: „Le grand-duché, tout en restant distinct du royaume, prit l'engagement de ne plus séparer ses destinées. Les perpétuelles incursions des Tatars et les progrès des Moskowites imposèrent silence à de trop longues antipathies. Les Litvaniens souscrivirent à la loi de réunion, comme ils élevaient autour de Wilna des retranchements et des murailles. Il fut stipulé qu'il n'y aurait plus pour les deux peuples qu'une même diète, un même prince, les mêmes lois. Les deux États, du reste, conservaient leur constitution particulière aussi bien que les deux cours. On distinguait les charges de la Litvanie de celles de la couronne. Le royaume eut, aussi bien que le grand-duché, ses ministres, ses grands officiers, ses généraux, son armée, fatal élément de désordre dans le désordre, et de destruction dans la destruction. L'édifice bizarre de ce double gouvernement se composait de dix suprêmes dignitaires: deux grands-maréchaux, celui de la couronne, c'est-à-dire de la Pologne, et celui de la Litvanie; deux chanceliers, deux vicechanceliers, deux grands trésoriers, deux maréchaux de la cour"[2]). Развертывая передъ своими читателями картину событій изучаемаго имъ времени, Сальванди отмѣчаетъ взаимную враждебность Лит-

---

[1]) Въ предисловіи къ пятому изданію Сальванди пишетъ: „Un nouveau et long travail, une consciencieuse révision, des développements utiles quelquefois, notamment dans le récit des derniers temps de la Pologne, ont conduit à son état definitif un livre qui a été, depuis l'époque où il parut, c'est-à-dire depuis les dernières années de la Restauration, l'objet de révisions et d'études incessantes. L'auteur a toujours considéré le respect pour le jugement public comme faisant partie du respect de soi-même". T. I (Paris, 1863), p. V.

[2]) T. I, p. 123—124.

вы и Польши. Въ самомъ противодѣйствiи великаго Литовскаго гетмана Михаила Паца избранiю Яна Собѣсскаго королемъ онъ видитъ борьбу Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, а о столкновенiяхъ и спорахъ солдатъ армiй Паца и Собѣсскаго, приведенныхъ ими съ собою на избирательный сеймъ 1674 года, пишетъ: „il y avait guerre entre la Litvanie et la Pologne. Chaque rencontre était un combat"[1]).

Что касается Гюппе[2]), то онъ также очень далекъ отъ мысли о созданiи Люблинскою Унiею единаго унитарнаго государства. „In den staatsrechtlichen Beziehungen beider Länder", говоритъ онъ, „solite die Präsumtion immer für das Sonderrecht sprechen. Die gemeinsamen Angelegenheiten waren beschränkt. Litauen war zwar in den wichtigsten Beziehungen de facto zur zweiten Rolle verurtheilt, erschien aber in formellen Fragen immer gleichberechtigt mit der „Krone". Die gesammte innere Verwaltung beider Länder, namentlich das Finanzwesen, blieb getrennt, ebenso die Civilgesetzgebung und Rechtspflege. Das Grossfürstenthum hatte ebensoviel hohe Beamte, als das Königreich. Die Conföderationen bildeten und nannten sich bis 1792 immer nach beiden Nationen"[3]). Выяснивъ, какъ мало въ сущности Люблинская Унiя создала для объединенiя Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, Гюппе указываетъ, что даже въ XVII столѣтiи ихъ соединенiе было готово совершенно разрушиться и только понемногу, временемъ вырабатывалось чувство государственныхъ связей[4]).

---

[1]) Ibidem, p. 439.

[2]) Verfassung der Republik Polen dargestellt von Dr. Siegfried Hüppe. Berlin, 1867.

[3]) S. 50.

[4]) „Allerdings, zur Einem Staate wurden durch diese Bestimmungen Polen und Litauen ebensowenig verbunden, als durch die andern ihnen seit dem Jahr 1569 gemeinsamen Angelegenheiten. Eine Person sollte gleichzeitig als König und Grossfürst gewählt und proclamirt werden, durch Ein Document und Einen Eid sollten Polens und Litauens Rechte bestätigt werden, und in Aufrechthaltung dieser Freiheiten sollten sich beide Nationen unterstützen; nach aussen hin sollten beide Länder nur Eine Politik haben, keine Bündnisse getrennt schliessen; Eine Münze sollte gelten; Grosspolen und Kleinpolen sollten keine Reichstage ohne Zuziehung Litauens halten. Das war nicht viel! — Ja, selbst diese wenigen Bestimmungen wurden in der Folgezeit bis ins 17. Jahrhundert hinein kaum eingehalten. Sehr oft blieben die Litauer von den polnischen Reichstagsversammlungen ganz weg, und gar offen-

Въ польской литературѣ среднихъ десятилѣтій XIX вѣка, правда, въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, а не въ общемъ ея направленіи, стало уже воскрешаться историческое дѣленіе Польско-Литовскаго федеративнаго государства на Корону Польскую и Великое Княжество Литовское или Литву, всегда ясно сознававшееся въ эпоху государственной жизни Речи Посполитой[1]). Появленіе въ западно-европейской литературѣ трудовъ Сальванди и Гюппе, съ ихъ противорѣчащими польской традиціи взглядомъ на Люблинскую Унію и ея оцѣнкою, не могло не найти отраженія хотя бы въ небольшой части польской литературы, ибо господствовавшія ея теченія не были склонны порывать со старой традиціей, столь благопріятной польскому національзму въ его привычныхъ и господствовавшихъ проявленіяхъ.

Извѣстный польскій историкъ и политическій дѣятель, Михаилъ Бобржинскій, хотя и оставаясь вѣрнымъ старымъ мечтательно-романтическимъ польскимъ ученіямъ о культурной миссіи Польши на Европейскомъ Востокѣ, призналъ Люблинскій привилей 1569 года актомъ, отнюдь не установившимъ единства Литвы и Польши въ созданной имъ Речи Посполитой. Въ концѣ 70-хъ годовъ XIX столѣтія онъ выпустилъ свой трудъ „Dzieje Polski w zarysie“[2]), во второмъ томѣ котораго далъ новое для польской литературы толкованіе Люблинской Уніи, отражающее на себѣ ея изученіе Сальванди и Гюппе. Онъ призналъ Великое Княжество Литовское въ составѣ Речи Посполитой особымъ государствомъ („państwo“)[3]), съ его самостоятельнымъ правительствомъ, и съ горькимъ чувствомъ неудов-

---

kundig gingen sie nach dem Aussterben der Jagellonen mehrfach mit der ernstlichen Absicht um, einen besondern Monarchen zu wählen, oder sich an Moskau anzuschliessen“. S. 51.

[1]) J. W. Bandtkie-Stężyński, Historya prawa Polskiego, napisana i wykładana przed rokiem 1830 w b. Warszawskim Aleksandryjskim Uniwersytecie (Warszawa, 1850), str. 257. Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitéj Polskiéj (Poznań, 1851), str. 1.

[2]) Русскій переводъ, подъ редакціей Н. И. Карѣева — М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши (I—II, С-Петербургъ, 1891); чешскій переводъ — M. Bobrzyński, Přehled Dějin Polských, podle třetiho rozmnoženého vydáni se svolenim spisovatelovým přeložil Jaroslav Bidlo (v Praze, sine anno).

[3]) „Tworzyły Rzpltą polską dwa państwa“, а именно — „Korona“ и „Litwa“ (t. II — Warszawa, 1881, drugie wydanie, — str. 363–370).

летвореннаго Люблинскою Уніею польскаго патріота о ней говорилъ: „много бы было лучше еще дольше обойтись безъ привилея, чѣмъ покупать его признаніемъ двухъ правительствъ въ одномъ государствѣ, т. е. постоянной и неизбѣжной анархіей“[1]).

Въ 1893 году Анатолій Левицкій повторилъ утвержденіе Бобржинскаго, что въ 1569 году Унія не была доведена до конца[2]). А въ 1914 году новѣйшій польскій историкъ уній Польши и Великаго Княжества Литовскаго, профессоръ Станиславъ Кутшеба установилъ, что „zasadniczo na stanowisku jedności obu państw stanęła jednak dopiero konstytucya 3 maja 1791 r.“[3]). Работа научнаго изслѣдованія, произведенная въ новѣйшее время, сдѣлала уже невозможнымъ отрицаніе федеративной природы соединенія государствъ Польши и Литвы, созданнаго Люблинскою Уніею, и опредѣленіе его строя чертами, которыя не могутъ имѣть мѣста въ государствѣ унитарномъ, вошло въ настоящее время и въ общіе труды по исторіи внутренней организаціи Речи Посполитой[4]).

Что касается русской исторической литературы, то необходимо признать, что она дала очень много разработкѣ исторіи

---

[1]) „Odrębny rząd na Litwie oznaczał bowiem odrębność polityczną Litwy, krępował na zawsze siły Rzpltej i tworzył zaród wiekuistej anarchii i rozterki .... Nie na to naród polski przez dwa wieki nad cywilizacyą wschodnich pustkowiów krwawym potem pracował, aby ostatecznie z krajów tych stworzyć gniazdo możnowładczej anarchii i buty. Unia rzeczywista była to dzieło dwóch stuleci niezmordowanej pracy, węzły łączące oba kraje tkwiły głębiej, jeden więcej przywilej ani ich nie osłabiał ani wiele nie wzmacniał. Lepiej więc było obejść się jeszcze bez przywileju, niżeli okupywać go uświęceniem dwoistości rządu w jednem państwie, j. t. trwałą i nieodzowną anarchią“. T. II, str. 93—94.

[2]) Anatol Lewicki, Nieco o Unii Litwy z Koroną (Kraków, 1893), str. 18—19.

[3]) Stanisław Kutrzeba, Unia Polski z Litwą (Kraków, 1914), str. 209.

[4]) Adam Szelągowski, Wzrost państwa Polskiego w XV i XVI w., Polska na przełomie wieków średnich i nowych (Lwów, 1904), str. 180; Wł. Grabieński, Dzieje narodu Polskiego (wydanie drugie — Kraków, 1906), str. 133 (русскій переводъ — Влад. Грабеньскій, Исторія польскаго народа, переводъ со второго изданія подъ ред. Н. В. Ястребова. С-Петербургъ, 1910; стр. 115); Stanisław Kutrzeba, Historya Ustroju Polski w zarysie, tom I: Korona, str. 137—139 (цитируемъ по пятому изданію — Lwów, 1920), tom II: Litwa, str. 144—146 (цитируемъ по второму изданію — Lwów i Warszawa, 1920).

Великаго Княжества Литовскаго. Но русскіе изслѣдователи, за очень немногими исключеніями, ограничили свои изученія лишь временемъ до Люблинской Уніи. И не только необходимость хронологической послѣдовательности исторической разработки и преемственности ея очередныхъ задачъ были причиною этого. Русскіе историки также находились подъ обаяніемъ старой польской традиціи, сливавшей Литву съ Польшею со времени ихъ соединенія въ 1569 году. Въ русской литературѣ много разъ отмѣчались отрицательные результаты Люблинской Уніи для обоихъ соединенныхъ ею государствъ[1]. Отмѣчались въ ней и доходившіе до рѣзкой вражды отношенія Великаго Княжества Литовскаго и Польши въ эпоху ихъ соединенія[2]. Нѣкоторый отголосокъ имѣли въ ней и новые взгляды Бобржинскаго и Левицкаго на Люблинскую Унію въ польской литературѣ[3], о которыхъ мы говорили выше. Но вплоть до послѣдняго времени въ русской литературѣ повторялось традиціонно-польское положеніе, такъ ярко выраженное еще Лелевелемъ, о горячемъ стремленіи литовской шляхты къ Уніи съ Польшею, ради своего уравненія въ правахъ со шляхтою Короны Польской, и о противодѣйствіи этой Уніи только со стороны литовской „аристократіи", охранявшей свои своекорыстные интересы. Отъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго, такимъ образомъ, отнималось ея національно-политическое сознаніе, которымъ въ дѣйствительности она обладала, какъ ясно и опредѣленно показываютъ уже давно извѣстные историческіе источники; а ея правовое положеніе, выработавшееся въ среднія десятилѣтія XVI вѣка и закрѣпленное за три года до Уніи Литовскимъ Статутомъ 1566 года, считалось какъ-бы не существовавшимъ, хотя актъ Уніи и ничего къ нему въ сущности не

---

[1]) См., напримѣръ, М. О. Кояловичъ, Люблинская Унія (С.-Петербургъ, 1863), стр. 83 и сл., или С. А. Бершадскій, Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской Уніи (С.-Петербургъ, 1883), стр. 313—314, или М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 848—849.

[2]) Напримѣръ, А. С. Трачевскій, Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ (Москва, 1869), или Н. И. Павлищевъ, Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украину (Сочиненія, т. I. С.-Петербургъ, 1878).

[3]) М. В. Довнаръ-Запольскій, Польско-Литовская Унія на сеймахъ до 1569 года (II томъ Трудовъ Славянской Коммиссіи при Моск. Археолог. Обществѣ и отдѣльно — Москва, 1897), стр. 23.

прибавилъ. Вплоть до послѣдняго времени высказывались, правда, хотя и нѣсколько смягченныя, традиціонныя представленія и о соединеніи Литвы съ Польшею въ 1569 году въ „парламентарной уніи", со „втѣленіемъ" Великаго Княжества Литовскаго въ „Корону Польскую", притомъ высказывались даже такимъ заслуженнымъ изслѣдователемъ и глубокимъ знатокомъ исторіи Литвы эпохи до Люблинской Уніи, какъ М. К. Любавскій[1]). Традиціонное толкованіе акта этой Уніи закрывало глаза и русскихъ историковъ на дѣйствительное и полное его содержаніе, а отсутствіе интереса ко времени соединенія Литвы съ Польшею, которое признавалось эпохою поглощенія первой второю, не позволяло вскрыть въ исторіи Великаго Княжества Литовскаго факты и явленія, обрисовывающіе въ историческомъ ходѣ его жизни сохраненіе имъ его самостоятельнаго государственнаго значенія.

---

[1]) М. К. Любавскій, Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно (изданіе 2-ое; Москва, 1915), стр. 4 и 312—313.

Глава VI.

Великое Княжество Литовское и Люблинская Унія въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута.

Отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Люблинской Уніи и къ произведенному въ 1569 году оторванію части его территоріи къ Польшѣ. Смерть Сигизмунда Августа и наступленіе перваго безкоролевья. Вопросъ о верховной власти для соединенной Речи Посполитой во время безкоролевья. Составъ правительства государства Литвы послѣ смерти Сигизмунда Августа. Настроеніе этого правительства и шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Требованія, предъявленныя Литвою на элекціонномъ сеймѣ 1573 года, и договоръ ея представителей съ уполномоченными Генриха Валуа. Договоръ тѣхъ же уполномоченныхъ съ представителями Волынскаго, Кіевскаго и Браславля Подольскаго воеводствъ. Великое Княжество Литовское и король Генрихъ. Дѣятельность Литовскаго правительства во время второго безкоролевья. Настроеніе въ Литвѣ послѣ отъѣзда короля Генриха во Францію. Стенжицкій съѣздъ. Избирательный сеймъ 1575 года. Андреевскій съѣздъ 1576 года. Литва и избраніе двухъ королей Речи Посполитой. Городенскій и Мстибоговскій съѣзды. Литовскія посольства къ Стефану Баторію и къ Польшѣ. Условія, предъявленныя Стефану Баторію Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Листъ, выданный ему королемъ Стефаномъ 29 іюня 1576 года, и толкованіе имъ договора Люблинской Уніи. Идея государственности Великаго Княжества Литовскаго при признаніи имъ короля Стефана своимъ монархомъ и ея развитіе въ годы его царствованія. Торунскій сеймъ 1576 года. Волковыйскій съѣздъ 1577 года. Московская война. Главный Литовскій Трибуналъ. Развитіе государственнаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго въ царствованіе короля Стефана. Отношеніе къ договору Люблинской Уніи и къ отторженію въ 1569 году къ Польшѣ части государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго, установившееся въ послѣднемъ въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута и существовавшее наканунѣ его утвержденія.

Мы видѣли выше, что заключеніе Люблинской Уніи не сопровождалось созданіемъ такого настроенія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, которое приводило бы его къ большему внутреннему сближенію съ Польшею. Чувства радости въ Литвѣ не было. Разочарованія же и разрушенныхъ надеждъ и ожиданій оказалось много. Нарушеніе Сигизмундомъ Августомъ длиннаго ряда выданныхъ имъ Литвѣ привилеевъ. Преж-

нія опасности отъ Москвы и неувѣренность въ обезпеченности польской помощи, въ которой едва не было отказано даже на самомъ сеймѣ Уніи 1569 года. Въ договорѣ этой Уніи далеко не все совпадало съ тѣмъ, какъ представлялось въ Литвѣ желательное для нея федеративное соединеніе съ Польскою Короною. Пусть договоръ Люблинской Уніи уже былъ построенъ не на основѣ единства Regni Poloniae, а на основѣ созданія Communis Rei Publicae Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae, но онъ все-таки не могъ удовлетворить и радныхъ пановъ, и шляхту Великаго Княжества Литовскаго, ибо сильно отличался отъ выработаннаго ими и представленнаго въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ проекта Уніи. Понимая свои и Польши отношенія какъ договорныя, Литва не только строго охраняетъ права своего государства, Люблинскимъ договоромъ гарантированныя, но стремится къ исправленію его въ направленіи проекта Уніи, привезеннаго въ Люблинъ Литовскимъ сеймомъ въ 1569 году. Однако, прежде всего Великому Княжеству Литовскому нужно было вернуть себѣ четыре воеводства, отторгнутыя отъ него къ Польшѣ. Возстановленіе цѣлости государственной территоріи было необходимо для возстановленія прежнихъ средствъ скарба Великаго Княжества Литовскаго и прежнихъ силъ обороны его государства, отъ которыхъ оказались оторванными шляхетскіе полки цѣлыхъ четырехъ воеводствъ. И это было сдѣлано во время Московской войны. Землевладѣніе радныхъ пановъ и шляхты, а также церковныхъ учрежденій Великаго Княжества Литовскаго, разбросанное по разнымъ его воеводствамъ и повѣтамъ, до Люблинской Уніи находившееся въ границахъ одного государства, послѣ нея очутилось уже сплошь и рядомъ на территоріи двухъ государствъ, т. е. и въ Литвѣ, и въ Польшѣ. Обыватель, владѣвшій имѣніями въ Виленскомъ и Подляшскомъ, или въ Троцкомъ и Волынскомъ воеводствахъ, оказывался по однимъ своимъ имѣніямъ обывателемъ Великаго Княжества Литовскаго, а по другимъ Польской Короны. Не поляки послѣ Люблинской Уніи стали полноправными обывателями Великаго Княжества Литовскаго, а часть обывателей послѣдняго, т. е. владѣвшіе имѣніями одновременно въ его предѣлахъ и въ воеводствахъ, отошедшихъ отъ него въ 1569 году къ Польшѣ, сдѣлалась и ея „обывателями". Но это вносило значительныя осложненія въ дѣятельность урядовъ обоихъ соединившихся въ Уніи государствъ

и открывало пути для уклоненій отъ подчиненія суду и администраціи того или другого изъ нихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Кромѣ того, возвращеніе Подляшья, Волыни, Кіевщины и Подолья Великому Княжеству Литовскому было нужно и для его государственнаго достоинства, и для равенства силъ его государства съ силами государства Польши въ ихъ договорномъ соединеніи. Въ равенствѣ силъ было обезпеченіе правъ Литвы отъ возможныхъ покушеній на нихъ со стороны Польши. Въ Литвѣ не могли не помнить, что послѣ отторженія отъ нея ея земель на Люблинскомъ сеймѣ она была, противъ воли ея сейма и съ нарушеніемъ ея привилеевъ и правъ, принуждена къ заключенію договора Уніи. Дѣйствительное равенство силъ съ Польшею легко и просто откроетъ и путь для пересмотра этого договора, возможность котораго была предусмотрѣна даже деклараціей Сигизмунда Августа отъ 29 іюля 1569 года[1]).

Настроеніе шляхетскаго „народа“ Великаго Княжества Литовскаго и ревнивая охрана имъ значенія своего государства послѣ Уніи ярко иллюстрируются выступленіями шляхты на повѣтовыхъ сеймикахъ передъ „спольнымъ“ сеймомъ 1572 года[2]). Сеймовые листы и инструкціи господарскимъ посламъ на сеймики передъ этимъ сеймомъ[3]) оказались безъ государственной печати Великаго Княжества Литовскаго, а инструкціи господарскимъ посламъ сверхъ того и не были подписаны рукою Литовскаго канцлера или подканцлера, т. е. государственнаго „печатаря“ Литвы[4]). Литовская государственная печать на документахъ была замѣнена печатью „сыкгнетовою“, перстневою Сигизмунда Августа. Литовскіе сенаторы донесли королю, что шляхта отказывается сеймиковать и требуетъ присылки новыхъ сеймовыхъ листовъ и инструкцій, утвержденныхъ государственною печатью Великаго Княжества Литовскаго и имѣющихъ подпись его канцлера или подканцлера. Сигизмундъ Августъ, въ своей перепискѣ съ панами-радою Литвы, оправдывалъ эти нарушенія обычнаго порядка въ выдачѣ сеймико-

---

1) См. выше, стр. 285—286.

2) Подробнѣе объ этомъ — И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 86—90.

3) О документахъ, составлявшихся въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго для предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ, см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 309—430.

4) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, т. I., стр. 87—90.

выхъ документовъ отсутствіемъ въ данное время при его дворѣ кого-либо изъ Литовскихъ „печатарей“ и прецедентами пользованія перстневою печатью имъ самимъ и его отцомъ Сигизмундомъ Старымъ, когда „печатари“ при нихъ не находились, а дѣло бывало спѣшнымъ. Въ виду того, что шляхта Литвы увидѣла въ данномъ случаѣ уменьшеніе значенія компетенціи Литовскихъ канцлера и подканцлера, неприкосновенность которой была гарантирована договоромъ Уніи 1569 года, и покушеніе на государственныя права Великаго Княжества Литовскаго, Сигизмундъ Августъ предложилъ ей поднять объ этомъ вопросъ черезъ ея повѣтовыхъ пословъ на предстоящемъ сеймѣ.

Что касается требованія Великимъ Княжествомъ Литовскимъ возстановленія его прежней государственной территоріи, уменьшенной въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, то оно, видимо, было настолько рѣшительнымъ и энергичнымъ, что даже Сигизмундъ Августъ призналъ необходимымъ пойти ему на встрѣчу. Конечно, Польша не считала возможнымъ возвращеніе Литвѣ оторванныхъ отъ нея воеводствъ Подляшскаго, Волынскаго, Кіевскаго и Подольскаго. И Сигизмундъ Августъ сталъ искать выхода изъ создавшагося положенія своимъ настоятельнымъ предложеніемъ сейму 1572 года вознаградить Великое Княжество Литовское за отобранныя земли Мазовіей, которая должна будетъ выдти изъ состава Польской Короны и сдѣлаться частью государственной территоріи Литвы. Это желаніе послѣдняго Гедиминовича-Ягайловича было настолько сильно, что отказъ поляковъ его исполнить ускорилъ его смерть, согласно дошедшему до насъ извѣстію[1]).

7 іюля 1572 года въ Кнышинѣ скончался Сигизмундъ Августъ, и „спольная“ Речь Посполитая вступила въ первое безкоролевье. Вступала она въ него совершенно неподготовленною, безъ принятыхъ государствами федераціи постановленій объ организаціи органовъ верховной власти, которые временно замѣнятъ общаго монарха, даже безъ установленія способовъ подготовки его избранія и самой „элекціи“. Сигизмундъ Августъ ясно предвидѣлъ всю опасность такого положенія для

---

[1]) См. выше, стр. 304. Ср. T. Narbutt, Dzieje Narodu Litewskiego, t. IX, str. 462—463 и Seweryn Gołębiowski, Czasy Żygmunta Augusta, część I (Wilno, 1851), str. 138—139.

созданной Люблинскою Уніею федеративнаго соединенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго и еще 12 августа 1569 года, при закрытіи Люблинскаго сейма, указывалъ на возможность гибели дѣла Уніи, если не будетъ до наступленія его смерти выработанъ установленный „спольнымъ“ сеймомъ способъ избранія новаго монарха[1]). Но ни этотъ способъ избранія, ни законы объ организаціи временной верховной власти для федераціи не были постановлены еще при жизни Сигизмунда Августа. Съ его смертью „спольной“ Речи Посполитой необходимо было беззамедлительно разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, имѣвшихъ громадное значеніе и для жизни составлявшихъ ее государствъ въ дни и мѣсяцы, наступившіе послѣ смерти ея перваго монарха, и для выработки ихъ отношеній вообще, т. е. для закрѣпленія той или другой формы федеративнаго ихъ соединенія, которая, какъ мы это видѣли, договоромъ Люблинской Уніи была предоставлена ихъ дальнѣйшей жизни.

Кто же возьметъ на себя, съ наступленіемъ безкоролевья, власть созыва „спольныхъ“ сеймовъ федераціи и какіе формальные акты могутъ дать ей общее признаніе государствъ федераціи? Какъ будетъ поддерживаться внутренняя безопасность и чьимъ „маестатомъ“ будутъ отправлять свои функціи судъ и администрація? Какъ будетъ охраняться внѣшняя безопасность? Кто замѣнитъ монарха въ значеніи главы верховной власти „спольной“ Речи Посполитой? Сохранится ли единство этого главы въ Польшѣ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ? Возможны ли будутъ частые и длительные, не говоря уже о постоянныхъ, „спольные“ сеймы для быстраго разрѣшенія текущихъ дѣлъ федераціи, изъ которыхъ многія, являясь спѣшными, въ то же время имѣли и выдающееся, а иногда и чрезвычайное значеніе для всей соединенной Речи Посполитой или для того или другого изъ ея государствъ? Возможны ли были

---

[1]) Отвѣчая на благодарственную рѣчь посольскаго маршалка Чарнковскаго, Сигизмундъ Августъ, между прочимъ, сказалъ: „Naprzod, iako to iest rzecz dobra y sławna ziednoczenie tych panstw, tak to potrzeba obmisliawacz, abi to długo trwało. Thocz iest mądrego człeka rzecz, nie telko począncz, nie telko uczinicz, alie, abi tez to długo trwało, obmislicz. Trwacz ta sprawa długo nie może, ieslize waszmosczie nie naidzieczie obiczaiu obierania nowego krola tempore interregni, bo tha sprawa pewnie tho rozerwie, — thi ziednoczenia. Ukazowacz tego teraz nie chocze, bo tho czas sam prziniessie“. Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 633.

постоянныя общія рады „спольнаго“ сената, т. е. превращеніе его во временное правительство соединенной Речи Посполитой? На послѣдніе два вопроса отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Еслибы договоръ Люблинской Уніи дѣйствительно осуществилъ идею „экзекуціи“ старыхъ актовъ, какъ къ тому стремились польскіе экзекуціонисты, этихъ вопросовъ бы не возникало, ибо тогда Великое Княжество Литовское, переставъ существовать какъ государство, слилось бы съ Польскою Короною въ единое государственное цѣлое, и та верховная власть, которая бы была создана на время безкоролевья въ Польшѣ, стояла бы и надъ нимъ, какъ надъ частью послѣдней. Но договоръ Уніи сохранилъ государство Литвы и оставилъ ей и ея правительство, и ея привилеи, и все прежнее значеніе ея становъ. При такомъ положеніи дѣла неизбѣжно получалось, что 1) Литва и Польша въ наступившее безкоролевье будутъ порознь обезпечивать свою безопасность, 2) будутъ порознь вести свои внутреннія дѣла, 3) будутъ имѣть отдѣльныя рады своихъ сенатовъ и 4) будутъ созывать отдѣльные съѣзды сената и шляхты въ каждомъ изъ государствъ федераціи. Фактически не могло быть иначе, ибо договоръ Уніи 1569 года не столько организовывалъ „спольную“ Речь Посполитую въ опредѣленныхъ законахъ ея, сколько сдѣлалъ своего рода декларацію соединенія двухъ государствъ и сдѣлалъ притомъ это такъ, что въ ней идея унитарности государства, провозглашенная въ однѣхъ статьяхъ договора, разрушалась идеею федеративности, утвержденною въ другихъ. Возможно думать, что два „спольныхъ“ сейма, собравшихся послѣ Уніи еще при жизни Сигизмунда Августа, не занимались вопросами неизбѣжнаго и близкаго уже безкоролевья именно потому, что, во-первыхъ, польская шляхта продолжала стоять на своемъ пониманіи Уніи, хотя оно не было утверждено ея договоромъ 1569 года, а во-вторыхъ, существовало опасеніе, что обсужденіе ихъ приведетъ къ новымъ раздорамъ между Литвою и Польшею и въ концѣ концовъ закончится полнымъ торжествомъ идеи Уніи, за которую такъ долго и такъ упорно боролась первая.

Когда открылось первое безкоролевье, правительство Великаго Княжества Литовскаго взяло цѣликомъ въ свои руки и сношенія съ Польшею по дѣламъ Польско-Литовской федераціи, и всѣ дѣла своего государства. Задачи, стоявшія тогда передъ Литвою и Польшею, далеко не всѣ были общими. Мо-

сковская война не представляла собою прямой опасности для Польской Короны. Но для Литвы она была главнымъ дѣломъ. Если Великое Княжество Литовское будетъ завоевано Москвою, -- и выборы новаго короля, монарха „спольной“ Речи Посполитой, и всѣ вопросы ея организацiи потеряютъ для него всякое значенiе, перестанутъ существовать вовсе. Польша не отдаетъ большого вниманiя этимъ опасностямъ Литвы, для послѣдней же они стоятъ на первомъ мѣстѣ. Совершенно ясно, что правительство Великаго Княжества Литовскаго должно было сосредоточить свое главное вниманiе на его отношенiяхъ къ Московскому государству во время наступившаго безкоролевья. Необходимо было организовывать оборону отъ него и добывать на нее средства. Необходимы были и дипломатическiя сношенiя съ Москвою, и эти сношенiя прiобрѣтаютъ характеръ сношенiй только государства Литвы, а не „спольной“ Речи Посполитой. Монарха въ ней, какъ общаго главы правительствъ Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго, уже не было. О томъ, кто долженъ быть его замѣстителемъ въ качествѣ interrex'а, велся споръ между Великою и Малою Польшами, изъ которыхъ первая выдвигала права примаса, архiепископа Гнѣзненскаго Якова Уханскаго, а вторая Краковскаго воеводы и великаго Короннаго маршалка Яна Фирлея. Какой-либо постоянной коммиссiи соединеннаго Польско-Литовскаго сената въ значенiи органа, стоящаго во главѣ всей „спольной“ Речи Посполитой, создано не было. При такомъ положенiи правительству Великаго Княжества Литовскаго не оставалось ничего другого, какъ вести всѣ его дѣла, со включенiемъ дипломатическихъ сношенiй съ иностранными государствами, самостоятельно, только въ той или иной степени освѣдомляя и сенаторовъ Польши о томъ, въ чемъ это освѣдомленiе будетъ имъ признано нужнымъ или желательнымъ.

Кто же входилъ въ составъ правительства Великаго Княжества Литовскаго во время перваго безкоролевья? — Литовскiе паны-рада и министры. Мѣстомъ занятiй этого правительства, конечно, было „столечное мѣсто“ государства, т. е. Вильна. Но временами правительство Великаго Княжества Литовскаго должно было выѣзжать и въ другiе города, когда это требовалось и когда съѣзды радныхъ пановъ назначались не въ Вильнѣ, а въ другомъ мѣстѣ. Совершенно естественно, что постоянными участниками въ дѣятельности Литовскаго

правительства являлись сенаторы Виленскаго воеводства, а именно Виленскіе епископъ, воевода и каштелянъ. Къ нимъ присоединялись сенаторы воеводства Троцкаго, ибо Троки находились очень близко отъ Вильны, и частыя поѣздки въ нее Троцкихъ воеводы и каштеляна не были затруднительны для этихъ сенаторовъ. Входили, конечно, въ число постоянныхъ участниковъ въ работѣ правительства государства Литвы и его министры. Какія же лица занимали въ годы перваго безкоролевья эти высшіе уряды Великаго Княжества Литовскаго?

Виленскимъ епископомъ былъ Валеріянъ Протасовичъ Сушковскій, Виленскимъ воеводою — Николай Юрьевичъ Радивилъ, Виленскимъ каштеляномъ — Григорій Александровичъ Ходкевичъ, умершій въ первыхъ мѣсяцахъ безкоролевья, въ ноябрѣ 1572 года. Урядъ Троцкаго воеводы занималъ князь Стефанъ Андреевичъ Збаражскій, урядъ Троцкаго каштеляна — Евстафій Богдановичъ Воловичъ, земскимъ маршалкомъ былъ Жомойтскій староста Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, канцлеромъ — Виленскій воевода Н. Ю. Радивилъ, подканцлеромъ — Е. Б. Воловичъ, земскимъ подскарбіемъ — Николай Павловичъ Нарушевичъ, дворнымъ маршалкомъ — Николай Криштофъ Радивилъ. Урядъ великаго гетмана занималъ Виленскій каштелянъ Г. А. Ходкевичъ, а послѣ его смерти этотъ урядъ „ваковалъ" вплоть до 1576 года.

Виленскій епископъ, воеводы и каштеляны Виленскіе и Троцкіе и староста Жомойтскій именовались „панами-радами старшими" Великаго Княжества Литовскаго. Они были высшими членами сената государства Литвы и представляли собою его основное ядро. Поэтому совершенно естественнымъ было, что именно эти шесть наиболѣе авторитетныхъ радныхъ пановъ и во время наступившаго безкоролевья взяли въ свои руки веденіе государственныхъ дѣлъ Великаго Княжества Литовскаго въ значеніи его правительства. Но если мы присмотримся къ личному составу этихъ „пановъ-радъ старшихъ" государства Литвы, то принуждены будемъ признать, что они должны были дѣлать все, отъ нихъ зависящее, не только для охраны, но и для закрѣпленія и расширенія государственныхъ правъ Великаго Княжества Литовскаго въ его „спольной" съ Короною Польскою Речи Посполитой. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что центральными фигурами въ личномъ составѣ пановъ-рады государства Литвы въ ту пору явля-

лись Николай Юрьевичъ Радивилъ, Янъ Ходкевичъ и Евстафій Воловичъ. Это центральное мѣсто принадлежало имъ не только по значенію урядовъ, которые они занимали, но и по ихъ личному авторитету и вліянію.

Родной братъ великой княгини Литовской и королевы Польши Варвары и двоюродный братъ Николая Чернаго Радивила, Николай Юрьевичъ Радивилъ былъ преданъ государству Великаго Княжества Литовскаго всѣмъ своимъ существомъ. Онъ не былъ способенъ ни на какія уступки программѣ Уніи польскихъ экзекуціонистовъ и всѣми своими силами охранялъ отъ ея осуществленія государство своей родины. Когда, послѣ отъѣзда сейма Литвы изъ Люблина въ исходѣ февраля 1569 года, Сигизмундъ Августъ нарушилъ выданный имъ Великому Княжеству Литовскому Воиньскій привилей 21 декабря 1568 года, на которомъ была и его подпись какъ канцлера, и оторвалъ отъ государства Литвы къ Польшѣ Подляшье и Волынь, Николай Радивилъ пересталъ принимать участіе въ веденіи дѣла Уніи. Когда Литовскій сеймъ вновь вернулся въ Люблинъ для окончанія его, Радивилъ отказался принять въ немъ участіе. Его подписи нѣтъ на договорѣ Уніи, утвержденномъ 1 іюля 1569 года. Нѣтъ даже на немъ подписи его уполномоченнаго, подобно тому, какъ дана была такая подпись епископомъ Валеріаномъ Протасовичемъ „przez umocowanego swego“[1]). Въ наступившее безкоролевье Николай Юрьевичъ Радивилъ, конечно, стремился къ тому, чтобы весь ущербъ, причиненный государству Великаго Княжества Литовскаго на Люблинскомъ сеймѣ Уніи, былъ возстановленъ. Къ тому же, конечно, стремились и Янъ Ходкевичъ, и Евстафій Воловичъ. Первый изъ нихъ на Люблинскомъ сеймѣ велъ за собою весь Литовскій сеймъ въ борьбѣ за спасеніе государства Литвы отъ поглощенія его Польскою Короною[2]). Рядомъ съ нимъ стоялъ въ этой борьбѣ и Евстафій Воловичъ, котораго маршалокъ посольской избы сейма Польши Чарнковскій объявлялъ въ мартѣ

---

[1]) Akta Unji Polski z Litwą, str. 355.

[2]) Художественно написанную характеристику Яна Ходкевича далъ А. С. Трачевскій на стр. 111 и сл. своего труда Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ (Москва, 1869). Эту характеристику дословно воспроизвелъ И. А. Чистовичъ въ своемъ Очеркѣ исторіи Западно-Русской церкви (часть I, С.-Петербургъ, 1882. Стр. 70—71).

1569 года даже главнымъ виновникомъ расторженія Уніи съ отъѣздомъ литовцевъ изъ Люблина[1]). Къ голосу этихъ трехъ авторитетныхъ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго должны были особенно внимательно прислушиваться остальные члены его правительства, т. е. уже замѣтно старѣвшій Виленскій епископъ Валеріанъ[2]) и остальные сенаторы, а за ними и всѣ урядники земскіе и дворные государства Литвы и его шляхетскія массы.

Общее отношеніе Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ и къ Люблинской Уніи очень отчетливо выражено въ написанномъ однимъ изъ „обывателей" его трактатѣ времени перваго безкоролевья — „Zdanie o obieraniu nowego króla"[3]). О томъ, что дала Литвѣ Люблинская Унія, въ этомъ трактатѣ говорится такъ: „Co sie tyczy uniej, tę obaczaj, kędy chcesz tylko: jeden płacze, a drugi też nie baczy, aby sie miał z czego weselić, bo jeśli młodszy dziś zginie, jutro sie starszy tegoż spodziewaj etc. Za którą unią naród litewski nie wiem, by sie z pokojem wyspał, bo co czas, nieprzyjaciel zamki ku Wilnu buduje bliżej etc. A nie żadniechmy sie z tą unią popisali, i jeszcze inkaust na przywilejach na unią uczyniony nie osechł, zarazemeśmy posłali posły do nieprzyjaciela prosić o pokój, jakoby mu ukazując, iż „chociażmy sie złączyli dla potężniejszej obrony przeciw tobie, przecię nie wiemy, skąd ją począć, i nie mamy kim i czym z tobą walczyć". Albo też nie dbamy o więcej, kiedy mamy bez pozwu i roku Wołyn, Podlasze i Kijów od Litwy ku Koronie, mając sędziego sobie kwoli. Czyścieśmy tę unią ad effectum, jakoby miało być, przywiedli! Boże daj, aby sie w lepsze obróciła, co podobno być nie może, aby sie w dobre obrócić miała....."[4]). Надежды на избавленіе съ помощью Польши отъ Московской войны, ради котораго Великое Княжество Литовское только и шло на Унію въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, представлялись „обывателямъ" государства Литвы обманутыми, и авторъ трактата съ переходящею въ сарказмъ ироніею говоритъ о

---

1) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 173.

2) Уже въ 1575 году въ помощь ему по управленію Виленскимъ епископствомъ былъ назначенъ въ качествѣ его коадъютора Юрій Радивилъ, сынъ Николая Чернаго.

3) Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia, wydał Jan Czubek (Kraków, 1906), str. 349 nn.

4) Ibidem, str. 353.

нихъ. Оторванiе къ Польшѣ части территорiи Великаго Княжества Литовскаго, какъ несправедливое и безсудное, вызываетъ у обывателей его величайшее раздраженiе. Вѣры въ какiя-либо выгоды отъ Люблинской Унiи нѣтъ. Наоборотъ, господствуетъ убѣжденiе въ ея отрицательномъ значенiи для Великаго Княжества Литовскаго. Но это не значитъ, чтобы Унiя съ Польшею вообще признавалась совершенно ненужною. Она остается желательною, но лишь при условiи возвращенiя государству Литвы всего, что было отнято отъ него въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, и признанiя равенства обоихъ, соединенныхъ Унiею, государствъ въ ихъ „спольной" Речи Посполитой, т. е. при полномъ осуществленiи того пониманiя Унiи, которое Великое Княжество Литовское выдвигало во все время переговоровъ о ней въ серединѣ XVI столѣтiя[1]).

Отношенiе къ дѣянiямъ Люблинскаго сейма Унiи было безусловно отрицательнымъ у всего „народа" Великаго Княжества Литовскаго, т. е. и у его радныхъ пановъ и должностныхъ лицъ, и у всей шляхетской массы. Весь этотъ „народъ" глубоко проникся твердо установившимся ко времени Люблинскаго сейма 1569 года въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ пониманiемъ желательнаго и допустимаго характера отношенiй его государства и Польской Короны въ ихъ „спольной" Речи Посполитой. Съ этимъ пониманiемъ Унiи и ведетъ дѣла Великаго Княжества Литовскаго его правительство послѣ смерти Сигизмунда Августа, находясь въ единенiи съ его шляхетскимъ „народомъ", и вмѣстѣ съ нимъ добиваясь возстановленiя цѣлости территорiи государства Литвы, нарушенной въ 1569 году оторванiемъ къ Польшѣ четырехъ воеводствъ.

Составъ пановъ-рады, дѣйствовавшихъ въ Вильнѣ въ значенiи правительства Великаго Княжества Литовскаго во время наступившаго безкоролевья, конечно, расширялся участiемъ въ ихъ обсужденiяхъ дѣлъ и ихъ рѣшенiяхъ тѣхъ сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго, которые прiѣзжали въ столицу

---

[1]) Авторъ трактата пишетъ: „Przeto, jeśliśmy są prawdziwi synowie matki swej, R. P., starajmy sie o to zobopólnie, abyśmy [sie] sercy naszemi, nie pargaminą, złączyli, a wrócić to nam, z czym my chcemy i ze wszytkimi być z Koroną, nie załując gardł swych wystawiać przeciw nieprzyjacielowi R. P. swej spólnej, aby potomkowie naszy mieszkali w tym, co im zostawiemy z dobrego zebrania naszego". Ibidem, str. 353. Объ авторѣ этого трактата см. выше, стр. 75—76.

по своимъ дѣламъ и надобностямъ. Но въ случаяхъ нужды это правительство созывало и съѣзды всѣхъ радныхъ пановъ своего государства, и съѣзды ихъ и представителей шляхты повѣтовъ. Иными словами, въ наступившее безкоролевье правительство Великаго Княжества Литовскаго созывало и „соймы" пановъ-рады, и „соймы вальные" своего государства, какъ они собирались до Люблинской Уніи. Конечно, въ нормальныхъ условіяхъ старой государственной жизни Литвы до 1569 года, эти „соймы" и созывались великимъ княземъ Литовскимъ, и онъ лично присутствовалъ на нихъ. Но, во-первыхъ, во время безкоролевья монарха уже не было, а во-вторыхъ, и старые „соймы" Великаго Княжества Литовскаго иногда собирались и дѣйствовали и безъ присутствія на нихъ монарха, если онъ находился въ данное время внѣ его предѣловъ[1]). Рада Великаго Княжества Литовскаго дѣйствовала во время наступившаго безкоролевья на основаніи старыхъ земскихъ привилеевъ, опредѣлявшихъ ея права и компетенцію. Эти привилеи сохранили свою силу и по договору Люблинской Уніи. Но кромѣ нихъ рада, какъ правительство государства Литвы, руководилась въ своей практикѣ и данными своего опыта, и прецедентами. Эти прецеденты ея дѣятельности безъ великаго князя копились въ мѣсяцы пребываній его въ Польшѣ, когда онъ бывалъ одновременно и королемъ послѣдней. Не могъ не вспоминаться и прецедентъ управленія пановъ-рады въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ 1440 году, послѣ убійства Сигизмунда Кейстутьевича, когда рѣшался вопросъ о возведеніи Казимира Ягайловича на престолъ государства Литвы. Сама жизнь закрѣпляла необходимость особаго правительства Великаго Княжества Литовскаго послѣ Люблинской Уніи. То, что оно сохранило старыя права своей рады и старую компетенцію своихъ урядовъ по договору Люблинской Уніи, получало теперь свое ясное и общепонятное значеніе. Настоятельная необходимость особаго правительства закрѣплялась въ сознаніи шляхетскаго „народа" Великаго Княжества Литовскаго. Польская тенденція Уніи получала дальнѣйшее разрушеніе. Требованія договора Уніи, за-

---

[1]) Это случалось въ тѣ годы, когда великіе князья Литовскіе одновременно занимали и королевскій престолъ Польши, по надобностямъ которой находились въ ней какъ разъ въ то время, когда собирался сеймъ Великаго Княжества Литовскаго.

прещавшія отдѣльные съѣзды и рады въ государствахъ „спольной“ Речи Посполитой, оказались фактически неосуществимыми и для Литвы, и для составныхъ частей Польской Короны. Договоръ Уніи давалъ бреши. И Великое Княжество Литовское могло быть этимъ только довольно, ибо эти бреши открывали пути для осуществленія того характера Уніи, котораго оно добивалось и до Люблинскаго сейма 1569 года, и во время переговоровъ на немъ.

Итакъ, во время перваго безкоролевья рада Великаго Княжества Литовскаго функціонировала въ значеніи его правительства. Но, если его сенаторы съѣзжались для обсужденія дѣлъ „спольной“ Речи Посполитой съ сенаторами Польши, то, разумѣется, на этихъ съѣздахъ могли вырабатываться и общія рѣшенія и постановленія, которыя затѣмъ приводились въ исполненіе и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[1]). Мы не будемъ останавливаться

---

[1]) Примѣромъ приведенія въ исполненіе такого постановленія можетъ служить слѣдующій листъ Литовскаго подскарбія — „Миколай Нарушевичъ, подскарбий земский и писаръ Великого Князства Литовского, державца Марковский, Ушполский и Пенянский.

Мытникомъ господарскимъ у Великомъ Князстве Лит[о]вскомъ, Енасу а Менделю Изаковичомъ, Герцыку Саломоновичу и Лазару Абрамовичу, жидомъ.

Ижъ ихъ милость панове-рады Корунные и Великого Князства Литовского, которые въ тыхъ теперешнихъ часехъ для потребъ земскихъ до Кнышина зъеждчали, писать рачили до мене, абыхъ я на отправу Пернавскую зъ аренды мытъ Великого Князства Литовского, ново на пришлые лета постановленое, отъ васъ указалъ ясне велможному пану его милости, пану Яну Ходкевичу, старосте Жомойтскому, маршалку земскому Великого Князства Литовского, администратору и гетману земли Инфлянтское, старосте Ковенскому, Плотелскому и Телшовскому, чотыры тисечи копъ гр[о]шей личбы литовское, то естъ две тисечи копъ готовыми гр[о]ш[ми], а другую две тисечи копъ ѳантами. А такъ я приказую, абы есте съ тое аренды мытное ново постановленое на тую отправу Пернавскую дали до его милости пана старосты Жомойтского две тисечи копъ грошей грошми готовыми, а за другую две тисечи копъ ѳантовъ, яковыхъ его милость отъ васъ потребовати рачить, и тые пенези, такъ же и ѳанты, жебы есте кромя всякого омешканя и проволоки до его милости отдали. А то отъ васъ за симъ листомъ моимъ при квитехъ его милости пана старосты Жомойтского въ скарбе господарскомъ при личбе принято будеть. Писанъ у Вилни, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1572, месеца сентебра 7 дня. Миколай Нарушевичъ“. Подъ текстомъ документа притиснута печать. Хранился этотъ документъ въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки — Б., шк. 1, п. 2, м. 42, въ сборникѣ листовъ, по нумераціи сборника л. 48.

подробно на дѣятельности Литовской рады во время безкоролевья, ибо изученіемъ ея занимались въ другомъ нашемъ трудѣ[1]). Но мы должны отмѣтить, что эта дѣятельность была направлена не только на разрѣшеніе текущихъ дѣлъ Великаго Княжества Литовскаго, но и на возстановленіе утраченнаго имъ на Люблинскомъ сеймѣ и на реализацію всего за три года до наступленія перваго безкоролевья заключенной Уніи въ томъ направленіи, которое намѣчалось ея проектомъ, представленнымъ Литовскимъ сеймомъ въ 1569 году въ Люблинѣ.

На элекціонномъ сеймѣ, 19 апрѣля 1573 года Великое Княжество Литовское предъявило слѣдующія требованія къ Польской Коронѣ: 1) возвратить ему Кіевъ, Подляшье, Волынь и Браславское воеводство, 2) допустить въ „спольный" сенатъ литовскихъ князей, 3) дать согласіе на введеніе въ него литовскихъ повѣтовыхъ маршалковъ[2]), 4) установить, что „спольные" сеймы должны собираться въ Литвѣ и Польщѣ поочередно. Въ то же время Виленскій воевода Николай Радивилъ и Янъ Ходкевичъ, именемъ Великаго Княжества Литовскаго, вели переговоры съ послами Генриха Валуа, проводившими тогда въ Варшавѣ его кандидатуру на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой. 26 апрѣля 1573 года въ Варшавѣ представители Французскаго короля Карла IX выдали „декларацію", въ которой отъ имени вступающаго на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой Генриха Анжуйскаго приняли слѣдующія обязательства[3]).

Первое изъ нихъ говоритъ о сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи Генрихомъ правъ и привилеевъ Великаго Княжества

---

1) См. И. И. Лаппо, Вел. Княжество Литовское, т. I, стр. 720—736.

2) Литовскіе повѣтовые маршалки, соотвѣтствовавшіе по своему высокому значенію „меньшимъ" каштелянамъ Польши, съ введеніемъ ихъ въ составъ сената соединенной Речи Посполитой, увеличили бы въ немъ число сенаторовъ Литвы. Забота объ его увеличеніи была совершенно естественною въ цѣляхъ предоставленія Великому Княжеству Литовскому большаго состава его представительства въ соединенномъ сенатѣ. Еще на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году станы Литовскіе просили Сигизмунда Августа объ учрежденіи въ Городнѣ и Ковнѣ воеводъ и каштеляновъ, конечно, съ тою же цѣлью увеличенія числа сенаторовъ Литвы. Р. Ист. Б., XXX, ст. 527 (16).

3) Marquis de Noailles, Henri de Valois et la Pologne en 1572, tome troisième (Paris, 1867), p.p. 399—402. Документъ начинается такъ: „Serenissimi ac Potentissimi principis et Domini D. Caroli noni, Dei gratia regis

Литовскаго и о возвращеніи ему земель, захваченныхъ Москвою, при чемъ въ этихъ земляхъ должна быть возстановлена дѣятельность должностныхъ лицъ государства Литвы и землевладѣніе ихъ прежнихъ обывателей[1]). Во второмъ обязательствѣ гарантируется возвращеніе Великому Княжеству Литовскому воеводствъ Волынскаго, Кіевскаго и Браславля Подольскаго. Что же касается Подляшья, то оно должно быть дружески раздѣлено между Литвсю и Польшею[2]). Далѣе слѣдуютъ другія обязательства Генриха, изъ которыхъ особенно отмѣтимъ установленіе созыва „спольныхъ" сеймовъ въ предѣлахъ не только Польши, но и Великаго Княжества Литовскаго, предоставленіе всѣхъ должностей только его „родичамъ", сохраненіе за князьями Литвы всего ихъ прежняго значенія и признаніе Лифлянтъ принадлежащими одному Великому Княжеству Литовскому безъ участія въ ихъ управленіи поляковъ[3]). Черезъ четыре дня послѣ выдачи этой декларацiи, т. е. 30 апрѣля 1573 года, тѣ же представители короля Карла IX, епис-

---

Galliarum Christianissimi, deputati Oratores, nos Joannes Monlucius, episcopus et comes Valentinus, et Guido de sancto Gelasio significamus, ac notum testatumque esse volumus praesentibus nostris litteris quorum interest universis".

[1]) „Primo: Serenissimus dux Andegavensis, ad solium regium evectus, jura, privilegia, libertates, immunitates, dignitates et eminentias M. D. Lithuaniae, gentesque íllaesas conservare et amplificare, nec non a Moschis ablata, post recuperationem illorum, M. D. Lithuaniae restituere tenebitur. Ita ut hae recuperatae provinciae sint sub regimine officialium M. D. Lithuaniae, patronimia quoque singulorum a Moscho possessa, quorum familiae adhuc forte extant, ipsorum haeredibus, quorum haec antea fuerant, in integrum restituentur".

[2]) „Secundo: Volhynia, Kijovia, Bratislavia pleno jure M. D. Lithuaniae restitui debebunt. De Podlachia vero amice transigetur, positis certis finibus quibus Polonia a Lithuania dirimatur, nempe fluvio Nurzec, siquidem hoc etiam modo Poloniae plus accedet quam forte ad eam olim pertinuit, id quod Domini Lithuani fraternitati communi dabunt et amice ferent".

[3]) „Tertio: comitia generalia non solum in Polonia, sed et in Magno ducatu Lithuaniae celebrabuntur, agetque serenissimus dux Andegavensis ut officia M. D. Lithuaniae vere sint et permaneant in suo vigore et dignitate, ita tamen ut sit unus idemque senatus et una Respublica, et debebunt res et causae Lithuaniae primum locum obtinere, cum in Magno ducatu conventus celebratur, et e converso.

Quarto: executionis modus quarumvis possessionum abaliendarum, quae in unione Lublini sunt, ejus rei fides data, in perpetuum rata et grata erit; omnisque mentio talium legum quae praejudicant libertatibus privilegiisque su-

копъ Монлюкъ и Гвидо, выдали именемъ Генриха Анжуйскаго другую декларацію, по соглашенію съ представителями Волынскаго, Кіевскаго и Браславля Подольскаго воеводствъ, въ числѣ которыхъ въ ней названы Кіевскій воевода и староста Владимірскій князь Константинъ Острожскій, староста Луцкій, Браславскій и Вѣницкій[1]) князь Богушъ Корецкій, Браславскій воевода князь Андрей Вишневецкій, Кіевскій каштелянъ Павелъ Сапѣга и Браславскій каштелянъ Василій Загоровскій („et plerique alii")[2]). Въ числѣ принятыхъ къ исполненію ихъ требованій въ этой декларацiи обозначено и возвращеніе воеводствъ Волынскаго, Кіевскаго и Браславля Подольскаго въ составъ Великаго Княжества Литовскаго[3]).

Такимъ образомъ, Великое Княжество Литовское во время безкоролевья 1572-1573 годовъ предъявило и Польшѣ, и получавшему избраніе на престолъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой Генриху Валуа свои требованія, изъ

---

per quaevis bona a regibus et Magnis ducibus obtenta aboleri, possessoribusque sufficienter de privilegiis et possessionibus uniuscujuscunque (ut de hoc latius in unione conceptum) esse cavendum debet.

Quinto: gentis Lithuanae debita ubique habebitur ratio, tum in aliis, tum in obtinendis officiis et dignitatibus, quae in Magno ducatu Lithuaniae continentur, sive ea sint ecclesiastica, sive politica et secularia, ea enim nemini nisi vere indigenis ab avis et proavis illius gentis et provinciae conferentur.

Sexto: kiazi, quorum certus est numerus in Lithuania, non nisi in pristino et ab antiquo usitato illorum statu conservabuntur.

Septimo: providebitur aliqua summa pecuniae Lithuaniae et Livoníae ad alendum militem, idque ante adventum Serenissimi ducis Andegavensis, ne in eo Respublica detrimentum aliquod capiat, ob dubiam forte fidem Germanorum vel celeritatem Moschorum.

Octavo: promittimus Livoniam nullo modo a Lithuania avelli debere ad quamvis jurisdictionem officiorum regni Poloniae, sed Lithuania cum Livonia junctae sub unis iisdemque officiis, erunt unius corporis regni Poloniae et hujus unitae Reipublicae membra indivisa".

[1]) Воеводство Браславля Подольскаго было образовано только въ 1566 году, и въ немъ было сохранено административное и судебное значеніе старосты Браславскаго и Вѣницкаго. См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 591.

[2]) Marquis de Noailles, op. c., p.p. 402—404.

[3]) „Secundo: cum constet praedictas provincias a Magno ducatu Lithuaniae avulsas esse, ut eae, quam primum id fieri possit, cum Magno ducatu iterum conjungantur et in pristinum statum, in quo una cum Lithuanis semper antea fuerunt, redire faciat, ita ut nunquam in posterum a Lithuania avelli possint".

которыхъ одни должны были вернуть оторванныя отъ него въ 1569 году земли, а другія измѣняли условія договора Уніи въ направленіи, желательномъ для Литвы. Государство ея выступаетъ какъ равноправное съ Польшею. Литовскіе государственные съѣзды во время перваго безкоролевья дѣйствовали съ тою же полнотою своего значенія для Великаго Княжества Литовскаго, какую представленный имъ на Люблинскій сеймъ 1569 года проектъ Уніи предоставлялъ его особымъ, отдѣльнымъ отъ Польши сеймамъ. Виленскій съѣздъ 1573 года отправилъ новоизбранному монарху Речи Посполитой подписанный сенаторами и шляхтою Великаго Княжества Литовскаго дипломъ, подтверждающій его элекцію, совершенную Варшавскимъ избирательнымъ сеймомъ, и тѣмъ подчеркнулъ то, что новый монархъ является не только королемъ Польскимъ, но и великимъ княземъ Литовскимъ и что онъ, дѣлаясь королемъ Польско-Литовской Речи Посполитой, становится монархомъ двухъ соединенныхъ въ федеративномъ союзѣ государствъ, т. е. Литвы и Польши, а не единой Польской Короны.

Въ ночь съ 28 на 29 іюня 1574 года первый избирательный король Польско-Литовской Речи Посполитой бѣжалъ изъ Краковскаго замка во Францію. На созванный примасомъ послѣ „утечки" Генриха Валуа конвокаціонный сеймъ Литва прислала Короннымъ станамъ свои „листы" и собрала для обсужденія создавшагося положенія свою отдѣльную отъ Польши конвокацію, предложивъ полякамъ отправить къ находившемуся уже во Франціи Генриху пословъ, къ которымъ будутъ присоединены свои послы также и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. 1 ноября 1574 года собравшійся въ Вильнѣ съѣздъ государства Литвы подписалъ свои постановленія. Въ нихъ говорилось, что, если Генрихъ не вернется или не выполнитъ условія своего признанія королемъ соединенной Речи Посполитой и если станетъ необходимою новая элекція, Великое Княжество Литовское отдаетъ свои голоса эрцгерцогу Эрнесту, сыну императора Священной Римской Имперіи. При этомъ Виленскій съѣздъ не сомнѣвается въ томъ, что, когда Эрнестъ сдѣлается королемъ Польско-Литовской Речи Посполитой, онъ сохранитъ старыя права и прерогативы Великаго Княжества Литовскаго и возвратитъ ему издавна ему принадлежащее, но оторванное отъ него Польшею, а именно Волынь, Подляшье, Кіевъ и Браславъ Подольскій. Виленскій съѣздъ провозгласилъ конфеде-

рацію своего государства и обязалъ всѣхъ „обывателей“ Великаго Княжества Литовскаго всѣми своими силами добиваться отъ короля и поляковъ возвращенія этихъ земель[1]).

Король Генрихъ не вернулся къ назначенному ему сроку, и Польско-Литовская Речь Посполитая должна была признать оффиціально наступленіе новаго безкоролевья. Новѣйшій историкъ этого безкоролевья В. Закржевскій, характеризуя отношеніе Литвы къ Польшѣ послѣ отъѣзда Генриха во Францію, говоритъ, что литовцы желали сохраненія Уніи, но при полномъ равенствѣ государствъ, ею соединенныхъ, и рѣшительно отвергали „централистическія“ стремленія Польской Короны[2]). И, конечно, факты и явленія, которые сохранили источники для изученія этого времени, не позволяютъ иначе характеризовать это отношеніе. Литовское правительство самостоятельно ведетъ дѣла своего государства и принимаетъ мѣры къ его оборонѣ отъ внѣшнихъ враговъ. Оно созываетъ государственные съѣзды Великаго Княжества Литовскаго, которые установляютъ податокъ на нужды этой обороны[3]). Паны-рада государства

---

[1]) Постановленія этого съѣзда, по двумъ ихъ спискамъ, были изданы нами въ примѣчаніи 3-мъ на стр. 117-119 нашего труда Великое Княжество Литовское, т. I.

[2]) „Związek z Koroną uznają Litwini, ale się ściśle chcą trzymać w tych granicach, które sam akt unii zakreśla. Zdaniem Litwinów sejmy spólne, to spólny zjazd dwóch narodów; jedna strona na drugą nic nie ma mocy stanowić. Litwini przestrzegają ściśle zupełnego dualizmu w państwie i stanowczo odtrącają zamysły centralistyczne Korony: „takowym konstytucyjom podłegać nigdyśmy nie powinni“.... Wincenty Zakrzewski, Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575 (Kraków, 1878), str. 167.

[3]) Приводимъ для образца одинъ изъ документовъ, говорящихъ объ этомъ. — „Валериянъ, з ласки Божое бискупъ Виленский, Малхеръ Кгедройть електъ бискупства Жомойтъского, Миколай Радивилъ воевода Виленский канцлеръ Великого Князства Литовского староста Лидский Мозырский и Борисовский, Стеѳанъ Збаражский воевода Троцкий, Остаѳей Воловичъ панъ Троцкий подканцлерий Великого Князства Литовского староста Берестейский и Кобринский, Павелъ Сопега воевода Новгородский, Юри Остикъ воевода Мстиславский староста Браславский, Гаврило Горностай воевода и староста Менский державца Каменецкий, Миколай Талвошъ кашталянъ Жомойтский староста Дынемборский, Григорей Воловичъ кашталянъ Новгородский, Иванъ Соломерецкий кашталянъ и староста Мстиславский, Миколай Криштоѳъ Радивилъ княжа на Олыце и Несвижу маршалокъ дворный Великого Князства Литовского — сознаваемъ симъ листомъ нашимъ, што для великое а кгвалтовное потребы земли Инѳлянтское, которую неприятель господаръский князь великий Московский якъ самъ черезъ войска

Литвы и его съѣзды сносятся съ Польшею отъ имени Великаго Княжества Литовскаго и предъявляютъ ей требованія, не только строго охраняя права Литвы, утвержденныя договоромъ Уніи, но и настаивая на признаніи всего значенія своего государства, гарантированнаго его привилеями и его основными законами, а также требуя возвращенія земель, оторванныхъ отъ него къ Польшѣ въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ.

Даніилъ, принцъ изъ Бухова, ѣздившій въ Москву въ качествѣ посла императора Максимиліяна II-го, а затѣмъ и его преемника Рудольфа II-го, разсказываетъ, что, пріѣхавъ въ ноябрѣ 1575 года въ Вильну, онъ имѣлъ совѣщаніе съ „престарѣлымъ“ Валеріаномъ, т. е. съ епископомъ Виленскимъ, и съ нѣкоторыми главными вельможами (primariis proceribus), отъ которыхъ и получилъ грамоту для свободнаго проѣзда до границы Великаго Княжества Литовскаго. Эти „вельможи“, какъ Даніилъ называлъ, конечно, радныхъ пановъ Литвы, находившихся въ Вильнѣ въ значеніи правительства Великаго Княжества Литовскаго, дали ему пропускъ и присоединили къ императорскому

свои, такъ и черезъ княже Макгнуса поседаеть, и вже замки господаръские Пернаву, Гермесъ, Гелмель, Руйно и иншие обычаемъ неприятелскимъ поселъ и посягнулъ и воевати оное земли Лиѳлянтское не переставаеть, для того ку обороне и поратованью ее ясневелможный панъ Янъ Ходкевичъ, кграбя на Шклове и на Мыши, панъ Виленский, староста Жомойтъский, маршалокъ земский Великого Князства Литовского, администраторъ и гетманъ земли Лиѳлянтское, староста Ковенский, державца Телшовский, хотячи тому який ратунокъ вчинити, якъ съ повинности своее администраторское, такъ и за жеданемъ нашимъ, до земли Лиѳлянтское вытягнути рачилъ. Тогды мы для посилку всякого ку отпору войскъ неприятелскихъ и ку поратованю ее помочъ оной земли дѣлаючи, приповедали есмо его милости пану Виленскому службу на почотъ людей служебныхъ, то естъ на тисячу и двесте коней ездныхъ а на семсотъ драбовъ пешихъ, почавши отъ того часу, кгды ся тутъ людъ служебный передъ писаромъ полнымъ земли Лиѳлянтское, паномъ Войтехомъ Стабровскимъ попишеть и окажеть, на зуполную чверть году, постановивши онымъ людемъ служебнымъ на тую чверть году жолдъ певный на кождого коня по чотыри копы грошей литовскихъ, а на драба пешого по шести золотыхъ полскихъ. Яко жъ вжо въ заплату сумы пенезей, которая водле рахунку за тую чверть году на оные люди ездные и пешие приходить, дали есмо его милости пану Виленскому певную суму пенезей, што ся подъ тымъ часомъ на податокъ, на з[ъ]езде теперешнемъ Виленскомъ на подданыхъ г[оспо]д[а]рскихъ постановленый на добра короля его милости, набыти и способити могло, то естъ три тисечи сто и тридцать копъ грошей личбы литовское, а чого еще болшей водле рахунъку на оные люди служебные езные и пешие платечи на тися-

посольству отъ себя спутника въ лицѣ Лаврентія Горскаго[1]). Посла императора не пропустить черезъ границы государства Литвы ея правительство, разумѣется, не могло. Но надзоръ за этими границами былъ строгій, и сколько-нибудь подозрительныя лица на нихъ задерживались. Такъ, польскій шляхтичъ Криштофъ Граевскій на возвратномъ пути изъ Москвы былъ задержанъ и заключенъ въ Дисненскую тюрьму, ибо Литовское правительство заподозрѣло въ немъ опаснаго агента политической интриги[2]). Возможно было предполагать сношенія польскихъ сторонниковъ кандидатуры Московскаго царя на престолъ соединенной Речи Посполитой, которыя велись безъ вѣдома Литвы. Но можно было опасаться и участія Граевскаго въ подготовкѣ осуществленія тайныхъ плановъ раздѣла Польско-Литовской федераціи между Австріею и Москвою, которые тогда намѣчались[3]). Во всякомъ случаѣ, Литовское правительство времени второго безкоролевья зорко слѣдило за дѣйствія-

---

чу и двесте коней на кож[дого] по чотыри копы грошей лит[о]вскихъ, а на семъ сотъ драбовъ пешихъ на кождого драба по шести золотыхъ полскихъ, яко ся вышей поменило, его милости пану Виленъскому за тую чверть году, которую отъ попису служити будуть, теперъ додати и доплатити ся не могло, тогды то его милости симъ нашимъ листомъ упевняемъ и уищаемъ, ижъ то все съ податку, на добра господаръские теперъ постановлено[го], а где бы того податку не доставало, ино съ пенезей доходовыхъ з добръ короля его милости, до скарбу земского належачихъ, заплатити ся маеть и повинно будеть. И на то дали есмо его милости пану Яну Ходкевичу, пану Виленъскому, сесь нашъ приповедный листъ, съ подписомъ властныхъ рукъ нашихъ и з нашими печатми. Писанъ у Вилни, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1575, месеца август[а] 15 дня". Подъ текстомъ документа находятся десять притиснутыхъ печатей и два круглыхъ слѣда печатей, а также подписи еп. Валеріана, Миколая Радивила, Остафія Воловича, Миколая Талвоша, Григорія Воловича, Миколая Криштофа Радивила, Мальхера Гедройця, Стефана Збаражскаго, Юрія Остика и Яна Глѣбовича. Документъ хранился въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки — Б., шк. 1, п. 2, м. 44, въ сборникѣ листовъ, по нумераціи сборника листы 7 и об.

[1]) Начало и возвышеніе Московіи, сочиненіе Даніила, принца изъ Бухова. Съ латинскаго перевелъ Ив. А. Тихомировъ. Стр. 47—48. Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1876 г., книга 3.

[2]) Иванъ Рябининъ, Показаніе польскаго шляхтича Криштофа Граевскаго о своей поѣздкѣ въ Москву, 1574-1575 г.г. Тѣ же Чтенія, 1905 г., кн. 1. Стр. 1—16.

[3]) Ср. С. А. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ Приказѣ (Москва, 1906), стр. 7 (первоначально было напечатано въ тѣхъ же Чтеніяхъ).

ми восточнаго сосѣда своего государства, и они составляли предметъ его постоянной заботы.

Настроеніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ его „народа"-шляхты не было спокойнымъ въ тѣ годы. Не было въ немъ и довѣрія къ Польшѣ, какъ не существовало и удовлетворенія тѣми условіями жизни и порядками, которые установились послѣ Люблинской Уніи. Вотъ чтó, напримѣръ, писалъ 5 августа 1574 года Оршанскій староста Филонъ Кмита Троцкому каштеляну Евстафію Воловичу о кандидатурахъ на престолъ соединенной Речи Посполитой и объ общемъ положеніи того времени: „ино некоторые мовять: не дай Богъ ляху быть — вырежеть Литву, а Русь поготову давно резать почали; литвина — и тотъ де съ прыроженя натуры, на себе самъ необачное.... просто якъ овца, где ихъ большъ береть волкъ, тамъ они далше за нимъ идуть. Большы будеть зычлившый народу польскому, нижли своему. Ова просто есмо якъ рыба въ отмуте, слепи, неведоми, не ведаемъ — куды въ сю есмо диру влезли! Толко, яко в. м. панъ милостивый рачышъ писать Духа Пресвятого словы, узнать намъ вечность свою а брыдкость греху, пыхы нашое вызнать, абысьмы съ Капернауму не усунени были. Где естъ слыхано! — Дитя еще невеста родить, и съ того дитяти маеть быти внукъ, дай тому именье, аспектативу; сыну дай, брату дай, слузе дай, дай, дай, дай! А на обходъ речы посполитое што? А заслужоному што? А, все розобравшы, чому быть? Толко до убоства престися, да вже и лупить! О то, господарю пане, отъ таковыхъ бедъ люди топять ся. О то съ таковыхъ нендзъ давять ся. О то съ того въ неволю дають ся. Яко и говорять многие во вси стороны: не только абы Московский господаремъ быть мелъ, але хотя бы вже дьябелъ съ пекла, только абы крывды людей Божыхъ мстилъ, а въ порадокъ привелъ, яко мовить Духъ Божый на поганы — постави, Господи, законодавца надъ ними, да розумеють языцы, яко человецы суть...... Я, господарю, что важу и чую, о всемъ праве, яко до господаря моего, преспечно, не обинуя ся, пишу, видечы такъ милостивое а праве открытое серце в. п. м. противко мне, негодному слузе в. м......"[1]). Таково настрое-

---

[1]) Zródła do dziejów polskich, wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przezdzieckiego, tom drugi (Wilno, 1844), str. 289—290. Въ изданіи М. Малиновскаго и А. Пржездзѣцкаго ли-

ніе Филона Кмиты. Надо думать, что оно было не только у него и его корреспондентовъ, которымъ онъ, конечно, не рѣшался бы такъ писать, еслибы не былъ увѣренъ въ ихъ сочувственномъ къ нему отношеніи. Это настроеніе, безъ сомнѣнія, владѣло достаточно широкими кругами шляхты Великаго Княжества Литовскаго въ то время.

А между тѣмъ событія второго безкролевья развивались. Собравшійся въ Стенжицѣ съѣздъ Польско-Литовской Речи Посполитой долженъ былъ констатировать, что король Генрихъ не вернулся къ назначенному ему сроку, и нужно было заняться вопросомъ новой элекціи[1]). На Стенжицкій съѣздъ представители государства Литвы прибыли съ вооруженными отрядами, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть возможность силою отстоять права и требованія Великаго Княжества Литовскаго. Они расположились своимъ постоемъ отдѣльно отъ поляковъ и, не соединяясь съ ними въ одномъ совѣщаніи, стали вести съ ними переговоры черезъ своихъ пословъ, предъявлявшихъ Польшѣ требованія Литвы. Эти требованія касались правъ и достоинства Великаго Княжества Литовскаго, какъ государства, соединившагося съ Польскою Короною въ федеративномъ союзѣ на основаніи договора Люблинской Уніи. Въ разрѣшеніи вопроса сбъ элекціи новаго монарха литовцы приняли участіе. Но эта элекція на Стенжицкомъ съѣздѣ не совершилась, несмотря на всѣ попытки ее произвести. Великое Княжество Литовское тогда стояло за кандидатуру эрцгерцога Австрійскаго Эрнеста послѣ сношеній съ Вѣною, въ которыхъ оно выдвинуло тѣ же условія признанія имъ новаго монарха,

---

сты Филона Кмиты напечатаны латиницею по рукописи библіотеки князей Сапѣгъ въ Деречинѣ. Въ нашей цитатѣ въ текстѣ мы возстановляли письмо ихъ русскаго оригинала. Съ этимъ оригиналомъ, хранившимся въ Библіотекѣ Главнаго Штаба въ Петроградѣ, знакомитъ г. В. Ластоўскій — Гісторыя Беларускай (Крыўскай) книгі (Коўна, 1926. Стр. 417—419). Часть листовъ Филона Кмиты напечатана въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи (III, № 58). Листъ Троцкому каштеляну напечатанъ здѣсь подъ номеромъ XIV. Но въ этомъ изданіи его очень много точекъ, обозначающихъ выпавшія, или истлѣвшія, или неразобранныя въ рукописи издателемъ слова и строки. Приведенное нами въ текстѣ по изданію М. Малиновскаго и А. Пржездзѣцкаго почти все въ изданіи въ А. З. Р. отсутствуетъ и замѣнено точками. О самомъ Филонѣ Кмитѣ см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 675—678.

[1]) О Стенжицкомъ съѣздѣ см. тамъ же, стр. 121—129.

какъ и извѣстныя уже намъ, принятыя къ исполненію представителями Генриха Валуа 26 апрѣля 1573 года[1]).

Послѣ Стенжицкаго съѣзда происходили сношенія радныхъ пановъ Литвы съ сенаторами Польши по вопросамъ, стоявшимъ тогда передъ соединенною Речью Посполитою, и въ касающейся ихъ перепискѣ паны-рада Великаго Княжества Литовскаго постоянно и старательно охраняли интересы и права своего государства. На собравшуюся въ началѣ октября 1575 года въ Варшавѣ конвокацію литовцы не явились, а лишь прислали на нее свой листъ, въ которомъ просили назначить мѣстомъ элекціоннаго сейма Ливу. Поляки назначили элекціонный сеймъ на 7 ноября, но не въ Ливѣ, а въ Варшавѣ. Просьба двухъ сенаторовъ Литвы[2]), прибывшихъ на этотъ сеймъ, объ отложеніи его еще на недѣлю не была уважена на томъ основаніи, что сеймъ цѣлой Короны не можетъ терять времени ради литовцевъ, которые были извѣщены о немъ заблаговременно. Когда представители государства Литвы понемногу съѣхались въ Варшаву, они потребовали отъ Польши помощи противъ Москвы. На эту просьбу имъ былъ данъ такой отвѣтъ: какъ въ Польшѣ во время безкоролевья государственными средствами распоряжаются Коронные сенаторы, такъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ — Литовскіе; поэтому, пусть будетъ представленъ отчетъ въ его доходахъ, и тогда Корона и Литва будутъ защищать сбѣ составныя части Речи Посполитой общими средствами, а въ противномъ случаѣ Великое Княжество Литовское должно довольствоваться на свои нужды податкомъ, который оно у себя установило, какъ то сдѣ-

---

[1]) В. Закржевскій характеризуетъ эти условія какъ планы „zmiany, po części nawet zerwania unii. Żądano, aby cesarz zobowiązał się uroczyście i asekuracyją na piśmie zawarował, iż Ernest, skoro zostanie królem, dawny „stan i formę rzeczypospolitéj“ przywróci na Litwie, tak jak było przed uniją, że jéj odda prowincyje oderwane przy unii na rzecz Korony, zapewni wieczysty związek Inflant z Litwą, tak jak istnieje obecnie, potwierdzi wszystkie przywileje i wolności, nie będzie trapił Litwy niczem, coby takowym się sprzeciwiało, a egzekucyi na Litwę nie rozciągnie“. Winc. Zakrzewski, Po ucieczce Henryka, str. 300.

[2]) Троцкій каштелянъ Евстафій Воловичъ и Жомойтскій каштелянъ Николай Талвошъ. О событіяхъ послѣ Стенжицкаго съѣзда и объ элекціонномъ сеймѣ 1575 года см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 129—134.

лала для своихъ нуждъ и Польша. На это представители Литвы отвѣтили, что на защиту отъ Москвы этого податка не хватитъ, такъ какъ Коронные станы, съ нарушеніемъ справедливости по отношенію къ Великому Княжеству Литовскому, оторвали отъ него нѣсколько воеводствъ. Польскіе сенаторы возражали и говорили, что, когда дѣло касается выгодъ и чести Литвы, она объявляетъ себя равною съ Польскою Короною частью Речи Посполитой; когда же ей нужно отражать грозящія ей опасности, она снова представляетъ себя меньшею.

Согласія между Польшею и Литвою на избирательномъ сеймѣ 1575 года не было. Объ избраніи на престолъ соединенной Речи Посполитой кого-либо изъ ея обывателей сколько-нибудь серьезно не могло быть и рѣчи. Примасъ Яковъ Уханскій объяснилъ это очень выпукло и ясно: „если выберемъ поляка, литовцы будутъ на него смотрѣть со враждою; если же изберемъ литовца, то должны будемъ снова опасаться, чтобы онъ не присоединилъ къ Литвѣ Волыни, Подляшья и Кіева, которыхъ литовцы такъ настойчиво требуютъ себѣ назадъ“. Когда наступило время голосованія и сеймовый маршалокъ предложилъ Литовской части сейма, согласно порядку сеймо ванья, принятому въ Польской Коронѣ, подавать голоса по воеводствамъ, она отказалась это дѣлать. Представители Великаго Княжества Литовскаго категорически заявили, что они могутъ вотовать только всѣ вмѣстѣ, отъ имени цѣлаго своег- государства.

Варшавскій избирательный сеймъ 1575 года закончился одновременнымъ провозглашеніемъ двухъ монарховъ Речи Посполитой, расколовшись на двѣ, не могущія придти къ соглашенію части. Одна часть сейма, къ которой принадлежали и представители Великаго Княжества Литовскаго, провозгласила королемъ императора Максимиліана, въ то время какъ другая, провозгласивъ Анну Ягеллонку королевой, избрала ея супругомъ и объявила королемъ Седмигродскаго князя Стефана Баторія. Чтобы найти выходъ изъ создавшагося положенія, было рѣшено созвать сеймики, а послѣ нихъ новый сеймъ, въ Андреевѣ на 19 января 1576 года. Къ императору было отправлено посольство съ просьбою отказаться отъ короны Речи Посполитой. Но онъ уже принялъ избраніе и присягнулъ въ соблюденіи условій, ему предложенныхъ. Это ставило сторонниковъ Стефана Баторія и его самого въ достаточно затрудни-

тельное положеніе, требовавшее прежде всего успокоенія внутреннихъ раздоровъ въ Речи Посполитой и привлеченія на сторону Баторія его противниковъ. Необходимо было и пойти навстрѣчу требованіямъ Великаго Княжества Литовскаго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ предѣловъ ихъ, которые, разрушая польскую идею Уніи, позволяли бы хотя бы сохранить за Польшею земли, оторванныя ею отъ государства Литвы въ 1569 году.

Андреевскій съѣздъ собрался 28 января, т. е. нѣсколькими днями позже, чѣмъ было назначено. Онъ подтвердилъ элекцію Анны Ягеллонки и Стефана Баторія и назначилъ 4 марта днемъ ихъ коронаціи и брачнаго вѣнчанія. Обо всѣхъ своихъ постановленіяхъ этотъ съѣздъ извѣстилъ Великое Княжество Литовское черезъ своихъ пословъ. Польша считала дѣло избранія Баторія уже оконченнымъ. Въ апрѣлѣ 1576 года новый король въѣхалъ въ предѣлы Короны, но коронаціонный сеймъ откладывали изъ-за запозданія представителей Литвы, да нужно было, чтобы и вообще всѣ обыватели Речи Посполитой успѣли въ достаточной мѣрѣ освѣдомиться обо всемъ происшедшемъ. Между тѣмъ Великое Княжество Литовское обсуждало положеніе дѣлъ на своихъ отдѣльныхъ отъ Польши съѣздахъ. Когда въ Литву явились послы Андреевскаго съѣзда, они были приняты въ Гераноинахъ, и имъ было сказано, что Великое Княжество Литовское дастъ свой отвѣтъ полякамъ черезъ своихъ пословъ. Эти Литовскіе послы предложили Польшѣ назначить общій съѣздъ для разрѣшенія вопроса объ избранномъ королѣ. Отвѣтомъ поляковъ было приглашеніе литовцевъ пріѣхать въ Краковъ на коронацію новаго монарха, назначенную на 28 апрѣля. Конечно, Литва оказалась недовольною такимъ отвѣтомъ. Въ Городнѣ 19 апрѣля собрался Литовскій государственный съѣздъ, который вынесъ слѣдующее постановленіе: „сенатъ и всѣ станы Великаго Княжества Литовскаго, совѣщаясь о государственной опасности изъ-за избранія двухъ королей, постановили и объявляютъ полякамъ, что съѣдутся на вальный сеймъ въ обычномъ мѣстѣ, въ Варшавѣ, на шестую недѣлю послѣ Великой Ночи (т. е. Пасхи), повѣтовые же сеймики будутъ отправлены во вторую недѣлю послѣ того же праздника. Съ сеймиковъ всѣ паны-рады и старшіе изъ стана второго (т. е. шляхетскаго) съѣдутся на вторую недѣлю во Мстибоговѣ и постановятъ объ участіи въ сеймѣ для уговора съ поляками, а также рѣшатъ и о томъ, ѣхать ли туда

всѣмъ вмѣстѣ, или лишь вести переговоры черезъ своихъ пословъ. На вальномъ сеймѣ они поставятъ своею первою задачею исправленіе притѣсненій и обидъ, понесенныхъ Литвою отъ поляковъ, прекращеніе распрей, возвращеніе къ единству и согласію, чтобы всѣ станы признали себя подданными того короля, который окажется самымъ полезнымъ для государства. Если поляки, всѣ или нѣкоторые изъ нихъ, будутъ стараться навязать Литвѣ короля насильно, совершая черезъ то нарушеніе свободы элекціи, и учинятъ тѣмъ дѣяніе, идущее въ разрѣзъ связывающимъ ихъ трактатамъ, литовцы постараются сперва привести дѣло къ общему согласію, а если этого сдѣлать не удастся, то заявятъ протестацію о разрушеніи договора Уніи съ Короною, объявляя свою совѣсть свободною отъ этого соединенія, и не признаютъ ни одного, ни другого изъ избранныхъ королей. Они тогда немедленно созовутъ свой съѣздъ во Мстибоговѣ, поспѣшатъ на этотъ съѣздъ какъ на тушеніе пожара и, будучи уже совершенно освобождены своею протестаціею отъ связи съ Польшею, выберутъ себѣ своимъ великимъ княземъ того, кого признаютъ для себя наиболѣе полезнымъ, съ обязательствомъ для него подтвердить имъ всѣ ихъ вольности, прерогативы и предложенныя ему условія. Прежде, чѣмъ это совершится, ни одинъ литовецъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ оказывать повиновенія ни одному изъ избранныхъ королей“. Тотъ же Литовскій съѣздъ постановилъ отправить листы къ императору и Московскому князю съ просьбою удержаться отъ враждебныхъ дѣйствій, а къ Стефану Баторію — съ просьбой отложить коронацію и обождать Варшавскаго сейма[1]).

Но коронаціонный сеймъ все-таки собрался въ Краковѣ, хотя и противъ воли Литвы, и отправлялъ свои засѣданія съ 1-го по 30-е мая. Во время этого сейма въ Краковъ прибыло Литовское посольство. Оно явилось къ Стефану Баторію и почтительно его привѣтствовало, но не титуловало королемъ. Литовскіе послы прежде всего указали на текстъ договора Уніи, въ которомъ стоитъ, что одинъ народъ не долженъ ничего обсуждать безъ вѣдома другого и не долженъ выбирать короля отдѣльно. Они упрекали Баторія въ томъ, что онъ, выбранный одними только поляками, пользовался титуломъ великаго князя

1) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 136—137.

Литовскаго, хотя Литва не избирала его своимъ монархомъ, не просила его на тронъ черезъ своихъ пословъ и не представила ему никакихъ условій. Хотя Стефанъ Баторій и присягнулъ уже опредѣленнымъ условіямъ, но они не имѣютъ силы, такъ какъ противорѣчатъ желаніямъ и волѣ Великаго Княжества Литовскаго и составлены одними поляками. Черезъ это произошелъ большой ущербъ вольностямъ Литвы и праву свободной элекціи. Литовское посольство просило, чтобы, по ходатайству сената и шляхты, Баторій воздержался отъ слишкомъ поспѣшной коронаціи и обождалъ сейма, созваннаго въ Варшаву, на которомъ будетъ произведена новая элекція по соглашенію обоихъ народовъ. При этомъ послы Литвы заявили, что, если онъ не пожелаетъ такъ поступить, они уѣдутъ, лишь подавъ протестацію о нарушеніи правъ Великаго Княжества Литовскаго и договора Уніи.

Выполнивъ свое посольство передъ Стефаномъ Баторіемъ, послы государства Литвы явились передъ собравшихся вмѣстѣ сенатъ и земскихъ пословъ Польши, т. е. на ея сеймъ, и предъявили свои вѣрительныя грамоты. Глава Литовскихъ пословъ, Минскій каштелянъ Янъ Глѣбовичъ, привѣтствовалъ станы Польши и сталъ держать передъ ними рѣчь. Поступки поляковъ, говорилъ онъ, вызвали въ литовцахъ сильное чувство негодованія, такъ какъ сами поляки втянули Литву въ Унію, сами подтвердили ее клятвою, а теперь сами и нарушаютъ ее самымъ безчестнымъ образомъ. „Мы не были формальнымъ образомъ приглашены въ Андреевъ“, продолжалъ Глѣбовичъ, „вы не должны были постановлять актовъ и конфедераціи безъ нашихъ вѣдома и воли — поэтому ни къ чему насъ не обязываютъ польскія постановленія. Не останавливаясь на изданіи извѣстныхъ самовольныхъ постановленій, поляки приняли самымъ неприличнымъ образомъ своего короля-электа, ибо передъ его прибытіемъ нужно было погасить всѣ раздоры. Король дѣйствительно принесъ свою присягу, но литовцы ея не слышали. Вы, поляки, вырвали изъ нашихъ рукъ все. Хотя ни я, ни много другихъ въ Литвѣ не были сторонниками императора, вы несправедливымъ образомъ оскорбили насъ, не дали намъ участія въ совѣщаніи и въ королевской коронаціи. Поэтому мы торжественно протестуемъ въ нарушеніи нашихъ правъ черезъ коронацію, совершенную безъ нашего вѣдома.

И мы уже совершенно разрѣшены и освобождены отъ узъ Уніи съ Польшею"[1]).

Въ то время, когда сеймъ Польши обсуждалъ заявленіе Литвы, Стефанъ Баторій лично высказался о положеніи дѣлъ въ Речи Посполитой. Ему казалось, что сдѣланное въ Андреевѣ постановленіе противъ не признающихъ его избранія слишкомъ сурово, ибо различно положеніе тѣхъ, кто ему сопротивляется. Къ числу ихъ принадлежатъ цѣлыя провинціи — литовцы, желающіе быть признаваемыми половиною всего соединеннаго государства, и пруссаки, владѣющіе отдѣльною большою землею. Кромѣ того, въ извѣстныхъ провинціяхъ лишь часть, а не всѣ обыватели принадлежатъ къ его противникамъ. Поэтому нельзя со всѣми поступать одинаково. Что касается литовцевъ, то къ нимъ, какъ и къ пруссакамъ, нужно отправить пословъ и все имъ извинить для блага государства. Такъ думалъ самъ новый король. Отношеніе Великаго Княжества Литовскаго стало уже дѣлаться къ нему благопріятнымъ. Литовское посольство, несмотря на всю рѣзкость постановки имъ вопроса объ отношеніяхъ Литвы и Польши въ это время, не разрывало съ послѣднею окончательно. Баторій назначилъ послами въ Великое Княжество Литовское двухъ сенаторовъ, земскіе послы сейма Польши присоединили къ нимъ двухъ человѣкъ изъ своей среды. Проектъ посольства въ Литву былъ прочитанъ и исправленъ земскими послами. Въ немъ стояло, что поляки, какъ свидѣтельствуютъ и сами литовцы, нѣсколько разъ приглашали ихъ на съѣзды; король утвердилъ присягою всѣ права обоихъ народовъ и выѣзжаетъ 3 іюня въ Варшаву, куда приглашаются для общаго совѣщанія и литовцы. Когда этотъ проектъ разсмотрѣла посольская изба Короннаго коронаціоннаго сейма, она согласилась вызвать литовцевъ на предстоящій сеймъ, но отказалась приглашать ихъ на особый съѣздъ въ Варшаву для взаимнаго совѣщанія, такъ какъ последнее можетъ имѣть мѣсто лишь на сеймѣ. Король согласился съ земскими послами и сказалъ, что слова, не понравившіяся шляхтѣ, внесены въ проектъ посольства сенаторами безъ его воли.

Станы Великаго Княжества Литовскаго собрались на свой государственный съѣздъ во Мстибоговѣ. Сюда явились и по-

[1]) См. тамъ же, стр. 138—140.

сланные въ Литву послы Краковскаго коронаціоннаго сейма. Мстибоговскій съѣздъ согласился признать Стефана Баторія королемъ соединенной Речи Посполитой и отправилъ къ нему своихъ пословъ для объявленія ему этого рѣшенія[1]). Во главѣ этого посольства находились нѣсколько Литовскихъ сенаторовъ. Къ нимъ были присоединены урядники и представители рядового шляхетства отъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго[2]). Послы Литвы явились къ королю Стефану какъ для изъявленія ему подданства своего государства, такъ и для представленія ему требованій его. 29 іюня Стефанъ Баторій повторилъ передъ Литовскимъ посольствомъ свою присягу, принесенную уже передъ поляками, и выдалъ Великому Княжеству Литовскому ея письменный актъ, въ которомъ былъ данъ отвѣтъ и на представленныя ему его требованія. Но актъ 29 іюня 1576 года далъ и толкованіе Стефаномъ Баторіемъ отношеній государствъ Литвы и Польши въ ихъ Уніи. Мы видѣли выше[3]) сущность расхожденія взглядовъ на желательную Унію въ Литвѣ и Польшѣ наканунѣ Люблинскаго сейма 1569 года и послѣ него. Въ Польшѣ стремились къ сліянію обоихъ государствъ въ „jednu rzeczpospolitu", въ единое „Regnum Poloniae". Наоборотъ, Великимъ Княжествомъ Литовскимъ предлагалась федерація Литвы и Польши, ихъ „spolna Rzecz Pospolita", „communis Res Publica Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae". Текстъ договора Люблинской Уніи, фактически установивъ „спольную Речь Посполитую" двухъ государствъ,

---

[1]) Стрыйковскій неправильно пріурочиваетъ прибытіе этого посольства къ маю — „Panowie też Litewscy, pan Wileński Jan Chodkiewicz i pan Trocki Ostafi Wołowicz, Jan Kiszka krajczy Wielkiego Xięstwa Litewskiego, Alexander Chodkiewicz starosta Grodzieński i inszy do Warszawy przyjechawszy miesiąca Maja Stephana króla imieniem wszystkiego Wielkiego Xięstwa Litewskiego za pana pozdrowili i przyznali" (Kronika, t. II. Warszawa, 1846. Str. 425). Въ маѣ король Стефанъ находился еще въ Краковѣ, на коронаціонномъ сеймѣ.

[2]) Въ составъ этого посольства входили: Виленскій каштелянъ Янъ Ходкевичъ, Троцкій каштелянъ Евстафій Воловичъ, Минскій воевода Гаврила Горностай, Минскій каштелянъ Янъ Глѣбовичъ, крайчій Янъ Кишка, стольникъ Николай Дорогостайскій, дворный подскарбій Лавринъ Война, староста Городенскій и Могилевскій Александръ Ходкевичъ, а также представители шляхты повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Полный ихъ списокъ см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 143—144.

[3]) Стр. 252.

говоритъ въ то же время и о сліяніи ихъ въ единой Польской Коронѣ, тѣмъ противорѣча федеративности создаваемаго имъ союзнаго государства или союза государствъ Литвы и Польши[1]). При такомъ положеніи, конечно, настоятельно требовалось оффиціальное толкованіе договора Уніи, которое бы устранило его противорѣчіе. Король Стефанъ и далъ это толкованіе въ актѣ[2]), выданномъ имъ 29 іюня 1576 года Великому Княжеству Литовскому. Въ немъ говорится, что Стефанъ Баторій былъ призванъ „divina voluntate ad gubernacula communis Reipublicae Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae". Повторяя по требованію Великаго Княжества Литовскаго свою присягу при вступленіи на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой, король Стефанъ призналъ и правильность основаній этого требованія, а именно: 1) общій монархъ, согласно акту Люблинской Уніи, долженъ получать избраніе „ab utraque natione scilicet Polona et Lituana communiter" и 2) никто не можетъ „in Regno Poloniae et Magno Ducatu Litvaniae imperare", т. е. стать ихъ монархомъ, иначе, какъ только „requisito legitime ac de jure accedente utriusque nationis proprio consensu, quemadmodum etiam in reliquis Regni conventibus nihil statui posse, quo utraque natio teneatur et obligetur, non advocata, aut non consentiente utraque natione, juxta continentiam litterarum Unionis".

Такимъ образомъ, документъ, выданный Стефаномъ Баторіемъ Великому Княжеству Литовскому 29 іюня 1576 года, разъяснилъ, что Люблинская Унія не слила его народа съ народомъ Польши въ „unum Regnum". Что же касается „спольныхъ" сеймовъ, которые Баторій, строго придерживаясь текста договора и привилея Уніи 1569 года, называетъ Коронными (Regni), то они признаны имъ соединеніемъ представителей двухъ равноправныхъ въ федераціи народовъ, а не парламентомъ единаго государства. Сеймъ Речи Посполитой состоитъ изъ соединенія сеймовъ Литвы и Польши, какъ его составныхъ частей. Одна изъ этихъ частей не только не можетъ рѣшать общихъ дѣлъ, какъ избраніе монарха Польско-Литовской Речи Посполитой, безъ приглашенія другой, но не можетъ дѣлать и вообще постановленій для всей федераціи иначе, какъ только съ согласія представителей Короны Польской съ представите-

[1]) См. выше, стр. 277—282.

[2]) Źródła Dziejowe, t. IV, № XV. Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 146, прим. 1.

лями Великаго Княжества Литовскаго. Иными словами, для общихъ дѣлъ Польско-Литовской федераціи требуется не согласное рѣшеніе членовъ ея „спольнаго“ сейма, а соглашеніе между представителями государствъ Польши и Литвы. Если такое толкованіе далъ король Стефанъ относительно разрѣшеній „спольнымъ“ сеймомъ общихъ для всей Речи Посполитой дѣлъ, то изъ него слѣдуетъ выводъ, что этотъ сеймъ не признавался имѣющимъ право дѣлать какія-либо постановленія для каждаго изъ государствъ федераціи иначе, какъ съ согласія именно его представителей. Дальнѣйшимъ выводомъ изъ этого положенія должна была явиться возможность отрицанія права Польской части „спольнаго“ сейма вообще входить въ обсужденіе внутреннихъ дѣлъ Литвы и, наоборотъ, Литовскимъ представителямъ вмѣшиваться въ сеймовыя постановленія, относящіяся до внутреннихъ дѣлъ Польской Короны. Слѣдующимъ выводомъ изъ всего этого должна была явиться возможность пониманія значенія „спольнаго“ сейма въ дѣлахъ внутреннихъ для каждаго изъ государствъ федераціи лишь какъ мѣста ихъ разрѣшенія каждымъ изъ нихъ въ законодательномъ порядкѣ путемъ внесенія въ сеймовыя конституціи, а не какъ законодательнаго учрежденія въ истинномъ значеніи этого выраженія. Какъ увидимъ ниже, всѣ эти выводы изъ своего и короля Стефана толкованія договора Уніи 1569 года Великое Княжество Литовское дѣйствительно дѣлало и вводило ихъ въ практику „спольнаго“ сеймованья.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Стефанъ Баторій прежде, чѣмъ выдать свой листъ 29 іюня 1576 года, лично и основательно изучилъ привилей Люблинской Уніи. Онъ слишкомъ серьезно относился къ своимъ обязанностямъ монарха, чтобы вынести такое отвѣтственное рѣшеніе по толкованію договора Уніи. Какъ мы видѣли выше[1]), король Стефанъ вообще изучалъ самъ законы и Польши, и Великаго Княжества Литовскаго. Само собою разумѣется, что самостоятельное ознакомленіе съ ними онъ долженъ былъ начать именно съ привилея Люблинской Уніи. Изучивъ его и истолковавъ такъ, какъ мы только что старались показать, Стефанъ Баторій во все послѣдующее время своего царствованія и дѣйствовалъ согласно своему оффиціально выраженному пониманію значенія

[1]) Стр. 78.

Люблинской Уніи, какъ монархъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Превосходное образованіе и начитанность въ классической литературѣ соединялись у короля Стефана съ яснымъ умомъ, сознаніемъ долга и отвѣтственности, а также большимъ опытомъ, накопленнымъ имъ во время его предшествующей жизни. Управленіе Трансильваніей и знакомство съ организаціей соединенной монархіи Габсбурговъ, съ 1526 года представлявшей собою соединеніе государствъ Австрійскаго, Чешскаго и Угорскаго, дали Стефану Баторію прекрасную основу для правильнаго пониманія природы и Польско-Литовской соединенной Речи Посполитой, созданной Люблинскою Уніею. Совершенно естественно, что онъ смогъ разобраться въ противорѣчіяхъ договора этой Уніи и ясно представить его сущность какъ государственно-правового акта. Онъ тѣмъ легче могъ это сдѣлать, что былъ свободенъ отъ элементовъ чувства и страстности, вносимыхъ представителями Литвы и Польши въ ихъ споры о значеніи Люблинской Уніи 1569 года.

Но Стефанъ Баторій 29 іюня 1576 года не только принесъ присягу передъ Литовскимъ посольствомъ. Послѣднее представило ему рядъ требованій становъ Великаго Княжества Литовскаго, которыя въ свое время могли бы быть внесены въ pacta conventa, предложенныя новому королю, еслибы его избраніе было произведено обоими народами вмѣстѣ. Такъ какъ Баторій былъ избранъ одними поляками, то Литва представила ему свои требованія отдѣльно, и часть ихъ была принята королемъ Стефаномъ къ исполненію въ отдѣльномъ документѣ, выданномъ имъ того же 29 іюня 1576 года литовцамъ[1]). Грамотою короля исполнялись слѣдующіе пять пунктовъ Литовскихъ требованій. Во-первыхъ, требованіе относительно обязательнаго участія Литовскихъ сенаторовъ въ прибочной радѣ королевской, учрежденной артикулами элекціи короля Генриха[2]). Общее число Литовскихъ сенаторовъ было меньше числа Коронныхъ, поэтому ихъ рядъ долженъ былъ прекращаться скорѣе, чѣмъ сенаторовъ Польши, при обновленіяхъ состава этихъ 16-ти членовъ прибочной рады съ каждымъ сеймомъ. Своею грамотою Стефанъ Баторій и постановлялъ, что, когда всѣ на-

---

1) Źródła Dziejowe, t. IV, № XVI.

2) О ней см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 105, 147 и 689.

значенные сенаторы Литвы перебываютъ по-очереди въ прибочной радѣ, въ то время какъ рядъ Коронныхъ еще не дошелъ до своего конца, Литовскіе вступаютъ въ эту раду опять по ихъ списку съ его начала, Коронные же продолжаютъ вступать въ нее по своему порядку по-прежнему. Этимъ Великому Княжеству Литовскому гарантировалось постоянное присутствіе сенаторовъ его государства въ королевской прибочной радѣ. Во-вторыхъ, не дѣйствовавшія во время безкоролевій постановленія, не приведенныя въ исполненіе передъ смертью Сигизмунда Августа, могутъ теперь быть приняты во всѣхъ судахъ Литвы. Въ-третьихъ, гарантируется ненаказуемость всѣмъ лицамъ, подавшимъ свои голоса противъ избранія Стефана Баторія, и снятіе съ нихъ отвѣтственности, наложенной Андреевскимъ съѣздомъ. Въ-четвертыхъ, лежащія въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго королевскія имѣнія должны перейти къ государству Литвы, въ силу ихъ передачи ему королемъ. Въ-пятыхъ, король воспретитъ и воспрепятствуетъ обѣимъ канцеляріямъ Польской Короны выдавать листы въ воеводства Великаго Княжества Литовскаго, ибо эти листы могутъ нарушать компетенцію Литовскихъ урядовъ. Король также воспретитъ должностнымъ лицамъ Польши и ея воеводствъ вообще вмѣшиваться въ эту компетенцію и давать судъ и выносить рѣшенія въ дѣлахъ, перенесенныхъ къ нимъ по позвамъ кого-либо изъ Литвы, и вообще посягать на что-либо Литовское силою своего уряда.

Такимъ образомъ, Литовскіе послы получили отъ Баторія привилей, исполняющій часть ихъ требованій. Они, однако, добивались большаго. Они требовали отъ короля, чтобы онъ своею присягою устранилъ все, что причинило ущербъ народу Великаго Княжества Литовскаго, и чтобы онъ ею же обезпечилъ въ полной неприкосновенности всѣ права, свободы и вольности государства Литвы. Что́ изъ этихъ требованій Стефанъ Баторій нашелъ возможнымъ выполнить, онъ, какъ мы это уже видѣли, утвердилъ своею присягою; остальное же отложилъ до ближайшаго сейма. Это отложенное представляло собою уже не только приведеніе въ исполненіе статей привилея Люблинской Уніи, гарантировавшихъ Литвѣ ея государственное значеніе въ соединенной Речи Посполитой, но и дальнѣйшее развитіе условій Польско-Литовской Уніи въ направленіи осуществленія литовскаго проекта ея, привезеннаго въ 1569 году на

Люблинскій сеймъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ встрѣчаемъ и требованіе созыва „спольныхъ“ сеймовъ поочередно въ Польшѣ и въ Литвѣ, и введеніе литовскихъ князей въ сенатъ, ибо они имѣли до Уніи свое постоянное мѣсто въ радѣ Великаго Княжества Литовскаго, и другія требованія, представлявшія собою измѣненіе постановленій сейма Уніи 1569 года. Для признанія ихъ основными законами соединенной Речи Посполитой, конечно, требовалось согласіе Польши, какъ равноправной съ Литвою стороны, ибо ихъ соглашеніе установило ихъ Унію и ея условія. Но король Стефанъ, отлагая эти требованія Литовскаго посольства до слѣдующаго сейма, приказалъ выдавать всего этого „преписы“ изъ Литовской государственной канцеляріи, а передъ слѣдующимъ сеймомъ разослать ихъ по воеводствамъ и повѣтамъ Великаго Княжества Литовскаго[1]). По всему широкому простору государства Литвы, такимъ образомъ, во всей массѣ его шляхетскихъ обывателей вновь понеслись идеи стараго литовскаго проекта Уніи, отвергнутыя въ 1569 году поляками и принятыя въ 1576 году къ новому обсужденію на сеймикахъ и Польско-Литовскомъ сеймѣ.

Время второго безкоролевья и вступленія Стефана Баторія на престолъ Речи Посполитой оставило глубокій слѣдъ въ развитіи дальнѣйшихъ отношеній Великаго Княжества Литовскаго и Польши. Въ послѣдніе годы жизни Сигизмунда Августа Литва переживала крайнее раздраженіе и нѣкоторую подавленность послѣ событій 1569 года. Но подавленность мало по малу уменьшалась, уступая мѣсто все возрастающей энергіи и сознанію необходимости борьбы за возстановленіе прежняго значенія государства Литвы, въ его полномъ объемѣ. Воля къ этой борьбѣ и энергія въ ея веденіи стали возрастать все больше и больше. И въ годы безкоролевья, наступившаго послѣ бѣгства изъ Кракова короля Генриха, онѣ достигли уже большой силы. Государственное сознаніе Литвы владѣло въ это время и ея сенаторами, и массами ея шляхты. Органами его выраженія являлись повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго и его государственные съѣзды. Послѣдніе, ставъ потребностью жизни государства Литвы, своимъ существованіемъ и развитіемъ фактически упраздняли постановленіе акта Люблинской Уніи, запретившаго отдѣльные съѣзды народовъ и го-

---

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 147—149.

сударствъ, по польской идеѣ Уніи долженствовавшихъ слиться во-едино. И государственный съѣздъ Литвы времени второго безкоролевья увѣренно и отчетливо выступаетъ въ значеніи органа выраженія воли народа Великаго Княжества Литовскаго. Эту волю онъ заявляетъ и Польшѣ, и монарху, котораго считаетъ себя въ правѣ признать или не признать великимъ княземъ Литовскимъ. Саму Люблинскую Унію, которой договоръ заключенъ на вѣчныя времена по польскому его толкованію, государственный съѣздъ Литвы признаетъ себя въ полномъ правѣ разорвать и даже оффиціально заявляетъ объ ея разрывѣ полякамъ, если ими нарушаются права Литвы и если этого разрыва пожелаетъ Великое Княжество Литовское, выразивъ свою волю черезъ постановленіе своего государственнаго съѣзда. Отъ Стефана Баторія Литва получила и формальное признаніе своего государственнаго значенія рядомъ съ Польшею въ своемъ съ нею федеративномъ союзѣ, именуемомъ ихъ „спольною" Речью Посполитою. Мы видѣли выше, что 29 іюня 1576 года король Стефанъ не только повторилъ передъ представителями Великаго Княжества Литовскаго уже принесенную присягу, хотя актъ Уніи устанавливалъ, что отсутствіе одного изъ народовъ при королевской элекціи не можетъ служить непризнанію акта избранія; онъ выдалъ Литвѣ подтвержденіе ея правъ на особомъ листѣ, что запрещалъ дѣлать привилей Люблинской Уніи. Этого мало. Стефанъ Баторій 29 іюня 1576 года далъ толкованіе акта Уніи именно въ томъ смыслѣ, какъ понимала его Литва, т. е. въ смыслѣ признанія соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой федераціей двухъ равноправныхъ въ ней государствъ, Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, а не единою Короною Польскою какъ единымъ, унитарнымъ государствомъ. Это толкованіе являлось признаніемъ дѣйствительнаго характера отношеній Литвы и Польши, уже устанавливавшихся тогда опредѣленно на смѣну оказавшейся неспособною реализоваться польской идеи Уніи какъ ихъ сліянія въ единое тѣло. Особая государственность Великаго Княжества Литовскаго получила въ 1576 году формальное признаніе въ оффиціальномъ актѣ, выданномъ монархомъ Речи Посполитой, и этотъ актъ не былъ опротестованъ Польшею. Иначе говоря, послѣдняя признала эту государственность существующею рядомъ съ Польскою и Литву равноправною съ Польшею частью ихъ федеративнаго союза. Монархъ Речи Посполитой былъ признанъ

не королемъ Польской Короны по волѣ всего соединеннаго Люблинскою Уніею въ этой Коронѣ ея народа, какъ понималъ дѣло привилей Уніи 1569 года. Избраніе Баторія было произведено отдѣльно и въ разное время каждымъ изъ соединенныхъ Уніею государствъ. Польская Корона смогла избрать его лишь королемъ Польши, а великимъ княземъ Литовскимъ онъ могъ стать только тогда, когда его признало своимъ монархомъ и Великое Княжество Литовское. Титулъ монарха соединенной Речи Посполитой, какъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, получилъ свое толкованіе на основѣ реальной дѣйствительности государственнаго значенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго, какъ двухъ равноправныхъ государствъ въ ихъ федераціи. Что касается вальнаго сейма Речи Посполитой, то онъ опредѣленно и отчетливо выливался въ конгрессъ представителей двухъ государствъ, а не въ органъ шляхетскаго представительства единой Речи Посполитой. Великое Княжество Литовское отказалось голосовать на немъ вмѣстѣ съ представителями Польши по воеводствамъ. Оно настаивало на своемъ требованіи подавать свой голосъ отъ имени цѣлаго своего государства, и этотъ голосъ выявлялъ его волю, иногда согласную съ желаніями Короны, а иногда совершенно ихъ отрицающую и не признающую. Отношенія Литвы и Польши съ 1576 года опредѣлились въ главныхъ очертаніяхъ. Дальнѣйшее время должно было эти очертанія заполнить яснымъ и точнымъ рисункомъ, выявить ихъ въ деталяхъ и закрѣпить окончательно какъ въ фактахъ и явленіяхъ жизни, такъ и путемъ формальныхъ государственныхъ актовъ. Жизнь соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой развивалась постоянно и неуклонно въ направленіи литовскаго проекта Уніи 1569 года. И это развитіе ярко выступаетъ передъ историкомъ уже въ царствованіе Стефана Баторія.

Получивъ отъ Великаго Княжества Литовскаго его признаніе себя великимъ княземъ Литовскимъ, король Стефанъ совершилъ въ Литву поѣздку какъ ея монархъ, а затѣмъ, заѣхавъ въ Варшаву, отправился въ Пруссію. Въ Брестѣ Куявскомъ ему принесъ присягу Прусскій герцогъ, а въ Торунѣ присягнула королевская Пруссія, за исключеніемъ Гданска. Послѣдній отказался признать Баторія, продолжая свое возмущеніе противъ Польскаго короля, начатое еще въ царствованіе Сигизмунда Августа. Необходимо было силою покорить непокорный

городъ, и король Стефанъ созвалъ въ октябрѣ 1576 года сеймъ въ Торунѣ для постановленія податка на нужды войны. Для исторіи отношеній Польши и Великаго Княжества Литовскаго Торунскій сеймъ имѣетъ свое значеніе. На немъ сеймовые послы Литовскіе заявили протестацію противъ дѣйствій поляковъ по отношенію къ Литвѣ. Текстъ этой протестаціи сохранился въ Литовской Метрикѣ[1]). Земскіе послы Великаго Княжества Литовскаго, „пришедъши" передъ короля Стефана, „оповедали", что они въ теченіе цѣлаго сейма просили „отъ становъ Коруны Польское" обороны своему государству, „водле списку Уніи повинъное". Земскіе послы Польши не нашли другого способа для этой обороны, какъ посполитое рушенье. Тогда послы Великаго Княжества Литовскаго поставили рядъ условій при приведеніи въ исполненіе этого рушенья. Они потребовали, чтобы во время похода Короннаго войска не дѣлались „шкоды" обывателямъ государства Литвы. Надо думать, что ихъ требованія касались и обезпеченія правъ и компетенціи властей этого государства отъ нарушенія ихъ неприкосновенности командным ъ составомъ посполитаго рушенья Польши. Поляки отказались принять поставленныя Литвою условія. Тогда ея сеймовые послы отвергли рушенье шляхты Короны, какъ „шкодъливое, ку уближенью а праве зъгубе ихъ постановъленое". При этомъ они заявили, что поляки, отказываясь отъ поставленныхъ имъ Литвою условій пріемлемости для нея Короннаго рушенья и лишая тѣмъ ее военной помощи фактически, нарушили договоръ Люблинской Уніи, обязывающій оба соединенныя ею государства взаимно помогать другъ другу противъ ихъ враговъ. Послы сеймовые Великаго Княжества Литовскаго напомнили о томъ, что его силы были уменьшены „одештьемъ до Коруны певъныхъ земль и воеводствъ" на Люблинскомъ сеймѣ и что, если оно понесетъ новыя потери отъ войскъ Москвы, вина за нихъ падетъ на Польшу. Кромѣ того, представители Литвы потребовали еще, чтобы ея „арты-

---

[1]) „Протестацыя пословъ Вел[икого] К[ня]з[ства] Литовского противко становъ Корунныъ, на сойме Торунскомъ учиненая з стороны неданя обороны Великому Князству Литовскому водлугъ списовъ Унии". Ея текстъ, сохранившійся въ Литовской Метрикѣ, изданъ — И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 154—156, прим. 4. Въ передачѣ латино-польскимъ письмомъ — Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia, t. XI, № XLII.

кулы", выработанные на Мстибоговскомъ съѣздѣ и представленные Баторію передъ его признаніемъ великимъ княземъ Литовскимъ, но отложенные имъ до сейма, какъ не рѣшенные Торунскимъ сеймомъ, были внесены на слѣдующій ближайшій вальный сеймъ Речи Посполитой. Король далъ свое согласіе на послѣднее требованіе и, такимъ образомъ, утвердилъ текстъ пересказываемой нами протестаціи. Текстъ этотъ король распорядился выдать въ копіяхъ во всѣ воеводства и повѣты Великаго Княжества Литовскаго[1]). И опять шляхетскій „народъ" его на сеймикахъ, а также при съѣздахъ на роки и рочки повѣтовыхъ судовъ, въ корчмахъ и господахъ, при случайныхъ встрѣчахъ шляхтичей и въ бесѣдахъ въ шляхетскихъ домахъ, заговорилъ объ Уніи съ Польшею и ея отрицательныхъ последствіяхъ для Великаго Княжества Литовскаго. Зазвучали горячія рѣчи о насиліи надъ Литвою, произведенномъ въ 1569 году Польшею, и о захваченныхъ ею Волыни, Подольѣ, Подляшьѣ и Кіевщинѣ. Въ этихъ рѣчахъ, несомнѣнно, было много вражды къ Польшѣ, и въ нихъ указывалось на многія обиды, учиненныя ею Литвѣ. Не могло не говориться о незбывшихся надеждахъ на помощь Польши противъ внѣшнихъ враговъ Великаго Княжества Литовскаго, ради которой оно главнымъ образомъ и заключало съ нею Унію. Отъ Москвы грозили страшною угрозою новые захваты ею территоріи государства Литвы. Имѣнія массы его шляхетныхъ обывателей лежали „спустошоными и знищоными" Московскими войсками въ земляхъ, уже ими опустошенныхъ[2]). Бѣженцы-„эксулянты", лишенные крова и имущества, изъ захваченныхъ Москвою повѣтовъ разсказывали объ ужасахъ, ими пережитыхъ, еще болѣе поднимая настроеніе шляхетскаго „народа" Литвы противъ Польши, въ которой не могли не видѣть виновницы ослабленія возможностей борьбы съ врагомъ Литвы, благодаря оторванію ею въ 1569 году отъ Великаго Княжества Литовскаго значительной части

---

[1]) Оригиналъ листа съ этою протестаціею, адресованнаго въ Минскій повѣтъ, заканчивался такъ: „якожъ до воеводства Менского сесь преписъ съ того всего за печатю нашою выданъ естъ". Дальше слѣдуетъ дата (Торунь, 20 декабря 1576 года) и подпись писаря Андрея Ивановича. Къ листу притиснута сюргучная печать короля Стефана. Документъ хранился въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки — Б, шк. 1, п. 2, м. 25, въ сборникѣ листовъ, по нумераціи сборника л. 10 и об.

[2]) Ср. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 176—177, прим. 4.

его территоріи, съ ея военными силами и средствами, и въ то же время отказу ему теперь въ дѣйствительной помощи противъ его грознаго врага. Совершенно понятно, что литовскій проектъ Уніи 1569 года, котораго идея воскрешалась и въ „артикулахъ“ Мстибоговскаго съѣзда, вновь сообщенныхъ въ повѣты государства Литвы по распоряженію короля Стефана въ копіяхъ-„announcedписахъ“ протестаціи его представителей на Торунскомъ сеймѣ, былъ въ мысляхъ и въ разговорахъ шляхтичей Великаго Княжества Литовскаго. Его идея полнаго равенства обоихъ государствъ въ ихъ федераціи должна была представляться единственно пріемлемою для Литвы въ соединенной Речи Посполитой и необходимо подлежащей осуществленію во что бы то ни стало.

Торунскій сеймъ не далъ тѣхъ результатовъ, на которые надѣялся король Стефанъ. Великое Княжество Литовское отказалось отъ посполитаго рушенья Польши. Да и самъ Баторій, какъ знатокъ военнаго дѣла, не могъ признавать рушенье шляхты такимъ войскомъ, съ которымъ можно бы было вести успѣшно военныя дѣйствія противъ наемныхъ отрядовъ регулярныхъ войскъ, находившихся въ распоряженіи Гданска, и противъ громадныхъ военныхъ силъ Московскаго государства. Королю Речи Посполитой были необходимы средства на наемъ регулярныхъ „ротъ“ хорошо обученной пѣхоты и конницы. А этихъ средствъ ему не далъ Торунскій сеймъ, отказавшій въ установленіи податка на нужды войны. При такомъ положеніи дѣла король Стефанъ рѣшился, минуя сеймъ, обратиться за установленіемъ нужнаго ему податка непосредственно къ шляхетскому „народу“ Речи Посполитой. Этотъ податокъ былъ ему тѣмъ нужнѣе, что въ мартѣ 1577 года передъ соединеннымъ Польско-Литовскимъ государствомъ выросла новая опасность — въ его предѣлы вторглись татары, проникшіе до Дубна. Стефанъ Баторій созвалъ воеводскіе и повѣтовые сеймики, а послѣ нихъ съѣзды по частямъ Речи Посполитой. Такой съѣздъ, или главный сеймикъ, Великой Польши собрался въ Колѣ, Малой Польши — въ Корчинѣ, Мазовіи — въ Варшавѣ. Съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго былъ собранъ въ Волковыйскѣ. Его постановленія состоялись 17 іюля 1577 года. Податокъ, установленный этимъ съѣздомъ съ Литвы, согласно его постановленіямъ, долженъ быть обращенъ на наемъ войска только „ку потребамъ того самого панства, Вели-

кого Князства Литовского, а не на што иного". Если не окажется надобности въ наймѣ для обороны этого „панства" солдатъ, избранные для завѣдыванія податкомъ депутаты или главные поборцы[1]) должны сохранить его суммы въ цѣлости и неприкосновенности. Въ деньгахъ этихъ они имѣютъ дать отчетъ всѣмъ станамъ Великаго Княжества Литовскаго на ближайшемъ обычномъ Волковыйскомъ главномъ сеймикѣ-съѣздѣ, который соберется передъ слѣдующимъ сеймомъ. Такимъ образомъ, ни на какія нужды Польши и соединенной Речи Посполитой въ ея цѣломъ деньги, полученныя отъ этого податка, ни въ какомъ случаѣ расходоваться не могутъ, ибо онѣ ассигнуются государственнымъ съѣздомъ Литвы исключительно на ея потребности. Сверхъ того Литовскій съѣздъ 1577 года подчеркнулъ, что настоящій созывъ королемъ повѣтовыхъ и главнаго сеймиковъ идетъ въ разрѣзъ съ привычнымъ порядкомъ, а также нарушаетъ права и вольности católicos становъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ какъ сеймики должны созываться королемъ только передъ вальнымъ сеймомъ. Лишь въ виду нуждъ и опасностей для самого Великаго Княжества Литовскаго, его станы исполнили королевскую волю и съѣхались сначала на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, а затѣмъ и на главномъ[2]).

Постановленія Волковыйскаго съѣзда 1577 года, такимъ образомъ, имѣютъ ясно выраженный характеръ изъявленія воли Великаго Княжества Литовскаго и считаются только съ интересами и правами этого послѣдняго. Къ нуждамъ цѣлой Польско-Литовской Речи Посполитой Волковыйскій съѣздъ не проявляетъ никакого интереса. О потребностяхъ Польши онъ не хочетъ знать ничего. Его заботятъ лишь нужды его собственной речи посполитой, его государства, т. е. Великаго Княжества Литовскаго, и для этихъ исключительно нуждъ онъ и собрался, и выработалъ свои постановленія. Но Волковыйскій

---

[1]) Земскій подскарбій и писарь Великаго Княжества Литовскаго, староста Пинскій, державца Олитскій и Квасовскій Лавринъ Война, крайчій Великаго Княжества Литовскаго Янъ Кишка и господарскій маршалокъ, Новгородскій земскій судья Мальхеръ Сновскій.

[2]) Актъ постановленій Волковыйскаго съѣзда 1577 года — Акты, изд. Вил. Арх. Комм., III, стр. 271—277. Тотъ же документъ изданъ въ Acta Hist. R. G. P. ill. (IX, № LVIII), но переписанъ латиницею, въ измѣненномъ такимъ образомъ видѣ.

съѣздъ 1577 года выправилъ къ королю Стефану и свое спеціальное посольство[1]), которому далъ инструкцію, сохранившуюся въ Литовской Метрикѣ[2]). Въ этой инструкціи рѣзко выражено недовольство поляками и отчетливо проводится идея государственности Великаго Княжества Литовскаго и договорности его отношеній къ Польшѣ въ ихъ федеративной Речи Посполитой, съ охраною отъ польскихъ притязаній и захватовъ территоріи государства Литвы. Основы литовскаго проекта Уніи 1569 года всплываютъ опредѣленно въ инструкціи Волковыйскаго съѣзда 1577 года. Свой отказъ въ ассигнованіи средствъ на веденіе войны съ Гданскомъ Волковыйскій съѣздъ объясняетъ какъ тѣмъ, что „паны поляки", не посовѣтовавшись съ Литвою, „таковое поднесенье войны домовое учынили" и тѣмъ выказали пренебреженіе по отношенію къ ней, такъ и тѣмъ, что Великому Княжеству Литовскому самому грозятъ большія опасности отъ Москвы и Крыма. Волковыйскій съѣздъ заявилъ королю Стефану, что, въ виду серьезности опасностей, грозящихъ Литвѣ, онъ желалъ бы видѣть его въ ней самого — „ради быхъмо завжды волнейшого его королевъскую милость, пана нашого, отъ справъ дома затрудненыхъ ку отъпору и постраху непрыятелей посторонъныхъ видѣли, для чого ижъ бы его королевъская милость особою маестату своего до здєшнего паньства, Великого Князства Литовъского, прыбыти рачылъ". Указывая на то, что Литва не получаетъ отъ Польши помощи, которую послѣдняя должна ей оказывать „водле списовъ и попрысяженья сполного", Волковыйскій съѣздъ выдвигаетъ указаніе на уменьшеніе ея военныхъ средствъ „за оторъваньемъ силъ, з вековъ вечъныхъ з Великимъ Князствомъ Литовъскимъ споеныхъ, то естъ за отълученьемъ земль Кіевъское, Волынское, Подъляское, Браславъское и з ними множъства пановъ-радъ, княжатъ, панятъ, становъ рыцеръства зацъного". Лифляндскую землю проситъ Волковыйскій съѣздъ сохранить за Литвою одною, ибо эта земля договорами и присягами присоединилась только къ Великому Княжеству Литовскому „и належыть" только къ нему и „нигде инъдей". Въ случаѣ сложе-

[1]) Господарскій секретарь Войтехъ Девилтовскій и Мартинъ Стравинскій, тіунъ и городничій Троцкій.

[2]) Эта инструкція издана — И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 74—85.

нія съ себя администраторства въ Лифляндіи Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ, его преемникомъ можетъ, поэтому, быть лишь человѣкъ изъ народа Литовскаго.

Послы Волковыйскаго съѣзда должны особенно королю „прыпоменути и пилне ся о то домовити", что Виленскій бискупъ[1]) со своею капитулою, „съ постановенья якогась духовного Полского", собралъ какой-то податокъ съ церковныхъ земель, находящихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и хочетъ отсылать его кому-то въ Польшу. Черезъ это производилось бы „ниякое отълучене отъ Великого Князства Литовского", и этого никогда не дѣлали Виленскіе бискупы раньше. Съѣздъ проситъ короля „листомъ своимъ" указать Виленскому бискупу, что собранный имъ податокъ онъ не можетъ отдавать никуда, кромѣ какъ "на потребы здешнего паньства, Великого Князства Литовъского". Съѣздъ при этомъ постановилъ: если только Виленскій бискупъ не будетъ отдавать податка, какъ и всѣ другіе, повѣтовымъ поборцамъ, а станетъ его отсылать „подъ владзу, з сыноду Полского постановленую", то бискупьи имѣнія будутъ взяты „на речъ посполитую" Литвы, „з ураду пана маръшалка и пана подскаръбего".

Отмѣчаетъ далѣе та же инструкція и рядъ нарушеній королемъ Стефаномъ правъ и интересовъ Великаго Княжества Литовскаго. Онъ установилъ новыя мыта безъ согласія Литовскихъ становъ и противъ заявленія Литовскихъ пословъ на Торунскомъ сеймѣ. Волковыйскій съѣздъ проситъ настоятельно, чтобы эти мыта не собирались. Кромѣ того, король Стефанъ, еще не побывавши въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и еще тамошнихъ „веръныхъ подданыхъ своихъ не познавшы", не видѣвъ притомъ самъ и имѣній „столу своего" тамъ, сталъ раздавать ихъ „розныхъ народовъ людемъ". Въ виду этого, послы съѣзда должны были настоятельно просить его „добръ столу Великого Князства Литовъского безъ ведомости пановъ-радъ и становъ здешнего паньства никому з народовъ объчыхъ и суседъскихъ" не раздавать. Не надо забывать, что „суседами" въ Литвѣ называли поляковъ. Но любопытна и мотивировка этой просьбы. Въ ней опять напоминается обидное и крайне тяжелое для Литвы оторваніе отъ нея земель Польшею

[1]) Валеріянъ Протасовичъ. Съ 1575 года его коадъюторомъ былъ князь Юрій Радивилъ.

на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году — „кгдыжъ досыть немало провинъцый Великого Князства Литовского однымъ разомъ до Коруны естъ безправне отълучоно, — где болшой шырокости снадней кому будеть воля его королевское милости опатренье чынити, у Великомъ Князстве Литовскомъ добръ, столу короля его милости належачыхъ, не ущыръбьяючы“.

Требуетъ инструкція Волковыйскаго съѣзда и указанія королю на нарушенія правъ государства Литвы въ пограничьѣ съ Польшею присвоеніемъ судами послѣдней суда надъ Литовскими обывателями. Король долженъ прекратить подобныя явленія и приказать „до врадовъ належныхъ послушеньство водлугъ стародавного звычаю чынити“. Ближайшій спольный вальный сеймъ проситъ Волковыйскій съѣздъ Стефана Баторія назначить или „тутъ, у Великомъ Князстве Литовъскомъ“, или же по близости отъ его границъ, а не въ Варшавѣ, согласно постановленію Люблинскаго сейма Уніи. По вопросу о чеканкѣ монеты, поставленному королемъ на обсужденіе съѣзда, съѣздовая инструкція отмѣчаетъ, что это „естъ речъ властне сойму належачая“, почему этотъ вопросъ и долженъ быть отложенъ до сейма. Но свое принципіальное отношеніе къ нему Волковыйскій съѣздъ все-таки считаетъ возможнымъ высказать. Онъ полагаетъ, что, при соблюденіи извѣстныхъ условій, возможна передача чеканки монеты и въ руки частныхъ лицъ. Но онъ настаиваетъ на томъ, чтобы монетное дѣло было организовано во всякомъ случаѣ отдѣльно для Польши и для Литвы. Въ первой оно должно вестись „подъ зверъхностью короля его милости и з ведомостью пановъ-радъ и за справою врадъниковъ Полскихъ“, а во второй „подъ зверхностю короля его милости, за ведомостью пановъ-радъ а за справою врадъниковъ Литовъскихъ“.

Волковыйскій съѣздъ 1577 года[1]) является крупнымъ фактомъ, звеномъ въ той цѣпи дѣйствій Великаго Княжества Литовскаго, которыми оно устраивало въ десятилѣтія послѣ Люблинскаго сейма 1569 года свои отношенія къ Польской Коронѣ. Его постановленія и требованія говорятъ ясно, что созна-

[1]) Объ этомъ съѣздѣ см. — Prof. J. Lappo, Iš vyriausiųjų Lietuvos suvažiavimų istorijos XVI amž. 1577 metų suvažiavimas rytų Vilkaviškyje (Kaunas, 1932). На стр. 37—43 этой работы изданы и нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Волковыйскаго съѣзда 1577 года.

ніе себя особымъ государствомъ и послѣ Люблинской Уніи живетъ въ станахъ Великаго Княжества Литовскаго прочно, и оно глубоко утверждено въ широкихъ массахъ его шляхетскаго „народа“. Ближайшіе послѣдующіе годы не только не ослабили его, но, наоборотъ, принесли съ собою еще большее его развитіе и закрѣпленіе.

Когда въ концѣ 1577 года Гданскъ былъ окончательно усмиренъ, Стефанъ Баторій получилъ возможность отдать себя цѣликомъ Московской войнѣ. Стоя еще обозомъ подъ Гданскомъ, онъ обратился съ воззваніемъ къ шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго, призывая ее подъ команду великаго гетмана Литвы, Виленскаго воеводы Николая Радивила, а въ январѣ 1578 года войну съ Москвою рѣшилъ и Варшавскій сеймъ, постановивъ податокъ на ея веденіе[1]). Въ конституціяхъ сейма 1578 года нѣтъ упоминанія объ исполненіи Литовскихъ требованій, представленныхъ въ 1576 году Стафану Баторію и отложенныхъ имъ сначала на Торунскій сеймъ, а затѣмъ на Варшавскій 1578 года. Однако въ эти конституціи внесено важное постановленіе, отвѣчавшее желаніямъ Литвы, — о томъ, чтобы въ Коронѣ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ были отдѣльные монетные дворы[2]). Кромѣ того было рѣшено произвести болѣе точное опредѣленіе границъ Литвы и Польши. Еще на Торунскомъ сеймѣ паны-рада и земскіе послы Великаго Княжества Литовскаго указывали на то, что обыватели Берестейскаго воеводства привлекаются въ административно-судебный округъ воеводства Подляшскаго, и просили, чтобы воеводству Берестейскому не дѣлалось „уближенья“ въ его границахъ. На то же нарушеніе государственныхъ правъ Литвы указывалъ королю Стефану Волковыйскій съѣздъ 1577 года, требуя отъ него приказанія „до врадовъ належныхъ послушеньство водлугъ стародавного звычаю чынити“. На Варшавскомъ сеймѣ 1578 года Берестейскіе послы вновь возобновили свою просьбу, и наконецъ коммиссія для разграниченія, составленная изъ поляковъ и литовцевъ, получила предписаніе начать свои дѣйствія. Это предписаніе было выдано за государственными печатями Польскою и Литовскою. Тѣми же двумя печатями была утверждена и королевская грамота о сложеніи съ себя

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 169.
[2]) Vol. Leg., t. II, p. 189, f. 977.

Яномъ Ходкевичемъ администраторства въ Ливоніи[1]). Въ обоихъ этихъ государственныхъ актахъ затрагивались интересы двухъ государствъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой, ибо первый касался болѣе точнаго опредѣленія границъ ихъ государственныхъ территорій, а второй относился къ устройству управленія въ той землѣ, которая находилась въ обладаніи ихъ обоихъ. Все яснѣе обнаруживалось, что Литва и Польша и въ соединенной Речи Посполитой продолжали оставаться особыми государствами. Жизнь отвергала польскую идею Уніи и все болѣе и болѣе закрѣпляла въ государственныхъ актахъ Речи Посполитой литовскую идею федераціи равноправныхъ государствъ, соединенныхъ договоромъ 1569 года съ сохраненіемъ своей отдѣльной государственности.

Московская война дала массу случаевъ и представила массу поводовъ для того, чтобы ясно обнаружились истинныя отношенія Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны въ соединенной Речи Посполитой, а ея описанія сохранили факты, ихъ рисующіе. Эта война послужила установленію на практикѣ взаимныхъ отношеній войскъ обоихъ народовъ во время ихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Составятъ ли во время войны военныя силы Литвы и Польши единую армію Речи Посполитой, или онѣ будутъ представлять собою отдѣльныя арміи двухъ государствъ, соединившихся въ федеративномъ союзѣ? Въ области организаціи военныхъ силъ и командованія ими долженъ былъ жизнью Польско-Литовской Речи Посполитой послѣ Люблинской Уніи разрѣшиться все тотъ же основной вопросъ ея государственной природы, который, какъ мы это видѣли выше, разрѣшался тою же жизнью въ другихъ областяхъ взаимныхъ отношеній Литвы и Польши послѣ 1569 года вообще и въ эпоху короля Стефана въ частности. И что́ же дала Московская война для разрѣшенія этого вопроса?

Во время военныхъ дѣйствій въ Московскую войну литовцы не смѣшиваются съ поляками, а всегда держатся отъ нихъ отдѣльно, составляя особые отряды въ войскѣ Стефана Баторія. Отношенія обоихъ народовъ во время походныхъ маршей, осадъ городовъ и лагерныхъ стоянокъ полны взаимнаго недовѣрія, враждебности и постояннаго различенія Литвы и Польши. Когда на сеймѣ 1579 года былъ поднятъ вопросъ о

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 169—170.

томъ, вести ли военныя дѣйствія королю лично, или черезъ своихъ намѣстниковъ, въ числѣ соображеній за непосредственное его руководство военными дѣйствіями было высказано и то, что „присутствіе его будетъ полезно для ослабленія раздоровъ, могущихъ возникнуть изъ-за соперничества между Польскими и Литовскими должностными лицами“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе короля въ войскѣ было необходимо въ виду характера взаимныхъ отношеній между поляками и литовцами. Литовцы были недовольны назначеніемъ главнокомандующимъ поляка Яна Замойскаго и не стѣснялись выражать свое недовольство. Они бранятъ Замойскаго и слагаютъ на него пасквили [2]). Только ради короля они соглашаются держать караулы, не желая этого дѣлать въ исполненіе распоряженій главнокомандующаго, т. е. Яна Замойскаго, какъ поляка [3]). Литовцы устраиваютъ свои особыя Литовскія совѣщанія [4]), собираясь въ своемъ обозѣ около своихъ начальныхъ людей [5]). Литовцы предъявляютъ свои требованія [6]) и дѣлаютъ свои заявленія [7]). Литовскіе паны-рада охраняютъ отдѣльные интересы Великаго Княжества Литовскаго и его народа. Они протестуютъ [8]) въ королевской радѣ противъ рѣшеній короля, которыя считаютъ нежелательными для Литвы. Стефанъ Баторій также вполнѣ признаетъ отдѣльность и различіе интересовъ литовскихъ и польскихъ. Онъ имѣетъ тайныя рады съ панами Великаго Княжества Литовскаго [9]) и вмѣстѣ съ ними вырабатываетъ и постановляетъ мѣры, касающіяся безопасности Литвы [10]). Чтó же удивительнаго въ томъ, что закрѣплявшееся въ обстановкѣ всего этого Литовское государственное сознаніе шло дальше по пути осуществленія литовскаго проекта Уніи 1569 года и

1) Рейнгольда Гейденштейна, Записки о Московской войнѣ 1578-1582 г.г. (СПБ., 1889), стр. 95.

2) Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (1581-1582 г.). СПБ., 1867. Стр. 120.

3) Тамъ же, стр. 87, 136.

4) Записки о Московской войнѣ, стр. 226.

5) Дневникъ посл. похода Ст. Бат., стр. 119.

6) Записки о Моск. войнѣ, стр. 133.

7) Дневникъ посл. похода Ст. Бат., стр. 119.

8) Тамъ же, стр. 118. Ср. тамъ же, стр. 116.

9) Тамъ же, стр. 41.

10) Записки о Моск. войнѣ, стр. 83.

литовцы именно въ это время стали опять требовать созыва вальнаго сейма въ предѣлахъ Литвы, а не Польши?[1]). Опасности войны, требовавшія пребыванія короля на театрѣ военныхъ дѣйствій, являлись хорошимъ предлогомъ для того, чтобы создать прецедентъ созыва Польско-Литовскихъ сеймовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и потомъ, ссылаясь на него, добиться установленія порядка созыва сеймовъ въ Литвѣ и Польшѣ alternatim. Поляки, конечно, поняли значеніе этого литовскаго требованія и отвѣчали на него рѣшительнымъ отказомъ[2]). Отдѣльность Литовскаго и Польскаго народовъ выражалась и въ составѣ посольствъ, отправляемыхъ во время войны, — въ этотъ составъ входили поляки и литовцы, представляя собою оба народа и государства соединенной Речи Посполитой, отнюдь не слитые Уніею 1569 года во-едино[3]). Послѣ окончанія Московской войны, во время сейма 1582 года, Литва не разъ обращалась къ Стефану Баторію съ просьбою присоединить Ливонію къ территоріи Великаго Княжества Литовскаго[4]). Это присоединеніе было бы хотя нѣкоторымъ вознагражденіемъ его за отнятыя отъ него въ 1569 году Польшею земли и за его жертвы во время Московской войны. Противъ требованія представителей Великаго Княжества Литовскаго на сеймѣ не было сдѣлано возраженій ни сенатомъ, ни посольскою избою, и только противодѣйствіе одного Замойскаго лишило его исполненія его желанія.

Въ царствованіе короля Стефана осуществилась реформа высшаго суда въ государствахъ, образовавшихъ соединенную Речь Посполитую. И въ Польшѣ, и въ Литвѣ того времени

---

1) Дневникъ посл. похода Ст. Бат., стр. 133.

2) Когда въ 1673 году Польшѣ пришлось уступить Литовскому требованію альтернаты сеймовъ и согласиться на созывъ каждаго третьяго обычнаго сейма въ Литвѣ, эта уступка разсматривалась ея противниками какъ лишеніе Польши „маестата Польской Короны“ въ Речи Посполитой и раздѣленіе его съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Когда на Варшавскомъ сеймѣ 1673 года Литва добилась постановленія о назначеніи мѣстомъ каждаго третьяго обычнаго „спольнаго“ сейма Городны, поляки во время сеймовыхъ дебатовъ долго не соглашались уступить, выдвигая то, „że nie chcą żadną miarą dać przenosić Maiestatem Regni do Litwy“. Acta Historica, res gestas Poloniae illustrantia, II, p. 1247.

3) Ср. Записки о Моск. войнѣ, стр. 1, 2, 15, 233.

4) Тамъ же, стр. 303.

ясно ощущалась потребность въ созданіи верховнаго судилища, которое, съ одной стороны, сняло бы съ монарха его обязанность судьи по поступавшимъ къ нему аппелляціямъ отъ судовъ низшихъ инстанцій, а съ другой, при выросшемъ и опредѣлившимся значеніи шляхетскаго „народа", отдало бы въ руки послѣдняго и верховный судъ. Монарху было уже невозможно, при развившихся потребностяхъ государства, отправлять лично обязанности верховнаго судьи, которыя являлись одною изъ основныхъ функцій его сана въ древнѣйшее время исторіи государства. Въ то же время шляхта рѣшительно стремилась эмансипироваться въ судѣ и отъ монаршей власти, и отъ авторитета сенаторовъ, которые замѣняли короля въ судебныхъ разбирательствахъ. Въ 1579 году Польша получила свой трибуналъ, котораго судьи выбирались ея шляхетскимъ „народомъ" и который сталъ ея верховнымъ судомъ[1]). Конечно, Литва не могла признать его компетенціи и надъ собою. Это было невозможно, прежде всего, потому, что она считала себя особымъ отъ Польши государствомъ. Но невозможность созданія общаго верховнаго суда для Литвы и Польши истекала и изъ другихъ причинъ. Языкомъ закона и суда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ былъ языкъ русскій, въ то время какъ Польша употребляла въ своихъ судахъ языки польскій и латинскій. Кромѣ того Литва руководствовалась въ своихъ судѣ и внутренней жизни Литовскимъ Статутомъ, а не польскими законами, на основѣ которыхъ творился судъ въ Коронѣ. Великое Княжество Литовское не хотѣло и не могло фактически имѣть общее съ Польшею верховное судилище. Послѣднее должно было быть отдѣльнымъ для каждаго изъ этихъ гссударствъ. Прибавимъ, что и двухъ судилищъ оказалось мало для всего состава Речи Посполитой. Даже не вся территорія Короны оказалась подчиненною Коронному Трибуналу. Воеводства Кіевское, Волынское и Браславское, такъ же какъ и королевская Пруссія не могли быть включены въ составъ судебнаго округа Короннаго Трибунала. Пруссія имѣла свою особую судебную организацію и сохранила аппелляціи къ королю и послѣ учрежденія Короннаго Трибунала въ 1578 году. Что же касается русскихъ земель, оторванныхъ отъ Литвы въ 1569 году, то онѣ,

---

[1]) См. о немъ — Oswald Balzer, Geneza trybunału Koronnego. Studyum z dziejów sądownictwa Polskiego XVI wieku (Warszawa, 1886).

какъ и Великое Княжество Литовское, руководствовались Литовскимъ Статутомъ и употребляли русскій языкъ въ своемъ судебномъ дѣлопроизводствѣ. Воеводства Волынское, Кіевское и Браславское, согласно постановленію Варшавскаго сейма 1578 года, получили свой особый Трибуналъ въ Луцкѣ[1]).

Великое Княжество Литовское черезъ своихъ сенаторовъ и пословъ уже на Варшавскомъ сеймѣ 1579-1580 годовъ просило объ учрежденіи для него Главнаго Литовскаго Трибунала. На этомъ сеймѣ, закончившемся 9 января 1580 года, литовцы даже выработали его уставъ. Бывшій тогда на сеймѣ въ качествѣ сеймоваго посла отъ своего повѣта, Новгородскій подсудокъ Ѳеодоръ Евлашевскій, разсказывая о своемъ участіи въ работѣ по составленію устава Литовскаго Трибунала, говоритъ въ своихъ Запискахъ: „потомъ, въ декабры былъ съемъ у Варшаве, на которомъ панъ Андрей Тризна и я зъ повету Новгородского послами были, и працовалисмы, пишучи Трибуналъ; якожъ увесь написаный, и король его милость подписалъ его намъ, але выдати не могъ безъ констытуцыей, которой зъ того сейму не было, толко универсалъ поборовый"[2]). Иными

---

[1]) О Луцкомъ Трибуналѣ см. М. Н. Ясинскій, Луцкій Трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI вѣка (Чтенія въ ист. обществѣ Нестора-лѣтописца, книга XIV) и его же, Матеріалы для исторіи Луцкаго Трибунала (тѣ же Чтенія, кн. XIII) и Г. Л. Поповъ, Луцький Трибунал 1578 р. (Праці Комісії для виучування історії західньо-руського та вкраїнського права. Випуск перший. У Київі, 1925. Стр. 32—58).

[2]) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, вып. II (Кіевъ, 1896), стр. 20. Въ своихъ универсалахъ, выданныхъ въ Великое Княжество Литовское 29 апрѣля 1580 года, Стефанъ Баторій говоритъ о представленномъ на утвержденіе уставѣ Главнаго Литовскаго Трибунала на Варшавскомъ сеймѣ 1580 года такъ: „якожъ ужо и рукою нашою тотъ порадокъ списаный около тыхъ судовъ подписали были, але, ижъ констытуция соймовая на томъ Варшавскомъ сойме не дошла жадная окромъ самого универсалу соймового, про то тежъ и тотъ порадокъ справедливости, отсуживаня апеляций и поправа артикуловъ статутовыхъ, у нимъ описаныхъ, не выдано". Король Стефанъ въ томъ же своемъ универсалѣ гарантируетъ утвержденіе Литовскаго Трибунала на ближайшемъ сеймѣ и дѣлаетъ это въ такихъ выраженіяхъ: „ижъ на сойме валномъ пришломъ, который напервей отъ насъ для потребъ и справъ Речи Посполитое зложонъ будеть, маемъ станомъ Великого Князства Литовского тотъ порадокъ новый около отправованя апеляций, на судъ нашъ припадаючихъ, посполу съ поправою артикуловъ статутовыхъ, въ немъ описаныхъ, выдати и, въ констытуцию соймовую то заразомъ уписати ро-

словами, вся выработка этого устава Трибунала была дѣломъ представителей Великаго Княжества Литовскаго безъ всякаго участія въ немъ поляковъ. Польско-Литовскій сеймъ не входилъ въ его разсмотрѣніе, а лишь долженъ былъ для приданія ему силы закона совершить формальный актъ внесенія его въ свои конституціи. Въ практикѣ работы сейма Речи Посполитой опредѣленно устанавливается такой порядокъ, по которому каждый изъ соединившихся Уніей народовъ вырабатывалъ свои законы самостоятельно и только для соблюденія формы ихъ утвержденія вносилъ ихъ затѣмъ въ общее собраніе сейма на предметъ принятія ихъ для записи въ сеймовыя конституціи[1]). То, что уставъ Главнаго Литовскаго Трибунала получилъ санкцію монарха до принятія его въ конституціи сейма, ясно говоритъ объ установившемся уже взглядѣ на послѣднее какъ на простую формальность. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года станы Великаго Княжества Литовскаго возобновили свои просьбы къ королю объ изданіи уже утвержденнаго имъ устава Трибунала Литвы[2]), и, наконецъ, это утвержденіе было внесено въ сеймовыя конституціи 1581 года[3]). Съ учрежденіемъ Главнаго

сказавши, по всему панству нашому Великому Князству Литовъскому черезъ листы наши казати обволати, ижбы вжо таковые суды водлугъ оного порадку, черезъ насъ выданого, отсуживаны и отправованы черезъ насъ были". И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 132—133.

[1]) То, что именно въ такомъ направленіи разовьется практика Польско-Литовскихъ „спольныхъ" сеймовъ, можно было предвидѣть уже на Люблинскомъ сеймѣ, сразу послѣ заключенія Уніи 1569 года. Дневникъ этого сейма подъ 30-мъ іюля 1569 года разсказываетъ такъ: „A potim articuli Litewskie czitano, ktore sie nie dokonczili, alie tak sie postanowilo, abi panowie Litwa kielka wissadzili miedzi ssobą ossob, abi sli do marsalka poselskiego, abi scorrigowali konstitucie, y tak sie postanowilo, tak sie dokanalo" (Дневникъ Любл. сейма, стр. 589. О томъ же Дневникъ, изданный Дзялынскимъ, — стр. 235).

[2]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 188.

[3]) Vol. Leg., t. II, p. 210, f. 1020. Уставъ Литовскаго Трибунала былъ впервые напечатанъ въ Виленской типографіи Мамоничей въ 1586 году съ такимъ заглавіемъ: „Трибуналъ обователемъ Великого Князства Литовского. На соиме Варшавскомъ даный. Року 1581". Затѣмъ онъ былъ нѣсколько разъ переизданъ уже на польскомъ языкѣ. Въ 1857 году Мамоничское изданіе 1586 года было переиздано въ XXV-й книгѣ Временника Моск. Общества Ист. и Др. Россійскихъ. О Литовскомъ Трибуналѣ см. М. Н. Ясинскій, Главный Литовскій Трибуналъ, его происхожденіе, организація и компетенція, вып. первый (Кіевъ, 1901) и разборъ этого труда, написанный

Литовскаго Трибунала къ уже существовавшимъ государственнымъ учрежденіямъ Литвы, знаменовавшимъ ея государственную отдѣльность въ федеративномъ союзѣ съ Польшею, прибавилось въ его лицѣ новое. Польская Корона оказалась не въ силахъ слить съ собою Великое Княжество Литовское и въ области организаціи для соединенной Речи Посполитой единаго высшаго суда, созданіе котораго въ исторіи другихъ государствъ всегда являлось крупнымъ шагомъ на пути выработки государственнаго единства ихъ отдѣльныхъ областей съ историческими особенностями организаціи и жизни послѣднихъ.

Царствованіе Стефана Батсрія было временемъ развитія государственнаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ съѣздъ представляетъ собою одно изъ наиболѣе любопытныхъ явленій въ жизни государства Литвы послѣ Люблинской Уніи, и потребность въ немъ была создана именно ею. Въ немъ Великое Княжество Литовское выработало органъ, выражающій волю и желанія всего своего государства. Въ эпоху послѣ Уніи 1569 года установились два вида государственныхъ съѣздовъ Литвы. Первый изъ нихъ собирался передъ „спольными" сеймами Польско-Литовской Речи Посполитой. И необходимо признать, что до самаго послѣдняго времени значеніе этого „головнаго сеймика" не было правильно оцѣнено въ исторической литературѣ подъ вліяніемъ стараго, традиціоннаго взгляда на Литву, какъ на слившуюся въ одно цѣлое съ Польшею со времени Люблинской Уніи.

Еще съ XVIII столѣтія имѣемъ традицію пониманія происхожденія и значенія „генеральнаго сеймика" или „генерала" Литвы совершенно такъ же, какъ и аналогичныхъ съѣздовъ

М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ (Отчетъ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова. С.-Петербургъ, 1904. Стр. 91—148); И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 181—189; его же, Лимитаціи господарскаго дворнаго суда Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху предъ учрежденіемъ Главнаго Литовскаго Трибунала (Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912-1913. Стр. 229—237); prof. Augustinas Janulaitis, Vyriausiasis Lietuvos Tribunolas XVI-XVIII amž. (Kaunas, 1927) и prof. J. Lappo, Iš Vyriausiojo Lietuvos Tribunolo istorijos XVI amž. (Kaunas, 1932). На стр. 105—157 только что названнаго труда проф. А. Янулайтиса изданъ и уставъ Литовскаго Трибунала въ литовскомъ переводѣ, въ оригинальномъ русскомъ текстѣ и въ старомъ польскомъ переводѣ.

Короны Польской. Авторы XVIII вѣка, Ленгнихъ[1]) и Скржетускій[2]), передали это представленіе историкамъ XIX столѣтія[3]), и оно стало разрушаться очень недавно. „Conventus generales", „генералы" Великопольскій въ Колѣ, Малопольскій въ Корчинѣ, Мазовецкій въ Варшавѣ, Русскій[4]) въ Висьнѣ, Прусскій въ Грудзіондзѣ и Мальборкѣ и Литовскій сначала въ Волковыйскѣ, а затѣмъ въ Слонимѣ — трактовались рядомъ, какъ совершенно тождественные по своимъ происхожденію и значенію съѣзды частей Речи Посполитой, какъ Польской Короны. Самое возникновеніе „генеральнаго сеймика" Великаго Княжества Литовскаго относилось или ко времени короля Генриха[5]), или ко времени короля Стефана[6]). Лишь успѣхи научной разработки исторіи Литвы въ новѣйшее время принудили измѣнить взглядъ на Литовскій государственный съѣздъ и признать за нимъ иное значеніе. Выясненіе того, что Великое Княжество Литовское послѣ Люблинской Уніи отнюдь не утратило своей особой отъ Польши государственности и оставалось такимъ же, какъ и послѣдняя, государствомъ въ федеративной Польско-Литовской Речи Посполитой, выдвинуло и Литовскій государственный съѣздъ на подобающее его значенію мѣсто. И его стали не отождествлять съ Польскими „генералами" въ новѣйшей научной литературѣ, а сближать съ тѣмъ совершенно самостоятельнымъ вальнымъ сеймомъ Литвы, который въ ней существовалъ до Люблинской Уніи[7]).

---

[1]) Цитируемъ по польскому переводу — G. Lengnicha Prawo Pospolite Królestwa Polskiego (Kraków, 1836), str. 340.

[2]) Prawo polityczne narodu polskiego, przez X. Wincentego Skrzetuskiego S.P., tom I (Warszawa, 1782), str. 239.

[3]) См., напримѣръ, Rzecz Ks. Presiowskiego Magistra nauk i sztuk pięknych, Krótka Wiadomość o sejmach i sejmikach przedsejmowych w dawnej Polsce (Kraków, 1861 — произнесена была эта рѣчь въ Варшавѣ въ 1829 году), str. 24, или Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitéj Polskiéj (Poznań, 1851), str. 211—212.

[4]) Для воеводствъ Русскаго, Белзскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго — cp. Ks. Presiowski, op. cit., str. 24 i nota 3.

[5]) G. Lengnich, op. cit., str. 340.

[6]) J. Moraczewski, op. cit., str. 212.

[7]) „Za pozostałość dawnego sejmu litewskiego, a raczej za jego ślad, można uważać powstający po unji t. zw. generał litewski". Stanisław Kutrzeba, Historja ustroju Polski w zarysie, tom II, Litwa (Lwów i Warszawa, 1920), str. 152.

Начало предсеймсвагo „головнаго сеймика“ Литвы восходитъ къ кануну заключенія Люблинской Уніи. Созывая повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго передъ Люблинскимъ сеймомъ Уніи, Сигизмундъ Августъ назначилъ на 9 декабря 1568 года съѣздъ въ Воинѣ посламъ этихъ сеймиковъ съ панами-радами и самимъ великимъ княземъ[1]). Съ этого съѣзда всѣ они должны были отправиться „для становенья Уніи з станы Коруны Польское до Люблина на сеемъ вальный спольный“, назначенный на 23 декабря 1568 года[2]). Надо думать, что, назначая этотъ съѣздъ повѣтовымъ посламъ и другимъ „станамъ, сойму належачимъ“, Сигизмундъ Августъ не предполагалъ, что такіе съѣзды станутъ постояннымъ институтомъ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго послѣ его Уніи съ Польшею. Но именно это и произошло. Предполагавшійся по польской идеѣ Уніи единый Коронный сеймъ превращался жизнью въ конгрессъ равноправныхъ представителей Великаго Княжества Литовскаго и Польши, съ ихъ особыми и не сливающимися интересами, съ совершенно определенно и настойчиво выдвигаемымъ Литвою равнымъ съ Польшею значеніемъ ея государства рядомъ съ государствомъ Польскимъ въ ихъ федераціи. При такомъ положеніи, естественно, передъ „спольными“ Польско-Литовскими сеймами оказался необходимымъ съѣздъ членовъ этихъ сеймовъ отъ государства Литвы такъ же, какъ это было и въ 1568 году. Какъ на Люблинскій сеймъ Уніи они должны были везти выраженіе воли и желаній своего государства, такъ и на послѣдовавшіе за нимъ „спольные“ сеймы они являлись съ нимъ отъ имени цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, не сливаясь во-едино съ представителями Польши. Совершенно ясно, что паны-рады и земскіе послы Литвы должны были передъ „спольными“ сеймами сводить во-едино и согласовывать инструкціи, данныя отдѣльными повѣтами Великаго Княжества Литовскаго, чтобы голоса всѣхъ его представителей во время сеймованья подавались согласно съ общими нуждами и желаніями цѣлаго его „народа“. На предсеймовыхъ государственныхъ съѣздахъ Литвы должны были вырабатываться и наиболѣе цѣлесообразные

---

[1]) О Воиньскомъ съѣздѣ см. выше, стр. 243 и сл.
[2]) См. И. И. Лаппо, Л-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 325.

способы и пріемы тактики на предстоящемъ Польско-Литовскомъ сеймѣ. Въ годы царствованія Стефана Баторія обычнымъ мѣстомъ собраній предсеймовыхъ „головныхъ сеймиковъ“ Литвы былъ Волковыйскъ[1]), хотя уже и намѣчалось перенесеніе его въ Слонимъ[2]).

Рядомъ съ предсеймовымъ „головнымъ сеймикомъ“, тѣсно связаннымъ со „спольнымъ“ сеймомъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ создавался его государственный съѣздъ, собиравшійся отъ сейма независимо. Мы уже видѣли такіе съѣзды Литвы во время перваго и второго безкоролевій. Историкъ безкоролевья, наступившаго въ 1574 году, даже считаетъ возможнымъ обозначать ихъ словомъ „сеймъ“[3]). И дѣйствительно, эти съѣзды выносили рѣшенія и дѣлали постансвленія отъ имени цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, т. е. въ значеніи его самостоятельнаго вальнаго сейма. Но въ наступившее послѣ второго безкоролевья царствованіе Стефана Баторія государственный съѣздъ Литвы созывался и въ нормальныхъ условіяхъ жизни соединенной Речи Посполитой, когда она имѣла на своемъ престолѣ монарха. Такіе съѣзды Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху короля Стефана собирались въ 1577, 1578, 1580, 1582 и 1584 годахъ. Мѣстомъ собранія съѣздовъ 1577 и 1582 годовъ былъ Волковыйскъ. Остальные три съѣзда были созваны въ „столечномъ мѣстѣ“ государства Литвы, въ Вильнѣ.

Волковыйскій съѣздъ 1577 года и повѣтовые сеймики передъ нимъ, какъ мы видѣли выше, были созваны для вотированія податка на военныя нужды, въ которомъ отказалъ коро-

---

[1]) Vol. Leg., t. II, p. 151—152 (f. 899 — „Literae confirmationis articulorum Henrico Regi antea oblatorum“).

[2]) Въ артикулахъ проекта Третьяго Литовскаго Статута, принятыхъ Виленскимъ съѣздомъ 1584 года, стоитъ: „на вси тые речы, вышей описаные, яко будеть намовенье въ поветехъ, абы передъ прышлымъ соймомъ прынесено до Волковыйска, кгдыжъ въ Слониме зъездъ новымъ Статутомъ еще не естъ стверженый, а тамъ намовившы се сполне и згодне, на съеймъ до его к[о]р[олевское] милости ку стверъженью прынестисе“. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 138.

[3]) Такъ, о Виленскомъ съѣздѣ послѣ отъѣзда короля Генриха во Францію Закржевскій говоритъ какъ о „sejmie wileńskim“. Winc. Zakrzewski, Po ucieczce Henryka, str. 299.

лю Стефану Торунскій сеймъ 1576 года. Подобные же съѣзды были созваны Баторіемъ и въ другихъ частяхъ Речи Посполитой, и не фактъ созыва этого съѣзда, а его, уже отмѣченныя нами, постановленія имѣютъ интересъ и значеніе при изученіи отношеній Литвы и Польши въ эпоху реализаціи договора Люблинской Уніи. Но мы не можемъ не отмѣтить, что въ документахъ, связанныхъ съ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года, онъ именуется не только „сеймиксмъ“ и „соймикомъ валнымъ“, но даже „соймомъ Волковыйскимъ“[1]). Если уже въ выраженіи „соймикъ валный“ замѣтенъ взглядъ на съѣздъ какъ на собраніе представителей цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго и слово „валный“ сближаетъ его съ сеймомъ государства Литвы по его пониманію современниками, то слово „соймъ“ указываетъ на полное отождествленіе ихъ шляхетными обывателями Великаго Княжества Литовскаго того времени.

Слѣдующимъ за Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года былъ съѣздъ Виленскій, созванный универсалами Стефана Баторія, разосланными въ повѣты Великаго Княжества Литовскаго и подписанными королемъ во Львовѣ 19 іюля 1578 года[2]). На съѣздъ должны были собраться паны-рада Княжества и послы его повѣтовъ, по два отъ каждаго. Задача Виленскому съѣзду 1578 года была поставлена Баторіемъ такая: „вынайденье обычаю, чимъ се“ могла бы быть преодолѣна „небеспечъность“, угрожавшая Великому Княжеству Литовскому отъ новаго похода Московскаго царя на Лифлянтскую землю. Для отраженія „великихъ силъ“ Москвы готоваго наемнаго войска еще нѣтъ, ибо еще не собраны податковыя деньги, ассигнованныя Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. Великое Княжество Литовское стоитъ передъ грознымъ врагомъ безъ организованной обороны. Для ея организаціи потребуется нѣкоторое время. Выработать средства защиты отъ Москвы Великаго Княжества Литовскаго на это время король и поручалъ ему самому. Оно было предоставлено средствамъ и силамъ только своего государства, пока вся соединенная Польско-Литовская Речь Поспо-

---

[1]) См. документы, изданные нами на стр. 37—43 нашей работы „Iš vyriausiųjų Lietuvos suvažiavimų istorijos XVI amž.“ (Kaunas, 1932).

[2]) См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 119—122.

литая соберетъ постановленный Варшавскимъ сеймомъ податокъ и выставитъ наемныя войска для войны съ Москвою. Конечно, о защитѣ своей собственной государственной территоріи, а не о нуждахъ цѣлой Речи Посполитой говорилось на повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго послѣ іюльскихъ универсаловъ Баторія въ 1578 году. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что говорилось на нихъ много враждебнаго по отношенію къ Польшѣ. Отобранныя єю отъ государства Литвы въ 1569 году земли были такъ нужны ему теперь, ибо онѣ до Уніи 1569 года и ставили свои шляхетскіе отряды въ земскомъ войскѣ его, и вносили въ его государственную казну свою „серебщизну“ на наемъ жолнеровъ и драбовъ. Повѣтовая шляхта, весь шляхетскій „народъ“ Великаго Княжества Литовскаго горячо долженъ былъ обсуждать создавшееся для его государства положеніе, и въ этомъ обсужденіи вновь и вновь возвращался къ тяжелымъ для Литвы воспоминаніямъ происходившаго на Люблинскомъ сеймѣ Уніи и къ насилію, произведенному надъ нею на немъ Польшею. Литовскій проектъ Уніи не могъ не вспоминаться „народомъ“ Великаго Княжества Литовскаго какъ проектъ его федераціи съ Польшею, сохранявшій за нимъ и всю его старую государственную территорію съ ея военными силами и средствами, и его старое государственное значеніе вообще, равное со значеніемъ Польской Короны въ федеративномъ союзѣ обоихъ государствъ.

Слѣдующій государственный съѣздъ Литвы собрался въ Вильнѣ въ 1580 году. 4 января этого года закончилъ свои занятія Варшавскій сеймъ, а 16 марта изъ Городна были выданы королевскіе универсалы во всѣ 22 повѣта Великаго Княжества Литовскаго о назначеніи въ нихъ повѣтовыхъ сеймиковъ на 5 апрѣля, а за ними государственнаго съѣзда Литвы въ Вильнѣ на 17 апрѣля 1580 года[1]). Предметы занятій этого съѣзда были назначены королемъ слѣдующіе. Во-первыхъ, „рушенье“ его самого къ войску и охрана безопасности Великаго Княжества Литовскаго. Во-вторыхъ, вопросъ о мирныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Москвою. Третьимъ предметомъ съѣздовыхъ занятій будутъ „иншія справы земскія“. Всѣ эти дѣла и воп-

---

[1]) Документы по созыву этого съѣзда — И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 123—133.

росы, по словамъ оффиціальнаго листа, выданнаго королемъ Стефаномъ въ повѣты Литвы, всѣмъ ея станамъ „ведати належить и никого болшъ“, кромѣ обывателей Великаго Княжества Литовскаго не касается. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года присутствовалъ и самъ Стефанъ Баторій. Это присутствіе на немъ монарха превращало его въ старый вальный сеймъ, не существовавшій съ 1569 года, но предполагавшійся проектомъ Уніи, внесеннымъ Литвою на Люблинскій сеймъ. Находясь въ „столечномъ мѣстѣ“ Великаго Княжества Литовскаго, въ Вильнѣ, Стефанъ Баторій 29 апрѣля 1580 года во всеобщее свѣдѣніе объявилъ своею грамотою о великихъ заслугахъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго во время Московской войны. Ихъ добровольная помощь своими „рушеньемъ“ и матеріальными жертвами сдѣлала возможнымъ успѣхъ военныхъ дѣйствій. Своимъ королевскимъ словомъ Баторій гарантировалъ станамъ Литвы, что оказанная ими помощь не будетъ обращена въ ихъ обычную повинность, и, какъ награду, обѣщалъ имъ „примноженье вшелякихъ волностей“. Король Стефанъ высказалъ признаніе того, что Великое Княжество Литовское проявило такія „веру и милость“ къ нему и отчизнѣ, какихъ ни одинъ „инъшій народъ противо паномъ своимъ“ не показывалъ и не показываетъ. Обыватели Литвы не только несутъ тяжесть податка, постановленнаго сеймомъ, -- это дѣлаютъ и обыватели Польши. Станы Великаго Княжества Литовскаго, выплативъ его, отозвались на королевскую просьбу и явились въ войско сами съ такими отрядами вооруженныхъ людей и съ такими готовностью и преданностью, что „во всемъ годными были найдены“ королемъ, т. е. онъ не нашелъ никакого недостатка въ поведеніи своихъ подданныхъ Великаго Княжества Литовскаго. Все, что надлежитъ дѣлать доблестному рыцарству, они выполнили съ готовностью и мужествомъ. Въ виду всего этого, „не годило“ королю Стефану „иначей, одно тую веру и зычливость ихъ“, ему „и речи посполитое мужне сказаную, значне вызнати, вывышити и на вечную паметку на писме то имъ зоставить“. Теперь снова, вторично, паны-рада, урядники и рыцарство Великаго Княжества Литовскаго готовы сослужить ту же образцовую службу своимъ монарху и государству, но только они вновь просятъ гарантировать имъ, что эта служба будетъ опять признана ихъ добровольнымъ даромъ, а не обязанностью, исполненія которой могли бы требовать впо-

слѣдствіи. Стефанъ Баторій исполнилъ ихъ просьбу и въ торжественныхъ выраженіяхъ подтвердилъ неприкосновенность правъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго[1]).

Въ январѣ 1582 года, т. е. почти черезъ полтора года послѣ Виленскаго съѣзда 1580 года, собрался новый не предсеймовый государственный съѣздъ Литвы въ Волковыйскѣ. Его постановленія датированы 21 января 1582 года, т. е. черезъ шесть дней послѣ того, какъ побѣдоносная война короля Стефана съ Москвою, остановленная геройскою защитою Пскова и посредничествомъ Святого Престола, наконецъ закончилась миромъ въ Киверовой Горѣ, не доведенною до той цѣли, о которой мечталъ Баторій въ своихъ обширныхъ планахъ. Волковыйскій съѣздъ собрался за восемь мѣсяцевъ до вальнаго Варшавскаго сейма, открывшагося 2 октября 1582 года. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы это былъ обычный предсеймовый съѣздъ Литвы. Волковыйскій съѣздъ прежде всего выразилъ королю Стефану благодарность за его заботы о государствѣ и его подданныхъ, а особенно за учрежденіе на прошломъ сеймѣ, „за прозьбою всихъ становъ", Главнаго Литовскаго Трибунала и за заботу короля Стефана объ окончательномъ завершеніи „поправы Статуту", чтобы исправленный кодексъ могъ быть уже на ближайшемъ вальномъ сеймѣ представленъ королю для „конфирмаціи его королевское милости". Просилъ Волковыйскій съѣздъ Стефана Баторія также о томъ, чтобы убытки и тягости, причиненные жолнерами за время войны, были разсмотрѣны и вознаграждены, и чтобы на будущее время жолнеры не пользовались постоями въ обывательскихъ имѣніяхъ. Во время похода и стоянокъ наемныя войска должны соблюдать законы и постановленія Статута. Что касается высказанной королемъ въ его листахъ къ повѣтамъ мысли о продолженіи войны, то для него необходимо сеймовое разрѣшеніе. Но, если Польша, не доведя дѣла до сейма, постановитъ податокъ на веденіе войны на своихъ главныхъ сеймикахъ-съѣздахъ, то же сдѣлаетъ и Литва. Мы не станемъ останавливаться на другихъ постановленіяхъ Волковыйскаго съѣзда 1582 года, не имѣющихъ существеннаго значенія для изученія отношеній Литвы къ Польшѣ. Отмѣтимъ только, что ого-

---

[1]) О Виленскомъ съѣздѣ 1580 года и Волковыйскомъ 1582 года см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 174—181 и 189—193.

ворки его относительно постановленія податка не „спольнымъ“ Польско-Литовскимъ сеймомъ представляютъ собою такое же соблюденіе статей литовскаго проекта Уніи 1569 года, какое мы видѣли не разъ въ дѣйствіяхъ Литвы за изучаемое время. Великое Княжество Литовское осуществляло этотъ, отвергнутый Польшею въ 1569 году проектъ, шагъ аа шагомъ вводя его въ дѣйствительную жизнь соединенной Речи Посполитой.

Разсматривая дѣятельность Волковыйскаго съѣзда 1582 года, мы подошли вплотную къ исторіи выработки Третьяго Литовскаго Статута. Къ ней относится и работа Виленскаго съѣзда 1584 года. Но изученію этой исторіи посвящена слѣдующая глава настоящаго изслѣдованія. Теперь нашею задачею было лишь выяснить то направленіе, по которому пошла реализація договора Люблинской Уніи въ первыя десятилѣтія послѣ его заключенія. Для возстановленія исторіи составленія Литовскаго Статута 1588 года и правильнаго пониманія его конституціонныхъ законовъ было необходимо выяснить господствовавшее въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ отношеніе къ тѣмъ артикуламъ договора Уніи 1569 года, которые провозглашали единство соединенной Речи Посполитой. „Поправа“ Литовскаго Статута 1566 года, которая и была выработкою Третьяго Статута Литовскаго, производилась во второй половинѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Начатая наканунѣ заключенія Люблинской Уніи, она продолжалась и завершалась уже послѣ него. Второй Литовскій Статутъ былъ составленъ и утвержденъ въ то время, когда Великое Княжество Литовское представляло собою совершенно самостоятельное государство и съ Польшею имѣло лишь общаго монарха, Сигизмунда Августа, въ своей особѣ „на сесь часъ“ соединявшаго совершенно отдѣльные „маестаты“ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. Договоръ Уніи 1569 года установилъ не только общаго избирательнаго короля, но и общіе сеймы и рады для соединенной Речи Посполитой, въ составъ которой вошло и Великое Княжество Литовское. Договоръ Люблинской Уніи постановилъ и отмѣну всѣхъ ограниченій правъ поляковъ въ послѣднемъ. Тотъ же договоръ, несмотря на сохраненіе государства Литвы въ соединенной Речи Посполитой, провозглашалъ сліяніе его съ Польшею въ единые народъ и государство. Мы видѣли вы-

ше[1]), что Великое Княжество Литовское не желало такихъ условій соединенія съ Польскою Короною и что они были у него ею вынуждены. Этого мало. Отъ государства Литвы на сеймѣ Уніи были оторваны къ Польшѣ четыре воеводства, и это было сдѣлано безъ его согласія. Оторваніе Волыни, Подляшья, Кіевщины и Браславля Подольскаго было даже опротестовано Великимъ Княжествомъ и не было имъ признано. Что же касается непріемлемыхъ для него статей Люблинскаго договора, то оно считало себя въ правѣ ихъ измѣнить на основаніи не опротестованной Польшею декларацiи Сигизмунда Августа, сдѣланной 27 іюня и выданной въ видѣ особаго документа 29 іюля 1569 года[2]).

Факты эпохи послѣднихъ лѣтъ царствованія Сигизмунда Августа и наступившихъ послѣ его смерти безкоролевій и времени двухъ первыхъ избирательныхъ королей соединенной Речи Посполитой говорятъ совершенно ясно и отчетливо объ отношеніи Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ и къ соединенію съ нею въ годы послѣ Люблинской Уніи. Изъ этихъ фактовъ вытекаетъ необходимость признать, что Литва была очень далека отъ желанія слиться съ Польшею въ единой Польской Коронѣ. На свои отношенія къ послѣдней Великое Княжество Литовское смотритъ лишь какъ на договорныя, и дальше ихъ не считаетъ возможнымъ идти въ сближеніи съ Польшею. Отношенія обоихъ государствъ установлены договоромъ. Нарушеніе его должно означать и разрывъ Уніи, имъ установленной. Но Великое Княжество Литовское по своей иниціативѣ разрывать Унію съ Польшею не считаетъ для себя въ данное, по крайней мѣрѣ, время желательнымъ. Оно лишь оффиціально заявляетъ объ опасности такого разрыва, благодаря неисполненію Польшею статей ея договора. Однако нежеланіе разрывать Унію съ Польшею отнюдь не означало что Литва не стремилась измѣнить содержаніе договора о ней, вынужденнаго отъ нея въ 1569 году. Наоборотъ, этотъ договоръ она не только желала измѣнить, но уже вводила въ него свои поправки фактически, притомъ не только въ силу того, что ихъ хотѣла, но и потому, что реальная дѣйствительность

---

[1]) Стр. 275—277.
[2]) См. выше, стр. 282—287.

годовъ безкоролевій ихъ повелительно требовала. Какъ бы то ни было, въ годы реализаціи договора Люблинской Уніи Великое Княжество Литовское не отказывалось отъ своихъ государственныхъ значенія и правъ. Оно закрѣпляло свое государство въ его федераціи съ государствомъ Польской Короны и создавало новые устои его отдѣльности отъ Польши[1]).

---

[1]) Отношенія Литвы и Польши за время отъ Люблинской Уніи до раздѣловъ Польско-Литовской Речи Посполитой нами представлены въ нашей работѣ — Lietuva ir Lenkija po 1569 m. Liublino Unijos (Kaunas, 1932). См. также И. И. Лаппо, Уравненіе правъ Великаго Княжества Литовскаго и Короны Польской въ 1697 году (Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ, выпускъ I. Бѣлградъ, 1930).

Глава VII.

Составленіе Третьяго Литовскаго Статута.

Коммиссія для исправленія Второго Литовскаго Статута, утвержденная Люблинскимъ сеймомъ 1569 года, и данныя ей директивы. Различіе пониманія задачи „поправы“ Литовскаго Статута въ Польшѣ и въ Литвѣ. Послѣдніе сеймы царствованія Сигизмунда Августа и дѣло исправленія Литовскаго Статута. „Поправа“ Статута, утвержденная королемъ Генрихомъ на коронаціонномъ сеймѣ. Повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго и статутовая „поправа“. Стефанъ Баторій и исправленіе Литовскаго Статута. Варшавскій сеймъ 1578 года. Варшавскій сеймъ 1579-1580 годовъ и Виленскій съѣздъ 1580 года. Варшавскій сеймъ 1581 года и утвержденіе устава Главнаго Литовскаго Трибунала. Волковыйскій съѣздъ 1582 года. Судьба Статутовой Коммиссіи, утвержденной Люблинскимъ сеймомъ Уніи. Работа надъ „поправою“ Статута повѣтовыхъ сеймиковъ, ихъ депутатовъ и государственныхъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго. Конституціонные законы государства Литвы въ новомъ Статутѣ. Сенаторы и повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго въ дѣлѣ „поправы“ Статута. Необходимость спѣшить съ утвержденіемъ новаго Статута. Способъ утвержденія Третьяго Литовскаго Статута, намѣчавшійся Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и отношеніе къ нему Польши. Виленскій съѣздъ 1584 года. Окончаніе работъ по составленію Третьяго Литовскаго Статута къ концу царствованія короля Стефана. Вопросъ о возможности для повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго работать надъ составленіемъ Третьяго Литовскаго Статута по степени ея подготовки къ этому дѣлу.

Люблинскій сеймъ 1569 года, установивъ Унію Великаго Княжества Литовскаго и Польши, предписалъ исправленіе Литовскаго Статута и утвердилъ для него спеціальную коммиссію. Въ составъ ея вошли отъ пановъ-рады — Виленскій епископъ Валеріянъ Протасовичъ-Сушковскій и Жомойтскій каштелянъ Мальхеръ Станиславовичъ Шеметъ, а при нихъ господарскій секретарь, докторъ „обоего права“ Августинъ Ротундусъ, бывшій одновременно и Виленскимъ войтомъ. Членами этой Статутовой Коммиссіи отъ „стана шляхетскаго“ были утверждены представители девяти воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго, оставшихся въ составѣ его государственной территоріи послѣ оторванія отъ него на Люблинскомъ сеймѣ 1569 го-

да воеводствъ Волынскаго, Подляшскаго, Кіевскаго и Браславля Подольскаго, а именно: Миколай Дорогостайскій, князь Лукашъ Свирскій, Янъ Стецковичъ, Бенедиктъ Юрага, князь Павелъ Соколинскій, Янъ Сколка, Кирдей Кричевскій, Богданъ Селицкій и Мартинъ Володковичъ. Для исполненія секретарскихъ обязанностей при Статутовой Коммиссіи были назначены Виленскій земскій писарь Андрей Мацковичъ и земскій писарь Ошменскій Петръ Станиславовичъ[1]). Мѣстомъ занятій Коммиссіи была назначена Вильна, временемъ съѣзда ея — день св. Мартина, т. е. 11 ноября, 1569 года[2]). Мы не можемъ согласиться съ высказаннымъ въ новѣйшей литературѣ мнѣніемъ, будто бы эта Коммиссія была создана въ порядкѣ исполненія „требованій и просьбъ“ литовцевъ, „касавшихся уже чисто мѣстныхъ нуждъ и предъявлявшихся ими и ранѣе“[3]). Во-первыхъ, утвержденіе на Люблинскомъ сеймѣ Статутовой Коммиссіи внесено въ общія его конституціи, а не въ „отказы“ Сигизмунда Августа на просьбы членовъ сейма Великаго Княжества Литовскаго, принесенныя ими уже послѣ состоявшагося постановленія „около сконченья Унеи“[4]). Во-вторыхъ, коммиссія для „поправы“ Литовскаго Статута была уже учреждена Городенскимъ сеймомъ 1568 года[5]), и хлопотать о созданіи новой коммиссіи для того же дѣла Литвѣ было не нужно. Наконецъ, въ-третьихъ, не только внесеніе постановленія о Статутовой Коммиссіи въ конституціи „спольнаго“ Короннаго сейма, но и директивы, данныя ей этимъ сеймомъ, указываютъ совершенно опредѣленно на то, что именно Польская

---

1) О личномъ составѣ этой Статутовой Коммиссіи см. выше, стр. 189—203.

2) Vol. Leg., t. II, p. 101, f. 794.

3) М. К. Любавскій, сказавъ о рядѣ постановленій, сдѣланныхъ на Люблинскомъ сеймѣ, писалъ: „Кромѣ этихъ предложеній и ходатайствъ, вызванныхъ заключеніемъ уніи, литовцы на общемъ сеймѣ выступали и съ другими требованіями и просьбами, касавшимися уже чисто мѣстныхъ нуждъ и предъявлявшимися ими и ранѣе“ (Л.-Р. сеймъ, стр. 842). Но изъ цитируемаго имъ въ примѣчаніи 251 постановленія конституцій Люблинскаго сейма ни въ какомъ случаѣ нельзя сдѣлать вывода, будто это постановленіе принято по просьбѣ литовцевъ. Въ цитатѣ М. К. Любавскаго указаны тѣ самыя 100 и 101 страницы (f. f. 793—794) второго тома Voluminum Legum, которыя мы цитируемъ на настоящихъ страницахъ.

4) Р. Ист. Б., XXX, ст. 518—531. Ср. выше, стр. 287—288.

5) См. выше, стр. 186 и сл.

часть этого сейма выдвинула необходимость переработки Второго Литовскаго Статута въ направленіи польской идеи Уніи, какъ слiянiя Литвы и Польши въ единой „речи посполитой“ Польской Короны. Литовскій Статутъ 1566 года былъ предъявленъ представителями Литвы на Люблинскомъ сеймѣ какъ одно изъ доказательствъ невозможности упраздненія государства Великаго Княжества Литовскаго въ его Уніи съ Польшею[1]). Этотъ Статутъ вызвалъ большое раздраженіе Польскаго сейма. Особенное вниманіе его привлекли къ себѣ третій („Мы, господаръ, обѣцуемъ розмножати Великое Князство Литовское, а, што бы розобрано и одышло, зась ку нему привернути“), шестой („О сойму вальномъ“) и девятый („Ижъ достоенствъ, врядовъ, въ дѣдицтво чужоземцомъ давано быти не маеть“) артикулы третьяго раздѣла Статута[2]). Конституціонные законы Второго Литовскаго Статута были рѣшительно непримиримы съ идеею Уніи, которую выдвигала Польша. Договоръ Люблинской Уніи въ рядѣ своихъ статей принялъ постановленія, которымъ противорѣчили нѣкоторые артикулы Литовскаго Статута 1566 года. Послѣдніе на вѣчныя времена сохраняли и особаго великаго князя для Литвы, и отдѣльные отъ Польши вальный сеймъ и раду. Въ нихъ отрицалось и равенство поляковъ съ „родичами“ Великаго Княжества Литовскаго въ правахъ. Конечно, всѣ эти противорѣчія договору Уніи 1569 года Польская часть Люблинскаго сейма не могла допустить въ законахъ Великаго Княжества Литовскаго. Она должна была непремѣнно потребовать ихъ устраненія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что именно такимъ было происхожденіе постановленія о Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ Уніи.

Соотвѣтственно съ этимъ происхожденіемъ утвержденія Статутовой Коммиссіи ей были Люблинскимъ сеймомъ даны и директивы. Коммиссіи было предписано: положивши передъ собою статутъ Польскій, согласовать съ нимъ какъ только возможно ближе Литовскіе законы, чтобы во всѣхъ государствахъ Сигизмунда Августа, какъ въ единой Речи Посполитой, могло отправляться единое и беззамедлительное правосудіе[3]). Ины-

---

1) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 14—16.

2) См. выше, стр. 207—212.

3) „przy ktorey poprawie ci to Deputaci statut Polski maią przed się wziąć, a co naybliżey z nim prawa Litewskie zgadzać, aby iuż we wszystkich

ми словами, „поправа“ Литовскаго Статута должна имѣть своею цѣлью объединеніе права всей соединенной Речи Посполитой на основѣ единаго права Польши. Исправленіе Статута Великаго Княжества Литовскаго должно служить дѣлу слиянія послѣдняго съ Польскою Короною въ единое цѣлое. Если не удалось этого достигнуть упраздненіемъ особыхъ должностей государства Литвы, то замѣна его особаго права правомъ Польши должна будетъ обратить ихъ функціонированіе въ тождественное съ функціонированіемъ урядовъ Коронныхъ и въ концѣ концовъ привести ихъ къ отождествленію. Такимъ образомъ, на „поправу“ Литовскаго Статута возлагалась надежда осуществленія „экзекуціи Уніи“, какъ слиянія Литвы съ Польшею въ единой Польской Коронѣ, противъ котораго такъ рѣшительно боролось Великое Княжество Литовское и которое оно сумѣло разрушить въ самомъ договорѣ Люблинской Уніи. Исправленный Коммиссіею Литовскій Статутъ долженъ быть внесенъ на разсмотрѣніе ближайшаго „спольнаго“ сейма. Люблинскій сеймъ позаботился и о средствахъ для содержанія утвержденной имъ Статутовой Коммиссіи и, съ согласія становъ Великаго Княжества Литовскаго, установилъ опредѣленный податокъ „на страву“ ея членовъ, взимаемый со всѣхъ обывателей государства Литвы.

Вчитываясь въ постановленіе Люблинскаго сейма 1569 года объ исправленіи Литовскаго Статута, мы должны признать, что сеймъ Уніи понималъ задачу утверждаемой имъ Статутовой Коммиссіи весьма простою. Коммиссія должна была согласовать право Литовскаго Статута съ правомъ Польской Короны. Для этого ей нужно было просто положить передъ собою „Статутъ Польскій“ и замѣнить его статьями соотвѣтствующіе артикулы Статута Литовскаго, вычеркивая при томъ изъ послѣднихъ все, что противорѣчитъ слиянію въ единый народъ народовъ Литвы и Польши. Для такой работы въ сущности было бы совершенно достаточно двухъ или трехъ писарей государственной канцеляріи. Возможно, что для нея сеймъ Уніи и предназначалъ Виленскаго и Ошменскаго земскихъ писарей, Андрея Мацковича и Петра Станиславовича, которые

Państwach naszych, iako w iedney Rzptey, iednaka a nieodwłoczna sprawiedliwość ludziom iść mogła, a tę poprawę oni do Nas na Seym Walny blisko przyszły będą winni odnieść".

были назначены состоять при Коммиссіи „для писанья". Вся же Статутовая Коммиссія, при такой простотѣ и опредѣленности ея задачи, провѣрила бы работу этихъ дѣлопроизводителей и дала бы свое разрѣшеніе на внесеніе ея на сеймъ для его санкціи. При такомъ взглядѣ на задачу Статутовой Коммиссіи совершенно естественна и краткость времени, назначеннаго для исполненія даннаго ей порученія. Понятно и то, что членовъ сейма Польши, съ которымъ слился въ 1569 году сеймъ Литвы, не могъ особенно интересовать личный составъ утверждаемой Коммиссіи. При полной опредѣленности директивы, ей данной Люблинскимъ сеймомъ, и при неуклонномъ слѣдованіи этой директивѣ ея исполнителями, образованіе личнаго состава Статутовой Коммиссіи могло быть вполнѣ предоставлено одному Великому Княжеству Литовскому, безъ всякаго участія въ немъ Польши.

Съ точки зрѣнія интересовъ Польской Короны и осуществленія той идеи Уніи, которая ею проводилась, конечно, это явилось крупною ошибкою. Прежде всего, создавался имѣющій громадное значеніе прецедентъ отдѣльной законодательной работы Литвы и Польши послѣ ихъ Уніи. Санкція „спольнаго" сейма для законодательства обоихъ государствъ требовалась. Но самая выработка законовъ его предоставлялась одному изъ двухъ государствъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Въ общемъ собраніи „спольнаго" сейма, разумѣется, возможна критика законопроектовъ, вносимыхъ на сеймъ и Литвою, и Польшею. Но, во-первыхъ, переработка общимъ собраніемъ законопроектовъ крайне затруднительна технически, а во-вторыхъ, она неизбѣжно должна была приводить къ еще большему взаимному раздраженію, которое между Литвою и Польшею было и безъ того велико, какъ мы это видѣли. Люблинскій сеймъ, надобно думать, не могъ признать себя и въ правѣ назначить поляковъ въ составъ коммиссіи для исправленія Литовскаго Статута. Договоръ Уніи 1569 года сохранилъ прежнія права становъ Литвы, гарантированныя имъ великими князьями Литовскими, а въ числѣ этихъ правъ было и ихъ право на законодательство въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Какъ бы то ни было, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что весь составъ Статутовой Коммиссіи былъ образованъ безъ всякаго участія представителей Польши однимъ Великимъ Кня-

жествомъ Литовскимъ, въ которомъ уже производилась „поправа" Статута и для нея уже была назначена соотвѣтствующая Коммиссія Городенскимъ сеймомъ 1568 года. Само собою разумѣется, что члены „спольнаго" Люблинскаго сейма отъ Литвы и представили на его утвержденіе личный составъ именно этой Статутовой Коммиссіи, которая уже получила свои полномочія отъ Городенскаго сейма. Пришлось лишь нѣсколько уменьшить число ея членовъ. Въ ея составъ отъ шляхты Великаго Княжества Литовскаго входило по одному представителю отъ каждаго изъ его воеводствъ, которыхъ до Люблинской Уніи было тринадцать, а послѣ нея только девять, ибо воеводства Волынское, Подляшское, Кіевское и Браславля Подольскаго въ 1569 году были оторваны къ Польшѣ. Поэтому вмѣсто тринадцати шляхетскихъ представителей могли остаться въ составѣ Статутовой Коммиссіи лишь девять. Сообразно съ этимъ должно было быть уменьшено и число радныхъ пановъ, въ ней участвовавшихъ, такъ какъ оно не могло не находиться въ извѣстной пропорціональности по отношенію къ числу шляхетскихъ членовъ[1]). На Городенскомъ сеймѣ 1568 года въ Статутовую Коммиссію были введены четыре радныхъ пана. На Люблинскомъ сеймѣ 1569 года въ ней были оставлены лишь двое изъ нихъ. Августинъ Ротундусъ, какъ выдающаяся научная и практическо-юридическая сила, былъ сохраненъ, конечно, и въ составѣ Коммиссіи, получившей утвержденіе въ 1569 году. Тѣсная связь этой Коммиссіи съ Коммиссіею 1568 года очень хорошо иллюстрируется и постановленіемъ о податкѣ „на страву", т.е. на содержаніе членовъ Статутовой Коммиссіи. Этотъ податокъ постановленъ со всего Великаго Княжества Литовскаго его станами, при чемъ онъ долженъ вноситься и съ „дымовъ Подляшскихъ"[2]). Подляшье было въ числѣ воеводствъ государства Литвы, присоединенныхъ въ 1569 году къ Польшѣ. Въ постановленіи объ облс-

---

[1]) См. выше, стр. 187—188.

[2]) „Na strawę tym Deputatom poki na tey poprawie statutow mieszkać będą, wszyscy obywatele W. X. L. iako się Stany tegoż Xięstwa tu na tym Seymie zezwolili, maią we wszystkich powieciech złożyć z każdey włoki y służby ludzi, grosz ieden: a z dymow Podlaskich ośm pieniędzy, z Zagrodnikow po cztery pieniądze, z Boiar Putnych po groszu iednemu, z pancernych grosz ieden: od szlachty ktorzy ludzi nie maią: z każdego domu po dwu groszu".

женіи и Подляшья податкомъ на содержаніе Статутовой Ксммиссіи нельзя не видѣть указанія на то, что Великое Княжество Литовское не признавало оторванія его къ Польшѣ, опротестованнаго имъ на Люблинскомъ сеймѣ. Воеводства же Волынское, Кіевское и Браславля Подольскаго не упомянуты въ постановленіи о податкѣ потому, что не нужно было выдѣлять въ данномъ случаѣ ихъ по единицамъ ихъ обложенія, но они считались тѣмъ не менѣе такъ же, какъ и Подляшье, не подлежащими присоединенію къ территоріи Польши. Вообще все это постановленіе гораздо болѣе указываетъ на рѣшенный или, по крайней мѣрѣ предрѣшенный, еще до сейма Уніи способъ обезпеченія содержанія Статутовой Коммиссіи, чѣмъ на изысканіе для нея средствъ на самомъ этомъ сеймѣ.

Статутовая Коммиссія, утвержденная сеймомъ Уніи, была коммиссіей Великаго Княжества Литовскаго одного, а не смѣшанной Польско-Литовской. Доказательствомъ этого можетъ служить и то, что, какъ увидимъ ниже, „спольный“ сеймъ не назначалъ уже новыхъ членовъ ея на мѣсто тѣхъ, которые затѣмъ за смертью выбывали изъ ея состава. А если эта Коммиссія явилась коммиссіей государства Литвы, а не єя и Польши, какъ соединенной Речи Посполитой, то она должна была служить задачамъ именно Великаго Княжества Литовскаго прежде всего и главнѣе всего. Этого, однако, мало. Если составъ Статутовой Коммиссіи былъ образованъ еще Городенскимъ сеймомъ 1568 года и только нѣсколько уменьшился послѣ заключенія Люблинской Уніи, то онъ былъ обязанъ руководиться въ своей работѣ директивами, которыя ему далъ этотъ сеймъ, ее создавшій. Статутовая Коммиссія не могла отказаться отъ сдѣланныхъ при ея учрежденіи постановленій Городенскаго сейма. Она должна была производить „поправу“ Литовскаго Статута 1566 года на основѣ указаній практики его дѣйствія въ судахъ и администраціи Великаго Княжества Литовскаго. Она не могла лишить шляхту государства Литвы права представлять ей „готовые артыкулы статутовые водле уѳалъ першихъ соймовыхъ“, которое было за нею признано Городенскимъ сеймомъ. Она должна была помнить, что этотъ сеймъ ставилъ на очередь не только „поправу“ Статута, но и возстановленіе всѣхъ „правъ и вольностей и свободъ“ становъ Великаго Княжества Литовскаго, если они „въ чомъ ся нарушили“. Наконецъ, невозможно было игнорировать и того, что

исправленный Статутъ, согласно постановленію Городенскаго сейма 1568 года, долженъ быть утвержденъ великимъ княземъ Литовскимъ „моцъю сего жъ сойму Городенского и такъ, яко бы то тутъ теперъ на немъ вчинено быти мело" [1]). Нельзя забывать и того взгляда на Унію, который господствовалъ въ Литвѣ въ 1568 году, когда была создана Статутовая Коммиссія. Цѣлость государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго тогда не была нарушена отторженіемъ ея части къ Польшѣ. О возможности этого отторженія въ Литвѣ никто даже и не думалъ, ибо цѣлость территоріи ея государства была гарантирована основными законами его, въ соблюденіи которыхъ Сигизмундъ Августъ принесъ присягу. Самую Унію съ Польшею Литва понимала какъ федерацію двухъ равноправныхъ государствъ съ цѣлью постоянной взаимной помощи противъ внѣшнихъ враговъ. Сеймъ Уніи не измѣнилъ отношенія къ ней Великаго Княжества Литовскаго. Съ тѣмъ, что было имъ сдѣлано по отношенію къ государству Литвы, оно не мирилось и стремилось возстановить весь ущербъ, причиненный ему на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Польшею. Конечно, съ этимъ, а не инымъ настроеніемъ должна была браться за свою работу и Статутовая Коммиссія, утвержденная сеймомъ Уніи.

Какъ мы видѣли выше, она должна была, согласно постановленію Люблинскаго сейма 1569 года, представить произведенную ею „поправу" на ближайшій слѣдующій вальный сеймъ Речи Посполитой. Этотъ сеймъ собрался въ Варшавѣ въ 1570 году. Но онъ, занявшись главнымъ образомъ извѣстнымъ соглашеніемъ лютеранъ, кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ Польши, котораго не хотѣлъ признать Сигизмундъ Августъ, не имѣлъ времени для разрѣшенія дѣлъ, на него внесенныхъ. Онъ смогъ утвердить лишь constitutiones, предписанныя Гданску, а остальныя дѣла отложилъ рецессомъ до слѣдующаго сейма [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 185—187.

[2]) Vol. Leg. II, p.p. 107—123, f.f. 807—839. Ср. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, I, стр. 86. Необходимо, однако, при этомъ имѣть въ виду для сеймовыхъ конституцій замѣчаніе редакціи журнала Dziennik Wileński, сдѣланное еще въ 1822 году: „to jednak pewna, że nieraz stanowiono na seymie uchwały, które drukiem ogłoszone nie były i w xięgi praw nie weszły: a to jeszcze bydź może, że nie jedna Konstytucya wcisnęła się w xięgi prawa, która nigdy na seymie zadecydowaną nie była". Dz. Wil., 1822, II, str. 212, nota I.

Сеймъ 1572 года также не оставилъ послѣ себя конституцій. Такимъ образомъ, оба послѣдовавшие за Люблинскимъ сеймы не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ по дѣлу „поправы“ Литовскаго Статута 1566 года. Къ этому нужно прибавить, что и опубликованные къ настоящему времени документы по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго передъ сеймомъ 1572 года ничего не говорятъ о подготовкѣ „поправы“ для внесенія ея на него[1]), хотя упоминаютъ о цѣломъ рядѣ дѣлъ и вопросовъ, относящихся къ реализаціи постановленій сейма Уніи 1569 года. Въ самомъ дѣлѣ, инструкція королевскимъ посланцамъ на сеймики говоритъ и объ устройствѣ дѣла „монеты“, которая, „за тымъ зъедноченьемъ Коруны Полское з Великимъ Князъствомъ Литовъскимъ, маеть быти однако роблена“, и о „люстраторахъ, з сойму Любельского на ревизью и шацунокъ добръ вольныхъ короля его милости въ Полще высланыхъ“, и объ „опатренью потомъства его королевское милости, водле декларацыи рецесу Варшавского, такъ же тежъ по зейшстью пана о обычаю и местъцу выбиранья короля на кролевство“, и „о заложенью тежъ скарбу посполитого“, и о томъ, „яковый бы обычай для прудъшое справедливости людъское могъ быти знайденъ и постановленъ“, и о большомъ количествѣ „иныхъ справъ, речи посполитое потребныхъ, которые, на прошлыхъ соймехъ зачатые, рецесами на тотъ пришлый съемъ суть отъложоны“[2]). Но эта „наука“ королевскимъ посланцамъ на повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго совершенно умалчиваетъ о „поправѣ“ Литовскаго Статута въ числѣ дѣлъ предстоящаго Варшавскаго сейма 1572 года.

Такимъ образомъ, ни сеймъ 1570 года, ни слѣдовавшій за нимъ сеймъ 1572 года не занимались разсмотрѣніемъ новаго Литовскаго Статута. Статутовая Коммиссія, утвержденная Люблинскимъ сеймомъ, какъ слѣдуетъ изъ этого, или не успѣла сколько-нибудь подвинуть свои работы, или за нихъ еще вовсе и не принималась, по крайней мѣрѣ, достаточно полно и серьезно. Но къ коронаціонному сейму 1574 года, однако, кое-что изъ „поправы“ Статута оказалось приготовленнымъ. Это было небольшое дополненіе и исправленіе 67-го артикула четвертаго

[1]) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 1—42.
[2]) Тамъ же, стр. 9—12.

раздѣла Второго Литовскаго Статута „О отправахъ речей суженыхъ". То, что именно съ этой части Статута, т. е. съ раздѣла „О судьяхъ и о судехъ", началось внесеніе „поправы" на сеймовое утвержденіе, чрезвычайно характерно. Въ то время какъ сеймъ Уніи поставилъ Статутовой Коммиссіи задачу реализаціи Люблинской Уніи, какъ слiянія Литвы и Польши въ единое цѣлое, и, конечно, ждалъ отъ Коммиссіи прежде всего исправленія тѣхъ раздѣловъ Статута, въ которыхъ отрицалось за поляками равноправіе съ обывателями Великаго Княжества Литовскаго, т. е. особенно третьяго раздѣла[1]), она стала изготовлять для внесенія на вальные сеймы „поправу" артикуловъ чисто судебнаго права и процесса. Уже это одно показываетъ достаточно ясно, что Коммиссія вовсе не была одушевлена идеею слiянія Литвы и Польши, которую старалась ей внушить Польская часть сейма Уніи. Она отстраняла эту идею и рожденную ею директиву слiянія права Польши и Литвы, но отлагала выраженіе своего къ ней отношенія до болѣе благопріятныхъ для Великаго Княжества Литовскаго обстановки и условій и принялась прежде всего за выполненіе тѣхъ задачъ, которыя были поставлены „поправѣ" Статута сеймами Литвы эпохи кануна Уніи и особенно Городенскимъ сеймомъ 1568 года.

Въ вводной части къ „поправѣ", утвержденной на коронаціонномъ сеймѣ, о порядкѣ ея утвержденія говорится отъ имени короля Генриха слѣдующее: „тогды для прудшое[2]) справедливости людское[3]), моцю теперешнего сойму, за дозволенемъ[4]) всихъ пановъ-радъ нашыхъ и пословъ земскихъ Великого Князьства Литовского, тотъ артикулъ, презъ нихъ до насъ поданый, ухваливше, въ Статутъ вписать и ку вживаню привести казалисъмо[5]) тымъ способомъ"[6]). Изъ этого видно, что ут-

---

[1]) „О вольностяхъ шляхецкихъ и о розмноженью Великого Князства Литовского". Именно въ этомъ раздѣлѣ Статута находятся главные изъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, противъ которыхъ особенно возставали поляки на Люблинскомъ сеймѣ Уніи и отмѣны которыхъ они требовали.

[2]) Въ изданіи: „прудшой".

[3]) Въ изданіи: „людской".

[4]) Въ изданіи: „дозволенямъ".

[5]) Въ изданіи: „заказалисъмо".

[6]) Временникъ Имп. Моск. Общества Ист. и Др. Росс., книга XXIII, стр. 204. Весь артикулъ „поправы", утвержденной Генрихомъ, — стр. 204—205.

верждение данной „поправы“ Литовскаго Статута было совершено королемъ безъ всякаго участія въ ея разсмотрѣніи и одобреніи со стороны Польской части „спольнаго“ сейма Речи Посполитой. „Дозволила“ на это утвержденіе только Литовская его часть, и за „дозволеньемъ“ ея одной монархъ призналъ возможнымъ дать свою санкцію артикулу статутовой „поправы“, объявляя притомъ, что онъ ее даетъ властью вальнаго сейма. Артикулъ этотъ, „потверженый конституціею соймовою“, не былъ своевременно, однако, внесенъ въ окончательную редакцію конституцій коронаціоннаго сейма 1573 года. Онъ былъ записанъ только въ конституціяхъ Варшавскаго сейма 1578 года, по просьбѣ „всихъ становъ панства нашого“, Великаго Княжества Литовскаго, по приказанію уже Стефана Баторія.

Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи данныхъ источниковъ, которыя бы прямо говорили о предварительномъ разсмотрѣніи повѣтовыми сеймиками Великаго Княжества Литовскаго „поправы“, внесенной на коронаціонный сеймъ 1574 года. Но позволительно думать, что, если будутъ найдены и достаточно полно приведены въ извѣстность документы сеймиковъ Литвы и ея съѣздовъ времени перваго безкоролевья, въ нихъ окажется указаніе на него. Что же касается второго безкоролевья, наступившаго послѣ кратковременнаго царствованія Генриха Валуа, то опубликованные уже къ настоящему времени источники хорошо знаютъ о работѣ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго надъ „поправою“ Статута. Въ одномъ изъ своихъ листовъ, писанныхъ послѣ „утечки“ короля Генриха изъ Кракова, адресованномъ Витебскому воеводѣ Станиславу Николаевичу Пацу, Оршанскій староста Филонъ Семеновичъ Кмита, между прочимъ, писалъ: „што в. м., мой милостивый панъ, рачылъ до мене, повольного слуги в. м., писати и листъ ихъ м. пановъ-радъ Великого Кн. Лит. прыслать до врадниковъ земскихъ и обавателей, всего рыцерства воеводства Витебского повету Оршанского, въ которомъ ихъ м. писати рачыли, ознаймуючы, ижъ тотъ зъездъ, который мели ихъ м. у Маркове меть, прыкладаючы до Вильны по светомъ Михайле у трехъ неделяхъ, абы, за ознайменьемъ в. п. м. того повету врадники и шляхта ведаючы, зъездъ межы собою въ томъ повете учынили, на которыхъ зъездехъ речы помененые, то естъ для поправы Статуту, до которого абы и привилья земские вписованы были, для постановенья судовъ и порадку въ спра-

ведливости, къ тому для намовъ въ тыхъ речахъ, што се на конвокацеи у Варшаве постановили, о посланью до его кор. м. нашого милостивого пана, о томъ всемъ, яко шырей на листе ихъ м. пановъ-радъ, а особливе тежъ на листе отворономъ в. п. м., писаномъ до обывателей повету тутошнего достаточне естъ доложоно.........." [1]).

Сообщаемое Филономъ Кмитою важно для возстановленія исторіи составленія Третьяго Литовскаго Статута въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно совершенно опредѣленно указываетъ на то, что „поправа“ Статута была взята въ свои руки повѣтовою шляхтою Великаго Княжества Литовскаго, т. е. всѣмъ его шляхетскимъ „народомъ“, на своихъ сеймикахъ и съѣздахъ ставшимъ фактически надъ нею работать. Во-вторыхъ, извѣстіе Кмиты даетъ знать, въ какомъ направленіи въ области законодательнаго установленія отношеній къ Польшѣ и къ Уніи съ нею опредѣлилась работа надъ этою „поправою“. Рѣшеніе вписать въ Статутъ земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго опредѣленно обозначаетъ это направленіе, ибо земскіе привилеи Казимира Ягайловича и его преемниковъ гарантировали неприкосновенность государства Великаго Княжества Литовскаго и его территоріи, права его „становъ“, его рады и сейма, а также ненарушеніе правъ его „тубыльцевъ“ допущеніемъ къ пользованію этими правами „суседовъ и заграничниковъ“, т. е. поляковъ. Въ дѣлѣ выработки Третьяго Литовскаго Статута шляхетскій „народъ“ Великаго Княжества Литовскаго рѣшительно выявлялъ свою волю отстоять все значеніе своего государства въ договорномъ соединеніи съ Польскою Короною и опредѣлить свои связи съ нею такъ, какъ ихъ строилъ литовскій проектъ Уніи 1569 года. О вписаніи въ Статутъ акта этой Уніи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ на Люблинскомъ сеймѣ, нѣтъ и рѣчи. Вмѣсто него въ Литовскій Статутъ предполагается внести текстъ земскихъ привилеевъ Великаго Княжества Литовскаго, охраняющихъ его государственность и его внутреннюю жизнь отъ всякаго проникновенія въ нихъ Польши и поляковъ. На мѣсто сліянія въ

---

[1]) Zródła do dziejów polskich, wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przezdzieckiego, tom drugi, str. 304—305. О воспроизведеніи нами текста листовъ Филона Кмиты, напечатанныхъ въ этомъ изданіи, см. выше. стр. 333—334, прим. 1.

единые народъ и государство съ Польшею и поляками ставится отдѣльность государства Литвы отъ государства Польской Короны и несливаемость ихъ народовъ.

Мы видѣли выше позицію, которую заняло Великое Княжество Литовское по отношенію къ Польшѣ и польской идеѣ Уніи, какъ сліянія обоихъ государствъ и народовъ, во время второго безкоролевья[1]). Видѣли и то, что Стефанъ Баторій, при признаніи его Литвою своимъ монархомъ, въ своихъ оффиціальныхъ актахъ подтвердилъ существованіе особаго государства Великаго Княжества Литовскаго, по договору, статьи котораго подлежатъ строгому выполненію, вступившаго въ соединеніе съ Польшею, но отнюдь не слившагося съ нею въ единое государственное цѣлое[2]). Конечно, это еще болѣе закрѣпляло выработку основныхъ государственныхъ законовъ Третьяго Литовскаго Статута въ тѣхъ видѣ и направленіи, въ которыхъ она уже опредѣлилась наканунѣ вступленія на престолъ соединенной Речи Посполитой Стефана Баторія.

Созывая первый Польско-Литовскій сеймъ послѣ своей коронаціи, король Стефанъ въ своихъ универсалахъ и сеймовыхъ листахъ въ Великое Княжество Литовское, между прочимъ, говорилъ: „а ижъ тежъ по постановенью сойму Любельского при Уніи постановлены и депутованы певные особы для поправы Статуту, про то, што ся колвекъ поправило и еще до сойму вального поправити можетъ, абы на тотъ же съемъ было принесено, яко бы ся тому постановенью досыть стало, кгдыжъ то и въ артыкулѣхъ короля Генрика, черезъ насъ поприсяжоныхъ, есть доложоно“[3]). Листы эти составлялись и писались въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью его „печатарей“, т. е. Литовскихъ канцлера и подканцлера[4]). Поэтому они должны быть признанными составленными съ полнымъ знаніемъ дѣлъ, о которыхъ въ нихъ говорится, а стало быть, и съ точнымъ знаніемъ способа веденія дѣла „поправы“

---

[1]) Стр. 330 и сл.

[2]) Стр. 341—344.

[3]) А. З. Р., III, № 66.

[4]) Литовскимъ канцлеромъ былъ въ это время Виленскій воевода Николай Юрьевичъ Радивилъ, а подканцлеромъ Евстафій Богдановичъ Воловичъ, каштелянъ Троцкій.

Литовскаго Статута. Выраженія, въ которыхъ говорится въ приведенномъ сейчасъ текстѣ сеймоваго листа передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года, къ сожалѣнію, не таковы, чтобы изъ нихъ можно бы было вывести что-либо опредѣленное о томъ, продолжала ли свои работы Статутовая Коммиссія, утвержденная Люблинскимъ сеймомъ, или она уже прекратила свое существованіе и „поправа" велась уже способами, имъ не предусмотрѣнными и не санкціонированными, и лицами, имъ на нее не уполномоченными. Что касается „науки", т. е. инструкціи господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года, то она совершенно умалчиваетъ о работахъ надъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ[1]). Но о стремленіи Литвы „съ паны поляки ку поровнанью", къ равенству ея государства съ Польскимъ въ соединенной Речи Посполитой эта „наука" знаетъ и говоритъ, что домогающіеся этого равенства артикулы Мстибоговскаго съѣзда, представленные Баторію при его признаніи Литвою, „накоротъце" сообщены предсеймовымъ сеймикамъ Польши[2]). Приходится думать, что въ это время Статутовая Коммиссія, утвержденная въ 1569 году, или уже выпустила изъ своихъ рукъ дѣло „поправы", которое взяли повѣтовые сеймики отъ нея, дѣйствуя и въ полномъ своемъ составѣ, и въ коммиссіяхъ, ими создаваемыхъ, а также черезъ своихъ делегатовъ на государственные съѣзды Литвы, или же совсѣмъ прекратила свое существованіе. А если надъ „поправою" работалъ уже шляхетскій „народъ" Великаго Княжества Литовскаго и его государственные съѣзды, то и сводка ихъ работы должна была сосредоточиваться мало по малу уже въ государственной канцеляріи Литвы.

Въ серединѣ декабря 1577 года вновь собрались повѣтовые сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, передъ Варшавскимъ сеймомъ, назначеннымъ на 14 января 1578 года. Посланцы короля Стефана на этихъ сеймикахъ должны были о „поправѣ" Статута сказать слѣдующее: „радъ бы тежъ его кор[олевская] милость виделъ, абы се около поправы Статуту того паньства Великого Князства Литовского, што съ перъвшыхъ соймовъ прекладано, на томъ сойме становило; и, естли што

---

[1]) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 43—53.
[2]) Тамъ же, стр. 51.

до поправы естъ готового, абы знесено, яко бы справедливость людьская статечъне и порадне отъправоватися могла"[1]). Такимъ образомъ, ничего не говоря ни о Статутовой Коммиссіи, ни о постановленіи Люблинскаго сейма объ исправленіи Литовскаго Статута, король обращается по этому дѣлу только къ повѣтовымъ сеймикамъ Литвы и отъ нихъ ожидаетъ движенія задержавшагося дѣла статутовой „поправы". Не будемъ и при оцѣнкѣ этого извѣстія забывать, что сохранившій его документъ составленъ въ Литовской государственной канцеляріи, т. е. съ полнымъ знаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣла, о которомъ онъ говоритъ.

На Варшавскій сеймъ 1578 года дѣйствительно былъ, послѣ этого напоминанія короля повѣтовымъ сеймикамъ Великаго Княжества Литовскаго, внесенъ рядъ „артикуловъ поправы Статуту Литовского". Въ соотвѣтствующей конституціи этого сейма говорится, что ихъ представили королю Стефану паны-рада и послы земель, воеводствъ и повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Содержаніе этихъ артикуловъ слѣдующее: 1) о рокахъ гродскихъ, позываньѣ на нихъ и ихъ порядкѣ, 2) о правѣ обывателей пользоваться для своихъ нуждъ возными и безъ предварительнаго обращенія къ соотвѣтствующему уряду, 3) о продолжительности роковъ земскихъ, 4) о неправильномъ „збиваньѣ" позвовъ, 5) о передачѣ отвѣтчикомъ другому лицу своего имѣнія, по дѣлу котораго онъ вызванъ въ судъ, 6) объ отвѣтственности обвинителя, не смогшаго доказать своего обвиненія, 7) о бѣглыхъ отъ своихъ господъ отчизныхъ подданныхъ и слугахъ, 8) о рушеньѣ повѣта на противящихся суду и уряду, 9) о шкрутиніумѣ въ уголовныхъ дѣлахъ[2]). Всѣ эти артикулы были утверждены властью сейма королемъ, который от-

---

[1]) Тамъ же, стр. 111.

[2]) „Przynieśli też przed Nas Panowie Rady y Posłowie Ziem, Woiewodztw y Powiatow W. X. Litewskiego pewne artykuły, y sądowne, w Statucie W. X. Lit. opisane, ktore obiaśnienia potrzebowały, y ktemu przyczyniwszy mało około porządnego postępku do prawa: to iest, o Rokach Grodzkich, y pozywaniu na te Roki, y porządku ich. O wolnym braniu Woźnych. O Rokach Ziemskich, iako długo maią bydź sądzone. O zbiianiu pozwow nierządnym. Ktoby o imienie będąc pozwany, a nieskończywszy prawa komu inszemu w dzierżenie puścił. Ktoby co na kogo wiodł, a nie dowiodł tego, iako ma bydź karan. O zbiegach y poddanych oyczystych, y o sługach. O ruszeniu Powiatu, na nieposłuszne prawa y urzędu. O scrutinium in criminalibus".

далъ приказаніе разослать ихъ во всѣ воеводства и повѣты Великаго Княжества изъ государственной Литовской канцеляріи, за своею подписью и съ приложеніемъ государственной Литовской печати, чтобы согласно имъ творили судъ и имѣли ихъ „за Статутъ“[1]). Къ этимъ девяти утвержденнымъ артикуламъ сеймовыя конституціи добавляютъ постановленіе о перенесеніи на другой срокъ неотсуженныхъ изъ-за сейма трехкрольскихъ роковъ земскихъ судовъ текущаго года и постановленіе объ отвѣтственности повѣтовыхъ старостъ за послабленія преступникамъ, содержащимся въ тюрьмахъ. Первое изъ этихъ постановленій является распоряженіемъ временнаго характера, второе же, въ качествѣ общаго закона, также подлежало внесенію въ исправляемый Литовскій Статутъ[2]).

Всѣ „поправы“ Статута, представленныя на Варшавскій сеймъ 1578 года, такъ же какъ и артикулъ, внесенный на коронаціонный сеймъ 1573 года, нисколько не касаются главной задачи, которая была поставлена въ 1569 году на сеймѣ Уніи утвержденной имъ коммиссіи для исправленія Литовскаго Статута. Сліянію права Литвы съ правомъ Польши всѣ эти артикулы нисколько не служили. Всѣ они дополняютъ и исправляютъ четвертый и двѣнадцатый[3]) раздѣлы Второго Литовскаго Статута, оставляя въ сторонѣ третій его раздѣлъ, исправленія котораго, какъ мы уже отмѣтили выше, особенно требовала польская идея Люблинской Уніи. Дѣло „поправы“ шло по пути, указанному ей Городенскимъ сеймомъ 1568 года, а отнюдь не Люблинскимъ сеймомъ Уніи. Если мы отъ перечня арти-

---

[1]) „Ktore My artykuły wszystkie przyiąwszy, iako rzecz słuszną, y mocą tego Seymu (въ текстѣ Vol. Leg. неправильно стоитъ: „Seymiku“), konfirmuiemy, y za pieczęcią W. X. Litewskiego, z podpisaniem ręki naszey, z Kancellaryi W. X. Litewskiego, we wszystkie Woiewodztwa y Powiaty W. X. Litewskiego odesłacieśmy kazali, aby to za statut maiąc, wedle tego się sądzili“. Voi. Leg., II, str. 186, f. 970.

[2]) „A iż Roki Ziemskie o Trzech Krolach w roku teraźnieyszym dla Seymu nie były sądzone, pozwalamy, aby za onemiż pozwy, ktoremi się na Roki Trzech Krolow pozywano, były odprawowane, we czterech niedzielach po Wielkieynocy, w roku teraźnieyszym. Postanowiwszy sądy, tymże kształtem potrzeby niektore dla rządu domowego takeśmy uchwalili ze wszystkiemi Stany, iako się niżey opisały“. Ibidem.

[3]) „О судьяхъ и о судехъ“ и „О головщинахъ и о навезкахъ людей простыхъ и о такихъ людехъ и челяди, которая отъ пановъ своихъ отходить, такъ же и о слугахъ прыказныхъ“ — заголовки III Статута.

куловъ „поправы“ въ конституціяхъ Варшавскаго сейма 1578 года обратимся къ самому ихъ тексту[1]), то никакого упоминанія о постановленіи Люблинскаго сейма объ исправленіи Статута и данныхъ въ 1569 году директивахъ для этого исправленія въ немъ не найдемъ. Наоборотъ, текстъ „поправъ“ 1578 года ставитъ ихъ въ связь лишь съ Литовскими сеймами кануна Люблинской Уніи, совершенно ее игнорируя. Во вступительной части къ этимъ „поправамъ“ стоитъ: „сей Статутъ для лѣпшой вѣры и певности есть корикгованъ со[2]) Статутомъ, который напервей за волею и вѣдомостю Господаря Короля[3]) его милости Жыкгимонта Августа, подъ печатью господарскою, на соймѣ Виленскомъ[4]) всимъ станомъ есть выданъ, при которомъ ухвала сойму Городенского, два[5]) привиля[6]) соймовъ Виленскихъ[7]), третий[8]) прывилей[9]) сойму Белского[10]), коньституции сойму Варшавского. И на артикулы поправы сойму Берестейского. То все у семъ Статутѣ есть описано и доконано......“ Ссылки на постановленія Городенскаго сейма имѣются и въ самомъ текстѣ „поправъ“ 1578 года[11]). Эти послѣднія совершенно опредѣленно и ясно примыкаютъ къ работѣ надъ исправленіемъ Второго Статута сразу послѣ его утвержденія, производившейся до Уніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, и не имѣютъ ничего общаго съ директивами 1569 года, данными на Люблинскомъ сеймѣ.

Но конституціи того же Варшавскаго сейма 1578 года даютъ знать, что вопросъ о направленіи, въ которомъ произво-

---

1) Временникъ Имп. Общества Ист. и Др. Росс., XXIII, стр. 200—212.

2) Въ изданіи: „за“.

3) Въ изданіи: „Краля“.

4) Въ изданіи: „Выленскомъ“.

5) Въ изданіи: „двѣ“.

6) Въ изданіи: „привыля“.

7) Въ изданіи: „Выленскыхъ“.

8) Въ изданіи: „третый“.

9) Въ изданіи: „привылей“.

10) Въ изданіи: „Белзкого“.

11) Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., XXIII, стр. 202. Въ обоихъ случаяхъ упоминанія на этой страницѣ Городенскаго сейма онъ ошибочно именованъ издателемъ „Городецкимъ“. При этомъ однажды напечатано: „якъ на наизду Городецкомъ постановленно есть“. Тутъ, конечно, имѣемъ или описку рукописи, или неправильное чтеніе ея издателемъ, а возможно, и то, и другое вмѣстѣ.

дилась „поправа“ Литовскаго Статута, на немъ поднимался. Въ нихъ говорится, что Великое Княжество Литовское, въ силу договора Уніи, останется при своихъ правахъ и сохраняетъ за собою „поправу“ своего Статута согласно конституціи Люблинскаго сейма 1569 года и присягамъ королей Генриха и Стефана. Для нея назначаются сеймики въ „воеводствахъ“ Великаго Княжества Литовскаго на 23 мая того же 1578 года, а послѣ нихъ съѣздъ въ Новгородкѣ на день св. Михаила, т. е. на 29 сентября. Съ этого съѣзда „поправа“ должна быть представлена на ближайшій сеймъ для утвержденія[1]). Указаніе на конституцію Люблинскаго сейма Уніи можетъ быть понимаемо такъ, что въ Польшѣ существовала тревога, вызванная какъ общимъ отношеніемъ Великаго Княжества Литовскаго къ договору Уніи 1569 года, такъ и задержкою исправленія Литовскаго Статута по директивамъ Люблинскаго сейма. Варшавскій сеймъ 1578 года и сдѣлалъ попытку настоять на постановленіи сейма Уніи. Но самый текстъ конституціи его возбуждаетъ вопросы. Первый изъ нихъ — созывъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго не по повѣтамъ, а по воеводствамъ. Литва имѣла сеймики, собиравшіеся въ ея повѣтахъ согласно ея законамъ. Лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ во время эпидеміи, нѣсколько повѣтовыхъ сеймиковъ могли сеймиковать въ одномъ мѣстѣ, но они все-таки оставались повѣтовыми, а не воеводскими собраніями повѣтовой шляхты[2]). Возбуждаютъ недоумѣніе и дни, на которые назначалъ Варшавскій сеймъ 1578 года сеймики и съѣздъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. На 18 мая въ этомъ году падалъ Троицынъ День[3]), а сразу послѣ этого праздника въ

---

[1]) „A w Wielkim Xięstwie Litewskim przy swych prawach, według poprzysiężenia Unij zostaną, poprawę statutu swego wedle konstytucyi w Lublinie w roku sześćdziesiątym dziewiątym uczynioney, y wedle poprzysiężenia Krola JMci Henryka, y naszego, wcale zachowuiąc. Jakoż ku poprawie tych spraw sądowych Wielkiego Xięstwa Litewskiego y Seymiki w Woiewodztwach Xięstwa Litewskiego naznaczamy w tym roku 1578 miesiąca Maja 23 dnia: a z tych Seymikow większy ziazd maią mieć Stany W. X. Lit:, dla teyże poprawy statutu praw ich, w Nowogrodku na pewny czas na dzień S. Michała, w tymże to roku teraźnieyszym. A ztąd maią tę poprawę przynieść na Seym Koronny pierwszy, ku konfirmacyi naszey“. Vol. Leg., II, str. 186, f. 969.

[2]) См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 561—564.

[3]) Н. Горбачевскій, Археографическій календарь (Вильна, 1869), стр. 28—29.

повѣтахъ начинались троицкіе роки земскихъ судовъ. Время Зеленыхъ Святокъ должно быть признано рѣшительно неудобнымъ для начала обсужденія „поправы“ Статута на сеймикахъ. То же приходится сказать и о днѣ св. Михаила, въ который долженъ былъ открыться съѣздъ въ Новгородкѣ. 30 сентября начиналась осенняя сессія земскихъ судовъ во всѣхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. Роки земскихъ судовъ привлекали къ себѣ весьма значительное число шляхтичей, имѣвшихъ въ нихъ свои собственныя дѣла или выступавшихъ на нихъ въ качествѣ свидѣтелей и „пріятелей“. Не могли отвлекаться отъ отсуживанія своихъ роковъ и члены земскихъ судовъ, а они обычно бывали дѣятельными и весьма полезными участниками повѣтовыхъ сеймиковъ, да притомъ очень часто выбирались и ихъ послами на съѣзды и сеймы. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ по поводу назначенныхъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года Новгородскаго съѣзда и связанныхъ съ нимъ сеймиковъ присоединяется и то обстоятельство, что въ книгахъ Литовской Метрики, относящихся ко времени царствованія короля Стефана, не сохранилось документовъ, вышедшихъ изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ созывомъ этихъ сеймиковъ и съѣзда. Въ виду всего этого, мы рѣшаемся думать, что приведеніе въ исполненіе даннаго постановленія Варшавскаго сейма встрѣтилось съ серьезными препятствіями въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и не отразилось на ходѣ дѣла „поправы“ Литовскаго Статута.

На Варшавскомъ сеймѣ 1579-1580 годовъ паны-рада и земскіе послы Великаго Княжества Литовскаго представили свои просьбы объ учрежденіи Главнаго Литовскаго Трибунала и „некоторые артикулы поправы Статуту“ Литовскаго. Уставъ Трибунала („порадокъ, списаный около тыхъ судовъ“) былъ на этомъ сеймѣ подписанъ „рукою“ короля Стефана. Но, такъ какъ „констытуція соймовая на томъ Варшавскомъ сойме не дошла жадная окромъ самого универсалу соймового, про то тежъ и тотъ порадокъ справедливости, отсуживаня апеляцый и поправа артикуловъ статутовыхъ, у нимъ описаныхъ, не выдано“ [1]). На Виленскомъ государственномъ съѣздѣ Литвы въ

[1]) См. универсалъ короля Стефана, данный въ Вильнѣ 29 апрѣля 1580 года, — И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 132—133. Подъ „универсаломъ соймовымъ“ въ приведенной цитатѣ, конечно, разумѣется поборовый универсалъ Варшавскаго сейма 1579-1580 годовъ.

1580 году „чинили“ къ присутствовавшему на немъ королю Стефану „припоминане и прозбу с выдане того нового порадку справедливости и около отправованя и отсуживаня апеляцій“ паны-рада, княжата, панята, маршалки, земскіе и дворные урядники и всѣ станы шляхты, обыватели „панства“ Великаго Княжества Литовскаго. Въ отвѣтъ имъ король заявилъ, что онъ уже на Варшавскомъ сеймѣ съ охотою на это соизволилъ и подписалъ уставъ Трибунала. Теперь онъ гарантируетъ, что на ближайшемъ вальномъ сеймѣ онъ прикажетъ этотъ уставъ „посполу съ поправою артикуловъ статутовыхъ, въ немъ описаныхъ, выдати и въ констытуцію соймовую то заразомъ уписати“, а затѣмъ огласитъ все это своими листами по всему „панству“ Великому Княжеству Литовскому. При этомъ, отъ имени короля Стефана, его универсалъ, данный съ Виленскаго съѣзда, добавляетъ: „а, еслибы тежъ того была потреба, жебы и што артикуловъ въ томъ порадку справедливости поправило, тогды то имъ волно будетъ на соймикахъ пришлыхъ учинити, а мы то имъ съ тою поправою выдать обецуемъ подъ словомъ нашимъ королевскимъ водлугъ того способу и порадку, яко въ Коруне Полской естъ постановено, захowавши толко тые суды, которые персуне маестату нашого, особливе о добра столу нашого, власне суду нашому господаръскому належать“[1]). Текстъ этого универсала, съ небольшими только отступленіями отъ него, вошелъ и въ вводную часть устава Главнаго Литовскаго Трибунала, утвержденнаго на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года[2]).

Выработанный Литвою уставъ ея „Суда Головнаго Трибунальскаго“ имѣлъ отличія отъ устава Короннаго Трибунала, утвержденнаго Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. Въ числѣ этихъ отличій было ограниченіе его компетенціи сохраненіемъ за монархомъ значенія аппелляціонной инстанціи въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Польшѣ. Король Стефанъ на Виленскомъ съѣздѣ 1580 года и заявлялъ, что съ его стороны не встрѣтилось бы препятствій къ большему расширенію компетенціи Литовскаго Трибунала, еслибы того пожелали повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, не удовле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 133.

[2]) По новѣйшему изданію устава Главнаго Литовскаго Трибунала, сдѣланному проф. А. Янулайтисомъ въ приложеніи къ его изслѣдованію „Vyriausiasis Lietuvos Tribunolas XVI—XVIII amž.“, стр. 107—110.

творенные проектомъ его устава, выработаннымъ для представленія на утвержденіе Литовскими представителями на сеймѣ 1578-1579 годовъ. Дѣло исправленія и дополненія законовъ Великаго Княжества Литовскаго находилось въ это время въ рукахъ его повѣтовыхъ сеймиковъ, и король Стефанъ не можетъ обойти ихъ при утвержденіи новыхъ Литовскихъ законопроектовъ, исправляя въ данномъ случаѣ прецедентъ внесенія на утвержденіе устава Трибунала, текстъ котораго былъ написанъ на сеймѣ. Дневникъ Новгородскаго подсудка Ѳеодора Евлашевскаго разсказываетъ, что, „пишучи Трибуналъ", Евлашевскій и другіе сеймовые представители Литвы работали на самомъ Варшавскомъ сеймѣ 1578-1579 годовъ[1]). Отсюда слѣдуетъ, что повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, выразивъ желаніе учрежденія Литовскаго Трибунала, не имѣли еще на своемъ разсмотрѣніи полнаго текста его устава. Для ускоренія дѣла утвержденія „Суда Головнаго" Литвы ея сеймовые представители взяли на себя отвѣтственность за этотъ текстъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы доложить все дѣло посеймовымъ реляційнымъ сеймикамъ Великаго Княжества Литовскаго. Но, въ виду того, что Варшавскій сеймъ 1579-1580 годовъ разошелся, не составивъ своихъ конституцій, представилась возможность направить дѣло на тотъ путь исправленія Статута — а учрежденіе Трибунала въ дѣйствительности было также его исправленіемъ, — который уже выработался и установился къ этому времени. Необходимо полагать, что Статутовая Коммиссія, утвержденная въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ, тогда уже не функціонировала, ибо, еслибы она еще дѣйствовала, то и проектъ устава Трибунала, надо думать, былъ бы выработанъ ею, а не составлялся бы спѣшно на самомъ Варшавскомъ сеймѣ 1579-1580 годовъ.

На то, что въ это время Статутовая Коммиссія уже не дѣйствовала, указываетъ и заключительная статья устава Литовскаго Трибунала, говорящая о „поправѣ того Суду и Статуту"[2]). Въ ней стоитъ: „а гдѣ бы тому панству нашому Великому Княжству Литовскому чего напередъ въ томъ порядку справедливости або въ Статутѣ оного[3]) панства поправити бы-

[1]) Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси, вып. II (Кіевъ, 1896), стр. 20.

[2]) Цитируемъ по изданію проф. А. Янулайтиса — стр. 155—156.

[3]) Въ изданіи: „онаго".

ла потреба, або еслибы тежъ, отступивши вси згодне того Суду Головного[1]), суды свои опять на насъ, господаря, вточить хотячи, абы то имъ вольно было завжды учинити; того варуемъ и упевняемъ, ижъ бы, таковые поправы тамъ во ономъ панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ на соймикохъ[2]) або на съѣздѣхъ своихъ чинечи, потомъ тое для утверженья[3]) чрезъ насъ, господара, на соймъ приносити будуть"[4]). „Поправа" Статута, такимъ образомъ, цѣликомъ признается въ рукахъ повѣтовыхъ сеймиковъ и государственныхъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго, безъ какого-либо упоминанія объ участіи въ ней Статутовой Коммиссіи. Что касается конституцій Варшавскаго сейма 1581 года, то въ нихъ говорится объ исправленіи Великимъ Княжествомъ Литовскимъ своего Статута черезъ „своихъ депутатовъ", притомъ такъ, чтобы въ немъ ничего не было противнаго договору Уніи. Тутъ же предписывается и представленіе этой „поправы" на ближайшій слѣдующій сеймъ для утвержденія[5]).

Польско-Литовскій сеймъ, такимъ образомъ, призналъ составленіе „поправы" Литовскаго Статута уже не утвержденной имъ въ 1569 году коммиссіей, съ которой одной по замыслу сейма Уніи онъ долженъ былъ имѣть дѣло, а повѣтовыми сеймиками и съѣздами Великаго Княжества Литовскаго. Но кого нужно разумѣть подъ „депутатами", о которыхъ говоритъ его

---

[1]) Въ изданіи: „головнаго".

[2]) Въ изданіи: „соймиковъ".

[3]) Въ изданіи: „утвержденья".

[4]) О возможности для Великаго Княжества Литовскаго отказаться отъ Трибунала и вновь вернуться къ прежнему порядку господарскаго суда по аппелляціямъ было умѣстнымъ говорить при утвержденіи устава Трибунала особенно потому, что Литва не была единодушна въ измѣненіи этого порядка, по отношенію къ этой реформѣ. Земля Жомойтская въ 1581 году обезпечила себѣ право созданія своего особаго Трибунала. Не создавъ его въ дѣйствительности, она продолжала съ аппелляціонными жалобами на рѣшенія своихъ повѣтовыхъ судовъ по-прежнему обращаться къ монарху. Только въ 1588 году Жомойть признала и надъ собою компетенцію Трибунала Великаго Княжества Литовскаго. Ср. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 529—533.

[5]) „Maią też Statuta W. X. Litewskiego y uchwał Seymowych do sądow należących, przez deputaty swe poprawić: a to tak, iżby nic spisom Unij nie było przeciwno. A tę poprawę dla konfirmacyi naszey na Seym pierwszy przynieść maią". Vol. Leg., II, str. 210, f. 1020.

конституція? О томъ, что это тѣ депутаты для „поправы“ Статута, которые были утверждены въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ, она не упоминаетъ. Возможно, что конституціи 1581 года искали формулы, способной прикрыть измѣненіе способа исправленія Статута, которое Литва, безъ вѣдома Польши, примѣнила къ этому дѣлу, нарушая сеймовое постановленіе 1569 года и отступая отъ того направленія, которое хотѣлъ дать „поправѣ“ сеймъ Уніи. Но возможно, что тутъ прямо имѣются въ виду и депутаты повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, которые посылались ими на государственные съѣзды его для выработки новаго Литовскаго Статута. Выраженное Варшавскимъ сеймомъ требованіе того, чтобы этотъ Статутъ не заключалъ въ себѣ ничего противорѣчащаго договору Уніи, указываетъ на освѣдомленность уже поляковъ о направленіи, которое приняла „поправа“ въ Литвѣ и которое было враждебно польской идеѣ Люблинской Уніи. Польская часть „спольнаго“ Польско-Литовскаго сейма потребовала своего контроля окончательной редакціи Литовскаго кодекса для обезпеченія выполненія директивъ сейма Уніи и постановленій ея договора. Между тѣмъ Литва смотрѣла на статутовую „поправу“ какъ на внутреннее дѣло своего государства, какъ на дѣло ея „становъ“, неприкосновенность старыхъ правъ которыхъ была гарантирована договоромъ Люблинской Уніи.

Въ тѣхъ же конституціяхъ Варшавскаго сейма 1581 года имѣемъ внесенными и нѣсколько дальнѣйшихъ артикуловъ „поправы“ Литовскаго Статута подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ, подъ которымъ записаны и утвержденіе устава Главнаго Литовскаго Трибунала, и приведенное нами выше постановленіе объ исправленіи Статута „депутатами“ Великаго Княжества Литовскаго. Въ конституціяхъ 1581 года обозначено лишь общее содержаніе этихъ артикуловъ[1]). Полный ихъ текстъ

---

[1]) „43. Ktemu za prośbą Posłow, konstytucyą Seymu Lubelskiego w roku 1569 uczynioną, o niedawanie iedney osobie dwu dygnitarstw y urzędow sądowych, przy mocy we wszem zostawuiemy, y według niey się zachować maią.

44. O sądzeniu Rokow Ziemskich y Grodzkich pod czasem tey woyny, wyiąwszy osob tych, ktorzy z Nami sami na woynę poiadą, według o tym pierwszych konstytucyi Seymowych w mocy zostawuiemy.

45. O porządku dowodzenia sprawiedliwości w tych rzeczach, ktoreby się pod czasem wyciągnienia naszego na woynę, y aż do zwrocenia z niey

былъ, конечно, на сеймъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ представленъ и по его сеймовомъ утвержденіи сданъ въ Литовскую государственную канцелярію. Не имѣя его въ своемъ распоряженіи[1]), мы не можемъ сказать, насколько онъ былъ измѣненъ въ той редакціи этихъ артикуловъ, въ какой они были кодифицированы въ окончательномъ текстѣ Третьяго Литовскаго Статута. Но ихъ содержаніе въ него вошло. Постановленіе о несоединеніи въ однѣхъ рукахъ двухъ „дигнитарствъ" и урядовъ судовыхъ имѣемъ въ 34 артикулѣ перваго раздѣла Статута и во 2 артикулѣ четвертаго, о земскихъ и гродскихъ рокахъ во время войны — въ 23, 43 и 46 артикулахъ четвертаго раздѣла, объ отводѣ воеводами и повѣтовыми старостами мѣстъ для постройки домовъ для земскихъ судовъ и безопасныхъ помѣщеній для храненія книгъ земскихъ — въ 13 артикулѣ четвертаго раздѣла. При сравненіи артикуловъ Литовскаго Статута, обозначенныхъ въ конституціяхъ сейма 1581 года, съ соотвѣтствующими артикулами окончательной редакціи Третьяго Статута обнаруживается и еще одно любопытное явленіе. Въ первыхъ имѣются двѣ ссылки на постановленія Люблинскаго сейма. Во вторыхъ онѣ отсутствуютъ.

Въ слѣдующемъ, 1582-мъ году, вновь встрѣчаемся въ нашихъ источникахъ съ „поправою" Литовскаго Статута. 21-мъ января 1582 года датированы постановленія Волковыйскаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго, который занимался,

---

da Pan Bog szczęśliwego, osobom będącym na woynie w imionach ich stały postanowienie w roku 1579 w woysku pod Połockiem uczynione, przy mocy zostawuiemy, z tym dokładem y poprawą, ktora się na tym teraźnieyszym Seymie stała.

46. Mieysca abo place na zbudowanie domow dla Sądow Ziemskich y dla chowania ksiąg w każdym Woiewodztwie y Powiecie, tam gdzie sądy odprawowane bywaią, Woiewodowie y Starostowie onych mieysc naznaczyć y wymierzyć maią, wedle konstytucyi Seymu Lubelskiego, roku 1569.

47. O sprawach osob duchownych z świeckiemi, iż tu teraz na Seymie nikogo z stanu duchownego W. X. L. nie było, statut iako do tego czasu w mocy zachowuiemy, y do poprawy statutu onego Państwa odkładamy". Vol. Leg., II, str. 210, f.f. 1020—1021.

[1]) Заключающія въ себѣ акты царствованія Стефана Баторія книги Литовскаго отдѣла Литовской Метрики (т. е. рубрика А), хранившіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, были нами просмотрѣны всѣ безъ исключенія. Въ нихъ не оказалось этого текста.

въ числѣ другихъ, и ея дѣломъ[1]). Изъ этихъ постановленій узнаемъ, что „депутаты, въ повѣтехъ обраные“, какъ имѣетъ о томъ „певную вѣдомость“ съѣздъ, „тое поправы докончивши, писали и ознаймили о тымъ его королевское милости“. Въ виду этого „ознайменья“ станы Великаго Княжества Литовскаго просили короля Стефана, чтобы онъ „водле конституціи прошлого сойму на тотъ съѣздъ головный Волковыскій часъ ку ревидованью черезъ вси станы“ имъ „зложить рачилъ“. Хотя король объ этомъ не сдѣлалъ никакой „взменки“ черезъ своего посла на съѣздъ, станы, „певни будучи ласки“ королевской „и маючи то въ рукахъ“ своихъ „съ постановенья соймового“, убѣдительно („пильне“) просили короля Стефана, „абы та поправа Статуту, которая се черезъ депутатовъ“ ихъ „вжо доконала, въ занедбанье не привожона, але ижбы ихъ милость панове-рады рачили межи собою певные особы теперь заразомъ обрать и при его королевской милости, нашимъ милостивымъ пане, той поправы ревидовать“. Дальше узнаемъ изъ того же постановленія Волковыйскаго съѣзда 1582 года, что „водле констытуціи“ паны-рада Великаго Княжества Литовскаго должны были для „поправы“ выдѣлить изъ своей среды также депутатовъ и притомъ сдѣлать это къ опредѣленному сроку, а именно „у чотырехъ недѣляхъ по Великодни[2]) въ року прошломъ тысеча пятьсотъ осмьдесять першомъ“[3]). Но паны-рада этого „на онъ часъ учинить не рачили“, почему Волковыйскій съѣздъ и настаиваетъ на томъ, чтобы „се то тымъ направило“. Онъ проситъ короля беззамедлительно оповѣстить по повѣтамъ Великаго Княжества Литовскаго всѣ его станы о томъ, чтобы, „надалей у двухъ або у трехъ недѣляхъ вступивши въ постъ въ тымъ теперешнимъ року, тое ревидованье Статуту дошло“. Волковыйскій съѣздъ чрезвычайно озабоченъ тѣмъ, чтобы новый Литовскій Статутъ получилъ скорѣйшее утвержденіе. Время занятій сейма коротко. Къ тому же ему нужно заниматься вопросами „попиранья войны“. Поэтому

---

[1]) А., изд. Вил. Арх. К., VII, стр. 179—182. Тотъ же документъ, переписанный латиницею, находится въ собраніи Akta Historyczne Библіотеки Главнаго Штаба № 2901 (томъ XI).

[2]) Т. е. по Пасхѣ.

[3]) О томъ, что не все, постановленное въ конституціяхъ сеймовъ, попало въ Volumina Legum, см. выше, въ настоящей главѣ, стр. 381, прим. 2.

съѣздъ, „бачечи, же поправы Статуту“ король „слухать“ на соймѣ „часу мѣть не можетъ“, просилъ его „обрать собѣ дни и часы ку выслуханью зъ ихъ милости паны-радами тотъ Статутъ, жебы безъ всякое вонтпливости Статутъ поправленый до конфирмацiи его королевское милости водлугъ констытуцiи соймовое на соймъ напервши принесенъ“ и Великому Княжеству Литовскому „выданъ былъ“[1]).

Если мы присмотримся поближе къ этимъ постановленiямъ Волковыйскаго съѣзда 1582 года, то должны будемъ прежде всего признать, что Статутовая Коммиссiя, утвержденная на сеймѣ Унiи, въ это время уже безусловно не существовала, ибо, въ противномъ случаѣ, съѣздъ долженъ былъ бы о ней непремѣнно упомянуть. Къ необходимости признать эту Коммиссiю несуществовавшею уже въ 1582 году, а по всей вѣроятности и значительно раньше, приводитъ и наблюденiе надъ ея личнымъ составомъ. Жомойтскiй каштелянъ Мальхеръ Станиславовичъ Шеметъ умеръ въ 1570 году[2]). Виленскiй епископъ Валерiанъ Протасовичъ скончался въ 1580 году[3]). Но уже съ 1575 года, за его престарѣлостью, дѣлами Виленскаго бискупства вѣдалъ въ сущности его молодой коадъюторъ, Юрiй Радивилъ. Надо думать, что епископъ Валерiанъ едва ли могъ тогда руководить и работами Статутовой Коммиссiи. Августинъ Ротундусъ умеръ въ 1582 году[4]). Такимъ образомъ, съ 1570 года въ составѣ Коммиссiи числился лишь одинъ радный панъ, епископъ Валерiанъ, который не можетъ быть признанъ дѣйствительно сколько-нибудь дѣятельнымъ ея членомъ, а съ его смертью въ 1580 году Статутовая Коммиссiя уже не имѣла въ своемъ составѣ ни одного сенатора. Смерть Ротундуса лишила ее и того ея члена, который представлялъ собою по своимъ теоретическимъ знанiямъ и практическому опыту ея главную силу. Что касается представителей отъ шляхты воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго въ Статутовой Коммиссiи, утвержденной въ 1569 году, то, конечно, и ихъ составъ не могъ сохраниться полностью въ дальнѣйшее время. Миколай Миколаевичъ Дорогостайскiй

---

[1]) А., изд. Вил. Арх. Комм., VII, стр. 179—180.

[2]) См. J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit., str. 143.

[3]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I., стр. 567.

[4]) См. выше, стр. 81.

въ 1576 году былъ назначенъ на урядъ Полоцкаго воеводы[1]) и такимъ образомъ перешелъ въ „станъ сенаторскій“, что лишало его возможности оставаться въ Коммиссіи въ качествѣ представителя „стана шляхетскаго“. Богданъ Селицкій умеръ около 1581 года[2]). Бенедикта Юраги не было въ живыхъ уже въ началѣ 1571 года[3]). Между тѣмъ объ утвержденіи новыхъ членовъ Статутовой Коммиссіи на смѣну выбывшихъ изъ ея состава нѣтъ никакихъ упоминаній въ конституціяхъ „спольныхъ“ сеймовъ, послѣдовавшихъ за утвердившимъ Коммиссію Люблинскимъ сеймомъ Уніи. Естественно думать, что, еслибы эта Статутовая Коммиссія продолжала существовать дѣйствительно, то „спольный“ сеймъ, властью котораго она была утверждена, пополнялъ бы ея рѣдѣвшій составъ назначеніемъ въ нее новыхъ членовъ.

Но тѣ же постановленія Волковыйскаго съѣзда 1582 года позволяютъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ исторіи составленія Третьяго Литовскаго Статута и подготовки его утвержденія. Изъ нихъ видно, что работа надъ „поправою“ Статута въ то время велась исключительно повѣтовыми сеймиками Великаго Княжества и ихъ депутатами, и они ее уже настолько продвинули, что представлялось даже возможнымъ беззамедлительное утвержденіе исправленнаго кодекса. Приходится думать, что на смѣну Статутовой Коммиссіи, утвержденной Люблинскимъ сеймомъ 1569 года, повѣтовые сеймики избрали

---

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 594—595.

2) См. выше, стр. 202.

3) 1 апрѣля 1571 года его вдова такъ начинаетъ выданный ею документъ: „Я, Бенедыктовая Юражиная, маршалковая господарьская Ѳедора Коптевна, ознаймую то тымъ моимъ листомъ, ижъ которое тивунство въ земли Жомойтской Коркляны и Повондени и тежъ имене Бытенское малжонокъ мой, небожчикъ панъ Бенедыктъ Юрага з ласки ясневелможного пана, пана Яна Ходкевича, старосты Жомойтского, маршалка наивышого Великого Князства Литовского, гетмана и администратора земли Иѳлянтское, старосты Ковенского, державцы Плотелского и Телшовского, держалъ и, кгды небожчикъ панъ малжонокъ мой, з воли Божое, зъ сего света зшолъ а личбы, яко съ тыхъ тивунствъ, такъ з ыменя его милости Бытени, жадное до скарбу его милости не вчинилъ, а такъ его милость рачилъ мне, малжонце его, росказати, абыхъ личбу съ тыхъ врадовъ чинила......“ Документъ этотъ хранился въ Рукописномъ Отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки — Б., шк. 1, п. 2, м. 42, въ сборникѣ листовъ, по нумераціи сборника л. 7.

своихъ депутатовъ, которымъ и поручили статутовую „поправу". А если это было такъ, то, во-первыхъ — директивы сейма Уніи, указанныя „поправѣ" Литовскаго Статута, потеряли свою силу, ибо, на смѣну утвержденной этимъ сеймомъ Статутовой Коммиссіи, повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго создали коммиссію изъ своихъ депутатовъ, которымъ давали свои указанія; во-вторыхъ — эта депутатская коммиссія была по своему составу значительно больше смѣненной ею Статутовой Коммиссіи, ибо въ послѣдней имѣлись шляхетскіе представители отъ девяти воеводствъ, а въ первую вошли депутаты отъ двадцати двухъ повѣтовъ; въ-третьихъ — принципъ представительства повѣтовъ, а не воеводствъ поставилъ работавшихъ надъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ депутатовъ въ непосредственныя связи съ повѣтовою шляхтою и организованнымъ органомъ выраженія ея воли и пожеланій, т. е. съ повѣтовыми сеймиками; наконецъ, въ-четвертыхъ — „поправа" Статута производилась депутатами повѣтовыхъ шляхетскихъ сеймиковъ, безъ назначенныхъ въ составъ ихъ коммиссіи радныхъ пановъ.

Такимъ образомъ, составленіе Третьяго Литовскаго Статута, какъ показываютъ постановленія Волковыйскаго съѣзда 1582 года, освободилось отъ директивъ Люблинскаго сейма Уніи. Но не этотъ только съѣздъ его освободилъ отъ нихъ. Его постановленія указываютъ на то, что работа надъ „поправою" Статута къ началу 1582 года считалась депутатами повѣтовъ уже ими законченною. Мы видѣли выше, что личный составъ Статутовой Коммиссіи разрушался еще съ 1570 года, и на мѣсто выбывавшихъ изъ нея ея членовъ „спольными" сеймами не назначались ихъ замѣстители. А между тѣмъ части статутовой „поправы" вносились на утвержденіе этихъ сеймовъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это дѣлалось по постановленіямъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго, собиравшихся передъ „спольными" сеймами, или съѣздовъ-конвокацій государства Литвы во время безкоролевій. Но кѣмъ вырабатывались артикулы этихъ „поправъ", вносимыхъ на разсмотрѣніе съѣздовъ? Трудно допустить мысль, что это дѣлалъ все уменьшавшійся личный составъ Статутовой Коммиссіи, утвержденной въ 1569 году. Предположить, что артикулы „поправы" составляла самостоятельно государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго, невозможно, потому что дѣло

исправленія и дополненія Второго Литовскаго Статута было передано въ руки „становъ“ еще Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года[1]), производилось ими на сеймахъ Литвы до заключенія Люблинской Уніи и получило организацію на Городенскомъ сеймѣ 1568 года. Государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго могла давать окончательную и болѣе совершенную редакцію артикуламъ „поправы“, но она не могла считать себя въ правѣ составлять новые законы въ ихъ содержаніи. А если все это такъ, то естественнѣе всего предположить, что депутаты повѣтовой шляхты работали надъ „поправою“ Статута уже въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, внося составляемые ими артикулы на съѣзды Великаго Княжества Литовскаго, которые затѣмъ представляли ихъ на утвержденіе „спольныхъ“ сеймовъ. Конечно, это лишь предположеніе. Его закрѣпить или разрушить могутъ новыя данныя источниковъ, если они будутъ привлечены къ изслѣдованію. Нужно очень жалѣть, что сеймиковые документы, вышедшіе съ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, или не сохранились, или еще не сдѣлались доступными изслѣдователю. „Науки“-инструкціи и „уфалы“ или „лявдумы“ (laudum) сеймиковъ[2]) времени составленія Третьяго Литовскаго Статута, конечно, могли бы дать настолько точныя и опредѣленныя данныя, что изслѣдованію не нужно бы было прибѣгать къ предположеніямъ о началѣ и ходѣ работъ депутатовъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго надъ „поправою“ Литовскаго Статута.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что депутаты повѣтовой шляхты въ своей работѣ по составленію Третьяго Литовскаго Статута стремились прежде всего и главнѣе всего къ устраненію тѣхъ недостатковъ Второго Литовскаго Статута, которые были обнаружены практикою судовъ и административныхъ органовъ Великаго Княжества Литовскаго, а также и конкретными явленіями жизни и потребностями обывателей Великаго Княжества Литовскаго. Недостатки и упущенія, обнаружившіеся въ артикулахъ Литовскаго Статута 1566 года сразу послѣ его утвержденія и потребовавшіе его „поправы“ уже съ самаго

---

[1]) См. выше, стр. 28 и сл.

[2]) О документахъ, составлявшихся повѣтовыми сеймиками, см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 455—479 и 491—497.

1566 года, привлекали къ себѣ, конечно, главное вниманіе и повѣтовой шляхты, и ея депутатовъ, работавшихъ надъ статутовою „поправою". Уголовный и гражданскій процессъ, классификація преступленій, опредѣленіе наказаній за нихъ, право семейное, наслѣдственное, вещное и обязательственное — вотъ что́, естественно, должно было возбуждать въ вырабатываемомъ новомъ законодательномъ кодексѣ Великаго Княжества Литовскаго главный интересъ и особую заботу повѣтовой шляхты, ибо все это касалось ея повседневной жизни въ тѣхъ ея областяхъ, въ которыхъ она непосредственно соприкасалась съ закономъ государства. Что же касается основныхъ законовъ Второго Литовскаго Статута, которыхъ измѣненіе считали необходимымъ представители Польши на „спольныхъ" сеймахъ Речи Посполитой, то повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго, а стало быть, и ея депутаты едва ли тратили много времени на ихъ пересмотръ. Конституція Второго Литовскаго Статута должна была ими признаваться въ составѣ тѣхъ привилеевъ и старыхъ правъ, сохраненіе которыхъ Литвѣ было гарантировано ея и Польши договоромъ Уніи 1569 года, а настроеніе шляхетскаго „народа" Великаго Княжества Литовскаго въ годы составленія Третьяго Статута, какъ мы это видѣли выше[1]), отнюдь не было благопріятнымъ какому-либо уменьшенію правъ государства Литвы въ его федераціи съ Польскою Короною. Надо думать, что никакихъ дебатовъ по поводу статутовыхъ артикуловъ, заключающихъ въ себѣ конституціонные законы Великаго Княжества Литовскаго, ни на повѣтовыхъ сеймикахъ, ни въ засѣданіяхъ ихъ депутатовъ не поднималось. Эти законы нужно было лишь нѣсколько дополнить и еще болѣе уточнить. Такими дополненіями явились въ особенности третій и восьмой артикулы третьяго раздѣла составлявшагося депутатами новаго Статута. Первый изъ этихъ артикуловъ провозглашалъ свободу всѣхъ обывателей „паньства" Литвы „зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженьства хрестияньского", т. е. полную свободу всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и представлялъ собою актъ Варшавской конфедераціи, утвержденный 28 января 1573 года. Этотъ актъ былъ принятъ станами Великаго Княжества Литовскаго по ихъ соглашенію со станами Польской

---

[1]) См. выше, шестую главу.

Короны[1]), былъ признанъ государствомъ Литвы однимъ изъ его основныхъ законовъ, а потому и подлежалъ внесенію въ Литовскій Статутъ „слово отъ слова“, только, конечно, на государственномъ языкѣ этого кодекса, а не на польскомъ, на которомъ актъ былъ составленъ въ 1573 году — „которая конъфедерацыя съ Польское конъстытуцыи водлугъ права, кождому народу[2]) належачого, на руский езыкъ преложона и рускимъ же писмомъ въ сесь Статутъ уписана“, какъ гласитъ третій артикулъ третьяго раздѣла исправленнаго Литовскаго Статута.

Артикулъ восьмой того же раздѣла вводитъ въ Литовскій Статутъ законъ „о соймику або зъезде головномъ въ Слониме передъ соймомъ великимъ вальнымъ“. Этотъ законъ закрѣпляетъ въ сводѣ законовъ Великаго Княжества Литовскаго создавшійся съѣздъ радныхъ пановъ и повѣтовыхъ пословъ государства Литвы передъ ихъ отъѣздомъ на „спольные“ съ поляками сеймы. Мы видѣли выше[3]), какъ возникъ этотъ предсеймовый государственный съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго и какъ онъ развивался въ годы послѣ Люблинской Уніи. Но Литовскій Статутъ 1566 года его еще не знаетъ, да и не можетъ знать въ своихъ артикулахъ, ибо онъ возникъ только въ связи съ Уніею 1569 года. Практика собраній предсеймовыхъ съѣздовъ государства Литвы, развивавшаяся и накоплявшая прецеденты, позволила при „поправѣ“ Второго Литовскаго Статута въ годы царствованія Стефана Баторія выработать законъ о предсеймовомъ съѣздѣ, опредѣляющій его задачи и устанавливающій время для его дѣятельности. Согласно этому закону, предсеймовый съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго долженъ собираться передъ каждымъ Польско-Литовскимъ сеймомъ, за двѣ недѣли до начала послѣдняго, и продолжаться „водле часу и потребы“, но съ расчетомъ, чтобы „на сеймъ великий въ часъ прибыти не омешкали“. Мѣстомъ предсеймоваго съѣзда статутовая „поправа“ назначила Слонимъ на смѣну Волковыйска, въ которомъ онъ собирался раньше[4]).

---

1) „Конъфедерацыя, часу интеррегни въ той речы межы станы Коруны Польское и Великого Князства Литовъского учиненая“.

2) Т. е. согласно праву каждаго изъ народовъ, соединившихся въ федеративной Речи Посполитой по договору Люблинской Уніи.

3) Стр. 365—366.

4) См. выше, стр. 366, прим. 2.

Составъ этого съѣзда — „вси станы того паньства Великого Князства, такъ панове-рада ихъ милость, яко и послове земъские". Наконецъ, задачами предсеймоваго съѣзда государства Литвы являются согласованіе повѣтовыхъ инструкцій и выработка единства дѣйствій всѣхъ представителей Великаго Княжества Литовскаго на предстоящемъ соединенномъ Польско-Литовскомъ сеймѣ[1]).

Къ числу конституціонныхъ законовъ, внесенныхъ въ новый Литовскій Статутъ, относится и законъ о посеймовомъ повѣтовомъ сеймикѣ, который представляетъ собою девятый артикулъ третьяго раздѣла[2]). Второй Литовскій Статутъ знаетъ въ своихъ артикулахъ только предсеймовый сеймикъ и сеймикъ для избранія членовъ повѣтовыхъ земскихъ судовъ[3]). Необходимо существовавшій уже долгое время, посеймовый сеймикъ получилъ свои опредѣленіе и организацію въ законѣ лишь при „поправѣ" Второго Статута уже въ годы послѣ Люблинской Уніи. Его назначеніе было опредѣлено такъ: „жебы на тыхъ соймикахъ послове, съ поветовъ на соймъ посыланые, звернувши се з сейму, дали о томъ всимъ обывателемъ кождого повету ведомость достаточную, што бы на которомъ сойме въ справахъ и потребахъ речы посполитое справили и постановили". Новый Статутъ организовалъ и способы храненія въ повѣтахъ сеймовыхъ конституцій, а также ихъ выдачи повѣтовымъ посламъ для доставленія своимъ избирателямъ. Въ немъ отъ имени господаря говорилось: „и то, што се на сойме постановить и уфалить, маютъ послове на писме за печатью нашою до повету своего принести и то ку захованью при книгахъ земъскихъ вряду земъскому подати, такъ же для ведомо-

[1]) Паны-рада и повѣтовые послы на предсеймовомъ съѣздѣ въ Слонимѣ, „знесши въ посродокъ себе инструкцыи всихъ земль и поветовъ, маютъ межы себе намовы спольные въ милости братерской о всихъ потребахъ земъскихъ чинити, приводечи се до одного слушного зрозуменья и уваженья речей ку доброму речи посполитое, за чимъ бы вжо на великомъ вальномъ сойме порадней и спешней справы и потребы речи посполитое становити и отправовати се могли". III Статутъ, III, 8.

[2]) „О складанью соймиковъ по сойме вальномъ и о даванью дармо съ канцляреи справъ соймовыхъ". Объ этомъ сеймикѣ см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 480—497.

[3]) О сеймикѣ для избранія кандидатовъ на должности членовъ земскихъ судовъ см. тамъ же, стр. 498—523.

сти тое речы и до книгъ кгродъскихъ дати то вписати; а съ канцляреи нашое такие справы земские посломъ даръмо выданы быти мають, безъ жадного затрудненья".

Внесли въ конституціонные законы Великаго Княжества Литовскаго лица, работавшія надъ „поправою" Статута, и еще нѣкоторыя дополнительныя постановленія, касающіяся повѣтоваго сеймика[1]). Но они не преобразовывали его, а лишь вносили въ законъ упущенное во Второмъ Литовскомъ Статутѣ и обнаружившееся какъ его дефекты за годы его примѣненія. Законы о Главномъ Литовскомъ Трибуналѣ, а стало быть, и о сеймикѣ для выбора членовъ этого высшаго судилища[2]) не были внесены въ новый Статутъ. Его составители лишь добавили въ артикулахъ, говорящихъ объ аппелляціяхъ отъ повѣтовыхъ судовъ, указанія на подачу ихъ въ Трибуналъ. Составители новаго Статута, очевидно, полагали, что уставъ Трибунала не подлежитъ слінію съ общимъ сводомъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго и долженъ оставаться отдѣльнымъ уставомъ судопроизводства по аппелляціямъ. Когда, послѣ своего утвержденія, Третій Литовскій Статутъ былъ напечатанъ, экземпляры также изданнаго въ печати „Способа правъ трибунальскихъ" очень часто приплетались къ экземпляру Статута и такимъ способомъ образовывали вмѣстѣ съ нимъ одинъ томъ, представлявшій собою единый сводъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ государствѣ Литвы.

Мы не будемъ теперь подробно входить въ работу, продѣланную надъ Литовскимъ Статутомъ 1566 года при его „поправѣ", которая и была выработкою Третьяго Литовскаго Статута, ибо мы должны будемъ остановиться на ней особо и болѣе обстоятельно[3]). Конечно, въ эту работу входило и развитіе конституціонныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго. Но главную часть ея, несомнѣнно, составляли добавленіе и пересмотръ статутовыхъ артикуловъ, касающихся уголовнаго и гражданскаго права и уголовнаго и гражданскаго процесса, какъ мы уже отмѣтили выше. Это должно было быть не только по-

---

[1]) Напримѣръ, „О пѣнези стравные посломъ земъскимъ, выправуючы ихъ на сеймъ вальный" — III Статутъ, III, 7.

[2]) См. объ этомъ сеймикѣ И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 524—542.

[3]) Во второй части настоящаго изслѣдованія.

тому, что артикулы такого содержанія составляютъ главную массу статутовыхъ артикуловъ, но и потому, что съ ними шляхетскій „народъ“ постоянно встрѣчался въ своей повседневной жизни. Артикулы Статута, говорящіе объ урядахъ и заключающіе въ себѣ конституціонные законы, гораздо малочисленнѣе. Да о нихъ много не приходилось и разсуждать при томъ настроеніи по отношенію къ Люблинской Уніи, которое было совершенно опредѣленнымъ и общимъ въ государствѣ Литвы и которое мы видѣли выше. Лишнимъ указаніемъ на него можетъ служить постоянное подчеркиваніе того, что должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ могутъ занимать только его „родичи властные“, чѣмъ рѣшительно отрицалось постановленіе договора Уніи 1569 года объ уравненіи поляковъ въ правахъ съ коренными обывателями государства Литвы[1]).

Работа надъ „поправою“ Литовскаго Статута въ годы царствованія Стефана Баторія перешла въ руки сеймиковъ и съѣздовъ. Первые и избрали своихъ депутатовъ для ея веденія, и сами занимались ею. Повѣтъ былъ не только единицею административнаго и судебнаго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Онъ представлялъ собою и шляхетскую корпорацію „повѣтниковъ“, единицу дѣленія шляхетскаго „народа“ государства Литвы. Шляхта повѣта составляла шляхетскій полкъ во время военныхъ рушеній. Въ повѣтовомъ сеймикѣ она имѣла органъ для выраженія своихъ воли и желаній. Въ составѣ различныхъ воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго было и различное число повѣтовъ. Оно колебалось отъ пяти до одного. Воеводство Виленское имѣло повѣты Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилкомирскій и Браславскій, Троцкое — Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій, Новгородское — Нов-

---

[1]) Такъ, хоружими по Третьему Литовскому Статуту господарь можетъ назначать „только людий зацныхъ, годныхъ, ростропныхъ, родичовъ властныхъ того панства и оселыхъ въ повете томъ“ (II, 5); подстаростами, замковыми судьями и писарями воеводы и старосты могутъ назначать только „людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве и писма руского умеетныхъ, шляхтичовъ, въ томъ же повете оселыхъ и родичовъ того панства Великого Князства Литовъского“ (IV, 37); членами земскихъ судовъ повѣтовая шляхта можетъ избирать только „людей добрыхъ, побожныхъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве умеетныхъ, писати умеючыхъ, родичовъ того паньства Великого Князства и въ томъ повете не ново, не змышлене оселыхъ“ (IV. 1).

городскій, Слонимскій и Волковыйскій, Минское — Минскій, Рѣчицкій и Мозырскій, Витебское — Витебскій и Оршанскій, Берестейское — Берестейскій и Пинскій, староство Жомойтское и воеводства Полоцкое и Мстиславское имѣли только по одному повѣту. Разорвавъ съ принципомъ представительства отъ воеводствъ въ Статутовой Коммиссіи, утвержденнымъ Люблинскимъ сеймомъ, „поправа“ Литовскаго Статута получила возможность приблизиться вплотную къ повѣтовому шляхетству и вбирать въ себя его потребности, пожеланія и настроенія. Повѣты, входившіе въ составъ одного и того же воеводства, могли различаться по своимъ пожеланіямъ и настроенію, имѣли особенности и по составу своей шляхты. Депутаты, выбранные повѣтовыми сеймиками, несли съ собою въ свои работы по статутовой „поправѣ“ то, чѣмъ былъ озабоченъ избравшій ихъ шляхетскій повѣтъ. Эти заботы и нужды шляхты всѣхъ повѣтовъ государства Литвы были заявлены въ депутатской коммиссіи, надъ „поправою“ работавшей. Но этою „поправою“ занимались и сами повѣтовые сеймики непосредственно. Надъ нею трудился, такимъ образомъ, весь шляхетскій „народъ“ Великаго Княжества Литовскаго, не только черезъ своихъ депутатовъ внося въ статутовую „поправу“ то, что признавали нужнымъ повѣтовыя корпораціи „народа“-шляхты, но и на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ ее просматривая, дополняя и исправляя.

На повѣтовыхъ сеймикахъ вмѣстѣ съ должностными лицами соотвѣтствующихъ повѣтовъ и рядовыми шляхетными ихъ обывателями собирались и радные паны Великаго Княжества Литовскаго. Сеймикъ для своего присутствія они избирали или по своему бискупскому, воеводскому или каштелянскому уряду, или уряду повѣтоваго старосты „судоваго“, который „свѣтскіе“ паны-рады соединяли со своимъ сенаторскимъ кресломъ. Такимъ образомъ сеймиковала повѣтовая шляхта вмѣстѣ съ отдѣльными сенаторами своего государства, и ихъ мысли и пожеланія входили въ общую массу высказывавшагося во время повѣтоваго сеймикованья. Но и Городенскій сеймъ 1568 года, и Люблинскій сеймъ 1569 года признали, что Статутовая Коммиссія должна состоять изъ представителей двухъ становъ, сенаторскаго и шляхетскаго, Великаго Княжества Литовскаго. Хотя радные паны и принимали участіе въ работѣ повѣтовыхъ сеймиковъ, но они не высказывали своего мнѣнія о статутовой „поправѣ“ именно какъ представители рады госу-

дарства Литвы. „Поправа“ эта вносилась по частямъ и на государственные съѣзды Великаго Княжества Литовскаго и ими разсматривалась. Но и на съѣздахъ сенаторы обсуждали ее вмѣстѣ со шляхетскими представителями. При окончательной подготовкѣ новаго Статута къ утвержденію требовался голосъ представителей рады, какъ представителей стана сенаторскаго. Поэтому, когда дѣло статутовой „поправы“ настолько подвинулось, что можно было уже готовить ея утвержденіе, Волковыйскій съѣздъ 1582 года настаиваетъ на томъ, чтобы паны-рады выдѣлили изъ своей среды также своихъ депутатовъ для разсмотрѣнія проекта новаго Статута вмѣстѣ съ депутатами повѣтовой шляхты.

Волковыйскій съѣздъ 1582 года очень озабоченъ скорѣйшимъ утвержденіемъ Третьяго Литовскаго Статута. Это совершенно понятно. Новый Статутъ въ своихъ конституціонныхъ законахъ установитъ твердо права государства Литвы и ихъ обезпечитъ отъ покушеній на нихъ со стороны Польши, въ которой все еще не умирала идея Уніи какъ „втѣленія“ Литвы въ Польшу. Но скорѣйшее утвержденіе Третьяго Литовскаго Статута, а затѣмъ и его напечатаніе были необходимы и потому, что практическое примѣненіе законовъ Литовскаго Статута 1566 года, съ длиннымъ уже рядомъ „поправъ“, которыя накопились съ середины шестидесятыхъ годовъ до начала восьмидесятыхъ, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Мы уже видѣли[1]), что „поправы“, произведенныя еще въ годы кануна Люблинской Уніи, создали разногласія въ рукописныхъ экземплярахъ кодекса. Въ однихъ изъ нихъ онѣ оказались внесенными полностью, въ другихъ лишь частично. Положеніе урядовъ, обязанныхъ руководствоваться въ своей дѣятельности Литовскимъ Статутомъ, и частныхъ лицъ, искавшихъ въ немъ указаній въ своихъ дѣлахъ, было достаточно тяжело уже въ годы передъ Уніею 1569 года. Ея договоръ потребовалъ отмѣны части основныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго. Но послѣднее на своихъ государственныхъ съѣздахъ, а стало быть, и на собиравшихся передъ ними повѣтовыхъ сеймикахъ принимало рѣшенія измѣнить тѣ статьи этого договора, которыя были вынуждены у него на сеймѣ Уніи. Внутреннія противорѣчія актовъ Уніи 1569 года и сохраненіе

[1]) См. выше, стр. 174 и сл.

ими въ полной силѣ старыхъ правъ становъ Великаго Княжества Литовскаго и всѣхъ его земскихъ привилеевъ, при ихъ нарушеніи въ отдѣльныхъ статьяхъ этихъ актовъ, требовали авторитетныхъ указаній закона государства Литвы, которому принадлежало руководительство и его урядами, и его обывателями въ области права. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія указанія были неотложно необходимы. Примѣромъ этого является вопросъ о правѣ поляковъ занимать должности въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Договоръ Люблинской Уніи это право призналъ вполнѣ. Между тѣмъ земскіе привилеи его категорически отрицали. Чѣмъ же руководиться въ случаяхъ домогательствъ поляковъ къ занятію тѣхъ или другихъ должностей въ государствѣ Литвы -— договоромъ Уніи или земскими привилеями?

Совершенно ясно, что спѣшить съ утвержденіемъ Третьяго Литовскаго Статута нужно было непремѣнно. Работы надъ нимъ и безъ того уже очень задержались. Городенскій сеймъ 1568 года предполагалъ, что онѣ закончатся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Люблинскій сеймъ 1569 года предписывалъ ихъ произвести къ ближайшему за нимъ слѣдующему сейму. Конечно, Московская война и происходившія во время нея рушенья шляхты Великаго Княжества Литовскаго и ея походы являлись достаточно уважительными причинами задержки дѣла статутовой „поправы“[1]). Но, лишь только эта война закончилась, составленіе Третьяго Литовскаго Статута должно было быть немедленно доведено до конца. Кромѣ „поправъ“ Берестейскаго и Городенскихъ сеймовъ 1566-1568 годовъ въ рукописныхъ экземплярахъ Литовскаго Статута встрѣчаемъ вне-

[1]) Записи Литовской Метрики очень хорошо иллюстрируютъ, насколько Московская война должна была заслонять всѣ остальные интересы и дѣла въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Вотъ рядъ документовъ, внесенныхъ въ ея книги въ 1578 году: „листъ воеводе Виленьскому etc., пану Миколаю Радивилу до обывателевъ Вел[икого] Княз[ства] Литов[ского] о послушеньство его милости яко гетману“ (Варшава, 14 января. Записей Лит., книга 59, л. л. 42—42 об.); „листы такие, до пановъ-радъ писаные за звроче용ьемъ пословъ его к[о]р[олевское] милости отъ князя Московъского и злымъ предсевзетью его“ (Сендоміръ, 28 апрѣля. Зап. Лит., кн. 60, л. л. 203 об. — 205 об.); „листы до пановъ-радъ о зданье и раду въ потребахъ Речы Посполитое, особливе въ отправе пословъ Московъскихъ писаные такъ“ (Краковъ, 27 октября. Тамъ же, л. л. 246—247 об.); „листы о рушенье до Ифлянтъ напротивъ князю Московъскому, до воеводствъ и поветовъ писа-

сенными рядомъ съ тою или другою ихъ частью и „поправы“ короля Генриха, и „поправы“ Варшавскаго сейма 1578 года[1]). На „поправу“ Варшавскую 1578 года ссылаются въ судахъ и на урядахъ и „водле“ нея „заховывають ся“, какъ выражаются современные акты[2]). Кодификація законовъ Великаго Княжества Литовскаго требуется самымъ настоятельнымъ образомъ, и Волковыйскій съѣздъ 1582 года сознаетъ это совершенно ясно. Спѣшить съ утвержденіемъ Третьяго Литовскаго Статута было крайне желательно и для того, чтобы успѣть его получить при поддержкѣ короля Стефана, понимавшаго и вполнѣ признававшаго права государства Литвы и лично къ ней искренне расположеннаго, высоко цѣнившаго жертвы, принесенныя ея обывателями во время Московской войны „з милости своее, а не з жадное повинности“[3]).

Что касается самаго утвержденія новаго Литовскаго Статута, то Волковыйскій съѣздъ 1582 года признавалъ его дѣломъ только монарха Речи Посполитой, какъ великаго князя Литовскаго, и своихъ „становъ, сойму належачыхъ“, старыя права которыхъ были гарантированы и договоромъ Люблинской Уніи 1569 года. Основаній для этого было достаточно. Въ своемъ толкованіи Люблинскаго договора, данномъ 29 іюня 1576 года, король Стефанъ призналъ, что Польша не можетъ заставлять Литву принимать постановленія „спольныхъ“ сеймовъ противъ ея желаній. Естественнымъ выводомъ изъ этого, какъ мы уже отмѣтили выше[4]), являлось отрицаніе ея права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Великаго Княжества Литовскаго вообще. А свой Статутъ Литва считала, конечно, своимъ

ные“ (Краковъ, 29 октября. Тамъ же, л. л. 250—250 об.); „о томъ же листы, до ихъ милости пановъ-радъ писаные такъ“ (дата та же. Тамъ же, л. л. 251—251 об.); „листы зашытые до пановъ-радъ коло отправованья пословъ Московъскихъ, писаные такъ“ (Краковъ, 9 декабря. Тамъ же, л. л. 258 об.—259 об.); „листъ о тые жъ послы Московъские до подскарбего земъского etc., пана Лаврина Войны зашитый“ (дата та же. Тамъ же, л. л. 259 об.—260).

1) Напримѣръ, рукопись, съ которой былъ изданъ Второй Литовскій Статутъ И. Д. Бѣляевымъ въ XXIII-й книгѣ Временника, или рукопись №153/225 библіотеки Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

2) См., напримѣръ, А., изд. Вил. Арх. К., XXVI, № 291, или Лит. Метрика, Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ, кн. 60, л. 10 об.

3) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 179.

4) Стр. 342—343.

внутреннимъ дѣломъ. Кромѣ того еще Бѣльскій привилей 1564 года призналъ „поправу“ Второго Литовскаго Статута правомъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, а на Городенскомъ сеймѣ 1568 года Сигизмундъ Августъ гарантировалъ ея утвержденіе „моцъю“ этого сейма на государственномъ съѣздѣ Литвы, который долженъ былъ собраться передъ „спольнымъ“ съ поляками Люблинскимъ сеймомъ Уніи. Основываясь на всемъ этомъ, Волковыйскій съѣздъ 1582 года и просилъ короля Стефана назначить время для „выслуханья“ Третьяго Литовскаго Статута совмѣстно съ панами-радами Великаго Княжества Литовскаго, чтобы онъ затѣмъ, будучи внесенъ на ближайшій сеймъ, „выданъ былъ“. Польско-Литовскій вальный сеймъ при такомъ представленіи долженъ былъ явиться лишь мѣстомъ „конфирмаціи“ Литовскаго Статута, а не властью, которая компетентна его утвердить и не утвердить, а также требовать измѣненія тѣхъ или другихъ его законовъ.

Но Польская часть „спольнаго“ сейма смотрѣла на свои права иначе. Дневникъ Варшавскаго сейма 1582 года упоминаетъ о раздорахъ, происходившихъ на этомъ сеймѣ 29 и 30 октября между „Литвою“ и поляками по поводу Литовскаго Статута, при чемъ послѣдніе требовали внесенія на разсмотрѣніе посольской избы сейма, въ ея полномъ составѣ, всѣхъ статутовыхъ „поправъ“ [1]). Мы видѣли выше, что уже конституціи сейма 1581 года, настаивая на соотвѣтствіи новаго Литовскаго Статута „списамъ Уніи“, указываютъ на освѣдомленность поляковъ о враждебномъ польской идеѣ Уніи направленіи его „поправы“. Извѣстіе сеймоваго дневника 1582 года не только подтверждаетъ это, но и даетъ знать, что оба соединенныя Люблинскою Уніею государства не хотѣли другъ другу уступить въ дѣлѣ Литовскаго Статута, вполнѣ понимая все его значеніе для реализаціи польскаго или литовскаго пониманія значенія этой Уніи.

Отъ 1584 года имѣемъ новыя извѣстія о ходѣ „поправы“ Литовскаго Статута. Это прежде всего актъ постановленій Виленскаго съѣзда, засѣдавшаго въ мартѣ 1584 года. Актъ этотъ

---

[1]) „Swary około tychże spraw P. Czarnkowskiego i około poprawy statutu Litewskiego; którego się Litwa pilno domawiała, ale nasi kontradikowali, gdyż coby poprawili, w Kole poselskiem ukazać się chcieli“. Scriptores Rer. Polonicarum, XVIII, p. 342.

начинается слѣдующими словами, обозначающими его составителей: „мы, рада Великого Князства Литовъского, духовные и свецкіе, и послове з воеводствъ и поветовъ, за волею и листы его королевское милости зобраные тутъ до Вилни для сконъченья и згоды артыкуловъ правъ, писаныхъ черезъ депутатовъ нашыхъ, яко бы се отъ всихъ становъ згодне ку конъфирмацыи и до его королевское милости на съемъ тотъ Статутъ новый прынесенъ былъ“[1]). Въ этомъ актѣ обозначены тѣ артикулы новаго Статута, которые встрѣтили возраженія со стороны Виленскаго съѣзда 1584 года. Обстоятельно обосновавъ свои возраженія, съѣздъ ихъ признаетъ нужнымъ сообщить „на соймики въ поветы, на уваженье всихъ и для прынесенья на соймикъ Волковыйскій“, какъ онъ выражается по поводу одного изъ не принимаемыхъ имъ артикуловъ исправленнаго Статута[2]). Постановленія свои Виленскій съѣздъ 1584 года въ письменномъ видѣ „оповедалъ“ королю Стефану, чтобы „писмо“ это „во вси поветы на соймики, посылаючы послы, слово отъ слова выдавано и межы инъшыми речами, отъ его королевское милости подаными, о томъ намовляли“[3]). Иными словами, возраженія съѣзда 1584 года противъ нѣкоторыхъ артикуловъ „поправы“ должны быть сообщены королемъ въ повѣты Великаго Княжества Литовскаго передъ ближайшимъ вальнымъ сеймомъ для обсужденія ихъ на предсеймовыхъ сеймикахъ, при чемъ на этихъ сеймикахъ по дѣлу исправленія Литовскаго Статута должны будутъ „намовлять“ и господарскіе послы на нихъ, т. е. оно должно быть внесено и въ ихъ „науки“-инструкціи посольства. Съ повѣтовыхъ сеймиковъ установленіе окончательнаго соглашенія становъ Великаго Княжества Литовскаго по содержанію артикуловъ новаго Статута перейдетъ на обычный предсеймовый государственный съѣздъ Литвы и, въ случаѣ имъ ихъ принятія, Третій Литовскій Статутъ будетъ представленъ королю на сеймъ для утвержденія.

Постановленія Виленскаго съѣзда 1584 года относительно артикуловъ „поправы“ были представлены королю съ просьбою объ его распоряженіи внести ихъ и въ книги Литовской государственной канцеляріи. Просьба эта Стефаномъ Баторіемъ была исполнена. Запись документа говоритъ объ этомъ такъ:

---

1) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 135.

2) Тамъ же, стр. 138.

3) Тамъ же, стр. 139.

„Лета Божъего Нароженья 1584, месеца марца 25 дня. Господаръ король его милость и великій князь Стефанъ рачылъ росказати до книгъ своихъ канъцелярыйскихъ уписати, ижъ ихъ милость панове-рады и послове, которые се были зъехали тутъ до Вилни ку сконъченью поправы статутовое, оповедали его королевской милости, ижъ пры доконанью тое справы статутовое не могли некоторыхъ артыкуловъ и иныхъ речей, до того жъ Статуту потребныхъ, сконъчыть безъ братьи своее, просечы, абы его королевская милость часу зложенья соймиковъ у поветехъ передъ соймомъ вальнымъ черезъ посла своего на соймики послати рачылъ то, што межы собою намовъляли, и подали то на писме до канъцелярыи его королевское милости. А его королевская милость рачылъ росказать до книгъ канъцелярыйскихъ тое поданья ихъ милости уписати“[1]).

Тѣмъ же 25-мъ марта 1584 года, когда были внесены постановленія этого Виленскаго съѣзда въ книги государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго, датированъ и универсалъ короля Стефана, выданный во всѣ его повѣты. Онъ говоритъ, что на Виленскомъ съѣздѣ, созванномъ королемъ „ку сконченью поправы статутовое“, на одно изъ нея „ся згодили“, а другое „на соймики въ повѣты взяли“. Сказавъ объ извѣстной уже намъ просьбѣ съѣзда къ королю Стефану „черезъ послы“ его „часу соймиковъ передъ соймомъ вальнымъ“ повѣтовой шляхтѣ „всказати и тое писмо послати“, универсалъ гласитъ, что король согласился исполнить эту прссьбу, и, когда „прыйдеть часъ передъ соймомъ валнымъ соймики зложити, вѣдомость о томъ въ повѣты“ будетъ отъ короля доставлена. Заканчивается универсалъ такимъ обѣщаніемъ короля Стефана: „а яко есмо на поправу того Статуту ради позволили, такъ же[2]) и на выданье его за згоднымъ прынесеньемъ вашымъ на съемъ не омешкаемъ въ томъ ласки нашое господарское оказати и тотъ Статутъ прывилемъ нашимъ вжо утвердити“. Универсалъ этотъ выданъ въ Вильнѣ, за подписью короля Стефана[3]) и за рукою писаря Миколая Ясенскаго[4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 134—135. О содержаніи этого документа см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 199—205.

[2]) Въ изданіи: „также“.

[3]) Stephanus Rex.

[4]) Виленскій Археографическій Сборникъ, III, № 32, стр. 58—59. Универсалъ изданъ по его экземпляру, адресованному въ Слонимскій повѣтъ.

Исполненіе королемъ Стефаномъ обѣщанія, даннаго въ только что пересказанномъ нами универсалѣ отъ 25 марта 1584 года, могло совершиться въ томъ же году. На 15 января 1585 года былъ созванъ вальный сеймъ Речи Посполитой въ Варшавѣ. Согласно Литовскому Статуту повѣтовые сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ должны были передъ нимъ собраться за четыре недѣли, т. е. въ серединѣ декабря 1584 года. Послѣ сеймиковъ паны-рада и повѣтовые послы государства Литвы должны были съѣхаться на свой предсеймовый съѣздъ въ Волковыйскѣ. Предметомъ занятій этого съѣзда явилась и „поправа“ Статута. Конечно, на предсеймовомъ Волковыйскомъ съѣздѣ 1584 года должна была быть рѣчь и объ артикулахъ Статута, внесенныхъ королемъ Стефаномъ на обсужденіе повѣтовыхъ сеймиковъ. Но на немъ произошло и датированное 24-мъ декабря 1584 года соглашеніе между духовнымъ и свѣтскимъ „станами“ Великаго Княжества Литовскаго по вопросамъ статутовой „поправы“, въ которыхъ они расходились раньше. Этими вопросами были: 1) „о непозыванье свѣтскихъ въ духовное право о речи свѣтскіе“, 2) „о довоженье справедливости въ кривдахъ свѣтскимъ зъ станы духовными, также духовнымъ зъ станы свѣтскими“, 3) „о права земленые межи станы духовными и свѣтскими“, 4) „о позыванью опекуновъ або экзекуторовъ тестаменту духовныхъ особъ“ и 5) „о колегіятахъ“. Актъ этого соглашенія былъ внесенъ въ книги Литовской государственной канцеляріи Виленскимъ епископомъ, кардиналомъ Юріемъ Радивиломъ только въ мартѣ 1586 года и сохранился въ Литовской Метрикѣ[1]).

---

[1]) Документъ изданъ въ А. З. Р., III, № 161 — „Артыкулы правные, съ Статуту Великого Князьства Литовского новопоправленого вынятые, на которые ихъ милость панове стану духовного съ ихъ милостями паны стану свѣтского на зъѣздѣ головномъ Волковыйскомъ, въ року тисеча пятьсотъ осмдесятъ четвертомъ дня двадцать четвертого декабря сконченомъ, згодливѣ и въ спольной милости зезволилися, и оные печатьми и подписами рукъ своихъ утвердили“. Въ записи въ 65-ой книгѣ Литовскихъ Судныхъ Дѣлъ Метрики Литовской (л. л. 253 об. — 259) этотъ документъ имѣетъ такой заголовокъ: „Уведенье до метрыкъ отъ его милости князя кардынала артыкуловъ, зъ Статуту Великого Князьства Литовского нового поправленого вынятыхъ, на которие станы духовъные зъ станы светскими на з[ъ]езде Волъковыйскомъ згодили се“. Объ этомъ документѣ см. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, I, стр. 206—208.

Что́ же даютъ приведенные нами три документа 1584 года для исторіи составленія Третьяго Литовскаго Статута? Прежде всего отмѣтимъ, что они указываютъ на почти полное окончаніе „поправы“. Что же касается Статутовой Коммиссіи, утвержденной Люблинскимъ сеймомъ 1569 года, то она, очевидно, была совершенно забыта въ это время, какъ давно не существовавшая. О ней не только нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія въ документахъ 1584 года, но и самый текстъ ихъ составленъ такъ, что о ней невозможно даже и вспоминать. Этого мало. Универсалъ короля Стефана отъ 25 марта 1584 года представляетъ дѣло такъ, что Литовскій Статутъ исправляется лишь по монаршему разрѣшенію, а вовсе не по постановленію Люблинскаго сейма Уніи. Текстъ этого универсала составлялся въ Литовской государственной канцеляріи. Этотъ текстъ очень характеренъ и въ смыслѣ выявленія отношенія государственной канцеляріи Литвы къ постановленіямъ и директивамъ Люблинскаго сейма 1569 года. А отношенія этого, конечно, не могло бы быть, еслибы оно было инымъ у становъ Великаго Княжества Литовскаго. Кромѣ того, универсалъ отъ 25 марта 1584 года гарантировалъ Великому Княжеству Литовскому и утвержденіе новаго Статута на ближайшемъ вальномъ соймѣ именно тѣмъ порядкомъ, котораго оно добивалось, т. е. безъ всякаго участія въ немъ Польской части „спольнаго“ сейма. Надо думать, что королю Стефану было доказано право Литвы на это, какъ одно изъ правъ ея становъ, сохраненіе которыхъ было гарантировано договоромъ Уніи 1569 года. Еслибы этого сдѣлано не было, Стефанъ Баторій, конечно, универсала бы не подписалъ. Наконецъ отмѣтимъ и то, что постановленія Виленскаго и Волковыйскаго съѣздовъ 1584 года, относящіяся къ статутовой „поправѣ“, внесены въ книги государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Это должно быть признано совершенно естественнымъ. Если дѣло составленія новаго Литовскаго Статута находилось въ рукахъ государственнаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго, объединявшаго и согласовывавшаго работу повѣтовыхъ сеймиковъ Литвы, то и храненіе и обработка изготовлявшагося ими кодификаціоннаго матеріала должны были сосредоточиться въ Литовской государственной канцеляріи.

Варшавскій сеймъ 1585 года не занимался Литовскимъ Статутомъ. Дѣло Зборовскихъ захватило почти все его вни-

маніе. Это, конечно, крайне невыгодно отозвалось на другихъ дѣлахъ, ожидавшихъ сеймоваго разрѣшенія, и лишь очень небольшое число ихъ попало на разсмотрѣніе. Сеймъ 1585 года былъ послѣднимъ вальнымъ сеймомъ Польско-Литовской Речи Посполитой, собравшимся въ царствованіе Стефана Баторія. На 2 февраля 1587 года король созвалъ въ Варшаву слѣдующій „спольный" сеймъ Польши и Литвы, но онъ уже состояться не могъ, ибо 12 декабря 1586 года, со смертью короля Стефана, наступило безкоролевье. Такимъ образомъ, Варшавскій сеймъ 1585 года для насъ можетъ представлять существенный интересъ при изученіи подготовки Третьяго Литовскаго Статута къ утвержденію. Какимъ было на немъ отношеніе представителей Великаго Княжества Литовскаго къ идеѣ Уніи, выдвигавшейся Польшею? Склонны ли они были сдѣлать какія-либо уступки изъ тѣхъ правъ своего государства въ федераціи съ Польскою Короною, на защитѣ которыхъ они такъ энергично и упорно стояли во все предшествующее время? Дневники Варшавскаго сейма 1585 года даютъ на эти вопросы совершенно опредѣленные отвѣты[1]).

Вмѣсто сліянія обоихъ народовъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой представители Великаго Княжества Литовскаго выдвигаютъ наличность въ ней двухъ народовъ равноправныхъ[2]). Подчеркивается и различіе права, дѣйствующаго въ Литвѣ и Польшѣ[3]) несмотря на то, что еще Люблинскій сеймъ 1569 года потребовалъ его объединенія. Литовскіе представители настаиваютъ на правахъ своего государства обладать Ливоніею и возстаютъ противъ притязаній на нее Поль-

---

[1]) Дневники этого сейма — Scriptores Rerum Polonicarum, XVIII, p.p. 1—332.

[2]) Такъ, Виленскій каштелянъ Евстафій Воловичъ говорилъ 28 февраля, „przypominając fidem et merita praeclara gentis Lithuanicae ku Panom swym, którą i teraz chcą effective pokazać, gdzieby się jaki nieprzyjaciel J.K. Mci bądź domowy bądź też obcy zjawić miał, zarówne ciągnąc we wszytkiem z narodem Polskim, któremu też we wszytkiem równym się być naród Litewski czuje". Ibidem, p. 287.

[3]) Виленскій воевода Криштофъ Николай Радивилъ 1 февраля говорилъ: „rad będę słuchał tych, co rozumieją prawo Polskie, bo go ja nie rozumiem i zeznać muszę, iż prawo tuteczne coś jest różne od naszego" (ibidem, p. 183). Смоленскій воевода Филонъ Семеновичъ Кмита сказалъ тогда же: „jam prawa pospolitego koronnego nieświadomy i swego Litewskiego bardzo mało. . . ." (ibidem, p. 187).

ши. Они охраняютъ компетенцію своего Литовскаго Трибунала противъ попытки изъять изъ нея дѣло поляка[1]). По поводу непочтительныхъ выходокъ поляковъ по отношенію къ королю Стефану представители государства Литвы заявляютъ, что они не могутъ допускать неуваженія къ монарху, къ которому привыкли относиться съ полнымъ уваженіемъ и піэтетомъ. Они жалуются на членовъ сейма отъ Польши, заявляя, что поляки берутся за обсужденіе различныхъ дѣлъ одновременно, изъ-за чего сеймъ не имѣетъ возможности закончить разсмотрѣніе дѣлъ, на него внесенныхъ[2]).

Варшавскій сеймъ 1585 года, своими раздорами и безплодностью своихъ занятій, оставилъ самое тяжелое воспоминаніе у его участниковъ[3]). Конституціи сеймовыя на немъ выработаны и утверждены не были. Надо думать, что онъ не смогъ бы заняться и дѣломъ Литовскаго Статута, еслибы этотъ кодексъ былъ на него внесенъ. Дѣло это представляло громадныя трудности. Новый Литовскій Статутъ былъ составленъ съ полнымъ игнорированіемъ директивъ Люблинскаго сейма 1569 года, даже съ нарушеніемъ постановленій договора Уніи, которыя Великое Княжество Литовское признавало подлежащими отмѣнѣ. Вопросъ объ утвержденіи Третьяго Литовскаго Статута осложнялся и тѣмъ, что король Стефанъ въ 1584 году гарантировалъ государству Литвы „конфирмацію“ новаго

---

[1]) Ibidem, p.p. 255, 265, 270, 306.

[2]) 22 февраля — „Potym przyszli Panowie Posłowie Litewscy skarżąc się na swe nieszczęście, że dla mieszania rzeczy przyjść nie może do spraw proponowanych, bo jakieś prawne postępki inferują Panowie Posłowie Polscy, którym oni nie rozumieją. Prosili repetitis vicibus, aby trybunału ich autoritas wcale została (a szło o sprawę P. Dembińskiego), także, aby się dalej postąpiło z strony Inflant". По поводу неподчительныхъ выходокъ Польской части сейма по отношенію къ королю Стефану они „powiedzili, że my slę z Pany swymi nie obchodzimy uporem, turbacyami, sedycyami i nijakim niesłusznym obyczajem, wolimy prośbami unižonemi, aby powinność swą w miłościwej łasce odprawować raczyli“. Ibidem, p. 261.

[3]) Составитель одного изъ дневниковъ Варшавскаго сейма 1585 года заканчиваетъ свои записи такъ: „Summa tego sejmu: jako na przeszłym tak i na tym zgoła niczego, coby ku pospolitemu dobremu, ani uradzili ani też postanowili, wyjąwszy iż sądy królewskie szły swą drogą. Dosyć na tym, iż naswarzywszy się do woli tempusque iurgiis et vanis altercationibus perdentes et inutiliter consumentes Varsavia discesserunt. O nierządne królestwo i zginienia bliskie! Mane nobiscum Domine. Domine salva nos, perimus. Laus Deo Optimo Maximo Trino et Uno“. Ibidem, p. 293.

Статута на сеймѣ властью монарха. Само собою разумѣется, что поднятіе на сеймѣ 1585 года дѣла „поправы“ Литовскаго Статута вызвало бы большіе споры и непремѣнно нашло бы свое отраженіе въ сеймовыхъ дневникахъ, чего мы не имѣемъ. Третій Литовскій Статутъ не могъ быть внесенъ на Варшавскій сеймъ 1585 года, ибо онъ не былъ еще вполнѣ готовъ къ тому времени.

Мы видѣли выше, что Виленскій съѣздъ 1584 года передалъ на разсмотрѣніе ближайшихъ предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ и съѣзда Великаго Княжества Литовскаго рядъ артикуловъ статутовой „поправы“. Это должно было совершиться въ серединѣ декабря 1584 года, за четыре недѣли до 15 января 1585 года, т. е. дня собранія сейма. 24 декабря 1584 года предсеймовый Волковыйскій съѣздъ принялъ уже извѣстное намъ соглашеніе между духовными и свѣтскими станами, разрѣшавшее ихъ разногласія по отношенію къ нѣкоторымъ артикуламъ новаго Статута. Такимъ образомъ, работа повѣтовыхъ сеймиковъ и государственныхъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго надъ статутовою „поправою“ можетъ быть признана законченною лишь въ концѣ декабря 1584 года. Но это отнюдь не значитъ, что тогда же былъ Третій Литовскій Статутъ и вполнѣ приготовленъ къ утвержденію. Статутовые артикулы въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они выходили съ сеймиковъ и съѣздовъ, конечно, представляли собою не готовыя статьи закона, а лишь ихъ основное содержаніе. Сеймики и съѣзды вырабатывали матеріалъ для кодификаціи, а не изготовляли самаго кодекса. Изготовленіе кодекса въ совершенно законченномъ видѣ не могло быть посильною для нихъ задачею. Для того, чтобы статутовая „поправа“ сеймиковъ и съѣздовъ вылилась въ точныя формулы артикуловъ Литовскаго Статута, ей нужно было пройти черезъ обработку опытныхъ редакторовъ, хорошо знакомыхъ съ техникою составленія законовъ и указовъ. Аппаратомъ для производства такой работы обладала только государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго, и въ нее необходимо должны были поступать артикулы статутовой „поправы“ съ государственныхъ съѣздовъ Литвы, а возможно, что отчасти и съ ея повѣтовыхъ сеймиковъ и отъ ихъ депутатовъ. Для завершенія же работы надъ приведеніемъ текста Статута въ окончательный видъ также, кеонечно, потребовалось, время. Работа государственной канце-

ляріи Великаго Княжества Литовскаго надъ новымъ Статутомъ могла быть закончена лишь послѣ Варшавскаго сейма 1585 года. Приведенные въ извѣстность документы по созыву слѣдующаго сейма, намѣченнаго на 2 февраля 1587 года[1]), не говорятъ о Литовскомъ Статутѣ. Но въ составѣ этихъ документовъ въ соотвѣтствующихъ книгахъ Литовской Метрики не оказалось инструкціи господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики, т. е. документа, который наиболѣе полно сообщаетъ дѣла предстоящаго сейма. Универсалы въ повѣты передъ этимъ сеймомъ чрезвычайно кратки и не даютъ никакихъ указаній на содержаніе сеймовыхъ дѣлъ. Они лишь говорятъ, что „вси речи, которые мають быти на томъ сойме справованы“, предсеймовымъ сеймикамъ „преложать“ господарскіе послы[2]). „Инъструкъцеи“ этимъ посламъ, которыя они должны были читать на повѣтовыхъ сеймикахъ, упоминаются въ „листахъ“ посламъ, подписанныхъ королемъ Стефаномъ 8 ноября 1586 года[3]). Въ нихъ возможно предполагать и указанія на дѣло Третьяго Литовскаго Статута.

Во всякомъ случаѣ, работы надъ изготовленіемъ Третьяго Литовскаго Статута должны были закончиться ко времени наступленія безкоролевья, открывшагося со смертью короля Стефана. Въ это безкоролевье Великое Княжество Литовское вело свои переговоры съ Польшею, имѣя Третій Литовскій Статутъ уже готовымъ. Имя короля Стефана находится въ текстѣ его, какъ имя царствующаго монарха. Въ первомъ артикулѣ четвертаго раздѣла Третьяго Литовскаго Статута стоитъ: „где жъ и мы, Стефанъ, Божъю милостью король Польский, великий князь Литовский, приходечи на панованье того Великого Князства Литовского, подъ тымъ то Статутомъ и въ томъ же помененомъ порядъку судовъ обывателей здешнего панства знашли, застали, и теперъ они того уживають.....“ Въ артикулѣ „О волностяхъ шляхетъскихъ“[4]) того же Статута господарь обязуется „за насъ и за потомъки нашы, великие князи Литовские“, хранить эти вольности такъ, какъ они были „за продковъ нашихъ, королей ихъ милости Польскихъ и великихъ кня-

---

1) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 140—143.
2) Тамъ же, стр. 141.
3) Тамъ же, стр. 143.
4) Раздѣлъ III, арт. 2.

зей Литовъскихъ", а именно — Владислава-Ягайла, Витовта и ихъ преемниковъ до Сигизмунда Августа и Генриха включительно. Король Стефанъ, такимъ образомъ, въ Третьемъ Литовскомъ Статутѣ выступаетъ какъ царствующій еще монархъ Великаго Княжества Литовскаго.

Подводя итогъ подъ нашимъ изученіемъ данныхъ источниковъ по исторіи составленія Третьяго Литовскаго Статута, мы неизбѣжно должны признать, что „поправа" Статута 1566 года, которую и представляетъ собою этотъ кодексъ, производилась самимъ шляхетскимъ „народомъ" Великаго Княжества Литовскаго, а не „сословіемъ законовѣдцевъ", т. е. не спеціалистами-юристами, какъ предполагалъ въ первой половинѣ XIX столѣтія И. Н. Даниловичъ[1]). Этотъ „народъ" выдѣлилъ изъ своего состава депутатовъ для „поправы". Ее онъ обсуждалъ на своихъ повѣтовыхъ сеймикахъ и государственныхъ съѣздахъ Литвы. Третій Литовскій Статутъ былъ созданіемъ „народа"-шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что законодательная работа требуетъ соотвѣтствующей подготовки у тѣхъ, кто за неё берется. Мы уже видѣли выше, что „поправа" Второго Литовскаго Статута понималась сразу послѣ утвержденія этого кодекса какъ дополненіе и исправленіе его на основѣ данныхъ опыта его дѣйствія въ судахъ и администраціи Великаго Княжества Литовскаго и въ правовой жизни его „обывателей". Этотъ опытъ копился и учитывался во всѣхъ повѣтахъ государства Литвы и его должностными лицами, и отдѣльными обывателями. Но для того, чтобы его данныя вводить въ артикулы закона, конечно, требовались и достаточное умственное развитіе, и соотвѣтствующая теоретическая подготовка. Обладала ли ими повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго въ достаточной мѣрѣ въ годы выработки Третьяго Литовскаго Статута?

Само собою разумѣется, что шляхта повѣтовъ разслаивалась на рядъ слоевъ и по своему экономическому положенію, и по своимъ умственному развитію и образованію. Конечно, невозможно и ожидать, чтобы шляхта „убогая", „малое оселости", могла имѣть послѣднее. Обладая всѣми шляхетскими правами, „убогіе" шляхтичи въ обстановкѣ своего быта сближались съ простыми сельскими „подданными"-земледѣльца-

---

[1]) См. выше, стр. 196.

ми[1]). Неизбѣжно должны они съ ними были сближаться и по своему умственному развитію. Въ рядахъ этихъ шляхтичей „малое оселости", конечно, было достаточно даже неграмотныхъ[2]). Самъ Третій Литовскій Статутъ хорошо это знаетъ, требуя отъ кандидатовъ на должности членовъ земскихъ судовъ, чтобы они были „писати умеючими"[3]), и повторяя то же требованіе и по отношенію къ другимъ повѣтовымъ должностнымъ лицамъ[4]). Но, конечно, не „убогимъ" и не неграмотнымъ шляхтичамъ принадлежала руководящая роль въ повѣтовой жизни и на повѣтовыхъ сеймикахъ. Надъ „убогими" шляхтичами поднимались слои повѣтовыхъ „обывателей", жившихъ въ гораздо лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, а потому и имѣвшихъ возможность получать обученіе и образованіе. Это образованіе бывало далеко не одинаковымъ внутри дальнѣйшихъ слоевъ „повѣтниковъ". Школы при костелахъ давали элементарное обученіе дѣтямъ шляхтичей-католиковъ. Дѣти православной шляхты учились у членовъ православныхъ церковныхъ причтовъ, особенно у церковныхъ дьяковъ. Надо думать, что преподаваніемъ занимались и частныя лица. Новгородскій подсудокъ Ѳеодоръ Евлашевскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что его на пятомъ году жизни начали „бавити наукою рускою"[5]). Нѣкоторыя изъ школъ при католическихъ костелахъ расширяли программы своего преподаванія. Такъ, при Виленскомъ костелѣ св. Яна въ 1526 году было введено обученіе латинскому и нѣмецкому языкамъ. Та же школа въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ была преобразована Роизіемъ въ школу юридическую, имѣвшую значеніе уже высшаго учебнаго заведенія[6]). Съ середины XVI столѣтія число школъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ стало сильно расти. При поддержкѣ Николая Чернаго Радивила въ Вильнѣ появились школы кальвинистовъ, съ расширеннымъ преподаваніемъ. Въ Биржахъ такую же школу устроилъ двоюродный братъ Николая Чернаго, Николай Юрьевичъ Радивилъ. Она, какъ и школа въ

---

1) См. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 237—241.
2) См. И. И. Лаппо, Вел. Княжество Литовское, т. I, стр. 503.
3) III Статутъ, IV, 1.
4) Напримѣръ, III Ст., IX, 10.
5) Мемуары, относ. къ ист. Южной Руси, вып. II, стр. 5—6.
6) См. выше, стр. 87.

Кейданахъ, въ XVII столѣтіи именовалась гимназіей. Возникали кальвинскія школы и въ другихъ городахъ[1]). Съ появленіемъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ іезуитовъ стали въ его предѣлахъ возникать коллегіи Общества Іисуса, а затѣмъ въ 1579 году въ Вильнѣ былъ учрежденъ и Университетъ для государства Литвы.

Среднее и низшее образованіе, такимъ образомъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ имѣли возможность получать и получали достаточно широкіе круги его шляхетскаго „народа". Но, какъ въ настоящее время можно утверждать, весьма значительное число шляхтичей государства Литвы въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута обладало и образованіемъ университетскимъ. Другой вопросъ, насколько университетское образованіе слушателей университетовъ въ XVI столѣтіи можно считать законченнымъ не только всегда, но даже и въ большинствѣ случаевъ. Лицъ, которыя систематически проходили курсъ университетскаго преподаванія съ полученіемъ ученыхъ степеней отъ бакалавра до магистра и доктора включительно, въ старыхъ университетахъ бывало далеко не такъ много[2]). Біографъ Богуслава Радивила, писавшій во второй половинѣ XVII столѣтія, такъ говорилъ о большинствѣ лицъ, которыя ѣздили за-границу для слушанія лекцій въ университетахъ: „ci bowiem gdzie indziéj tylko przenocują, gdzie indziéj dzień, abo drugi zabawią, abo w inszych miejscach cały miesiąc jeden i drugi trawią, gdzie indziéj za dość mają mimojazdem

---

[1]) Józef Łukaszewicz, Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie, tom II (Poznań, 1843), str. 156—177.

[2]) Это очень хорошо обнаруживается и путемъ сопоставленія списковъ имматрикулированныхъ со списками промовированныхъ на ученыя степени, хотя бы на примѣрѣ Краковскаго Университета. Списки имматрикулированныхъ даютъ 1) не разъ уже цитированный нами Album Studiosorum Universitatis Cracoviensis и 2) Das älteste Matrikel-Buch der Universität Krakau, Beschreibung und Auszüge mitgetheilt durch Dr. Heinrich Zeissberg, o.ö. Professor an der Universität Innsbruck (Festschrift zur 400 jährigen Jubelfeier der Ludwigs-Maximilians-Universität zu München. Innsbruck, 1872). Списки промовированныхъ по Философскому Факультету — Statuta nec non Liber Promotionum Philosophorum Ordinis in Universitate Studiorum Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849. Edidit Josephus Muczkowski bibliographiae professor et bibliothecae Universitatis praefectus. Cracoviae, 1849 (Zabytki z dziejów oświaty i sztuk pięknych wydawane staraniem Towarzystwa Naukowego z Uniwersytetem Jagiellońskim złączonego. I).

przejrzeć się, a nigdzie celu swego nie zakładają, aż do ojczyzny powróciwszy"[1]). Конечно, тутъ видно желанiе бiографа показать, что образованiе, полученное Богуславомъ Радивиломъ въ кальвинскихъ школахъ Вильны и Кейданъ, было не ниже образованiя его современниковъ, учившихся въ заграничныхъ университетахъ. Но нельзя не признать, что громадное большинство схоляровъ, слушавшихъ лекцiи въ послѣднихъ, было дѣйствительно обычно больше гостями въ нихъ, чѣмъ ихъ настоящими учениками. Изъ тѣхъ многихъ и многихъ тысячъ лицъ, имена которыхъ внесены въ матрикулы различныхъ университетовъ Европы, лишь небольшой сравнительно процентъ достигалъ первой ученой степени бакалавра, и, конечно, еще меньшее число лицъ достигало степеней магистра и доктора. Однако, внѣ всякаго сомнѣнiя, и пребыванiе въ университетѣ хотя бы въ теченiе нѣсколькихъ семестровъ вводило студента въ ту атмосферу науки и научной мысли, которыми жили тогдашнiе университеты. Даже далеко не полное университетское образованiе очень значительно расширяло кругозоръ схоляра, а знакомство съ другими странами, въ которыхъ ему приходилось проживать во время своего студенчества, или которыя онъ долженъ былъ только проѣзжать въ своей поѣздкѣ за европейской наукой, вносило широту въ его общiе взгляды и открывало болѣе широкiе горизонты, чѣмъ тѣ, которые ему были доступны въ его повѣтѣ, воеводствѣ и даже цѣломъ родномъ государствѣ.

Уже общеземскiй привилей 2 мая 1447 года призналъ за княжатами, боярами и „рытерами" Великаго Княжества Литовскаго право поѣздокъ за-границу „для лѣпшого и сщастiа набытья, а любо учинковъ рытерьскихъ, до каждыхъ земль, сто-

---

[1]) Żywot Jaśnie Oświeconego Księcia Bogusława Radziwiłła, Świętego Państwa Rzymskiego Książęcia na Birżach, Dubińkach, Słucku i Kopylu etc. etc., Hrabi na Newlu i Siebieżu, Pana na Kopysiu etc. etc., Koniuszego W. Księstwa Litewskiego, Generalnego Prus Brandeburskich Gubernatora, Starosty Brańskiego, Barskiego, Poszyrwińskiego etc. etc. (Z Rękopismów Hr. T. Działyńskiego). Poznań i Trzemeszno, 1840. Str. 44—45. При этой бiографiи Б. Радивила имѣются два посвященiя. Первое изъ нихъ, написанное стихами и подписанное „Biograf" — дочери Б. Радивила Людовикѣ Каролинѣ. Второе — князю Вильгельму Радивилу. Оно написано прозою и подписано такъ: „z najgłębszem uszanowaniem poświęca najpokorniéj Popliński Professor".

ронъ, толко вымѣняючи стороны непріательскоѣ“ [1]). Это право было гарантировано обывателямъ государства Литвы и всѣми тремя Литовскими Статутами [2]). Заграничныя поѣздки предпринимали шляхтичи, „маючи волю“ [3]) ихъ совершать, и для нихъ не требовалось никакихъ спеціальныхъ разрѣшеній, если шляхтичъ не былъ должностнымъ лицомъ. Но, конечно, лица, занимавшія уряды, должны были, выѣзжая за-границу, такія разрѣшенія получать. Когда, напримѣръ, Волковыйскій староста Криштофъ Николаевичъ Монвидъ Дорогостайскій рѣшилъ въ 1582 году ѣхать заграницу, король Стефанъ выдалъ ему 31 октября 1582 года свое разрѣшеніе на эту поѣздку и передалъ Волковыйское староство во временное управленіе его отцу, Полоцкому воеводѣ [4]).

Въ лицѣ Криштофа Дорогостайскаго имѣемъ примѣръ обывателя Великаго Княжества Литовскаго, который ѣхалъ заграницу, не только уже занимая достаточно высокій урядъ повѣтоваго старосты, но и не впервые. Его имя еще въ 1575 году было внесено въ списки студентовъ Фрейбургскаго Университета [5]). Поѣздки заграницу для образованія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ признавались весьма желательными и приносящими пользу его государству. Въ упомянутомъ уже

---

1) А. З. Р., I, № 61.

2) I Ст., III, 8; II Ст., III, 13; III Ст., III, 16. Со времени Второго Литовскаго Статута цѣлью поѣздки заграницу было признано и леченіе отъ болѣзней.

3) Именно такъ выражался, напримѣръ, панъ М. Б. Козерадскій въ своемъ составленномъ на случай смерти во время поѣздки завѣщаніи, внесенномъ въ 1580 году въ земскія Берестейскія книги. А., изд. Вил. Арх. К., II, стр. 208—216.

4) „Листъ до всихъ вобецъ, звлаща обывателемъ повету Волковыского, о порученью въ моцъ староства Волковыского пану Миколаю Дорогостайскому, воеводе Полоцкому, кгды самъ панъ староста до Влохъ ехалъ“. Лит. Метрика, Записей Лит. книга 67, л.л. 201 об. —202.

5) Былъ принятъ въ число студентовъ 16 декабря и записанъ такъ: „Generosus dominus Christophorus magnif. domini Nicolai Monuidi a Dorohostrie archidapiferi magni ducatus Lituaniae filius laicus diocoe. Wilinensis“. Издателю Фрейбургскихъ матрикуловъ имя „Монвидъ“ показалось настолько необычнымъ, что онъ поставилъ рядомъ съ нимъ въ скобкахъ знакъ вопроса. Die Matrikel der Universität Freiburg im Breisgau von 1460—1656. Im Auftrag der akademischen Archivkommission bearbeitet und herausgegeben von Dr. Hermann Mayer Professor am Bertholdsgymnasium in Freiburg. I Band. Freiburg im Breisgau, 1907. S. 553.

нами разрѣшенiи Дорогостайскому на заграничную поѣздку отъ имени короля Стефана говорилось: „ознаймуемъ, ижъ, за жеданемъ и за прозбою воеводича Полоцкого, пана Криштофа Миколаевича Монвида Дорогостайского, позволили есмо ему съ панствъ нашыхъ до панствъ и земль чужоземскихъ, для цвиченья въ справахъ рыцерскихъ ехати, ижъ бы потомъ тымъ годней и пожиточней намъ, господару, и речы посполитой служыти могъ“.

Въ студенты университетовъ того времени записывались люди самаго различнаго возраста. Въ ихъ числѣ можно было встрѣтить, кромѣ взрослыхъ молодыхъ людей, и людей пожилыхъ, и подростковъ, и даже дѣтей. Такъ, въ 1591 году въ число студентовъ Тюбингенскаго Университета были приняты двое двѣнадцатилѣтнихъ и одинъ тринадцатилѣтнiй мальчики[1]), а въ 1551 году въ студенты Виттенбергскаго Университета оказался записаннымъ Павелъ Эберъ, которому шелъ только десятый годъ[2]). Университетскiй магистръ, обращаясь къ такимъ студентамъ и называлъ ихъ мальчиками[3]). Конечно эти студенты „propter teneram aetatem“, какъ „minorennes“, даже не могли приносить присягу, требуемую отъ вступающихъ въ составъ „civium universitatis“. Отъ нихъ принималось простое обѣщанiе[4]), закрѣпляемое иногда чьимъ-либо поручительствомъ[5]).

---

[1]) Marcus Wildt Waiblingensis, Paulus Hess Norinbergensis, Michael Deublin Tubingensis. Die Matrikeln der Universität Tübingen. Im Auftrag der Württembergischen Kommission für Landesgeschichte herausgegeben von Dr. Heinrich Hermelink. Erster Band (Stuttgart, 1906). S. 686.

[2]) „Paulus Eberus, Rectoris filius inchoans annum aetatis decimum“. Album Academiae Vitebergensis ab A. Ch. MDII usque ad A. MDLX. Volumen primum. Ex autographo edidit Carolus Eduardus Foerstemann, theologiae et philosophiae doctor (Lipsiae, 1841). P. 272.

[3]) „Undenam es, puer?“, какъ передаетъ „Manuale Scholarium“, спрашиваетъ „magister“, когда къ нему обращается „discipulus“, говоря: „Reverende magister, reverentiam vestram oratam facio, adiumento mihi sit, ut in matriculam almae huius universitatis intituler et a beanio absolvi queam; nam proxime adveni, ignotus sum et ad quem confugerem praeter vos habeo neminem“. Friedrich Zarncke, Die Deutschen Universitäten im Mittelalter. Beiträge zur Geschichte und Charakteristik derselben. Erster Beitrag (Leipzig, 1857). S. 3.

[4]) Напримѣръ — „Heinricus a Landauu baro, quia minorennis promisit illustrissimo rectori stipulata manu“. Die Matrikeln der Universität Tübingen. Erster Band. S. 726.

[5]) Напримѣръ — „Paul de Villa nova iunior; minorennis non potens iurare, pro quo Joh. Clemens, civis inclite civitatis Col., fideiussit, ut suo

Разумѣется, малолѣтніе схоляры въ университетахъ являлись небольшимъ добавленіемъ къ студенческой массѣ, въ которой были и люди свѣтскіе, и люди духовные, притомъ различныхъ возрастовъ[1]). Были среди нихъ и имѣвшіе возможность внести плату за слушаніе лекцій; было достаточно и такихъ, о которыхъ въ матрикулахъ дѣлалась помѣтка „pauper“, или „nihil dedit“, а иногда освобожденіе отъ платы обозначалось и другой формулой, какъ напримѣръ: „Christus pro eo soluit“[2]). Очень большое число студентовъ старыхъ университетовъ не проходило цѣлаго курса наукъ факультета въ одномъ университетѣ, а, прослушавъ одинъ или нѣсколько семестровъ въ немъ, отправлялось въ другую „академію“ и тамъ продолжало свои занятія.

Въ такихъ условіяхъ проводили время своихъ занятій въ заграничныхъ университетахъ и студенты изъ Великаго Княжества Литовскаго. Матрикулы университетовъ представляютъ собою любопытнѣйшій и цѣннѣйшій источникъ для исторіи просвѣщенія въ Европѣ. Появленіе въ печати уже довольно значительнаго ихъ числа открываетъ для научнаго изслѣдованія возможность выясненія количества поступленій въ университеты студентовъ изъ различныхъ государствъ, а стало быть, и изъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ научной литературѣ уже стали появляться и небольшія изслѣдованія въ этой области[3]). Къ сожалѣнію, матрикулы далеко еще не всѣхъ университетовъ опубликованы. Но и на основаніи уже опубликованныхъ выясняется совершенно опредѣленно, что число студентовъ изъ Великаго Княжества Литовскаго было весьма значительно въ различныхъ университетахъ Европы.

---

tempore idem suum prestaret iuramentum". Publikationen der Gesellschaft für rheinische Geschichtskunde. VIII. Die Matrikel der Universität Köln. Bearbeitet von Hermann Keussen. Zweiter Band (Bonn, 1919). S. 820.

[1]) Напримѣръ — „Frater Franciscus ordinis minorum sancti Francisci dioc. Vilnensis“. Album Studiosorum Universitatis Cracoviensis. Editionem curavit Adam Chmiel. Tomi II fasciculus II (Cracoviae, 1892). P. 290.

[2]) Ibidem, p. 170.

[3]) Theodor Wotschke, Polnische und litauische Studenten in Königsberg. Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N. F. Band VI. Heft II und III (Breslau, 1930), S. S. 428—447. D. Čyževskyj (Tschiżewskij), Die abendländische Philosophie in der alten Ukraine. Abhandlungen des Ukrain. Wissenschaftl. Instituts in Berlin, S. S. 71—89. См. также выше, стр. 110, прим. 3.

Историкъ Краковскаго Университета отмѣчаетъ, что въ XV столѣтіи литовцевъ и русскихъ училось въ немъ не слишкомъ много[1]). Въ XVI вѣкѣ число студентовъ изъ Великаго Княжества Литовскаго было въ Ягеллонскомъ Университетѣ довольно значительно, но въ ихъ составѣ шляхтичей числилось сравнительно немного. Въ Краковскій Университетъ поступали преимущественно такіе студенты, которые готовили себя къ духовной карьерѣ[2]). Шляхту государства Литвы, какъ уже было замѣчено въ спеціальной литературѣ, въ значительной мѣрѣ удерживала отъ поступленія въ этотъ Университетъ общая враждебность къ Польшѣ, существовавшая тогда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ[3]). Эта враждебность прорывалась и во взаимныхъ отношеніяхъ студентовъ литовцевъ и поляковъ въ Краковѣ. Такъ, въ 1513 году университетскій судъ разбиралъ дѣло нѣсколькихъ литовскихъ студентовъ, которые предлагали студентамъ мазовецкимъ такой, обидный для нихъ вопросъ: „utrum Judas, aut aliquis apostolorum missus fuit ad Masouitas convertendos?". Тѣ же литовскіе студенты въ разговорахъ между собою издѣвались надъ польскимъ языкомъ своихъ мазовецкихъ коллегъ, дѣлая это такъ, чтобы ихъ слышали послѣдніе[4]). Вражда литовцевъ къ Польшѣ, вызванная ея захватными планами по отношенію къ Литвѣ, постоянно сказывалась не только въ отношеніяхъ государствъ Великаго Княжества Литовскаго и Польской Короны, но и при встрѣчахъ ихъ обывателей. Эта вражда, конечно, мѣшала и болѣе широкому пользованію литовскими студентами Краковскимъ Университетомъ.

---

[1]) Kazimierz Morawski, Historya Uniwersytetu Jagiellońskiego, tom II (Kraków, 1900), str. 66.

[2]) Ibidem, str. 375.

[3]) Józef Bieliński, Uniwersytet Wileński (1579—1831), tom I (Kraków, 1899—1900), str, 25—26.

[4]) „Item inquirebant vnus ab alio, quot sunt vocales apud Masouitas? Quidam dicebant quinque, videlicet: „Stank, penk, mienk, pock, tutka", quidam septem, ad quinque descriptas addebant duas: „sszijeno, topka", talia facientes et conferentes deambulando vnus ab alio per cameras, vt talia deuenirent ad aures et noticiam studentibus Masouitis". Запись всего этого дѣла настолько разсердила лицо, просматривавшее эти акты позднѣе, что оно написало противъ нея на полѣ: „tho pyssal vygebani lotr y oszczerca y sdrayczа". Acta Rectoralia Almae Universitatis studii Cracoviensis inde ab anno MCCCCLXIX. Editionem curavit Dr. Wladislaus Wisłocki. Tomus primus (Cracoviae, 1893—1897). P. 500.

Въ большемъ числѣ и съ большею охотою они поступали въ университеты другихъ странъ Европы, къ тому же находившіеся въ XVI столѣтіи и на болѣе высокомъ научномъ уровнѣ, чѣмъ Краковскій[1]). Изъ этихъ университетовъ уже давно привлекалъ къ себѣ Пражскій Университетъ, основанный императоромъ Карломъ IV въ 1348 году. Супруга Ягайла, королева Ядвига, учредила въ Прагѣ даже особую коллегію для литовцевъ. Коллегія эта не получила развитія. Но Пражскій Университетъ несомнѣнно сыгралъ свою роль въ исторіи развитія культуры Великаго Княжества Литовскаго. Конечно, не одинъ Полоцкій шляхтичъ Францискъ Скорина, оставившій такой глубокій слѣдъ въ государствѣ Литвы начатымъ имъ въ немъ книгопечатаніемъ, учился въ этомъ Университетѣ[2]). Дорога въ Прагу, внѣ всякаго сомнѣнія, была хорошо проторена схолярами изъ Великаго Княжества Литовскаго. Состояніе источниковъ, къ сожалѣнію, не позволяетъ собрать всѣ имена студентовъ изъ государства Литвы, записавшихся въ Карловъ Университетъ Праги въ XV и XVI столѣтіяхъ. Иначе дѣло обстоитъ по отношенію къ другимъ университетамъ Европы, особенно по отношенію къ университетамъ германскимъ, которыхъ матрикулы уже изданы въ довольно большомъ количествѣ. Конечно, особенно должны были посѣщаться студентами изъ Великаго Княжества Литовскаго университеты ближайшихъ къ его границамъ умственныхъ центровъ[3]).

На первомъ мѣстѣ тутъ должна быть поставлена Кенигсбергская Альбертина. Матрикулы этого Университета даютъ длинные списки студентовъ изъ государства Литвы съ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. За время съ 1544 года до конца столѣтія имматрикулированныхъ въ Кенигсбергскомъ Университетѣ студентовъ изъ Великаго Княжества Литовскаго было не менѣе сотни. Были года, въ которые въ Альбертину поступало ихъ около десятка. Такъ, въ зимнемъ семестрѣ 1547 го-

---

[1]) См. выше, стр. 128—129.

[2]) О Скоринѣ см. — П. В. Владиміровъ, Докторъ Францискъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ (С.-Петербургъ, 1888).

[3]) Изученіе университетскихъ матрикуловъ заставляетъ насъ признать совершенно неправильнымъ высказанное нами болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ предположеніе, что шляхта Великаго Княжества Литовскаго мало пользовалась заграничными поѣздками (И. И Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 508).

да и въ лѣтнемъ семестрѣ 1548-го были иммматрикулированы: Stanislaus Musa Vilnensis, Johannes Schaduk Lituanus, Stanislaus Holbitius Lituanus, Jacobus Villemouius Lituanus, Nikolaus Sophia[1]) Lituanus, Johannes Sophia[2]) Lituanus, Valentinus Vilcomyrius Lituanus, Mathias Purzik Caunensis, Valentinus Tworianouitz Caunensis, Johannes a Cotkawitz Dominus et Castellanus Trocensis[3]), Klebek Beski Rutenus, Johannes Sroka Ruthenus, Jacobus Sapia (т. е. Сапѣга) Rutenus nobilis, Melchior Dainelowitz (т. е. Даниловичъ) Rutenus nobilis, Laurentius Gradowski Caunensis[4]). Въ Лейпцигскомъ Университетѣ студентовъ изъ Великаго Княжества Литовскаго въ XVI столѣтіи училось также немало. Для примѣра приведемъ записи въ матрикулы этого Университета за нѣсколько годовъ: 1562 — Lobnitzki Stanisl. Lituan., Pipio Geo. Lituan., Corsack Pe. Rutenus, Vidra Stanisl. Caunen.; 1563 — Godritz Melch. Lituanus, Jaroslaides Nic. Lithuanus, Schumin (Scumin) Frdr. Lituan., Wessolavius (т. е. Веселовскій) Joh. Lithuan, Willantus Greg. Lithuan., Wolodkovitz (Wolotkovius) Damian. Lithuan., Wolowitz Joseph. Rutten., Kotlovssky Nic. Vilnen., Zascrezky Joh. Vilnen., Bitner (Bitnerus) Frdr. Caunen,; 1564 — Clemens Stanisl. Lituan., Frantzconitz Thom. Vilnen., Thomascowitz Mart. Vilnen.[5]). Матрикулы Виттенбергскаго Университета также пестрятъ записями студентовъ изъ государства Литвы. Вотъ ихъ имена въ записяхъ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XVI столѣтія: 1561 — Fridericus Büttnerus Lituanus; 1565 — Sebaldus Kopp, Franciscus Gradauius (Caunen. Lituani), Stanislaus Vuidra, Petrus Leuouitz (Lituani nobil.), Stanislaus Lokincki, Mar-

---

[1]) Надо думать, что „Sophia“ было написано вмѣсто еще непривычнаго тогда въ Кенигсбергѣ „Sapia“, т. е. Сапѣга.

[2]) Также.

[3]) Троцкимъ каштеляномъ съ 1544 года былъ Еронимъ Александровичъ Ходкевичъ. Въ записи Кенигсбергскаго Университета, конечно, обозначенъ его сынъ Янъ Еронимовичъ.

[4]) Publikation des Vereins für die Geschichte von Ost- und Westpreussen. Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. I Band. Herausgegeben von Georg Erler (Leipzig, 1910). S. S. 7—9.

[5]) Codex Diplomaticus Saxoniae Regiae. Zweiter Haupttheil. XIX Band. Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig 1559—1809 als Personen- und Ortsregister bearbeitet und durch Nachträge aus den Promotionslisten ergänzt. Im Auftrage der Königlich Sächsischen Staatsregierung herausgegeben von Georg Erler. I Band (Leipzig, 1909). S. S. 34, 63, 66, 116, 139, 207, 238, 270, 338, 421, 466, 481, 504, 508, 516, 520.

tinus Lokincki (Lituani fratres nobiles); 1567 — Josephus Vollewicz (т. е. Воловичъ) Lituanus nobilis, Gregorius Sapia Lituanus nobilis; 1573 — Blasius Grendaw Lituanus; 1574 — Petrus Kurnickus Lithuanus nobilis; 1583 — Johannes Volanus de Volanow Lituanus, Johannes Jrzykowitz de Dzienuolow Lituanus; 1585 — Vrbanus Sommer Vilnensis Litvanus; 1586 — Petrus Martianus Litvanus, Esaias Caspari Litvanus[1]).

Студентовъ изъ Великаго Княжества Литовскаго въ XVI столѣтіи можно было встрѣтить въ большинствѣ германскихъ университетовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ отдѣльныхъ записей въ различныхъ университетскихъ матрикулахъ. Въ Тюбингенскомъ Университетѣ значатся въ 1560 году, въ числѣ другихъ новыхъ студентовъ: Melchior Gedrotius, Fridericus Skummin, Stainislaus Knitta, Joannes et Josephus Wolafitsch fratres, Petrus et Joannes Wesouiouii fratres, Petrus Rorsag, Martinus Heyn, Georgius Zablotius praeceptor praecedentium — omnes ex magno ducatu Lituaniae; Stainislaus Clementis, Thomas Reschi — Lituani[2]). Въ 1564 году былъ въ тѣхъ же матрикулахъ записанъ еще одинъ Lituanus[3]). Въ матрикулы Франкфуртскаго Университета въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка были внесены: 1556 — Erardus Caterla Vilnensis Lithuanus, Martinus Hein Caunensis Lithuanus, 1557 — Stanislaus Kmita Lituanus, 1558 — Mathias Bogdaneides Lituanus, 1559 — Martinus Gradowsky Lithuanus[4]).

Матрикулы другихъ германскихъ университетовъ даютъ также длинный рядъ именъ студентовъ изъ Великаго Княже-

---

[1]) Album Academiae Vitebergensis ab A. Ch. MDII usque ad A. MDCII. Volumen secundum. Sub auspiciis Bibliothecae Universitatis Halensis ex autographo editum (Halis, 1894). P.p. 29, 80, 81, 87, 127, 237, 249, 311, 330, 339.

[2]) Die Matrikeln der Universität Tübingen, Erster Band. S. 413. Конечно, цѣлый рядъ именъ въ этой записи искаженъ: Станиславъ (Stainislaus), Кмита (Knitta), Воловичъ (Wolafitsch), Веселовскіе (Wesouiouii), Корсакъ (Rorsag) и т. д.

[3]) Ibidem, S. 450. Ср. выше, стр. 54.

[4]) Publicationen aus den k. preussischen Staatsarchiven. Zweiunddreissigster Band. Aeltere Universitäts-Matrikeln. I. Universität Frankfurt a. O. Aus der Originalhandschrift unter Mitwirkung von Dr. Georg Liebe und Dr. Emil Thenner herausgegeben von Dr. Ernst Friedlaender Geh. Staats-Archivar und Archiv-Rath. Erster Band (Leipzig, 1887). S. S. 141, 143, 152, 154. Для послѣдующихъ годовъ см. тамъ же, стр. 363, 364, 642, 644, 654, 663, 667.

ства Литовскаго въ XVI столѣтіи[1]. Въ Гейдельбергскомъ Университетѣ въ 1602 году, въ средѣ его сенаторовъ, даже возникала мысль объ избраніи одного изъ князей Радивиловъ ректоромъ этого Университета[2]. Германскіе университеты въ своихъ стѣнахъ видѣли очень большое число студентовъ изъ государства Литвы. Достаточное число ихъ слушало лекціи и въ университетахъ Италіи[3], а вѣроятно, и другихъ странъ Европы. Что же касается аристократіи Великаго Княжества Литовскаго, то ея представители не только получали обычно образованіе въ Германіи, Франціи и Италіи, но даже проводили часть своей молодости при дворахъ европейскихъ монарховъ, воспитываясь тамъ въ „учинкахъ рыцерскихъ"[4].

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія Великое Княжество Литовское имѣло уже и свой собственный Виленскій Университетъ, въ составѣ двухъ факультетовъ, а именно artium и теологическаго. Въ XVII столѣтіи къ этимъ двумъ факультетамъ прибавился третій, юридическій. Для католической шляхты государства Литвы открылась возможность получать университетское образованіе, не выѣзжая заграницу, и это увеличило притокъ интеллигентныхъ силъ въ ея среду. Но не только школа, высшая и средняя, давала умственное развитіе

---

[1]) Напримѣръ, тѣ же Publicationen. Zweiundfünfzigster Band. II. Universität Greifswald. Erster Band (Leipzig, 1893). S. 325. См. также Die Matrikel der Universität Heidelberg von 1386 bis 1662. Bearbeitet und herausgegeben von Gustav Toepke, doctor der Rechte. Zweiter Theil von 1554 bis 1662 (Heidelberg, 1886). S. S. 130, 145, 153, 161, 184, 192, 194, 196, 198, 207, 211, 214, 218, 223, 227, 246, 256, 291, 292, 295, 297, 299, 473.

[2]) Ibidem, S. 215.

[3]) Такъ, въ „Rotulus et Matricula D. D: Juristarum et Artistarum Gymnasii Patavini" за 1592 годъ (Patavii, MDCCCXCII) внесены: Jan Hlebowicz na Dąbrownie stolnik Wiel. X. L., Micolai Hlebowicz na Dąbrownie woiewodzicz Troczki, Jerzy z Baraskie (т. е. Збаражскій) woiewodzicz Bracezfawski (т. е. Браславскій) starosta Pinski, Christophorus Wiesiolowski a Wiesiolow, Georgius Tysckewicz de Lbhorsk palatinides Brestensis, Andreas Sapia castel. Mienski. P. 11.

[4]) Особенно выдавались своимъ образованіемъ Радивилы, пользовавшіеся почетомъ и при дворахъ западно-европейскихъ монарховъ. Свѣдѣнія о нихъ собраны Котлубаемъ — Edward Kotłubaj, Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich (Wilno, 1857). См. также біографію Альбрехта Станислава Радивила въ предисловіи къ первому тому изданія — Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza w. Litewskiego, wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego (Poznań, 1839).

повѣтовой шляхтѣ того времени. Общая атмосфера эпохи будила мысль и давала ей пищу. „Разновѣріе“, широко разлившееся по Великому Княжеству Литовскому, ставило тогдашнему обществу не только чисто религіозные вопросы. Оно несло съ собою и цѣлый рядъ вопросовъ политическаго и соціальнаго характера. Возможность и допустимость существованія „невольниковъ“ въ христіанскомъ государствѣ не могли не останавливать на себѣ вниманія тѣхъ, кто стремился построить жизнь общества на точномъ выполненіи Христова ученія. Предѣлы государственной власти надъ населеніемъ и ея право предписывать ему ту или другую религію, право населенія отказывать власти въ повиновеніи и другіе сложные вопросы, которые въ ту эпоху разрабатывались такъ называемыми „монархомахами“, носились тогда въ воздухѣ, поставленные на очередь конкретными фактами реформаціоннаго времени. Религіозные и политическіе мыслители ихъ разрабатывали систематически. Сколько-нибудь интеллигентные круги тогдашняго общества думали надъ ними и обсуждали ихъ въ своихъ бесѣдахъ по тѣмъ или другимъ поводамъ, часто очень поверхностно и случайно, хотя и достаточно страстно. Въ нашемъ дальнѣйшемъ изученіи Третьяго Литовскаго Статута мы еще встрѣтимся съ отраженіемъ „разновѣрія“ въ его артикулахъ.

Литовскіе Статуты, особенно Второй и Третій, а также акты судовъ Великаго Княжества Литовскаго рисуютъ высоту и развитіе правосознанія въ средѣ „обывателей“ этого государства[1]). Новѣйшая литература старалась больше выдвигать факты нарушенія закона, сохраненные книгами этихъ судовъ. Но, во-первыхъ, случаи нарушенія закона извѣстны въ исторіи всѣхъ государствъ и народовъ, во всѣ эпохи ихъ жизни. А во-вторыхъ, уже давно было отмѣчено, какую опасность для историка представляетъ пользованіе актами уголовнаго судопроизводства для изученія общественной нравственности, ибо „передъ судомъ обыкновенно является худшая сторона природы человѣка, является жизнь ненормальная, жизнь вышедшая изъ колеи“, какъ писалъ еще въ 1877 году М. Ф. Владимірскій-Будановъ[2]). И историкъ, читающій актовыя книги судовъ Вели-

---

[1]) О правосознаніи старой Литвы см. нашу статью въ журналѣ Vairas (Nr 4, t. X) въ текущемъ году — Senosios Lietuvos teisinė sąmonė.

[2]) Рецензія первыхъ шести выпусковъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилев-

каго Княжества Литовскаго страница за страницею, а не просматривающій въ нихъ только отдѣльные документы и записи, приходитъ неизбѣжно къ выводу о глубокомъ внѣдреніи идеи права въ сознаніе общества государства Литвы XVI столѣтія. „А ведже я подъ правомъ сижу", говорили тогда, и эти слова отчетливо характеризуютъ это сознаніе[1]). Въ годы составленія Третьяго Литовскаго Статута идея права была дорога „обывателямъ" Великаго Княжества Литовскаго и потому, что ее они полагали въ основу своихъ отношеній къ Польской Коронѣ въ Уніи съ нею. Права Литвы, гарантированныя ей ея монархами, были нарушены въ интересахъ Польши въ 1569 году. Устранить эти нарушенія и возстановить эти права цѣликомъ стремится Великое Княжество Литовское. Мысль его „обывателей" все время питается идеею права, торжество котораго противъ насилія, произведеннаго надъ государствомъ Литвы въ 1569 году, должно обезпечить интересы и этого государства, и его шляхетскаго „народа". Къ работѣ надъ выработкою Третьяго Литовскаго Статута повѣтовая шляхта подходитъ съ глубокимъ сознаніемъ значенія закона. Съ нимъ она эту работу ведетъ черезъ своихъ депутатовъ, а также и на своихъ сеймикахъ и государственныхъ съѣздахъ. Въ работѣ этой соединялись научныя познанія, пріобрѣтенныя частью повѣтовой шляхты въ университетахъ, съ практическимъ дѣловымъ опытомъ другихъ „повѣтниковъ", при большомъ уваженіи къ научному знанію и авторитету, столь свойственномъ той эпохѣ. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сеймики Великаго Княжества Литовскаго не только имѣли полную возможность выдѣлить изъ себя компетентныхъ депутатовъ для работы надъ „поправою" Статута. Повѣтовые сеймики вполнѣ могли избирать и подготовленныхъ къ законодательной дѣятельности своихъ пословъ на государственные съѣзды Литвы, а также и сами трудиться надъ составленіемъ Третьяго Литовскаго Статута.

ской — Кіевскія Университетскія Извѣстія 1877 года № 3, стр. 62. Ср. И. И. Лаппо, Витебскій Центральный Архивъ и его изданіе — Журналъ Мин. Нар. Пр., 1904, IV, стр. 337.

[1]) См. И. И. Лаппо, Земскій судъ въ Вел. Кн. Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1897, VI), стр. 289.

Глава VIII.

Выработка окончательной редакціи Третьяго Литовскаго Статута.

Необходимость работъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго надъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ. Литовская государственная канцелярія какъ учрежденіе. Канцлеръ. Подканцлеръ. Господарскіе писари. Господарскіе секретари. Дьяки и толмачи. Выработка Литовской государственной канцеляріей „уфалъ“ рады и сеймовъ до Люблинской Уніи, а также постановленій съѣздовъ Литвы эпохи послѣ нея. Государственная канцелярія и рада Великаго Княжества Литовскаго. Связи государственной канцеляріи со шляхетскимъ „народомъ“. Канцлеръ Н. Ю. Радивилъ. Подканцлеръ, а съ 1579 года канцлеръ Е. Б. Воловичъ. Подканцлеръ К. Н. Радивилъ. Господарскіе писари времени составленія Третьяго Литовскаго Статута. Родъ Сапѣгъ. Левъ Ивановичъ Сапѣга до назначенія его на урядъ подканцлера. Левъ Сапѣга и Третій Литовскій Статутъ. Историческая литература объ участіи Сапѣги въ составленіи этого кодекса. Разборъ утвержденія о томъ, что Статутъ представляетъ собою „дѣло“ Сапѣги. Миштолтъ. Актовый матеріалъ и переписка Льва Сапѣги. Данныя Мамоничскихъ изданій Третьяго Литовскаго Статута. Изданія Статута въ 1648 и 1693 годахъ. Дѣйствительное значеніе Льва Сапѣги въ исторіи Третьяго Литовскаго Статута.

Третій Литовскій Статутъ вырабатывался депутатами повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго и его повѣтовыми сеймиками и государственными съѣздами. Но всю эту работу нужно было свести въ единый законодательный кодексъ и проредактировать. Сдѣлать это могла только государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго, обладавшая необходимымъ для такой работы аппаратомъ. Участіе ея въ выработкѣ Третьяго Литовскаго Статута не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя оно и совершенно не затронуто научнымъ изслѣдованіемъ. Государственные съѣзды Литвы разсматривали и дополняли результаты работъ статутовыхъ депутатовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ надъ „поправою“ Статута по мѣрѣ внесенія вырабатываемыхъ ими частей кодекса на ихъ санкцію для представленія затѣмъ на утвержденіе монарха и „спольнаго“

съ Польшею сейма. Трудно думать, что окончательный текстъ этихъ „поправъ“ не обходился безъ редактированія въ государственной канцеляріи. Что же касается сведенія ихъ въ единый кодексъ, то оно только ею и могло быть совершено. Работы повѣтовыхъ сеймиковъ и государственныхъ съѣздовъ надъ „поправою“ Статута не могли вестись въ должной системѣ и послѣдовательности. Въ нихъ неизбѣжно, по самому характеру и составу этихъ собраній, должны были проявляться и настроенія момента, въ который они собирались, и много личныхъ и групповыхъ пожеланій, переживаній и требованій. Переработать законодательные матеріалы, доставленные сеймиками и съѣздами, въ статьи имѣющаго общія задачи закона, конечно, было дѣломъ нелегкимъ. Распредѣленіе этихъ матеріаловъ по артикуламъ исправляемаго Литовскаго Статута 1566 года, котораго общая система должна была быть сохранена при самой задачѣ лишь исправленія его, а не созданія совершенно новаго кодекса, требовало и соотвѣтствующаго техническаго опыта, и юридической подготовки. Государственная канцелярія неизбѣжно внесла въ составленіе Третьяго Литовскаго Статута значительную долю своего участія въ немъ. По отношенію къ основнымъ законамъ Статута 1566 года, при выработкѣ ихъ окончательнаго текста, Литовская государственная канцелярія должна была неминуемо выразить и свое отношеніе къ Люблинской Уніи и къ литовскому и польскому пониманію ея задачъ и характера. Государственная канцелярія въ цѣломъ рядѣ случаевъ могла въ текстѣ статутовыхъ артикуловъ заострить или сгладить выраженіе того отношенія къ Польшѣ и къ польской идеѣ Уніи, которое тогда господствовало въ „народѣ“ Великаго Княжества Литовскаго. Если законодательные матеріалы, выработанные статутовыми депутатами, сеймиками и съѣздами, и выражали это отношеніе, то Литовская государственная канцелярія давала имъ окончательную редакцію. При выработкѣ этой редакціи должны были проявиться и умѣлость въ кодификаціонной техникѣ, и компетентность въ области права, и отношеніе къ тѣмъ директивамъ, которыя преподалъ Люблинскій сеймъ 1569 года дѣлу „поправы“ Литовскаго Статута 1566 года. Все это требуетъ, чтобы мы поближе присмотрѣлись къ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго и къ ея личному составу времени составленія Третьяго Литовскаго Статута.

Литовская канцелярія въ ту пору отнюдь не представляла собою только исполнительный органъ верховной государственной власти и не была учрежденіемъ чисто бюрократическаго характера. Съ такимъ значеніемъ она возникала при Витовтѣ. Тогда ея писари и секретари были простыми исполнителями приказаній великаго князя, хотя одинъ изъ нихъ, Мальдржикъ, въ самомъ концѣ Витовтова великокняженія и именовалъ себя не только секретаремъ, но и канцлеромъ[1]). Такое же значеніе исполнителя распоряженій и не обладавшаго сколько-нибудь самостоятельнымъ положеніемъ совѣтника имѣлъ, конечно, и канцлеръ Свидригайла Федко Козловскій. Надо думать, что не инымъ было положеніе дѣла по существу и при Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ. Совсѣмъ другое значеніе получилъ урядъ канцлера въ великокняженіе Казимира Ягайловича. Казимиръ, еще будучи подросткомъ, былъ возведенъ панами Литвы на ея престолъ, противъ воли Польши и съ разрывомъ уніи съ послѣднею. Великимъ княземъ Литовскимъ сталъ мальчикъ-подростокъ, котораго въ первые годы его великокняженія увлекала забава роскошною охотою въ пущахъ Литвы, а не управленіе ею, для котораго онъ еще не созрѣлъ. Въ то же время, возведшіе его на великокняжескій престолъ Литовскіе паны, развивая Витовтову программу государственной независимости Великаго Княжества Литовскаго, встали на стражу ея противъ польскихъ плановъ его инкорпораціи. Если эти паны, въ значеніи пановъ-рады, взяли въ свои руки дѣйствительное управленіе государствомъ Литвы, то они должны были выдѣлить изъ своего состава и лицо, которое, находясь постоянно при юномъ великомъ князѣ, вело бы всѣ текущія дѣла государства въ согласіи съ общею программою пановъ-рады. Такимъ лицомъ и явился канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго. Урядъ этотъ занялъ панъ Михаилъ Кезгайловичъ, сохранявшій его за собою и тогда, когда въ 1451 году сдѣлался намѣстникомъ Смоленскимъ, а затѣмъ въ 1458 году и воеводою Виленскимъ. Когда Казимиру предложила свой королевскій престолъ Польша, Великое Княжество Литовское долгое время не давало согласія на это предложеніе. Наконецъ оно это согласіе дало, но Казимиръ долженъ былъ передъ выѣздомъ въ Польшу выдать

---

[1]) J. L a p p o, Istorinė Vytauto Reikšmė (Kaunas, 1930. Atmušta iš II „Praeities" tomo), 39 pusl.

ему извѣстный общеземскій привилей 2 мая 1447 года, которымъ гарантировалась государственная независимость Великаго Княжества Литовскаго, неприкосновенность и цѣлость его территоріи, предоставленіе всѣхъ должностей и земельныхъ пожалованій въ государствѣ Литвы только его „родичамъ", а также другія права его становъ. Съ изданіемъ этого привилея, получившаго значеніе конституціонныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, рядомъ съ властью великаго князя уже стояло государство Литвы, котораго права подлежали охранѣ не только монарха, но и опредѣленныхъ государственныхъ органовъ. Эти органы должны ихъ блюсти не только совмѣстно съ монархомъ, но также и противъ покушеній, которыя онъ можетъ на нихъ сдѣлать въ интересахъ усиленія своей власти или въ интересахъ Польши, если ея престолъ будетъ также занимать и если станетъ уступать польскимъ домогательствамъ инкорпораціи Литвы, начавшимся со времени Ягайла. Такими государственными органами Великаго Княжества Литовскаго, стоявшими постоянно на стражѣ его правъ, и явились его рада и его канцлеръ.

На урядъ Литовскаго канцлера со времени великокняженія Казимира Ягайловича назначался одинъ изъ первѣйшихъ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго. Вплоть до 1579 года канцлерскую должность занимали Виленскіе воеводы. Въ 1579 году ее получилъ Евстафій Воловичъ, бывшій Виленскимъ каштеляномъ, т. е. сенаторъ, занимавшій слѣдующее за Виленскимъ воеводою мѣсто въ составѣ „пановъ-радъ старшихъ" государства Литвы. Онъ оставался на урядѣ канцлера вплоть до своей смерти, послѣдовавшей въ 1587 году, когда Третій Литовскій Статутъ былъ уже совершенно приготовленъ къ утвержденію [1]). Соединеніе должности канцлера съ урядомъ воеводы или каштеляна Виленскаго представляло несомнѣнное удобство, а не только указываетъ на высокое значеніе этой должности. Связанный своимъ воеводскимъ или каштелянскимъ урядомъ со „столечнымъ мѣстомъ" Великаго Княжества Литовскаго, сенаторъ, занимающій должность канцлера, имѣлъ свое обычное пребываніе тамъ же, гдѣ находилась и государ-

[1]) Списки Литовскихъ канцлеровъ — J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit., str. 159—162.

ственная канцелярія вмѣстѣ съ ея архивомъ, получившимъ позднѣе названіе Литовской Метрики.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы канцлеръ долженъ былъ бывать въ государственной канцеляріи, какъ въ учрежденіи, которымъ управлялъ, сколько-нибудь постоянно и регулярно. Государственную печать Великаго Княжества Литовскаго онъ хранилъ у себя. Во время своихъ отъѣздовъ на продолжительное время изъ мѣста своего обычнаго жительства канцлеръ возилъ ее съ собою, храня ее съ большою предосторожностью. Такъ, Евстафій Воловичъ, находясь въ войскѣ короля Стефана въ 1581 году, желѣзный сундучокъ, въ которомъ лежала подъ замкомъ печать, держалъ прикрѣпленнымъ цѣпью къ ножкѣ своей кровати[1]). Урядъ канцлера носилъ наименованіе уряда „печатарскаго". Распоряженіе государственною печатью считалось основною функціею канцлера-„печатаря". Прикладывая государственную печать къ документу, канцлеръ не только утверждалъ его. Онъ ея приложеніемъ гарантировалъ, что данный актъ не противорѣчитъ правамъ и интересамъ Великаго Княжества Литовскаго. Даже если подъ текстомъ документа находилась подпись монарха, безъ государственной печати онъ не имѣлъ должнаго значенія. Случаи отказа канцлера исполнить желаніе короля и скрѣпить выраженіе его воли приложеніемъ государственной печати къ тому или другому акту хорошо извѣстны исторіи канцеляріи государства Литвы. Находя данный актъ идущимъ въ разрѣзъ съ правами и интересами Великаго Княжества Литовскаго, канцлеръ категорически отказывалъ королю приложить къ нему печать, и король долженъ былъ отказываться отъ своего намѣренія. Такъ, напримѣръ, въ 1597 году Левъ Сапѣга, несмотря на всю настойчивость Сигизмунда III-го, не приложилъ печати Великаго Княжества Литовскаго къ его „номинаціи" поляка (Луцкаго бискупа Бернарда Мацѣёвскаго) на бискупство Виленское, и она не получила силы[2]). Въ глазахъ шляхетскаго „народа" государства

---

[1]) И. И. Лаппо, Похищеніе государственной печати Великаго Княжества Литовскаго въ 1581 году. Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности (С.-Петербургъ, 1908), стр. 857.

[2]) И. И. Лаппо, Люблинская Унія и Третій Литовскій Статутъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1917, V), стр. 141. Ср. его же, Bandymas pavesti lenkui

Литвы канцлеръ представлялся постояннымъ стражемъ его правъ, значенія и интересовъ.

Текстъ присяги Литовскаго канцлера времени Сигизмунда Августа, т. е. эпохи заключенія Люблинской Уніи, сохранился[1]). По этому тексту канцлеръ присягалъ быть вѣрнымъ не только королю, но и Великому Княжеству Литовскому. Онъ обязуется не выдавать изъ государственной канцеляріи никакихъ „листовъ", которые могутъ приносить вредъ монарху. Но въ то же время канцлеръ клянется не выдавать и „листовъ", противорѣчащихъ „правамъ и вольностямъ посполитымъ" Великаго Княжества Литовскаго. По своему уряду Литовскій канцлеръ больше, чѣмъ другіе сенаторы Литвы, долженъ былъ находиться при особѣ монарха. Этимъ создавалась извѣстная близость его къ королю, позволявшая ему обращаться къ послѣднему съ различными ходатайствами въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ и группъ населенія, а также высказывать полуоффиціальнымъ путемъ пожеланія и требованія становъ Великаго Княжества

Vilniaus vyskupo katedrą XVI amžiaus pabaigoje (Praeitis, I tomas. Kaunas, 1930), 129 pusl.

[1]) Приводимъ эту присягу по тексту, сохранившемуся въ Литовской Метрикѣ, — „Przysięga canclerzowa y podcanclerzego. Ja N. przysięgam, iz naiasnieyszemu xiązęciu a panu, panu Zygmunthowi Augustowi, krolowi Polskiemu y wielkiemu xiędzu Lithewskiemu, y tez jego kro. mci potomkom y Wielkiemu Xięstwu w tym vrzędzie canclerzstwa abo podcanclerzstwa, mnie zleconym, wierzen będę, zadnych listow pargaminowych bez wiadomości, woley y vstnego roskazania jego kro. mci wielkiego xiędza nie wydam, papierowych tez listow, tak w Xięstwo, iako na stronę, ktoreby jego kro. mci wielkiemu xiędzu, dostoyności y zacności, powadze ublizały, abo by z nich iaka szkoda kro. jego mci albo Xięstwu przyść miała, abo ktoreby tez prawom y wolnościam pospolitym Wielkiego Xięstwa byli przeciwne, abo tez ktoreby przeciwko drugim listom, s cancellaryi wydanem, byli y od nich rozne rozumiane, ani membran zadnych dawać, ani pisać nie mam, okrom wiadomości jego kro. mci, za ktorego roskazaniem y wiadomością papirowe membrany tylko wydawać się obowięzuię. W radzie jego kro. mcl samemu, Xięstwu Lithewskiemu y rzeczy pospolitey prawdziwie, wiernie a zyczliwie będę radził, zadnych taiemnic, ktore mi powiedziane będą, nie odkryię nikomu nigdy, okrom woley a roskazania jego kro. mci; rzeczy wszytkie szkodliwe, ktore bych rozumiał y wiedział, skąd kolwiek na kro. jego mci, będę opowiedał y onego w tym przestrzegał, y sam tez wedle mozności swey to mam odrazać y odwracać. Tak mi Boze pomozl etc." Литовская Метрика, Лит. Публичныхъ Дѣлъ книга 8, л. 3. Русскій переводъ этой присяги данъ нами на стр. 645—646 книги Вел. Кн. Литовское, т. I. О Литовскомъ канлерѣ и подканцлерѣ см. тамъ же, стр. 645—651.

Литовскаго прежде, чѣмъ они будутъ заявлены государственными съѣздами Литвы, или ея представителями на „спольныхъ" съ поляками сеймахъ. Во время этихъ сеймовъ, а также при пріемахъ иностранныхъ пословъ канцлеръ замѣнялъ земскаго маршалка. Въ ряду министровъ государства Литвы онъ занималъ второе по значенію мѣсто, сразу послѣ земскаго маршалка.

Рядомъ съ канцлеромъ во главѣ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго стоялъ подканцлеръ. Урядъ послѣдняго былъ учрежденъ въ государствѣ Литвы только въ 1566 году. Первымъ Литовскимъ подканцлеромъ былъ Евстафій Воловичъ, занимавшій этотъ урядъ до 1579 года, когда получилъ отъ короля Стефана назначеніе на должность канцлера. Подканцлеръ былъ хранителемъ меньшей государственной печати Великаго Княжества Литовскаго. Но при существованіи двухъ печатей канцелярія государства Литвы была одна. Учрежденіе должности подканцлера, надо думать, было вызвано прежде всего тѣмъ, что обнаружилась необходимость болѣе постоянной возможности пользованія государственной печатью Великаго Княжества Литовскаго въ отправленіи монархомъ текущихъ дѣлъ верховнаго управленія. Канцлеръ, бывшій тогда одновременно и Виленскимъ воеводою, долженъ былъ отдавать большую часть своихъ времени и вниманія дѣятельности по воеводскому уряду и не могъ обычно находиться при Сигизмундѣ Августѣ, когда послѣдній уѣзжалъ изъ Вильны, а особенно когда онъ подолгу пребывалъ въ Польшѣ. Именно во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка неудобство для великаго князя обходиться безъ государственной печати Литвы мѣсяцами должно было сознаваться особенно. Время окончательной подготовки Уніи было временемъ и Московской войны, а также частыхъ созывовъ сеймовъ. Цѣлый рядъ документовъ, требующихъ утвержденія Литовскою государственною печатью, Сигизмундъ Августъ долженъ былъ выдавать, находясь въ предѣлахъ Польской Короны. Совершенно естественно, что именно въ это время и была создана должность второго Литовскаго „печатаря". Текстъ присяги обоихъ „печатарей" совершенно тождественъ. Уже изъ этого можно заключать, что они оба стояли во главѣ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго и ихъ функціи въ ней совпадали. Конечно, канцлеръ занималъ первое мѣсто, под-

канцлеръ же являлся его замѣстителемъ и сотрудникомъ. Но, утверждая документъ государственною печатью, оба они одинаково сообщали ему должную силу.

Составъ служащихъ въ государственной канцеляріи не былъ всегда однимъ и тѣмъ же. Онъ могъ быть и больше, и меньше по своему числу, ибо не имѣлъ точно опредѣленнаго штата. Дѣлопроизводство канцеляріи велось ея писарями. Въ болѣе раннее время писарь, надо думать, не только составлялъ выходившіе изъ государственной канцеляріи документы, но ихъ и писалъ. Съ теченіемъ времени писарь сталъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи въ собственномъ значеніи этого слова. Обязанности писца перестали входить въ его должность, хотя, конечно, онъ могъ иногда и самъ изготовить документъ окончательно, т. е. не только его составить, но и переписать. Сохранившійся въ Литовской Метрикѣ текстъ присяги господарскаго писаря, какъ назывались оффиціально писари государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго, рисуетъ его должность именно какъ дѣлопроизводителя[1]). Должность эта была достаточно высокаго ранга во второй половинѣ XVI столѣтія. Съ нею соединялись даже уряды сенаторскіе. Земскіе подскарбіе бывали одновременно и господарскими писарями. Панъ Матвѣй Савицкій, бывшій наканунѣ Люблинской Уніи Мельницкимъ старостою и господарскимъ писаремъ, въ 1574 году получилъ назначеніе на должность Подляшскаго каштеляна, но съ сохраненіемъ за нимъ уряда писаря Литовской

---

[1]) „Przysięga pisarzom jego kro. mci. Ja N. przysięgam Panu Bogu Wszechmogącemu, Stworzycielowi nieba y ziemie, iz na tym vrzędzie pisarskim jego kro. mci panu swemu miłosciwemu wierzen będę we wszytkiem, co by mnie zwierzono od jego kro. mci abo s cancellaryey, wiernie to chować, a taiemnic nikomu nie odkrywać y nie zwierzać; ludziom, potrzebuiącym odprawy s cancellaryey jego kro. mci, vciązenia nie czynić y nic przeciwnego prawu, y sprawiedliwości ludzkiey nie vblizać; daniny wszelakie nie inak, iedno wedle roskazania jego kro. mci abo pieczętarzow jego kro. mci Wielkiego Xięstwa Lithewskiego pisać y odprawować; a iako membranow, tak y listow pargamenowych przez woli jego kro. mci y pieczętarzow jego kro. mci nikomu nie wydawać, y wszelakich rzeczy pozytecznych y szkodliwych przed jego kro. mcią nie vkrywać, ale ze wszytką, prawą y całą wiarą donósić y przestrzegać jego kro. mci y rzeczy pospolitey tego państwa Wielkiego Xięstwa Lithewskiego, Tak mi Panie Boze pomagay! etc.“ Литовская Метрика, Лит. Публ. Дѣлъ, книга 8, л. 3 об. — 4. Русскій переводъ этой присяги — И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 402—403.

государственной канцеляріи[1]). Надо при этомъ, однако, пояснить, что онъ и послѣ перехода Подляшья къ Польшѣ въ 1569 году сохранилъ за собою права „обывателя“ Великаго Княжества Литовскаго по своему землевладѣнію въ его предѣлахъ[2]). У писарей господарскихъ не могло быть и времени на тщательное переписываніе документовъ, и, конечно, не они, а писцы въ подлинномъ смыслѣ этого слова художественно переписали книги Литовской Метрики, изъ которыхъ большинство можетъ быть признано образцами каллиграфическаго искусства своего времени. Писарь государственной канцеляріи — notarius, а не scriba, т. е. не писецъ. Дѣло писаря — „справа“ документа, а не его переписка набѣло. Подпись его на документѣ гарантируетъ его правильность, какъ подпись дѣлопроизводителя государственной канцеляріи[3]).

Кромѣ писарей господарскихъ источники знаютъ и такихъ же секретарей. Не такъ легко опредѣлить рангъ секретаря сравнительно съ рангомъ писаря. Съ одной стороны, наименованіе секретаря какъ-будто указываетъ на его болѣе высокое значеніе, чѣмъ писаря. Но съ другой — цѣлый рядъ господарскихъ секретарей получилъ во второй половинѣ XVI столѣтія назначеніе на урядъ господарскаго писаря[4]), что, конечно, было бы невозможно, еслибы послѣдній былъ ниже по своему рангу, чѣмъ секретарскій. М. К. Любавскій предполагалъ, что секретаремъ назывался „тотъ же писарь, но умѣвшій писать по латыни и по польски“[5]). Такое предположеніе, однако, опровергается тѣмъ, что и подъ текстомъ документовъ, написанныхъ на этихъ языкахъ, бывала скрѣпа не секретаря, а писаря[6]). Мы рѣшились бы думать, что различіе между секретаремъ и писаремъ господарскими лежало не въ знаніи русскаго,

---

1) J. Wolff, Sen. i dygn. W. Ks. Lit., str. 271.

2) Такъ, ему принадлежало имѣніе Черныя Лозы около Бѣловѣжской пущи. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 710.

3) См. тамъ же, стр. 405.

4) J. Wolff, Sen. i dygn. W. Ks. Lit., str. 269—271.

5) Л.-Р. сеймъ, стр. 389.

6) Такъ, напримѣръ, на листѣ Сигизмунда Августа, выданномъ 8 апрѣля 1566 года на польскомъ языкѣ (List zastawny kro. iego mci Francyszkowey Chwalczewskiey na wsi niektore klucza Łuckiego), скрѣпа такая: „Matias Sawicki, s[acrae] r[egiae] m[aiestatis] in Magno Ducatu Lithuaniae notarius“. Литовская Метрика, Лит. Публ. Дѣлъ книга 8, л. 17.

польскаго и латинскаго языковъ, которые, необходимо думать, въ то время они знали одинаково всѣ. Секретарь былъ непосредственно связанъ съ монархомъ и именно черезъ эту связь имѣлъ отношеніе къ государственной канцеляріи, аппаратомъ которой онъ могъ пользоваться при исполненіи своихъ секретарскихъ обязанностей. Иными словами, онъ могъ бы считаться дѣлопроизводителемъ личной канцеляріи великаго князя Литовскаго, еслибы таковая существовала въ дѣйствительности. Но, такъ какъ ея не было и ея дѣлопроизводство велось также государственною канцеляріею, то секретарь пользовался ея аппаратомъ, т. е. находился при ней. Наоборотъ, господарскій писарь былъ дѣлопроизводителемъ именно ея. Передъ нами, такимъ образомъ, одно изъ явленій, имѣвшихъ свои корни въ недостаточномъ раздѣленіи „особы" монарха и государства. Органы управленія въ государствѣ Литвы, какъ это бывало и въ другихъ государствахъ, выростали около монарха изъ его личныхъ прежде функцій, лишь въ длительномъ процессѣ историческаго развитія выдѣлявшихся въ органы государственные. Цѣлый рядъ урядовъ долго именовался „господарскими и земскими". Такимъ же именовался и скарбъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ теченіе ряда лѣтъ наростало сознаніе необходимости преобразованія его въ „скарбъ посполитый", т. е. государственный Великаго Княжества Литовскаго, съ выдѣленіемъ особыхъ средствъ на содержаніе господаря и его „стола". Но только въ 1588 году эта реформа наконецъ совершилась[1]).

Такимъ образомъ, секретарь былъ собственно чиновникомъ личной канцеляріи великаго князя Литовскаго, которая не выдѣлилась изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества. Служащими въ послѣдней были и дьяки, и толмачи. Дьяки — писцы и исполнители порученій писарей и секретарей. Что касается толмачей, то они были нужны для перевода документовъ, поступавшихъ отъ восточныхъ владѣтелей, главнымъ образомъ отъ татарскихъ хановъ, а также и какъ переводчики рѣчей ихъ пословъ. Языкомъ дипломатическихъ сношеній съ государствами Центральной и Западной Европы былъ языкъ латинскій, сношеній съ Москвою — русскій. Оба эти языка

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 380—381.

не требовали спеціальныхъ переводчиковъ, ибо ими владѣли чины государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго.

Эта канцелярія вела всѣ дѣла верховнаго управленія и дипломатическихъ сношеній государства Литвы, а также суда его монарха. Въ ней же составлялись „уфалы" и постановленія сеймовъ и рады. Собранія рады и вальные сеймы Великаго Княжества Литовскаго до Люблинской Уніи, по традиціи, ведшей свое начало съ давняго времени, представлялись совѣщаніями великаго князя съ панами-радою и станами, хотя они уже и вылились въ ограничивающія его власть установленія. Послѣ Люблинской Уніи конституціи „спольныхъ" сеймовъ составлялись ими самими. Но составленіе окончательнаго текста постановленій государственныхъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго должно было быть дѣломъ его государственной канцеляріи, какъ она до Уніи вела дѣлопроизводство вальныхъ сеймовъ Литвы, не имѣвшихъ своего секретаріата. Какъ мы видѣли выше[1]), на Виленскомъ сеймѣ 1565-1566 годовъ государственная канцелярія должна была вырабатывать артикулы Второго Литовскаго Статута, которые не были къ сейму изготовлены Статутовою Коммиссіею. Она, конечно, составляла и текстъ статутовыхъ „поправъ", принятыхъ сеймами 1566-1568 годовъ.

Литовская государственная канцелярія отнюдь не была чисто бюрократическимъ учрежденіемъ, хотя и обладала его аппаратомъ. Она находилась въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ радными панами и со шляхетскимъ „народомъ" государства Литвы. Государственная канцелярія являлась и канцеляріей рады Великаго Княжества Литовскаго. Традиціи послѣдней были выработаны ея исторіей съ эпохи Витовта. Превратившись въ великокняженіе Казимира Ягайловича изъ простого великокняжескаго совѣта въ государственный совѣтъ Великаго Княжества Литовскаго, рада при Казимировыхъ сыновьяхъ закрѣпила это свое значеніе конституціонными законами земскихъ привилеевъ Александра и Сигизмунда Стараго, а также утвержденнымъ послѣднимъ Литовскимъ Статутомъ 1529 года. Свои традиціи рада государства Литвы хранила бережно и стойко, а въ эпоху Сигизмунда Августа и въ десятилѣтія послѣ заклю-

---

[1]) Стр. 37—38.

ченія Люблинской Уніи вѣрность этимъ традиціямъ достигла большого напряженія. Традиціи же рады Великаго Княжества Литовскаго были въ сохраненіи и осуществленіи Витовтовой программы самостоятельности государства Литвы. Отдѣльные радные паны Великаго Княжества Литовскаго старились и умирали. На ихъ смѣну въ служеніи идеѣ самостоятельности родного государства въ радѣ его становились другія лица, но Витовтовы завѣты владѣли ими всѣми. Такъ, когда сошелъ въ могилу въ 1579 году одинъ изъ самыхъ энергичныхъ борцовъ противъ польскихъ плановъ „втѣленія“ Литвы, Янъ Еронимовичъ Ходкевичъ, на смѣну ему, не говоря о другихъ радныхъ панахъ, въ радѣ Великаго Княжества Литовскаго находился бискупъ Жомойтскій Мальхеръ Гедройть. Въ 1550 году вступившій въ число студентовъ Кенигсбергскаго Университета, въ 1560 году онъ продолжалъ свое образованіе сначала въ Виттенбергскомъ, а затѣмъ въ Тюбингенскомъ Университетахъ[1]). Въ 1563 году встрѣчаемъ его въ спискахъ студентовъ Лейпцигскаго Университета[2]), но, по всей вѣроятности, онъ былъ слушателемъ и университетовъ Италіи, въ которые такъ нерѣдко отправлялись ищущіе университетскаго образованія литовцы. Прекрасно образованный, Мальхеръ Гедройть, достигнувъ епископской каѳедры Жомойти, отдалъ себя цѣликомъ служенію національному и государственному дѣлу Великаго Княжества Литовскаго[3]). Но рядомъ съ нимъ на стражѣ правъ и значенія родного государства стояла цѣлая рада его, вѣрная своей вѣковой традиціи.

Тѣсно связанная съ радою Великаго Княжества Литовскаго, его государственная канцелярія, своимъ личнымъ составомъ, постоянно соприкасалась и со шляхетскимъ „народомъ“. Ея писари были шляхтичами государства Литвы. Какъ таковые, они были и „повѣтниками“. Вопросы, волновавшіе повѣтовую шляхту, волновали и ихъ. Съ урядомъ господарскаго писаря они соединяли управленіе староствами и державами, а

---

[1]) Die Matrikel der Albertus-Universität, I, S. 13; Album Academiae Vitebergensis, I, p. 370; Die Matrikeln der Un. Tübingen, I, S. 413.

[2]) Die jüngere Matrikel der Un. Leipzig, I, S. 139.

[3]) О немъ см. А. I. Вольдемаръ, Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. XIV, кн. 3), стр. 181—192.

иногда и другіе уряды[1]). Какъ „обыватели", владѣвшіе имѣніями-осѣлостями въ повѣтахъ, они были участниками повѣтовыхъ сеймиковъ. На эти сеймики они сплошь и рядомъ посылались въ качествѣ господарскихъ пословъ, чтобы отъ имени монарха ознакомить повѣтовую шляхту съ дѣлами, ожидающими разрѣшенія предстоящаго сейма[2]). Писарей Литовской государственной канцеляріи нельзя представлять себѣ по типу дѣлопроизводителей канцелярій нашего времени, которые знакомятся съ вѣдаемыми ими дѣлами только изъ своей канцеляріи. Господарскіе писари Великаго Княжества Литовскаго, какъ шляхтичи-„обыватели" его, органически сливались съ его „народомъ"-шляхтою и жили тѣмъ, чѣмъ жилъ и онъ. Литовская государственная канцелярія, т. е. и стоявшіе во главѣ ея „печатари", и ея дѣлопроизводители-писари, работая надъ Третьимъ Статутомъ, конечно, не могла расходиться съ панами-радою и шляхетскими массами Великаго Княжества Литовскаго и въ господствовавшемъ среди нихъ отношеніи къ договору Люблинской Уніи, которое мы не разъ отмѣчали выше. Присмотримся же поближе къ личному составу Литовской государственной канцеляріи времени составленія Третьяго Литовскаго Статута. Наблюденія надъ нимъ должны обнаружить и степень его компетентности въ законодательной и кодификаціонной работѣ.

Урядъ канцлера Великаго Княжества Литовскаго до 1579 года занималъ Николай Юрьевичъ Радивилъ, князь на Дубинкахъ и Биржахъ, воевода Виленскій, староста Лидскій, Меречскій, Мозырскій и Ошменскій, державца Борисовскій и Сомилишскій, въ 1576 году ставшій и великимъ Литовскимъ гетманомъ. Родился онъ въ 1512 году, очень молодымъ былъ отправленъ своимъ отцомъ для образованія заграницу и тамъ не только учился наукамъ, но и провелъ много лѣтъ при дворахъ европейскихъ монарховъ, такъ что вернулся въ Великое Княжество Литовское, имѣя болѣе тридцати лѣтъ отъ роду[3]). Убѣжденный кальвинистъ, Н. Ю. Радивилъ окружилъ себя рядомъ

---

[1]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 401.

[2]) О господарскихъ послахъ на повѣтовые предсеймовые сеймики см. И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, стр. 346—370 и 431—432.

[3]) Edward Kotłubaj, Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich, str. 62.

ученыхъ послѣдователей Кальвина, служившихъ дѣлу утвержденія его ученія въ Литвѣ. Вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ, Николаемъ Чернымъ Радивиломъ, онъ былъ главною опорою кальвинизма въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Будучи Виленскимъ воеводою, Н. Ю. Радивилъ не хотѣлъ допускать въ Вильну іезуитовъ, приглашенныхъ туда епископомъ Валеріаномъ Протасовичемъ. Какъ канцлеръ, онъ отказалъ королю Стефану въ приложеніи печати государства Литвы къ привилею на учрежденіе Виленской Академіи Общества Іисуса, и надо думать, что выдача этого привилея противъ его и панов-рады Литвы воли и была причиною сложенія имъ съ себя канцлерства въ 1579 году. Конечно, въ привилеѣ, данномъ королемъ Стефаномъ на этотъ урядъ его преемнику[1]), этого не могло быть указано, и въ немъ стоитъ, что Н. Ю. Радивилъ сложилъ съ себя канцлерство „et propter ingravestentem aetatem et propter onera imperatoris belli, cuius officio difficili ac negocioso nunc fungitur". Мы уже видѣли выше[2]) его преданность интересамъ государства Великаго Княжества Литовскаго и его непримиримое отношеніе къ польской идеѣ Люблинской Уніи. Конечно, онъ долженъ былъ дѣлать со своей стороны все, чтобы Третій Литовскій Статутъ сохранилъ цѣликомъ то, что старался измѣнить въ интересахъ Польши сеймъ Уніи 1569 года въ артикулахъ Второго Статута Литвы.

Преемникомъ Н. Ю. Радивила на урядѣ канцлера былъ Евстафій Богдановичъ Воловичъ, каштелянъ Виленскій, староста Берестейскій, Кобринскій и Могилевскій, державца Юрборскій и Нововольскій. Родъ Воловичей извѣстенъ съ XV столѣтія въ такъ называемой Руси Литовской, т. е. въ той части русскихъ земель государства Литвы, которая съ самаго образованія этого государства вошла въ его составъ и вмѣстѣ съ чисто литовскою территоріею образовала основное ядро Великаго Княжества Литовскаго. Отецъ Евстафія Воловича, Богданъ Гриньковичъ, былъ конюшимъ, а затѣмъ и войскимъ Городенскимъ[3]). Тѣ изъ Воловичей, которые слушали лекціи въ заграничныхъ университетахъ, иногда даже обозначали себя въ матрикулахъ какъ ruteni[4]). Евстафій Богдановичъ Воловичъ за

---

1) Литовская Метрика, Лит. Записей книга 65, л.л. 1—1 об.

2) Стр. 321.

3) A. Boniecki, Poczet rodów w W. Ks. Lit., str. 383.

4) Ср. выше, стр. 430.

свою многолѣтнюю службу скопилъ громадный опытъ государственной дѣятельности вообще и въ дѣлахъ государственной канцеляріи въ особенности. Началъ онъ свою службу на третьестепенныхъ должностяхъ областного управленія. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ XVI вѣка онъ былъ писаремъ Виленскаго воеводы Яна Глѣбовича, въ 1550 году — Берестейскимъ подстаростою[1]). Въ 1551 году Евстафій Воловичъ былъ назначенъ господарскимъ писаремъ и такимъ образомъ началъ свою службу въ Литовской государственной канцеляріи, съ которою не разставался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1587 году. Будучи въ 1561 году сдѣланъ дворнымъ маршалкомъ и земскимъ подскарбіемъ, Евстафій Воловичъ сохранилъ за собою и урядъ господарскаго писаря, въ 1566 году получилъ должность подканцлера, а черезъ тринадцать лѣтъ былъ возведенъ королемъ Стефаномъ на должность канцлера. Въ 1569 году Евстафій Воловичъ получилъ урядъ Троцкаго каштеляна, а въ 1579 году перемѣщенъ на должность каштеляна Виленскаго[2]). Служебная карьера Евстафія Воловича можетъ быть названа блестящею, и ею онъ, не принадлежавшій къ Литовской знати, могъ быть обязанъ только своимъ личнымъ дарованіямъ и трудоспособности. Эти качества были безусловно необходимы для того, чтобы, начавъ службу воеводскимъ писаремъ и подстаростою, закончить ее на высшихъ сенаторскихъ урядахъ „пановъ-радъ старшихъ", къ составу которыхъ принадлежали каштеляны Троцкій и Виленскій.

Съ выдающимся опытомъ государственной службы и дѣятельности Евстафій Воловичъ, видимо, соединялъ и большое обаяніе своей личности. Его современникъ, Станиславъ Сарницкій, характеризуетъ его какъ человѣка исключительныхъ достоинствъ и громаднаго ума, говоритъ о любви и почитаніи, съ которыми къ нему относились въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и прибавляетъ, что, никогда не бывавъ ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни во Франціи, онъ вызывалъ почтительное удивленіе у иностранцевъ, видѣвшихъ его при королевскомъ дворѣ[3]). Съ этимъ свидѣтельствомъ лично знавшаго

---

[1]) A. Boniecki, op. cit., str. 384.

[2]) J. Wolff, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit., str. 268, 161, 64, 80.

[3]) „Summae nunc autoritatis est apud Vilnenses Eustachius Volouicz, non modo hoc nomine quod sit eorum Castellanus et Cancellarius, sed quod eum propter eximias virtutes et opinionem summae prudentiae in-

Евстафія Воловича современника совершенно расходится представленіе о немъ, имѣющееся въ новѣйшей польской литературѣ. Іосифъ Бѣлинскій, разсказывая о томъ, какъ онъ, отказывая королю Стефану въ требуемомъ имъ приложеніи государственной печати Литвы къ привилею объ учрежденіи Виленской Академіи, заявилъ, что не понимаетъ латинской рѣчи короля, приводитъ это заявленіе Воловича какъ доказательство некультурности Литвы и отсутствія въ ней просвѣщенія [1]). Но, если мы обратимся къ источнику, на основаніи котораго І. Бѣлинскій такъ характеризуетъ и Воловича, и состояніе просвѣщенія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, то должны будемъ признать выводъ, изъ него сдѣланный, недостаточно продуманнымъ. Источникомъ этимъ является разсказъ Соликовскаго о происхожденіи привилея на открытіе въ Вильнѣ Академіи Общества Іисуса. Виленскій епископъ Валеріанъ просилъ короля Стефана черезъ Соликовскаго и бывшаго въ то время уже ревностнымъ католикомъ Яна Еронимовича Ходкевича объ учрежденіи этой Академіи. Король поручилъ составить текстъ учреждающаго ее привилея Соликовскому. Когда привилей былъ изготовленъ, онъ приказалъ тому же Соликовскому развѣдать у канцлера Н. Ю. Радивила, согласится ли онъ приложить къ привилею Литовскую государственную печать. Радивилъ отвѣтилъ, что ему нужно объ этомъ посовѣтоваться съ радными панами Великаго Княжества Литовскаго и, если они дадутъ свое согласіе, онъ не будетъ чинить затрудненій. Но сенаторы Литвы просили короля, чтобы онъ не настаивалъ на своемъ желаніи. Однако Баторій стоялъ на своемъ и послалъ за подканцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ писаря Ясенскаго. Дальше Соликов-

---

star patris patriae amant et colunt. Non vidit ille Germaniam, nec vnquam aspexit Italiam Galliamue, sed tamen et Germani, et Itali, et qui modo veniunt in aulam Regiam, habent in eo quod mirentur et suspiciant". Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova, adiecta est vera et exqvisita Russiae inferioris descriptio, ivxta revisionem commissariorum regiorum, et Livoniae iuxta odoporicon exercitvs Polonici redeuntis ex Moschovia. Въ изданіи 1712 года, въ приложеніяхъ къ хроникѣ Длугоша, ст. 1926 (Joannis Dlvgossi sev Longini canonici qvondam Cracoviensis Historiae Polonicae liber XIII et vltimvs. . . . . . Tomus secundus. Lipsiae. Anno MDCCXII).

[1]) Józef Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. I, str. 26.

скій продолжаетъ: „qui cum venisset, et linguae Latinae ignarus esset, dixit illi Rex per Jasienium, ut Privilegia a se Academiae Vilnensi data, sigillaret, ipso haerente ac ambigente, et quasi ad alios provocante“ [1]). Евстафій Воловичъ, конечно принимавшій участіе въ совѣщаніи Литовскихъ сенаторовъ, устроенномъ Радивиломъ по поводу этого привилея, очевидно, не ожидалъ вызова къ королю по дѣлу Виленской Академіи и былъ застигнутъ имъ врасплохъ. Какъ подканцлеръ, онъ не могъ не явиться къ Стефану Баторію. Но для него было крайне затруднительно исполнить королевскую волю. Будучи кальвинистомъ, онъ не могъ сочувствовать расширенію вліянія Общества Іисуса въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Какъ подканцлеръ, онъ не считалъ для себя возможнымъ дѣйствовать въ разрѣзъ съ желаніями канцлера. Не могъ онъ не считаться и съ рѣшеніемъ пановъ-рады Литвы, которые признали нежелательнымъ привилей, на выдачѣ котораго настаивалъ Стефанъ Баторій. Самъ Соликовскій говоритъ, что Воловичъ всѣми силами старался уклониться отъ приложенія къ привилею государственной печати. Король Стефанъ принудилъ подканцлера исполнить монаршую волю. Но Евстафій Воловичъ сдѣлалъ все, чтобы отъ исполненія ея уклониться. Ссылка на незнаніе латинскаго языка и должна была явиться однимъ изъ основаній для этого уклоненія. Негодуя на Воловича за его противодѣйствіе учрежденію Виленской Академіи, для котораго работалъ Соликовскій, онъ отговорку, придуманную Воловичемъ, и представилъ какъ доказательство его необразованности. Еслибы Евстафій Воловичъ дѣйствительно не зналъ латинскаго языка, то, конечно, король Стефанъ не могъ бы его назначить въ томъ же 1579 году Литовскимъ канцлеромъ, съ которымъ онъ долженъ былъ имѣть постоянныя сношенія по дѣламъ верховнаго управленія Великаго Княжества Литовскаго, объясняясь со

---

[1]) Joannis Demetrii Solikovii Archiepiscopi Leopoliensis, Commentarivs brevis rervm polonicarvm a morte Sigismvndi Avgvsti, Poloniae Regis anno MDLXXII mense Julio Knisini mortui (Dantisci, 1647), p. 125. То же въ польскомъ переводѣ — Jana Dymitra Solikowskiego arcybiskupa Lwowskiego, Krótki Pamiętnik rzeczy polskich od zgonu Zygmunta Augusta, zmarłego w Knyszynie 1572 r. w miesiącu lipcu, do r. 1590 (przełożył z łacińskiego i życiorysem autora poprzedził Władysław Syrokomla. Petersburg i Mohylew, 1855), str. 55.

своими сотрудниками въ Литвѣ и Польшѣ именно на латинскомъ языкѣ.

Что касается отношенія Евстафія Воловича къ польской идеѣ Уніи, то оно было рѣзко отрицательнымъ. За свою энергичную защиту правъ государства Литвы на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года онъ подвергся даже оскорбительнымъ выходкамъ со стороны поляковъ[1]). Когда Сигизмундъ Августъ въ іюнѣ 1569 года освободился отъ полнаго подчиненія требованіямъ Польши, которому онъ подпалъ въ первые мѣсяцы дѣятельности Люблинскаго сейма, онъ на этомъ сеймѣ 20 іюня 1569 года назначилъ Евстафія Воловича Троцкимъ каштеляномъ, съ сохраненіемъ за нимъ должности подканцлера, и въ выданномъ ему тогда привилеѣ мотивировалъ это сохраненіе такъ: „procancellariatum autem paenes eum relinquentes, quemadmodum et praesentibus relinquimus, nihil obstare existimantes, quo minus idem vtroque isto munere, videlicet et dignitate castellanatus et officio vicecancellariatus, commode fungi ac iis recte praeesse possit, volentes vt integro eo et imminuto ac in eodem robore et vigore, quo antea permanente, iuxta litterarum et priuilegii super hoc vicecancellariatus officium a nobis datum et concessum tenorem, prout huc vsque vsus est, deinceps quoque vtatur“ [2]).

Въ годы, наступившіе послѣ заключенія Люблинской Уніи, Евстафій Воловичъ участвовалъ во всѣхъ выступленіяхъ Литвы противъ Польши въ защиту правъ государства Великаго Княжества Литовскаго въ его федеративномъ соединеніи съ Польскою Короною, какъ ихъ закрѣплялъ литовскій проектъ Уніи, представленный въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ. Конечно, Воловичъ былъ въ первыхъ рядахъ тѣхъ политическихъ дѣятелей Великаго Княжества Литовскаго, которые именно на основѣ этого проекта стремились построить соединенную Польско-Литовскую Речь Посполитую, совершенно отбросивъ польскую идею Уніи, нашедшую свое отраженіе въ ея договорѣ, хотя и разрушенную въ немъ же признаніемъ правъ государства за Литвою. И какъ разъ Евстафію Воловичу принадлежало главное и постоянное руководствованіе работами государственной канцеляріи Литвы надъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ. Во все время этихъ работъ онъ занималъ „печатарскій“ урядъ

---

1) Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 172—175.

2) Литовская Метрика, Лит. Публ. Дѣлъ книга 8, л. 61.

Великаго Княжества Литовскаго, въ началѣ ихъ — подканцлера, а съ 1579 года канцлера.

Послѣ перехода Евстафія Воловича на канцлерскій урядъ, подканцлеромъ былъ назначенъ Криштофъ Николаевичъ Радивилъ, князь на Дубинкахъ и Биржахъ, одновременно бывшій каштеляномъ Троцкимъ и польнымъ гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго. Сынъ Виленскаго воеводы Н. Ю. Радивила, занимавшаго должность канцлера до 1579 года, князь Криштофъ не могъ особенно дорожить подканцлерствомъ. Его происхожденіе и принадлежность къ роду, стсявшему тогда на первомъ мѣстѣ въ рядахъ Литовской аристократіи, открывали ему доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и пребываніе его на урядѣ подканцлера не могло быть продолжительнымъ. Сверхъ того, и обязанности польнаго гетмана Литвы, т. е. командующаго ея наемными войсками, не могли оставлять ему достаточно времени для серьезной работы по Литовской государственной канцеляріи. Но во всякомъ случаѣ въ своемъ отношеніи къ Люблинской Уніи Криштофъ Радивилъ не расходился со своимъ отцомъ и съ Евстафіемъ Воловичемъ. Въ 1584 году онъ покинулъ урядъ подканцлера, назначенный на должность Виленскаго воеводы, ставшую вакантною со смертью его отца. Послѣ его „ресигнаціи" урядъ подканцлера не былъ замѣщенъ около трехъ мѣсяцевъ. 2 февраля 1585 года на него былъ назначенъ Левъ Ивановичъ Сапѣга.

„Печатарямъ" принадлежала руководящая роль въ работахъ надъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ, поскольку онѣ велись въ государственной канцеляріи. Но, конечно, ближайшимъ образомъ ее вели ея писари. Вотъ списокъ ихъ за время составленія Третьяго Статута: Николай Павловичъ Нарушевичъ (1566-1575), Андрей Ивановичъ Обрынскій (1569-1589), Михаилъ Богдановичъ Гарабурда (1566-1585), Матвѣй Савицкій (1566-1581), Василій Древинскій (1566-1576), Лавринъ Война (1566-1580), Венцлавъ Агриппа (1576-1586), Николай Ясенскій (1576-1584), Левъ Ивановичъ Сапѣга (1581-1585). Изъ этого состава господарскихъ писарей два, а именно Нарушевичъ и Война, соединяли съ писарствомъ урядъ подскарбія — первый земскаго, а второй сначала дворнаго, а затѣмъ земскаго[1]). Дру-

[1]) J. Wolff, op. cit., str. 186, 191.

гіе писари занимали одновременно и иныя должности[1]). Посылались нѣкоторые изъ нихъ и на повѣтовые сеймики въ качествѣ господарскихъ пословъ. Такъ, Агриппа былъ посломъ на Виленскій сеймикъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года[2]), Древинскій — на Луцкій сеймикъ 1577 года[3]). Объ образованіи всѣхъ господарскихъ писарей этого времени намъ не удалось собрать свѣдѣній. Но относительно Агриппы и Древинскаго эти свѣдѣнія находятся въ нашемъ распоряженіи. Въ 1545 году Венцеславъ Агриппа былъ вписанъ въ матрикулы Лейпцигскаго Университета, въ 1548 году — въ матрикулы Университета Краковскаго, въ 1552 году — Виттенбергскаго[4]). Агриппа не былъ чуждъ и литературной дѣятельности. Библіографіи извѣстно его произведеніе, напечатанное въ 1553 году[5]). Василій Древинскій также получилъ университетское образованіе. Въ 1549 году онъ поступилъ въ составъ студентовъ Краковскаго Университета, въ 1554 году записался въ матрикулы Университета Виттенбергскаго[6]). Агриппа обозначалъ себя при записи своего имени въ университетскіе матрикулы какъ „lituanus", Древинскій какъ „rutenus". Возможно, что со временемъ найдутся указанія на университетское образованіе и нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ состава Литовскихъ господарскихъ писарей времени составленія Третьяго Литовскаго Статута.

Съ 1581 года писаремъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго былъ и Левъ Ивановичъ Сапѣга. Старое представленіе, будто бы родъ Сапѣгъ ведетъ свое происхожденіе отъ Наримунта и Сунигайла, какъ доказано къ настоящему времени, является ошибочнымъ и представляетъ собою попытку генеалогическаго возвышенія этого рода, когда онъ уже получилъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ одно

---

1) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I — указатель личный.

2) И. И. Лаппо, Л.-Р. повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 117.

3) Тамъ же, стр. 86.

4) Die Matrikel der Universität Leipzig (herausgegeben von Georg Erler (Codex Dipl. Saxoniae Regiae, XVIII), dritter Band (Leipzig, 1902), S. 946; Album Stud. Univ. Cracoviensis, II, p. 334; Album Academiae Vitebergensis, I, p. 274.

5) Agrippa Wac., Orat. fun. de J. Radziv. vita. — Dr. Karl Estreicher, Polnische Bibliographie des XV—XVII Jahrhunderts (Krakau, 1883), S. 41.

6) Album St. Un. Cr., II, p. 339; Album Ac. Vit., I, p. 288.

изъ первыхъ мѣстъ по своему значенію. Въ дѣйствительности Сапѣги происходили изъ Смоленской земли, т. е. изъ пограничья съ Московскимъ государствомъ[1]). Пограничье это страдало отъ войнъ между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Москвою. Его землевладѣльцы колебались нерѣдко въ своихъ рѣшеніяхъ связать свою судьбу съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ государствъ. Сапѣги оставались постоянно вѣрными великимъ князьямъ Литовскимъ и за утрату своихъ имѣній въ Смоленскомъ краю, съ переходомъ его въ составъ Московскаго государства, были вознаграждены пожалованіемъ имѣній въ другихъ частяхъ Великаго Княжества Литовскаго. Родъ Сапѣгъ принадлежалъ къ некрупнымъ панскимъ фамиліямъ государства Литвы. Только самъ „великій Левъ", какъ позднѣе называли Льва Ивановича Сапѣгу, поставилъ Сапѣгъ въ первые ряды Литовской знати. Въ началѣ его государственной службы Сапѣги были очень далеки по значенію своего рода отъ Радивиловъ, Ходкевичей, Глѣбовичей ближайшаго послѣ Люблинской Уніи времени, отъ Гаштольдовъ и Кезгайловъ эпохи болѣе ранней. Въ составъ „пановъ-радъ старшихъ" Сапѣги до Льва Ивановича не назначались, да и онъ самъ только за десять лѣтъ до конца своей достаточно долгой жизни занялъ мѣсто на этой „лавицѣ", получивъ въ 1623 году назначеніе на урядъ Виленскаго воеводы. Въ годы между Люблинскою Уніею и смертью короля Стефана лишь двое изъ Сапѣгъ занимали воеводскіе уряды, а именно Павелъ Ивановичъ (воевода Новгородскій 1558-1579) и Николай Павловичъ (воевода Минскій 1576-1588), да одинъ, Богданъ Павловичъ, былъ каштеляномъ Берестейскимъ (1580-1585), а затѣмъ Смоленскимъ (1585-1588)[2]). Своимъ возвышеніемъ Левъ Сапѣга былъ обязанъ исключительно своимъ личнымъ дарованіямъ, а отнюдь не значенію своего рода въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Родился Левъ Сапѣга 4 апрѣля 1557 года. Новѣйшій историкъ рода Сапѣгъ, отмѣчая, что родители его были право-

---

[1]) Sapiehowie. Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe, wydane nakładem rodziny. T. I (Petersburg, 1890), str. V. Cp. A. Boniecki, Poczet rodów w W. Ks. Lit., str. 300. См. также A. Šapoka, Leonas Sapiega kaip Lietuvos politikas (Židinys, 1933, X), 275 psl.

[2]) См. И. И. Лаппо, Вел. Кн. Литовское, т. I, стр. 671 и 672 (прим. 4 и 5).

славными, признаетъ и его крещенымъ по православному обряду[1]). Поэтому надобно думать, что первоначальное обученіе его велось „наукою рускою“, какъ тогда выражались[2]). Но въ родѣ Сапѣгъ уже давно стало обычнымъ дальнѣйшее обученіе въ заграничныхъ университетахъ. Цѣлый рядъ членовъ этого рода вписалъ свои имена въ матрикулы различныхъ университетовъ Европы[3]). Отправился за научнымъ образованіемъ заграницу и Левъ Ивановичъ Сапѣга, будучи еще мальчикомъ-подросткомъ. Въ зимнемъ семестрѣ 1570 года его имя было вписано въ матрикулы Лейпцигскаго Университета[4]), т. е. онъ сталъ его схоляромъ тринадцати лѣтъ отъ роду. Въ виду того, что свою службу въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Левъ Сапѣга началъ уже въ годы царствованія Стефана Баторія, естественно предполагать достаточно продолжительное пребываніе его въ Лейпцигскомъ, а возможно, и въ другихъ заграничныхъ университетахъ[5]). То, что дошло до насъ изъ написаннаго имъ, указываетъ на обладаніе имъ очень хорошимъ образованіемъ университетскаго происхожденія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Левъ Сапѣга поступилъ въ 1570 году на „artium“, т. е. философскій, факультетъ Лейпцигскаго Университета. Тринадцатилѣтній мальчикъ, конечно, не могъ быть студентомъ одного изъ высшихъ факультетовъ, не имѣя для нихъ достаточной подготовки. Мы считаемъ, однако, вполнѣ возможнымъ, что послѣ окончанія этого низшаго факультета, Сапѣга затѣмъ слушалъ лекціи и на факультетѣ высшемъ, всего вѣроятнѣе юридическомъ. Его произведенія, изданныя имъ

---

[1]) Sapiehowie, t. I, str. 148.

[2]) См. выше, стр. 422.

[3]) Такъ, напримѣръ, въ Краковскомъ Университетѣ: 1502 — Petrus et Paulus filii Johannis Sopyeha, 1542 — Michael Johannis Sopia de Litvania Vilnensis (Das älteste Matrikel-Buch, S. 68; Album, II, p.p. 74, 310); въ Кенигсбергскомъ: 1547 — Nicolaus Sophia Lituanus, Johannes Sophia Lituanus, 1548 — Jacobus Sapia Rutenus Nobilis (Die Matrikel der Albertus-Universität, I, S.S. 7, 9); въ Лейпцигскомъ: 1552 — Sapia Jac. Lituan, 1567 — Sapia Greg. Lituan. (Die Matrikel der Univ. Leipzig, III, S.S. 505, 743; Die jüng. Matrikel, I, S. 386).

[4]) Sapia Leo — Die jüngere Matrikel der Universität Leipzig, I, S. 386.

[5]) Въ своемъ завѣщаніи онъ такъ писалъ о себѣ: „będąc w młodości mojey w skołach Niemieckich, heretyckich wychowany“ (Sapiehowie, t. I, str. 400). Возможно, что въ этихъ словахъ имѣемъ указаніе на обученіе Льва Сапѣги не въ одномъ только Лейпцигскомъ Университетѣ.

при Третьемъ Литовскомъ Статутѣ, позволяютъ предполагать у него и наличность теоретической научной подготовки юриста того времени.

Возникшій въ 1409 году, Лейпцигскій Университетъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ германскихъ университетовъ. Введеніе реформаціи въ Саксоніи и связанная съ нимъ секуляризація церковныхъ имѣній открыли возможность лучше обставить этотъ Университетъ и въ матеріальномъ отношеніи, и въ отношеніи болѣе свободнаго приглашенія ученыхъ на его профессорскія каѳедры[1]). Когда Левъ Сапѣга вступалъ въ стѣны Лейпцигскаго Университета, въ немъ и во всей Германіи гремѣло имя знаменитаго филолога Іоахима Камераріуса, скончавшагося въ 1574 году. Его имя ставилось по значенію въ наукѣ рядомъ съ именемъ Меланхтона, и его въ Лейпцигскомъ Университетѣ именовали „totius Germaniae lumen et scholae nostrae firmissima columna“[2]). Надо думать, что этотъ великій ученый въ области классической филологіи своего времени оказалъ вліяніе и на юнаго Льва Сапѣгу. Въ годы управленія Саксоніей курфюрста Августа, когда Сапѣга учился въ Лейпцигскомъ Университетѣ, въ немъ проводилось очищеніе его отъ „криптокальвинистовъ“. Курфюрстъ Августъ былъ сторонникомъ ортодоксальнаго лютеранства. Но позволительно думать, что вліяніе „криптокальвинистовъ“ не такъ легко было изгнать изъ Университета. Какъ бы то ни было, вліянію ихъ или вліянію профессоровъ-лютеранъ, а можетъ быть, и общимъ впечатлѣніямъ тогдашней религіозной жизни Германіи нужно приписать разрывъ Льва Сапѣги съ религіею своихъ отцовъ и переходъ въ „разновѣріе“. Много позднѣе, уже въ началѣ, царствованія Сигизмунда III-го, онъ перешелъ въ католичество, т. е. въ концѣ концовъ продѣлалъ тотъ же путь, которымъ прошло весьма значительное число православныхъ пановъ и шляхты Великаго Княжества Литовскаго той эпохи отъ

---

[1]) О преобразованіи Лейпцигскаго Университета послѣ смерти герцога Георга (1539 г.) см. Die Universität Leipzig 1409—1909 (Gedenkblätter zum 30 Juli 1909), S. 9. Ср. также Dr. Friedrich Paulsen, Geschichte des Gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten, I Band (Leipzig, 1896), S. 231.

[2]) Ernst Kroker, Joachim Camerarius. Die Un. Leipzig 1409—1909, S.S. 45—57.

православія къ католичеству черезъ посредствующую ступень „разновѣрія“.

Мы уже отмѣтили выше, что въ родѣ Сапѣгъ преданность и вѣрность Великому Княжеству Литовскому была испытанною и постоянною. И Левъ Сапѣга впиталъ ее въ себя съ дѣтства. Въ годы своего отрочества онъ пережилъ заключеніе Люблинской Уніи, и обсужденіе ея въ горячихъ бесѣдахъ его старшихъ современниковъ не могло не оставить въ немъ слѣда на всю его жизнь. Недовольство Уніею въ Литвѣ громко и болѣзненно звучало и въ годы его юности. Задача защиты и закрѣпленія государственныхъ правъ Великаго Княжества Литовскаго, которую тогда поставилъ себѣ его шляхетскій „народъ“, была усвоена и Львомъ Сапѣгою. Она на всю его жизнь сдѣлалась его главною цѣлью, для которой онъ работалъ и которой служилъ, сколько могъ и умѣлъ, вплоть до самой своей смерти. Эта неуклонная вѣрность Льва Сапѣги государству своей родины вызвала порицаніе въ части новѣйшей польской литературы. Издатель части переписки Льва Сапѣги, Августъ Соколовскій, объявилъ его „typem magnata-dcrobkowicza, przypominającym pokrewną sobie w Koronie postać Zbigniewa Ossolińskiego, Wdy Podlaskiego“. Сапѣгѣ онъ предъявляетъ такое обвиненіе: „posuwa on prowincyonalizm swój tak daleko, że nie wahałby się przy wydaniu statutu opuścić przywileje, które Litwinom nie były na rękę“ [1]). Такой узко націоналистическій польскій подходъ осудилъ уже Антоній Прохаска. Онъ выразился о написанномъ Соколовскимъ — „jak się dorywczo wyrażono“ [2]), а Льва Сапѣгу характеризовалъ какъ историческаго дѣятеля высокихъ личныхъ качествъ, стоящаго всегда на стражѣ правъ Литвы, ставящаго ея интересы выше своихъ личныхъ, истиннаго выразителя тогдашняго отношенія Великаго Княжества Литовскаго къ соединенной съ нимъ Уніею Польшѣ [3]). Къ настоящему времени въ спеціальной литературѣ

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, tomus VIII (Cracoviae, 1885) p.p. III—IV.

[2]) Archivum domus Sapiehanae, tomus I (Lwów, 1892), p. XXI.

[3]) „Zwracając uwagę na fragmentaryczny ten materyał ze względu na rodzinę możną Litewską, nie może nie uderzyć, nie zastanowić poważna postać ówczesnej głowy rodziny, Lwa Sapiehy, będącego pod wielu względami żywym obrazem ówczesnej Litwy, zwłaszcza w jej stosunkach do związanej z nią węzłami unii Korony...... rzecznik interesów swego kraju,

установился прочно взглядъ на Льва Сапѣгу какъ на энергичнаго и постояннаго защитника литовскаго „сепаратизма“ или „партикуляризма“ [1]). Мы не считали бы эти слова вполнѣ соотвѣтствующими въ приложеніи къ Сапѣгѣ, какъ дѣятелю государства Литвы. Употребляющіе эти выраженія смотрятъ на Льва Сапѣгу съ точки зрѣнія исторіи Польши или соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Въ исторіи Великаго Княжества Литовскаго онъ долженъ разсматриваться какъ дѣятель именно его и какъ стражъ и постоянный защитникъ правъ и интересовъ именно этого государства отъ покушеній на нихъ со стороны Польши. Поэтому мы признали бы болѣе правильною характеристику Льва Сапѣги, какъ дѣятеля, данную въ 1893 году С. Л. Пташицкимъ: „въ своихъ письмахъ, во всемъ и вездѣ, Сапѣга стоитъ на стражѣ литовскихъ интересовъ, и если не разъ ратуетъ за общность дѣйствія Польши и Литвы, то еще больше заботится о сохраненіи мѣстныхъ литовскихъ правъ“ [2]).

По возвращеніи изъ-заграницы Левъ Сапѣга поступилъ на службу при дворѣ короля Стефана въ качествѣ „дворянина“, т. е. исполнителя различныхъ порученій, которыя давались дворянамъ Великаго Княжества Литовскаго его высшими урядниками. Самъ Сапѣга въ одномъ изъ своихъ писемъ вспоминаетъ о внесеніи его въ свой „реестръ“ Литовскимъ подстоліемъ [3]). Совершенно забытый въ настоящее время историкъ дома Сапѣгъ, писавшій въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII вѣка, іезуитъ Антоній Алоизій Миштолтъ, разсказываетъ, что король Стефанъ очень скоро отмѣтилъ дарованія Льва Сапѣги, сказавъ о немъ: „iste adolescens evadet in magnum virum in Re-

broni on partykularyzmu Litwy na każdym kroku, przy każdej sposobności, zawsze z powodów zasadniczych, konsekwentnie, z energią,....“ Ibidem, p. XX.

1) См., напримѣръ, предыдущее наше примѣчаніе. Примѣромъ употребленія въ данномъ случаѣ выраженія „сепаратизмъ“ могутъ служить хотя бы слѣдующія слова В. В. Качановскаго: „сильнымъ защитникомъ литовскаго сепаратизма въ томъ же вѣкѣ былъ и литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга“. Журналъ Мин. Нар. Пр., 1900, XI, стр. 245 (рецензія работы П. Симсона, Westpreussens und Danzigs Kampf gegen die polnischen Unionsbestrebungen ....).

2) Переписка литовскаго канцлера Льва Ивановича Сапѣги (Журн. Мин. Нар. Пр., 1893, I), стр. 196.

3) Archivum Domus Sapiehanae, tomus I, p. 3.

publica"[1]). Миштолтъ тутъ ссылается на надгробную рѣчь iезуита Себастiана Лаищевскаго, произнесенную при погребенiи Льва Сапѣги и затѣмъ напечатанную. Были ли дѣйствительно сказаны эти слова королемъ Стефаномъ или нѣтъ, но въ томъ, что онъ очень скоро выдѣлилъ Сапѣгу изъ рядовъ Литовскихъ дворянъ, сомнѣнiй быть не можетъ. Въ 1580 году Стефанъ Баторiй сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ секретарей, а въ 1581 году назначилъ Литовскимъ господарскимъ писаремъ[2]). Во время Московской войны Левъ Сапѣга выдѣлился и какъ храбрый и умѣлый второстепенный военачальникъ[3]). Въ 1582 году онъ былъ маршалкомъ посольской избы „спольнаго" Варшавскаго сейма, а кандидаты на сеймовое маршалковство обыкновенно намѣчались еще до сеймовъ путемъ переговоровъ наиболѣе влiятельныхъ въ государствѣ лицъ съ королемъ. Когда alternata, обычная на каждый третiй сеймъ Речи Посполитой, падала на Великое Княжество Литовское, его канцлеръ и другiе радные паны договаривались о томъ или другомъ подходящемъ лицѣ съ монархомъ[4]). Такимъ образомъ, въ 1582 году Левъ Сапѣга, имѣвшiй тогда только двадцать пять лѣтъ отъ роду, очевидно, уже пользовался не только довѣрiемъ короля Стефана, но и достаточнымъ авторитетомъ въ правящихъ кругахъ Великаго Княжества Литовскаго[5]). Въ

---

[1]) Historia Illustrissimae Domus Sapiehanae ab origine et antiquitate sua genealogico syllabo per gloriosos heroum ejusdem ac connexarum familiarum progressus in praesens saeculum deducta. Authore R. P. Antonio Aloysio Misztołt Societatis Jesv AA. LL. et Philosophiae Doctore, in Alma Academia et Universitate Vilnensi Soc: Jesv Ordinario Metaphysices et Ethices Professore, nec non Philosophicae Facultatis Seniore. Vilnae. Typis Universitatis Societatis Jesu. Anno Domini 1724. P. 22.

[2]) J. Wolff, Sen. i dygn. W. Ks. Lit., str. 271.

[3]) A. A. Misztołt, op. cit., p. 23.

[4]) Литовскiй канцлеръ Альбрехтъ Станиславъ Радивилъ такъ разсказываетъ о подготовкѣ избранiя маршалка посольской избы сейма 1639 года: „gdy król w Wilnie rezydował, ja uważając przypadającą na Litwę alternatę marszałkowstwa sejmowego, z szczerego affektu ku ojczyznie, której nigdy prywatą moją nie chciałem mięszać, godną do téj funkcyi osobę proponowałem królowi, to jest Zawiszę, pisarza w. kstwa lit., na którego i król i inni nakłaniali się, już to dla zacności familii, już dla doświadczonéj jego w rzeczach publicznych eksperiencyi i sposobności". Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła, kanclerza w. Litewskiego, tom I (Poznań, 1839), str. 418.

[5]) Объ его дѣятельности въ положенiи сеймоваго маршалка говоритъ и дневникъ Варшавскаго сейма 1582 года — Scriptores Rer. Pol., XVIII, p.p. 261, 335.

1584 году на Льва Сапѣгу было возложено Стефаномъ Баторіемъ посольство въ Москву. 2 февраля 1585 года, т. е. не имѣя полныхъ двадцати восьми лѣтъ, онъ получилъ младшій „печатарскій“ урядъ Великаго Княжества Литовскаго[1]), будучи назначенъ его подканцлеромъ, вошелъ черезъ это назначеніе въ составъ пановъ-рады государства Литвы и всталъ рядомъ съ канцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ во главѣ Литовской государственной канцеляріи.

И въ должности господарскаго писаря, и въ должности Литовскаго подканцлера Левъ Сапѣга долженъ былъ принимать участіе въ работахъ государственной канцеляріи Литвы надъ Третьимъ Литовскимъ Статутомъ. Но каково было его личное въ нихъ участіе? Въ концѣ XVIII столѣтія въ исторической литературѣ было высказано утвержденіе, что Третій Литовскій Статутъ — „дѣло Льва Сапѣги“. Это утвержденіе принадлежитъ ксендзу-историку Казимиру Когновицкому и было имъ опубликовано въ первомъ томѣ его труда о Сапѣгахъ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1790 году[2]). Біографія Льва Сапѣги, написанная Когновицкимъ, была трижды переиздана въ XIX столѣтии[3]), получила большое распространеніе и оказала весьма замѣтное вліяніе на представленія и историковъ, и достаточно широкихъ круговъ читателей о составленіи Третьяго Литовскаго Статута. Авторъ этой біографіи внушалъ къ себѣ большое довѣріе. Докторъ философіи и свободныхъ наукъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью какъ проповѣдникъ, подъ вліяніемъ историческихъ трудовъ такъ много сдѣлавшаго для польской исторической науки епископа Адама Нарушевича занявшійся собираніемъ историческихъ матеріаловъ, производившій для исторіи Сапѣгъ разысканія источниковъ въ фамильныхъ архивахъ, Когновицкій[4]) могъ почитаться вполнѣ

---

[1]) Привилей Льву Сапѣгѣ на подканцлерство — Лит. Метрика, Записей Лит. книга 70, л.л. 181 — 181 об.

[2]) Życia Sapiehow y listy od monarchow, książąt, i rożnych panujących do tychże pisane, tom I (w Wilnie, 1790), str. 38.

[3]) Życia sławnych polaków, tom I, edycya Tadeusza Mostowskiego (w Warszawie, 1805), str. 147—496. Życia sławnych polaków, wydanie nowe Jana Nep. Bobrowicza, tom IV (w Lipsku, 1837), str. 59—317. Żywot Lwa Sapiehy, wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego (Sanok, 1855).

[4]) См. о немъ Juljan Bartoszewicz, Historja literatury polskiej potocznym sposobem opowiedziana (Warszawa, 1861), str. 450.

компетентнымъ въ вопросахъ, связанныхъ съ дѣятельностью членовъ Сапѣжинскаго рода. И Когновицкій все дѣло составленія Третьяго Литовскаго Статута приписалъ Льву Сапѣгѣ, „Литовскому Солону“, совершившему его съ помощью ученѣйшихъ людей изъ различныхъ европейскихъ „академій“[1]). Ксендзъ В. Скржетускій еще до Когновицкаго, въ 1782 году писалъ, что Сапѣга „poprawił“ Статутъ[2]). Но, конечно, не Скржетускій, а Когновицкій является создателемъ столь распространеннаго въ литературѣ утвержденія о составленіи Третьяго Литовскаго Статута Львомъ Сапѣгою. Младшій современникъ Когновицкаго, Томашъ Свѣнцкій (1774-1837), котораго трудъ былъ изданъ Ю. Бартошевичемъ только въ 1859 году, повторилъ утвержденіе Когновицкаго, немного лишь его перефразировавъ[3]). Но еще Тадеушъ Чацкій въ своемъ столь извѣстномъ трудѣ „O Litewskich i Polskich prawach“, вышедшемъ въ 1800-1801 годахъ, отвергъ признаніе Льва Сапѣги творцомъ Статута и приписалъ ему лишь роль переводчика этого кодекса съ русскаго на польскій языкъ[4]). Объ этой роли Сапѣги Чацкій писалъ и въ другомъ своемъ трудѣ „Obraz panowania Zygmunta Augusta“[5]). Такъ много въ первой половинѣ XIX

---

[1]) „Lew Sapieha, jak Litewski Solon.... Lwowi Sapiezie winno Księstwo Litewskie swój statut, korrekturę prawa i konstytucye, staraniem jego spisane, przez sprowadzonych umyślnie na to z różnych Akademijów Europejskich mężów najuczeńszych“. Op. cit., str. 38.

[2]) X. W. Skrzetuski S.P., Prawo polityczne narodu polskiego, tom I (Warszawa, 1782), str. 9.

[3]) Левъ Сапѣга „Statut Litewski od stanów przyjęty, w Wilnie 1588 r. z pomocą światłych mężów zebrał, uporządkował, ułożył i głosił“. Tomasza Święckiego Historyczne Pamiątki znamienitych rodzin i osób Dawnej Polski przejrzał w rękopiśmie, objaśnił i uzupełnił przypisami Juljan Bartoszewicz, tom II (Warszawa, 1859), str. 59. Сапѣгѣ приписывалъ Третій Статутъ и другой современникъ Когновицкаго, Фр. Сярчинскій — „Statut litewski...... po polsku i rusku wydany r. 1588 przez Lwa Sapiehę kancl. W. X. Lit. z błędów oczyszczony został“. Obraz wieku panowania Zygmunta III ..... przez X. Franciszka Siarczyńskiego, t. I (Poznań, 1843), str. 198—199. Изданіе этого труда вышло черезъ 14 лѣтъ послѣ смерти автора, жившаго 1758—1829 г.г.

[4]) „Lew Sapieha w przekładzie Statutu z ruskiego na polski język uczynił przysługę. Opinia bez wsparcia na dowodach, tłómacza podała za twórcę prawa“. Цитируемъ по изданію графа Э. Рачинскаго (Dzieła Tadeusza Czackiego, tom I. Poznań, 1844), str. 10. Ср. тамъ же, стр. 67.

[5]) Dzieła Tadeusza Czackiego, tom III (Poznań, 1845), str. 555—556.

столѣтія сдѣлавшій для изученія права Великаго Княжества Литовскаго И. Н. Даниловичъ полагалъ, что Левъ Сапѣга „былъ только главнымъ блюстителемъ надъ производствомъ труда, написалъ предисловія и подносилъ Статутъ королю на утвержденіе"[1]). Однако Іосифъ Ярошевичъ, уже послѣ Даниловича, признавалъ за Сапѣгою главную роль въ ряду трудившихся надъ Третьимъ Статутомъ, а также выдвигалъ его на „первое мѣсто между законодателями Литвы"[2]). Въ вышедшей въ 1850 году популярной книжкѣ о гетманахъ Польши и Литвы, изданной Жеготою Паули, говорилось, что Сапѣга, будучи „kanclerzem wielkim, na którym to urzędzie sławny statut litewski po rusku ułożył"[3]). Утвержденіе о томъ, что Третій Литовскій Статутъ является созданіемъ Льва Сапѣги, продолжало закрѣпляться въ литературѣ. Не станемъ утруждать читателя приведеніемъ другихъ авторовъ, приписывавшихъ составленіе этого кодекса исключительно или главнымъ образомъ Льву Сапѣгѣ. Отмѣтимъ лишь, что такое представленіе продолжаетъ сохраняться и въ настоящее время. Такъ, С. Л. Пташицкій въ 1928 году именовалъ Сапѣгу „творцомъ" Статута[4]), а въ 1933 году г. М. Шкелёнакъ писалъ: „толькі тады, як справа гэта была даручана Льву Сапезе, — праз два гады, пайменна ў 1588 г., статут быў гатовы. Леў Сапега вельмі добра справіўся з сваім заданьнем і ня толькі апрацаваў Статут, але і выдаў яго ўласным коштам і пад асабістым даглядам у 1588 г. ў Вільні"[5]).

---

1) Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты (Юридическія Записки, изд. Петромъ Рѣдкинымъ. Томъ первый. Москва, 1841), стр. 29.

2) „.... a tak widoczna, że od Sejmu lubelskiego wyznaczeni owi komissarze, i ci którzy z czasem miejsce ich zastąpili, przy obywatelskiéj gorliwości Lwa Sapiehy, któremu słusznie z tego względu piérwsze miejsce między prawodawcami Litwy naznaczyć możemy, przygotowaniem materjałów do ostatniéj Redakcji, nie napróżno się zajmowali". J. Jaroszewicz, Obraz Litwy, część II (Wilno, 1844), str. 144—145.

3) Żywoty hetmanów Królestwa Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego z materyałów po Samuelu Brodowskim w Podhorcach znalezionych wydał Żegota Pauli (Lwów, Stanisławów i Tarnów, 1850), str. 198.

4) Stanisław Ptaszycki, Nieco o Trzecim Statucie Litewskim i normach prawnych po nim na Litwie (Lwów, 1925. Odbitka z „Księgi Pomiątkowej ku czci Oswalda Balzera"), str. 5 (299).

5) М. Шкелёнак, У трохсотныя угодкі сьмерці вялікага канцлера Льва Сапегі (Вільня, 1933), стр. 9.

Такимъ образомъ, въ исторической литературѣ уже давно Третій Литовскій Статутъ связанъ со Львомъ Сапѣгою, но нельзя признать, чтобы сдѣланное имъ для созданія этого кодекса было установлено точно и опредѣленно. Отъ ограниченія дѣятельности его лишь простымъ переводомъ Статута съ русскаго на польскій языкъ до провозглашенія творцомъ цѣлаго этого кодекса — таковы предѣлы колебанія опредѣленій отношенія „великаго Льва" къ изготовленію Третьяго Литовскаго Статута. Такая широта возможностей опредѣленія роли Сапѣги въ выработкѣ Статута соединяется въ литературѣ съ отсутствіемъ конкретныхъ, фактическихъ обоснованій, которыми бы подтверждалось то или другое опредѣленіе. Это неизбѣжно заставляетъ поставить вопросъ: не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ традиціей, не создавшейся на основѣ дѣйствительныхъ фактовъ, а выросшей лишь изъ молвы, которая разукрасила имя Льва Сапѣги добавленіемъ наслоившихся на историческую дѣйствительность преданій объ его законодательной дѣятельности и сдѣлала это уже въ то время, когда имя „великаго Льва" было уже прославлено длиннымъ рядомъ другихъ его достославныхъ дѣяній? Искать опредѣленныхъ указаній на дѣйствительно сдѣланное Львомъ Сапѣгою для Третьяго Литовскаго Статута нужно, конечно, во-первыхъ, въ самомъ этомъ кодексѣ, во-вторыхъ — въ другихъ источникахъ, сохранившихся для изученія той эпохи, а особенно въ перепискѣ Сапѣги, и въ-третьихъ, въ возможно болѣе близкихъ къ его времени историческихъ трудахъ. Начнемъ съ послѣднихъ.

Нами уже были названы выше двѣ біографіи Льва Сапѣги, вышедшія въ свѣтъ въ XVIII столѣтіи, Мишголта и Когновицкаго. Первый изъ нихъ выпустилъ свой трудъ въ 1724 году, т. е. черезъ девяносто лѣтъ послѣ смерти Сапѣги, а второй — въ 1790 году, т. е. болѣе, чѣмъ полтораста лѣтъ спустя послѣ нея. Когновицкій объявлялъ Третій Литовскій Статутъ „дѣломъ" Льва Сапѣги, и именно этотъ авторъ явился создателемъ того утвержденія объ изготовленіи Сапѣгою Статута, которое повторяется, безъ всякаго фактическаго обоснованія, вплоть до настоящаго времени. Что касается Миштолта, то онъ даетъ только такое опредѣленіе участія Льва Сапѣги въ законодательныхъ работахъ Великаго Княжества Литовскаго до 1588 года: „plurimum laboravit in norma Judiciis, dictis Tribunalitiis, quae tunc a Stephano instituebantur recte ordinandis, praescri-

benda"[1]). Послѣ этихъ словъ у Миштолта сразу читается объ участіи Льва Сапѣги въ посольствѣ, отправленномъ станами Великаго Княжества Литовскаго къ только что коронованному Сигизмунду III-му, и лишь подъ 1611 годомъ авторъ упоминаетъ о томъ, что Сапѣга тогда былъ назначенъ „ad Correctionem Juris"[2]). А между тѣмъ Миштолтъ старался собрать все возможное для прославленія Льва Сапѣги. Какъ іезуитъ, онъ превозносилъ его за его переходъ изъ разновѣрія въ католичество, за обиліе сдѣланнаго имъ для католической церкви, а особенно для Общества Іисуса. Сынъ Льва Сапѣги Казимиръ Левъ обезпечилъ пожертвованными имъ средствами содержаніе юридическаго факультета Виленской Академіи, а Миштолтъ былъ ея профессоромъ. Этого мало. Миштолтъ знаетъ эпитафію на гробницѣ Льва Сапѣги въ Виленскомъ костелѣ Св. Михаила со словами: „Jura Magni Ducatus Litvaniae nescias gravius digesserit, an aequius servaverit"[3]). И, несмотря на все это, онъ не прославлялъ „великаго Льва" какъ составителя того Литовскаго Статута, который былъ такъ дорогъ Великому Княжеству Литовскому и который зналъ каждый его обыватель.

Переходя къ актовому матеріалу и перепискѣ, современнымъ Льву Сапѣгѣ и, особенно, работамъ надъ составленіемъ Третьяго Статута, приходится признать, что въ нихъ, поскольку они приведены въ извѣстность до настоящаго времени, нѣтъ никакихъ указаній на труды Сапѣги надъ выработкою этого кодекса. Но изданная въ печати переписка его показываетъ, что едва ли и можно отъ писемъ ожидать указаній въ этомъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что письма, въ которыхъ находились сообщенія о дѣлахъ особенно важныхъ и опасныхъ для разглашенія, ихъ авторы просили своихъ корреспондентовъ уничтожать по прочтеніи[4]). Откровенная переписка о многихъ пред-

---

1) Ant. Al. Misztołt, op. cit., p. 24.

2) Ibidem, p. 25.

3) Ibidem, p. 36.

4) Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ 1586 года къ Виленскому воеводѣ Криштофу Радивилу Левъ Сапѣга говоритъ: „pisanie W Mci przeczytawszy oddałem ogniowi" (Archivum Domus Sapiehanae, I, p. 9). Правда, однако, что нѣкоторыя письма, объ уничтоженіи которыхъ просили ихъ авторы, и не были уничтожены. Такъ, имѣемъ изданнымъ письмо Льва Сапѣги къ тому же Криштофу Радивилу, въ которомъ находятся слова: „ten list mój proszę aby nie długo był na świecie i żeby go nikt nie widział" (Scriptores Rer. Pol., VIII, p. 194).

метахъ представлялась опасною. А Третій Литовскій Статутъ вырабатывался съ нарушеніемъ директивъ и постановленій сейма Уніи 1569 года, съ воздѣйствіями Литвы на Стефана Баторія въ направленіи, противъ котораго должна была самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться Польша, и, при такомъ положеніи дѣла, письма о ходѣ работъ надъ нимъ, выходившія изъ подъ пера Литовскаго писаря, а затѣмъ и подканцлера, подлежали уничтоженію ихъ адресатами, какъ въ интересахъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и въ интересахъ самихъ корреспондентовъ.

Но указанія на то, что сдѣлано было Львомъ Сапѣгою для Литовскаго Статута 1588 года, находятся въ изданіяхъ послѣдняго, въ тѣхъ приложеніяхъ къ его тексту, которыми эти изданія сопровождались. Вотъ что́ говоритъ самъ Левъ Сапѣга о составленіи Третьяго Литовскаго Статута въ своемъ посвященіи перваго его изданія королю Сигизмунду III-му: „Статутъ новый, а на многихъ местьцахъ отъ людей мудрыхъ а въ правахъ беглыхъ, з народу нашого на то обраныхъ, поправленый, на томъ першомъ въступку пкнованья своего рачилесь намъ потвердити“ [1]). Про сдѣланное имъ самимъ для Статута Сапѣга въ этомъ посвященіи говоритъ лишь слѣдующее: „а, ижемъ тую працу передъ себе взялъ, абымъ тотъ Статутъ въ друкъ подалъ, онъ же вашой королевской милости оѳярую, яко найвышшому сторожу всихъ правъ и вольностей нашихъ“. То же онъ признаетъ сдѣланнымъ имъ и въ своемъ обращеніи къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго, напечатанномъ при томъ же изданіи Статута: „потребе кождого обывателя ѳолькгуючы и пожитку речы посполитое служечы, важыломъ се того, тую працу на себе подъняти, а кошту и накладу своего не жалуючы, абыхъ то въ друкъ подалъ а дорогу лацнейшую и снаднейшую кождому ку ведомости права показалъ, кгды жъ то вжо въ рукахъ своихъ кождый, коли похочеть, мети можеть“ [2]). Такимъ

---

[1]) Посвященіе — „Наяснейшому пану, пану Жикгимонъту Третему, Божъю милостью королю Польскому, великому князю Литовъскому, Рускому, Прускому, Жомойтъскому, Мазовецъкому, Иѳлянтъскому и иныхъ, тою жъ Божъю милостью господарю и королю дедичному Шведъскому, Кготъскому, Ванъдальскому и великому княжати Финъляньдъскому, пану а пану, пану моему милостивому“.

[2]) „Всимъ вобецъ станомъ Великого Князства Литовъского Левъ Сапега, подъканъцлерый Великого Князства Литовъского, староста Слонимъ-

образомъ, самъ Левъ Сапѣга признаетъ за собою только одну заслугу, а именно напечатаніе Литовскаго Статута 1588 года. Составленіе же его онъ объявляетъ дѣломъ мудрости и знанія права многихъ лицъ, избранниковъ „народа" Великаго Княжества Литовскаго. Привилей Сигизмунда III-го отъ 28 января 1588 года, утверждающій Третій Литовскій Статутъ, говоритъ, что онъ „черезъ депутаты, отъ становъ Великого Князьства Литовского и на соймикохъ поветовыхъ на то обраныхъ и высажоныхъ, поправленый", и не отмѣчаетъ никакихъ особыхъ заслугъ Сапѣги въ этой „поправѣ". Другой напечатанный при изданіи Статута привилей Сигизмунда III-го, отъ 11 февраля 1588 года, предоставляя Льву Сапѣгѣ право печатанія этого кодекса, составленіе его приписываетъ такъ же, какъ и самъ Сапѣга, многимъ „людямъ мудрымъ а въ правахъ беглымъ" выражая это на латинскомъ языкѣ[1]). О самомъ Львѣ Сапѣгѣ этотъ привилей говоритъ слѣдующее: „Quandoquidem magnifici Leonis Sapiehae, Magni Ducatus Lithuaniae procancelarii, eximia in rebus virtus, dexteritas, vigilantia perspecta et comprobata nobis sit et maxime quod respublica ad custodiam legum libertatumque omnium suarum eundem locauerit, ideo prae caeteris eidem magnifico Leoni Sapiehae legum siue statutorum Magni Ducatus Lithuaniae idiomatibus Polonico et Ruthenico typis excudendi et in lucem edendi curam committendam esse duximus".

Такимъ образомъ, и привилеи Сигизмунда III-го, какъ дающій санкцію Третьему Статуту, такъ и предоставляющій Льву Сапѣгѣ право на его изданіе въ печати, ничего не говорятъ о составленіи Сапѣгою этого кодекса. Въ словахъ привилея 11 февраля, говорящихъ о томъ, что Левъ Сапѣга поставленъ „речью посполитою"[2]), т. е. Великимъ Княжествомъ

ский, Марьковъский и Мядельский, повольные и зычливые службы свои оферую" — такъ начинается это обращеніе.

[1]) „vt leges siue statuta Magni Ducatus Lithuaniae ex praedecessorum nostrorum, serenissimorum regum Poloniae mandato atque commissione quamplurimorum doctissimorum virorum iurisperitorum cura, studio, labore atque diligentia ad vnanimem consensum omnium statuum, ordinum tam spiritualium quam secularium, principum, baronum atque nobilium Ducatus illius conscripta habentur idiomate Polonico et Ruthenico imprimendum et excudendum curaremus, cum ex manu scriptis legibus iuris cognoscendi quaedam difficultas et perniciosa varietas saepenumero exoriretur".

[2]) Латинское выраженіе „res publica" соотвѣтствуетъ словамъ „речь посполитая" въ тогдашнемъ русскомъ языкѣ Великаго Княжества Литовскаго.

Литовскимъ, на охрану его законовъ и свободъ, нѣтъ ничего указывающаго на какія-либо лично ему предоставленныя особыя обязанности и функціи. Охранять законы, права и вольности Великаго Княжества Литовскаго — это функція и обязанность Литовскаго „печатарскаго уряда“, т. е. Литовскихъ канцлера и подканцлера, а Левъ Сапѣга въ это время одинъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ дѣятельность обоихъ „печатарей“, ибо былъ подканцлеромъ при незамѣщенномъ еще послѣ смерти Евстафія Воловича урядѣ канцлера. Въ виду всего этого, изъ документовъ, присоединенныхъ къ тексту Литовскаго Статута 1588 года въ его первомъ изданіи, невозможно извлечь никакихъ указаній на какія-либо особыя связи Льва Сапѣги съ дѣломъ составленія этого кодекса. Они даютъ знать только то, что онъ былъ издателемъ Третьяго Литовскаго Статута въ печатномъ видѣ въ свѣтъ и сдѣлалъ это изданіе на свои личныя средства, но и съ сохраненіемъ за собою дохода отъ продажи его экземпляровъ.

Но Львомъ Сапѣгою, при его жизни, было выпущено не одно только изданіе Третьяго Литовскаго Статута, вышедшее въ 1588 году. Въ 1614 и 1619 годахъ въ той же Виленской типографіи Мамоничей, которая печатала первое изданіе Статута, были напечатаны по распоряженію Льва Сапѣги два новыхъ, въ которыхъ этотъ кодексъ былъ изданъ уже въ переводѣ на польскій языкъ. И изданіе 1614 года, и изданіе 1619 года были выпущены въ свѣтъ съ посвященіями ихъ самому Льву Сапѣгѣ, тогда уже канцлеру Великаго Княжества Литовскаго, и въ этихъ посвященіяхъ должны были быть полнѣе указаны его заслуги для Третьяго Литовскаго Статута, о которыхъ онъ самъ могъ умолчать въ приложеніяхъ къ первому изданію кодекса, написанныхъ имъ лично, или, по крайней мѣрѣ, по его указаніямъ и отъ его имени. Самому распространяться о своихъ заслугахъ, быть можетъ, ему было и неудобно. Наоборотъ, въ посвященіяхъ именно ему, надо думать, сказать о нихъ все, что было возможно, слѣдовало безусловно. Опустить что-либо изъ его заслугъ въ дѣлѣ Статута авторамъ посвященій нельзя было уже потому, что это могло бы его раздражить, а онъ былъ слишкомъ сильнымъ по своимъ положенію и вліянію человѣкомъ, чтобы на это можно было рѣшиться. Да и никакой причины для этого быть не могло. Типографія Мамоничей кромѣ того находилась, какъ увидимъ ниже,

даже въ прямой отъ него зависимости. Чтó же мы имѣемъ въ изданіяхъ 1614 и 1619 годовъ о сдѣланномъ Львомъ Сапѣгою для Литовскаго Статута 1588 года?

Подписанное именемъ Леона Мамонича посвященіе изданія 1614 года[1]) указываетъ лишь ту заслугу Льва Сапѣги по отношенію къ Третьему Литовскому Статуту, что онъ исправленный Статутъ приказалъ напечатать на русскомъ языкѣ[2]). Посвященіе изданія 1619 года, подписанное Бартоломеемъ Гавловицкимъ, прибавляетъ къ этой заслугѣ еще другую, а именно то, что Левъ Сапѣга, вмѣстѣ съ другими уполномоченными на то Великимъ Княжествомъ Литовскимъ лицами, представилъ Статутъ въ 1588 году Сигизмунду III-му „на коронаціи" его[3]). Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ изданіяхъ Статута, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни Льва Сапѣги, нѣтъ ни малѣйшаго намека на его заслуги въ дѣлѣ составленія этого кодекса.

Указаніе на эти заслуги, притомъ съ возможностью самаго широкаго ихъ пониманія, находимъ лишь въ изданіяхъ Третьяго Литовскаго Статута, вышедшихъ уже послѣ смерти Льва Сапѣги, въ XVII-мъ еще столѣтіи. Первое изъ этихъ изданій отдѣлено шестьюдесятью, второе ста пятью годами отъ вре-

---

[1]) „Jasnie Wielmoznemv Panv, Jego M. P. Leonowi Sapiezie Kanclerzowi W.X.L. Mohilowskiemv etc. Staroście, wielkiemu cnot wszelakich y nauk miłosnikowi y patronowi".

[2]) „Co gdyż tak iest, co tu o twoiey Jasnie Wielmożny M. P. pracey y staraniu rzekę kiedyś ieszcze na początkach radosnego a wszystkim dobrym pożądanego J. K. M. Pana naszego panowania W. X. Lit. Podkanclerzym iuż będąc na święte Bogu miłe y porządne odprawowanie sądow z wielką pochwałą a tego Wielkiego Xięstwa vżytklem poprawione y dobrze przeyżrzane Statuta W. X. Lit. Ruskim ięzykiem do druku podacieś kazał. Wielceś się zaiste W. M. moy Młościwy pan pod ten czas tym swoim chwalebnym a od wszystkiego W. X. L. dawno pożądanym aktem y Xięstwu y wszystkim w sprawiedliwości się świętey kochaiącym stanom przysłużył y w miłość a pochwałę długowieczną wiekom potomnym podał".

[3]) „Teraz że mi się podała wiadomość od Typographa K. J. M. Szlachetnego P. Leona Mamonicza a sługi W. M. m. M. P. iż Statut W. X. L. po wtorykroć po Polsku dla niedostatku exemplarzow w druk miał być dany ktory dobrze przedtym za wielką pracą W. M. m. M. P. y z inszemi na to naznaczonemi roku 1588. Krol J. M. szczęśliwie nam panuiący na koronacyey swey za prawo W. X. L. potwierdziwszy na odprawowanie sądow y czynienie sprawiedliwości podać raczył ktore W. M. m. M. P. staranie w Rzeczypospolitey wielki pożytek a sobie nieśmiertelną sławę i pamiątkę sprawiło".

мени утвержденія кодекса. Изданіе 1648 года посвящено королю Владиславу IV-му Іосифомъ Петровичемъ, который по распоряженію этого монарха присоединилъ къ тексту Статута дополняющія его конституціи Великаго Княжества Литовскаго. Издававшій же въ 1648 году Литовскій Статутъ Варшавскій типографъ Петръ Элертъ посвятилъ изданіе Литовскимъ канцлеру Альбрехту Станиславу Радивилу и подканцлеру Казимиру Льву Сапѣгѣ, сыну знаменитаго Льва. Въ этомъ послѣднемъ посвященіи говорится не только о славной памяти „великаго Льва", какъ „великаго сенатора", но и о желаніи издателя принести ему выраженіе своего почитанія. Въ своемъ посвященіи Элертъ и связалъ происхожденіе Литовскаго Статута 1588 года съ прославляемымъ имъ Львомъ Сапѣгою[1]). Но Петръ Элертъ едва ли можетъ быть признанъ компетентнымъ въ исторіи составленія Третьяго Литовскаго Статута. Варшавскій типографъ середины XVII столѣтія едва ли могъ имѣть лучшія о ней свѣдѣнія, чѣмъ Виленская типографія Мамоничей, выпустившая при жизни и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Льва Сапѣги три первыя изданія Статута 1588 года. Къ тому же желаніе возвеличить „великаго сенатора" возможно больше, естественно, увлекало Элерта и мало способствовало соблюденію имъ исторической точности. Что же касается изданія Статута, напечатаннаго въ 1693 году въ типографіи Виленской Академіи Общества Іисуса, то въ немъ издатели болѣе осторожно высказались о значеніи Льва Сапѣги для созданія кодекса, хотя и открывали весьма широкій просторъ для его пониманія. Изданіе 1693 года имѣетъ два посвященія: 1) Казимиру Яну[2]) и Бенедикту Павлу[3]) Сапѣгамъ и 2) Доминику Николаю[4]) и Каролю Станиславу[5]) Радивиламъ. Въ пер-

[1]) „Bacząc ia że nie tak pamięć wielkiego sławney pamięci Senatora J. M. P. Lwa Sapiehy Woiewody Wileńskiego, Hetmana Wielkiego W. X. Lit. iako copia Exemplarzow continuo temporis vsu, ktory edax rerum zawsze bywał defecit; . . . . . Tak pospolitey Xięstwa Lit. obsecundando prośbie, iako y Wmciom moim Mciwym Panom Wielkim Pieczętarzom (ktorych pro basi et fundamento wolności swych pospolite kładzie acroama) debitum officiorum meorum przynieść chcąc cultum posthumum, Wielkiego Lwa prowadzę in lucem regeneratum praelo partum, aby sera posteritas nie tylko manibus et oculis terere, ale y mentibus versare chciała tak wysokie sancita".

[2]) Виленскій воевода и гетманъ Великаго Княжества Литовскаго.

[3]) Подскарбій земскій и писарь Великаго Княжества Литовскаго.

[4]) Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго.

[5]) Подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго.

вомъ изъ этихъ посвященій, въ обычныхъ для того времени напыщенныхъ выраженіяхъ, говорится, что Левъ Сапѣга обрѣлъ Статутъ, это великое „сокровище", въ своемъ домѣ, какъ въ пребогатой сокровищницѣ сенаторскихъ и рыцарскихъ доблестей, и „офяровалъ" его Сигизмунду III-му[1]). Какъ нужно понимать это „обрѣтеніе" Статута, авторъ посвященія не опредѣляетъ и для его толкованія оставляетъ достаточно широкій просторъ, вплоть до признанія Льва Сапѣги творцомъ кодекса. Невольно напрашивается сомнѣніе въ томъ, что писавшее это посвященіе лицо имѣло какія-либо свѣдѣнія о составленіи Статута. Естественно возникаетъ мысль о томъ, что оно лишь старалось подъ напыщенными фразами скрыть дѣйствительное отсутствіе у него точныхъ знаній о сдѣланномъ для этого кодекса Львомъ Сапѣгою, имя котораго было съ нимъ связано въ общихъ представленіяхъ тогдашняго общества. Какъ бы то ни было, изданія Третьяго Литовскаго Статута, вышедшія въ 1648 и 1693 годахъ, ничего не говоря о работѣ надъ составленіемъ кодекса кого-либо кромѣ „великаго Льва", оба выдвигали его имя на первый планъ въ этомъ дѣлѣ. Конечно, въ обоихъ этихъ изданіяхъ были напечатаны и документы, опубликованные самимъ Сапѣгою при первомъ Мамоничскомъ изданіи Статута 1588 года[2]). Но, разумѣется, пользовавшіеся изданіями 1648 и 1693 годовъ люди не производили критическихъ разысканій о Львѣ Сапѣгѣ и оставались подъ впечатлѣніемъ посвященій этихъ двухъ изданій. А изданіе 1648 года прямо приписало ему созданіе Третьяго Литовскаго Статута, изданіе же 1693 года не только не опровергло этого, но, наоборотъ, неоп-

---

[1]) „ten skarb nieśmiertelney pamięci Lew Sapieha Wielki W. X. L. Pieczętarz, Jaśnie Wielmożny Wasz_Przodek, w Domu swoim Jaśnie Wielmożnym Iako in praedivite cnot Senatorskich y Rycerskich gazophylacio znalazł, a na ozdobę y wsparcie Oyczystych swobod, Naiaśnieyszemu Zygmunta III ofiarował Maiestatowi, lumen Justitiae in Solio, albo raczey in Sole Polono wystawuiąc, in decus Majestatis et Libertatis". Это посвященіе подписано: „Wśćiow J. W. W. Panow y Dobrodźieiow Wdźięczna Dobrodzieystw Typografia Wileńska Akademiey Societatis Jesv".

[2]) Въ изданіи 1648 года изъ нихъ были напечатаны посвященіе Сигизмунду III-му отъ Льва Сапѣги и утверждающій Статутъ привилей этого короля. Въ изданіи же 1693 года, кромѣ этихъ документовъ, были напечатаны также привилей Сигизмунда III Льву Сапѣгѣ на изданіе Статута въ печатномъ видѣ и обращеніе Сапѣги къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго.

редѣленностью и напыщенностью своихъ выраженій его закрѣпляло.

Въ изданіяхъ Третьяго Литовскаго Статута, вышедшихъ изъ Виленской Академической Типографіи Общества Іисуса въ 1744 и 1786 годахъ, кромѣ выданныхъ этой типографіи привилеевъ на изданіе Статута, напечатаны привилеи Сигизмунда III-го (отъ 11 февраля 1588 года — Льву Сапѣгѣ на изданіе кодекса въ печатномъ видѣ и отъ 28 января того же года — утвержденіе кодекса) и посвященіе Львомъ Сапѣгою изданія Статута Сигизмунду III-му, а также обращеніе Сапѣги къ станамъ Великаго Княжества Литовскаго. Исторія составленія Третьяго Литовскаго Статута была къ тому времени уже совершенно забыта, а эти приложенія къ его изданіямъ въ XVIII столѣтіи служили закрѣпленію увѣренности въ томъ, что Литовскій Статутъ 1588 года былъ „великимъ Львомъ“ и созданъ.

Такъ произошло представленіе о томъ, что Левъ Сапѣга былъ создателемъ Третьяго Литовскаго Статута, и этотъ кодексъ оказался связаннымъ только съ однимъ его именемъ. Дѣйствительное происхожденіе Статута, имена лицъ, надъ нимъ трудившихся, и даже весь шляхетскій „народъ“ Великаго Княжества Литовскаго въ работѣ надъ нимъ были забыты. Лишь одно имя, имя „великаго Льва“, какъ „Литовскаго Солона“, заслонило для послѣдующаго времени ихъ всѣхъ своимъ величіемъ. Закрѣпленное Когновицкимъ въ получившей такое большое распространеніе его біографіи Льва Сапѣги, это представленіе дожило и до настоящаго времени.

Но, какъ мы старались показать выше, надъ выработкою окончательной редакціи Третьяго Статута трудилась государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго. А если это было такъ, то, конечно, и главное руководство ея трудами, и общее ихъ направленіе находились въ рукахъ ея главы. Этимъ главою былъ Литовскій канцлеръ. Урядъ же канцлера Великаго Княжества Литовскаго въ годы составленія Статута до 1579 года занималъ Николай Юрьевичъ Радивилъ, а съ этого года, т. е. какъ разъ въ то время, когда работы государственной канцеляріи надъ Статутомъ становились все болѣе и болѣе интенсивными, Литовскимъ канцлеромъ былъ Евстафій Воловичъ, занимавшій раньше урядъ подканцлера, т. е. уже съ 1566 года, рядомъ съ Радивиломъ, руководившій Литовской кан-

целяріей. Именно этого дѣятеля Великаго Княжества Литовскаго мы и рѣшились бы выдвинуть на первый планъ, говоря о выполненной Литовской государственной канцеляріей работѣ по редакціи Третьяго Статута. Левъ Сапѣга имѣетъ свою, неотъемлемую отъ него, заслугу, издавъ Статутъ въ печати. Но въ составленіи его онъ принималъ участіе лишь вмѣстѣ со всѣмъ шляхетскимъ „народомъ" Великаго Княжества Литовскаго и какъ одинъ изъ чиновъ его государственной канцеляріи.

Изучая вопросъ объ участіи Льва Сапѣги въ составленіи Третьяго Литовскаго Статута, мы должны были частично войти въ разсмотрѣніе литературы объ этомъ законодательномъ памятникѣ Великаго Княжества Литовскаго. Болѣе полнымъ изученіемъ относящейся къ нему литературы, какъ и изученіемъ ряда вопросовъ, связанныхъ съ работою надъ нимъ его составителей, а также исторіей его утвержденія и изданія намъ придется уже заняться во второй части настоящаго нашего изслѣдованія.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
25	8 св.	,обецали	обецали,
74	14 св.	высокомѣр-ный тонъ	высокомѣрна-го тона
115	8 св.	niewątpiwie	niewątpliwie
121	12 св.	Эти	. Эти
127	15 св.	Литовске	Литовскіе
138	14 св.	w zystkich	wszystkich
—	16 св.	N emieckim	Niemieckim
—	18 св.	klólowi	królowi
149	13 сн.	иншьхъ	иншыхъ
163	19 сн.	артикула	артикула,
168	15 св.	копировалъ	копировалъ,
—	19 св.	артикулы	артикулы седь-мого раздѣла
169	16 св.	„поправъ“	„поправъ“,
182	1 сн.	развратное	развратное,
185	5 св.	утвержденіи	утвержденіи,
—	12 сн.	Витебскѣ	Витебскѣ,
—	9 сн.	Литовскомъ	Литовскомъ,
187	16 св.	Коммиссіи	Коммиссіи,
212	11 сн.	должа	должна
219	8 сн.	содержаніе:	содержаніе;
240	8 св.	честей	частей
241	1-2 сн.	po- ączenia	po- łączenia
242	13 св.	przystawa-jąc.	prżystawając,
243	9 св.	воеводства	воеводства,
249	14 сн.	везведенія	возведенія

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
255	18 св.	Люблина	Люблина,
258	15 сн.	еше	еще
262	9 сн.	однако	однако,
263	1 сн.	годовъ	годовъ.
267	19 сн.	, сти	сти
270	3 св.	какъ	такъ
294	8-9 св.	an-ässlich	an- lässlich
295	2-1 сн.	po- ityczne	po- lityczne
297	22 сн.	по	по-
311	5 св.	были	была
—	11 св.	доходившие	доходившія
317	1 св.	созданной	созданнаго
328	20 сн.	kiazi	kniazi
336	21 сн.	сеймо	сеймо-
—	17 сн.	своег-	своего
348	18 сн.	очертаніяхъ	очертаніяхъ.
372	8 сн.	означало	означало,
384	10 св.	1573 года	1574 года
385	5 св.	тутошнего	тутошнего,
389	10 сн.	Voi.	Vol.
401	13 сн.	сей	сей-
419	1 сн.	кеонечно	конечно
426	18 св.	студентамъ	студентамъ,
432	9 сн.	Lbhorsk	Lohorsk
442	4 сн.	donósić	donosić
--	3 сн.	Lithewskie-go,	Lithewskiego.
457	12 сн.	началѣ,	началѣ